

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Вяиковской 2-ой гимназии.

Шкафъ..... VII

Полка..... 5

№ по порядку..... 14

№ по инвент..... 1419

Harvard College
Library

THE GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

ПЕРМСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

СЪ 1263—1881 Г.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

съ 1263—1613.

Составилъ

Членъ разныхъ ученыхъ обществъ, Директоръ Народныхъ училищъ Пермской губерніи
Василій Шинкоко.

Изданіе печатано на средства Губернскаго Земства.

ПЕРМЬ.

Типографія Губернской Земской Управы.

1881.

Printed in Russia

Slav 3165.1.80 (1)
~~Slav 3200.5~~ ✓
✓

ПЕРМСКАЯ ГИСТОРИЯ

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
1881 L. 1888-8894270
C

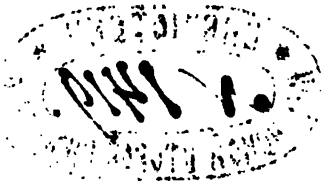
ПЕРМСКАЯ ГИСТОРИЯ

1893-1913

Допущено цензурой. С.-Петербургъ 10 августа 1881 г.
Восточный Шлях

Издано в Петербургѣ въ 1881 году

И. П. М. Р.

1881

ОГЛАВЛЕНИЕ

Периодъ перемы.

Периодъ перемы.

Стран.

	Стран.
Предисловіе	1.
Границы древней Пермїи. Описаніе Велыко-Пермїи въ нравственномъ отношеніи до просвѣщенія христіанскою вѣрою. Нравы Пермичевъ	1
1363 г.	6
1382 г.	8
1383 г.	—
1386 г.	11
1390 г.	12
1396 г.	—
1398 г.	17
1430 г.	19
1445 г.	20
1447 г.	—
1455 г.	21
1456 г.	23
1461 г.	—
1463 г.	25
1467 г.	26
1470 г.	—
1471 г.	—
1472 г.	27
1481 г.	30
1483 г.	31
1484 г.	—
1485 г.	—
1492 г.	32
1497 г.	—
1499 и 1501 г.	—
1502 г.	33
1503 г.	—
1504 г.	—
1505 г.	34
1514 г.	—
1517 г.	35
1520 г.	37
1525 г.	—
1531 г.	38
1533 г.	38
1546 г.	—
1547 г.	—
1552 г.	39
1553 г.	—
1554 г.	40
1555 г.	—
1556 г.	41

II

	<i>Стран.</i>
1557 г.	46
1558 г.	47
1560 г.	49
1561 г.	50
1563 г.	—
1564 г.	—
1566 г.	55
1567 г.	56
1568 г.	—
1570 г.	61
1572 г.	65
1572 и 1573 гг.	66
1573 г.	69
1574 г.	70
1576 г.	78
1577 и 1578 гг.	—
1578 и 1579 гг.	74
1580 г.	88
1581 г.	95
1582 и 1583 гг.	99
1583 г.	102
1584 г.	104
1585 г.	109
1586 г.	—
1587 г.	111
1588 г.	—
1589 г.	112
1590 г.	114
1591 г.	—
1592 г.	—
1594 г.	116
1595 г.	—
1596 г.	117
1597 г.	119
1598 г.	122
1599 г.	125
1600 г.	140
1601 г.	148
1602 г.	152
1603 г.	156
1604 г.	159
1605 г.	166
1605 и 1606 гг.	167
1606 г.	170
1607 г.	174
1608 г.	184
1609 г.	187
1610 г.	222
1611 г.	228
1612 г.	297

III.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ продолженіи почти 18-ти лѣтней моей службы въ Пермской губерніи, я собиралъ историческіе письменные памятники, относящіеся до Пермскаго края. Одни изъ нихъ помѣщены въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, другіе—напечатаны отдѣльными изданіями, при посредствѣ правительства, а третьи—хотя и приведены мною въ порядокъ, но остаются неизданными, между тѣмъ какъ они составляютъ историческій интересъ края.

Въ виду сохраненія ихъ, я, по имѣющимся у меня рукописямъ, а частію при пособіи библиотекъ Императорской публичной и академіи наукъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, получалъ на мѣсть, для пользованія, нѣкоторыя рукописи и такимъ образомъ составилъ Пермскую лѣтопись, обнимающую собою періодъ времени съ 1263 г. по настоящее время, которую, для удобства изученія историческихъ событій края, раздѣлялъ на слѣдующіе періоды:

- I періодъ, съ 1263—1613 г., т. е. до вступленія на престолъ дома Романовыхъ.
- II періодъ, съ 1613—1645 годъ, царствованіе Михаила Фёдоровича.
- III періодъ, съ 1645—1676 годъ, царствованіе Алексѣя Михайловича.
- IV періодъ, съ 1676—1682 годъ, царствованіе Фёдора Алексѣевича.
- V періодъ, съ 1682—1725 г., царствованіе Петра I.
- VI періодъ, съ 1725—1762 г., съ кончины Императора Петра I до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II.
- VII періодъ, съ 1763—1796 г., царствованіе Императрицы Екатерины II.
- VIII періодъ, съ 1796—1801 годъ, царствованіе Императора Павла I.

IX періодъ, съ 1801—1825 г., царствованіе Императора Александра I.

X періодъ, съ 1825—1855 годъ, царствованіе Императора Николая I.

XI періодъ, съ 1855—1881 г., царствованіе Императора Александра II.

Предлагаемая лѣтопись вмѣщаетъ въ себя, въ извлеченіи, по годамъ не только историческое развитіе городовъ, заводовъ, селъ и деревень, но и другія свѣдѣнія, основанныя частью на извѣстныхъ уже актахъ, а частью на мѣстныхъ записяхъ, памяткахъ и проч., съ обозначеніемъ мѣстами указанія источниковъ. Такимъ образомъ, означенная лѣтопись есть не болѣе какъ собраніе матеріаловъ самыхъ разнообразныхъ для будущаго историка края.

Представляя въ такомъ видѣ эту лѣтопись, я вѣротъ съ тѣмъ позволяю себѣ надѣяться, что, если въ ней найдутся какія либо неточныя записи событій, то заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица не откажутся сообщить мнѣ свои замѣчанія для исправленія ихъ, а также и свѣдѣнія, не вошедшія въ лѣтопись, кои будутъ изданы отдѣльно въ каждомъ періоду. Надѣюсь, что вкрапшіяся неточности не будутъ мнѣ поставлены въ вину, такъ какъ онѣ произошли не отъ небрежности моея къ труду, а единственно отъ неимѣнія въ моемъ пользованіи актовъ, опровергающихъ извѣстное историческое событіе, что въ такомъ громадномъ трудѣ, который нынѣ предстоитъ къ изданію, весьма возможно допустить, а въ особенности въ первомъ періодѣ настоящей лѣтописи.

Считаю необходимымъ высказаться, что причины, побудившія меня озаботиться изданіемъ Пермскаго лѣтописца, слѣдующія:

1) Многіе историческіе акты прошлыхъ столѣтій уже утрачены временемъ, судя по оставшимся однимъ лишь нумерамъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ существованіи въ архивѣ, но не оказывающимся; 2) другіе—истреблены бывшими пожарами, какъ это случилось и съ моими рукописями въ г. Екатеринбургѣ въ 1879 г., гдѣ сгорѣло не менѣе 70 папокъ, принадлежавшихъ мнѣ, въ числѣ коихъ погибла единственная въ Россіи рукопись „О пребываніи въ ссылкѣ несчастной царственной невѣсты Маріи Хлоповой въ Верхотурьи“; 3) погибли въ мелочныхъ лавочкахъ, гдѣ

они служили обертками при отпускѣ товаровъ, судя потому, что нѣкоторые изъ нихъ, мною случайно приобрѣтались въ Перми и Екатеринбургѣ и затѣмъ издавались. Къ такимъ документамъ принадлежатъ „Сошное письмо г. Чердыни“ съ его уѣздомъ, относящееся къ 1579 году и „Переписныя книги г. Осы съ уѣздомъ“ кн. Дашкова — 1678 года и, наконецъ, обнародованные въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, даже и тѣ становятся для историка недоступными... А потому сохранить для потомства уцѣлѣвшіе историческіе акты путемъ печати—единственно вѣрнымъ, въ высшей степени важно; но для этого требовались значительныя средства, которыхъ я не имѣлъ.—Тѣмъ не менѣе цѣль эта осуществляется, благодаря просвѣщенному содѣйствию—Пермскаго губернскаго земства, которое выразило готовность, въ лицѣ своего губернскаго предсѣдателя А. М. Суворова, издать составленную мною Пермскую лѣтопись на свои средства.

Подобныя жертвы со стороны земства, Императорскаго Казанскаго университета, академіи наукъ и др. учреждений и лицъ, кои не отказали мнѣ въ своемъ содѣйствіи предоставленіемъ матеріала, для пополненія пробѣловъ въ предлагаемой лѣтописи,—на пользу науки и края не имѣютъ нужды въ оцѣнкѣ!...

В. Шишонко,

Директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи и членъ разныхъ ученыхъ обществъ.

1881 г. февраля 14 дня.

Г. Пермь.

ГРАНИЦЫ ДРЕВНЕЙ ПЕРМИ.

Древняя Пермь, въ совокупности съ зырянами, граничила къ сѣверу съ самоѣдами, Ледовитымъ моремъ; къ востоку съ Уральскими горами и вогулами; къ югу съ башкирцами и вотяками; къ западу съ русскими городами: Великимъ Устюгомъ, Вологдою и Бѣлымъ моремъ.

Рѣки, орошавшія древнюю Пермю: Вымъ, Вычегда, Вишера, Уснема, Югъ, Сысолá, Луза, Сухона, Вага, Ёлва, Удора, Двина, Емма, Уса, Печера, Кама, Ламва, Лосѣва, Кѣса, Котосъ, Обва, Черная, Почка и Колва.

Города и селенія: Котласъ, Усть-Вымъ, Чердынь, Айжановское, Искорь, Гамъ, Пуглима, Князь-Погость (т. е. резиденція князя), пермскія села (безъ именъ на русскомъ языкѣ), или такъ называемыя городища.

Пермская страна преимущественно славилась соляными промыслами, строевымъ лѣсомъ, драгоценными мѣхами и серебромъ, извѣстнымъ подъ именемъ за-камскаго. (Истор. Карам. Том. VI, стр. 50).

Главнымъ и богатѣйшимъ промысломъ ея жителей было звѣроловство. Они убивали соболей, куницъ, рысей, медвѣдей и кожами ихъ, дарили часто русскихъ князей и вельможъ. (Истор. Карам. Том. VI, стр. 51).

Описаніе Велико-Перми въ нравственномъ отношеніи до просвѣщенія христіанскою вѣрою.

Религія Пермцевъ, Языческая религія Пермяновъ была самая грубая. Они, какъ говоритъ Никонова летопись, поклонялись солнцу, огню, водѣ, камнямъ, деревьямъ, животнымъ, волхвамъ и златой бабѣ. (Никон. лет. ч. IV, стр. 276 подъ 1306 годомъ). У зырянъ Усть-Вымскихъ и до нынѣ сохраняется преданіе (Истор. іерарх. Ч. VI, стр. 573), что первоначальная Архангельская церковь, построенная св. Стефаномъ, основана была престоломъ своимъ на пнѣ необыкновенно великой березы, коей идолопоклонствовавшіе предки ихъ поклонялись, и на коей въ жертву вѣшали они соболей, куницъ, горностаинные и прочіе звѣринные мѣха. Въ житіи св. Стефана повѣствуется, что у зырянъ были идолы и кумирницы. (Чет. Мин. апр. 26, час.) Бывшій Ярославскій и Вологодскій генералъ-губернаторъ Мельгуновъ точно отыскалъ въ зырянскихъ странахъ нѣсколько мѣдныхъ идоловъ, изображавшихъ большею частію звѣрей—соболей, лисицъ и проч., кои онъ и представилъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й. (Истор. іерарх. Ч. VI стр. 573). Впрочемъ, зыряне утверждаютъ, что идолы эти не зырянскіе, а вогулическіе, и даже не божества ихъ, а—жертвы, изъ мѣди вылитыя для приношенія идоламъ. Но какъ бы то ни было, при разломкѣ деревянной Архангельской церкви, действительно найденъ подъ престоломъ большой, углый и согнившій уже пень дерева, который зыряне изъ дочтенія къ древности весь разобрали себѣ по частямъ въ свои дома. Главными идолами народа Пермскаго были Воипель, и, такъ называемая, Золотая баба, или ка-

менное изображеніе старухи съ двумя младенцами. Пишутъ, что суевѣрные убивали лучшихъ своихъ оленей въ честь Золотой бабы и крою ихъ намазывали ей ротъ и глаза. (Истор. Карам. Томъ V, стр. 109).

Просвѣщеніе Пермиковъ. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, въ своихъ Четь-Минеехъ умалчалъ о неизвѣстности пермякамъ грамоты, можетъ быть, зная, что пермяне еще съ Владиміровыхъ временъ, будучи въ торговыхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ, и часто видѣвъ у себя новгородскихъ купцовъ, а послѣ сдѣлавшись и подданными великаго князя московскаго, по крайней мѣрѣ, не могли не имѣть понятія о письменахъ. И въ самомъ жизнеописаніи Стефановѣ сказано, что онъ, отправясь на проповѣдь къ пермякамъ, взялъ изъ Москвы къ нимъ грамоты, т. е. указы, или охранныя предписанія, и пермяне боялись убить его, яко изъ Москвы пришедшаго и грамоты нмущаго. (Чет. Мин., стр. 26 ч. ск. о Стефанѣ Велико-Перискомъ). Слѣдовательно, пермяне и, по крайней мѣрѣ, старшины ихъ и наставники имѣли понятіе о письменахъ русскихъ. Шлецеръ въ своемъ Несторѣ, говоря о Перми, хотя и считаетъ исландскія извѣстія о ней баснословными, но признаетъ, что пермяне были нѣкогда самобытный, великій, долгое время свободный и не совсѣмъ не просвѣщенный народъ. (Истор. Словарь о писат. Русс. Церк. статья: Стефанъ Велик-Периск.) Изъ споровъ ихъ со св. Стефаномъ о вѣрѣ, свѣдѣній ихъ о сотвореніи міра, объ Адамѣ, раздѣленіи языковъ и объ отдаленныхъ отъ нихъ народахъ, какъ напр.: татарахъ, грекахъ, нѣмцахъ, литвѣ, видно также, что они не были совсѣмъ невѣжды.

Права Пермиковъ. О правахъ пермяковъ, на основаніи свидѣтельствъ исторіи, можно сказать то, что это былъ народъ грубый, упрямый, своевольный. Воспитываясь въ духѣ грубѣйшей языческой религіи и веда непрестанную борьбу съ жестокостію климата и суровостію природы, они, какъ бы по необходимости, образовали таковыя свойства своего характера. У нихъ въ обыкновеніи было право мести, незаконные браки, безчинныя празднества въ честь своихъ идоловъ. Въ этоѣ увѣряютъ не только происхожденіе ихъ изъ финскаго племени, но историческіе памятники.

1263 годъ.

Въ 1263 году въ двухъ грамотахъ, данныхъ новгородцами Великому Князю Ярославу Ярославичу, преемнику Невскаго, находимъ первое упоминаніе о странѣ Пермской, какъ подвластной новгородцамъ,—въ грамотахъ она названа *Перемь*. (Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ т. I № 1). Съ этого времени новгородцы вошли въ правильныя и постоянныя сношенія съ племенами зауральскими и вывозили оттуда мѣха собольи и куньи, золото, серебро и узорчья. (Газ. Сѣв. Пч. 1845 г. № 5). Чтобы навсегда утвердиться въ завоеванной землѣ, новгородцы должны были занимать здѣсь земли, покупая ихъ у туземцевъ, или укрѣпляясь силою оружія. (Пан. кн. Арх. губ. на 1864 г., стр. 2).

Примечаніе. По словамъ самаго древнѣйшаго Венгерскаго лѣтописца Анонима Велье, на сѣверѣ Россіи, отъ Ледовитаго моря до рѣки Оби (Обь по остатку «ась»—значитъ дѣдушка,

равно какъ и по венгерски. отъ (лит. отъ); отъ живинна: Оби—Ась остяки сами себя зовутъ Ась-яхъ—Обские люди, отъ чего и произошло русское остяки) въ до-русскія времена жительствоваля могущественный и многочисленный народъ. Часть страны, занимаемой этими народами, была Великая Пермь, русскія лѣтописей, Бюромъ славнаго англо-саксонскаго мореплавателя Отгера, жившаго во времена англійскаго короля Альфреда Великаго, и Биармалавъ—исландскія сать. (Объ угорскомъ народѣ. Д. П. Евровецъ. Спб. 1874 г.).

Пермяки, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ Несторъ, живутъ и до настоящаго времени въ сѣверной части Пермской губерціи, но со стороны Уральскаго хребта, а р. Печера, какъ извѣстно, притекаетъ въ сѣверной части Чердынскаго уѣзда.

Названіе Пермь, нынѣ живущимъ пермякамъ не было извѣстно, такъ какъ они себя называютъ коми-отиръ, т. е. народъ коми-рыбобды. Знатки зырянскаго языка, названіе Перми производятъ отъ слова Парма—горы, поросшей лѣсомъ, (Город. посел. ч. III), другіе отъ финскаго слова пайрма—украина. Последнее значеніе даетъ понятіе о томъ, что Пермь считалась жителями украинны финскаго міра. (Мушкет. Кунам. пригвѣ. 198). Чулковъ, (Описаніе коммерціи Россіи т. I, стр. 95 и Списокъ о населен. мѣст. Россіи), основываясь на древнихъ историческихъ актахъ, между прочимъ, говоритъ: „Пермія или Биармія далече простиралась до Бѣлаго моря вверхъ около Двины рѣки, гдѣ обиталъ народъ Чудской, сильный. Купечествоваля дорогими звѣринными кожами съ датчанами и другими нормандами. Мореплаватели входили въ Сѣверную Двину съ моря морскими судами, гдѣ лѣтомъ бывало многочисленное и славное торжище, по всей вѣроятности, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ городъ Холмогоры, бывшій нѣкогда столицею древней Биарміи. Изъ древняго города Чердыни, котораго и нынѣ знатныя развалины еще видимы и гдѣ находятъ множество золотыхъ и серебряныхъ вещей,—въ Сѣверный океанъ рѣкою Печерою, а въ заливъ онаго или Бѣлое море—Двиною, также и изъ Скинскаго или Мурманскаго моря въ оныя города ходили купеческія караваны. А иногда, индійскіе и персидскіе купцы изъ Каспійскаго моря рѣками Волгою, Камюю, Печерою и Двиною въ Сѣверный океанъ, или по тогдашнему названію, въ Скинское море, для торговли съ Швеціею, Норвегіею и прочими государствами приходили. Даже есть извѣстіе, что конунги норвежскіе и датскіе женились на пермскихъ царевнахъ, а изъ отъказа руки ихъ происходили битвы и единоборства“. (Населен. мѣст. Перм. губ.). Страна, занимаемая нынѣшней Пермскою губерніею, въ до-русскія времена была заселена народами, стоящими на степени нѣкоторой цивилизаціи, что доказывается металлическими вещами, находимыми въ городищахъ, преимущественно по берегамъ рѣкъ Камы, Иргины и др.; а также и монетами древнихъ арабскихъ халифовъ и что, по замѣчанію извѣстнаго нашего археолога П. С. Савельева, все это едва-ли можно приписать слѣпому случаю находенія ихъ. Въ заключеніе скажемъ, что эти археологическія находки и изслѣдованія ихъ откроютъ намъ до сихъ поръ почти совершенно забытое, сильное государство, нѣкогда находившееся на великомъ

пространствѣ сѣвера и покажутъ древне-историческую связь между Россією, Финляндією и Скандинавією.

Примѣчаніе. Въ рукоп. исторіи Вятчанъ Веттомова говорится, что нѣкоторые жители Новгородской области, накутивъ внутренними раздорами и тѣсными возраставшимъ многолюдствомъ, рѣшились въ 1174 году оставить отечество. На берегахъ Камы они завели первое *Славянское поселеніе*, а отсюда разошлись въ равныя стороны для завоеваній; часть ихъ пошла къ сѣверу, въ устью рѣчки Осы, а другіе пошли по рѣкѣ Чепцѣ черезъ горы и достигли рѣки Вятки. Это сказаніе согласуется съ Хлыновскою лѣтописью, полученною въ 1770 году академикомъ Рычковымъ (Дневн. зап. Рычкова 1770 г. стр. 30—50) отъ жителей города Хлынова (Вятки). По замѣч. г. Штиглица, это сказаніе довольно правдоподобно и нисколько не противорѣчитъ ни характеру, ни духу предпріимчивости новгородцевъ,—тѣмъ болѣе, что мѣстность города Осы ставится известною еще во времена Грознаго, когда тамъ, на такъ называемомъ Осинскомъ городищѣ, завелена была Ново-Никольская слободка. (Поповъ. Хозяйствен. опис. Пермск. губ. ч. III; Городск. посел. т. II). Можетъ быть это Осинское городище и было первое славянское населеніе въ предѣлахъ Пермской губерніи. (Списк. населен. мѣстъ Пермск. губ.). Впрочемъ, нѣтъ сомнѣній, что новгородцы гдѣ нибудь да жили здѣсь. По преданію, близъ *Полудова камня*, что въ Чердынскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Вишеры, жилъ въ древности нѣкто *Полудъ*, замѣчательный необыкновенною силою. (Поповъ. Хозяйствен. опис. Пермск. губ. ч. I, стр. 61). Въ 1268 году, въ числѣ новгородскихъ гражданъ упоминается *Полудъ* (Полн. собр. лѣт. ч. II, стр. 60) а потому не было ли здѣсь новгородское поселеніе, во главѣ котораго стоялъ одинокъ, нѣтъ фамиліи упомянутаго гражданина? Это предположеніе можно допустить съ большею вѣроятностію, такъ какъ новгородскія лѣтописи вносили на свои страницы фамиліи только людей знатныхъ и богатыхъ, а *Полудъ* могъ вести значительную торговлю съ отдаленнымъ востокомъ. Въ половинѣ же XV ст. уже Калмычниковы посадскіе люди нѣсли свои солданы промысла по рѣкѣ Воровой и р. Камѣ. (Населен. мѣст. Пермск. губ.).

1332 годъ.

Подъ этимъ годомъ стало извѣстно *за-камское серебро* (Новгородск. лѣт.)—„... Великій князь Иванъ приде изъ орды, и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра за-камскаго“... (Полн. собр. лѣт. т. III, стр. 76).

Примѣчаніе. Что подъ за-камскимъ серебромъ въ то отдаленное время разумѣли—положительно сказать трудно: находилось-ли оно въ области Камы или же оно доставлялось при-камскимъ жителямъ изъ др. мѣстъ? Первое предположеніе невозможно допустить, такъ какъ и въ настоящее время Уралъ не доставляетъ серебра. Впрочемъ, въ Соликамскомъ уѣздѣ существуетъ преданіе, что вверхъ по р. Яйвѣ есть серебряныя руды, кои будто-бы были извѣстны еще чудакамъ,—но до сихъ-поръ не нашли тамъ никакихъ слѣдовъ этихъ рудъ. (Пермск. сборн. кн. 1, пр. 8). Вѣрнѣе предположить, что серебро доставлялось откуда нибудь изъ др. странъ.

1383 годъ.

Послѣ семидѣтнихъ проповѣдническихъ трудовъ слова Божія между язычниками въ Пермской землѣ, св. Стефанъ отправился въ Москву съ донесеніемъ объ успѣхѣ своей проповѣди. Прибывъ въ Москву, въ 1383 году, пос-

лѣ Куликовской битвы, онъ просилъ себѣ помощниковъ. „Жатвы много, говоритъ святитель, а дѣлателей мало; потому молимъ господина жатвы, да изведетъ дѣлателей на жертву свою, да будутъ мнѣ помощники и пособники въ дѣлѣ проповѣданія.“ Непредупрежденный умъ заранѣе могъ предвидѣть плоды этого путешествія. Немного было въ Москвѣ людей, которые „скуде суще уможь, рѣша: почто сотворена суть книги пермскія грамоты? И прежь сего, издавна, во Перми не было грамоты. Аще-ли и ее требѣ бысть, достояше паче Русская, готова суца грамота.“ (Жизнеоп. св. Стефана). Такъ говорили только зависть и невѣжество. Лучшіе люди того времени относились съ сочувствіемъ къ апостолу пермскому, удивлялись его успѣхамъ въ обращеніи язычниковъ, а правительство и духовное и гражданское любило св. Стефана, какъ пастыря добраго, своими мудрыми мѣрами утвердившаго слова истины между народомъ дикимъ и свирѣпымъ. При вопросѣ объ учрежденіи Пермской епископіи, взоры всѣхъ благонамѣренныхъ лицъ естественно были обращены на св. Стефана. „Кому лучше и приличнѣе быть епископомъ Перми, какъ не тому, кто просвѣщаетъ ее вѣрою, знаетъ всѣ ея нужды, знаетъ даже языкъ, обычаи въ ней и самое идолослуженіе“? (Сказ. о жизни и трудахъ св. Стеф. еп. Пермск. А. М. стр. 24). Такъ разсуждало правительство, и когда митрополитъ Пимень, высказавъ предъ великимъ княземъ опытность и ревность просвѣтителя Пермскаго, изъявилъ желаніе поставить его епископомъ Великой Перми, великому князю злыо за честь поставленіе его (Стефана): *бѣ бо знаемъ злыо Стефанъ, и любяще издавна.* (Слова жизнеоп. Епифанія; ср. ист. Росс. іерархіи ч. IV, стр. 571), Росс. іерархіи ч. IV, стр. 571) Такимъ образомъ онъ поставленъ *Пермскимъ епископомъ.* (Пермскія епархіальн. вѣдом. за 1867 годъ ст. Е. А. Вудрина). Такъ была основана *Пермская епископія* съ епископской каведрой въ Усть-Вымѣ, гдѣ при кафедральной церкви Благовѣщенія устроенъ домовый Архангельскій монастырь съ домомъ для бѣдныхъ сиротъ и священниковъ. На содержаніе архіерейскаго дома была отдана вся Усть-Вымская волость—великимъ княземъ Дмитріемъ Иоанновичемъ, съ ея богатыми пашнями и лугами. Далѣе, хотя туземцамъ и предоставлена безноплинная торговля, но съ пріѣзжавшихъ въ Пермь купцовъ и промышленниковъ собираемая прежде пошлина въ великокняжескую казну, предоставлена Пермскому владыкѣ съ братією. (Сказ. о жизни и труд. Стефана еп. Пермскаго А. М. стр. 25 и Пермск. епархіальн. вѣдом. за 1868 годъ). Съ учрежденіемъ епархіи все ожило. Св. Стефанъ прежде всего обратилъ вниманіе на училища „и научи Стефанъ грамотѣ перметей, заповѣдуя учити часословець и осмогласнѣиъ и пѣсница Давидова, желая оныхъ въ поны поставити, оныхъ во діаконы, и писати ихъ научи пермскія книги.“ (Тамъ-же). Приготовивъ къ священнослуженію, святитель посвящалъ природныхъ зырянъ въ причетники, діаконы и священники, которые успѣшно стали распространять христіанство, такъ какъ они знали мѣстный языкъ, обычаи и недостатки своихъ соотечественниковъ.—Въ обители Стефановской (что въ Вологодск. губ.) въ продолженіи 300 лѣтъ послѣ св. Стефана пѣли церковную службу на зырянскомъ языкѣ” (Тамъ-же).

Примѣчаніе. Просвѣтителемъ земли Пермской былъ юный монахъ, родомъ изъ Устюга, именемъ *Стефанъ*. (Отецъ Стефана, прозваннаго *Храпомъ*, именовался Симеономъ, а мать Марією. Арсентій, Епископъ Ростовскій, посвятилъ его въ діаконы, а Герасимъ Коломенскій въ священники. (См. Миней Четв. Апр. 26. Степ. книг. I. 524 - 525, и Роств. Лѣт. подъ г. 1396). Воспламененный ревностію къ обращенію идолопоклонниковъ, онъ выучился языку пермскому, изобрѣлъ для него азбуку, перевелъ главныя книги деревянныя съ славянскаго; хотѣлъ также узнать языкъ греческій и долго жилъ въ Ростовскомъ монастырѣ Св. Григорія Воголова, чтобы пользоваться тамошнюю бібліотекою. Изготовивъ себя ко званію народнаго учителя, онъ вліялъ благословеніе отъ коломенскаго епископа Герасима, намѣстника митрополит. великокняжескія грамоты для своей безопасности, оторвался въ Пермь, и началъ проповѣдывать Бога истиннаго людямъ грубымъ невѣждамъ, по добродушнымъ. Одни слушали его съ изумленіемъ; иѣкоторые крестились охотно; другіе, въ особенности жрецы или кудесники пермскіе, встревоженные этою новостію, говорили: «Какъ вѣрить человѣку, изъ Москвы пришедшему? Не Россіане ли издревле угнетаютъ Пермь тяжкими данями? Отъ нихъ-ли ждать намъ истинны и добра? Служа многимъ богамъ отечественнымъ, извѣданнымъ благодѣяніями долговременными, безумно промѣнять ихъ на одного чуждаго и неизвѣстнаго. Они посылаютъ намъ соболей, куницъ и рысей, кони вельюжи русскіе украшаются, торгуютъ и дарятъ хановъ, грековъ и нѣмцевъ. Народъ! твой учителя суть оштыне старцы; а сей иноплеменикъ юнъ лѣтами, слѣдственно и разумомъ». (См. Ист. Госуд. Россійс. Каравина Т. V гл. I стр. 64.). Но Стефанъ, подъ защитою княжескихъ громъ, неба и своей кротости болѣе и болѣе успѣвалъ въ душеспасительномъ дѣлѣ. Мѣстное преданіе говоритъ, что Св. Стефанъ съ евангельскимъ ученіемъ далеко простирался отъ своего главнаго мѣстопребыванія - Усть-Выми. (Усть-Вымъ нынѣ находится въ Вологодской губерніи, на правомъ берегу рѣки Выми, въ 85 верстахъ отъ Яренска по дорогѣ къ Усть-Сысольску), такъ что по рѣкамъ Вычегдѣ, Сысолѣ и Лузѣ онъ доходилъ до самыхъ предѣловъ Чердыни, называвшейся прежде Старою, а потомъ Великою Пермью, (пока Усть-Вымъ былъ главнымъ епархіальнымъ городомъ, до тѣхъ поръ область принадлежавшая къ нему, именовалась Великою Пермью, а управлявшие ею святители -- Велико-Пермскими. Въ это время Чердынская область называлась, въ отличіе отъ Великой Перми, Старою Пермью, а послѣ того, вмѣсто Усть-Выми, какъ городъ Чердыни, такъ и весь уѣздъ его назывались Великою Пермью, и святители, управлявшие этою областію, *Велико-Пермскими*). (Жун. Мин. Нар. Просв. 1857. февраль, стр. 227 - 228),—и могъ въ ней положить сѣмена христіанства самъ или чрезъ своихъ сотрудниковъ. Умножа число новыхъ христіанъ до тысячи, онъ построилъ близъ устья рѣки Выми церковь и славилъ Творца вселенныя на языкѣ пермскомъ; а жители, самые упорные въ язычествѣ, съ любопытствомъ смотрѣли на обрядъ христіанскаго служенія, дивясь красотѣ храма. Кудесники или жрецы старались вооружить противъ него народъ: Стефанъ кротостію, умомъ и смиреніемъ заслужилъ общую любовь и довѣріе. Идолы были вездѣ разрушаемы; кумирницы преданы огню; мѣсто ихъ заступали его храмы. Такъ, создавъ еще двѣ церкви, Стефанъ завелъ при оныхъ училища, чтобы образовывать молодыхъ людей для сана іерейскаго, и поѣхалъ въ Москву требовать учрежденія особенной епископіи Пермской. Великій князь Дмитрій Іоанновичъ лично зпалъ и любилъ его. Митрополитъ Пименъ также. Они назвали Стефана достойнымъ епископскаго сана, и сей новый Святитель, возвратясь въ землю, имъ просвѣщенную, заслужилъ имя отца пермякъ; училъ, благодѣтельствовалъ, во время голода доставлялъ имъ хлѣбъ изъ Вологды, и ѣздилъ въ Новгородъ ходатайствовать за нихъ у правительствъ. Народъ благодарный донынѣ съ любовью говоритъ о дѣлахъ своего перваго наставника; описаннымъ именемъ Еуифаніемъ, ученикомъ св. Сергія. Онъ скончался въ 1396 году и причисленъ церковью къ лику святыхъ. О кончинѣ его въ лѣтописяхъ сказано:— «*Апріліа въ 26 день преставился еписк. Перм. Стеф., и положенъ бысть въ Москвѣ въ монастырѣ Спаса, за стѣною..... ему же на великомъ Соборѣ по вся году возглашаютъ стѣнную память.....*»

Новопоставленный епископъ св. Стефанъ изъ Москвы возвратился въ свою новую епархію. По дорогѣ онъ посѣтилъ свой родной городъ Великій-Устюгъ, гдѣ приняли его съ торжествомъ. „Все духовенство вышло къ нему на встрѣчу съ хоругвями и иконами, при звонѣ колоколовъ, а граждане—съ хлѣбомъ—солью. Въ родномъ городѣ богатые и бѣдные приносили ему по-сильные дары для построения и украшенія вновь создаваемыхъ церквей. Наконецъ, поклонившись гробницамъ своихъ родителей и старца Проконія, святитель продолжалъ путь далѣе.

Новообращенные зыряне также съ радостію встрѣтили св. Стефана. Они толпами выходили къ нему на встрѣчу, цѣловали его одежду и плакали отъ радости.

Множество устныхъ преданій передается изъ рода въ родъ между Пермьями о его пребываніи въ землѣ Пермской. Такъ рассказываютъ, что въ селѣ Туглимиѣ, верстахъ въ 25 ниже Яренска, одна женщина, видя худую обувь Праведника, дала ему бѣлья отъ своихъ женскихъ трудовъ; святой въ благодарность изрекъ, что это мѣсто будетъ торговое; и въ самомъ дѣлѣ, хотя положеніе селенія не представляетъ никакихъ мѣстныхъ особенныхъ выгодъ, здѣсь изстари существуетъ нѣсколько ежегодныхъ ярмарокъ. Выше Яренска, тоже верстахъ въ 30 отъ города и на правомъ берегу Вычегды, есть большое селеніе Гамъ: говорятъ, что жители его извѣстны подъ именемъ Гамичей, по удаленіи св. Стефана далѣе вверхъ, снова обратились къ языческимъ обычаямъ, и когда праведный мужъ возвращался назадъ мимо ихъ рѣкою, смѣясь кричали ему, что они опять ѣдятъ бѣлокъ: Святой болѣзновалъ горько о невѣждахъ и назвалъ ихъ слѣпымъ родомъ; съ тѣхъ поръ до нынѣ вси волость называется презрительно „слѣпой Гамъ.“

1386 годъ.

Епископъ Стефанъ былъ истиннымъ пастыремъ своего стада: онъ заботился не только объ утвержденіи и распространеніи вѣры Христовой, не только о духовномъ благѣ своей паствы, но и о внѣшнемъ ея благосостояніи. Исполненный духа христіанскаго братолюбія, онъ любилъ подавать милостыню, „страннолюбіе, нищекорміе и гостемъ учрежденіе творити.“ Онъ помогалъ народу въ нуждахъ, ходатайствовалъ за него въ Устюгѣ, Новгородѣ и передъ великимъ княземъ, ходатайствовалъ за пермянь предъ боярами и начальниками, которые отягачали ихъ налогами, защищалъ ихъ отъ великокняжескихъ тиуновъ и сборщиковъ податей и являлся защитникомъ Пермянь отъ внѣшнихъ враговъ: отъ новгородской вольницы, извѣстной подъ названіемъ „ушкуйниковъ,“ которая нерѣдко отправлялась тогда пограбить беззащитныхъ жителей Пермской земли, отъ вогуловъ, вятчанъ и др. Много разъ, особенно въ неурожайные годы, привозилъ на ладьяхъ хлѣбъ изъ Вологды въ Пермь и все это раздавалъ нуждающимся. Такъ, въ 1386 году ѣздилъ съ ходатайствомъ за Пермянь въ Новгородъ съ просьбою, чтобы воль-

лица новгородская не дѣлала набѣговъ на пермскія области. — (Святый Стефанъ Пермскій П. Д. Шестаковъ 1868 г.).

1390 годъ.

Святитель Стефанъ, епископъ Велико-Пермскій, предпринялъ путешествіе въ Москву къ великому князю.

Примѣчаніе. Это путешествіе въ Москву святителя ознаменовано было замѣчательнымъ событіемъ, ясно свидѣтельствующимъ, что на Стефанѣ видимо пребывала благодать Божія. Передадимъ это событіе подлинными словами четій-миней: «Епископъ Пермскій св. Стефанъ однажды ѣхалъ изъ своей епископш въ Москву; онъ спѣшилъ къ городу и потому въ это время не рассчитывалъ быть въ обители св. Сергія Радонежскаго. Но, бывши противъ монастыря, святитель всталъ съ колесницы и, прочтя «достойно есть» и сотворивъ обычную молитву, поклонился заочно Сергію преподобному, и сказалъ:

— Миръ тебѣ, духовный братъ!

Въ то время святый Сергій былъ за трапезою. Разумѣя духовъ привѣтствія святителя, онъ въ ту минуту всталъ отъ трапезы и, сотворивъ молитву, поклонился святителю, бывшему далеко отъ обители, и сказалъ:

— Радуйся и ты, пастырь стада Христова, и миръ Божій да пребываетъ съ тобой!

Братія удивились и по окончаніи трапезы спросили св. Сергія. Онъ сказалъ имъ:

— Въ этотъ часъ епископъ Стефанъ, идя путемъ къ Москвѣ, сталъ противъ монастыря нашего и поклонился св. Троицѣ и благословилъ насъ грѣшныхъ!—Трепетъ священикаго благоговѣнія, по словамъ П. Д. Шестакова, невольно проникаетъ сердце върущаго при фактѣ такого чудеснаго сочувствія самихъ сподвижниковъ Божіихъ. Какое благодатное впечатлѣніе должна была производить на свѣтлыхъ сослужащихъ Сергія и Стефана благодатная прозорливость ихъ духовныхъ пастырей и учителей?!

1396 годъ.

Въ 1396 году прибывъ въ Москву по дѣламъ своей епархіи, св. Стефанъ заболѣлъ и преставился ко Господу. Тѣло его погребено въ кремлѣ въ церкви Спаса на Бору. Св. Стефанъ каедру основалъ въ Усть-Вымѣ, принадлежавшемъ нынѣ къ Яренскому уѣзду Вологодской губерніи; и какъ самъ, такъ и его ближайшіе преемники именовались *Епископами Велико-Пермскими*, хотя совершенное обращеніе Великой Перміи или Чердыни послѣдовало уже при 4-мъ его преемникѣ епископѣ Іонѣ. (Пермск. епарх. вѣдом. 1868 г. стран. 104 и 105).

Не считаемъ излишнимъ замѣтить, что святитель въ годъ своей смерти былъ вызванъ въ Москву. Съ сожалѣніемъ онъ раставался съ своею любимою паствою, какъ бы предчувствуя близкую свою кончину. Прощаясь съ народомъ, предъ своимъ отъѣздомъ, онъ сказалъ имъ слѣдующее поучительное слово, которое было часто прерываемо всеобщимъ плачемъ.

„Братья, отцы и чада, мужи земли Пермской!“ говорилъ св. Стефанъ, „мы должны благодарить Господа нашего, просвѣтившаго насъ свѣтомъ вѣры.

„Вы теперь поработились Богу; оставивъ тьму, вы облеклись въ свѣтъ, и призваны въ свободу и славу чадъ Божіихъ. И такъ, постарайтесь понять волю Господню и заповѣдь Его о любви къ Богу и ближнему. Св. Іоаннъ Бого-слово говоритъ: „кто утверждаетъ, что онъ любитъ Бога, но не любитъ брата своего, тотъ лжетъ. Дѣлайте благое на основаніи вѣры, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Не будьте младенцы умою, но будьте совершенны разумомъ, достойны званія своего, испытывая, что угодно Богу. Да не увлечется никто изъ васъ ложнымъ ученіемъ, а если кто и впадаетъ въ такое прегрѣшеніе, то лучшіе между вами да утверждаютъ его духомъ истинности. Другъ за друга тяготы носите, и такъ исполните законъ Христовъ. Последнее слово говорю вамъ словами апостола Павла: се нынѣ, братія, предаю васъ Богу и слову благодати Его, могущему спасти васъ, ибо Онъ есть Спасъ нашъ, и Ему слава во вѣки, аминь.“

Слезы и рыданія всѣхъ присутствовавшихъ часто заглушали рѣчь св. Стефана. Онъ самъ плакалъ вмѣстѣ съ своею паствою.

Возблагодаривъ Господа за помощь Его, св. Стефанъ въ молитвѣ просилъ Бога защитить и охранить просвѣщенные имъ племена:

„Призри на людей сихъ новобращенныхъ,“ говорилъ онъ, „на словесныхъ овецъ, мною недостойнымъ, приведенныхъ въ вѣру Твою. Освяти души ихъ Твоею благодатію, дай имъ всячески творить правду Твою, укрѣпи ихъ въ православной вѣрѣ и утверди въ нихъ завѣтъ Твой. Не лиши ихъ Твоей помощи, дабы, слодобившись здѣсь на землѣ жить въ преподобіи и правдѣ, и въ будущемъ вѣкѣ возмогли они быть наследниками вѣчныхъ благъ.“

Примѣч. 1. Для полноты нашего труда представимъ описаніе святительскаго посоха еп. Великоперскаго Стефана; описаніе это заимствовано изъ сказ. о жизни и труд. св. Стефана, еп. Перм. А. М. стр. 31. Они невѣрны възрадоваса о смерти, читаемъ на посохѣ св. Стефана. Здѣсь кстати упомянемъ объ этомъ посохѣ, хранящемся нынѣ въ ризницѣ Перскаго кафедральнаго собора. Посохъ присланъ былъ въ Пермскій кафедральный соборъ, при слѣдующемъ указѣ св. прав. Синода, отъ 10 октября 1849 года, преосвященному Аркадію архіепископу Пермскому: «Святѣйшій правит. синодъ слушалъ рапортъ синодальнаго члена, преосвященнаго Іосифа, архіепископа Литовскаго, о томъ, что при посѣщеніи Супрасльскаго монастыря, онъ нѣсколько разъ видѣлъ хранящійся въ ризницѣ его посохъ святаго Стефана Перскаго, какъ можно заключить изъ рѣзной надписи. Онъ деревянный, но весь обложенъ костью, покрытою самою мелкою рѣзью. Онъ непогнѣнный, какъ нишетъ Далматовъ; но многія костяныя частицы оцали и пропали. Ненавѣстно вовсе, когда и какимъ образомъ достался этотъ посохъ Супрасльскому монастырю;—онъ полагаетъ, что это случилось послѣ тяжкихъ смутъ при самозванцахъ, когда весьма многое разграблено въ Россіи и вывезено въ Польшу; для ближайшаго усмотрѣнія и оцѣненія этой древности, онъ поставилъ нынѣ же въ обязанность преосвященному Игнатію викарію его, чтобы онъ вытребовалъ ее изъ Супрасльскаго монастыря и представилъ прямо отъ себя святѣйшему Синоду въ надлежущей сохранности. Что касается уступки сказаннаго посоха Пермскому кафедральному собору,—то объ этомъ ему докладывалъ словесно преосвященный Игнатій въ бытность его въ Виднѣ, и онъ сказалъ, что это можно сдѣлать, а насчетъ требуемаго монастыремъ вознагражденія добавилъ, что и это не будетъ лишнимъ, не столько въ видѣ вознагражденія, сколько взаимнаго пожертвованія,—но какое именно потребуется

монастырем вознаграждение, ему было неизвестно. Донося о томъ святѣйшему Синоду, онъ, преосвященный Иосифъ, присовокупляетъ, что онъ не находитъ никакого препятствія къ передачѣ сказаннаго посоха Пермскому кафедральному собору, если на это будетъ воля святѣйшаго Синода. Но съ другой стороны признаетъ справедливымъ и требованіе Супрасльскаго монастыря о вознагражденіи онаго. Этотъ посохъ; не какъ святиня, а какъ археологическая національная древность, имѣетъ сама по себѣ большую цѣнность. Богатая же пермская шата, онъ надѣется, не найдетъ для себя тягостнымъ пособить, стѣсненному въ средствахъ содержанія, Супрасльскому монастырю, состоящему среди иновѣрнаго населенія. Его ризница весьма скудна, а огромныя зданія нуждаются въ ремонтѣ. Приказали: Святѣйшій Синодъ, принимая въ соображеніе съ одной стороны, что посохъ святителя Пермскаго Стефана, находясь въ Супрасльскомъ монастырѣ, не можетъ составить тамъ предмета такого уваженія, какимъ можетъ быть въ мѣстѣ перваго провозвѣстія святителемъ слова Божія, а съ другой и то, что Супрасльскій монастырь, уступая сію драгоцѣнность, долженъ получить за сіе нѣкоторое вознагражденіе—опредѣляетъ: посохъ сей препроводить при указѣ къ Вашему преосвященству для храненія приличнымъ образомъ въ Пермскомъ кафедральномъ соборѣ; предоставя Вашему преосвященству сдѣлать Супрасльскому монастырю возможное вознагражденіе. Вышній видъ посоха подробно описанъ въ брошюрѣ: «Сказ. о жизни и труд. св. Стефана» стр. 54. Мы слышали это описаніе и нашли его совершенно вѣрнымъ. Такъ какъ посохъ св. Стефана—единственная археологическая древность, доставшаяся Перми въ наслѣдіе, то не будетъ неумѣстно сдѣлать здѣсь его описаніе. Мы заимствуемъ это описаніе изъ упомянутой брошюры: Длина всего посоха 2 аршина безъ 2¹/₂ вершковъ. Онъ деревянный и сдѣланъ, какъ надобно полагать, изъ липованницы, а кругомъ обложенъ рѣзной костью, вѣроятно, лосевою. Рукоятъ у посоха, подобная буквѣ Т, обложена также костью; въ длину она трехъ вершковъ, въ ширину около полувершка. Верховая сторона рукоятъ съ фигурною рѣзбою; подобныя фигуры и по двумъ ея сторонамъ. Въ срединѣ, по обѣимъ сторонамъ, вырѣзаны два херувима. По верхнимъ краямъ сторонъ вырѣзаны деревянныя буквы надписи, изъ коихъ на одной сторонѣ: Се есть дѣяне епискупа Стефана Пермскаго отънимаеъ вишеопона и кон., а на другой продолжается: опство и въ онъ мѣся иконопъ и явися ему бѣсъ въ ризахъ и рече ему. (Для объясненія этой надписи на посохѣ нужно имѣть въ виду слова, взятая изъ греческаго и древне-славянскаго языковъ, каковы: виа—шея, иопъ вѣкъ и оръ лице, конопъ котель, горшокъ, и всякая посуда, особенно глиняная, конопство—сборъ всякой ломкой посуды, мѣся мылъ себя). Къ рукоятъ прирѣзана самая палка деревянная до яблока безъ всякаго оклада. Въ окружности она 1¹/₂ вершка, а длиною въ четверть. За всею этою верхнею частію слѣдуетъ обложенное рѣзною костью яблоко, въ окружности въ три вершка. Оно обложено мѣдными полукружиями, кромѣ средины, на которой рѣзная по кости надпись довольно мелкими буквами: и выиде епискупъ въ насадъ (насадъ, плоскодонное рѣзное судно, нынѣ рѣдко употребляемое. См. настольн. слов. Толля.—Ред.) искати дѣшовъ ихъ, и погрузи бѣсъ внасадъ, и не вселися въ него. —Далѣе, подъ яблокомъ слѣдуетъ костяная рѣзная на палкѣ окладка длиною въ аршинъ съ четвертью и двумя вершками. Она раздѣляется на семь неравныхъ частей, вырѣзанныхъ отдѣльно, и состоитъ изъ 16-ти равныхъ колѣнцевъ съ рѣзными изображеніями; колѣнцы сіи другъ отъ друга отдѣляются посканъ съ 16-ю на нихъ надписями. Нѣкоторыя изъ колѣнцевъ, равно и изъ посковокъ, болѣе или менѣе повреждены, а всѣ вообще переиѣшаны, будучи передвигаемы съ мѣста на мѣсто. Въ настоящемъ видѣ посоха подъ означеннымъ яблокомъ находится первый поясскъ. На немъ уцѣлѣли слова; свои радуютъ и невѣрн... Подъ поскокомъ въ колѣнцѣ три зданія въ родѣ башенъ съ окнами, а между ними зданія пониже также съ окнами: изъ сихъ послѣднихъ видѣются по груди три старца, (въ настоящее время два, а изображеніе третьяго отломлено). На второмъ пояскѣ цѣльная рѣ-

ная надпись: И ринѣ невѣрнии на градѣ воселяшеся. Подъ пояскомъ на колѣницѣ одинаковое съ первымъ изображеніе.

На другой отдѣльной части, въ первомъ пояскѣ надпись: Пѣйдомъ на епискупа съ оруж... Подъ этимъ пояскомъ изображены плачущіе старцы на двухъ лодкахъ. На одной лодкѣ двое, изъ коихъ одинъ трубить въ трубу, а предъ другимъ стоитъ что то подобное знаменамъ. На другой лодкѣ четверо съ двумя знаменами, которыя, — какъ и прежнія, можно почитать за оружія или лучше за весла. Изображеніе лодокъ замѣчательно тѣмъ, что передній носъ ихъ имѣетъ видъ головы звѣрной. На второмъ пояскѣ цѣльная надпись: И ты невѣрніи послѣшомъ и помлакашима въ лѣсъ. Подъ пояскомъ изображены четыре старца плачущіе и утиравшіеся платками. Всѣ они въ латахъ, покрытыхъ верхнею длинною одеждою. Между старцами есть изображеніе и одного дерева, выражающаго лѣсъ. На третьемъ пояскѣ цѣльная надпись: И принесомъ епискупу свой законъ и возопиша къ н... Подъ пояскомъ изображенія шести старцевъ; изъ нихъ трое держатъ что-то въ рукахъ, — вѣроятно, законъ.

За сими слѣдуетъ третья часть костяного оклада. Первый поясокъ на ней безъ всякой надписи: только подъ нимъ находятся изображенія четырехъ старцевъ. Изъ нихъ двое вырѣзаны идущими съ четвероконечными крестами (одинъ теперь изломанъ); а двое плывутъ на лодкахъ съ изображеніями на носу головы животного. У одного изъ послѣднихъ старцевъ въ рукахъ что-то подобное веслу или жезлу, имѣющему верхъ на подобіе рога, а конецъ на подобіе лопатки. Подъ изображеніями поясокъ съ цѣльною надписью: И ста епискупъ, крести воду и преиде невредимъ. Подъ надписью изображены двѣ лодки. На одной трое старцевъ, изъ коихъ одинъ опять съ весломъ или жезломъ и, вѣроятно, самъ св. Стефанъ, а двое съ четвероконечными крестами въ рукахъ. На другой подобной лодкѣ, вырѣзанной не вдоль, какъ прочія, а поперекъ, также трое согбенныхъ старцевъ, только безъ всякихъ принадлежностей. Второй поясокъ съ цѣльною надписью: И сѣче демона и отъ огнь складе и забуде огнива. Подъ пояскомъ изображенія четырехъ деревъ, означавшихъ лѣсъ, и трехъ старцевъ. Изъ нихъ одинъ, съ короною на главѣ, сидитъ на тронѣ, другой съ сѣкирою въ рукахъ, а третій изображенъ нагнувшимся и держащимъ что-то въ рукахъ.

Далѣе слѣдуетъ четвертая часть костяного оклада, гораздо болѣе поврежденная, нежели первая. Она начинается пояскомъ съ надписью неполною, въ которой уцѣлѣла только слова: епискупомъ сбор... Подъ этимъ пояскомъ, изображенія сидящаго на стулѣ въ пестромъ облаченіи, вѣроятно, Стефана и двоихъ идущихъ къ нему, одного, кажется, діакона съ кадиломъ въ правой рукѣ и съ потиромъ въ лѣвой, а другаго въ обѣихъ рукахъ съ какою-то круглою мѣрою. Предъ самимъ сидящимъ епископомъ вырѣзаны два большіе подсвѣчника. На другомъ пояскѣ остались цѣльными слова: И бѣсъ и конопъ бѣсъ... Подъ этимъ пояскомъ осталось изображеніе одного только старца, а у другаго уцѣлѣла одна голова. На третьемъ пояскѣ сохранились вырѣзанныя слова: Отъ дрвна глахо (?) со овѣщами не... Ниже этого колѣнца на пол. вершина пустое по кести мѣсто съ фигурами X, а потомъ изображенія пяти лицъ, изъ коихъ одно со свѣщомъ и съ круглою мѣрою, другое въ мантии съ книгою, третье въ шапкѣ, изъ невѣрныхъ; а еще двое идутъ на встрѣчу (съ отломленными теперь головами).

Въ пятой части оклада, на первомъ пояскѣ остались слова: И иде.. а подъ ними сохранились на какой-то галлерей два старца, изъ коихъ одинъ изображенъ сидящимъ, а другой предъ нимъ стоящимъ. На второмъ пояскѣ остались слова: На веде бѣсъ не... скупа. Подъ ними изображенія въ какихъ-то зданіяхъ пяти лицъ; изъ нихъ двое разговариваютъ, потомъ одинъ изображенъ лежащимъ, другой нагнувшимся надъ нимъ, а за нимъ еще нагнувшійся.

Въ шестой части оклада первый поясокъ съ цѣльною надписью: Идетъ епискупъ съ сборомъ къ невѣрнымъ. Подъ пояскомъ изъ пяти лицъ остались въ цѣлости четыре. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, Стефанъ въ облаченіи съ распростертыми руками,

на голова у него теперь отломлена; предъ нимъ диаконъ съ кадишникомъ и съ потирокъ, потомъ еще старецъ съ распростертыми руками, дагѣе лице выломано, потомъ одинъ съ херувимъ. Всѣ они находятся въ зданіи съ столпами. Подъ этимъ колышцемъ поясокъ съ поломанною надписью: И собрался князь нев.... ехоташа крестн... Подъ пояскомъ пять лицъ, перепоясанныхъ довольно низко, какъ перепоясываются въ некоторые изъ нынѣшнихъ крестьянъ, и съ верхними одеждами, по краямъ чѣмъ-то обложенными; у одного изъ нихъ, съ распростертою рукою, голова отломлена.

Въ седьмой и послѣдней части костяного оклада первый поясокъ съ неполною надписью: рни чернымиъ соро.... ире...: Подъ нимъ изображенія четырехъ старцевъ, изъ коихъ по двое держать руками что-то въ родѣ человѣческаго туловища. На второмъ пояскѣ цѣдная надпись: Они невѣрніи върадоваса о смерти. Подъ пояскомъ изображены три старца одиѣ сидящими, а двое стоящими въ какомъ-то зданіи. Этимъ и оканчивается костяная окладка посоха съ рѣзбою. За нею слѣдуетъ въ 1 1/2 вершка окладка мѣдная, а въ концѣ изнутри ея и палки видѣется на полвершка желѣзное четырехугольное копыце, служившее опорой во время хождения, а вмѣстѣ и защитой».

По всѣмъ соображеніямъ посохъ очевидно въ описанномъ видѣ не могъ быть принадлежностію св. Стефана. По всѣмъ вѣроятности ему принадлежала одна палка, которую послѣ его смерти и обложили костяною рѣзбою въ память его апостольскихъ трудовъ. «Въ Супрасльскій монастырь, какъ говорятъ, посохъ перенесенъ изъ Москвы въ 1612 году съ другими замѣчательными вещами гетманомъ Хоткевичемъ. Можно полагать, что посохъ находился до того времени при гробѣ св. Стефана Пермскаго, у Спаса на Вору въ Московскомъ кремлѣ». (См. сказ. о жизни и труд. св. Стефана, А. М. стр. 58).

Примѣч. По прибытіи въ Москву, св. Стефанъ заболѣлъ, ивнemoженнѣи на столько лѣтами, сколько непрерывными трудами и заботами. Братія часто посѣщала его: одни окружали его одръ, другіе сидѣли около него, и самъ князь великій приходилъ къ нему, и многіе болре часто навѣщали его.—Почувствовавъ приближеніе смерти, Стефанъ призвалъ своихъ клириковъ и ризничныхъ и подьяконовъ и всѣхъ, прѣйхавшихъ съ нимъ изъ земли пермской, и обратился къ нимъ съ такимъ словомъ: «Братія, выслушайте, что я скажу вамъ. Вотъ я отпускаю васъ назадъ въ землю Пермскую. Послѣ моей смерти ступайте туда и скажите имъ (новокрещенымъ пермякамъ, всѣмъ ближнимъ и дальнимъ; скажите имъ все, что слышали и видѣли. Послѣднее слово хочу я сказать: пришелъ мой день и часъ смертный. Скажите же отъ меня людямъ, что я иду туда, куда пошли отцы мои и куда всѣ пойдутъ, и не буду уже больше жить съ ними, что я умираю, что суждено всѣмъ, живущимъ на землѣ. Вспомните, дѣти мои, закону Божию, бдите и молитесь, стойте въ вѣрѣ непоколебимо, мужайтесь, будьте тверды сердцемъ берегитесь еретиковъ, удалитесь отъ приходящихъ расколовъ церковныхъ, избѣгайте вашего прежняго кумирсслуженія, да не прельстятъ васъ никто злыми рѣчами. Вы, знаете, братія, сколько скорби, сколько томленія перенесъ я въ землѣ пермской и сколько потерялъ я въ странѣ вашей, утверждая вѣру, сколько я пекся о васъ, какъ день и ночь молился за васъ Богу. Теперь вы пріяли крещеніе, передаю васъ Богу и благодати Его. Слушайтесь закона Божія и всего, что онъ завѣщалъ въ законѣ своемъ; слушайтесь святаго Евангелія и святыхъ Его Божественныхъ Апостоловъ. Если послѣ моей смерти придутъ къ вамъ какой еретикъ, или идолослужитель, или придерживающійся раскола церковнаго, или волхвъ, или кудесникъ, не принимайте такихъ и съ такими не имѣйте общенія: ученія его не слушайте и словажъ его не внимайте и повелѣній отъ него не принимайте, хотя бы онъ и мудръ былъ «и снамъ никакии начнеть творити». Держитесь ученія, которое я вамъ передалъ; бдите и творите тр, что слышали отъ меня и чему отъ меня научились, и Богъ мира да будетъ съ вами, аминь». Сказавъ окружающимъ по истинѣ

достойное слово, святитель съ благодареніемъ и молитвою на устахъ, тихо и безмятежно испустилъ духъ, какъ будто уснулъ мирнымъ сномъ.

1898 годъ.

Въ Новгородской лѣтописи сказано подъ этимъ годомъ:

Преставися Св. Стефанъ. Сей научи Пермскую землю Вѣръ Христовъ . . . а прежде клянимся зѣремъ и древомъ, водою, отню и Златой Бабѣ (Рукопись Новгород. лѣтоп., подъ г. 1898). Далѣе, Гваньини въ своей книгѣ *Reg. Polon.*, пишетъ: *Jn. hae Obduriæ regione est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum, quod Moschovitis Zolôta Baba dicitur* (*Reg. Polon., Sagnini T. II стр. 205.*), и проч. (Въ этомъ Обдорскомъ царствѣ находился знаменитый идолъ, высѣченный изъ камня, котораго жители Московии называютъ Золотою Бабой). Далѣе онъ рассказываетъ, что эта изваянная Золотая Баба держала одного младенца на рукахъ; а другой стоялъ подлѣ и назывался ея звукомъ; что ей приносили въ жертву шкуры соболиныя и прочія; что люди бѣли сырыя кишки и мясо убитыхъ въ ея честь оленей и жрецъ вопрошалъ между тѣмъ идола о будущемъ; что звукъ въ горахъ происходилъ, по мнѣнію Гваньини, или отъ искусственныхъ орудій, или отъ естественныхъ подземельныхъ каналовъ и вѣтра. Идолы этихъ помѣщали въ кумарнахъ, въ домахъ, на площадяхъ, на дорогахъ, въ лѣсахъ. При идолахъ служили волхвы, чародѣи, обаянники; у нихъ былъ, во время Стефана Велико-Пермскаго, начальникъ и старшина—волхвъ или вудесникъ, по имени Пана, который пользовался высшимъ почетомъ отъ народа и былъ признаваемъ отцомъ, учителемъ и наставникомъ Бромъ этихъ боговъ, пермяки призывали еще невещественныхъ боговъ или духовъ, составлявшихъ высшія существа языческой религіи. Это—*Ень*—богъ добра, живущій на небесахъ, покровитель и защитникъ добрыхъ, и *Куль*—чортъ, злое начало, живущее подъ землею, въ преисподней (*пакрамежъ*). Ень будетъ судить людей „на томъ свѣтѣ“ и праведныхъ будетъ помѣщать въ рай, а грѣшныя отдавать Кули въ адъ—для мученія. Отсюда видно, что Ень и Куль, получившіе нинѣ значеніе изъ христіанской религіи, были въ понятіяхъ пермяковъ еще съ давняго времени (См. *Ист. Госуд. Росс. Крам.*—Т. V, гл. 1, стр. 68 и Ж. мин. внут. дѣлъ ч. XXIX кн. 4, стр. 62.) Племена эти, жившія въ древней Пермїи, управлялись своими князьями и жили подъ своимъ закономъ, занимались торговлею, звѣроловствомъ, рыболовствомъ, пчеловодствомъ и земледѣліемъ. Изъ князей Пермскихъ остались извѣстными 13: Князь Михаилъ Пермскій, убитый Вогуличами; Князь Владиміръ Пермскій, Князь Іоаннъ Пермскій, убитый Вогуличами; великіе князья: Ермолай, Василій, Θεодоръ; князья Пермскіе: Димитрій и Константинъ; Князь Велико-Пермскій Андрей; Князь Пермскій Матѳей; Княгиня Анна Велико-Пермская и Княгиня Анастасія Велико-Пермская. Князья Вогульскіе: Асыкъ, Юшманъ, Кальпъ, Бебекъ; Князь Югорской земли—Молданъ; Князь Остяцкій—Амбалъ.

«Пермская лѣтопись».

Но о дѣяніяхъ и бытїи этихъ племенъ въ лѣтописяхъ исторіи не упоминается и онѣ дѣлаются извѣстными только по случаю ихъ нападеній и грабежей, а иногда, впрочемъ, и по случаю торговыхъ сношеній и движеній съ одного мѣста на другое. (Памятн. вв. Пермск. губ. за 1868 г.).

Епископомъ Пермскимъ былъ *Исаакій*, рукоположенный въ семъ 1398 г. 20 января въ санъ епископа. (Истор. Карамзина т. V пр. 232).

Примѣчаніе. О еп. Исаакіи упоминается и въ 1416 г. (Вологодск. губ. вѣд. 1855 г. стр. 775).

По замѣчанію же архіепа Макарія, Исаакій рукоположенъ во епископа Перми 8 сентября 1397 г. (Исторія церкви т. VI, стр. 319).

Епископъ Исаакій продолжалъ труды св. Стефана, внушая непросвященной своей паствѣ первоначальныя и необходимыя правила христіанской вѣры, которыхъ они не могли усвоить. Навѣрное онъ училъ ихъ небогѣ, какъ изображать на себѣ крестное знаменіе, полагать поклоны, молиться каждый день по утру и по вечеру, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, читать извѣстныя молитвы, какъ напримѣръ: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ — помилуй насъ“... „Богородице Дѣво радуйся“... „Отче нашъ“... А всего болѣе внушалъ пастырямъ Церкви, чтобы и они бесѣдовали о подобныхъ предметахъ съ своими пасомыми: поелику пастыри, совершая христіанскія требы, имѣли съ ними весьма частыя сношенія. Таковая проповѣдь не могла не имѣть и благодѣтельныхъ послѣдствій тѣмъ болѣе, что въ это время пермскіе пастыри имѣли помощниковъ себѣ уже изъ самыхъ пермяковъ, а потому они могли гораздо ближе бесѣдовать съ своими пасомыми и говорить съ ними о предметахъ религіи гораздо внятнѣе и вразумительнѣе.

Къ правленію Исаакія надобно отнести также строеніе вновь нѣкоторыхъ монастырей, потому что духовенство, жительствовавшее въ монастыряхъ, было довольно многочисленно при св. Стефанѣ; а со временемъ оно болѣе и болѣе размножалось, занимаясь исключительно просвѣщеніемъ народа, писаніемъ св. книгъ и св. иконъ. Въ правленіе сего же епископа, пермскіе миссіонеры—иноки новооснованной пустыни Троицкой, на рѣкѣ Печорѣ, въ 600 верстахъ отъ Усть-Сысольска, просвѣтили зырянъ по берегамъ одной рѣки до Пустозерска и служили новообращеннымъ вмѣсто приходскихъ священниковъ. Исаакій скончался и погребенъ съ честью около 1416 года, правивъ Велико-Пермскою церковію не менѣе 19 лѣтъ. (Пермск. Епарх. вѣд. за 1868 годъ № 8).

Преемникомъ еп. Исаакія былъ еп. *Герасимъ*.

Примѣчаніе. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, еп. Герасимъ управлялъ Пермскою епископіею въ 1441 г. (Вологодск. губ. вѣд. за 1850 годъ).

Въ первые годы управленія Герасима паствою царствовали глубокій миръ и спокойствіе; народъ благоденствовалъ, надѣляя щедрыми приношеніями возникавшіе монастыри и храмы, такъ что не оставалось болѣе многочисленнаго селенія, гдѣ не было сооружено новой церкви, усердіемъ новообращенныхъ прихожанъ; въ тяжкія же години испытанія, Герасимъ употребилъ все свое вліяніе на защиту вѣры и паствы, ему ввѣренной; не щадя здоровья и собственныхъ средствъ, какъ истинный пастырь, онъ странствовалъ по всей Перми, являлся какъ ангелъ—хранитель вездѣ, гдѣ предстала опасность.

защитная притѣсненіяхъ невинно; повсюду благодѣтельствовалъ и былъ миро-творцемъ, умоляя духовныхъ чадъ своихъ не унывать въ постигнутой ихъ бѣдѣ и съ терпѣніемъ переносить посѣденіе Божіе.

Бродячая повгородская и вятская вольница, тронутая его смиренными увѣщаніями, неоднократно возвращали награбленное ими имущество и вносили даже, изъ уваженія къ доброму пастырю, богатые вклады въ обитатели пермскихъ; даже вогуличи, не смотря на свирѣпость своего вождя, когда безбоязненно явился въ станъ ихъ Герасимъ, съ кроткимъ моленіемъ о пощадѣ вѣрннаго ему народа, почувствовали справедливость его убѣжденій и удалились, не причинивъ вреда. Неусыпныя попеченія, заботы и путешествія разстроили здоровье святителя. Но, не смотря и на это, онъ больной отправился обозрѣвать ближайшія къ Усть-Вымѣ церкви. Но на возвратномъ пути, на Усть-Вымскомъ лугу, близъ Усть-Выми, „за мало стадій отъ соборной церкви бысть удумешъ св. отецъ за нѣчто, отъ домочадець, неовинно кончину восприя святій, мѣсяца января въ 29 день—амфоромъ“.

1430 годъ.

Въ семь 1430 году появилось, въ юнѣйшемъ Соликамскомъ уѣздѣ, съ приближеніемъ сюда русскихъ, христіанство. (Соликамская рупонисъ).

Примечаніе: Вертъ, въ Соликамск. лѣтоисходѣ, основываясь на одномъ найденномъ въ письменномъ отрывкѣ, утверждаетъ, что посадкіе Калинин оставили соляные промыслы на рѣкѣ Боровой и переселились на рѣку Усолку, гдѣ теперь расположенъ Соликамскъ и здѣсь открыли рассолы, завели солевареніе. Въ окрестностяхъ Соликамска христіанство встрѣтило мелкое сопротивленіе со стороны язичниковъ. Въ памяти народа сохранилось преданіе, что Чудьки, при появленіи русскихъ, страшась подпасть подъ чужое иго и не желая принять христіанство, выкапывали въ землѣ пещеры или ямы, укрѣпляли ихъ подпорами, уносили туда свое имущество и, войдя туда съ своими семействами, отнимали подпоры и живо погребли себя подъ землей. Другія же устные сказанія передаютъ, что съ появленіемъ русскихъ въ этой мѣстности, одинъ изъ коренныхъ жителей, удалившись въ Сибирь—за Уралъ, упорно отказавшись принять христіанство. (Миллеръ, Сибирск. Истор. глава 1—§ 48). Выраженіе въ Соликамскихъ писцовыхъ книгахъ 1623—1624 годовъ, (изданныя въ 1872 году. В. Шишонко) сказано: „была деревня Остлская“ подаетъ поводъ думать, что она оставлена ослѣдками, переселенцами въ другое мѣсто, асло подтверждаетъ, нами сказанное. Нѣтъ также сомнѣнія, что одинъ изъ язичниковъ, оставшись въ прежнихъ мѣстахъ своего жительства, принялъ христіанство, а другіе пребыли по прежнему въ язычествѣ. Далѣе, выписка изъ дѣловой 1579 г., въ которой одинъ изъ крестьянъ названъ по язическому имени отца, подтверждаетъ что около 1579 г. были еще здѣсь язичники и что дѣти нѣкоторыхъ изъ нихъ приняли христіанство. А что язычество держалось здѣсь долго, можно видѣть изъ того, что въ 1765 году были здѣсь люди, не вѣровавшіе во Христа Спасителя.

Архимандритъ Пыскорскаго Преображенскаго монастыря *Леонидъ* извѣстенъ ревностнымъ обращеніемъ новѣрцевъ въ христіанство (Оренбургск. губериск. Вѣд. за 1850 г.) Подробности просвѣщенія вѣровъ Христовымъ язичниковъ въ окрестностяхъ Соликамска неизвѣстны, потому что пожары, бывшіе въ 1557, 1682, 1635, 1636, 1673, 1688, 1711 и 1712 г.г. истребляли нѣсколько разъ всѣ городскія церкви, которыя тогда.

были деревянными, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ старинныя акты. (Извлеченіе изъ рукописи о Соликамскѣ, переданное изъ штат. смотр. Соликамск. уѣзда. уч. Н. П. Епшиннымъ. В. Шишонко).

Соляныя варницы, заведенныя Калининковыми, выше села Верхъ-Боровскаго, Чердынскаго уѣзда, по рѣчкѣ Боровой, (лѣвный притокъ р. Камы), въ виду скудости солянаго разсола закрыты, въ числѣ пяти трубъ, и перенесены на новыя мѣста, въ семь 1430' году, на рѣчку Усолку, мѣсто нынѣшняго города Соликамска. Нѣкоторые полагаютъ, что Калининковы пришли изъ Вологодской губерніи, такъ какъ извѣстно, что большая часть промышленниковъ и жителей прибыли изъ Усть-Сысольска, Стараго Усоля и Соль-Вычегодска. (Населен. мѣст. Пермск. губ.).

1445 годъ.

Въ лѣто 6653—1445 году, Махметъ послалъ дѣтей своихъ воевати подъ Москву: Мамутина да Эгуна; Великій же Князь Василій Васильевичъ изиде противу ихъ и бой бысть подъ Суздалемъ и побиха много татаръ и начаша паки татарове возвращаться; великой же князь напусти на нихъ своимъ полкомъ, близъ Евфиміева монастыря; татарове же взяша на томъ бою великаго князя и много иныхъ князей и бояръ и ведохомъ до Курмыша и ту утвердиша крестное цѣлованіе, что даетъ великій князь за себя окупъ, и тако отпустиша его и съ нимъ взятыхъ князей и бояръ. Лука Строгановъ помогъ окупомъ великому князю, что безъ благодарности послѣднаго не было оставлено.

Сей честный мужъ, Лука Строгановъ, пожилъ во благополучіи и въ милости отъ великаго князя, блаженною кончиною отъ жизни сей преставился. (Исторія о родословіи и богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ; сочиненная въ 1791 г. Изд. В. Шишонко).

1447 годъ.

Епископомъ Велико-Пермскимъ былъ *Пятиримъ*, который, пользуясь любовью великаго князя и митрополита, при отъѣздѣ въ Пермь, снабженъ былъ великолѣпною ризницею и образованнымъ духовенствомъ; а потому имѣлъ полную возможность совершать богослуженіе въ странѣ Пермской гораздо торжественнѣе, чѣмъ его предшественники. А это уже, конечно, имѣло благотворное вліяніе на Пермь и, въ особенности, когда Пятиримъ, по обычаю московскому, совершалъ престяные ходы и литіи. Кромѣ сего, обладая высокою образованностію, онъ бесѣдовалъ съ пермскимъ народомъ изустными поученіями собственнаго своего сочиненія, приспособительно къ его понятіямъ и нуждамъ, а чрезъ это самое болѣе и болѣе, привлекая къ евангелію, утверждалъ его въ благочестіи христіанскомъ. Пятиримъ, по повелѣнію великаго князя, былъ вызванъ въ Москву и находился при рукоположеніи въ санъ митрополита св. Іоны. Но къ чрезвычайной скорби церкви пермской и сей

свѣтильникъ для нея; чрезъ пять лѣтъ, во вторичномъ прибытіи изъ столицы, скончался и погребенъ на Усть-Вымиѣ.

Питиримъ, прежде нежели опредѣленъ епископомъ пермскимъ, уже извѣстенъ былъ по своей святости и учности митрополиту и великому князю. Случившееся въ его время обрѣтеніе мощей святителя Алексія, всю Россію привело въ движеніе; тысячи народа притекали къ ракъ угодника Божія и безчисленныя исцѣленія почерпали отъ его многоцѣлебныхъ мощей; всякій вѣрующій стремился излить благодарныя чувствованія своего сердца предъ великимъ чудотворцемъ. Но не было еще ему написано особенной службы, по которой бы вся церковь единодушно могла прославлять святаго угодника. Митрополитъ и великій князь видѣли это; но трудно было найти человѣка, который бы могъ отъ лица всей Россіи излить благоговѣнныя чувствованія предъ великимъ чудотворцемъ. Наконецъ князь и митрополитъ, зная высокое образованіе и святость жизни Питирима, возложили сей трудъ на него. И точно они не обманулись въ своемъ порученіи: Питиримъ написалъ канонъ святителю въ духѣ возвышеннѣйшемъ; въ духѣ древнихъ ꙗкописцевъ церковныхъ. Это высокое твореніе Питирима свидѣлствуетъ сколько о высокой его образованности, столько же и о благочестіи. И въ самомъ дѣлѣ, какое въ немъ обиліе мыслей, какая красота выраженій, какое глубокое богословіе, соединенное съ простотою изложенія и, вмѣстѣ, какое смиреніе!. Въ самомъ началѣ онъ обращается ко Христу, дѣйствующему вселчская во всѣхъ, и проситъ Его благодати, чтобы несомнѣнною вѣрою воспѣть великаго чудотворца: „отвержи ми устнѣ, взываетъ онъ, благодати Твоего Божества Христе, и озаришь просвѣти душу же и сердце, несомнѣнною вѣрою воспѣти обрѣтеніе честныхъ мощей святителя Твоего Алексія“. Далѣе обращается къ самому угоднику Божію и молить его, чтобы онъ принялъ его недостойное хваленіе: „отъ устъ недостойныхъ и отъ сердца нечиста и отъ недостижнаго ума нашего, прими малое хваленіе, святителю Алексіе, воспѣти обрѣтеніе честныхъ мощей твоихъ“. Начиная съ 3-й ꙗкописи и по 9-ю, онъ сильно и разительно изображаетъ великія благодѣянія чудотворца и благодарныя чувствованія къ нему вѣрныхъ сыновъ церкви Россійской. Въ заключеніе же призываетъ всѣхъ къ достоюльному прославленію великаго Святителя и Чудотворца: „придите вси, взываетъ онъ, дивнаго и славнаго въ чудесахъ, великаго святителя Алексія ꙗкописными священными восхваляемъ Россійскаго святителя и учителя и ангельскимъ чиномъ соизжателя и молитвенника тепла и чтущихъ память его“. Жизнь Питирима въ землѣ пермской была весьма благодѣтельна для ея жителей. (Пермск. еп. вѣд. 1868 г.).

1455 годъ.

За обращенныхъ въ христіанство вогуловъ страшно вознегодовалъ на Питирима князь ихъ Асыка. Подъ его предводительствомъ; лѣтомъ 1455 года, дикія толпы вогуловъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, быстро неслись

внизъ по Вычегдѣ. Асыка имѣлъ намѣреніе напасть на Усть-Вымъ врасплохъ, а поэтому нигдѣ не останавливался и задерживалъ прибрежныхъ жителей, не давая имъ возможности предупредить жителей Усть-Вымскихъ. За нѣсколько верстъ отъ впаденія рѣки Выми въ Вычегду Асыка остано­вился, чтобы сождать приглашенную имъ для грабежей и убійствъ вятскую воль­ницу. Но прежде, чѣмъ сдѣлать нападеніе, онъ хотѣлъ узнать, что дѣлается въ Усть-Вымѣ, не приготовились ли тамъ къ защитѣ жители и не предпри­нимаютъ ли чего нибудь къ оборонѣ Питиримъ. Арханг. лѣтописецъ подъ 6963 годомъ подробно рассказываетъ о замыслахъ Асыки и убійствѣ Питири­ма. „День былъ воскресный. Рано утромъ одинъ изъ усть-вымскихъ жителей поплылъ на лодкѣ вверхъ по Вычегдѣ, и нечаянно наѣхалъ на становище вогуличей; радъ былъ этой встрѣчѣ дикій князь ихъ. Изъ рассказовъ посе­лянина узналъ онъ, что Питиримъ дома и въ этотъ день намѣренъ идти для молебствія на мысъ, что на Усть-Выми; посему Асыка поспѣшилъ пристать къ Усть-Выму, чтобы въ то время, когда займется проповѣдію Питиримъ, по­разить и пастыря и стадо. Чтобы обмануть бдительность жителей, Асыка велѣлъ набросать на плоты множество срубленныхъ елей, которыхъ густыя вѣтви скрывали его войско, такъ что вооруженные смертію /плоты сіи издали имѣли видъ пловучихъ деревь, будто подмытыхъ напоромъ воды, что часто случается въ дикой, еще дѣвственной природѣ пермскаго края“. Въ Усть-Вымѣ никто не зналъ о грозившей опасности; въ окруженномъ дремучими лѣсами городѣ было тихо и спокойно. „Такъ какъ день былъ воскресный, то всѣ, старъ и младъ, шли въ соборъ къ Божественной литургіи, которую со­вершалъ святитель Питиримъ. Послѣ литургіи, по обычаю имъ занедечному, владыка, въ святительской одеждѣ, послѣдуемый клиромъ и всѣмъ народомъ, съ иконами и хоругвями, крестнымъ ходомъ пошелъ на мысъ, гдѣ было об­ширное поле, образуемое слияніемъ рѣкъ Выми и Вычегды для всенароднаго молебствія и поучительной бесѣды. Съ крестомъ въ рукахъ шелъ маститый святитель, убѣленный сѣдинами, при пѣніи священныхъ гимновъ; народъ окружалъ толпами любимаго своего пастыря. Внезапно замѣтилъ впе­реди шедшій клиръ груды деревьевъ, которыя на большое протяженіе тану­лись во всю длину рѣки, и передалъ свое опасеніе святителю; предвидя свою кончину, уразумѣлъ онъ вражью хитрость и предупредилъ о ней народъ. „Смятеніе въ народѣ было ужасное и вмѣсто священныхъ пѣснопѣній разда­лись раздрающіе душу вопли. Приближающіеся враги заставляли бѣжать въ городъ, но мысль—оставить старца на произволъ враговъ какъ бы кривовы­вала всѣхъ на одномъ мѣстѣ... Архипастырь не смутился при видѣ опасности; онъ зналъ, что переживаетъ послѣднія минуты, а потому спѣшилъ отдать послѣднее благословеніе своей паствѣ. Съ поднятыми къ небу руками, на колѣнахъ молился онъ на виднѣющуюся вдаль церковь въ Усть-Вымѣ, затѣмъ въ послѣдній разъ благословилъ окружающую его паству и сказавъ нѣсколько теплыхъ поучительныхъ словъ. Вотъ они:

„Вратія и чада возлюбленные! говорилъ Питиримъ. Господь Богъ восхотѣлъ предать меня немилосерднымъ вогуличамъ на смерть, и часть отшествія отъ сего временнаго житія къ вѣчному приспѣлъ; я готовъ умереть за Господа Бога моего; лучше мнѣ одному, нежели всѣмъ вамъ погибнуть; вамъ же чадамъ моимъ оставляю миръ и благословеніе; любите Бога, любите другъ друга, любите враговъ своихъ; Господь спасетъ васъ смертію моею отъ гнѣва и ярости ихъ. Храните православную вѣру, соблюдайте заповѣди, поучайтесь благочестію, любите церковь, какъ самихъ себя; почитайте державнаго, повинуйтесь властямъ, ибо они отъ Бога, внимайте настырямъ церковнымъ и Господь благословитъ васъ; миръ и благословеніе вамъ, чада мои возлюбленные! не сѣуйте, не скорбите ради меня; отойдите отъ меня скорѣе, чтобы и васъ не постигла нѣкая бѣда: ибо я не хочу укрываться или бѣжать, но хочу за Христа Бога и за святую вѣру православную пріять мученіе и готовъ вкусить смерть“.

Слова святителя, предчувствіе близкой опасности, видъ приближавшихся съ воинами плотовъ — все это было причиною горькихъ слезъ, пролитыхъ пермскими христіанами... Вдругъ толпы вогуличей выскочили на берегъ, разогнали клиръ и народъ и съ яростными криками бросились на святителя. „Не сжалились немилосердые вогуличи и вятчане, видя святаго, стоящаго на молитвѣ и готоваго воспріять мученическую кончину. Неистово устремились они на безоружнаго старца и одинъ за другимъ начали наносить ему удары. Святитель, какъ бы не чувствуя ихъ, кротко увѣщевалъ Асыку и бывшихъ съ нимъ; но увѣщанія не могли тронуть ихъ ожесточенныя души и варварски былъ замученъ Владыка Пермскій отъ руки Асыки; самое тѣло его, опозоренное наглыми кровосійцами, брошено было на мысу“.

Такъ пострадалъ святой епископъ Питиримъ, Усть-Вымскій чудотворецъ, и добровольно за Христа, отъ безбожныхъ Вогуличей и Вятчанъ, кончину воспріялъ и вѣнецъ отъ подвѣшоположника Владыки Спаса своего Иисуса Христа, августа въ 19-й день, въ мѣсто 1455. (Пермск. еп. вѣд. 1868 г. № 24, Истор. церкви архіеп. Макарія т. VI, стр. 320; Полн. собр. Рос. лѣт. IV, 147; Вологодск. еп. вѣд. 1865 годъ прибавл. стр. 702—705).

Примѣчаніе. О еп. Питиримѣ упоминается въ слѣдующихъ годахъ: 1447, 1448 и 1455 г. (Вологодск. губери. вѣд. за 1850 годъ).

1456 годъ.

Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода Великаго съ князьями Московскими, Переми или Перми упоминается въ числѣ Новгородскихъ волостей, равно какъ и подъ 1471 г. (Акты Археограф. экспед. т. I, № № 57 и 91. Собран. государств. грам. и договор. т. I, № 1).

1461 годъ.

Подъ этимъ годомъ упоминается Веливо-Пермскимъ епископомъ *Іоидъ*.

Примѣчаніе. Годъ управленія Пермскою епископіею еп. Іономъ показывается различно, а именно: въ 1459, 1461, 1462 и 1471 г. (Вологодск. губериск. вѣд. 1850 г. стр. 775 и Пермск. епарх. вѣд. за 1868 г.).

Время хиротоніи Іоны не опредѣлено, но нѣтъ сомнѣнія, говорятъ профессоръ Казанской духовной академіи Е. А. Будринъ, что оно послѣдовало вскорѣ по убіеніи его предшественника еп. Питирима.

О дальнѣйшемъ служеніи еп. Іоны, позаимствуемъ свѣдѣнія у того же почтеннаго профессора Е. А. Будрина. „Когда спокойствіе въ Пермской страпѣ было возстановлено, святитель Іона сталъ думать о томъ, какъ бы благовѣствовать слово истины тѣмъ изъ народовъ, которые обитали по рѣкамъ Вишерѣ, Камѣ, Чусовой и др., но до которыхъ не доносилось еще радостное благовѣствіе и которые потому еще хранили завѣты глубокой старины, держались многобожія, боготворили духовъ тьмы и поклонялись бездушнымъ истуканамъ, Воишелю и Золотой бабѣ. Соболезнуя о сихъ несчастныхъ братьяхъ зрянъ, Іона обрекъ себя на ихъ служеніе и сдѣлался ихъ просвѣтителемъ. (Житіа свят. Россійск. церкви, мѣс. январь, стр. 426.)

Обречь себя на проповѣдь христіанства дикимъ народамъ, идти въ дикіе дремучіе лѣса, гдѣ съ свойственнымъ язычникамъ фанатизмомъ совершались своимъ чередомъ языческіе обряды, идти туда на дѣло проповѣди одному, безъ всякой стороны помощи — все это дѣло великаго челоуѣка, характера твердаго, благочестія неподдѣльнаго... Ревностный архипастырь идетъ въ сѣверныя страны чердынскія, идетъ съ однимъ желаніемъ проповѣди, съ единственною надеждою на помощь Того, Кто одинъ не оставляетъ ни въ какихъ опасностяхъ и бѣдахъ призывающихъ Его имя. Что ожидало проповѣдника въ странѣ языческой, организованной въ гражданскомъ отношеніи, управлявшейся своими языческими князьями?... Борьба съ предрасудками, борьба съ закоренѣлымъ язычествомъ, обиды разнаго рода, лишенія—вотъ что долженъ былъ встрѣтить и встрѣтилъ проповѣдникъ Евангелія. Но ревностный архипастырь переносилъ все Христа ради; высокій примѣръ въ своемъ дѣлѣ онъ находилъ въ св. Стефанѣ, любовь и терпѣніе котораго преодолѣли всѣ препятствія. Св. Іона хотѣлъ докончить дѣло великаго просвѣтителя пермянъ, просвѣтить свѣтомъ христіанскимъ тѣхъ, бытъ у которыхъ св. Стефанъ не имѣлъ возможности. Къ сожалѣнію мы не знаемъ подробностей просвѣщенія Великой Перми съ главнымъ городомъ ея Чердынью;—лѣтописи касаются его какъ бы мимоходомъ, а проповѣдники древнихъ временъ не имѣли обычая записывать ни числа обратившихся къ христіанской вѣрѣ, ни обстоятельствъ самаго обращенія. Сначала конечно явилась борьба христіанской проповѣди съ язычествомъ, потомъ побѣда словомъ истины упорнѣйшихъ волхвовъ, наконецъ крещеніе самого князя чердынскаго, нареченнаго Михаиломъ. (Жит. свят. Россійск. церкви, мѣс. январь, стр. 426.) Лѣтописецъ въ нѣсколькихъ словахъ записалъ для потомства миссіонерск. дѣятельн. святителя Іоны: *Іона, епископъ Пермскій, крестилъ великую Пермь и князя ихъ и церкви поставилъ, и ижемы и нынѣ.* (Воскр. лист. годъ 1463 г.) Если такимъ образомъ былъ обращенъ уже

самъ князь языческій, то безъ всякаго сомнѣнія если не помогалъ, то по крайней мѣрѣ не препятствовалъ онъ къ обращенію въ христіанство своихъ подданныхъ. „Съ помощію новообращеннаго князя, какъ замѣчаетъ жизнеописатель Іоны, онъ сжегъ кумирницы, истребилъ идоловъ, построилъ церкви на мѣстѣ бывшихъ капищъ, образовалъ при нихъ училища и перевелъ къ новообращеннымъ опытныхъ іереевъ изъ Усть-Вьми“. По нѣкоторымъ даннымъ можно съ достовѣрностію заключать, что св. Іоною для болѣе прочнаго утвержденія св. цѣры основаны были въ новопросвященной странѣ монастыри, по крайней мѣрѣ къ его времени относится основаніе Чердынскаго Богословскаго монастыря. Безъ сомнѣнія въ такомъ великомъ дѣлѣ древнѣйшій архипастырь не могъ обойтись безъ помощниковъ;—мы знаемъ, что успѣху его проповѣди много способствовали монахи Троицкой Печорской пустыни, основанной епископомъ Исааіемъ, какъ ближайшіе сосѣди къ главному городу Великой Перми, Чердыни. При помощіи монашествующей братіи и священниковъ, святыхъ изъ Усть-Вьми, святитель конечно не оставилъ въ языческой заблужденіи и инородцевъ, населявшихъ тогда Соликамскій край, который такъ не далеко отъ Чердыни: „Нельзя думать, чтобы св. Іона не послалъ туда игуменовъ и священниковъ для обращенія заблудшихъ. По этому можно предполагать, что начало распространенія христіанства между здѣшними остяками положено также епископомъ Іоною“. Такимъ образомъ св. Іона заключилъ дѣло св. Стефана, раздвинувъ широко къ юговостоку предѣлы Пермской епархіи. „Когда радостная вѣсть о просвѣщеніи Великой Перми достигла Москвы, великій князь и освященный соборъ возблагодарили Бога за новое пріобрѣтеніе чадъ Русской церкви и прославили апостольскій подвигъ Іоны. Устюжане и новгородцы, прежде всѣхъ узнавши объ успѣхахъ проповѣди святителя, спѣшили выразить ему любовь свою богатыми дарами, и слава просвѣтителя Великой Перми разнеслась по всей землѣ Русской, ибо онъ довершилъ великій подвигъ Стефана. Последній годъ своей жизни святитель Іона посвятилъ на устройство благочинія церковнаго въ своей паствѣ; имъ основаны были новыя обители, приходы и церкви и умноженъ клиръ церковный. Посреди неутомимыхъ заботъ о благѣ церкви, скончался онъ 6-го іюня 1470 года; положено было, говорить лѣтописецъ, святое тѣло его, на Усть-Вьми, въ своей епископѣи, близъ мощей святыхъ въ церкви, по лѣвую сторону Герасима и Питирима, епископовъ, Усть-Вьмскихъ чудотворцевъ, съ надгробными исалмоуціями, гдѣ и донынѣ всѣ трое вкупѣ почиваютъ, творятъ знаменія и различныя модаютъ исцѣленія, съ вѣрою къ нимъ прибѣгающимъ, во славу Христа Бога нашего. (Жит. свят. Рос. церк. яв. и Пермск. еп. вѣд. 1868 годъ).

1468 годъ.

Епископъ Пермскій Іона креститъ В. Пермь и князя ихъ и церкви поставилъ игумены и поны: (Каравинъ т. VI. пр. 629; Росс. лѣт., издан. въ Москвѣ 1784 г. стр. 260; Словарь истор. о духов. лиц. М. Евгения; т. II, стр. 268).

Примѣчаніе. Великая Пермь ирещена Іономъ, какъ думаютъ, въ 1462 и 1463 гг.; о смерти же его упоминается въ 1470 г. 6 іюня. въ Арх. дѣл. стр. 115 и 116. «Лѣта 6970—(1462) Іона архіепископъ Пермскій добавиъ крести Великую Пермь и постави церкви и попы».

1467 годъ.

Вятчане, въ числѣ 120 человекъ, вмѣстѣ съ пермяками воевали Вогульчичей и успѣли взять въ плѣнъ вогульского князя Асыку, но онъ изъ плѣна бѣжалъ. (Истор. Соловьева т. V, стр. 102).

1470 годъ

Епископъ Велико-Пермскій Іона умеръ 6 іюня въ Усть-Выжѣ, гдѣ и погребенъ. (Истор. Караванина т. VI).

Примѣчаніе 1-е. По однимъ источникамъ епископъ Іона управлялъ Пермскою епископіею по 1472 г., по другимъ его упоминаютъ подъ слѣдующими годами: 1459, 1461, 1462 и 1471 (Вологодскія губернск. вѣд. за 1850 г. стр. 775), а по третьимъ онъ управлялъ съ 1455—1470 г. (Истор. церкви архим. Макарія т. VI, стр. 320).

Примѣчаніе 2-е Между епископами Іоной и Философомъ упоминаютъ еще о еп. Амфилохіи, который будто бы поставленъ въ епископы въ Пермь, въ 1472 г., и въ томъ же году скончавшися. Но о нахожденіи его епископомъ въ Пермь, въ качествѣ Пермскаго епископа, сомнѣвается К. А. Вудрицъ, профес. Казанск. духовной акад. (Пермск. еп. вѣд., 1868 г.). Впрочемъ, есть свѣдѣнія, что еп. Амфилохій умеръ въ тотъ же годъ, въ которомъ былъ и посвященъ, а именно въ 1471 г. (Перм. еп. вѣд. № 10, 1868 г.).

1471 годъ.

По смерти епископа Амфилохія, небывшаго даже въ Пермской епископіи, суждено было ей оставаться безъ своего владыки. Обширность, отдаленность ея отъ Москвы, сила язычества, все еще напрягавшаго свои усилія къ испроверженію христіанства,—вотъ причины, заставившія великаго князя и освященный соборъ московскій обратить вниманіе на избраніе новаго архипастыря. Въ самомъ дѣлѣ оставлять долгое время Пермскую паству безъ пастыря не значило ли нѣкоторымъ образомъ пренебречь подвигами предшественниковъ и дать снова укорениться язычеству въ только что оглашенныхъ христіанскимъ ученіемъ предѣлахъ чердынскихъ? Но при избраніи архипастыря для страны Пермской, великій князь руководился теперь своими политическими расчетами. Будущій архипастырь долженъ былъ съ одной стороны свято выполнять священный долгъ своего призванія, съ другой стороны быть споспѣшникомъ правительственныхъ интересовъ, помощникомъ великому князю въ его видахъ на страну Пермскую. Общимъ голосомъ былъ избранъ на Пермскую епископію игуменъ Ферапонтова Вѣлосер-

скаго монастыря, *Филоея*, какъ способный удовлетворить и церковно-религиознымъ интересамъ страны и политическимъ видамъ Москвы. — 8 ноября 1471 г. былъ хиротонисанъ новоизбранный архипастырь.

По прибытіи на епархію, епископъ Филоея дѣятельно занялся устройствомъ своей паствы. Слишкомъ тридцать лѣтъ управлялъ онъ епархіей и, въ продолженіе своего управленія, неуклонно слѣдовалъ планамъ, начертаннымъ правительствомъ. Своею дѣятельностію „онъ совершенно преобразовалъ Пермь, былъ творцемъ ея славы между русскими современниками и главнымъ виновникомъ той извѣстности, которую она стяжала себѣ тогда у иностранцевъ. Плодомъ продолжительнаго управленія его былъ прочный миръ на пространствѣ всего края, восстановление дружественныхъ связей съ окружающими сосѣдами, повсемѣстный порядокъ общественный, улучшенный бытъ народа, семейный и домашній. Вышняя безопасность всей Великой Перми, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ этого іерарха, была утверждена покореніемъ вѣковыхъ враговъ ея—вогуловъ, подѣ власть Государя Московскаго и она съ этой стороны навсегда осталась спокойною. Государь, слѣдуя планамъ отца своего, также домогался приобрѣсть эту обширную страну, столько нѣкогда обогащавшую Новгородцевъ, и въ семь затруднительномъ дѣлѣ Филоея, личнымъ участіемъ и благоразумными мѣрами, много способствовала видамъ Государя. (Вологодск. губ. вѣд 1850 г.).

Примчаніе. Филоея управлялъ Пермской епископіей съ 1471 - 1501 г. (Истор. церкви архіепис. Макарія т. VI, стр. 320). Сей святитель зналъ зырянскій языкъ и подписывался по зырянски, какъ свидѣтельствуемъ подписи, находящаяся въ одной изъ рукописныхъ книгъ Соловецкой бібліотеки подѣ № 1085. (Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій. П. Д. Шестакова).

Въ семь 1471 году въ Двинскихъ спискахъ находимъ слѣдующихъ Новгородскихъ *володѣтелей* (намѣстниковъ), управлявшихъ Пермію: Ярецъ, Брюхо Ѳеодоръ Борисовичъ, Юрій Захаровичъ и Гавриловъ Иванъ (Памят. книж Пермск. губ. за 1883 г., стр. 65), кои въ 1472 году были плѣнены княземъ Ѳеодоромъ.

1472 годъ.

Для Іоанна III, желавшаго всѣми мѣрами увеличить свои наследственные владѣнія, достаточно было самаго малѣйшаго предлога, чтобы уничтожить самостоятельность Перми. По видимому незначительный случай—обида нѣкоторыхъ московскихъ купцовъ въ Перми, въ семь 1472 году, произвела войну, такъ что зимою, въ томъ же году, двинулись въ пермскую страну полки Іоанна III. Въ этомъ походѣ, имѣющемъ историческое значеніе, весьма важно было участіе епископа Филоея. Заранѣе знавшій цѣль похода, посвященный въ тайные планы царя Московскаго, архипастырь пермскій заботился о томъ, чтобы какъ можно болѣе расположить свою паству въ пользу Іоанна. Любимый и уважаемый многочисленною паствою, Филоея внушалъ ей недоумѣніе къ Новгороду, а равно и къ мѣстнымъ правителямъ, и, воскаляя

добродѣтели Іоанна, привлекъ къ нему сердца туземныхъ жителей, такъ что они всѣ усердно желали видѣть его своимъ властителемъ. Московскія войска, проходя по Перми, повсюду встрѣчали дружескій пріемъ и ласки отъ туземныхъ обитателей. Филоеѣй, чтобы облегчить для войска трудность пути въ странѣ малоизвѣстной воеводамъ, далъ имъ искусныхъ проводниковъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностію края (Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. ст. Усть-Выль). При такихъ удобствахъ, московскія войска быстро подвигались впередъ и на Оминой недѣлѣ пришли къ рѣкѣ Черной, спустились на плотахъ до мѣстечка Айфаловскаго, сѣли на коней и близъ городка Искора встрѣтились съ пермскою ратью. Побѣда не могла быть сомнительною: князь Ѳеодоръ разсѣялъ непріятелей, плѣнилъ ихъ воеводъ—Кача, Бурмана, Мичкина, Качаима, Изыпара, Зыряна; взялъ Искоръ съ иными городками и сжегъ ихъ. Послѣ этого онъ пошелъ къ устью р. Повчи, впадающей въ Колву, и тамъ, для удержанія въ страхѣ и повиновеніи покоренныхъ жителей, началъ строить укрѣпленный городъ. Здѣсь къ нему вскорѣ присоединились другіе воеводы, которые окончили также успѣшно свои предпріятія въ окрестныхъ мѣстахъ. (Матер. для Геогр. и стат. Россіи; Перм. Губ. ч. 1, стр. 7). Воевода Гаврило Нелидовъ успѣлъ овладѣть Уросомъ и Чердыню, схвативъ тамошняго князя христіанской вѣры именемъ Михаила. Въ это же время были плѣнены и др. князья Пермскіе—Владиміръ и Матвѣй (... в Гаврила Нелидова отпустилъ на Нижнюю землю на Уросъ, на Чердыню, да на Покчу на Князя Михаила... и послалъ К. Ѳеодоръ Пермскихъ воеводъ къ Великаго Князя Михаила и Бурмота и Мичкина“, Архив. лѣт. л. 51, см. Ист. Госуд. Росс. Карамз. къ т. VI, гл. 1, прим. 73). Вся земля Пермская покорилась Іоанну. Это завоеваніе, которымъ владѣнія Московскія присоединялись ко хребту горъ Уральскихъ, обрадовало государя и народъ, обѣщая важныя торговыя выгоды (Ист. Госуд. Росс. Кар. т. VI, гл. 1, стр. 35).

Разныя благодѣянія и милости были началомъ властвованія надъ Пермью Іоанна III, который хорошо понималъ, какъ недовѣрчиво смотритъ только что побѣжденный народъ на своихъ побѣдителей и какъ можно сблизить побѣжденныхъ съ побѣдившими. Дѣйствительно возобновленіе городовъ, временныя льготы отъ дани и пошлинъ произвели радостное впечатлѣніе на народъ и сразу привлекли къ государю сердца побѣжденныхъ. Для управленія Пермскою страню великій князь послалъ обратно плѣннаго при завоеваніи Пермскаго князя Михаила, который сталъ править страню, какъ уже присяжникъ государя московскаго. Пользуясь данью и частію доходовъ, онъ беззаботно жилъ въ главномъ городѣ Великой Перми, былъ правителемъ лишь по имени, но устроить край, ввести въ новопокоренной странѣ систему гражданскаго управленія надлежало еп. Филоеѣю. Сосредоточивъ, по волѣ Великаго Князя, въ своихъ рукахъ власть духовную и гражданскую, епископъ Пермскій дѣятельно занялся устройствомъ края. Едва ли нужно говорить о томъ, сколько трудовъ предстояло святителю и съ какими препятствіями сопряжено было его дѣло. Страна, до тѣхъ поръ жившая на всей своей волѣ (съ покореніемъ подъ власть Москвы) не могла же вдругъ переродиться и отстать отъ

прежняго духа свободы. Къ тому же, находясь подъ властію Новгородцевъ, она была съ своимъ особеннымъ характеромъ: на народныхъ управителей народъ смотрѣлъ не какъ на людей, заботящихся о его благѣ, а какъ на промышленниковъ, какъ на лицъ, у которыхъ на первомъ планѣ свои интересы, которые подъ личиною управителей являются въ страну, чтобы обогатиться и потомъ возвратиться на свою родину. Иоаннъ III, хорошо понимая это, ограничилъ власть посылаемыхъ для управленія чиновниковъ, напротивъ облегчъ полнотѣ своимъ довѣріемъ епископа Филоея. Надежды великаго князя исполнѣ оправдались. Съ полною энергіею и необыкновеннымъ усердіемъ занялся архипастырь устройствомъ новопокоренной страны въ гражданскомъ отношеніи. Ввести строгій порядокъ общественный, развитъ въ народныхъ правителяхъ чувства справедливости, въ подчиненныхъ—полное повиновеніе—вотъ та цѣль, которую преслѣдовалъ Филоей. Отъ природы кривѣтливый и снисходительный, справедливый и безпристрастный во всемъ, онъ легко и скоро приобрѣлъ любовь народа, а съ этою любовію уже не такъ трудно было для него возвысить положеніе народа, поощрить торговую дѣятельность, усилить народную промышленность, вообще довести край до возможно полнаго процвѣтанія. Естественно, что при стараніяхъ Филоея совершенно измѣнился какъ внутренній, такъ и внѣшній бытъ страны;—мало по малу исчезалъ прежній духъ своеволія, являлся порядокъ въ управленіи, и строгое исполненіе государственныхъ законовъ. Понятно и то благодѣяніе, какимъ пользовался Филоей у народа, хорошо знавшаго, кому былъ обязанъ своимъ благоденствіемъ. „Заботясь о внутреннемъ устройствѣ края, Филоей внѣстѣ съ тѣмъ прилагалъ неослабленное попеченіе и о духовномъ просвѣщеніи народа“. Съ этою цѣлію онъ, съ первыхъ же годовъ управленія Пермскою епархіею, занялся изученіемъ зырянскаго языка, чтобъ внятнѣ бесѣдовать съ народомъ на его природномъ языкѣ. Часто обозрѣвая предѣлы епархіи, онъ строго смотрѣлъ за благочиніемъ церковнымъ, слѣдилъ за нравственностію причта, наблюдалъ за образованіемъ дѣтей въ приходскихъ школахъ, избиралъ и посвящалъ въ санъ іереевъ и діаконовъ достойныхъ изъ учениковъ, самъ испытывалъ ихъ въ знаніи св. писанія и преподавалъ правила, какъ они должны вести себя въ отношеніи къ словесному стаду. При такомъ строгомъ духовномъ надзорѣ паства, естественно, получала правильное религіозное направленіе и утверждалась въ православіи. (Вологод. Губ. Вѣд. 1850 г. стр. 452 и Перм. Епарх. Вѣд. 1868 г. № 44).

Примѣчаніе. Покоренная въ семь году Пермь управляема была воеводою, жившимъ сперва въ построенномъ на устьѣ Камчатки (Покчи) городѣ и потомъ въ Чердыни. Воеводою зависѣли отъ Новгородскаго приказа, бывшаго въ Москвѣ, и управлявшаго Новгородскою третью. Этотъ приказъ, по покореніи Казани, управлялъ Чердынью и зависящими отъ нея Солкамскою и съ 1662 г. до 1682 г. Кунгурою; когда послѣдній съ уѣздомъ отдѣленъ былъ въ вѣдѣніе Казанскаго приказа и подъ ея вѣдѣніемъ состоялъ до 1703 г. Въ это время онъ принасанъ къ Сибирскому приказу-же, въ вѣдѣніи котораго состоялъ внѣстѣ съ Верхотурскимъ и др. Сибирскими уѣздами до 1710 г. Съ сего времени по 1719 г. управлялъ ими Сибирскій губернаторъ Князь Гатаринъ, вслѣдствіе раздѣленія Россіи на 8 губерній, въ числѣ коихъ была и Сибирская, Вѣд.

1719 г. Россія раздѣлена на 12 губерній, изъ коихъ Сибирская составлена была изъ провинцій Вятской и Соликамской; изъ первой изъ нихъ причисленъ былъ и Кунгуръ съ уѣдомъ, отъ которой зависѣлъ до 1724 г. Въ Соликамской же провинціи главнымъ городомъ былъ Соликамскъ, и къ провинціи его тогда причисленъ Чердынъ (Великая Пермь иначе), также Шадринскъ и крѣпостца Подневская. Отъ Тобольска, главнаго Сибирской губерніи города, непосредственно зависѣли Верхотурье съ уѣдомъ и г. Туринскъ, уѣздъ котораго западною своею частью занималъ южно-восточный край нынѣшней Пермской губерніи, юго-западная часть ея была въ вѣдѣніи Казанской провинціи, гдѣ были уже въ это время пригородокъ Оса и два мѣдные заводы при р. Тулвѣ, принадлежавшіе компаніямъ Ивану Трапезнику и Ивану Небогату. Уфимская провинція, зависящая также отъ Казанской губерніи, завѣдывала башкирцами, жившими по р.р. Вѣлой, Уралу, Уфѣ и Исети до Тобола; слѣдовательно составляли эту провинцію между прочими и южные уѣзды Пермской губерніи: Красноуфимскій, значительная часть Екатеринбургскаго и Шадринскаго. И такъ, части нынѣшней Пермской губерніи причислялись тогда къ 5 провинціямъ, изъ коихъ Тобольская, Вятская и Соликамская принадлежали къ Сибирской, а Казанская и Уфимская къ Казанской.

Возникшіе впоследствии Екатеринбургъ и всѣ горные заводы нынѣшней Пермской губерніи подчинены были особому вѣдѣнію, учрежденному въ этомъ же городѣ, начиная съ его основанія, а именно съ 1722 года.

Однакоже, въ 1724 г., Кунгурскій уѣздъ отдѣленъ былъ отъ Вятской провинціи, въ виду удаленности его отъ Хлынова (Вятки) и приписанъ къ Соликамской провинціи, которая отошла отъ Сибирской съ подчиненіемъ ея Казанской губерніи. Въ такомъ состояніи были означенные города и уѣзды, составляющіе нынѣ Пермскую до 1737 г.—Тогда признано за лучшее перевести изъ Соликамска провинціальное правленіе въ Кунгуръ, чтобы башкирскихъ башкирцовъ удобнѣе было содержать въ повинности.

Въ Сибири, управляемой изъ Тобольска, произошла нѣкоторая перемѣна. Такъ въ 1737 г. три дистрикта—Шадринскій, Окуневскій и Исетскій отдѣлены отъ Тобольска и учреждена Исетская провинція, зависящая отъ г. Оренбурга, и Шадринская слобода, основанная въ 1622 г., названная Архангельскимъ Шадринскимъ городкомъ, сдѣлалась тогда настоящимъ городомъ. Къ Исетской провинціи принадлежала въ то время вся южная часть нынѣшней Пермской губерніи, кромѣ Красноуфимской крѣпости, подчиненной Уфимской провинціи, для удобнѣйшаго содержанія въ повинности башкирцовъ, обитавшихъ по р. Уфѣ, и кромѣ пригородка Осы, приписаннаго также въ 1737 г. къ Уфимской провинціи, для того, чтобы тулинскіе башкирцовъ, расположенныхъ своими жилищами по р. Тулвѣ, содержать въ повинности.

Въ такомъ состояніи находились всѣ означенныя провинціи до открытія Пермской губерніи, подъ именемъ Намѣстничества 18 октября 1781 года, которое раздѣлено было на двѣ области—Пермскую и Екатеринбургскую. Въ первую изъ нихъ вошли уѣзды: Пермскій, Соликамскій, Чердынскій, Обвинскій, Оханскій, Осинскій, Кунгурскій и Красноуфимскій, а во вторую—Екатеринбургскій, Далматовскій, Шадринскій, Камышловскій, Ирбитскій, Алапаевскій и Верхотурскій. Наконецъ, въ 1797 году Высочайшимъ указомъ Пермская губернія раздѣлена на 12 уѣздовъ.—при чемъ уѣзды городовъ: Далматова, Алапаевска и Обвинска присоединены къ сосѣдственнымъ. (Хованъ-стевенъ. описан. Перм. губ. т. III).

1481 годъ.

Великій князь Іоаннъ III, видя съ горестію, что татары, вогулы, остяки и др. сибирскіе инородцы, дѣлали частыя нападенія на новосельцевъ рус-

снихъ пермской страны грабили ихъ и жгли дома, а жителей или убивали или уводили въ рабство, (Матер. для географіи и стат. Россіи; Перм. губ. ч. 1, стр.), для блага страны, рѣшился покорить ея дикихъ сосѣдей. Вслѣдствіе чего, лѣтомъ 1481 года „Андрей Мишневъ съ шильники и съ Устюжаны ходили въ Великую Пермь, да побили Вогуличъ подъ Чердынемъ... а на Каму шедши, да встрѣтили гостей и Тюменскихъ татаръ, да пограбили“ (Арх. лѣт. стр. 160). Намѣреніе Мишнева было проникнуть въ сѣверо-западную Сибирь, чтобы обложить данью князей Югорскихъ и Вогульскихъ, но это намѣреніе ему не удалось привести въ исполненіе: Епископъ Филоеѣй призвалъ его на помощь противъ волновавшихъ юго-западъ Перми и Вятки—татаръ, данниковъ Ибрагимовыхъ. (Перм. Епарх. Вѣд. за 1868 г. № 46).

1483 годъ.

Великій князь Іоаннъ III, послалъ противъ Асыка, воеводѣ—князя Федора Курбскаго — Чернаго и Салтыка Травина съ полками устюжанъ, воложанъ и пермяковъ. Воеводы московскіе встрѣтили вогуличей на устьѣ Пелыма и разбили ихъ, съ потерей только семи человекъ съ своей стороны. Отсюда воеводы далеко проникли по Тавдѣ, мимо Тюмени, въ Сибирскую землю, дорогою воевали, добра и плѣнныхъ взяли много; отъ Сибири пошли внизъ по Иртышу, съ Иртыша на Обь, въ Югорскую землю, гдѣ взяли въ плѣнъ главнаго Югорскаго князя Молдана и другихъ, и возвратились въ Устюгъ 1 октября, вышедши оттуда 9 мая. Далѣе Пермскій епископъ Филоеѣй ѣздилъ съ княземъ Юшманомъ въ Москву къ великому князю, который милостиво обласкалъ Юшмана, отпустилъ его обратно, обложивъ небольшою данью. (Истор. Карав. Т VI; Пермск. Епарх. Вѣд. 1868 г., стр. 164 и Исторія Соловьевъ).

1484 годъ.

Въ числѣ нѣкоторыхъ за уральскихъ князьковъ явился въ Москву и Вогульскій князь Калпа, который былъ милостиво принятъ Іоанномъ III. Въ Москвѣ Калпа принялъ присягу на вѣрность службы и обязался платить асакъ. (Истор. Соловьевъ Т V).

1485 годъ.

Стараніемъ еп. Пермскаго Филоеѣя, князя Югорскіе, Кодскіе, Молданъ, отпущены изъ плѣна съ дѣтьми да трою другихъ; заключенъ миръ, подъ владычнымъ городомъ Усть-Выжскимъ, съ князьями Выжскими, Петромъ и Федоромъ съ Вычегодскимъ сотникомъ и съ владычнымъ слугою; влялись лиха не мыслить и не нападать на пермскихъ людей, а предъ всякимъ кня-

зомъ вести себя исправно; для подкрѣпленія клятвы пили воду съ золотомъ по своему обычаю. (Истор. Соловьева Т. V стр. 103).

1492 годъ.

По повелѣнiю Великаго Князя, Пермская епископiя увеличена приписанными къ ней церквами, находящимися на Вологдѣ. (Истор. Рус. Карамзина Т. VI).

Въ семь же году въ Чердыни былъ большой пожаръ, истребившiй почти весь городъ. Въ это же время сгорѣли почти всѣ писменные памятники края. (Пригвѣч. къ Социному писму г. Чердыни 1579 г. В. Шитонко).

1497 годъ.

Подъ этимъ годомъ, мы имѣемъ мѣновую грамоту Иоанна III съ племянниками, сыновьями Бориса Васильевича Волоцкаго, съ привѣшанной большой печатью, на которой съ одной стороны ~~зверемъ~~ видимъ изображение двуглаваго коронованнаго орла съ распростертыми крыльями и когтями, а на другой — изображение всадника, понирающаго дракона и копьемъ прободающаго ему горло, съ надписью вокругъ: „*Иоаннъ Божіею милостию государь всея Руси и великій князь Владимирскій и Московскій и Новгородскій и Псковскій и Тверскій и Угорскій и Вятскій и Пермскій и Болгарскій*“. (Истор. Сыновья: Т. V стр. 205).

1499 и 1501 годы.

Епископъ Филофей, не смотря на свои преклонныя лѣта, еще въ семь 1499 г., принималъ дѣятельное участіе въ покореніи Вятки и смежной съ нею области Арской и даже заботился объ успѣхахъ похода, предпринятаго для окончательнаго покоренія Югры и др. сосѣднихъ съ ними сибирскихъ народовъ. Но видя ослабѣвающія свой силы, онъ просилъ великаго князя уволить его отъ управленія Велико-Пермскою епархіею и пермская паства въ 1501 г. простилась съ своимъ любимымъ архидиакономъ. (Пермск. епарх. вѣд. 1869 г. № 25), который отправился на мѣсто новаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Примечаніе. Послѣ Филофея, болѣе года не было епископа въ землѣ пермской. Въ это время между пермяками начали поселяться раздоры и дѣло доходило до междоусобій. Духовенство внушало имъ миръ и взаимную любовь; но они не хотѣли внимать внушеніямъ духовенства. Отъ междоусобій и неповиновенія духовенству, развратъ до того усилился, что нѣкоторые изъ пермяковъ начали предаваться Венчаю и вступать въ незаконныя браки. Словомъ: нравственное состояніе недавно обращенныхъ въ христіанство пермячей, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, требовало особенной заботливости со стороны митрополита, требовало особеннаго поученія. Посему, митрополитъ, въ семь же 1501 году, писалъ къ пермскому духовенству слѣдующее посланіе: „Слышу о васъ, что о церковномъ исправленіи и о своемъ спасеніи пермячичи, о духовныхъ дѣтяхъ не

бражнѣ и душевной похвалы не имѣте: сами адте и плете не въ преллчнѣе время, до обѣда, а стннѣ новокрещеннѣхъ людей послаблннѣ дѣте; многіе новокрещенные люди, свѣтра на васъ, соблазннются, тогда дѣлаетъ; да и возмущаетъ на незаконные браки, въ родствѣ, и другія богомерскія дѣла творятъ". Къ мнрннѣмъ трѣмъ же мнтрополнѣмъ писаль: „Куиранѣ не служите, трѣбъ нѣхъ не прнннмайте. Воннелю—болвану не молитесь по древнему обычаю, и всякихъ трнннцѣ не творите идоламъ, въ браки незаконные не вступайте; какъ слышно о васъ, что у васъ жеются въ родствѣ по ветхому и татарскому обычаю: кто у васъ умреть, то второй его братъ беретъ за себя его вдову, и третій братъ также дѣлаетъ; а жены ваши ходятъ простоволосыи. Все это вы дѣлаете не по закону хрнстннскому". (Истор. Соловьева Т. V стр. 276).

1502 годъ.

По настоянію мнтрополнѣа Снмона, 5-го мая 1502 года, совершилась хнротонія для Пермн Ннкома, бывшаго игуменомъ Глушнцкаго монастыря св. Днонснѣа.

Еп. Ннкомъ 12 лѣтъ управлялъ Пермскою епнскопнѣею. (Доп. вып. изъ лѣт. 1502 г. ж. Пермск. епарх. вѣд. 1969 г. № 25), при немъ совершилось окончательное подчиненіе Пермн Московской державѣ.

1503 годъ.

6-го августа сего года, еп. Велико-Пермскій Ннкомъ, будучи въ Москвѣ, подннмалъ Соборное опредѣленіе о пеннннннннхъ свъ священнослужнтелѣхъ: изднн да днрнконнѣю. (Пермск. епарх. вѣд. за 1869 г. на № 25).

Прнмѣчаніе 1. Подъ снмъ годомъ обозначены епнскопѣе Волгодѣкскнѣхъ и Велико-Пермскнѣхъ Алекснѣй I-й. (Истор. Р. Іер. ч. I, стр. 184).

Прнмѣчаніе 2. Въ Исторіи Россійской Іерархіи по списку бнблнотеки Пермской семинаріи, значущейся подъ № 1978, (безъ заглавнаго листа) на стр. 184 читается: епнск. Алекснѣй I хнротоннсанъ въ 1503 году.

1504 годъ.

Московское правнтельство, замѣтнвъ, что новопоставленнѣй Велико-Пермскій князь Матеѣй Мнхайловичъ нзмѣннлъ свои отношенія къ Росснн, а нмѣнно: онъ то ослушнвался царскнѣхъ прнказаній или сопротивлялся нмъ, то несправеднливо толковалъ нхъ, или выѣшнвался въ дѣла постороннннн, или подъ разными предлогами уклонялся отъ платежа условленной данн, или не соблюдалъ интересовъ государственныхъ и не радѣлъ ни объ устройствѣ Чердыни; гдѣ онъ жнлъ, ни о благосостояннн ея жнтелѣхъ,—посему государь вынужденъ нмѣлъ напнскн замѣтнть князю Матеѣю о легкомысленномъ его поведеннн въ отклоненнн Москвы и сначала грознлъ онагою, но, когда и это оказалось безъ дѣнствнн, и князь Матеѣй по прежнему продолжалъ безпечно жнть въ Чердынн (Волгодѣк. губ. вѣд. 1860 г. стр. 567 и Пермск. еп. вѣд. 1869 г.), тогда послѣ случнвшагося пожара, въ семь 1504 году, въ Чердынн,—перемалъ управленнѣе

«Пермская лѣтопись».

пермской страной особому намѣстнику. (Солн. лѣт. въ рукописи В. Шишонко и Перм. еп. вѣд. за 1869 г. Е. А. Вудрякъ).

Въ семь году, еп. Никонъ подписалъ соборное опредѣленіе „О вдовыхъ покахъ и діаконахъ и о запрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ однихъ монастыряхъ“.

Примѣчаніе. Въ подписи соборнаго опредѣленія епископъ Никонъ подписался слѣдующимъ образомъ: «Азъ, смиренный Никонъ, епископъ Пермскій и Вологодскій, къ сей грамотѣ руку свою приложилъ». (Акт. арх. эксп. т. I стр. 484).

1505 годъ.

Въ семь году, 27 октября, умеръ Іоаннъ III, на 67 году отъ рожденія переживъ вторую свою супругу, знаменитую Софью, только двумя годами и нѣсколькими мѣсяцами. Въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ, подобно своимъ предшественникамъ, подѣлилъ волости между пятью своими сыновьями: Василиемъ, Юріемъ, Дмитріемъ, Семеномъ и Андреемъ. На долю старшаго пришлось 66-ть городовъ и въ томъ числѣ самые значительные: Москва, Новгородъ, Псковъ, Тверь и др., а также Заволочье, Югра, Печора, Пермь Великая, вся Вятская земля съ Арскими князьями и проч. (Исторія Соловьева т. V, стр. 200).

Русскимъ намѣстникомъ Великой Перми былъ въ этомъ году князь Василій Андреевичъ Ковровъ, лѣтство свидѣнное съ отчимъ Пермскаго князя Матвѣя Михайловича. (Псалти. князь Перм. губерніи за 1838 г. и Солнцелок. рукопись).

Въ этомъ году на Чердынѣ дѣлалъ нападеніе изъ Тюмени омигъ дари Ивака, Кулукъ-Салтанъ и разорилъ Нижнюю землю и Усолье-Камское; потопля, посланная за татарами, княземъ Ковровъ на судахъ, настигла ихъ и разбила на р. Сылвѣ. (Карамзинъ, Истор. Госуд. Рос. т. VI, стр. 629 и Солнцелок. лѣт.).

Въ этомъ же году (въ нынѣшнемъ Верхотурскомъ уѣздѣ) была перепись ясашнымъ людямъ. При чемъ оказалось: Вишерскихъ вогуличъ 38 чел., а государева ясаку полагалось съ нихъ 4 сорока и 15 соболей, по 5 соболя съ человѣка. (Акты историч.).

Примѣчаніе. Въ 1508 году упоминается Усть-Вымскій епископъ Стефанъ, а по другимъ—Алексій. (Примѣч. 86 къ Сказанію о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа Пермскаго. А. М. 1856 года).

1514 годъ.

Послѣ 12-лѣтняго управленія Пермскою епархією; епископъ Никонъ удалился на покой въ Глушицкій монастырь св. Діонисія, гдѣ скончался и погребенъ въ соборной церкви св. Діонисія, за правымъ клиросомъ, близь стѣны, въ кою и подиесь надъ нимъ была, но забѣлена. (Очеркъ исторіи Пермской епархіи Е. А. Вудрякъ).

Примечаніе 1. Въ Вологодскихъ губ. вѣд. (1850 г.) упоминается епископъ Никонъ подъ слѣдующими годами: 1502, 1503, 1504 и 1514.

Примечаніе 2. О годѣ кончины и мѣстѣ погребенія еп. Никона, археологъ Суворовъ, изъ Вологды, говоритъ слѣдующее: мы нашли въ архивѣ Вологодской консисторіи свидѣтельство въ записи, поданной въ 1681 году игуменомъ Глушицкаго монастыря Иосафомъ пресвященному Симоу, архіепископу вологодскому: «лѣта 7189 (1681 г.) ноября въ 7 день, по указу великаго господина, пресвященнаго Симона, архіепископа Вологодскаго и Вѣдосерскаго, Глушицкаго монастыря игумень Иосафъ съ братією, епископа Никона Перискаго и Вологодскаго могилу досматривалъ: могила съ полуденную сторону церкви подъ пантерью, а на могилѣ камень лежитъ сѣрой, на трое переломленъ, на камнѣ надпись: «лѣта ЗЕ., т. е. 7200 (1512) могила владыки Никона Перискагодскаго». (Вологодскія губ. вѣд. 1850 г.).

Примечаніе 3. Не считаемъ излишнимъ представить на страницахъ нашего труда состояніе Перискаго края искорѣ послѣ покоренія ея русскими, со словъ Герберштейна, бывшаго въ Москвитинѣ неоднократно посломъ съ 1515—1552 г. Вотъ какъ онъ описываетъ тогдашнюю Пермію:

«Пермія, большая и обширная область, она стоитъ отъ Москвы на 250 миль, или по другимъ на 300 миль, прямо на сѣверовостокъ. Въ ней находится городъ того же имени, стоящій на рѣкѣ Вишерѣ (Vuischoka), которая десятью милями ниже впадаетъ въ Каму. По причинѣ множества болотъ и рѣкъ туда едва можно дойти сухимъ путемъ, развѣ только зимою; лѣтомъ же легче совершить этотъ путь на судахъ, черезъ Волгу, Устюгъ и рѣкою Вишерою, которая, въ 12 миляхъ отъ Устюга, впадаетъ въ Двину. Изумишь изъ Перми въ Устюгъ, надобно плыть по Вишерѣ; пройдя нѣсколько рѣкъ и въ нѣкихъ мѣстахъ перетаскивая суда землемъ въ другія рѣки, они приходятъ къ Устюгу, въ 800 миляхъ отъ Перми. Въ этой области хлѣбъ составляетъ рѣдкость; водятъ коней жители Перми ежегодно платя лошадымъ и вѣдкамъ. У нихъ свой языкъ и свои писмена, изобрѣтенныя еп. Стефаномъ, который основательно утвердилъ ихъ въ христіанской вѣрѣ; (а прежде сего, еще непроникнутые вѣрою они обкрали коню съ какаго-то епископа, который причисленъ было за то же дѣло). Этотъ Стефанъ уже съ правленія Дмитрія Іоанновича былъ причисленъ русскими къ числу святыхъ. До сихъ поръ многие изъ нихъ остаются идолопоклонниками, живя разсѣяно въ дѣскѣ; юнаны и отшельники, отправляются туда, не престають обращать ихъ отъ заблужденій и суетнаго служенія идоламъ. Зимою они ходятъ на артахъ (Artaeh), что дѣлается въ весьма многихъ мѣстахъ Россіи, — в арты суть деревянные продолговатыя колодеши вощи въ шесть ладоней длины; они держатся на нихъ, подвывая ихъ въ колеи, и ходятъ очень быстро (вѣроятно адѣкъ говорится о лыжахъ). Они употребляютъ вмѣсто молочнаго скота большихъ собакъ, на которыхъ перевозятъ тяжести въ возозахъ. Говорятъ, что эта область на востокѣ соприкасается съ татарскою областью названію которой—Тимень». (Записки о Москвитинѣ—Regum Moscoviticarum comentarij).

1517 года.

Въ семь 1517 г. Строгановымъ дана царская жалованная грамота на усрейнство въ Сольвычегодскъ (нынѣ уведенный городъ въ Вологодской губерніи) соляной варницы.

Примечаніе. Въ виду того, что роду Строгановыхъ Перискаго губерніи объявлена своимъ первоначальнымъ заселеніемъ и дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ и проч., мы приведемъ исторію этого знаменитѣйшаго рода, по документамъ 1791 года, сгруппированнымъ въ одно цѣлое— въ „Исторіи и родословіи и богатствъ и отечественныхъ заслугъ знаменитой

такой легкой кончиной, во упование на Бога, онъ, Спиридонъ, временную сію жизнь пережилъ на вѣчную, оставя потомкамъ своимъ вѣчную и похвальную по себѣ память.

Его, Спиридонова, жена, которая жила въ Москвѣ, осталась отъ него беременна; она родила сына, которому наречено во снотомъ врененіи имя Козьма, но извѣстной смерти отца своего прозванъ былъ отъ великаго князя московскаго, Строгановымъ, отъ котораго званія и по нынѣ фамилія господъ Строгановыхъ благополучно продолжается.

Оставшійся сынъ помянутаго Спиридона, Козьма, будучи совершенныхъ лѣтъ и возраста, совокупилъ въ Москвѣ бракомъ; отъ того ихъ супружества родилъ сынъ Лука, а потомъ отъ Луки родилъ сынъ Федоръ. По поколѣнной ихъ, Строгановыхъ, росписи всѣ Строгановы потомки въ прямой линіи. Они непосредственно жительства имѣли въ Москвѣ. Первой ихъ, Строгановыхъ, дождь, (какъ извѣствуется) былъ близъ монастыря Іоанна Предтечи въ Бѣломъ городѣ, что близъ Солянки. Чего ради, близъ того монастыря въ церкви творится память, по усопшимъ ихъ рода, гдѣ они погребены были.

1520 годъ.

Въ семь году епископомъ Вологодскимъ и Велико-Пермскимъ былъ *Пименъ*, который хриотонисанъ 16 февраля 1520 г., изъ игуменовъ Соловецкаго монастыря. Впрочемъ, онъ не долго управлялъ епископіею; а во другимъ съ этого же 16 февраля епископомъ былъ *Протасій* (Периск. епар. вѣд. 1868 и 1870 гг.).

Примеч. 1. Годъ кончины и время погребенія святаго Пимена неизвѣстны; а о дѣятельности его не осталось никакихъ свѣдѣній.

Примеч. 2. О св. Пименѣ упоминается въ житіяхъ подъ слѣдующими годами: 1502 и 1524.

1525 годъ.

9 апрѣля хриотонисанъ во епископа Вологодскаго и Велико-Пермскаго *Алексій II*, изъ игуменовъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (Вологод. губ. вѣд. за 1850 г. и Перм. еп. вѣд. за 1870 г.).

Примеч. 1. Подъ этимъ годомъ упоминается Вологодскимъ и Велико-Пермскимъ епископомъ Пименъ съ 2 апрѣля. (См. Сказаніе о жиданіи св. Стефана, состав. въ 1856 г. архимандритомъ Макаріемъ, впоследствии епископомъ Орловскимъ).

Изъ лѣтописей извѣстно, что Алексій II приуслуживалъ въ Москвѣ при посвященіи Макарія въ митрополита Всероссийскаго. По замѣчанію г. Вудрина Алексій оставилъ паству въ 1547 году. (Очеркъ исторіи Пермской епархіи Е. А. Вудрина).

Примеч. 2. О еп. Вологодскомъ и Велико-Пермскомъ Алексіи II упоминается въ лѣтописяхъ въ слѣдующихъ годахъ: 1525, 1530, 1539 и 1542.

Примеч. 3. Еп. Алексій хриотонисанъ въ 1525 г. (Истор. Рос. іерарховъ въ библиотекѣ Пермск. дух. сем. значится подъ № 1978, безъ заглавнаго листа. См. стр. 184).

Впрочемъ, нѣкоторые изъ церковныхъ писателей утверждаютъ, что Алексій управлялъ Пермской паствою не съ 9 апрѣля 1525 г., а со 2-го того же апрѣля и что въ немъ слѣдовалъ св. *Авгасій*, но указывая однакожъ ни времени его хриотоніи, ни прибытія въ Пермь Великую, ни предшествовавшей его дѣятельности, равно какъ и годъ смерти.

1531 годъ.

Въ семь году на Чердынъ было сдѣлано нападеніе Пелимскаго князя съ сибирскими инородцами (Доп. къ акт. истор.)

1535 годъ

Послѣ опустошительнаго пожара Чердынъ стала застраиваться (Рукописная лѣтопись о Чердыни, В. Шишонко).

Примѣч. 1. Названіе г. Чердынъ, какъ кажется, составилось изъ двухъ пермяцко-вирянскихъ словъ—изъ имени рч. «Черъ» или «Черки», протекающей въ г. Чердыни и впадающей въ рѣку Колву и «дынъ» или «динь», — изъ коихъ первое «черъ» означаетъ топоръ, а «дынъ» или «динъ» — устье рѣки. Слѣдовательно, «Чердынъ», въ переводѣ значитъ: «устье то — пор», иначе мѣсто, гдѣ впервые возникъ дѣло топоръ.

Не считаемъ излишнимъ сказать нѣсколько словъ объ историческо-административномъ его развитіи. Въ 25 верстахъ отъ р. Камы, близъ нынѣшняго города Чердыни, старожилы — обыватели и до сихъ указываютъ на обваливающихся земляныя укрѣпленія, кои, какъ говорятъ, и есть остатки того нѣкогда знаменитаго города, который принималъ такое важное значеніе въ торговой дѣятельности, нѣкогда существовавшей Віариніи. Чердынъ была въ то время складочнымъ мѣстомъ нѣкоторыхъ товаровъ, привозимыхъ изъ Азіи и южной Сибіри, для сбыта славянамъ и продавъ западной Европѣ. Но съ того времени, какъ Волгарское царство утратило свое значеніе, а монголы, пришедшіе изъ глубины Азіи, подчинили древнюю Русь своему владѣтельству, Чердынъ окончательно утратила свое торговое значеніе и только предпринимавшіе погородцы, иногда заглядывали въ тотъ нѣкогда отдаленный край, по своимъ торговымъ дѣламъ. — Есть, однакожъ, преданіе, что она, со времени своего основанія, находится уже на пути къ мѣстѣ. (Сошное письмо г. Чердыни съ его уѣдомъ. И. Яхонтова 1579 г., издано съ примѣчаніями В. Шишонко 1880 г.).

Примѣч. 2. Около 1539 г. Пермь, въ числѣ другихъ областей, страдала отъ нашествія и хищничества Кавказскихъ татаръ. (Караванскъ, Истор. госуд. Росс. г. VIII стр. 53 и 187).

1546 годъ.

Съ 30-го января на велико-пермскія владѣнія дѣлали нападенія нагайскіе татары.

Подъ этия годомъ значится, что епископомъ Вологодскимъ и Велико-Пермскимъ былъ *Аванасій* съ 3 января. (Перм. еп. вѣд. 1868 г. стр. 165).

1547 годъ.

30-го января, въ семь году, рукоположенъ во епископы Вологодскіе и Велико-пермскіе *Кипріянь*, изъ игуменовъ Московскаго Богоявленскаго монастыря, на мѣсто еп. Алексія удалившагося.

Изъ лѣтописей видно, что еп. Кипріянь, усердно заботившійся о духовномъ просвѣщеніи своей многочисленной паствы, былъ строгимъ блюстителемъ

постановленій церкви, побраникомъ благочестія и ревнителемъ религиозныхъ обрядовъ, старался о размноженіи церквей въ отдаленныхъ предѣлахъ своей епархіи. Онъ скончался въ Вологдѣ, гдѣ и погребенъ въ соборѣ; годъ его кончины неизвѣстенъ. (Вологод. губ. вѣд. 1850 года).

Примеч. 1. Въ Вологодскомъ соборѣ, гдѣ преданъ земля епископъ Кипріянь, надъ его могилон найдена слѣдующая надпись: «Великій пономинь, просвѣщенный епископъ Кипріянь Вологодскій, переносенъ изъ старыя соборныя дѣрвыя дѣрвагыныя, что воулѣ Лѣнныаго торгу и епископъа староа двѣра и погребенъ на семъ мѣстѣ». В. Шинько.

Примеч. 2. О св. Кипріянь упоминается въ актахъ подлѣ слѣдующими годами: 1547, 1548, 1551 и 1554. (Вологод. губ. вѣд. за 1850 г., стр. 775).

Въ семь гаду, января 6-го, бѣсть побіеніе, отъ набѣга нагайскихъ татаръ, Чердынскаго уѣзда, въ Кондратьевской слободѣ, надъ Вишерою рѣкою, 85 человекъ, что свидѣтельствуется надписью на желѣзной доскѣ, прибитой къ стѣнѣ церкви Успенія Божіей Матери, въ Чердынѣ. Надпись гласить тако: „Снѣ страдальцы побіены бѣди отъ Нагайскихъ татаръ на рѣкѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ, въ Кондратьевской слободѣ, надъ рѣкою Вишерою, 7055 (1547) года, Января 6 дни, числомъ ихъ 85 человекъ. (Распр. христ. вѣрм въ предѣлахъ Пермской губ. арх. Макарія 1857 г. стр. 7, пр. 18).

1552 годъ.

На первоначальное устройство Соликамска и его варницъ, нагайскіе татары смотрѣли съ завистью и дѣлали на Соликамскѣ въ разное время нападенія. Тѣснимые татарами соликамцы, въ 1552 году, обратились въ Грозному за войскомъ для своей защиты и для отраженія враговъ. Царь, со всѣмъ войскомъ, въ это время находился подъ Казанью, оттуда прислалъ въ Соликамскѣ складной образъ св. Николая чудотворца, съ такимъ увѣреніемъ, что святитель защититъ ихъ отъ нападенія враговъ. Вмѣстѣ съ иконою была прислана и грамота.

Примечаніе. Означенная грамота въ 1748 г., въ бывшій мѣнаръ въ Соликамскѣ, сгорѣла, а икона и доска находится въ Троицкомъ Соликамскомъ соборѣ. (Рукоп. соликамск. записк. В. Шинько и Распр. христ. вѣрм въ предѣл. Пермской губ. архив. Макарія 1857 г. стр. 11).

1553 годъ.

Грамотою, 26 декабря, запрещено руководствоваться судомъ и грамотами прежнихъ Велико-Пермскихъ князей, въ отношеніи пользованія земельными угодьями, рѣками, озерами и проч. (Тамъ же).

Въ семь году въ Чердынѣ существовала церковь во имя Варлаама чудотворца.

Примечаніе. Въ грамотѣ, пожалованной царемъ Іоанномъ IV чердынцамъ, въ 26 день декабря 7062 г. (1554), вмѣсто таковой же, сгорѣвшей 30-го апрѣля 7061 г. (1553 г.), въ церкви Варлаама чудотворца, неоднократно упоминаются усольцы и усмыльцы, т. е. соликамцы, которымъ повѣданы по ней равныя права и преимущества съ велико-пермцами (чердын-

пани). Подлинно неизвестно, когда пожалована была первая грамота, но по изданіи составителя Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи г. Цошова, она дана въ то время, когда Курчевъ (намістникъ Чердымскій), по сторѣніи, на устьѣ рч. Камзелки города (Чердыни), выстроилъ на низи́ннѣи мѣстѣ г. Чердынь; слѣдовательно около 1535 г. Усолье-Камское, иначе Соликамскъ, населено было уже прежде первой пожалованной грамоты т. е. до 1535 г., но во всякомъ случаѣ до 1553 года, въ которой дана вторая грамота. (Хозяйств. описаніе Пермск. губ., изд. Вольно-Экономич. Общ. въ 1811 г., т. III § 52).—Другіе же, какъ Миллеръ и Финшеръ (Сибирск. исторія) говорятъ, что Соликамскъ еще не существовалъ въ 1558 г., когда Строгановымъ пожалованы земли по рѣкѣ Камѣ, на чемъ основали, что въ грамотѣ, данной Строгановымъ Іоанномъ IV, 4 апр. 1558 г., не упомянуто о Соликамскѣ и разстояніе пустылъ мѣстѣ, лежащихъ по Камѣ и жалующихъ Строгановымъ, показано не отъ Соликамска, а отъ Чердыни. Это означенные писатели подтверждаютъ слѣдующими мѣстами грамоты: «а на Москвѣ назначенъ наши про тѣ мѣста спрашивали у Пермитина Кодуалы, привезшаго пермитскую дань и онъ, Кодуаль, сказалъ, что тѣ мѣста, о которыхъ бытъ Григорій Строгановъ, искони вѣчно лежатъ вшустѣ и доходу въ нашу казну нѣтъ никотораго и у чермичъ-де нхъ въ тѣхъ мѣстахъ, нѣтъ ужошевъ никоторыхъ». (Лѣт. Строганов. отд. II).

Однакожь, если взято здѣсь во вниманіе разстояніе земель, жалующихъ Строгановымъ, не отъ Соликамска, а отъ Перми Великія (т. е. Чердыни), то это можетъ быть потому, что Чердынь въ то далекое время была городомъ болѣе известнымъ и главнымъ правительственнымъ мѣстомъ, въ которомъ жилъ намѣстникъ государевъ, тогда какъ Соликамскъ былъ еще неизвѣстнымъ.

1554 годъ.

26-го декабря въ Чердыни, на посадѣ, сторѣла церковь Варлаама чудотворца (Записк. В. Шимонко).

1555 годъ.

Въ январѣ 1555 года пришли послы къ царю отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской, поздравили государя съ царствомъ Казанскимъ и Астраханскимъ; и били челомъ, чтобъ государь князя ихъ и всю землю Сибирскую взялъ въ свое имя и отъ всѣхъ непріятелей заступилъ, дань свою на нихъ положилъ и человѣка своего прислалъ, кому дань собирать.—Государь пожаловалъ, взялъ князя Сибирскаго, всю землю въ свою волю и подъ свою руку и дань на нихъ положить велѣлъ; послы обязались за князя и за всю землю, что будутъ давать съ каждаго чернаго человѣка по соболу и по бѣлкѣ сибирской, а черныхъ людей у себя сказали 20,700 человѣкъ. Царь отправилъ въ Сибирь посла и *дорогу* (сборщика дани). (Исторія Соловьева т. I, изд. 2-е, стр. 411).

Примечаніе. Объ этомъ посольствѣ есть намекъ и въ Чердымск. рукописной записк. (В. Шимонко)

Посоль Димитрій Куровъ возвратился въ Москву въ мѣстѣ съ сибирскимъ посломъ, Бояндою, съ которымъ Сибирскій князь Едигеръ прислалъ дани только 700 соборей, объ остальной же объявилъ, что по случаю войны съ Шябанскимъ царевичемъ и плѣненіи послѣднимъ много людей, явились затрудненія въ сборѣ дани,—на что Куровъ говорилъ, что дань было можно собрать сполна, да не хотѣли; вслѣдствіе чего царь положилъ оналу на Боянду: велѣлъ отобрать у него все имѣніе, самого посадить подъ стражу, а въ Сибирь, черезъ Пермь, отправить служилыхъ татаръ съ грамотою, чтобъ во всемъ исправились. Приказъ царя—князь Едигеръ исполнилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ шертную грамоту за своею печатью, въ которой Едигеръ объявлялся быть у царя въ холодствѣ и платить каждый годъ дань безпереводно. (Истор. Соловьева т. 1, изд. 2).

Примѣчаніе. Конечная цѣль подобнаго заявленія Едигера предъ Москвою состояла въ томъ, чтобы могуществомъ покровителя своего сдерживать своихъ недруговъ хотя, по отдаленности Москвы, трудно было ожидать помощи отъ нея, что, въ свою очередь, отнимало страхъ у враговъ его. Подобное положеніе понимали и въ Сибирѣ,—тѣмъ болѣе, что Москва во внутренніи дѣла Сибирскихъ князей не вмешивалась и ей нужно было лишь одного—это исправной платы дани. Но и этой цѣли она не всегда достигала. Такъ мы видимъ, что Сибирскій князь Кучумъ обязался платить дань Іоанну, но потомъ убилъ московскаго посла. Все это продолжалось лишь до того времени, пока движеніе русскаго народа на сѣверовостокъ не приблизило своихъ селеній къ Каменному поясу и, наконецъ, не перешагнуло черезъ него. Въ этомъ случаѣ оказала важную услугу родъ Строгановыхъ, что увидимъ подлѣ 1558 г. въ следующей лѣтописи.

Великій князь Иванъ Васильевичъ великое имѣлъ попеченіе, чтобъ найти въ Россіи руды мѣдныхъ или другихъ металловъ сокровища, а особливо мѣдныхъ, чтобъ завести въ Россію заводы мѣднотавильные; ибо тогда мѣдь получалась изъ другихъ государствъ, а въ Россіи знающихъ о томъ металлѣ, да прискакателей не было, во токмо довольствовались жальскими присками, да и того получалось мало число; ибо заводовъ жальскихъ и другихъ съ большими домнами, промѣ ручныхъ домницъ, не было. Того ради во многихъ грамотахъ, царь повелѣвалъ Строгановымъ о присканіи тѣхъ металловъ имѣть прилежное стараніе, а въ 1564—1556 г. особливою грамотою Аникію Строганову было подтверждено: „велѣлъ еси сину твоему Григорію на Устюгъ, въ Пермь и въ иныхъ нашихъ городахъ, искать руды мѣдныя, и ты бы его на то дѣло опустилъ.“ Но хотя потому повелѣнію оному, Григорій, о присканіи той мѣдной руды не малое время прилежное стараніе и прилагалъ, но за незнаеніемъ и неимѣніемъ вѣдущихъ о тѣхъ мѣстахъ и металлахъ, въ какихъ она обожеть, отыскать не могъ. Сей Аникій Строгановъ у Соли-Вичегодской былъ знатной и богатой человѣкъ; слава объ немъ болѣе и болѣе уможалась, не только получалъ онъ богатство отъ соляныхъ своихъ промысловъ, но къ нему прѣзжали купцы съ российскими и заморскими товарами; приходили же

и изъ сосѣдственныхъ, а паче изъ незнаемыхъ ему иностранныхъ народовъ, съ мягкою дорогою рухлядью, которой товаръ покупалъ у тѣхъ народовъ, изъ первой руки, и отъ того получалъ себѣ немалой прибытокъ. Онъ прилежно примѣчалъ между тѣми незнаемыми ему гостями въ языкѣ, въ платьѣ и въ обхожденіи, нашелъ въ нихъ великую разность, изъ которыхъ нѣкоторыя назывались самоядью, вогульцами и другими названіями, о которыхъ въ Россіи мало еще тогда было извѣстно,—познавъ, что нѣкоторые изъ нихъ жительство имѣютъ за Югорскими горами и страны тогда мало вѣдомой Сибирской. Аникій крайнее возымѣлъ желаніе знать, въ какомъ разстояніи оная Сибирская земля отъ границъ російскихъ отдалена, и чрезъ какія мѣста проходить до оной подлежать,—принявъ твердое намѣреніе сію землю, чрезъ помянутыхъ гостей, отчасти знаему себѣ учинить, которая есть богатая сокровища производить.

Сего ради, учинилъ онъ съ нѣкоторыми изъ сихъ чужестранцевъ дружбу, послалъ съ ними сперва человекъ десять своихъ служителей и приказалъ, чтобъ они о всѣхъ обстоятельствахъ оной земли, съ крайнимъ прилежаніемъ, провѣдали и, возвратясь, обстоятельно ему сказали. Когда жъ помянутые люди, во всякой цѣлости и съ не малымъ прибыточнымъ товаромъ и радостными извѣстіями, назадъ возвратились, Аникій, будучи тѣмъ первымъ и весьма счастливымъ успѣхомъ одобренъ, не опасаясь отъ тѣхъ народовъ, по знакомству какого зла, отправилъ туда жъ, на другой годъ, нѣкоторыхъ изъ своихъ сродниковъ съ разными мелочными товарами съ такимъ приказаніемъ, чтобъ они, внутри той земли, жительства ихъ еще далѣе провѣдать старались; тѣ, посланные, исполняя приказаніе, пошли отъ Соли-Вычегодской въ верхъ по рѣкѣ Усменѣ, минуя вершины рѣки Печоры, и перешедъ высочихъ горъ хребетъ, которой облежитъ между рѣкѣ Печоры и Оби, и вышедши на рѣку Обь, гдѣ въ великомъ множествѣ жительствоеть остяковъ и другихъ народовъ въ разныхъ городахъ и по урочищамъ,—съ тѣми народами они, посланные отъ Строганова, весьма дружелюбно поступая, вымѣняли вмѣсто дешевыхъ своихъ мелочныхъ товаровъ, и привезли съ собой оттуда множество самой лучшей рухляди, соборей, и лисицъ и другихъ звѣрей. Сіе Аникій побудило еще нѣсколько лѣтъ продолжать столь прибыточное купечество. Въ томъ купечествѣ хотя прежде его, Аникія, въ ближнихъ въ Россіи въ сибирскихъ мѣстахъ и другіе обращались, однако они имѣли причины, чтобъ сей прибыльной торгъ таить для своей прибыли; но Аникій богатства своего не скрылъ; онъ, въ мѣстахъ около Соли-Вычегодской, накупилъ себѣ земель и людей, а именно: въ уѣздахъ въ *Колоторскомъ* (?), въ *Почезерскомъ*, *Вышешишскомъ* (?), въ *Басгахъ* (?), въ *Вылатской волости*, въ *Никольскомъ* и въ *Ильинскомъ* приходахъ, да на *Устюгѣ* въ *Вондо-Курскомъ*, *Комаровскомъ*, *Суповскомъ* приходахъ и въ другихъ многихъ; построилъ у Соли-Вычегодской; своимъ собственнымъ издвигеніемъ, великолѣпную каменную соборную церковь, столпую на многихъ подѣ нею палатахъ, съ шестью освященными прицѣлами и съ богатою весьма ризницею; особливо богатымъ издвигеніемъ украшемы святыне

образъ драгоценныхъ камней, и жемчугами и прочей богатой утварію; также усердствовали многимъ прикладомъ другимъ церквамъ: не только у Соли-Вычегодской, но на Устюгѣ и по другимъ знатнымъ городамъ и монастырямъ церкви созидали и благодѣшно украшали, многія же и свои деревни церквами украсили. Отъ него не токмо зависѣло, чтобъ источникъ такого ссыланнаго имъ въ Сибирь богатства не истощившимъ былъ для него, но онъ предпочелъ пользу отечества—паче собственной своей прибыли, немедленно поѣхалъ въ Москву и при царскомъ дворѣ объявилъ извѣстія тѣ, которыя по то время о Сибири и ея жителяхъ онъ получилъ.

Сибирь тогда еще мало въ Россіи была извѣстна и въ подданствѣ изъ сибирцовъ еще почти никого не было, но только были покорены въ 7007—1499 году Березовцы, кои къ сѣверу, и нѣсколько остяковъ и кондйцовъ *); а о прочихъ сибирскихъ мѣстахъ были неизвѣстны, но Аникою Строгановымъ въ царствованіе царя Іоанна Васильевича вновь узнали о Сибири. Итакъ, означенное. Аникіемъ Строганова о Сибири объявленіе при дворѣ царскомъ принято было весьма за важное обстоятельство, что видно изъ слѣдующаго: 7085—(1557) года послыались въ Сибирь послы, по примѣру другихъ сосѣдственныхъ народовъ, имѣли дружбу и отправляли купечество, а съ прочихъ ближнихъ вышеупомянутыхъ къ Россіи сибирцовъ, хотя и давнѣе брана была болѣе тысячи соболей, но о завоеваніи Сибири подъ державу российскую тогда ни малаго еще намѣренія не было.

За такое важное объявленіе при дворѣ не въ долгѣ получилъ онъ, Аникій Строгановъ, не малое награжденіе, а именно: увѣдомился онъ, Аникій, отъ вѣдующихъ людей, что въ Перми Великой земля при рѣкѣ Камѣ мало тогда жителями была обитаема, а къ поселенію весьма способная и всѣмъ изобильная, и такъ какъ Аникій имѣлъ у себя трехъ сыновъ—Григорья, Якова и Семена,—ради того и распространенія своей фамиліи и къ прибавленію къ старымъ у Соли-Вычегодской вотчинамъ надо было сыскать полезнѣйшія, другія заселенія, пожелалъ на оныхъ, объявленныхъ ему въ Перми мѣстахъ, съ фамиліею своею поселиться, надѣясь, что на тѣхъ новыхъ мѣстахъ будетъ лучшее довольствіе и дому приращеніе, послать на тѣ пустыя и не населенныя пермскія мѣста, на имя большаго своего сына Григорія, просьбу. (Исторія о родословіи и богатствѣ фамиліи гг. Строгановыхъ. В. Шшонко).

Примечаніе. Между упомянутыми Строгановыми особливо Лука, Коскинъ сынъ, достопамятенъ. Онъ былъ знатной и богатой человекъ; ибо въ данной, отъ государя царя и великаго князя Василья Ивановича Шуйскаго, Строгановымъ, Максиму Яковлеву съ братьями, жалованной грамотѣ, марта 24 дня 7118--1610 года, между другими ихъ, Строгановыхъ, заслугами, засвидѣтельствовано и сіе, что нѣкто изъ ихъ предковъ, которой не иной кто быть можетъ, какъ упомянутой Лука, Коскинъ сынъ, великаго князя Василья Васильевича Темнаго, по великому къ нему своему усердію, не жалѣя

*) Кондйское клинское додичиное плаважель асакъ городу Пелмгу съ прочими уѣданныи асакскими вагулами, которириъ было не болѣе тысячи луковъ, то есть плавельниковъ асакъ; считается платитъ асакъ въ каму соболей не дорогитъ, лисендей, горностасъ, бѣлкомъ и асакинной кожей.

своихъ пожитковъ, вятною суммою денегъ изъ плѣну у татаръ своиаи дощыаи выкупилъ. Сей несчастный случай учинился великому князю отъ орданскихъ татаръ, о которомъ пишется, въ нѣкоторомъ лѣтописцѣ такимъ образомъ:

«Въ лѣто 1958—1445 году, Махметъ послалъ дѣтей своихъ воевати подѣ Москву Мамутина, да Эгуша; великій же князь Василій Васильевичъ выиде противу ихъ и бои бысть подѣ Суздаземъ и побѣна много татаръ и начаша пакы татарове возвращаться; великой же князь напусти на нихъ своихъ полкоу, близъ Вышнѣго монастыря, татарове же вваша на томъ бою великого князя и много иныхъ князей и бояръ и ведоша до Курмыша и ту утвердиша крестное цѣлованіе, что дасть великій князь за себя окупъ, и тако отпустиша его и съ нимъ взятыхъ князей и бояръ».—Изъ сего видно, хотя точно въ томъ лѣтописцѣ, что помогъ окупомъ великому князю Лука Строгановъ и не упоминается, но, выше объявленною царскою грамотою, засвидѣтельство вано, что былъ выкупщикомъ тогда изъ Строгановыхъ реду, а не отъ иныхъ фамилій что и въ записяхъ иныхъ, безъ сомнѣнія, принято, — за тое его, Луки Строганова, достохвальное дѣло, чайтельно, что безъ благодарности великого князя оставлено не было.

Сей честный мужъ, Лука Строгановъ, пожилъ во благополучіи и въ милости отъ великого князя, бываевою кончиною отъ жизни сей прѣставился. Помянутой сынъ его Федоръ, по смерти отца своего Луки, съ дѣтми своими—Строганомъ, Осапомъ и Володимиромъ жительство свое въ Москвѣ благополучно продолжалъ не малое время, во всякомъ довольствіи и милости. Когда же пожелалъ онъ, Федоръ, переѣхать изъ Москвы и жительство имѣть съ дѣтми своими въ Великомъ Новгородѣ, и сіе ему отъ великого князя московскаго позволено было, а въ которомъ году переѣздъ его изъ Москвы въ Новгородъ и сколько лѣтъ въ Новгородѣ жительство имѣлъ, за недостаткомъ письменныхъ извѣстій, не вѣдомо; но о семъ только мнѣстно, что, въ концѣ пятатаго на десять вѣка, то есть, по Рождествѣ Христовѣ 1488 году, по усмиреніи великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, (которой былъ дѣдъ государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Россіи, *) изъ Нова-города, Федоръ съ дѣтми своими, по просьбѣ своей къ великому князю, чтобъ изъ Нова-города выѣхать и переселиться жительство въ Соль-Вычегодской, и, по той его просьбѣ, великимъ княземъ, онъ и уволенъ былъ, и послѣ онаго времени не упоминается уже Строгановъ роду въ Москвѣ и въ Новѣ-городѣ жительствою, но въ Устюгѣ и у Соль-Вычегодской.

Помянутой Федоръ Строгановъ, выѣхавши изъ Нова-города въ Соль-Вычегодскую, съ довольнымъ богатствомъ, и не въ долготѣ времени, по приѣздѣ своемъ, будучи уже въ довольнои старости, пожелалъ принять на себя чинъ монашескій, и былъ постриженъ, и въ монастырѣ наречено имя ему Теодосій и, поживъ въ монастырѣ не долгое время, прѣставился. По немъ остались дѣти его—четыре сына помянутые: Стефанъ, Иосифъ и Володимеръ, да меньшій его сынъ Иоанникій, который родился ему въ Новѣ-городѣ. Помянутой Федоръ Строгановъ еще при жизни своей присмотрѣлъ въ самомъ городѣ Соль-Вычегодскѣ небольшое соляное озеро, въ которое стекаютъ съ береговъ ключи рассольные. Примѣчая, что и по всему дну того озера тѣхъ ключей есть довольно, однако лучшую свою доброту смѣшивають съ прѣсною того озера водои и тѣмъ доброту свою теряють,—положилъ нагѣреніе, при томъ озерѣ, построить соловаренныя

*) Новгородцы вторично отожкились отъ великаго князя московскаго по извѣщенію самовольно отступившей вдовы новгородской Марфы жены и сына Ворецкаго съ дѣтми ея и прочіихъ помощниковъ. Великій князь ходилъ въ Новгородъ два раза со многими войствомъ. Въ первомъ походѣ привелъ ихъ въ послушаніе, а во второй войшалъ Марфу посаднику, послалъ въ Москву, а оттолъ въ ссылку и съ ея внукомъ, а сына ея казнилъ смертію, и тѣмъ, уничтожила республику новгородскую, привелъ оную въ свое самодержавство; тогда же привезенъ изъ Новгорода и вѣтовой ихъ колоколь, то есть, сборной, что нынѣ въ Москвѣ набатной.

варинки, отъ которыхъ была бы государственная польза, тамъ же бы и себя сами честными трудами содержать могъ; но того при жизни своей не исполнилъ, а исполнили, по приказанію его, помянутыя дѣти его. Они поставили, по край онво и въ самомъ озерѣ трубы, и тѣмъ, икнуя прѣсную воду, начали, при тѣхъ трубахъ, строить солодваренныя варинки; однако, безъ дозволенія великаго князя, онвого промысла въ дѣйствіе пустить не смѣли,—того ради учинили и великому князю Василю Ивановичу о дозволеніи варенія на тѣхъ варинкахъ семя—пресъбу, и, по той ихъ просьбѣ, пожалована имъ отъ него, великаго князя, на тотъ ихъ соляной промыселъ дозволительная жалованная грамота, въ лѣто отъ созданія міра 7025, отъ Рождества Христова 1519 году, на имя помянутыхъ трехъ братьевъ, дѣтей Федоровыхъ: Стефана, Юсифа и Володимера—съ пожалованіемъ къ тому соляному ихъ промыслу, въ Вондокурской волости, дикіи глѣсы, да солю Качаловскою въ вѣчно владѣніе, которой промыселъ тѣмъ имъ искорѣ распространился. А какъ послѣ тѣ трое братья, по разнымъ временамъ, безъ наслѣдниковъ померли, то, по ихъ кончинѣ, вступилъ во всѣ наслѣдства меньшій ихъ братъ; а, Федоровъ сынъ, Аникій Строгановъ, соляной тотъ промыселъ въ вареніи соли гораздо прежнее дѣйствительнѣе и крѣпше въ лучшее и прибыточное состояніе, и отъ того промыслу получилъ знатную себѣ прибыль, а добродѣтельными сроками поступками всѣми любимиъ и почитаемъ и довольно известь былъ великому князю. Помянутая же жалованная отъ великаго князя грамота, данная тремъ братьямъ на соляной промыселъ, особливо ихъ, Строганова, роду есть достопамятна для преимуществъ, которыя, томъ грамотою, даны имъ были, чтобъ вадъ ихъ подчиненными они ихъ (крошъ уголовныхъ дѣлъ) сами судили, а для ихъ самихъ, чтобъ они, Строгановы, ни кѣмъ, крошъ великаго князя, судимы не были.

Во кончинѣ великаго князя Василя Ивановича Дюжого вступилъ на Всероссийскій престолъ сынъ его, государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, въ лѣто 7041—1533 году. При семъ великомъ государѣ помянутой Аникій Строгановъ, у Соли-Вычегодской, по честности роду своего и по прибыточнымъ солянымъ своимъ промысламъ, былъ великому государю извѣстенъ. Онъ имѣлъ тогда трехъ сыновъ: Григорья, Іакова и Семена. Его царское величество, по особенной къ нему Аникію милости и широтѣ его, поручилъ ему и сыну его Якову въ смотрѣніе, чтобъ какъ англичане, такъ и другіе иностранцы, которые отъ норугу города Архангальскаго*), провозя съ привозными товарами своими въ Москву, оными у Соли-Вычегодской и по другимъ российскимъ городамъ и уѣздамъ до самой Москвы, тѣми товарами, врознь не торговали, а продавали-бы оптомъ, такожъ имѣлъ бы смотрѣніе, чтобъ тѣ англичане пеньку не покупали и изъ оной кашатовъ не спускали, а земскіе бы люди жемчужно-дымчатыя руды не покупали, и жемчужно-дымчатыхъ не продавали и о карабельныхъ лѣсахъ, которой брань была изъ тѣхъ мѣстъ въ продажу англичанамъ, о томъ присылать вѣдомости,—до скольку онаго въ годъ на корабельное строеніе въ продажу выходитъ, и какими они, англичане, у Соли-Вычегодской товарами торгуютъ,—о всемъ томъ особенную грамотою его царскаго величества велѣно имъ, Строгановымъ, по часту въ Москву уѣдомлять, а изъ привозныхъ къ городу Архангельскому нѣмецкихъ товаровъ, что надлежало ко двору его царскаго величества,—ему жъ велѣно покупать вольною цѣною. Порученъ жъ были имъ, Строгановымъ, и другія комисіи.

*) Извѣствуется, что сей на устьѣ р. Двины, у Вѣлаго моря, лежащій великороссійской Архангелогородской портъ, европейскимъ народамъ долго былъ неизвѣстенъ; ибо тогда, на Вѣломъ морѣ, российскою морскою коммерціею ни съ кѣмъ, до времени благополучнаго царствованія государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, не шло; но англичане, шедши въ Китай и въ Восточную Индію чрезъ сѣверъ пройти, сей городъ, въ 1553 году, начално нашли и болѣе ста лѣтъ для открывленія коммерціи почти одни туда ходили, получая отъ российскихъ государей великія привилегіи и товары свои въ великомъ множествѣ съ прибылью продавали, а послѣ о семъ и голландцы, свидѣвъ сіе купечество, съ англичанами раздѣляли, да и прочіи нѣмецкіи купцы—путь показали).

Оное все отъ его величества приказанное съ пользею государственною и во угодность его царскому величеству чинено было безъ малѣйшаго упущенія; что тогда въ похвалу ихъ, Строгановыхъ, и грамотаи 7060—1552, 7068—1555, 7068—1560 годовъ засвидѣтельствовано; къ тому-жъ для необходимой тогда государственной надобности, по требованію великаго государя, Соли-Вычегодской за посадъ и за уѣздъ, по тогдашнему положенію, пошлыми и другія казенной сборъ за всѣхъ платилъ онъ, Аникій, по многіе годы своими деньгами—суммою, а съ нихъ получалъ посылъ уже обмкнновеннымъ образомъ. (Ист. о богат. и род. гт. Строгановыхъ В. Шимонко).

1557 годъ.

Съ переселеніемъ Строгановыхъ въ пермскій край, христіанство начало быстро распространяться въ окрестностяхъ Соликамска (Соликамскій гѣт. въ рукоп. В. Шимонко).

Въ Соликамскѣ былъ пожаръ отъ молніи, который, начавшись отъ гѣтней Троицеой церкви, всѣ постройки истребилъ до приказной избы, а за Усолкою рѣкою по Елисеевской дворъ. (Тамъ же; Распр. христ. вѣры въ предѣл. Пермск. губ. Арх. Макарія 1857 г. стр. 11).

Увѣдомился Аникій Строгановъ отъ вѣдующихъ людей, что въ Перми Великой земля при р. Камѣ мало жителями обитаема, а къ поселенію весьма способная и всѣмъ обильная, а понеже онъ, Аникій, имѣлъ у себя трехъ сыновъ—Григорья, Якова и Семена,—ради того и распространенія своей фамиліи и къ прибавленію къ старымъ у Соли-Вычегодской вотчинамъ надо было смекать полезнѣйшія другія заселенія, пожелалъ на оныхъ, объявленныхъ ему въ Перми, мѣстахъ,—съ фамиліею своею поселиться, надѣясь что на тѣхъ новыхъ мѣстахъ будетъ лучшее довольствіе и дому приращеніе, учинилъ къ государю царю на тѣ пустыя и не населенныя пермскія мѣста, на имя большаго своего сына Григорія просьбу.

Въ той своей просьбѣ объявилъ, что, въ царской отчинѣ, ниже Великія Перми (то есть города Чердыни), за 88 верстъ по Камѣ р., по правую сторону Камы, противъ Пискорской курьи, по обѣ стороны Камы до рѣки Чусовой, мѣста пустыя, лѣса черныя, рѣки и озера дикія, острова и наволоки пустыя же на 146 верстъ; а прежде на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны, и дворы не ставливаны, и въ царскую казну пошлина никакая не бывала, и инныя земли ни кому не отдаваны и въ писцовыхъ, купчихъ и въ правожныхъ тѣ мѣста ни за кѣмъ не записаны; а желаетъ онъ, Григорій Строгановъ, на томъ мѣстѣ городомъ поставить, а на городѣ пушки и пищали учинить, и пушкарей и пищальниковъ и воротниковъ устроить, для бережья отъ нагайскихъ и отъ иныхъ орды собору, и около того мѣста, по рѣкамъ и до вершинъ и по озерамъ лѣсъ сѣчи, и пашни расчиста—пахати, и дворы ставить, и людей называть не писменныхъ и не тяглыхъ, и разсолу искать, и гдѣ найдеть разсолъ, варницы ставить и соль варить.

Просьба та его, Григорьева Строганова, милостиво была принята и на оную было опредѣлено, чтобъ случившагося тогда въ Москвѣ пермскаго жи-

тела именовъ Кадаула, который прѣзжалъ отъ пермичъ съ данью о тѣхъ пустыхъ и не населенныхъ въ Перми мѣстахъ спросить, что подлинно ли лежать въ пустѣ и доходу съ нихъ царскому величеству въ казну не имѣется и у пермичъ въ тѣхъ мѣстахъ ухажаевъ (то есть звѣринаго и прочаго промыслу) нѣтъ и потому опредѣленію помянутой Кадауль былъ спрашиванъ и сказалъ, что подлинно тѣ мѣста не населенныя и лежать сначала пусты и дани государевой никуда не плачивано и ни чьихъ ухажаевъ нѣтъ, и по сему его, Кадаулову, объявленію, онъ, Великій Гусударь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, на тѣ пермскія мѣста ему, Григорью Анкиеву Строганову, 7066 (1558) году, царскую свою жалованную грамоту, за государственною печатью, и пожаловалъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, Григорій, на тѣхъ пустыхъ и не населенныхъ мѣстахъ, которыя ему пожалованы, по рѣкѣ Камѣ, ниже Великія Перми, до Чусовой рѣки на 146 верстѣ, городокъ поставилъ, гдѣ-бы было мѣсто крѣпко и осторожно и на городѣ пушки и пищали учинилъ, пушварей и пищальниковъ устроить собою, для предосторожности отъ нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около того городка по рѣкамъ и по озерамъ лѣсъ чистить и пашни распахивать и дворы ставить, и людей въ тотъ городокъ призывать не письменныхъ и не тяглыхъ, и гдѣ въ томъ мѣстѣ рассоль найдеть и ему варницы ставить и соль варить, и по рѣкамъ и по озерамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, рыбу ловить безоброчно, понеже его царское величество на тѣ новыя ихъ мѣста изволилъ пожаловать съ того 7066—(1558) году льготы во всемъ на 20-ть лѣтъ и которые люди, въ тотъ городокъ, къ нему прѣйдутъ Московскаго государства, или иныхъ земель съ деньгами или съ товары, соли и рыбы и иного товару купить и тѣмъ людямъ вольно товары свои продавать и у нихъ покупать въ льготные годы, безъ всякихъ пошлинъ, а гдѣ буде найдутъ руду серебряную или мѣдную, или оловянную и ему, Григорью, тотчасъ отписывать о тѣхъ рудахъ къ государственнымъ назначеніямъ.

Когда же Анкией Строгановъ, получилъ такую Высочайшую милость, въ непродолжительномъ времени, на тѣ жалованныя въ Перми мѣста съ двумя сыновьями, съ Григорьемъ и Яковомъ, отъ Соли-Вычегодской въ Пермь и поѣхалъ, а третьяго своего сына Семена оставилъ у Соли-Вычегодской въ домѣ своемъ, — взявъ же съ собою для дома своего, и изъ людей своихъ и для новаго поселенія часть изъ своихъ же крестьянъ, къ тому-жъ довольно пошло и вольныхъ людей, изъ разныхъ тамошнихъ мѣстъ—зырянцовъ и пермичъ, которые на тѣхъ новыхъ мѣстахъ первые и носельщики были. (Исторія о родствѣ и богатствѣ гг. Строгановыхъ. Изд. В. Шишони).

1558 годъ.

Въ семъ году, какъ уже сказано, именитымъ людямъ Строгановымъ пожалованы пустыя мѣста, ниже Перми Великія (Чердынни) по обѣ стороны Камы и до рѣки Чусовой.

Примѣніе. Приведемъ для полноты и данную, по этому поводу, царскую жалованную грамоту. „Великій Государь, Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ всея Россіи, пожаловалъ Григорья, Анкіева сына, Строганова, велѣлъ ему: ниже Великія Перми за 88 верстѣ по Камѣ рѣкѣ по правую сторону, съ устья Лысыя рѣчки, и по лѣвую сторону Камы рѣки, противъ Пыжовскихъ курь, внизъ по обѣмъ сторонамъ по Камѣ рѣкѣ до Чусовія рѣки, на черныхъ лѣсахъ городокъ построить, гдѣ бы было мѣсто крѣпко и осторожно, и на городкѣ пущечки и пищали учинить, и пушварей и пищальниковъ устроить собою, для береженія отъ нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около того городка по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчь, и пашни распахать, и дворы ставить, и людей въ тотъ городокъ принимать не письменныхъ и не тѣлныхъ; а которые люди въ тотъ городокъ кто придутъ Московскаго Государства, или иныхъ земель люди съ деньгами, или съ товарами, соли, и рыбой, и иныя товары купить, и тѣмъ людямъ вольно товары свои продавать и у нихъ покушая, безъ домысливъ пошлины. А гдѣ въ томъ мѣстѣ разсолъ найдеть, ему варяницы ставить и соль варить, и по рѣкамъ и озерамъ въ тѣхъ мѣстахъ рыбу ловить безъ оброчно. А льготы дано отъ Благовѣщеньева дни 7066 года, до Благовѣщенья-жъ дни 7088 года. А кто къ нему, Григорью, въ городъ, и на посадъ, и около городка ни пашни, ни деревни и ни починки придутъ жить не письменные и не тѣлные люди, и съ тѣми людьми ни льготныя двадцать лѣтъ, лисскихъ и ямскихъ денегъ и иныхъ выкаціи подати и оброковъ не имать; и перскихъ наместникамъ и ихъ тѣнамъ Григорья Строганова и его городка людей и крестьянъ ни въ чемъ не судить; и на поруки ихъ не давать, и праведничкомъ, и доводчикомъ и ихъ людей не въ ѣзжать и не посылать къ нимъ ни по что; а вѣдать и судить своихъ слобожанъ во всемъ ему, Григорью, самому. А кому будетъ иныхъ городовъ людямъ до него, Григорья, дѣла, и тѣмъ людямъ за него, Григорья, имѣть управныя грамоты, а по тѣмъ грамотамъ стараться ему, Григорью, въ Москвѣ безпрестанно передъ казначемъ, на срокъ на Благовѣщеньева день. А какъ тѣ урочныя лѣта отойдутъ, и Григорью Строганову все подати велѣтъ носить къ Москвѣ въ казну, тѣмъ писцы обложить, на тотъ же срокъ на Благовѣщеньева день. Да у него-жъ, Григорья Строганова, сибирскихъ пословъ, и малосиныхъ и пермскихъ посланниковъ, какъ они ниже тотъ его городокъ войдутъ, подводъ и проводниковъ и корку не имать, а хлѣбъ и соль и всякой запасъ торговымъ людямъ въ городкѣ держать, и посланцы и проважники людей продавать по дѣнѣ, какъ межъ себя купить и продавать. А съ пермичами ему, Григорью, ни которыя тѣли не тянуть, и счету съ ними не держать ни въ чемъ; и пермичамъ въ земляныя и лѣсныя и вскія угодья, отъ Лысыя рѣчки по Камѣ, по рѣчкамъ и озерамъ и до вершинъ до Чусовія рѣки, у него, Григорья, не вступаться ни которыми дѣлами“. (Собраніе грамотъ. В. Шириневъ).

Примѣніе. Строгановъ началъ строить *Камжоръ* или *Камжора*, при рѣчкѣ Шыкорѣ, на берегу р. Камы. Камжоръ—шведское слово, что значить домъ, домооблагоденіе, хозяйство Камское—на р. Камѣ.

Апрѣля 18 послѣдовала царская грамота въ Соль-Вычегодскъ, о дозволеніи Григорью Строганову сварить 30 пудовъ селитры, для построеннаго имъ городка, ниже Великія Перми (Чердыни), за 88 верстѣ, по Камѣ рѣкѣ. (Истор. акты).

Примѣніе. Приведемъ по этому дѣлу грамоту о дозволеніи Григорью Строганову сварить тридцать пудовъ селитры, для построеннаго имъ въ Перми городка.

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русси, къ Соли-Вычегодской на посадъ и въ Усольской уѣздъ, старостамъ Осельяну Топику да черныхъ деревень старостѣ Незайду Корнагѣ да Пачеверскаго села судецкому старостѣ Гришѣ Деметьеву, или по васъ иные старосты будутъ. Велѣ намъ челоу Григорію, Анкіеву сынъ, Строгановъ: что освободилъ семя ему на пустошъ мѣстѣ, ниже Великія Перми, за восемьдесятъ за восемь верстѣ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ

усть Ямсы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки вѣтвины Пышносіе курьи, внигъ по обѣ стороны по Камѣ до Чуооыи рѣки, на черныхъ лѣсахъ городокъ поставити собою, и на томъ городѣ пушки и пищали и пушкарей и пичальниковъ и воротниковъ велѣтъ семи ему устроить собою изъ, для береженья; а внигъ бѣ наша Григорья пожаловати, велѣти бѣ ему на тотъ городокъ къ пушкамъ и къ пичальнѣмъ амчюги сварити, про себя, у Вычегодскіе Соли на посадѣ и въ Усолскомъ уѣздѣ, въ которомъ мѣстѣ не варятъ амчюги на меня цари и великаго князя И изъ Григорья Анникеева сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ еси ему у Соли у Вычегодской на посадѣ и въ Усолскомъ уѣздѣ, къ тому его городку, амчюги сварити про себя тридцать пудъ, на которыхъ мѣстѣхъ амчюги не варятъ на меня цари великаго князя.— И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и въ которомъ мѣстѣ гдѣ пригоже, у Вычегодскіе Соли на посадѣ или въ Усолскомъ уѣздѣ, амчюги сварити про себя, и вы бѣ ему на тѣхъ мѣстѣхъ давали амчюги сварити тридцать пудъ, про себя, а не на продажу, на которыхъ мѣстѣхъ амчюги не варятъ на меня цари великаго князя; а въ которомъ мѣстѣ Григорій станеть амчюгу варити, и вы бѣ того берегли, чтобъ онъ болши тридцати пудъ амчюги не варилъ, а какъ онъ тридцать пудъ амчюги сваритъ, и вы бѣ у него въ той амчюгѣ взяли отпись для того, чтобъ онъ впередъ по сей грамотѣ болши того амчюги не варилъ. А того бѣ есте берегли наирѣчко, чтобъ въ томъ въ амчюжнокъ вареньѣ отъ Григорья крестьяннокъ обидѣ и продажи не было никоторыми дѣлми, а изъ подъ небо бм и во дворѣхъ изъ подъ хоромъ у васъ онъ сору и земли не копалъ и хоромъ не портилъ, чтобъ отиудъ никоторыми дѣлми крестьянству убытка не было; а что станеться крестьяннокъ убытка отъ Григорья, вашнѣхъ небереженьевъ старосѣ, и нашъ на васъ тѣ убытки велѣти мнати безъ суда вдвое; да того бѣ есте берегли наирѣчко, чтобъ Григорей амчюги не продавалъ никому никоторыми дѣлми. Писана на Москвѣ, лѣта 7066 апрѣля 18 день.»

Подлинный, полученный в Строевскихъ въ Володнѣ отъ частнаго лица, писанъ столбцемъ на листѣхъ. Внизу, на отиубѣ края, приложена черновосковал печата. На оборотѣ оверху: «царь и великій князь всея Россіи. Приказали казначеи Федоръ Ивановичъ Сукнинъ да хованнѣ Юрьевичъ Тетинъ.»

1560 годъ.

Аникъ Федоровичъ Строгановъ, издивеніемъ своимъ, близъ городка Камгорта основалъ монастырь Преображенія Господня на рѣчкѣ Пыскоркѣ, при впаденіи ея въ р. Каму.—Первый храмъ въ семъ монастырѣ устроенъ во имя Преображенія Господня, а на содержаніе монастыря, братствующихъ—онъ же пожертвовалъ ему пашенныя земли. (Исторія Рус. церкви, арх. Макарія, т. VII, 1874 г., стр. 52. Рукон. записи изъ древн. актовъ В. Шишонко).

Примѣч. 1. Въ Пыскорскомъ селѣ, въ настоящее время, есть преданіе, что Аникій Федоровичъ Строгановъ, обозрѣвая пожалованныя ему необитаемыя мѣста по рѣкѣ Камѣ, увидѣлъ людей, облеченныхъ въ монашескія одежды, на мѣстѣ близъ ручья, который впоследствии получилъ названіе Пыскорки. Узнавъ, что люди сіи отшельники, жившіе въ глубинѣ лѣса въ маленькихъ шалапахъ, онъ захотѣлъ бѣднне шалаши отшельниковъ обратитъ въ удобныя келліи и изъ ничтожнаго скита создать монастырь. По этому обстоятельству, достоверность котораго не подтверждается исторически, или собственно движимый благодарностію къ Богу и особеннымъ расположеніемъ къ жизни монашеской, Аникій Федоровичъ вздумалъ построить и дѣйствительно построилъ монастырь въ 1560 году, основавъ его, какъ выше сказали, на правомъ берегу Камы, на устьѣ рѣчки Нижней Пыскорки, далѣе отъ Канкара около версты. Первый храмъ въ семъ монастырѣ былъ устроенъ въ честь Преображенія Господня. По краму и монастырь

«Перская лѣтопись».

названъ Спасо-Преображенскій, хотя въ началѣ своего существованія нѣрѣдко именовался и просто Спасскимъ; но это было не болѣе, какъ сокращеніе писавшаго. (Пермск. вѣд. за 1867 г.).

Примеч. 2. Въ нѣкихъ рукоп. запискахъ древнихъ актовъ, въ отношеніи основанія Пыскорскаго монастыря, подъ 1560 г., сказано: «Дядюшкинскіе же солданы промисла, по Камѣ рѣкѣ, состоящіе въ смежности съ Левенскимъ промислами, преданъ Строгановыхъ отданы къ Пыскорскому монастырю, сооруженному въ 1560 году ими же, Строгановыми, *изъ благодаренія къ Богу и Государямъ ... за пожалованныя земли*». . . (В. Шиниоко).

Примеч. 3. Въ фамильныхъ бумагахъ Строгановыхъ, подъ годомъ 1560, написано: „Аникій Ѳеодоръ изъ пожалованныхъ ему въ 1558 года отъ в. государя земель по рѣкѣ Камѣ отдѣлилъ монастырю: отъ ручья, который отъ городища Пыскорскаго вверхъ по рѣкѣ, которая надъ курьемъ Пыскорскомъ, а въ гору по рѣкѣ, сколько покатитъ, да островъ, который у курья по ту жъ рѣчку и на той же сторонѣ“. (В. Шиниоко).

1561 годъ.

Сибирскій ханъ грозилъ войною Перми.—

1563 годъ.

Въ семь году сынъ Аникія Строганова—Яковъ „по слову отца своего въ 1563 году далъ въ домъ Всемилюстивѣйшаго Спаса у Соли-Камской земли пашенной и пожни, да два двора половничьи, а третій большой дворъ на посадѣ, а четвертый въ городѣ и мельницу у Соли-жъ Камской, и чертежи и четыре варницы безъ цыренювъ, да два мѣста пустыя варничныя и разсолы на 6 варницъ“. При такихъ средствахъ монастырь Пыскорскій могъ содержаться безобѣдно, и не только въ первое время, вѣроятно, при небольшомъ числѣ братствующихъ, но и въ послѣдующее, когда, съ каждымъ годомъ, какъ увидимъ впоследствии, штатъ монашествующихъ увеличивался. Впрочемъ дѣти Аникія Ѳеодоровича не только на содержаніе монастыря обращали свое вниманіе, но и на самое устройство и улучшеніе его во внѣшнемъ отношеніи. (Фамил. бумаги Строгановыхъ подъ 1563 годомъ).

1564 годъ.

Грамотою 2-го января 1564 г. подтверждено, чтобы „Строгановъ построилъ другой городокъ съ такимъ же утвержденіемъ, какъ и первый. И, по той пожалованной грамотѣ, Аникій Строгановъ съ дѣтьми своими, Григорьемъ и Яковомъ, вскорѣ *построилъ* и другой городокъ, на той же сторонѣ Камы, гдѣ и Камгорть, на называемомъ *Орловомъ мясу*, поставили и *Кергеданомъ наземли*. Въ томъ городѣ и церковь во имя Пресвятыя Богородицы Похвалы поставили. То мѣсто и прежде, нежели городъ былъ поставленъ, называлось Орловымъ *волокомъ*. Хотя новой городъ и былъ названъ *Кергеданомъ*, но народъ всегда употреблялъ прежнее званіе Орель, такъ что званіе Кергеданъ вовсе въ забвеніе пришло и осталось только въ пожалованныхъ грамотахъ.

При томъ городѣ такожъ учредилъ, для предосторожности, пушки, пушкарей, пицальниковъ и воротниковъ, и сіе заготовленіе все было безъ помощи государственной; въ заселенію жъ тѣхъ мѣстъ людей призывали, въ силу жалованныхъ грамотъ, не висьменныхъ и не таглихъ, которыхъ довольно къ Строгановымъ приходило, слыша двадцати-лѣтнюю льготу, и тѣми людьми не токмо въ тѣхъ мѣстахъ пашню распахивать, но и по рѣкѣ Яйвѣ, которая выпала въ Каму, противъ самаго Орла городка, жителями населять,—не оставили; а на сысканномъ тутъ розсолѣ варницы строить и соль варить начали“. (Исторія о родословіи и богатствѣ и проч. гг Строгановыхъ. В. Шляхонь; Истор. Соловьева Т. I, Изд. 2, стр. 417).

Примѣчаніе. Приведемъ по этому поводу грамоту о построении на рѣкѣ Орлѣ городка и излѣтѣхъ ея съ людьми и крестьянами отъ суда Пермскихъ наместниковъ.

«Се азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, прежь сего въ лѣтѣ 7000 въ шестьдесятъ шестомъ году въ апрѣлѣ въ четвертомъ числѣ, пожаловалъ еси Григорья Анкиѣва сына Строганова: что мнѣ былъ челомъ, а сказывалъ, что деи въ нашей отчинѣ, ниже Великіе Пермь за восемьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ усть Лысыя рѣчки, а по лѣвую деи сторону рѣки Камы противъ Пызювскіе курьи, по обѣ стороны по Камѣ до Чусовые рѣчки, мѣста пустыя, лѣсы черныя, рѣчки и озера дикіе, острова и наволоки пустыя, а всего деи того пустою мѣста сто сорокъ шесть верстъ; и прежде деи сего, на томъ мѣстѣ, пашни не пахивали и двory деи не ставили, и въ шов деи цареву и великаго князя казну съ того мѣста пошлина никакая не бывала, и мнѣ не отдамъ никому, и въ писцовыхъ де книггахъ и въ купчихъ и въ правящихъ то мѣсто не написано ни у кого; и Григорій Строгановъ былъ намъ челомъ, а хочеть на томъ мѣстѣ городокъ поставити, и на городѣ пушки и пицали учинити, и пушкарей и пицальниковъ и воротниковъ устроить, для береженья отъ Нагайснхъ людей и отъ иныхъ орды, и около того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ сѣчи, и пашню росчистя пахати, и двory ставити, и людей называти неписьменныхъ и нетаглихъ, и росолу исвати, а гдѣ найдется росолъ, и варницы ставити и соль варити; и мнѣ бѣ Григорья Строганова пожаловати, велѣти бѣ ему на томъ мѣстѣ городокъ поставити собомъ, и на городѣ пушки и пицали учинити, и пушкарей и пицальниковъ и воротниковъ устроить собомъ, для береженья отъ Нагайснхъ людей и отъ иныхъ орды, и около бѣ того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ велѣти сѣчи, и пашню росчистя велѣти пахати, и двory ставити, и людей велѣти называти, и въ томъ бы мѣстѣ велѣти росолу исвати, гдѣ найдется, и соль бы ему тутъ велѣти варити. И здѣсь на Москѣ казначен наши про то мѣсто спрашивали Пермитина Кодаула, а прѣзжалъ изъ Пермь ото всѣхъ Пермичъ съ данью, и казначеемъ нашимъ Пермитинъ Кодаулъ сказавъ: о которомъ мѣстѣ намъ Григорей бьетъ челомъ, и тѣ деи мѣста искони вѣчно лежать впусѣтъ, и доходу въ нашу казну съ нихъ нѣтъ никотораго, и у Пермичъ деи въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ ужожаевъ никоторыхъ. И оже будетъ такъ, какъ намъ Григорей бьетъ челомъ и Пермьякъ Кодаулъ сказывалъ, и съ тѣхъ будетъ съ пустыхъ мѣстъ прежь сего нашихъ даней не шло и нынѣ съ нихъ дани никоторые не идуть, и съ Пермичи не тануть ни въ какіе подати, и въ Казань асаковъ не даютъ и прежь того не даывали, и Пермичемъ и прѣзжкимъ людямъ никоторые споны не будеть: и азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи Григорья Анкиѣва сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ еси ему на томъ пустою мѣстѣ, ниже Великія Пермь за восемьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ усть Лысыя рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пызювскіе курьи, вназъ по обѣ стороны по Камѣ до Чусовые рѣки, на черныхъ лѣсахъ городокъ поставити, гдѣ бы мѣсто было крѣпко и усторожливю, и

на городѣ пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальниковъ и воротниковъ велѣлъ есмь ему устроити собою, для береженья отъ Нагаевскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около бѣ того городка ему по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка распаивати, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городокъ неписменныхъ и нетяглыхъ называти. А изъ Перми, ни изъ иныхъ городовъ нашего государства, Григорью тяглыхъ людей и писменныхъ къ себѣ не называти и не принимати; а воровъ ему и боярскихъ людей бѣглыхъ, съ животомъ, и татей и разбойниковъ не принимати жъ; а прїѣдетъ кто къ Григорью изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей, тяглые люди съ женами и дѣтьми, и стануть о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати наѣстники, или волостели, или выборные головы, и Григорью тѣхъ людей тяглыхъ съ женами и съ дѣтьми отъ себя отсылати опять въ тѣ жъ города, изъ котораго города о которыхъ людехъ отпихнуть именно, а у себя ему тѣхъ людей и не держати и не принимати ихъ. А которые люди кто прїѣдетъ въ тотъ городъ нашего государства, или иныхъ земель люди, съ деньгами или съ товаромъ, соли или рыбы купити или иного товару: и тѣмъ людямъ вольно туто товары свои продавати и у нихъ покупати, безо всякихъ пошлинь. А которые люди пойдутъ изъ Перми жити, и тѣхъ людей Григорью имати съ отказомъ, неписменныхъ и нетяглыхъ. А гдѣ въ томъ мѣстѣ росоль найдутъ, и ему тутъ варницы ставити и соль варити, и по рѣкамъ и по озерамъ въ тѣхъ мѣстахъ рыба ловити, безоброчно. А гдѣ будетъ найдутъ руду серебряную, или мѣдную, или оловяную, и Григорью тотчасъ о тѣхъ рудахъ отписывати къ нашимъ казначеямъ, а самому ему тѣхъ рудъ не дѣлати, безъ нашего вѣдома; а въ Пермскіе ему ужомъ и въ рыбные ловли ему не входити. А люты есмь ему даль на двадцать лѣтъ, отъ Благовѣщенева дни лѣта 7000 - шестьдесятъ шестаго до Благовѣщенева дни лѣта 7000-восемьдесятъ шестаго: и кто къ нему людей въ городъ и на посадь, и около города на пашни и на деревни и на починки, придутъ жити неписменныхъ и нетяглыхъ людей, и Григорью съ тѣхъ людей, въ тѣ льготные двадцать лѣтъ, не надобѣ моя царева и великаго князя дань, ни ямскіе ни ямчужные деньги, ни посонная служба, ни городовое дѣло, ни иные некоторые подати, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель, въ тѣхъ мѣстахъ. А которые люди ѣдутъ мимо тотъ городокъ нашего государства, или иныхъ земель, съ товарами или безъ товару, и съ тѣхъ людей пошлины не имати никакихъ, торгуютъ ли они тутъ, не торгуютъ ли; а повезеть онъ или пошлетъ ту соль, или рыбу, по инымъ городамъ, и ему съ той соли и съ рыбы всякіе пошлины давати, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей наши пошлины емлютъ. А кто у него учнетъ въ томъ его городѣ людей жити пашенныхъ и непашенныхъ, и нашимъ Пермскимъ наѣстникомъ и ихъ тиуномъ Григорья Строганова, и что его городка людей и деревеньскихъ, не судити ни въ чемъ, и правятчиковъ и доводчиковъ и ихъ людямъ къ Григорью Строганову и къ его городку и къ деревеньскимъ людямъ не вѣзжати ничто, и на поруки ихъ не даютъ, и не вьсылаютъ къ нимъ ничто; а вѣдаетъ и судитъ Григорей своихъ слобожанъ, самъ, во всемъ. А кому будетъ иныхъ городовъ людехъ до Григорья какое дѣло, и тѣмъ людехъ на Григорья здѣсь имати управные грамоты, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обонимъ ищемъ и отвѣтникомъ, безпрістанно, ставитися на Москвѣ передъ нашими казначеи, на тотъ же срокъ, на благовѣщеневъ день. А какъ тѣ урочные лѣта отойдутъ, и Григорью Строганову наши всѣ подати велѣти возити на Москву въ нашу казну, на тотъ же срокъ, на Благовѣщеневъ день, чѣмъ ихъ наши писцы обложить. Также есмь Григорья Анкиѣва сына Строганова пожаловалъ: коли наши послы поѣдутъ съ Москвы въ Сибирь, или изъ Сибири къ Москвѣ, или изъ Казани наши посланники пойдутъ въ Пермь, или изъ Перми въ Казань, мимо тотъ его городокъ, и Григорью и его слобожаномъ нашимъ Сибирскимъ посломъ и всякимъ нашимъ посланникомъ, въ тѣ его лютыя двадцать лѣтъ, подводъ и проводниковъ и корму не давати; а хлѣбъ и соль

и всякой запасъ торговнымъ людямъ въ городѣ держати, и посломъ и гонцомъ и проѣзжимъ людямъ и дорожнымъ продавати по цѣнѣ, какъ межъ себя купати и продавати, и подводы, и суды, и гребцы, и кормишки нажимаютъ полюбовно всякіе люди прѣзжіе, жому надобѣ и кто у нихъ дешевле похочетца наняти. Также еси Григоря Аникѣева сына Строганова пожаловалъ: съ Пермичи некоторые тяги не тянути и счету съ плми не держати ни въ чемъ, до тѣхъ урочныхъ лѣтъ, и во всякіе угоды Пермичамъ, и въ земляные и въ лѣсные, отъ Лысыя рѣчки по Камѣ по рѣчкамъ и по озеромъ и до верхнихъ до Чусовыя рѣки, у Григоря не вступатися ни въ которые угоды въ новне, а владѣютъ Пермичи старыми ужомъ, которыми встаря владѣли, а Григорей владѣть своими новыми ужомъ, съ которыхъ ужомъевъ и со всякихъ угодей въ нашу казну некоторыхъ пошлявъ не шло, и въ Казань ясаковъ нашихъ Сопрамъ и воеводамъ въ нашу казну не плачивали, и прѣжъ того въ Казань не давыпали; а что будетъ намъ Григорей по своей челобитной ложно бить челомъ, или станеть не по сей грамотѣ ходити, или учеть воровати, и ся моя грамота не въ грамоту. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7066, апрѣля въ 4 день. Назадъ приписъ больша дьяка Петра Данилова; въ другомъ мѣстѣ: приказали околничей Федоръ Ивановичъ Уиного, да Олексѣй Федоровичъ Адашевъ, да казначей Федоръ Ивановичъ Сукинъ да Хованъ Юрьевичъ Тюгинъ; приписъ дьяка Третьяка Карачарова. И нмѣи намъ бить челомъ Григорій Аникѣевъ сынъ Строгановъ, чтобъ намъ его пожаловати, велети городокъ же поставити въ тѣхъ же мѣстахъ, которые мѣста за нимъ въ нашей прежней жалованой грамотѣ писаны; ниже того новаго городка двадцать верстъ, на Камѣ жъ, на низкомъ мѣстѣ, на Орлѣ при наволоку, росоль нашли и варницы ставятъ и соль варити хотятъ, и тутъ деи безъ городка люди жити не смѣютъ, а слухъ его дошелъ отъ полоняниковъ и отъ вогуличъ, хвалитца деи Сибирской салтанъ Ишибани итти въ Пермь войною, а прѣжъ деи сего онѣ Камскіе Соли городъ двояды именовали: и ему бы, на томъ на новомъ мѣстѣ, на Камѣ жъ, на Орлѣ на наволоку, у росолу городокъ же поставити собою жъ, стѣны сажень по тридцати, а съ приступную сторону для низи и къ варницамъ ближе въ глины мѣсто каменемъ закласти, а пищальники бѣ и сторожи для береженья и на томъ другомъ городкѣ собою жъ держати, а нарядъ бы скорострѣльной пушечки и пищали затинные и ручницы въ тѣхъ городѣхъ устроити ему собою жъ,—а безъ нашего деи велѣнья и незаписные мастера того ему наряду дѣлати не имутца; а какъ деи онѣ городокъ поставитъ на берегу и нарядъ скорострѣльной устроитъ на обѣихъ городѣхъ, и въ Пермь деи воинскимъ людямъ, лѣтъ въ судѣхъ и зимѣ рѣкою Камомъ, мимо тѣхъ городомъ безвѣстно пройти будетъ нельзя; а лѣтъ деи и зимѣ отъ Вычегодовіе Соли онѣ и люди ихъ и слободамъ ѣздатъ въ Слободу и изъ Слободы мимо Пермь Великую, и на проѣздѣ*) Пермскіе наместники, и ихъ тиуны и доводчики, дають ихъ на поруки, и научая изды продають ихъ бездѣльнымъ судомъ, а не отвѣчать деи онѣ въ Перми не смѣютъ, боячися неотвѣтныхъ списковъ. И оже будетъ такъ, какъ намъ Григорей Аникѣевъ сынъ Строганова бить челомъ, а то будетъ мѣсто пусто бѣзданное, не владѣеть имъ никто, и городокъ будетъ на пустомъ мѣстѣ собою поставилъ, и ниже того новаго городка двадцать верстъ, на Камѣ, на Орлѣ на наволоку росоль нашли и варницы ставятъ и соль варити хотятъ, и то будетъ мѣсто пусто и въ нашей прежней жалованой грамотѣ будетъ у него въ его мѣрѣ написано за нимъ, и безъ городка будетъ тутъ людямъ жити нельзя, для Сибирскихъ людей и нмѣихъ ордъ, и нашей казны некоторые убытка не будетъ; и намъ бы Григоря Аникѣева сына пожаловати, велѣти ему въ тѣхъ же мѣстѣхъ, которые у него въ нашей прежней жалованой грамотѣ написаны, ниже того новаго городка по Камѣ жъ двадцать верстъ на наволоку у росолу другой городокъ собою поставитъ, стѣны сажень по тридцати, а съ приступную сторону для

*) Въ подл. «и на проѣздѣ и».

низи каменем закласта, а пищальники бѣ и сторожи и на томъ другомъ городкѣ дръжать ему собою жѣ, а въ обѣихъ городкѣхъ велѣти бѣ ему собою жѣ устроить нарядъ скорострѣльной пушечки, и пищали затинные и ручницы, и наши Пермскіе наѣстники, и ихъ тѣны и доводчики, и всякіе ихъ приказные люди, въ Пермѣ Григорья Аникѣева сына Строганова и его людей и его слободы крестьянъ на проѣздѣ, какъ ѣдутъ мимо, на поруки бѣ ихъ не давали.—И язь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи Григорья Аникѣева сына Строганова пожаловалъ: велѣлъ еси ему на ту жѣ льготу, въ тѣ жѣ его урочные лѣта, которые у него въ прежней нашей грамотѣ писаны, на Камѣ, въ тѣхъ же мѣстѣхъ, которые за нимъ въ нашей въ прежней жалованной грамотѣ написаны, ниже того новаго городка Канкоры, что онъ поставилъ, по Камѣ жѣ двадцать верстъ на Орлѣ на наволоцѣ, у росолу, другой городокъ собою жѣ поставити, стѣны сажень по тридцать, а съ приступную сторону для няи и къ варницамъ ближе въ глины мѣсто каменемъ закласта, а пищальники и сторожи для береженья и на томъ другомъ городкѣ собою жѣ дръжати, а въ обѣихъ городкѣхъ велѣлъ еси ему собою жѣ нарядъ скорострѣльной, пушечки и пищали затинные и ручницы, сдѣлати несписаннымъ мастеровъ, которыхъ собѣ Григорей приговоритъ изъ найму, и у себя Григорью тотъ нарядъ дръжати. Такожъ еси Григорья Аникѣева сына Строганова пожаловалъ: коли онъ, или его люди, или его слободы крестьяне, поѣдутъ отъ Вычегодскіе Соли мимо Пермь на Каму въ Слободу, или изъ Слободы къ Вычегодской Соли, и наши Пермскіе наѣстники, и ихъ тѣны и доводчики, и всѣ приказные люди, въ Пермѣ его людей и его слободы крестьянъ на поруки ихъ не дають и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлѣхъ, опроче душегубства и татбы и разбоа съ полчинымъ; а коли Григорей, или его люди, явятъ сее нашу грамоту нашимъ Великопермскимъ наѣстникомъ, и наѣстники съ нее явки не еяють ничего, прочеть ее отдають Григорью или его людямъ назадъ, не державъ ни часу». Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7072, мѣсяца генвара 2.

Подлинникъ писанъ скорописью, на большомъ листѣ; внизу на шелковомъ шнурѣ пришеена красновошковая государственная печать. На оборотѣ сверху: Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи. Ниже: По приказу государя царя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, приказалъ царевымъ и великаго князя словомъ казначей Никита Офонасьевъ Вуковъ. Въ самомъ низу помета: По памяти съ приписью дьяка Ивана Булгакова. — Изъ фамильнаго архива графини С. В. Строгановой.

Въ семъ году пермскимъ епископомъ видимъ *Іоасафа*, вмѣсто епископа Кипріяна. Годъ его хиротоніи неизвѣстенъ.

Іоасафъ въ 1564 г. былъ въ Москвѣ и присутствовалъ на соборѣ, на которомъ установлено было на будущее время носить митрополитамъ бѣлые клобуки. (Истор. Гос. Рос. Карамзинъ, т. IX, гл. 1, прилѣч. 94).

О епископѣ Іоасафѣ извѣстно слѣдующее: „Дѣятельный въ дѣлахъ московской митрополіи вообще, Іоасафъ былъ не менѣ ревностенъ и въ управленіи епархіею, ему ввѣренной,—часто обозрѣвалъ обширные ея предѣлы; вездѣ поучалъ, проповѣдывалъ, назидалъ словомъ евангелія, строго взыскивалъ непорядки церковныя, порицалъ невѣжество духовенства, старался о благолѣпни храмовъ Божіихъ, украшалъ ихъ живописью, возобновлялъ монастыри и пустыни. При немъ прославлены многими чудесами Тотемскіе чудотворцы, начальники Троицкаго Авнежскаго монастыря—святый Григорій и Кассіанъ (Истор.; іерарх. т. III). Мощи же угодниковъ поручено было государемъ и освященнымъ соборомъ открыть и освидѣтельствовать мѣстному

архипастьрю. Иоасафъ свято исполнилъ порученіе, написалъ чудеса Авнежскихъ чудотворцевъ и послалъ въ Москву“ (Вологодск. губ. вѣд. за 1850 г. и Пермск. вѣд. за 1869 г.).

Иоасафомъ, говоритъ Е. А. Будринъ, заключается рядъ епископовъ Велико-Пермскихъ, около двухъ вѣковъ занимавшихъ кафедру Усть-Высимскую.

Примѣч. 1. Относительно причинъ переведенія епископской кафедры изъ Усть-Выми на Вологду намъ ничего неизвѣстно, даже мы не знаемъ и времени ея перевода. Впрочемъ, въ одной лѣтописи объ Иоасафѣ сказано: „Сей Иоасафъ епископъ переведенъ съ Усть-Выми изъ пермской епископіи на Вологду и нареченъ Иоасафъ епископъ Вологодскій и Велико-Пермскій, и оттоль епископы и архіепископы начали быти на Вологдѣ и до сего дне; а въ перстѣй странѣ на Усть—Выми послѣди того епископомъ не быша . . . А въ которые годы съ Усть-Выми епископія на Вологду переведена, и тогда бысть земля мѣрение.“—(Перм. епарх. вѣд. 1869 г., стр. 317).

Примѣч. 2. Въ Вологодск. губ. вѣд. за 1850 г. на стр. 557 читаемъ по сему дѣлу слѣдующее: неизвѣстно, что еще ранѣе Иоасафа нѣкоторые изъ Усть-Вымскихъ епископовъ любили болѣе жить въ Вологдѣ, нежели въ Усть-Выми. Причинами, по которымъ пріемники св. Стефана предпочитали для жительства своего Вологду—Усть-Выми были: во 1-хъ) близость Вологды къ Москвѣ, въ которую они часто призывались по дѣламъ церковнымъ и государственнымъ; во 2-хъ) тогдашнее цвѣтущее состояніе Вологды, и слѣдовательно большія удобства, большее спокойствіе жизни въ ней, нежели въ Усть-Выми, малонаселенномъ, отдаленномъ, бѣдномъ по развитію общественной дѣятельности и притомъ подверженномъ нападеніямъ враждебныхъ инородцевъ.

Примѣч. 3. Изъ лѣтописныхъ записей видно, что и епископъ Иоасафъ упоминается въ слѣдующихъ годахъ: 1556, 1558, 1560, 1564 и 1566 г. (Пермск. епарх. вѣд. за 1869 г. № 32 и Вологодск. губ. вѣд. за 1850 г.) Годъ кончины его неизвѣстенъ.

1566 годъ.

Въ 1566 г., братъ Григорья, Яковъ Строгановъ, отъ имени отца своего, Анникія Федорова, билъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ: взять ихъ городки Канкаръ и Кергеданъ и всѣ ихъ промысла въ опричину,—что исполнено. (Истор. Соловьева, т. 1, изд. 2, стр. 417).

Примѣчаніе. Приведемъ по этому поводу грамоту о причисленіи къ опричинѣ, построенныхъ Строгановымъ въ Пермѣ городковъ Камкара и Кергедана.

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, къ Вычегодской Соли, Оникію Федорову сыну Строганову. Здѣсь намъ билъ челомъ сынъ твой Яковъ, что мы взяли Вычегодскую Соль къ собѣ въ опричину, а у тебя денъ съ дѣтми на Камѣ по ниже Пермѣ за восемьдесятъ за восемь верстъ промыслъ, по правую сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону рѣки Камы противъ Пыскоскіе курьи, и по обѣ стороны Камы до Чусовые рѣки, и рѣчки, и озера до вершинъ дикіе, и острова, и наволоки по нашей жалованной по лютной грамотѣ, а всего денъ того мѣста сто сорокъ шесть верстъ; и на томъ денъ еси мѣстъ съ дѣтми поставили два городка, городокъ Канкаръ на Пыскорскомъ мысу да городокъ Кергеданъ на Орловскомъ наволоктѣ, и на городкѣхъ пушки и пищали учинили, и пушкарей и пищальниковъ и воротниковъ устроили собомъ, для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и пашню пашете, и двory ставите, и людей называете, и росолу доквались и варницы поставили; а люты денъ вамъ дано на тотъ промыслъ на двадцать лѣтъ, отъ Благовѣщеньева дни лѣта 7066 до Благовѣщеньева дни лѣта 7000—восемьдесятъ шестаго: и намъ бы васъ пожаловати, тѣ городки, Канкаръ да Кергеданъ, и

промыслы ваши, варницы и рыбные ловли и звѣриные, взять къ себѣ въ опричнину, а въ земскомъ бы тѣмъ городкомъ и промыслу вашему не быти.—И язь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ тебя Оникѣя и твоихъ дѣтей, и тѣ городки и промыслы ваши взялъ къ себѣ въ опричнину; и какъ отойдутъ наши урочные лѣта, по нашимъ грамотамъ лгота, и чѣмъ васъ нами писцы опишутъ и оброку нантъ на васъ писцы наши положатъ, и вы бѣ тѣ всѣ наши оброки возили къ намъ на Москву, въ опричнину, и отдавали въ нашу казну, гдѣ вамъ велитъ». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7070 четвертаго, августа въ 16 день.

Подлинникъ писанъ столбцемъ, на двухъ листкахъ; отъзу, на зашибъ края приложена черновосковалъ печать. На оборотѣ еверзу: Царь и великій князь всеа Русіи. По сложишъ: Діакъ Дружина Володимеровъ. — Изъ фамильмаго архива графини С. В. Строгановой.

1567 годъ.

Пыскорскимъ монастыремъ управлялъ игумень Селуанъ, извѣстный подъ именемъ старца Селуана. „А подалъ тѣ чертежи въ монастырь на Пыскоръ старцу Селуану съ братією Гриша Михайловъ сынъ... въ 7076 г.“. (Книга писца Мих. Байсарова 1263—1264 г.).

Послѣ старца Селуана, какъ кажется, былъ Варлаамъ въ санѣ игумена.

Примечаніе. Въ управленіе Варлаама извѣстно слѣдующее: «Вожинъ водительство въ монастырь Пыскорскій явился нѣкій юноша, имя коего неизвѣстно и, увлекшись подвижничествомъ благочестиваго настоятеля, просилъ у него постриженія ради спасенія души». Но, не смотря на представленія со стороны игумена о трудности избираемой жизни, юноша убѣдительно просилъ настоятеля и послѣдній, принявъ его въ число братства, сказавъ: «по вѣрѣ твоей буди тебѣ». Юношѣ было 22 года; когда же онъ принялъ на себя иночскій чинъ, имя ему дали Трифонъ. Впослѣдствіи онъ былъ архимандритомъ Вятскаго монастыря; память его церковь чтитъ 8 октября. (Житія св. рус. д. Окт.)

Сколько игумень Варлаамъ управлялъ Пыскорскимъ монастыремъ свѣдѣній не имѣется. (Периск. еп. вѣд. за 1867 годъ).

1568 годъ.

Подъ этимъ годомъ упоминается епископомъ Вологодскимъ и Велико-Пермскимъ *Макарій I-й*.

Примечаніе 1. Вообще можно сказать, что лѣтописи того времени о епископахъ Вологодскихъ и Велико-Пермскихъ сказаніями своими о нихъ не только бѣдны, но чрезвычайно сбивчивы,—что можно видѣть изъ археологическихъ изысканій г. Суворова, помѣщенныхъ въ Вологодскихъ губериск. вѣд. за 1850 г. стр. 775. Однакожъ о еп. Макаріѣ извѣстно, что онъ въ 1572 г. былъ вызванъ Іоанномъ IV въ Москву, по случаю бракосочетанія государя съ дѣвицею Колтовской. Извѣстно, что царь женился въ четвертый разъ безъ святительскаго благословенія, но спустя нѣкоторое время, въ немъ заговорилъ совѣтъ и онъ для успокоенія себя, созвалъ соборъ епископовъ, на которомъ присутствовали и Макаріѣ I. Епископы благословили бракосочетаніе Грознаго съ дѣвицею Колтовской, вида „теплое и умилное покаяніе государя.“

Примечаніе 2. О еп. Макаріѣ I упоминается подъ слѣдующими годами: 1568, 1571, 1572 и 1574. (Вологод. губ. вѣд. за 1850 г.).

Рѣка Чусовая по жалованнымъ грамотамъ Строгановымъ, отъ рѣки Лысвы и далѣе внизъ Камою, какъ бы служила границею между владѣніями Строгановыхъ и вогуличей и остяковъ сибирскаго владѣнія, которыхъ Строгановы, какъ враждебно къ нимъ относящихся, намѣрены были подчинить Московскому правительству, для чего необходимо нужно было придти нетолько въ самое близкое сосѣдство съ инородцами, но и вдвинуть свои поселенія въ ихъ, и за симъ на удобныхъ мѣстахъ поставить укрѣпленные городки съ снарядами, чтобы въ случаѣ нападенія инородцевъ, а преимущественно пелымцевъ, возможно было дѣлать имъ отпоръ. Привести же задуманный планъ въ исполненіе, Анкій Строгановъ, безъ разрѣшенія государя не рѣшался,— а потому послалъ сына своего Якова въ Москву съ ходатайствомъ, дабы царь тѣ пустыя мѣста, что на рѣкѣ Чусовой, отдалъ бы ему. Просьба была удовлетворена, и Яковъ получилъ въ 1568 г. жалованную грамоту на тѣ мѣста; „по рѣкѣ Чусовой и по впавшимъ въ нее рѣчкамъ и озерамъ, съ устья и до вершинъ, по обѣ стороны, той рѣки Чусовой, пожаловалъ онъ, великій государь, ему, Якову Строганову, во владѣніе, а на тѣхъ мѣстахъ тако-жъ велѣно, для осторожности, поставить городокъ, снабдить всякимъ военнымъ снарядами собою. Призывать на тѣ новыя земли людей новысменныхъ и нетяглыхъ, а буде сыщется рассоль, то варницы ставить и соль варить; сверхъ же сего, царь пожаловалъ еще Строгановымъ ранѣе сего внизъ по Камѣ рѣкѣ, въ прежней дачѣ—отъ Усть-Чусовыя рѣчки, внизъ Камою рѣкою, по обѣ стороны, лежащую землю, на 20 верстъ, до Ласвинскаго бору съ рѣчками, падунами и озерами съ устья и до вершинъ, съ рыбными и звѣриными ловлями и прочими угодами“.

Примѣчаніе. Приведемъ по этому поводу грамоту о владѣніи прибавочными землями по рѣкѣ Чусовой, о построеніи на нихъ городка и слободъ и заведеніи соляныхъ варницъ, и объ изыятіи его съ людьми и крестьянами на десять лѣтъ отъ податей, земскихъ повинностей, намѣстничьяго суда и проч. читаемъ:

«Се азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есмь Якова Анкіѣва сына Строганова, что онъ намъ билъ челомъ, а сказывалъ: что деи они въ нашей отчинѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ, которые мѣста дали есмь на лготу да и грамоту жалованную брату его Григорію дали, отъ Лысвы рѣчки до Чусовыя рѣки, по обѣ стороны Камы рѣки, мѣста пустыя, лѣсы черныя, рѣчки и озера дикіе, а всего деи того пустаго мѣста по Камѣ на сто на сорокъ на шесть верстъ, а по Чусовой рѣкѣ вверхъ на пустомъ мѣстѣ при наволокахъ нашия рассоль, и они деи у того рассолу безъ нашего вѣдома крѣпости учинити не смѣють; а по другую деи сторону Чусовыя рѣки съ устья и до вершинъ, и отъ Чусовыя рѣки внизъ по рѣкѣ по Камѣ до Ласвинскаго бору, по обѣ стороны Камы рѣки, острова и наволоки, мѣста пустыя, лѣсы черныя, и рѣчки и озера дикіе, а всего деи того пустаго мѣста на двадцать верстъ, имъ не даны и въ нашей жалованной грамотѣ у нихъ тѣ пустыя мѣста не написаны, и пашни на томъ мѣстѣ не пахиваны, и дворы не ставяли, и въ нашу деи цареву и великаго князя казну съ того мѣста пошлава никакая не бывала, и не отдано деи то мѣсто никому, и въ писцовыхъ деи книгахъ и въ кучиныхъ и въ правожныхъ грамотахъ то мѣсто не написано ни у кого, и у Пермачъ деи въ тѣхъ мѣстахъ письменныхъ въ писцовыхъ книгахъ ухажася въ нѣтъ некоторыхъ; и Яковъ хочеть у того у соленого промыслу крѣпости подѣлать собою, городокъ и варницы поставить,

и людей называти неписменныхъ и нетяглыхъ, и городовою нарядъ скорострѣльной, пушечки и затинные и ручные пищали, учинити, и пушкарей и пищальниковъ и кузнецовъ и плотниковъ и воротниковъ устроить, и сторожей держати собою жъ, для приходу Нагайскихъ людей и иныхъ ордъ; и намъ бы Якова Анкиѣва сына Строганова пожаловати, на томъ пустомъ мѣстѣ у соленого промыслу въ Чусовой рѣкѣ, которое мѣсто дано намъ на лготу, отъ Лысыя рѣчки внизъ по рѣкѣ по Камѣ до Чусовые рѣки, а отъ устья рѣки Чусовые по рѣкѣ по Чусовой вверхъ и по другую сторону Чусовые рѣки съ устья и до вершины, и отъ Чусовые рѣки внизъ по Камѣ до Ласвинскаго бору, по обѣ стороны Камы рѣки, крѣпости подѣлати собою, городокъ и варницы поставити и людей называти неписменныхъ и нетяглыхъ, и городовою нарядъ скорострѣльной, пушечки и затинные и ручные пищали, учинити, и пушкарей и пищальниковъ и кузнецовъ и плотниковъ и воротниковъ устроить, и сторожей держати собою, для приходу Нагайскихъ людей и иныхъ ордъ, и около того мѣста дѣсь по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ сѣчи, и пашни пахати, и сѣна росчиста косити, и всякими угодами владѣти.—И еже будетъ такъ, какъ намъ Яковъ Анкиѣвъ сынъ Строгановъ билъ челомъ, и язь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русии Якова Анкиѣва сына Строганова, по его челобитью, пожаловалъ: велѣлъ ему на томъ пустомъ мѣстѣ, на Чусовой рѣкѣ, въ тѣхъ же мѣстѣхъ, которые мѣста за нами въ нашей въ прежней пожалованной грамотѣ написаны, у соленого промыслу, гдѣ они нами росоль наши, крѣпости подѣлати и городокъ поставити, и городовою нарядъ скорострѣльной, пушечки и затинные пищали и ручные, учинити, и пушкарей и пищальниковъ и кузнецовъ и плотниковъ и воротниковъ устроить, и сторожей держати собою, для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около бы городка у соленого промыслу варницы и двори ставити, по обѣ стороны Чусовые рѣки, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ, и отъ Чусовые рѣки по обѣ стороны Камы рѣки внизъ на двадцать верстъ до Ласвинскаго бору, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ дѣсь сѣчи, и пашни пахати, и пожни росчистати, и рыбными угодами и иными всякими владѣти, и людей неписменныхъ и нетяглыхъ называти, а нашей бы казни въ томъ убытка не было. А изъ Перми и изъ иныхъ городовъ нашего государства Якову тяглыхъ людей и письменныхъ къ себѣ не называти и не примати, а воровъ ему и боярскихъ людей бѣглыхъ, съ животомъ, татей и разбойниковъ не примати жъ; а прїѣдетъ кто къ Якову изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей, тяглые люди съ женами и съ дѣтми, и стануть о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати наши наместники или волостели или выборные головы, и Якову тѣхъ людей тяглыхъ съ женами и съ дѣтми отъ себе отсылати опять въ тѣ же города, изъ котораго города о которыхъ людехъ отпишуть именнно, и у себя ему тѣхъ людей не держати и примати ихъ; а которые люди кто прїѣдетъ въ тотъ городъ нашего государства, или изъ иныхъ земель люди, съ денгами или съ товаромъ, соли или рыбомъ купити или иного товару, и тѣмъ людямъ волно товары свои продавати и у нихъ покупати, безъ всякихъ пошлинъ; а которые люди пойдуть изъ Перми жити, и тѣмъ людей Якову имати, съ отказомъ, неписменныхъ и нетяглыхъ. А гдѣ въ томъ мѣстѣ росоль найдуть, и ему тутъ варницы ставити и соль варити, и по рѣчкамъ и по озерамъ въ тѣхъ мѣстѣхъ рыбу ловити безоброчно. А гдѣ будетъ найдуть руду серебряную или мѣденую или оловяную, и Якову тотчасъ о тѣхъ рудахъ отписывати къ намъ; а самому ему тѣхъ рудъ не дѣлати, безъ нашего вѣдома. А въ Пермские уезженъ и рыбные ловля Якову не входить, которые писаны у Перми въ писцовыхъ книгахъ и правожнымъ грамотахъ. А лготы еси ему дади на тѣ новые мѣста, о которыхъ намъ Яковъ билъ челомъ, по другую сторону Чусовые рѣки и отъ Чусовые рѣки по Камѣ внизъ на двадцать верстъ, по обѣ стороны Камы рѣки, до Ласвинскаго бору, на десять лѣтъ, въ ту жъ лготу, чѣмъ ихъ прежь того пожаловалъ по Григорьеву челобитью, отъ Благовѣщенїева дни лѣта 7000-семьдесятъ шестаго до Благовѣщенїева жъ дни лѣта 7000-восемьдесятъ шестаго: кто къ нему людей въ городокъ и на посадь и

около города на вышине, на деревни и на почишки, придутъ жити неписанныхъ и нечитанныхъ людей, и Якову съ тѣхъ людей, въ тѣ лютныя десять лѣтъ, не надобѣ моя царева и великаго князя дань, ни ямскіе ни ямчужные денги, ни посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные некоторые подати, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстѣхъ; а которые люди ѣдутъ мимо тотъ городокъ нашего государства, или иныхъ земель, съ товаромъ или безъ товару, и съ тѣхъ людей пошлины не имати некоторые, торгуютъ ли они тутъ, не торгуютъ ли; а повезетъ онъ, или пошлетъ, ту соль или рыбу по инымъ городамъ, и ему съ той соли и съ рыбы всякіе пошлины давати, какъ и съ иныхъ съ торговыхъ людей пошлины сълютъ; а кто у него учнетъ въ томъ его городѣ изъ людей жити пашенныхъ и непашенныхъ, и нашихъ Пермскихъ наместниковъ и ихъ тиуновъ Якова Строганова и что его городка людей, деревенскихъ, не судити ни въ чемъ, и праветчиковъ и доводчиковъ и ихъ людей къ Якову Строганову, къ его городку и къ деревенскимъ людямъ не въѣзжати ни почто, и на поруки ихъ не дасть и не взымаютъ къ нимъ ни почто, а вѣдаютъ и судитъ Яковъ своихъ слобожанъ самъ, во всемъ, или кому прикажетъ; а кому будетъ иныхъ городовъ людямъ до Якова какое дѣло, и тѣмъ людямъ на Якова здѣсь имати управныя грамоты, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обоямъ, ищанымъ и отвѣтчиковъ, безприставно ставитъ на Москвѣ передъ нами, на тотъ же срокъ на Благовѣщеніевъ день; а какъ тѣ урочныя лѣта отойдутъ, и Якову Строганову наши всѣ подати вельти возити на Москву, въ нашу казну, на тотъ же срокъ на Благовѣщеніевъ день, чѣмъ ихъ наши писцы обложатъ. Такъ же еси Якова Аникѣева сына Строганова пожаловалъ: коли онъ, или его люди, или его слободы крестьяне, поѣдутъ отъ Вычегодскіе Соли мимо Пермь на Каму въ Слободу или изъ Слободы къ Вычегодской Соли, и наши Пермскіе наместники, и ихъ тиуны и доводчики, и всѣ приказные люди, въ Пермь Якова и его людей и его слободы крестьянъ на поруки ихъ не дасть и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлѣхъ. Такъ же еси Якова Аникѣева сына Строганова пожаловалъ: коли наши послы поѣдутъ съ Москвы въ Сибирь, или изъ Сибири къ Москвѣ, или изъ Казани наши посланники поѣдутъ въ Пермь или изъ Пермь въ Казань, мимо тотъ его городокъ, и Якову и его слобожаномъ нашимъ Сибирскимъ посломъ и всякимъ нашимъ посланникомъ, въ тѣ его лютныя десять лѣтъ, подводъ и проводниковъ и корму не давати; а хлѣбъ и соль и всякой запасъ торговымъ людямъ въ городѣ держати, и посломъ и гондомъ и проѣзжимъ людямъ и дорожнымъ продавати по цѣнѣ, какъ межъ себя купать и продаютъ; и подводы и суды и гребцы и корыщики наймуютъ всякіе люди проѣзжіе, кому надобѣ, и кто у нихъ дешевле похочется наняти. Такъ же еси Якова Аникѣева сына Строганова пожаловалъ: съ Пермичи ему некоторые тягли не тянуть, и счету съ ними не держати ни въ чемъ, до тѣхъ урочныхъ лѣтъ, и во всякіе угоды Пермичамъ въ земляныя и дѣсныя, отъ Чусовые рѣки по обѣ стороны Камы рѣки до Ласвинского бору, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ, у Якова не вступатися ни въ которые угоды новыя, которыхъ угодей у Пермичъ въ писцовыхъ книгахъ и въ правожныхъ грамотахъ не написано; а владѣютъ Пермичи старыми ужожен, которыми изстари владѣли по писцовымъ книгамъ, а Яковъ владѣетъ своими новыми ужожен, съ которыхъ ужоженъ и со всякихъ угодей въ нашу казну некоторыхъ пошлинъ не шло, и въ Казань ясаковъ нашимъ бояромъ и воеводамъ въ нашу казну неплачивали, и прежде того въ Казань не давали. А что будетъ намъ Яковъ, по своей челобитной, ложно билъ челомъ, или станетъ не по сей грамотѣ ходити, или учнетъ воровати, и ся моя грамота не въ грамоту. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7076, марта въ 25 день.

Подлинникъ писанъ столбцомъ, на двухъ листахъ; внизу, на шелковомъ шнурѣ, прицеплена красноевская государственная печать. На оборотѣ сверху: Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи. По славянскъ: Діакъ Дружина Володимировъ. — Изъ фамильного архива графини С. В. Строгановой.

Когда же они, Строгановы, получили такую милость, то стали заселять тѣ пустыя мѣста пришлыми къ нимъ вольными людьми, селами и деревнями, а по Чусовой, въ 100 верстахъ отъ Камы, поставили городокъ, по теченію Чусовой на лѣвой сторонѣ, въ которомъ построили церковь, для себя домъ и обывательскіе дома, а „на присканныхъ тутъ разсолахъ варницы поставя, соль варить начали, и въ томъ своемъ городкѣ, благодатию Божию и добрыми поступками, происходили отъ силы въ силу на лучшее, и получали до-вольствіе, отъ честныхъ своихъ трудовъ.“ (Исторія о родословіи и богатствѣ и проч. гг. Строгановыхъ. В. Шишонко).

Къ тѣмъ городкамъ (Чусовскимъ) пріѣзжали купцы для покупки соли, какъ изъ верхнихъ, такъ и изъ низовыхъ мѣстъ, и покупали соль вольною и договорною цѣною. (Тамъ же).

Примѣчаніе 1. „Аникій, по благополучномъ заселеніи по рѣкѣ Чусовой городка, довольно разсматривая тамошнія мѣста и часто разговаривая съ свѣдущими о дальности вершины рѣки Чусовой извѣстился, что выше его заселенія по Чусовой много есть жительства народовъ вогульскихъ; но они сибирскаго владѣнія, народы дикіе и болѣе жизнь свою продолжаютъ ловлею въ лѣсахъ разныхъ звѣрей, а въ рѣкахъ—рыбной. Звѣриной ихъ промысла болѣе состоитъ въ добычѣ лосей, оленей, соболей, куницъ, лисницъ и другихъ звѣрей. Аникій, памятуя Соли-Вычегодской съ тѣми сибирскими, по Оби рѣкѣ, остяками и вогульцами прибыльной своей торгъ, которой приносилъ ему не малой интересъ, желая и въ Перми съ тѣми народами того-жъ, по близкому съ ними сосѣдству, тѣ же принять мѣры, чтобъ сдѣлать съ ними торгомъ знакомство, что и самымъ дѣломъ исполнять начато: посланы были отъ него, Аникія, въ верхъ той Чусовой рѣки, до ближнихъ и дальнихъ вогульскихъ жилищъ, нарочные съ мелочными товарами,—тѣ возвращались съ не малымъ числомъ мѣновой рублины, а потомъ и сами вогульцы съ такими же товарами пріѣзжали, но не съ такимъ множествомъ и богатымъ числомъ, какъ происходилъ торгъ у Соли-Вычегодской. У Аникія не о торгахъ болѣе было въ разсужденіи и не для прибытковъ себѣ имѣлъ съ ними дѣла, но онъ болѣе у тѣхъ своихъ гостей съ ласкою выспрашивалъ, сколь далеко простирается вершина рѣки Чусовой и сколь далеко жилища настоящихъ татаръ сибирскаго владѣнія, и по какимъ рѣкамъ и сколько отъ тѣхъ татаръ дней ходу до самой столицы Царства сибирскаго; ибо онъ, Аникій, велъ на мысли своей великое намѣреніе, не возможно ль ему какими бы образомъ, столь близко лежащую отъ Россійскихъ границъ землю сибирскую или часть оной, начиная съ вершинъ рѣки Чусовой, присокупить оружіемъ къ Россійской Державѣ, и тѣмъ бы принести знатную услугу государю и отечеству, и о семъ тайно разговаривая и разсуждая съ дѣтьми своими, Григоріемъ и Яковомъ, какими бы образомъ смыслать онъ могъ способъ къ сему предпріятію, но и пакы казалось ему быть сіе дѣло великой важности и выше силъ его, и хотя при жизни своей многіе ница способы, но толь великое славное дѣло сіе начать не могъ, ниже дѣти его, помянутые Григорій и Яковъ, оное, по желанію, не могли получить, а сподобились начать и совершить внучата Аникіевы.“ (Исторія о родослов. и богатствѣ и проч. гг. Строгановыхъ. В. Шишонко).

Примѣчаніе 2. Изъ рукописныхъ записей, принадлежащихъ мѣтѣ, и относящихся до Пермской губ.,—выраженіе, приведенное подъ этимъ годомъ, „отъ Усть-Чусовья рѣки... на 20 верстахъ до Ласвинскаго бору“, въ отношеніи урочища—Ласвинскаго бора, объясняется такимъ образомъ, что послѣдній находился ниже города Перми и села Нижнемуллинскаго.—В. Шишонко.

Примѣчаніе 3. Изъ нашего лѣтописца подъ 1555 годомъ видно, что „принимъ посылъ къ царю отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли сибирской, поздравили государя съ Царст-

воиъ Каванскииъ и Астраханскииъ и били челомъ, чтобъ государь, князя ихъ и всю землю Сибирскую, взялъ въ свое имя и отъ всѣхъ неприятелей вступилъ, данъ своя на нихъ пожаловалъ и человека своего прислалъ, кому данъ собирать. Государь пожаловалъ, взялъ князя Сибирскаго и всю землю въ свою волю,.... Въ 1558 году, мы видимъ, что „татары изъ Сибири прѣехали, а съ ними Едигера князя посланикъ Истетиръ, который привезъ съ собою полной даны тысячу соболей, да дорожной пошлины, сто соболей и 69 соболей за бѣлку. Едигеръ прислалъ при томъ присяжную грамоту по которой онъ совершенно поддался царской державѣ“. Поэтому то въ царской грамотѣ Грознаго—Якову Анкиевичу Строганову, данной въ 1568 г. 25 марта и объявляется что, „когда послы изъ Москвы въ Сибирь отправлены быть живуть, или изъ Сибири въ Москву чрезъ Строгановскіе городки проѣзжать стануть, то Строгановъ долженъ тѣмъ посланъ давать за наличную плату подводны, суда и работниковъ, а равно и съѣстные припасы“. Въ подтвержденіе же того, что послы действительно отправлялись въ Сибирь, видно изъ грамоты Строгановицъ, приведенной нами подъ 1572 годомъ.

Примечаніе 4. О построеніи Чусовскихъ городковъ, подъ симъ 1568 годомъ см. въ Дополн. къ акт. истор. т. I, № 119 грамотѣ на имя Якова Строганова, въ отношеніи владѣнія прибавочными землями по р. Чусовой.

1570 годъ.

Въ семь году получена Иоанномъ IV отъ Сибирскаго царя Кучума грамота, которой онъ увѣряетъ Ивана Васильевича въ своей дружбѣ, между тѣмъ какъ сынъ его грабитъ и убиваетъ русскихъ пословъ, посланныхъ къ тому же Кучуму. Трудно допустить, чтобы сынъ послѣдняго, Маметкуль, подобное злодѣяніе сдѣлалъ безъ воли своего отца.

Приведемъ грамоту Кучума изъ Сибирск. лѣт. Вотъ она:

„Богъ богатъ“.

„Вольный человекъ Кучумъ царь, Великій Князь Бѣлый Царь. Слышали есмя.... еси и справедливъ; мы и весь народъ земли воюются; а не учнутъ воеваться и они мирятся. Съ нашимъ отцомъ, твой отецъ гораздо помирился, и гости на обѣ стороны ходили, потому что твоя земля близка; люди наши въ упокоѣ были, а межъ ихъ лиха не было, а люди черные въ упокоѣ, въ добрѣ жили; и нынѣ при нашемъ и при твоёмъ времени люди черные не въ упокоѣ. А по ся мѣсто грамоты въ тебѣ не послалъ есмя потому, что не съ которымъ намъ война была и мы того недруга своего взяли; и нынѣ похощь миру—и мы помиримся, а похощь воеваться—и мы воюемся: пяти шти человекъ въ поиманіи держать, землѣ въ томъ что? Язъ пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся, только похощь съ нами миру, и ты изъ тѣхъ людей одного, котораго въ поиманіи сидятъ, отпусти и своего человека съ ними къ намъ пришли гонцомъ. Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ-жъ быти пригоже; буде въ дружбѣ бывалъ, идо въ дружбѣ и быти; кого отецъ обрѣлъ себѣ друга и брата—сыну съ тѣмъ въ недружбѣ быти ли? И нынѣ.... помиримся братомъ старѣйшимъ.... чѣмъ учинимся въ отечествѣ.... только похощь миру—и ты наборзѣ намъ гонца пришли. Молва, съ поклономъ грамоту послалъ.“

Изъ Перми Аникій Строгановъ нерѣдко ѣздилъ къ Соли - Вычегодской посѣщать сына своего Семена, равнымъ же образомъ и сынъ его навѣщалъ почасту, со объявленіемъ о благополучномъ состояніи тамошнихъ вотчинъ и промыслу. Аникій утѣшался родительски, видя сыновъ своихъ въ добродѣтеляхъ себѣ подобныхъ; будучи же въ старости доволенъ лѣтами, принялъ намѣреніе оставить дѣтей своихъ, Григорья и Якова, въ Перми, а о себѣ положилъ ѣхать въ Соль-Вычегодскую, нынѣ уѣздный городъ Вологодской губерніи. (Въ бытность мокъ въ Соль-Вычегодскѣ, въ качествѣ врача, въ 1857 году, я любовался въ немъ великолѣпной архитектурой тамошняго собора, строенія гг. Строгановыхъ. В. Шишонко). Подавши же благословеніе дѣтямъ своимъ, и ихъ дѣтямъ, напоминая-же имъ отечески о союзѣ братскомъ, чтобъ имѣли между собою любовь нелицемѣрную, труды прилежно полагали въ пользу государства, на службу отечеству, для славы и приобрѣтенія отъ трудовъ своихъ себѣ, не постыжая честь рода своего, тако-жъ и прочимъ наказуя добродѣтелямъ, а потомъ оставляя ихъ въ волю Божию, наконецъ, простясь съ ними, въ намѣренной путь поѣхалъ къ сыну своему Семену и, по пріѣздѣ своемъ, живши нѣсколько время благополучно, а какъ почувствовалъ, по многихъ своихъ трудахъ, тягость старости своей и въ силахъ своихъ умаленіе, пожелалъ принять на себя чинъ монашескій, и по постриженіи наречено имя ему *Иоасафъ* и, бывши монахомъ недолгое время, по приключившейся ему болѣзни 1570 г., получа блаженную кончину, Небесному Отцу душу свою предать, будучи отъ рожденія своего 70 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ; онъ имѣлъ супругу себѣ Софію, которая преставилась 1567 г. отъ рожденія своего 57 лѣтъ и 5 мѣс. (Исторія о богатствѣ и родословіи и проч. гг. Строгановыхъ. В. Шишонко).

Въ этомъ же году, три брата Строгановыхъ: Семень, Григорій и Яковъ приложили, сверхъ прежняго отцовъ ихъ данья, Пыскорскому монастырю, отъ своихъ же въ Перми жалованныхъ имъ земель, не малую округность, на которую землю и угоды дали въ монастырь „Поступное письмо“.

Примечан. 1. Приведемъ это интересное Поступное письмо, такъ какъ оно, какъ кажется, мало извѣстно читающей публикѣ. «Въ Пречестную обитель Всемилостиваго Бога и Спася нашего Іисуса Христа, честнаго и славнаго боголѣпнаго Его Преображенія, иже показа славу Своего божества ученикомъ и апостоломъ на горѣ Баворстѣй и Пресвятія Вечерединѣ, призовъ дѣвъ Маріи, заступницѣ року христіанскому, а намъ грѣшнымъ во всемъ помощницы и упованіе всѣхъ христіанъ, честнаго и славнаго Ея рождества.— Начальнику и пастырю христовыхъ словесныхъ овецъ, Варлааму, о Христвѣ мирѣ и цѣлованіе, всему по Божѣ братству твоему,—Аникіевы дѣти, Строгановы Яковецъ, Гриньша и Семенецъ челомъ бьемъ! Божія воля сталась, нашихъ родителей въ животѣ не стало, государя нашего, отца Іоанкія, а во иноцѣхъ—Іоасафа и нашего государя матушки Софіи; и мы нынѣ въ домъ боголѣпному Преображенію и Пречестнаго Рождеству, въ твою паству, въ монастырь, даемъ свои новыя роспашни отъ Лысыя рѣчки и по Лысѣвѣ въ верхъ до вершинъ, междую свою сторону и мельницу большую на Лысѣвѣ и отъ Лысы, внизъ по правую сторону Камы, свои всѣ новыя пашни и городокъ Канкоръ. И пожаловалъ бы ты, начальникъ Варлаамъ, посоветовалъ бы твоей паствѣ съ братствомъ, чтобы перенести и монастырь въ городокъ, а церкви ставити по вашему чину, какъ будетъ пригоже; а въ городокъ боеваго снараду: 12 рублицъ, да три затинныхъ, да пудъ велья, да пудъ саницу. А отъ городка дѣвятъ до Нижней

Пыскорки и звертъ по Пыскоркѣ до вершинъ, а за Пыскорку монастырю дѣла нѣтъ, такожъ и до Меркурьевыхъ острововъ монастырю дѣла нѣтъ; а нѣма нашему данью по Камѣ, по правую сторону, отъ Лысьвы внизъ до Нижней курьи, а по лѣвую сторону, по Камѣ внизъ до Зырянки; а ниже Зырянки, а ниже Зырянки, въ нашъ правекъ монастырю дѣла нѣтъ. А которые жильцы живутъ у городка Канкора, которымъ давало отъ насъ подъ двори мѣста и пахотныя земли и покосы, въ Чашкинѣ, и тѣ жильскія земли и пашни по смерти тѣхъ жильцовъ владѣтъ монастырю же; да мы же послали въ домъ боголѣпнаго Преображенія и Пречистыя Рождеству сто рублевъ денегъ. А молити вамъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Богоматерь, Присно-Дѣву Марію, и святыхъ небесныхъ Силъ, Ангелъ и Архангелъ Михаила и Гавріила, и прочихъ безплотныхъ и великаго Пророка и Предтечу Христова Крестителя Іоанна и всѣхъ святыхъ, благоугодившихъ отъ вѣка вѣковъ ампны;—чтобы умножилъ Богъ православному государю, царю и великому князю Іоанну Васильевичу, всея Россіи, его благодарованнымъ дѣтямъ, царевичамъ—Іоанну и Ѳеодору, многолѣтнее здравіе во всякомъ проскомисаніи, на литіяхъ и на панихидѣхъ, и на обѣдѣяхъ благовѣрнаго князя Василія Васильевича, во иноцѣхъ Варлаана, благовѣрныхъ царицъ и великихъ княгинь и чадъ ихъ, тако и за отца нашего, за прежнее данье, и за нынѣшнее служить игумену съ соборомъ и корми кормити, доколѣ Богъ изволитъ и обитель стоять; а по государѣхъ и по государыньхъ корми кормити большими, да и по нашихъ родителейхъ служить игумену съ соборомъ, по 4 службѣ на всякой годъ, доколѣ святое мѣсто стоитъ; родъ же нашъ написать въ синодикъ, прочитывать въ раду на всякъ день; а которой изъ насъ, Анкиевыхъ дѣтей, похочетъ постритчися, или дѣти наши, то безъ вклада стритчи, а кого мы велимъ изъ своихъ людей постритчи, тѣхъ вамъ стритчи безъ вклада же и къ братству причести; а послышите кого изъ насъ въ животѣ не станеть и вамъ бы приписать къ нашимъ родителямъ, да поминать, на литіяхъ по вся дни.» Писана 7078 (1570) году, марта 2 дня. (Исторія о богат. и проч. гг. Строгановыхъ. В. Шишонко).

Примѣчан. 2. Въ одномъ изъ видѣнныхъ мною, приводимомъ Поступномъ письмѣ, перечислены слѣдующія имена: Спиридовъ, Козьма, Лука, Ѳеодосій скимникъ, Іоасафъ скимникъ, Иванъ, Іоасафъ, Марса, скимница Евонія, Софія, Спиридовъ, скимникъ Исаія, Корнилій скимникъ, Марса скимница, Акилина скимница, Марса, скимница Евдокія и др. число коихъ простирается до 70, кромя означенныхъ. В. Шишонко—.

Примѣчан. 3. Настоятель монастыря Варлаамъ, получивъ такое отъ Строгановыхъ пожертвованіе, не могъ не принять ихъ предложенія о перенесеніи монастыря въ Канкоръ: въ противномъ случаѣ неуваженіе его къ совѣтамъ Строгановыхъ показалось бы изъ неблагоугодности и навсегда бы могло лишити монастырь ихъ милостей. Вслѣдствіе сего Варлаамъ, въ угожденіе своимъ вкладчикамъ, созвалъ братію и объявилъ имъ предложеніе Строгановыхъ съ собственнымъ желаніемъ перенести монастырь. Братствующіе иноцѣ согласились съ Варлаамомъ, сколько по обѣту монашескаго послушанія, столько же и по соображеніямъ, выше высказаннымъ. Въ слѣдъ за рѣшеніемъ приступлено было къ исполненію. Впрочемъ настоятель монастыря не разрушилъ всего прежняго монастыря и даже церкви Преображенія Господня *), а занялся только устройствомъ храмовъ Вожіихъ по чину, какъ было пригоже. Скоро ли приведено было къ концу устройство новаго монастыря—не извѣстно. По крайней мѣрѣ, черезъ девять лѣтъ, по полученіи поминутаго Поступнаго письма, въ городѣ Канкорѣ былъ уже настоящій монастырь, имѣвшій новый храмъ Вожій—Влаговѣщенія Пресвятыя Богородицы—со всѣми церков-

*) Въ книгѣ писца Лхонтова, чрезъ 9 лѣтъ, описывавшаго монастырь, сказано: «а большая церковь Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа стоитъ за монастыремъ (новымъ) ветка, безъ пѣвня, на старомъ мѣстѣ, гдѣ монастырь былъ». (Писцов. книга 7087—1579 г.).

ными принадлежностями и монастырскія келліи въ числѣ десяти *). Строгановы, пожертвовавъ «сто рублей денегъ» на перестройку его, не падали и другихъ пожертвованій: они на свой собственный счетъ внесли во вновь устроенный или же храмъ все нужное для церкви: образа, ризы, свѣчи, книги, колокола и всю утварь **).

Кромѣ тѣхъ частныхъ вспоможеній Строгановыхъ, каковы: деньги, строительные материалы и разные церковные вклады, монастырь пользовался довольно огромными, по тому времени, доходами съ недвижимаго имѣнія, ему принадлежавшаго по даннымъ Строгановыхъ же. Люди вмѣстѣ съ слободкою, за монастыремъ ***) находившеяся, по жертвованнымъ Строгановыми монастырю, обрабатывали пашенную монастырскую землю. Земля хотя и не очень хорошая, была въ достаточномъ количествѣ ****). Одного сѣна на дугахъ монастырскихъ, вмѣстѣ съ крестьянскими, собиралось около 2000 копенъ. Сверхъ того, монастырь имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько мельницъ лучшаго нѣмецкаго устройства, рыбныя ловли, безобразно производимыя въ рѣкѣ Камѣ подъ монастыремъ и въ озерѣ Чашкинѣ, и въ настоящее время обильномъ рыбою, два починка или деревни Лмсу и Новинки, варницю, существовавшую на рѣчкѣ Пыскорской, гдѣ монахи вываривали достаточное количество соли не только на свой обиходъ, но, вѣроятно, и на продажу *****). О варницахъ, пожертвованныхъ монастырю, прежде сего у Соли-камской, въ это время уже не упоминается; вѣроятно монастырь, не имѣя еще достаточнаго количества людей, потребныхъ для соловаренія, продалъ эти варницы кому либо изъ соликамскихъ солепромышленниковъ за большія деньги, подобно тому, какъ еще игуменъ Варлаамъ продалъ въ Соликамскѣ одну варницю соликамскому жильцу Федору Шелконогову, не извѣстно только въ которомъ году *****). По этимъ немногимъ документамъ владѣній монастырскихъ, можно отчасти судить о томъ, что монастырь существовалъ въ сіе время безбѣдно и приходилъ въ цвѣтущее состояніе, которое было только предвѣстникомъ того величія, которое пріобрѣталъ онъ съ каждымъ годомъ во все послѣдующее время, при нѣкоторыхъ мудрыхъ и распорядительныхъ изъ своихъ настоятелей *****).

Въ семь году, по повелѣнію царя Ивана Васильевича, надъ рѣками Яйвою и Сылвою поставлены острожки, и нарядъ скорострѣльный устроенъ, и пушечки, и затинныя пицали, и людей пушкарей, и затинщиковъ, и пицальниковъ и воротниковъ—для перехода сибирскихъ и нагайскихъ людей, чтобы имъ, къ государевымъ пермскимъ городамъ, пути не было для угнѣсенія—сылвинскихъ и иренскихъ татаръ, и остяковъ, и чувовскихъ и яйвенскихъ и косвенскихъ вогуличъ. (Перм. губ. вѣд. 1866 г. № 5; Сибир. лѣт. 1821 г. стр. 7).

Въ Великую Пермь былъ опредѣленъ намѣстникомъ князь Никита Ивановичъ Ромашковскій.—

*) *ibidem.* Въ Орловскомъ уѣздѣ монастырь Спаской, на рѣкѣ на Камѣ, на ускъ-рѣчки Пыскорки, церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы . . . Въ монастырѣ игуменскихъ и братскихъ келлій десять . . .

**) *ibidem.* «А въ обихѣ церквахъ (т. е. въ старой Преображенской и новой Благовѣщенской) образа и свѣчи, и ризы, и церковныя книги, и колоколь и все церковное строеніе Якова, да Григорья, да Самсона Строгановыхъ».

***) За монастыремъ слободка, а въ ней дворы крестьянскія. Книга писца Ялотнова 7087 года.

****) Имяни: монастырскія 32 чети, да крестьянскія пашни 12 четей паралогу, 16 четей въ полѣ, а въ дву потомуажъ; земля худа; лѣсу пашеннаго двадцать десятичь. Тамъ же.

*****) Тамъ же.

*****) Сборникъ списковъ съ грамотъ и крѣпостей Соликамскаго монастыря подъ год. 7119 (1611) л. 3.

*****) Пермск. епар. вѣд. за 1867 г. стр. 212.

Преподобный Трифонъ положилъ начало Чусовскому селу, гдѣ—, обрѣте мѣсто на горѣ высоцѣ и возлюбилъ е зѣло и сотворилъ малую хижину себѣ.“ Здѣсь же ученикъ преподобнаго Тихона, Іоаннъ, устроилъ монастырь и Строгановы приложили къ тому монастырю пашни и покосы, на подмогу монастырской братіи. (Рукопис. выписки изъ древн. актовъ, памятей и проч. В. Шимоноко.)

1572 годъ.

Въ семь 1572 году въ Чердынѣ намѣстникомъ былъ князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ. (Записки изъ дѣлов. бум. В. Шимоноко.)

Въ апрѣлѣ сего 1572 года, епископъ Макарій былъ вызванъ въ Москву, на соборъ, по поводу разрѣшенія вопроса о 4 бракѣ Грознаго съ дѣвицею Колтовскою, гдѣ и присутствовалъ. (Вологодск. губерн. вѣдом. за 1850 г.)

Примѣчаніе. Грамотою сего 1572 года, августа 6, Якову и Григорью Строгановымъ повелѣвалось *посылать ратныхъ людей для приведения въ покорность черемисы и другихъ сибирскихъ имородцовъ, производившихъ грабежи по рѣкѣ Камѣ.*

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Слободку на Каму, Якову да Григорью Анисѣевичемъ дѣтемъ Строганова. Въ нынѣшнемъ въ 80 году писалъ къ намъ съ Пермь воевода нашъ князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ, съ своимъ человекомъ съ Ивановъ съ Ворисовымъ, о вѣстехъ про Черемиской приходъ на торговыхъ людей, суды, на Камѣ; да князь Иванъ же писалъ къ намъ, что писалъ къ нему съ Устья человекъ вашъ Третьячко іюля въ 15 день, что приходили де наши измѣнники черемиса на Каму сорокъ человекъ, да съ ними де Остяки и Башкирци и Вулицы, войномъ, и любилъ де и на Камѣ Пермичъ торговыхъ людей и ваташниковъ восьмьдесятъ семь человекъ. — И какъ къ намъ съ наша грамота придетъ, и вы-бъ жили съ великимъ береженьемъ, да выбравъ у себя голову добра да съ нимъ охочихъ казаковъ, сколько приберетца, со всякимъ оружьемъ съ ружницами и съ саадами, да и Остяковъ и Вогуличъ, которые намъ пріятны, съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать, а женамъ ихъ и дѣтемъ велѣли быть въ острогѣ, какъ голову выберете, да и охочихъ людей, стрѣльцовъ и козаковъ, велѣли написати на списокъ; а сколько остяковъ и вогуличъ охочихъ людей сберетца, и вы-бъ то велѣли жъ писати на списокъ же, по именомъ, и розобравъ ихъ по статьямъ, кто съ коимъ оружьемъ и сколько тѣхъ охочихъ людей, и Остяковъ и Вогуличъ, всѣхъ на нашихъ измѣнниковъ въ собранъѣ будетъ, да оставя у себя противень, а съ того именного списка списавъ, приславъ, за своею печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже, къ намъ на Москву, въ Приказъ казанскаго дворца, съ дѣкомъ нашимъ Андрею Щелкалову да въ Кирилъ Горяну, чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было вѣдомо; да тѣ бы есте головамъ съ охочими людьми, съ стрѣльцы и съ казаки и съ Остяки и съ Вогуличи, послали войномъ ходити и воевать нашихъ измѣнниковъ, на Черемису и на Остяковъ и на Вотяковъ и на Ногаи, которые намъ измѣнили, отъ насъ отложились; а которые наши измѣнники учнутъ приходити на Слободскія мѣста войномъ, и тѣ-бъ охочіе люди на тѣхъ черемисскихъ людей приходили, чтобъ ихъ повоевати, а себя отъ нихъ уберегати, и отъ нихъ отходить самимъ бережно и устроимово. А однолично бы имъ нашихъ измѣнниковъ, черемису и остяковъ и вотяковъ и ногаи, которые намъ измѣнили, отъ насъ отложились, повоевати. А будетъ которые черемиса или остяки добрые, а похотятъ къ своимъ товарищемъ приказывати, чтобъ они отъ воровъ отставъ намъ пріятныи, а на ихъ бдѣть что станеть, и вы-бъ тѣхъ не убивати и ихъ берегти, и ни ихъ пожалуетъ; а которые будутъ и поворовали, а нынѣ похотятъ намъ пріятны и правду свою покажутъ, и вы-бъ имъ велѣли гонимыи и

приказывати наше жалованное слово, что мы их пожалуемъ, немъ имъ отдадимъ да и во всемъ имъ полегчимъ, а они-бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ свои головы собрався, съ очочими ходили вмѣстѣ воевати нашихъ измѣнниковъ, и ихъ воевали, и въ войнѣ ихъ побивали, а которая позволютъ и тому того животь, а жены ихъ и дѣти имъ въ работу; а которая черемиса учнутъ намъ прятить, а обратятъ къ намъ истяною, и нашихъ измѣнниковъ позволютъ, и измѣнничьи жены посылать, и лошади и коровы и платье, и иной какой всякой животь, и вы бѣ у нихъ того полонского живота однолично отъимати не велѣли никому». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7080, августа въ 6 день.

Подлинникъ писанъ столбцомъ, на четырехъ листкахъ, съ черновосскою снизу прикладною печатью. На оборотъ сверху: «Царь и великій князь всеа Руси. По склейкамъ: Діакъ Еврей Горнявъ. — Изъ фамильнаго архива графини С. В. Строгановой».

1572 и 1573 годы *).

Въ началіи 7080 (1572) году, Пелымской Вогульской князецъ Бехбелей Ахтавовъ, слыша, что по Чусовой отъ Ермака чинятся грабительства и обиды вогуличамъ и остякамъ, не терпя чинимаго отъ Ермака своимъ землякамъ разоренія и желая за то отомстить, собралъ остяковъ и пелымскихъ вогуличей, не малое число, и, перешедъ Югорской хребетъ, нечаянно подошелъ подъ Чусовской Строгановыхъ городокъ и оттолъ, учиня нападеніе на Сыльвенской острожекъ и прочія села и деревни многія выжегъ и разорилъ, и убивство людямъ и грабежи учинилъ, и получа въ добычу нѣсколько мужеска пола людей, назадъ было побѣгъ; но Семень Аникіевъ (которой тогда на Чусовой бытъ случился) и Максимъ Яковлевъ Строгановы, услыша сіе нечаянное нападеніе и разореніе, вскорѣ собрали своихъ людей и крестьянъ и, снабдя ихъ ружьемъ, онаго князца и его товарищевъ настгнши и напавши на него, Бехбеля, множество остяковъ и вогуличъ, побили, а прочіе вогульцы убѣжали; плѣнъ и пожитки отъ него обратно взяты, — и такъ, что вогульцамъ на сраженіи вредительно было въ бѣгствѣ, учинили себѣ пользу, да и самъ, князецъ Бехбелей, при такомъ скоропостижномъ побѣгѣ былъ не послѣднимъ своего спасенія; и такъ сія нечаянная напасть благополучно окончена.

А понеже, во время того разоренія, означенныхъ мѣстъ, отъ вогульцовъ, Семень и Максимъ требовали съ Камы отъ Никиты Строганова, яко по близости, къ Чусовскому городку людей въ помощь, но Никита имъ въ томъ помощи не далъ; того ради, писали они къ государю съ жалобой и просили, чтобъ въ такихъ опасныхъ случаяхъ, помощь посылать онъ, Никита, не отрекался; на которую просьбу послана была ему, Никитѣ, царская грамота, по которой велѣно ему, Никитѣ, во время опасныхъ случаевъ, чинить помощь; а особ-

*) Означенные годы соединены для того, чтобы не разорвать событийъ предъидущаго года съ послѣдующимъ. В. Шимонко.

ливою грамотою повелѣно и изъ города Чердыни служивыхъ людей, когда будетъ требованіе отъ Строгановыхъ, посылать немедленно.

Неудачный бой помянутаго князца Вехбелія со Строгановыми привелъ его въ вѣщее огорченіе; того ради, на другой годъ, тотъ же князецъ, собравъ вогуличъ и, приглася въ помощь остяковъ, и перешедъ, паки хребетъ Югорскихъ горъ, незанно на городъ Чердынь учинилъ сильное нападеніе; но хотя городу вреда и не учинилъ, но уѣзднымъ жителямъ убійствомъ и расхищеніемъ имѣнія не малой вредъ и разореніе учинилъ; а оттоль пошелъ подъ Кай-городокъ и поворотя, къ Строгановымъ городкамъ, на Каму—къ Камфорту и Кергодану, то есть на монастырь Пыскорской и Орель городовъ, а оттоль на Сылвенскіе и Яйвенскіе острожки и на Чусовской городокъ,—учинилъ нападеніе.—Однако Орлу и Чусовскому городку вреда учинить не могъ, окрестныя мѣста разорилъ, тако жъ убійствомъ и расхищеніемъ, много зла учинилъ, а съ полученнымъ плѣномъ и съ немалою добычею обратно было пошелъ, но Семень и Максимъ и Никита Строгановы согласясь, собрали своихъ множество вооруженныхъ людей и крестьянъ и, около живущихъ мирныхъ остяковъ и вогуличъ, на того князца, въ нѣкоторомъ мѣстѣ тѣсномъ, сильное нападеніе учинили; но превосходная сила того князца много Строгановымъ затрудненія учинила. Однако Строгановы, съ людьми своими, храбро стояли и съ вогуличами весь день въ бою были, ибо сраженіе было жестокое и упорное и побѣда сумнительная; но мужествомъ самихъ Строгановыхъ съ помощниками, множество съ неприятельской стороны убито и ранено, а наконецъ, помощію Божіею, онаго князца совершенно разбили и многихъ въ плѣнъ добрали, въ которыхъ плѣнникахъ считался и самъ князецъ Вехбелей, который, во время сраженія, отъ полученныхъ себѣ ранъ, въ Чусовскомъ городкѣ вскорѣ и умеръ, а оставшіеся вогульцы отъ сраженія малымъ числомъ за Камень ушли; а плѣнные, которые взяты были имъ, княземъ, изъ Чердыни и другихъ мѣстъ, съ ихъ пожитками, отпущены Строгановыми въ дома.

Въ то же время жилъ въ Чердынѣ воеводою Василій Пелепелицынъ. Не вѣдая подлиннаго обстоятельства о походѣ Ермаковымъ въ Сибирь, или желая Строгановыхъ привести въ подозрѣніе, писалъ онъ на нихъ въ Москву, какое было опасное на городъ Чердынь и на прочія мѣста отъ вогульцевъ нападеніе,—приписывая, что-де Строгановы учиненнымъ донскимъ казакомъ, въ посылку въ Сибирь и на чельмскаго князца, вспоможеніемъ, всему тому несчастію виновны. И такъ сія первая въ Москву была вѣдомость о Ермаковомъ въ Сибирь предпріятіи.

При дворѣ опасались, чтобъ такое дерзновенное предпріятіе въ Россійскомъ государствѣ не произвело безпокойства и худо укрѣпленныя пермскія границы не пришли въ опасность,—того ради, писана на Чусовую, Максиму и Никитѣ Строгановымъ царская грамота съ великимъ гнѣвомъ, что, безъ воли его царскаго величества, такихъ разбойниковъ, противъ подданныхъ вогуличъ, они отпустили. Чего ради, съ жестокою грозой, повелѣно имъ было казаковъ изъ Сибири возвратити и у себя не держать, но оставя у себя изъ

нихъ человѣкъ до ста, чтобъ они перскія границы защищали и своими бы дерзновенными и хищными поступками болѣе непріятелей ко обезпокоиванію Россійскаго государства не раздражали,—посему знать, что еще въ Москвѣ о благополучномъ успѣхѣ было не извѣстно, ибо Ермавъ, въ то время, отчасти уже Сибирскимъ царствомъ завладѣлъ. (Исторія о родословіи и богатствѣ и проч. г. Строгановыхъ. В. Шишнко).

Примѣчаніе. Изъ слѣдующей грамотѣ, данной, 1572 г. 6 авг., Якову и Григорію Анкиевичамъ Строгановымъ видно, что въ Перской странѣ былъ бунтъ черемисъ, къ которымъ присоединились башкирцы, вотяки и остяки, кои вмѣстѣ соединившись на р. Камѣ, дѣлали нападенія, на поселенцевъ Строгановыхъ, и убійства. Восстаніе окончательно утихло не ранѣе 1584 г., которое прекращено не столько силою, сколько кроткими иѣрами. Приведемъ по этому поводу грамоту. »Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, въ слободку на Каму, Якову да Григорію, Анкиевичимъ дѣтямъ, Строганова. Въ нынѣшнемъ 80-мъ году писалъ къ Намъ съ Перми воевода нашъ князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ съ своими человѣкомъ съ Иваномъ съ Борисовымъ, о вѣстяхъ про черемиской приходѣ на торговыхъ людей суды на Камѣ; да князь Иванъ же писалъ къ намъ, что писатъ къ нему съ устья человѣкъ вашъ Третьячко іюля въ 15 день, что приходили де наши измѣнники черемиса на Каму сорокъ человѣкъ, да съ ними де остяки и башкирцы и бунцы войномъ, и побили де на Камѣ меринтъ торговыхъ людей и ватацкиковъ восемьдесятъ семь человѣкъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ жили съ великимъ береженьемъ; а выбравъ у себя голову добра да съ нимъ охочихъ казаковъ, сколько приберется, со всякимъ оружіемъ, съ ружьями и съ сайдаки, да и остяковъ и вогуличъ, которые намъ прямитъ съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать, а женамъ ихъ и дѣтямъ велѣли быть въ остротѣ. А какъ голову выберете, да и охочихъ людей, стрѣльцовъ и казаковъ—велѣли написать на списокъ; а сколько остяковъ и вогуличъ охочихъ людей сберется, и вы-бъ то велѣли-жъ писати на списокъ же, по именомъ написать, и разобрать ихъ по статьямъ, кто съ коимъ оружіемъ и сколько тѣхъ охочихъ людей, и остяковъ и вогуличъ всѣхъ на нашихъ измѣнниковъ въ собранъѣ будетъ, да оставя у себя противень; а съ того именного списка, списавъ—прислатъ за своею рукою и печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже къ намъ, на Москву, въ приказъ Казацкаго двора, къ дьякомъ нашимъ Андрею Щелкалову да къ Кирюю Горину, чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было вѣдомо, да тѣ бы есте голову съ охочими людьми съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ остяки, и съ вогуличи послали войною ходить, и воевать нашихъ измѣнниковъ, на черемису, и остяковъ, и на остяковъ, и на нагай, которые намъ измѣнили, отъ насъ отложились. А которые наши измѣнники учнутъ приходи на слободскія мѣста войномъ, и тѣ-бъ охочіе люди на тѣхъ черемискихъ людей приходили, чтобъ ихъ новоевати, а себя отъ нихъ уберегати, и отъ нихъ отходить самымъ бережно и усторожливо, а однолично-бъ ихъ нашихъ измѣнникомъ черемису, и остяковъ, и вотяковъ, и нагай, которые намъ измѣнили и отъ насъ отложились, новоевати. А буде которые черемиса или остяки добрые, а похотятъ къ своимъ товарищамъ—приказывати, чтобъ они отъ воровъ оставя намъ прямили, а на ихъ будетъ что станется, и вы-бъ тѣхъ не убивали и ихъ берещали и имъ ихъ пожалуемъ. А которые будутъ и поворовали, а ницѣ похотятъ намъ прямиать и правду свою покажутъ, и вы-бъ имъ велѣли говорить, и приказывати наше жаловальное слово, что мы ихъ пожалуемъ, пени имъ отдадимъ, да и во всемъ имъ полегчимъ, а они бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ своими головами соврава съ охочими ходили вмѣстѣ воевати нашихъ измѣнниковъ, и ихъ воевали, и въ войнѣ ихъ побивали: а котораго повоюють, и тому того животь, а жены ихъ и дѣти имъ въ работу. А которая черемиса учнутъ намъ прямики, а обратятъ къ намъ истинною, и нашихъ измѣнниковъ повоюють, и измѣнничьи жены поемлютъ, и лошади

и коровы и платье и иной какой всякой животь, и вы-бъ у нихъ того полонскаго живота одиначино отнимати не велѣли никому». Писана на Москвѣ лѣта 7080, августа въ 6 день.

У подлинной грамоты приложена восковая черная печать.

Да на оборотѣ той грамоты подписано тако:

«Царь и великій князь всея Русіи.

Дьякъ Кирей Горинъ».

1573 годъ.

На новостроенный Строгановымъ Чусовской городокъ „приходилъ нечаянно войною, на 20 іюля 1573 года, на память св. Ильи, сибирскаго салтана братъ—Маметкуль со многолудствомъ татаръ и остяковъ и съ верхъ—чусовскими вогуличами, и много тогда російскихъ подданныхъ и ясашныхъ остяковъ побилъ; женъ и дѣтей ихъ въ полонъ побралъ и посланника государева Третьяка Чубукова и съ нимъ служивыхъ татаръ, которой былъ посланъ изъ Москвы въ казацкую орду; по выходѣ его изъ Чусовскаго городка, на пути всѣхъ побилъ, и не доходя, оный Маметкуль, Чусовскаго городка, за пять верстъ, держалъ оной въ осаду нѣсколько дней, и слыша, что въ городѣ люди и для приѣма его есть все въ готовности, назадъ въ Сибирь отступилъ, съ немалою добычею и плѣномъ. А понеже сіе нечаянное нападеніе, толь разорительное и кровопролитное, имѣлось отъ сибирской страны, гдѣ и самъ царской братъ Маметкуль вождемъ былъ, но Строгановы, хотя и имѣли тогда людей, и могли бѣ послать за оными въ погоню и учинить съ ними сраженіе, да и бывшіе въ городѣ ихъ, Строгановыхъ, люди и наемные казаки, весьма совѣтовали, чтобъ дать съ тѣмъ непріятелемъ бой,—но Строгановы, опасаясь дальнихъ случаевъ, безъ воли государя, учинить вылазку или за ними послать своихъ людей—не смѣли: опасаясь, чтобъ не нанести пермскимъ городамъ и своимъ острогамъ, отъ сильной сибирской стороны, худыхъ слѣдствіевъ,—того ради, писали они государю о всемъ томъ, чинимомъ отъ сибирцевъ грабежѣ и разореніи, обстоятельно и просили позволенія, чтобъ имъ, Строгановымъ, на тѣхъ бунтующихъ сибирскихъ татаръ, вогуличъ и остяковъ ходить самимъ войною, и, по той ихъ прислбѣ, прислана къ нимъ царская грамота; велѣно имъ, Строгановымъ, всѣхъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ воевать и подъ руку царскую приводить; тогда они, Строгановы, собравши своихъ людей и наемныхъ казаковъ довольно,—послали на тѣхъ недоброжелательныхъ сосѣдей, живущихъ въ верхъ по Чусовой, вогуличъ и остяковъ, въ отомщеніе ихъ бунтовства, учинить на ихъ жилища нападеніе; тѣ посланные многихъ бунтовщиковъ побили и жилища ихъ въ пепель обратили, женъ и дѣтей въ полонъ побрали, и дошедши до рѣки Утки, которая выпала въ рѣку Чусовую, остановились и далѣе въ верхъ по Чусовой итти не отважились, опасаясь многолудства татарскаго и вогульскаго и сибирскаго владѣнія, и оттоль благополучно къ городку своему возвратились, довольно отмстивъ непріятелю; не вдолгѣ на тѣхъ завоеванныхъ вогуль-

ских мѣстахъ поселили они. Строгановы, своихъ крестьянъ до той помянутой рѣчки Утки,—почему въ данной имъ, Строгановымъ, жалованной грамотѣ, та рѣчка Утка тогда Межевою и названа; понеже тогда, за сопротивленіемъ отъ сибирцовъ и вогуличъ, далѣе оной рѣки Утки по Чусовой заселеніе имѣть имъ, Строгановымъ, было опасно; но послѣ того, по благополучномъ взятіи Сибирскаго царства, не токмо выше той рѣки Утки или по другимъ урочищамъ, но и въ самыхъ вершинахъ рѣки Чусовой заселено отъ Строгановыхъ своими крестьянами, въ разныхъ мѣстахъ, немало жителей. (Исторія о богатствѣ и проч. гг. Строгановыхъ В. Шипонко).

1574 годъ.

Твердое охраненіе и заселеніе пермскихъ границъ неписьменными и нетяглыми людьми, а также и сила Строгановыхъ противъ враждебныхъ инородцевъ были не безызвѣстны царю,—почему онъ надѣлся, что Строгановы могутъ, по вѣрности своей, для распространенія Россійской Имперіи не токмо въ Перми, но и въ Сибирской землѣ, за границею Россійскою, населеніемъ вольныхъ людей, тамошними завладѣть землями; того ради 7082 (1574) году, Григорью и Якову Строгановымъ послана царская грамота, въ которой написано: Его Царское Величество, государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ, пожаловалъ ихъ, Строгановыхъ, всѣ тѣ мѣста за Югорскимъ Камнемъ, въ сибирской украинѣ, между *Сибирю, Нагай и Тажней и Тоболь* рѣку съ рѣчками и озерами, съ устья и до вершинъ, гдѣ собираются ратные люди сибирскаго салтана, на тѣхъ земляхъ позволено имъ принимать всякихъ чиновъ людей, города и крѣпости строить, и на оныхъ держать пушки, и пушкарей и пищальниковъ, а ясашихъ вогуличей отъ нападокъ и разбѣздовъ татарскихъ защищать, да и въ самомъ царствѣ сибирскомъ покореніемъ онаго подъ Россійскую державу имѣть стараніе, тако-жъ по рѣкѣ *Иртышу* и по *Оби* великой, по обѣ стороны тѣхъ рѣкъ, людей населять и пашни пахать и угодыми владѣть.

Когда же помянутая грамота къ нимъ, Строгановымъ, была получена, тогда они, два брата, Григорій и Яковъ, весьма тѣмъ порадованы были, что дано имъ повелѣніе не токмо съ ближними неприятелями, но и съ дальними поступать военною рукою; того ради, приумножали въ городкахъ военной снарядъ, который состоялъ прибавленіемъ пушекъ и мелкаго оружія, тако-жъ военнымъ людямъ дѣланы были доспѣхи, по тогдашнему времени, то есть: шелоны, жапы, панцири, кольчуги, и прочимъ военнымъ оружіемъ и припасами довольно запасенность была,—но большая тогда нужда состояла въ призывѣ къ себѣ вольныхъ людей, съ которыми бы могли-бъ къ завоеванію Сибири, въ силу его царскаго величества повелѣнія, людьми быть достаточны; но хотя они, Строгановы, на тѣхъ въ Сибири жалованныхъ мѣстахъ, за дальностію разстоянія или за немѣніемъ довольнонаго къ тому числа военныхъ людей, городковъ построить не успѣли или построили, но, отъ тамошняго

дикаго народа, разорены были, а народъ выгнанный—возвратиться уже и не пожелалъ (Истор. о богат. и проч. гг. Строгановыхъ. В. Шишонко. Ср. Миллеръ, Описание сибирск. царства стр. 87 въ примѣч.).

Въ семь году Черемисы возмутились противъ русскихъ поселенцовъ.

Примѣчаніе. Объ этомъ черемисскомъ бунтѣ приводимъ данную Строгановымъ въ 1574 г. грамоту, изъ которой видно, что въ немъ принималъ участіе и сибирскій ханъ.—

«Се азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руссиі, пожаловалъ есмь Якова и Григорья, Анкиевыхъ дѣтей, Строганова. Были намъ челоуѣ, что въ нашей отчинѣ за Югорскимъ каменемъ, въ сибирской украинѣ, межъ Сибири и Нагай, Тахчей и Тоболь рѣка съ рѣками и съ озерами, и до вершинъ, гдѣ собираются ратные люди Сибирскова Салтана, да ходять ратью. А въ восемьдесятъ де первомъ году, о Ильинѣ дни, съ Тоболя де приходилъ Сибирскова Салтана братъ Маметкулъ, собрався съ ратью дорогъ провѣдывати, куды итти ратью въ Пермь, да ивогахъ де нашихъ даннымъ остатковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ поломъ повели, а посланника нашего Третьяка Чебукова и служилыхъ татаръ, кои шли въ казачью орду, Сибирской же побилъ: а до ихъ острогу, гдѣ за ними наше жалованье—промысла ихъ, Сибирской не доходилъ за пять версты: а они де Яковъ и Григорій, изъ нашего жалованья, изъ своего острога своихъ наемныхъ казаковъ за сибирской ратью, безъ нашего вѣдома, послали не съблюти. Да и прежде того Сибирской же Салтанъ ратью нашихъ данныхъ остатковъ Чагира съ товарищи побилъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ Яковлевъ да Григорьевъ промыслъ. А имъ дашниковъ нашихъ Сибирской имаетъ, а имъ и убиваетъ, а не велитъ нашимъ осыпанъ и вогуличамъ и юргичамъ наши дани въ нашу казну давати, да и на рать съ собою емлетъ насильствомъ въ судѣхъ воевати юргичъ тѣхъ же остатковъ и вогуличъ, а къ нашимъ де ивѣнникомъ къ черемисѣ, какъ намъ была черемиса ивѣнника, посмывалъ Сибирской черезъ Тахчей, и перевелъ Тахчей къ себѣ, а прежде сего Тахчевы намъ дани и въ Казань ясаковъ не давали, а давали де ясакъ въ Нагай, а которые живутъ остатки кругъ Тахчей, и тѣ остатки приказывають, чтобъ имъ наша дань давати какъ ныне наши остатки дань дають, а Сибирскому-бъ дани и ясаковъ не давати, и отъ Сибирсково-бъ са имъ боронити за одно. И намъ бы Якова да Григорія пожаловати на Тахчѣ и на Тоболѣ рѣкѣ, и кои въ Тоболь рѣку озера падуть, и до вершинъ на усторожливомъ мѣстѣ освободити крѣпости дѣлати, и сторожей наймывати, и вогнанной нарядъ держати собою, и жалѣно дѣлати и пашни пахати, и угоды владѣти. А кои остатки отъ Сибирсково отступятъ, и намъ дань давати учнутъ, и тѣхъ бы остатковъ отъ Сибирсково обороняти. И оже будетъ такъ, какъ намъ Яковъ да Григорей били челоуѣ, и азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руссиі, Якова да Григорья Анкиевыхъ дѣтей Строганова, по ихъ челоуѣжью пожаловалъ на Тахчяхъ и на Тоболѣ рѣкѣ крѣпости имъ подѣлати, и снарядъ вогненной и пушкарей и нищальниковъ и сторожей отъ сибирскихъ и отъ нагайскихъ людей держати, и около крѣпостей у жалѣзнаго промысла и у рыбныхъ ловель и у пашень по обѣ стороны Тоболя рѣки и по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ дворя ставити, и лѣсъ сѣтчи, и пашни пахати, и угоды владѣти: а людей называти неписменныхъ и метилыхъ. А воровъ имъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ жавоты и татей и разбойниковъ не называти, и никакихъ воровъ не держати, и отъ всякаго лиха беретчи. А гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ найдуть руду жалѣзаную, и имъ руда дѣлати, а мѣдячу руду или оловянную, свинцагуду и сѣры горючія гдѣ найдуть, и тѣ руды на испитъ дѣлати; а кто похочетъ и иныхъ людей то дѣло дѣлати, и имъ дѣлати освобожати, да и въ оброкъ ихъ приводити, какъ бы нашей казенѣ была прибыль. А которые люди и за тотъ промыслъ имутца, и тѣмъ бы изъ чего было дѣлати, да о томъ писати къ намъ, какъ которое дѣло учнетца дѣлати, и во што котормя руды въ дѣлѣ пудъ учнетца ставити, и какъ которимъ людямъ въ оброкѣ быти, и мы о томъ указъ учинимъ. А льготы на Тахчей и на Тоболь рѣку съ рѣками

и съ оверы и до вершинъ на пашни дали есьми отъ Троицына дни лѣта 7082 до Троицына дни лѣта 7102 году--на дватцать лѣтъ. И кто въ тѣ крѣпости къ Якову и Григорью жити придуть и деревни и починки учнуть ставити и пашню разпахивати неписменные и неаглые люди, и въ тѣ льготныя лѣта съ тѣхъ мѣстъ не надобѣ мол царя и великаго князя дань ни яскія ни ямчужныя деньги и пососная служба, ни городовое дѣло ни инья ни которыя подати ни оброкъ съ ихъ промысловъ и угодей въ тѣхъ мѣстахъ до урочныхъ лѣтъ. А будетъ въ тѣхъ мѣстахъ старыя села и деревни и починки и въ нихъ жильцы, и Якову и Григорью въ тѣ мѣста не вступатись, а быти тѣмъ по старому въ тяглѣ и во всякихъ нашихъ податѣхъ. А товары, которые Яковъ и Григорей и тѣ люди, которые на новыя мѣста придуть жити, повезуть или пошлуть куда по инымъ городомъ, и имъ пошлина давати, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей по нашимъ указомъ. А кои остяки и вогуличи и юргичи отъ Сибирского отстануть, а почнуть намъ дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ нашей казнѣ самимъ; а не пойдуть кои сами съ данью, и Якову да Григорью выбрать изъ жильцовъ, кому жочно вѣрити, кто почнетъ на новыя мѣстахъ жити, да и тѣхъ жильцовъ съ нашею данью къ нашей казнѣ присылати, да отдавати въ нашу казну. А негданныхъ остяковъ и вогуличъ и юргичъ и съ жены ихъ и дѣти отъ сибирцовъ отъ ратныхъ приходу беретчи Якову да Григорью у своихъ крѣпостей, а на Сибирское Якову и Григорью собирая охочихъ людей и остяковъ и вогуличъ и юргичъ и самоедъ съ своими наемными казаки, и съ нарядомъ своихъ посылати воевати, и въ полонъ сибирцовъ имати, и въ дань за насъ приводити. Также еси Якова да Григорья пожаловалъ, почнуть къ нимъ въ тѣ новыя мѣста приходити торговые люди бухарцы и казацкіе орды и изъ иныхъ земель съ лошадыи и со всякими товары, а къ Москвѣ которые не ходятъ; и имъ у нихъ торговати всякими товары вольно безошлинно. А кто у нихъ учнетъ въ тѣхъ крѣпостѣхъ людей жити пашенныхъ и непашенныхъ, и наши перскіе намѣстники и ихъ тѣуны, Якова да Григорья и ихъ слободы людей не судитъ ни въ чемъ, и проводчики и доводчики и ихъ люди къ Якову да къ Григорью и къ ихъ слободскимъ людямъ не вѣвѣкаютъ ни по что, и на поруки ихъ не даютъ, и не высылаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ Яковъ да Григорей своихъ слобожанъ сами во всемъ, или кому прикажутъ. А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Якова и Григорья какое дѣло, и тѣмъ людемъ на Якова да на Григорья имати управныя грамоты у бояръ и у дьяковъ нашихъ, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обонимъ ищемъ и отвѣтчиковъ безпреставно ставитися на Москвѣ передъ нами на тотъ же срокъ на Троицынъ день, а какъ урочныя лѣта стоять, и Якову да Григорью наши всѣ подати велѣти возити на Москву въ нашу казну на срокъ на Троицынъ день по книгамъ, чемъ ихъ наши писцы обложить. Также еси Якова да Григорья Анкиевыхъ дѣтей Строганова пожаловалъ, коли они или ихъ люди или ихъ слободы крестьяне пойдутъ отъ Вычегодскіе соли мимо Перь на Тахчей въ слободу или изъ слободы къ Вычегодской соли, и наши перскіе намѣстники и ихъ тѣуны и доводчики и всѣ приказные люди въ Перь Якова и Григорья и ихъ людей и ихъ слободы крестьянъ на поруки не даютъ, и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлѣхъ. Также есьми Якова да Григорья пожаловалъ, коли наши послы или посланники пойдутъ съ Москвы въ Сибирь или въ казатскую орду, или изъ Сибири и изъ казатскія орды къ Москвѣ, мимо ту ихъ крѣпость, и Якову да Григорью и ихъ слобожаномъ нашимъ сибирскимъ и казацкимъ посломъ и всякимъ нашимъ посланникомъ въ тѣ ихъ льготныя дватцать лѣтъ подводъ и проводниковъ и корму не давати, а хлѣбъ и соль и всякой запасъ посломъ и гонцомъ и провѣзкимъ людемъ и дорожнымъ покушать по цѣнѣ, какъ тамъ межъ себя купятъ и продаютъ, а провѣзкіе люди всякія подводы и суды и гребцы и корящики наймуютъ по тамошнему обычаю какъ пригоже. Также есьми Якова и Григорья пожаловалъ на Иртышѣ и на Обѣ и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится для береженья, и охочимъ на ослечивъ крѣпости дѣлати и стоя рожей съ военными нарядомъ держати, и изъ крѣпости рыба и звѣрь ловити безо-

брючно до тѣхъ же урочныхъ лѣтъ». Дана грамота въ слободѣ, лѣта 7082 года, маія въ 30 день.

У подлинной грамоты пишеть тако:

«Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всяя Руссїи.

Дьякъ Петръ Григорьевъ».

Въ семь 1574 г. въ послѣдній разъ упоминается имя еп. пермской паст-вы Макарія. (Акты археолог. эксл. т. I).

1576 годъ.

Въ семь 1576 году въ Чердынѣ числилось 290 домовъ и 67 лавокъ (Распространеніе христіан. вѣры въ предѣлахъ Пермской епархіи. Архиман. Макарія 1857 г. стр. 7, пр. 17).

Для усмиренія непокорныхъ черемисъ и чтобы отучить ихъ отъ нападенія на пермскіе предѣлы, Іоаннъ IV образовалъ судовую рать, подъ предводительствомъ Тюфякина и головы Нарышкина. (Рукопись. записи изъ древнихъ актовъ. В. Шишонко).

1577 и 1578 годы.

Въ Краткой сибирской лѣтописи (Кунгурской) подъ этими годами записано: „Начало заворуя Ермака Тимоѣевича сына Поволскаго. Въ 7085 и 7086 (1577 и 1578) годѣхъ, воевалъ и разбивалъ на Окѣ и на морѣ суды и катарги торговыхъ караваны въ скопѣ съ 5000 человѣкъ, хотя итти въ Кызылбаши, для своей власти, съ донскими и яцкиими. И преже и въ тѣхъ лѣтахъ промчеса воровской слухъ его въ Русїи, въ Каванѣ и Астраханѣ, и что визылбашскихъ пословъ пограбили Ермачко именемъ со многими людьми. У него-жъ было въ скопѣ на морѣ 7000 человѣкъ. И того-жъ 85 году, октября 1 день, посланъ указъ отъ великаго государя со стольникомъ Иваномъ Мурашкинымъ по дорогѣ и въ Астрахань, гдѣ тѣхъ воровъ ни застанеть, тутъ пытать, казнить и вѣшать. Ермакъ же совѣтомъ съ дружиною, услыша грозное слово и дѣло, августа съ 29 числа, и съ возвратомъ здумали бѣжать въ Сибирь разбивать, обратя струги по Волгѣ и по Камѣ вверхъ. И тотъ ихъ государевъ указъ на станахъ не засталъ; а воихъ схватили, тѣхъ и приказали, и кои съ ними думали на Ермака же, то собраніе воеводы не толико взять, но ни подумать, сами бѣжали прочь. И сентября 26 день, обмишенилися, не попали по Чусовой въ Сибирь, и погребли по Сылвѣ верхъ, и въ заморевъ дошли до урочища, Ермаково городища—нынѣ словеть. И идучи, у жителей обирали хлѣбы и запасы и тутъ зимовали и по-за Камени вогуличъ воевали и обогатѣли. А хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова; и въ походъ ходиша на вогуличей 300 человѣкъ, возвратишася съ богатствомъ въ дома своя и на подъемъ въ Сибирь, и къ тому приправиша вдоволь легкихъ струговъ съ припасы“.

О Ермакѣ Кунгурская лѣтопись отзывается такимъ образомъ: „Богъ... Ермаку Тимоѣеву сыну Повольскому даде силу, спѣхъ и храбрость смлада, по единство сердца и вседушно храбрствовати. И въ каковой храбрости Германъ въ дружинѣ своей Ермакомъ прославъ и атаманомъ нареченъ, яко зраченъ, воюя бусы по Хвалынскому морю и на Волгѣ со многими своевольными вои, яко и царскую казну шарпалъ“.

1578 и 1579 годы.

Строгановы, призвавъ Бога въ помощь и надѣясь на высочайшую царскую къ нимъ милость, къ тому-жъ памятуя, присланную отъ его величества къ родителямъ ихъ, Григорью и Якову, 7082 (1574 году) грамоту, въ которой повелѣно не токмо призывать вольныхъ людей и посылать въ сибирскую сторону для войны, но и въ самомъ Сибирскомъ царствѣ имѣть стараніе, чтобъ привести оное подъ Россійскую державу,—того ради, приняли отважное намѣреніе, безъ дальнаго потерянія времени, *послатъ* на рѣку *Волгу* нзъ вѣрнѣйшихъ дому своего *служителей*, которые были и посланы съ тѣмъ приказаніемъ, чтобъ они пристойнымъ образомъ могли найти случай видѣться съ атаманомъ, донскимъ казакомъ *Ермакомъ* Тимоѣевичемъ, и желаніе ихъ, Строгановыхъ, ему открыли,—чтобъ онъ, *Ермакъ* съ товарищи, отложивъ всякую мнимую себѣ отъ Строгановыхъ опасность и подозрѣніе, надежно бѣ слѣдовалъ къ нимъ въ верхъ рѣки Камы, Волгою и Камою до ихъ, Строгановыхъ, въ Церми, жилищъ и тѣмъ бы своимъ къ нимъ прибытіемъ устрашилъ сосѣдственныхъ ихъ неприятелей, которые грозятъ ихъ новонаселеннымъ мѣстамъ разореніемъ.

Когда жъ тѣ—посланные съ нимъ, Ермакомъ, благополучно свидѣлись и что имъ было приказано объявили, со всякимъ обстоятельствомъ, *Ермакъ* и его товарищи услыша толь спасительный имъ случай, неизреченною радостію возрадовались въ томъ упованіи, вѣдая объ нихъ, Строгановыхъ, что не оставятъ при дворѣ его царскаго величества объ нихъ бѣдныхъ предствательствовать,—того ради, оставя всякое сумнѣніе въ толь полезную имъ, казакамъ, сторону ѣхать не отреклись, и какъ можно, въ скоромъ времени, собрався онъ, Ермакъ съ товарищи, въ 7086 (1578) г., по вышесказаннымъ рѣкамъ въ верхъ *Волгою* и *Камою*, въ легкихъ стругахъ, до Строганова, стоящаго надъ Камою рѣкою *Орла* городка, въ *известномъ* числѣ *казаковъ*, въ самомъ уже рѣкѣ заморозѣ, и прибыли; коликое жъ число казаковъ съ нимъ, Ермакомъ, было, о семъ точно сказать не можно.

Въ семъ 1578 г. Григорій Строгановъ умеръ. (Распростр. христ. вѣри въ предѣл. Пермск. губ., арх. Мазарія 1857 г.).

Примѣч. 1. Карамзинъ говоритъ, что Строгановы, посылая за Ермакомъ и друг. известными казачьими атаманами Никитомъ Пань, Яковомъ Михайловичемъ и др., посылали имъ дары и грамоту. При чемъ убѣждали оставить ремесло недостойное христіанскихъ витазей, быть не разбойниками, а воинами царя блага, примириться съ Богомъ и Россією и что въ заключеніе имъ было сказано: „нигдемъ крѣпости и земли, но мало дружины. Идите

къ намъ оборонять Великую Пермь и восточный край христіанства“. Ермакъ съ товарищами прослезился отъ умиленія: мысль свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугою государственною и промѣнять имя свѣлыхъ грабителей на имя добрыхъ воиновъ отечества, тронула сердца грубыя, но еще не лишеныя угрызеній совѣсти.

„Друзья!“ сказалъ Ермакъ, „къ чему приступить? Мы убили посла персидскаго; намъ, друзья, жить ни въ Астрахани, ни на Волгѣ: тамъ и здѣсь сочтутъ разбойниками“.

„Во Казань итти—грозеиъ царь стоитъ,

„Грозеиъ царь Иванъ Васильевичъ.

„Пойдемъ ко владѣнію Строганова.

„Запасемся свинцеиъ, порохоиъ,

„И отдадимся на волю Божию“!

И такъ, Ермакъ съ шайкою поднялъ знамя на берегу Волги, продолжаетъ Карамзинъ, кликнувъ дружину, собралъ 540 отважныхъ бойцовъ и, 28 іюня 1579 года, прибылъ къ Строгановымъ съ радостію и на радость: чего хотѣли одни, что общали другіе, то исполнилось: атаманы стали грудью за область христіанскую. Невѣрные трепетали, гдѣ показывались, тамъ гибли. И дѣйствительно, 22 іюля 1581 г. слишкомъ чрезъ два года послѣ прихода съ Волги, усердные казаки разбили на голову мурзу Вегулія, дерзавшаго съ 680 человекъ вогуличей и остяковъ грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой; ваяли его въ плѣнъ и смирляли вогуличей. Сей успѣхъ былъ началомъ важнѣйшихъ событій.

Привыкая донскихъ атамановъ, Строгановы имѣли въ виду не одну защиту городовъ своихъ; испытавъ бодрость, мужество и вѣрность казаковъ, увидѣвъ разумъ, великую отвагу, рѣшительность ихъ главнаго вождя Ермака Тимофеева, *родомъ неизвѣстнаго, душою знаменитаго*, какъ сказано въ лѣтописи, составивъ еще особенную дружину изъ русскихъ, татаръ, литвы, нѣмцевъ, выкупленныхъ ими изъ неволи у нагасевъ, которые, служа въ войнахъ Іоанну, возвращались обыкновенно въ улусы свои съ плѣнниками, добывъ оружія, изготовивъ всѣ нужные запасы, Строгановы*) объявили походъ, Ермака воеводою и Сибирь—цѣлю. Ратниковъ было 840. Нагрузивъ ладіи запасами и нарами, легкими пушками, *семилядными* пищалями, взявъ вожатыхъ толмачей, іереевъ, отпѣвъ молебень, выслушавъ послѣдній наказъ Строгановыхъ: „идти съ миромъ, очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго Салтана Кучума“, Ермакъ съ *обътоиъ доблести цѣломудрія**)*, при звукѣ трубъ воинскихъ 1 сентября 7.090—1.582 г.***), отплылъ рѣкою Чусовою къ городамъ уральскимъ на подвигъ славы безъ вѣдома государева, ибо Строгановы, итѣя Іоаннову жалованную грамоту на мѣста за Каменнымъ порогомъ, думали, что имъ уже нѣтъ надобности требовать новаго царскаго указа для ихъ великаго предпріятія. Не такъ Іоаннъ мыслилъ, какъ увидимъ.

*) Въ грам. 16 ноября 7.091—1.583 г. сказано, что казаковъ послали въ Сибирь Максимъ и Никита Строгановы: о Семенѣ не упоминается; а въ Сибирской лѣтописи онъ названъ первымъ при отправленіи атамановъ. Семенъ Аникіевичъ умеръ въ Соль-Вычегодскѣ. 22 октября 1587 г., и тамъ погребенъ; Ермакъ пришелъ на Чусовую въ 1579 г., а въ Сибирь отправился въ 1581 году, Слѣд., во время Ермака Семенъ Аникіевъ былъ живъ.

***) Исторіографъ Миллеръ, въ Сибирской исторіи § 32, пишетъ, что Строгановы дали Ермаку, при отправленіи его въ Сибирь, 3 пушки, оружіе казакамъ, неизвѣстнаго, и на каждого изъ 5.000 человекъ его войска, пороху по 3 фун., свинцу по 3 фун., муки ржанной по 3 пуда, крупъ и толокна по 2 пуда, сухарей по пуду, соли по пуду, масла коровьяго по безмену (или по 2½ фунт.), вѣчлины по полтю двузъ и на вѣждыхъ 100 человекъ по знамени—и (§ 26) проводниковъ до 40 челов..

****) „Воспомянемъ, братіе, говорилъ Ермакъ товарищамъ, обѣщаніе свое, како имъ честнымъ людямъ Строгановымъ передъ Богомъ обѣты и слово свое дали.“

Въ то самое время, когда Ермакъ шолъ воевать Кучумову державу, князь Пелымскій съ вогулчанами, остяками, сибирскими татарами и башкирцами, нечаянно напалъ на берега Камы, выжегъ и истребилъ селенія близъ Чердыни, Усолья и новыхъ крѣпостей Строгановскихъ, умертвилъ, плѣнилъ множество христіанъ. Защитниковъ не было; но свѣдавъ о походѣ казаковъ въ Сибирь, онъ поспѣшилъ удалиться для защиты собственныхъ владѣній.

Примѣч. 2. Гнѣвъ царскій за Ермака. Сей разбой поставили въ вину Строгановымъ; Іоаннъ писалъ къ нимъ, что они, какъ доносилъ ему Чердынскій намѣстникъ Василій Пеленелицынъ, не ужѣютъ, или не хотятъ оберегать границы; *самосоломо приехали* опальныхъ казаковъ, извѣстныхъ злодѣевъ, и послали ихъ воевать Сибирь, раздражая гнѣмъ и князя пелымскаго и салтана Кучума; что такое дѣло есть извѣстно, достойная казни. „Приказываю вамъ, писалъ Іоаннъ, немедленно выслать Ермака съ товарищами въ Пермь и въ Усолье—Камское, гдѣ имъ должно *покрыть* вины свои совершенныя усмирениемъ остяковъ и вогулчей; а для безопасности вашихъ городковъ, можете оставить у себя казаковъ сто не болѣе. Если же не исполните нашего указа, если впредь что нибудь случится надъ пермскою землею отъ пелымскаго князя и сибирскаго салтана, то возложимъ на васъ *большую опалу*, а казаковъ—*намѣнниковъ* великихъ *перевѣшать*“.

„Сей гнѣвный указъ испугалъ Строгановыхъ; но блестящій неожиданный успѣхъ оправдалъ ихъ дѣло, и гнѣвъ Іоанновъ перемѣнился въ милость“.

Примѣчаніе 3. Еще 6-го апрѣля 1579 — 7.087 г., въ одной изъ старинныхъ чусовскихъ записокъ говорится, что за волжскимъ атаманомъ Ермакомъ *ехали* Семенъ Алкиевичъ, Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ Строгановы въ 1581 году. (Сомнительно, чтобы сами *ехали* и трое).

Если положить, согласно съ Карамзиннымъ, что дружина Ермакова состояла только изъ 840 чел., то по сему числу людей количество отпущенныхъ Строгановыми припасовъ составляло:

Пороху	63 пуд.
Свинцу	63 —
Муки ржаной	2.520 —
Крупъ и толокна	1.680 —
Сухарей	840 —
Соли	840 —
Масла	52 пуд. 20 ф.
Ветчины 210 полтей	—
Знаменъ до 80.	—

Въ дѣлахъ Строгановыхъ есть свѣдѣніе, что сдѣланное ими вспоможеніе Ермаку, при отправленіи его въ Сибирь, по тогдашнимъ цѣнамъ на съѣстные и боевые припасы, простирается на сумму 20.000 руб.

Примѣчаніе 4. Въ Сибирской же лѣтописи о приходѣ волжскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимошеева съ товарищи, въ Чусовскіе городки, сказано: „того-жъ году (1579 г.) іюня въ 28 день, на память святыхъ чудотворцевъ и безсребренниковъ Кіра и Іоанна, придоша съ Волги атаманъ и казаки, Ермакъ Тимошеевъ Повольской съ товарищи, въ Чусовскіе городки; они же Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы пріяша ихъ съ честью и даяху имъ дары многіе, и брашны и питія изобильно ихъ наслаждаху. Атаманъ же и казаки стояху противъ безбожныхъ агарянъ буйственно и единомысленно, съ живущими ту людьми въ городкѣхъ, и бѣгуща съ безбожными агаряны сурово и нежлостиво, и твердо стояху, и на невѣрныхъ поощряхуса; пожили же они, атаманъ и казаки—въ городкахъ ихъ два лѣта и мѣсяца два“. Въ отношеніи времени, проведеннаго Ермакомъ въ нѣмѣніи гг. Строгановыхъ не всѣ писатели одинаково отзываются.

Строгановы, Никита и Максимъ, видя Ермакову толь многочисленную компанію радовались, что толь давнему ихъ намѣренію—о разореніи царства Сибирскаго—желаемая и толь надежная благовременная получена помощь; чего ради, по ласковомъ приѣмѣ, они, Строгановы, довольствуя Ермака и его товарищевъ довольною пищею и награжденіемъ, а между тѣмъ, рассказывая Ермаку опасности и набѣги на свои новыя заселенія, отъ близъ живущихъ татаръ и другихъ ордъ, и просили его, чтобъ съ дружиною своею имъ, при такихъ нужныхъ случаяхъ, помогаль у тѣхъ сосѣдственныхъ немирныхъ, тако-жъ и дальнихъ неприятелей и бунтовщиковъ—помогъ подъ руку его царскаго величества привести въ совершенное послушаніе и подданство, обѣщая ему, Ермаку, помогать не только припасами, но и людьми своими. Ермакъ съ радостію обѣщался со всѣми своими, на всякое повелѣніе отъ Строгановыхъ быть готову, не щадя своей крови, токмо въ пользу государственную и во угодность имъ, Строгановымъ.

Строгановы, видя Ермаково усердіе и твердое обѣщаніе, помалу возбуждая его къ дальнимъ предпріятіямъ, рассказывая ему, какъ близко есть отъ заселенія, въ верхъ по рѣкѣ Чусовой, дикихъ народовъ жительство Сибирскаго владѣнія, изъясняя о тѣхъ, что они люди не военные и кромѣ лука и стрѣлъ инаго оружія не имѣютъ; свазывая же и способность мѣсть пути до оныхъ, дикаго народа, жительство; а оттолъ можно-де пройти и въ Сибирь чрезъ горы до самыхъ водъ сибирскихъ, а потомъ открылись ему и о томъ давномъ своемъ намѣреніи, о покореніи и самой Сибири; они его просили, чтобъ онъ, Ермакъ, не усумнился, съ такою храброю дружиною, принять на себя толь достохвальное и важное дѣло, то есть—покореніе подъ Россійскую державу царства сибирскаго; и ежели онъ, Ермакъ, на сіе предпріятіе съ товарищи своими поступитъ, то, по всякой вѣроятности, прежде полученія въ Сибири извѣстія о прибытіи его, Ермаковомъ, и прежде, нежели тамъ приготовились къ принятію яко неприятеля, нашлась бы оная земля Сибирская въ безоборонномъ состояніи, ибо тамъ, городское строеніе не въ стѣнахъ каменныхъ (какъ отъ полоненниковъ есть извѣстно), но токмо около города валъ земляной съ неглубокимъ ровомъ,—въ томъ вся ихъ безопасность и оборонность состоитъ; но и та ихъ крѣпость отъ нерадѣнія обвалилась; огнезнаго же ружья у нихъ нѣтъ, но, во время военнаго случая, кромѣ лука, копья, сабли не имѣютъ, а потому быть чаятельно, что городъ Сибирь, хотя и имѣетъ царя своего Кучума, но не имѣетъ чѣмъ учинить знатнаго сопротивленія; но токмо-бъ неумедлитъ, толь храброму воинству, въ Сибирь приходомъ; можно заключить, что тамъ и воздухъ здоровой; изрядное, какъ извѣстно, земли положеніе, сокровища злата и серебра, рухляди, соболей и другаго звѣря, которое можно получить, отъ тамошнихъ жителей, военною рукою во мзду, за толь похвальное предпріятіе и за неустрашимую бодрость; увѣряя же при томъ они, Строгановы, его, Ермака, что въ томъ предпріятіи обѣщаются быть спомоществователями, какъ военными, такъ и харчевыми припасами, сдѣлаю, къ тому пути потребно будетъ. Сей планъ предложенъ былъ *Ермаку*

и по истинѣ имѣлъ въ совершенной россійскому народу славу и великой пользы, какъ-то и самымъ дѣломъ послѣди оказалось.

Ермакъ сіе, слышанное отъ Строгановыхъ предложеніе, о толь важномъ дѣлѣ, товарищамъ своимъ немедленно, со всякимъ обстоятельствомъ, объявилъ, и требовалъ отъ нихъ единогласнаго желанія. Казаки, услыша сіе, многіе усумнились, а нѣкоторые и разногласіе имѣли, яко о невозможномъ дѣлѣ такомъ разсуждали и отдаленномъ и незнаемомъ имъ пути; но наконецъ, по увѣщанію и обнадеживанію спомоществомъ отъ Строгановыхъ, на то согласились и объявили свое желаніе съ радостію,—ибо всѣ они въ такомъ упованіи были: ежели такое предприемливое важное дѣло благополучно окончено быть имѣеть, то не токмо отъ его царскаго величества, за злодѣйственныя, чинимыя ими на Каспійскомъ морѣ и Волгѣ, продерзости, получать прощеніе, но тѣмъ заслужать отъ всего россійскаго народу себѣ вѣчную похвалу.

Когда же сіе намѣреніе общимъ всѣхъ согласіемъ утверждено и за дѣйствительное принято, *Ермакъ*, только прозимовавши у Строгановыхъ, но онъ, какъ военной человекъ, не терпя времени, желалъ, чтобы неотмѣнно, *того же мѣсяца*, вступить въ походъ. Въ первыхъ требовалъ у Строгановыхъ согласія, какимъ путемъ слѣдовать въ Сибирь стругами по рѣкѣ Чусовой или чрезъ Югорскія горы, кои раздѣляютъ Сибирь отъ Россіи? Положено, остави многотрудный и малознаемый путь чрезъ горы, слѣдовать рѣкою Чусовою въ тѣхъ же стругахъ, въ которыхъ Ермакъ пришелъ съ Волги.

Максимъ Яковлевъ и Никита Григорьевъ, какъ обѣщались способствовать ружьемъ, порохомъ и хлѣбными припасами, приготовленіе имѣть и начали; но оное приготовленіе припасовъ, на толь многолюдную компанію не скорѣе, какъ въ августу мѣсяцу исправить можно было, а когда припасы были всѣ въ готовности, немедленно и въ струги были погружены. Ермакъ, простившись со Строгановыми, въ намѣренный путь отправился—*внизъ Камою рѣкою и до устья рѣки Чусовой* благополучно прибылъ и, вступя въ Чусовую, только едва одинъ день по Чусовой вверхъ ушедши, не зная же совершенно по рѣкѣ Чусовой ходу, въ правую сторону, въ *рѣку Сылву*, которая въ ту рѣку Чусовую впала, поворотилъ, и шелъ по той рѣкѣ Сылвѣ до вершинъ, мимо пустыхъ и ненаселенныхъ мѣстъ, пока наступившая зима его не удержала. Ермакъ, досадуя на ту свою ошибку, что столько времени потерялъ напрасно, въ тому же разсуждая, ежели идти, изъ вершины рѣки Сылвы вверхъ по Чусовой, до построеннаго Строгановыми городка, за наступающимъ заморозомъ, сдѣлать того невозможно,—а какъ уже наступилъ совершенной зимній холодъ и рѣка Сылва льдомъ покрылась, то немедленно Ермакъ приказалъ дѣлать казармы и землянки, обнесъ оныя для предосторожности тыномъ и такъ въ такомъ мѣстѣ и зимовать положилъ. Сей первый отпускъ его, Ермака, въ Сибирь отъ Строгановыхъ по нѣкоторымъ лѣтописцамъ полагается, что былъ уже въ осени въ послѣднихъ числахъ сентября мѣсяца.

Примечаніе. (По Миллеру зимовка Ермака на р. Сылвѣ была въ 1578 г. (Сиб. Истор. гл. 2 § 28 и далѣе), а по сказанію Сибирской лѣтописи—Ермакъ на этой рѣкѣ былъ 26 сент. 1578 г.)

Въ томъ помянутомъ мѣстѣ Ермакъ прозимовалъ: ибо не было инаго способу какъ, наступившей весной, по той же рѣкѣ Сылвѣ, назадъ поверотиться—не требовать способствія отъ Максима Строганова,—но въ Чусовской ли городокѣ, или вверхъ *Камою въ Орелъ возвратился*, точно показать не можно, ибо одними утверждается, что возвратился въ Орелъ, а по другимъ въ *Чусовской городокѣ*, которой городокъ ему, Ермаку, по намѣренному пути способнѣе и ближе, нежели въ Орелъ, которой уже не по пути, но въ сторону.

Ермакъ вторично къ Строгановымъ прибылъ, жалуюся на толь неудачную и тщетную свою ошибку, потомъ неотмѣнно въ походѣ сибирской, того жъ дѣла, выступить положилъ. Онъ Максиму Строганову немедленно предложилъ требованіе, чтобъ ему въ прибавокъ дать *три пушки*, а безоружныхъ казаковъ снабдилъ бы оружіемъ; къ тому жъ, положено начальнымъ казакамъ, (ибо изъ пришедшихъ съ нимъ мною *Сыльенскихъ бѣжало и померло*, а другіе, на томъ зимовьѣ, при рѣкѣ *Сыльѣ жить остались*, и сіе было первымъ начаткомъ Кунгурскаго поселенія) каждому взять съ собою *пороху по три фунта, свинцу по три фунта, муки ржаной по 3 пуда, крупъ и толокна по 2 пуда, сахарей по пуду, соли по пуду, масла коровьяго по безмену, вѣтчины по полтю двумъ*, и на каждое сто человекъ *по знамя*, которыя были украшены святыми образами.

Всякой расудить можетъ, что партикулярному человеку, какъ бы онъ въ имѣніи достаточенъ ни былъ, не безъ труда такое число людей на дальній путь, по ихъ желанію, съѣстными и военными припасами удовлетворять; но отъ Максима и Никиты Строгановыхъ и сіе Ермаково требованіе немедленно было исполнено и сего спомоществованія отъ нихъ, Строгановыхъ, буде положить каждую вещь цѣною, то не менѣе употреблено, *въ оба Ермакова похода какъ до 20.000 рублей*. Изъ сего примѣчать можно, что Строгановы, въ новонаселенныхъ своихъ мѣстахъ, военными и хлѣбными припасами были достаточны, къ тому жъ зная, что тѣхъ къ себѣ гостей ожидая, не безъ излишнихъ припасовъ было заготовлено.

13 числа іюня 7087 (1579) году, Ермакъ, заготовясь припасами и отъѣзжая, засвидѣтельствовалъ свое удовольствіе, благодаря Максиму и Никиту Строгановыхъ, и получа при томъ отъ нихъ для умноженія своего воинства, данныхъ ему отъ Строгановыхъ *не малаго числа* вооруженныхъ, тако жъ вѣдущихъ вогульской и татарской языкъ толмачей, да изъ живущихъ тамъ же зырянцовъ нѣсколько знающихъ проводниковъ, чтобъ ему, Ермаку, съ товарищи паки отъ прямой ближайшей дороги не сбиться. (Истор. о богат. и проч. Строгановыхъ. В. Шишонко).

Ермакъ, продолжая путь свой рѣкою Чусовою, не малое имѣлъ затрудненіе, ибо рѣка быстрая, а временемъ и мелководна, однако, дошедъ до рѣчки Серебрянки, по той Серебрянкѣ рѣчкѣ, по которой тѣми же судами вверхъ

12 іюня 1579 г. Ермакъ пошелъ вверхъ по р. Чусовой и Серебрянкѣ, зимовалъ при р. Кокузъ (хозяйств. описаніе Пермск. губ. Попова ч. III, стр. 69).

по оной подымались съ великимъ трудомъ, понеже та рѣчка крутая и притомъ весьма быстрая, текущая между крутыми горами, которая нежели Чусовая многимъ больше затрудненія и остановокъ причинила. Ермакъ, видя невозможность по той рѣкѣ продолжать ходъ, приказалъ остановиться и, всѣ припасы выгрузя изъ судовъ, поставить оныя суда въ удобныхъ мѣстахъ, а оттолъ, собравшись съ военными и съѣстными припасами, не мѣшкая подлѣ той рѣчки Серебрянки, пошли вверхъ пѣшіе и намѣрены были дойти до рѣки Тагила, которая течеть съ хребта, пограничныхъ между Сибири и Россією Югорскихъ горъ, въ сибирскую сторону и соединяется съ рѣкою Турою но, за наступившимъ осеннимъ временемъ и весьма труднымъ путемъ, только дошли до рѣчки *Кожуя*, которая впаля въ ту-жъ Серебрянку. При той рѣчкѣ Ермакъ и зимовати остановился, ибо за выпавшимъ, въ тѣхъ каменистыхъ мѣстахъ, глубокимъ снѣгомъ, далѣе идти было невозможно; опасаясь же, въ такомъ пустомъ мѣстѣ, въ провіантѣ недостатку, посылалъ своихъ товарищевъ, для полученія тѣхъ съѣстныхъ припасовъ, вверхъ по Чусовой въ вогульскія, сибирскаго владѣнія, жилища, отъ которыхъ посланныхъ многимъ вогульцамъ было не безъ разоренія, ибо склонной къ грабежу духъ долго таиться не могъ. Грабили, что у вогульцовъ ни нашлось, отъ чего и слухъ о Ермаковомъ приходѣ до самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, то есть, до пелымскихъ большихъ вогульскихъ жилищъ, разсѣялся; а между тѣмъ, какъ у Строгановыхъ съ Ермакомъ происходило, и о побѣтѣ Ермака съ Волги рѣки и о данной ему, отъ Строгановыхъ для походу въ Сибирь, помощи, не токмо въ Москвѣ слухъ распространился, но и самому царскому величеству беззвѣстно было, однако ждали подлиннаго о томъ извѣстія. (Истор. о богат. гг. Строгановыхъ и проч. В. Шишонко).

Примѣчаніе. Второй походъ Ермака въ Сибирь опредѣляютъ въ 1579 г. (Сиб. Истор. Миллеръ гл. 2 § 33 и далѣе). Съ наступленіемъ же весны, Ермакъ съ казаками своими, перешедши чрезъ Уралъ и ида далѣе берегомъ рѣчки Журавлика, достигъ до рѣки Баранчи, по которой уже плылъ на плоткахъ въ р. Тагиль. -- В. Шишонко.

Подъ 1579 годомъ въ Краткой сибирской (кунгурской) лѣтописи записано слѣдующее: ст. 6. „И маія въ 9 день, (Ермакъ съ товарищами), dospѣли общаніемъ часовню на городищи томъ (Ермаковомъ), во имя Николая чудотворца. Ови жъ, остався на городищи томъ съ женами и съ дѣтьми вѣчно оселишася. Ермакъ же съ дружиною съ усть Чусовой, взявши у Максима запасъ на проѣмъ 5000 человекъ, и ружье, и молитствова, въ 87 (1579), іюня 12 день, пойдоша по Чусовой вверхъ до Тагильскаго волока съ боемъ, и вожи ему были зряне добріи змерли, а иные бѣжали, а незнаючіе не попали въ Серебренку въ устіе, прошли выше въ вершину и многіе мѣшкоты въ поворотѣ до самой осени. И дошедъ Серебренки, идоша и тяжолые суды покинуша на Серебренкѣ, и легкіе струги таскали черезъ волокъ на Тагиль рѣку, и на Бую городищѣ зимовали и кормилися вогуличами, птицею, рыбою и звѣремъ, яко жъ и они и многіе бо и улусы ихъ погромили и рухледи много взяли и многіе суды легкіе вновь dospѣли довольно“...

Ст. 7. „И въ 87 (1579), вниде въ слухъ къ сомодержцу государю Ивану Васильевичу, что Максимъ Строгановъ тѣхъ пресловущихъ воровъ Ермака Поволскаго съ товарищи съ запасы и съ ружьемъ отпустилъ, и о томъ къ Максиму объ отпускѣ воровъ слово писано въ грамотѣ сиде: мужикъ, помни, да какъ ты съ такимъ великимъ и полномочнымъ сосѣдомъ сооринишь? и какая несостоятельная спона (помѣха), межъ нами учинится, и не вѣдаешь, что я тебѣ за то учиню; а ежели доброе что въ такомъ случаѣ учинится безпорочно, не вѣдаешь, чѣмъ ты со своими пожалованъ будешь въ твоемъ опасеніи. И то писаніе Максимъ радостно съ печалію (?) принялъ и прочелъ слезно, а къ Ермаку въ кровопролитіи его невѣстно писать и не смѣлъ“...

Примѣчаніе. Въ 7087 (1579) году, Семенъ Анкиевичъ, Никита Григорьевичъ и Максимъ Яковлевичъ Строгановы согласились, чтобъ все свое имѣніе дважное и недвижимое, какъ въ Пермь, такъ и у Соли-Вычегодской, до подлиннаго раздѣлу между собою уверстать, а потомъ и жить каждому въ доставишемъ своемъ участіи, и потому полагали владѣть: Никитѣ Григорьеву—Орломъ городкомъ, съ присутствующими деревнями, дядѣ его, Семѣну Анкиевичу и племяннику его, Максиму Яковлеву, владѣть обще Чусовскимъ городкомъ, такожъ съ присутствующими деревнями. У Соли-Вычегодской у Семѣна тогда было два сына: Андрей и Петръ, а племянникъ его, Максимъ, имѣлъ трехъ сыновъ: Владимира, Максима и Ивана; а Никита Григорьевъ женаго не бѣде. Загнѣвъ, первыми уверстаніемъ вотчина и промысловъ, въ томъ же году, были челомъ государю царю, чтобъ повелѣно было доставишиа, по владѣнію отъ отцовъ ихъ: вотчинныя земли и на нихъ городки, села, и деревни и соляные промысла, которые по тотъ 7087 (1579) годъ имѣли они въ общемъ содержаніи, между ими раздѣлить, сказаннымъ двѣ трети, уверстать—оставить за Семеновъ и племянникомъ его, Максимомъ, въ обществѣ, а третью часть—Никитѣ Григорьевичу особо; а чтобъ, для того раздѣлу, дать въ вотчинѣ имѣна, — по повелѣнію царя просѣбъ и по указу писаны быхъ изъ Москвы къ Царю и къ Строгановымъ вотчинамъ содвой присѣкъ Иванъ Яковлевъ, которой описаніе и уверстаніе, по повелѣнію царя, Строгановыхъ, между собою раздѣлу, и учинилъ. В. Цишонко.

За Семеновъ и племянникомъ его, Максимомъ, въ Пермь Великой: слобода Чусовая, то есть, городокъ Чусовской, съ солянымъ промысломъ и въ слободѣ острогъ, а къ ней пять деревень, шестнадцать починковъ; а вѣдомства къ слободѣ Чусовой отъ Карышева острова, что на Камѣ, внизъ Камомъ рѣкою, по обѣ стороны, до устья рѣки Чусовой 80 верстъ, отъ рѣки Чусовья, внизъ Камомъ, до Ласы 20 верстъ, а съ устья Чусовой, вверхъ оной, до устья рѣки Сылвы 10 верстъ; а съ устья рѣки Сылвы, по Чусовой же до городка 90 верстъ, а отъ городка, вверхъ по Чусовой, до Калина лугу 40 верстъ, а отъ Калина лугу, вверхъ по Чусовой, по обѣ стороны до вершинъ и, въ той межѣ, по обѣ стороны, помянутыхъ рѣкъ Камы и Чусовой, берега, острова и рѣки по Камѣ—Обва, Иньва, Лысва, Усва, Косьва, Серебрянка и всѣ другія, которыя впади въ Каму и Чусовую, отъ устья и до вершинъ и озера Лешія, истоки и лѣса дикіе—Семеновы и Максимовы; а на Карышевомъ островѣ, что на Камѣ, имъ же двѣ трети; да за ними же слобода Сылва, а въ слободѣ острогъ, а къ ней три деревни, пять починковъ, а вѣдуду къ слободѣ Сылвѣ: отъ рѣки Чусовья рѣкою Сылвою до деревни Верхолузы 10 верстъ, а оттолѣ до остатскихъ улусовъ, по обѣ стороны Сылвы съ

«Перская гѣтопись».

устья и до вершинъ; да въ слободѣ по рѣкѣ Яйвѣ, съ тремя починками, внизъ по Яйвѣ до рѣки Уньвы 50 верстъ; а отъ рѣчки Усолки, вверхъ по той же Яйвѣ, до деревни Вильвы и до рѣчки Чанвы 70 верстъ, съ рѣчками и озерами, пашенными и непашенными землями и сѣвными покосами;— всего за Семеномъ и Максимомъ, въ Перми, три слободы, то есть городки, восемь деревень, двадцать четыре починка, пашни доброй и средней 436 десятинъ, лѣсу пашеннаго 161 десятина, сѣна 9.800 копенъ, съ тѣхъ со всѣхъ угодій и земель оброку 145 рублевъ.

За Никитю Строгановымъ: Орель городокъ съ солянымъ же промысломъ, къ нему 3 деревни, 3 починка по р. Яйвѣ, до деревни Романова и до Чудскаго городища 20 верстъ; отъ Орла городка до Карышева острова 40 верстъ; въ томъ Карышевомъ островѣ Никитѣ треть, да отъ рѣки Камы вверхъ рѣкою Кондасомъ до вершинъ, оброку въ годъ 72 руб. 50 коп.—И такъ, по тому уверстанію Семень съ племянникомъ своимъ Максимомъ вообще содержание вотчинъ и промысловъ по Чусовой и Камѣ, а Никитѣ въ Орлѣ городкѣ безпорно въ участки свои и вступили, а вотчина и небольшой соляной промыселъ у Соли-Вычегодской, по тому раздѣльному росписанію, остались за Семеномъ и Максимомъ вообще. (Истор. о богат. и проч. г. Строгановыхъ. В. Шимонко и Исаакъте люди Строгановы 1842 г. стр. 38).

Чердынъ описывалъ писецъ Иванъ Игнатьевичъ Яхонтовъ: по его Сошной книгѣ показано въ Чердынѣ домовъ 290, людей 326, лавокъ 67; а въ Соликамскѣ: дворовъ 190, людей въ нихъ 201 податныхъ челов. муж. пола, 26 лавокъ и 16 варницъ, и въ уѣздѣ 162 двора, а людей податв. 205 чел. м. пола, 23 деревни, 11 починковъ и 3 займища. (Книгъ Ив. Яхонтова 1579 г. В. Шимонко).

Въ Усольскомъ уѣздѣ въ 1579 году уже существовали слѣдующіе погосты, починки, деревни и займища:

1. Дерев. Остацкая, на р. Черной.
2. „ Черная, на протокѣ Черношъ.
3. Поч. Усова, за р. Черной.
4. Дерев. Тонкова, на родникѣ.
5. „ Подойница или Пичушина, на оврагѣ.
6. Поч. Воронихина.
7. „ Спиринъ, на родникѣ, впоследствии деревня Шубина.
8. Дерев. Тресеницына, на родникѣ.
9. Поч. Пычатовскій (Нытачевскій).
10. Дерев. Качергина, на родникѣ.
11. „ Таева.
12. Поч. Чувашевъ.
13. Дерев. Зырянова, на родникѣ.
14. Поч. Жирадневъ, впоследствии деревня Сылва, на р. Сылвѣ.

15. Займище, посадскаго челоука Гришки Иванова, гдѣ нынѣ деревня Тетерина, на рѣкѣ Камѣ.

23. Поч. *Вопольской*

Всего въ Около-городномъ стану: 2 погоста, 13 деревень, 8 починокъ, а въ нихъ 230 дворовъ пашенныхъ да 50 непашенныхъ, а людей въ дворахъ 287 человекъ.

Б. Въ Верхнемъ станѣ, Чердынскоу уѣзда:

24. Погость (Ильгородъ) Вильгортъ, на р. Колвѣ.
25. Дер. Шайтанова, на родникѣ.
26. „ Лызова.
27. Поч. Некрасовъ
28. Дер. Камгортъ.
29. Погость Искоръ, на родникѣ.
30. Дер. Ныробъ, на родникѣ.
31. „ Камгортъ, на р. Колвѣ.
32. „ Битичи, на р. Колвѣ.
33. Поч. Ключихинъ, на р. Колвѣ.
34. Дер. Цыдва.
35. Погость Ямидоръ, на родникѣ.
36. Поч. Заболоты, на р. Сеполъ.
37. „ Васильевъ, на р. Сеполъ.
38. Дер. Слободка Кишкиногова, на родникѣ.
39. „ Озга меньшая.
40. „ Ярина.
41. „ Озга большая.
42. „ Теплова, на р. Бондюгъ.
43. „ Ужинская, на р. Вильвѣ.
44. „ Мимортова, на р. Вильвѣ.
45. Погость Кульчукъ, на оз. Колючкѣ.
46. Дер. Сумичъ, на р. Сумичъ.
47. „ Гарь.
48. „ Коринна—Ведрова, на родникѣ.
49. „ Долда, на оз. Долдѣ.
50. „ Сурсъ, на р. Лызовкѣ.
51. „ Сакинова, на р. Лызовкѣ.

Всего въ Верхнемъ станѣ 4 погоста, 20 деревень и 4 починокъ; а въ нихъ 357 дворовъ пашенныхъ, да 43 непашенныхъ, а людей въ нихъ 435 человекъ.

В. Въ Нижнемъ станѣ, Чердынскаго уѣзда:

52. Погость Губдоръ.
53. Дер. Язва, на р. Язвѣ.
54. „ Немзя.

55. „ Нестерова.
56. Поч. Орефинъ.
57. Дер. Верхъ-Боровая.
58. Поч. Косалаповъ, на р. Боровой.
59. Дер. Верхняя Мошева, на р. Мошевицѣ.
60. „ Нижняя Мошева, на озерѣ Мошевскомъ.
61. Поч. Гарь, на озерѣ Долгомъ.
62. „ Олешкино, на озерѣ Мошевѣ.
63. „ Сергѣевъ.
64. „ Тимофеевъ, на озерѣ Тимофеевѣ.
65. „ Орефинъ, на р. Камѣ.
66. Дер. Вильва, на р. Вильвѣ.
67. „ Толстикъ, на р. Камѣ.
68. Поч. Нечаевъ, на р. Камѣ.
69. Дер. Нижній Шакшеръ, на р. Камѣ.
70. „ Верхній Шакшеръ, на р. Камѣ.
71. „ Зелва, на р. Камѣ.
72. „ Лимежь, на р. Лимежь.
73. Поч. Возеровъ, на озерѣ Козиты.
74. Дер. Козитъ.
75. „ Другой Козитъ.
76. Поч. Пашковъ—Останинъ.
77. „ Аристовъ.
78. Дер. Мелехина, на р. Камѣ.
79. Погостъ Пентегъ, на р. Камѣ.
80. Дер. Анборъ, на р. Камѣ.
81. „ Усть-Уролка, на р. Уролкѣ.
82. „ Остяцкая, на р. Вишерѣ.
83. „ Тушино, на р. Вишерѣ.
84. „ Чигоръ, на р. Вишерѣ.
85. Погостъ Редикоръ, на р. Вишерѣ.
86. Поч. Гарь, на р. Вишерѣ.
87. Дер. Чувашево.
88. „ Сартаново, на р. Вишерѣ.
89. „ Могильникова, на р. Вишерѣ.
90. Поч. Теплово, на р. Вишерѣ.
91. „ Чижонкинъ.
92. Дер. Кондратьева, на р. Вишерѣ.
93. Поч. Вокина.
94. Дер. Уроль-Сухой.
95. „ Уроль.
96. „ Средній-Уроль.
97. „ Исакова.

Всего въ Нижнемъ станѣ 3 погоста, 28 деревень и 15 мочинковъ, а въ нихъ 331 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 39 дворовъ непашенныхъ, а людей въ нихъ 420 человекъ.

Г. Отхожий станъ, а въ немъ погосты, деревни и мочинки, Чердынскаго уѣзда:

98. Дер. Нижняя Коса.
99. Погостъ Ныровъ, на р. Колвѣ.
100. Дер. Нестерова, на р. Нылвѣ.
101. Погостъ Гайна, на р. Колвѣ.
102. Дер. Данилова.
103. „ Чеженогова, на родникѣ.
104. „ Имасъ.
105. „ на р. Юсвѣ.
106. „ Земская, на р. Камѣ.
107. „ Лупья, на р. Лупьѣ.
108. Поч. Топубъ.
109. Дер. Очга, на р. Лупьѣ.
110. Поч. Чазевъ, на р. Кувѣ.
111. Дер. Юксеевыхъ, на родникѣ.
112. „ Купросъ, на р. Инвѣ.
113. „ Кудымкоръ, на р. Инвѣ.
114. „ Кува, на р. Кувѣ.
115. „ Верхъ-Уролка.
116. Погостъ Обва,
117. Дер. Кривая Наволока, } на рѣкѣ Обвѣ.
118. „ Федорова, на р. Обвѣ.
119. „ Романова,
120. Поч. Нижнее-Поле, } на рѣкѣ Ялвѣ.
121. Дер. Булатова, на р. Усолкѣ.
122. „ Вильгортъ, на р. Косьѣ.
123. „ Туманская, на р. Инвѣ.

Всего въ Отхожемъ 3 погоста, 20 деревень и 3 мочинки, а въ нихъ 178 дворовъ, а въ нихъ 232 человекъ.

Въ Чердынскомъ уѣздѣ, за рѣкою Вишерою, на р. Толчѣ, на рѣчкѣ Усолкѣ, посадскихъ и волостныхъ крестьянъ имѣются варниды соляныя.

„Всего же по сошному письму—письма и мѣры писца Ивана Игнатьевича Яхонтова, да подъячаго Третьяка Карпова въ 1579 году состояло: Въ Чердынѣ городѣ, на посадѣ, въ уѣздѣ, въ погостѣ, и въ деревняхъ и въ мочинкахъ крестьянскихъ пашенныхъ 1131 дворъ, да непашенныхъ 362 двора, и обоего пашенныхъ и непашенныхъ 1403 двора.

Во дворѣхъ людей 1700 человекъ.

Пашни посадскихъ и волостныхъ людей 1753 чети среднія земли, да 4404 чети худыя земли.

Передлогу 2880 чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ; лѣсу пашеннаго 1716 десятинь; сѣна 28245 копенъ.

Сошнаго письма на посадѣ и въ уѣздѣ 23 сохи съ четью и пол—полчети сохи; положено въ соху по 64 двора.

А государевыхъ податей посадскимъ и волостнымъ крестьянамъ платитъ въ государеву казну, да на земскія, на примѣтныя деньги, на городовое, на засѣчное дѣло, на ямчужное—съ сохи по 12 рублевъ, да пошлияъ казначевыхъ и дьячихъ по 11 алтынъ по 4 деньги.

Да посадскимъ же и волостнымъ крестьянамъ платитъ въ государеву казну оброку съ лавокъ, съ соляннхъ варницъ, съ мельницъ, съ рыбныхъ ловель, съ рѣкъ, съ озеръ—43 рубли, 21 алтынъ 2 деньги.

Да пошлияъ съ оброку 2 рубли и 6 алтынъ, съ рубля по 10 денегъ.

А съ государевыми податями посадскимъ и волостнымъ крестьянамъ, пашеннымъ и непашеннымъ верстатися межъ себя самимъ, по своимъ животамъ и промысламъ, и по пашнямъ и по всякимъ угольямъ.

Доходъ намѣстничъ съ Чердыни съ посаду и уѣзду—съ тяглыхъ дворовъ, съ 23 сохъ съ четью и съ полчети и съ пол-полчети сохи; намѣстнику корму за Рождество Христово за хлѣбъ, и за калачи, и за полти, и за овесь, за сѣно деньгами—13 рублевъ, 32 алтына, 1½ деньги; на Великъ-день: за кормъ деньгами 6 руб., 32 алтына, 5 денегъ. И всего намѣстнику на 3 праздника: корму деньгами 27 руб., 31 алтынъ и 1½ деньги.

Съ сохи по рублю и по 2 гривны, то ему съ тиуномъ и съ доводчикомъ; а собирать кормовыя деньги съ сохъ и отдавати намѣстнику, чердынскому старостѣ и цѣловальникомъ. Изъ сѣвзаго корму намѣстнику что что принесеть, то ему и взять.

Да вишерскія соли, съ 7 варницъ, намѣстнику по 20 пудъ на годъ съ варницы.

Намѣстнику жъ надъ посадскими людьми и надъ вольными крестьяны судъ да убрусное и лѣсная пошлина, да пятно, присудную пошлину и уѣздъ, и хоженое, и убрусную, и лѣсную пошлину и пятно—давати намѣстнику по Чердынской по уставной грамотѣ; а въ Чердынѣ, на посадѣ, держати намѣстнику кабакъ; на кабакъ держати на продажу вино, медъ и пиво. И на посадѣ и въ уѣздѣ держати намѣстнику тиуна, да 3 доводчиковъ.

Намѣстнику жъ рыбная ловля на рѣкѣ на Вишерѣ, на усть Колвѣ рѣкѣ; а ловить рыбу намѣстнику своими людьми, или кого наймутъ, да на рѣкѣ на Колвѣ, противъ города, противъ починка Покчи, намѣстничьихъ луговъ на 300 копенъ". (Книги сошнаго письма Перискія—Чердынскія и Чердынскаго уѣзда писца Ив. Яковова 1579 года. В. Шашово).

Примечаніе. Сошное письмо означеть нежелия книги, содержащія въ себѣ исчисленіе земли по сохамъ.—«Собирати тѣ деньги погодно въ несольской приказъ, по новымъ переписнымъ книгамъ, а не по сошному письму». (Улож. Ц. Ал. Мих. 21).

Отъ сошнаго письма и люди получили названіе «семиныхъ». Это были крестьяне, расписанные по сохамъ, для сбора податей и отправленія повинностей. — «Собратье денегъ съ тѣхъ же посадскихъ и сошныхъ людей по ихъ договору». (Улож. Ц. А. М.).

Соха есть посемельный участокъ, составлявшій доброй земли 800, средней 1200, а худой 1800 четвертей въ полѣ. Еще въ царствованіе Іоанна III, земледѣльцы были расписаны на сохи и обложены опредѣленнымъ количествомъ денегъ или сельскихъ произведеній. Затѣмъ, такое же описаніе было въ 1578 и 1579 годахъ. Въ этомъ послѣднемъ году, въ соху было положено по 64 двора, при чемъ не различалось состояніе домохозяевъ. Въ 1624 году, число дворовъ, входящихъ въ соху, измѣнилось слѣдующимъ образомъ: лучшихъ дворовъ было положено—40, среднихъ—60, молодыхъ—80, а самыхъ молодыхъ—120. Въ отношеніи же бобылей, таковыя не полагались въ соху. Съ нихъ былъ положенъ оброкъ со двора по гривенѣ, да войлики съ оброку—съ двора по денегѣ. (Сол. исп. кн. Кайсарова 1623—1624 г. В. Шамонко).

Въ семь 1579 году, влѣдствіе жалованной грамоты въ 1568 году, сыну Аникиеву—Якову Строганову, земли по обѣ стороны рѣки Чусовой и по Камѣ до Ласвинскаго бору, со всѣми впадающими въ нее рѣчками,—писецъ Иванъ Яхонтовъ отвелъ во владѣніе Строгановымъ: рѣку Чусовую до устья Межевой-Утки и рѣку Сылву до Остацкихъ улусовъ или юртъ, въ которыхъ жившіе тогда остяки нынѣ называются татарами. (Хозяйств. описан. Пермск. губ. Ч. III, стр. 68).

Примечаніе. Изъ сошнаго письма—писца Ивана Яхонтова съ товарищи 7087—1579 г. записано: за Никитомъ Григорьевымъ сыномъ Строгановымъ въ вотчинѣ жъ написано: слобода Орла на рѣкѣ Камѣ, а въ ней 90 дворовъ крестьянскихъ и ищальничьихъ, сошнаго письма соха съ третью и пол-полтрети сохи, да семь дворовъ пустыхъ; да въ Слободѣ жъ уѣздѣ Никиты же Строганова три деревни Никитины и крестьянскіе 128 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ; земля худа, лѣса нашеннаго 118 десатинъ, сѣва 4180 копенъ, сошнаго письма полтрети сохи, въ соху по 60 дворовъ; а уѣзду къ слободѣ къ Орлу, отъ рѣки Камы вверхъ по рѣкѣ Яйвѣ, Чердынскаго, уѣзда до деревни Романовы, до Чешорскаго городища 20 верстъ; да отъ слободы Орла до рѣки Пыскорки до межи Спасскаго монастыря вверхъ рѣкою Камою 14 верстъ; отъ слободы жъ Орла внизъ по Камѣ до Карышева острова 40 верстъ, а Карышева острова Никитѣ Строганову треть, да отъ рѣки Камы вверхъ рѣкою Кондасомъ и до вершинъ; и въ той же жъ по обѣ стороны рѣки Камы, и рѣки Яйвы и рѣки Кондаса берега дустые и лѣса дикіе и рѣчки, которыя впади въ рѣку Каму и въ Яйву и въ Кондасъ; всего въ слободѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ сошнаго письма полторы сохи и пол-полтрети; а дани за ямскія, и за примѣтныя деньги, и за городовое, и за застѣное и за ямчужное дѣло съ сохи по 15 руб., да пошлины казначеевыхъ и дьячихъ съ сохи по 11 алтынъ по 4 денегъ, да съ варницъ соляныхъ, и съ лавокъ, и съ рыбныхъ ловли и сѣзда оброку 59 руб., 8 алтынъ, 2 денегъ; пошлины съ оброку 2 руб. 31 алтынъ. 5 денегъ; да съ рѣки Камы, да съ рѣки Яйвы, да съ рѣки Кондаса, съ рыбныхъ ловель и съ лѣсу, звѣринна ловли въ тѣхъ урочищахъ, кои писаны къ слободѣ Орлу, въ уѣздѣ, оброку 9 руб., да пошлины съ оброку 16 алтынъ, 4 денегъ, съ рубля по 10 денегъ.

1580 годъ.

Царскою грамотою, въ Пермь Великую, повелѣно: Богословскаго монастыря строителя Варлаама съ братією намѣстникамъ судить не велѣно. (Акты историч. т. I).

Примѣчаніе. Нынѣ Богословскій монастырь упраздненъ; онъ былъ построенъ въ XV вѣкѣ, когда пермяки приняли св. крещеніе; онъ имѣлъ свои угодья, часть которыхъ была подарена пермскимъ княземъ Матвѣемъ Михайловичемъ (Акты истор. I, 207 и 397). Въ XVII вѣкѣ, этотъ монастырь причисленъ къ Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Изъ настоятелей его извѣстны: строитель Варлаамъ (1580 г.), черный попъ Антоній (1586 г.), игуменъ Адрианъ (1600 г.), черный попъ Іовъ (1603 г.), черный попъ Антоній (1615 г.), строитель Трифонъ (1624—1630 г.), строитель Герасимъ (1630 г.) (См. примѣч. II Сошному писемъ Ив. Яков. 1579 г. В. Шишовко).

Впрочемъ, отъ Богословскаго монастыря осталась церковь, съ 1784 года приписанная къ Чердынской Богоуволенной церкви. Въ оставшейся отъ монастыря Богословской церкви находится образъ Божіей Матери, въ окладѣ и съ надписью: «лѣта 7209 (1701) ноября въ 23 день, стольника и воеводу Федора Ивановича Дашкова, княгиня его, Евдокія Михайловна, построила сей образъ Пресвятыи Богородицы, апостолу и евангелисту Іоанну Богослову въ камену.»

Примѣчаніе. Приведемъ августа 10, царскую грамоту въ Пермь Великую, о неприкосновенности угодьевъ Чердынскаго Богословскаго монастыря.

«Отъ цари и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Пермь Великую, въ Чердынъ, старостахъ и цѣловальникомъ и всѣмъ Чердынцамъ, лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ. Вили намъ челомъ, изъ Чердыни, Богословскаго монастыря строитель Варлаамъ съ братьемъ, а сказали, что наше богомолье, въ Пермь, Богословской монастырь общей одинъ, какъ Пермичи крещенье приняли; и въ прошломъ въ семдесятъ въ седмюмъ году писцы наши, Иванъ Яхонтовъ съ товарищи, какъ писали Пермь Великую, къ Богословскому монастырю написали: пашни у монастыря и съ отхожемъ пашнею, что въ деревнѣ Гайбовѣ да въ Тушинѣ, десять четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна на рѣкѣ на Колвѣ и на Вишерѣ двѣсти копенъ; у монастыря жъ на рѣкѣ на Чудовкѣ мельница вѣмецкое колесо; монастырская ловля въ озерѣ въ Юмистѣ, да въ озерѣ въ Муртѣ, да въ Курѣ глубокой, да въ рѣкѣ въ Козырѣ въ большой, да въ рѣкѣ въ Козырѣ въ малой, да въ рѣкѣ Чудовкѣ отъ мельницы внизъ рѣчкою Чудовкою до рѣчки до Колвы; да за Богословскимъ же монастыремъ княжъ Матвѣевскихъ Великопермьскаго пустыхъ земель, и лѣсу, и луговъ, въ Чердынскомъ уездѣ, по конецъ Покчинского поля перелогу пять четвертей да лѣсу пашенного пять десятинъ, да на Ляндорѣ пять четей да лѣсу большого пашенного три десятины, да за Вотчинъ погостомъ на Зябѣ перелогу шесть четей, да на Шантурѣ лѣсу пашенного пять десятинъ, да въ Покчинскомъ въ середнемъ полѣ лѣсу пашенного большого двадцать четыре десятины да пашни шесть четей, да на рѣкѣ на Вишерѣ лугъ Даниловъ, сѣна на немъ ставитца триста копенъ, и всего за Богословскимъ монастыремъ, по писцовымъ книгамъ, пашни и перелогу тридцать двѣ четверти, да лѣсу пашенного тридцать оемъ десятинъ, да сѣна пять сотъ копенъ; и стонтелю ден и старцомъ, и изъ крестьяномъ, Пермьскіе намѣстники, и изъ тиунъ, и доводчики, чинять продажи и убытки великіе, и намъ бы ихъ пожаловати, Пермьскимъ намѣстникомъ, и ихъ тиунемъ, судити ихъ не велѣти. И мы Богословскаго монастыря строителя Варлаамъ съ братьемъ пожаловали, Пермьскимъ намѣстникомъ, и ихъ тиунемъ, судити ихъ не велѣти, и доводчикомъ и праветчикомъ у нихъ кормовъ и подводъ не плати и не вѣжкати къ нимъ ни по что, oprичъ душегубства и татбы съ полчнымъ. — И какъ къ вамъ са наша грамота придетъ, и вы ъ Богословскаго монастыря строителя Варлаамъ съ братьемъ, и ихъ крестьянъ, отъ Пермьскихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тиуневъ и доводчиковъ берегли во всемъ, чтобъ имъ и изъ крестьяномъ обидъ и насильствъ не чинили, и не судили ъ ихъ ни въ чемъ, oprичъ душегубства и татбы съ полчнымъ, да и сами ъ есте имъ обидъ и насильствъ никакихъ не чинили, и въ монастырскія земли и въ угодья не вступалися, чтобъ Богословской монастырь не запустѣлъ и наше богомолье не оскудѣло. А прочитая ъ есте сю нашу грамоту, от-

давали имъ назадъ, и они ее держатъ у себя для нмѣхъ нашихъ намѣстниковъ и приказныхъ людей». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7088 августа въ 10 день.

Подлинникъ принадлежитъ коллежскому ассессору Коновалову, въ Чердыни. Писанъ столбцею, на четырехъ емкостъ склеенныхъ листкахъ. Ветхъ. На оборотѣ сверху: Царь и великій князь По склѣкамъ скръпа: Діакъ Ондрей Щелкаловъ.

На оборотѣ же слѣдующія подтвержденія:

Лѣта 7094 (1586) сентября , государь царь и великій князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи себѣ жаловалные отца грамоты у Богословскаго Антонія съ братьею слушалъ, а выслушавъ подписати на свое цареву и великаго князя нма, и себѣ грамоты у Богословскаго игумена Антонія съ братьею или кто по немъ иной игумень не велѣлъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по сей жаловальной грамотѣ.—Діакъ Ондрей Щелкаловъ.

Лѣта 7108 (1600) февраля въ 26 день, государь царь и великій князь Борисъ Федоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, себѣ грамоты слушалъ, а выслушавъ, Богословскаго монастыря, что въ Перми, игумена Ондріяна съ братьею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ иной игумень или строитель будетъ, пожаловалъ, велѣлъ имъ сию грамоту подписати на свое государеву цареву и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи нма, и себѣ у нихъ грамоты рудити не велѣлъ никому ни въ чьѣ, и велѣлъ у нихъ государь царь и великій князь Борисъ Федоровичъ всеа Русіи ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ написано.—«Подписалъ государевъ черевъ и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи діакъ Иванъ Вархотѣевъ».

Лѣта 7116 (1608) сентября въ 1 день, государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи себѣ грамоты слушалъ, и выслушавъ, Богословскаго монастыря, что въ Перми, черного попа Лева съ братьею, или впередъ въ томъ монастырѣ, кто игумень или строитель съ братьею будетъ, пожаловалъ, велѣлъ имъ сию грамоту подписати на свое государеву цареву и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи нма, и себѣ у нихъ грамоты рудити не велѣлъ никому ни въ чьѣ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано.—«Діакъ Ондрей Ивановъ».

Лѣта 7128 (1615) Ноября въ 24 день, государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи себѣ грамоты слушалъ, и выслушавъ, Богословскаго монастыря, что въ Перми, черного попа Антонья съ братьею, или впередъ въ томъ монастырѣ кто игумень или строитель и братья будутъ, пожаловалъ, велѣлъ имъ сию грамоту подписати на свое царское нма, и рудити еѣ не велѣлъ никому ни въ чьѣ; а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ написано.—«Діакъ Ондрей Ивановъ».

Лѣта 7152 (1623) мая въ 10 день, мы великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московской и всеа Русіи, себѣ грамоты слушавъ указали, переписать вновь на наше государское нма. по новому уложенью, а сию грамоту указали, подписавъ, отдать имъ Перми Великіе Вознесенскаго и Богословскаго монастыря строителю старцу Трифону съ братьею, а о всемъ указали ходити по тому какъ въ нашей государской въ новой жалованной грамотѣ вышнншаго 132 году на само.—«Діакъ Прокофій Пахиревъ».

Въ семъ 1580 году, Ермакъ Тимофеевъ со своею дружиною, въ числѣ 1636 человекъ казаковъ, переправясь чрезъ Уральскій хребетъ, спустился внизъ по рѣкамъ: Журавль, Баранчъ, Турфъ и Тоболу, при многократныхъ съ татарами сраженіяхъ, и, наконецъ, 23 октября въ слѣдующемъ 1581 году, одержалъ побѣду надъ сибирскимъ ханомъ Кучумомъ и братомъ его Ма-

меть -- Кулемъ, овладѣлъ Искеромъ или Сибирью, столицею всего ханства. (Хозяйствен. опис. Пермск. губ., ч. III. стр. 69).

Въ Сибирской краткой (Кунгурской) лѣтописи, подъ 1580 году читаемъ: ст. 11. „Ермакъ побѣже вверхъ по Волгѣ и по Камѣ; и дошелъ Ора городка, и ту многіе запасы у Строгановыхъ, ружье и вожей взялъ, и бѣжа по Чусовой и рѣкою Серебреною до волоку, и переволокли суды, на Тагилъ волоку бѣ два дни ходу; инѣи жъ суды на волоки покинуша“.

Ст. 12. „И прѣихавъ на станъ Тагила рѣчки въ урочище рѣчки Абугая, въ лѣто 7088 (1580) году, со единомысленною дружиною съ 3000 человекъ, и ту плѣнѣшиа многихъ вогуличъ, улусы и плѣтъ взяша; овѣи же добровольно покорѣшася до Тавды, и воеваша во всю зиму Пелымскіе уѣзды до весны“.

Ст. 13. „Веснѣ же пришедши водополюю, овѣи жъ не похотѣша съ Ермакомъ воевать и явленными вспять въ Русь возвратѣшася; инѣи же на станѣхъ умроша, инѣи же въ походѣхъ избѣени, и остася плыти внизъ съ Ермакомъ 1636 человекъ, и приѣмше запасы на пропитаніе свое“.

Ст. 14. „Веснѣ же пришедши, яко храбрѣи казацы видѣвши и разумѣвши, что сибирская страна богата и всѣмъ изобильна и живущіи люди въ ней не воинсты, и поплыша внизъ по Тагилу мая въ 8 день, разбиваше суды по Турѣ до перваго князя Епанчи, идѣже нынѣ Епанчинъ Усениново стоитъ; и ту собрашася много агарянъ и бои починѣша по многи дни, яко лука велика, вверхъ ходу 3 дни, и въ той лукъ бѣжеся велми до выѣзду, и ту казацы одолѣша“.

Ст. 15. „И воеваша все лѣто. И августа въ 1 день взяша градъ Тюмень, еже Чингида, и царя Чингыза убиша, и многіе припасы и богатства взяша, и ту вимована, яко видя множество бусурманскаго языка по Турѣ и не смѣяше плыть до Тобольска“.

Въ семь году въ Вятскую землю пришелъ преподобный Трифонъ— истинно-ревностный поборникъ слова Божія и основатель Вятскихъ монастырей, который посѣтилъ и Пермскія земли. (Ист. Вятск. края. 1870 г. стр. 93).

Примечаніе 1. Въ предѣлахъ архангельскихъ, близъ нынѣшняго города Мезени, отъ земледѣльца деревни Малой Немлюжки (нынѣ село Малонемлюжское) Дмитрія и жены его Палаги, въ 1550 году, родился на свѣтъ Божій угодникъ Христовъ преподобный Трифонъ, мирское имя его Трофимъ (Вят. епарх. вѣдом. 1868 г. № 15), бывшій впоследствии для вятчанъ примѣромъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, свѣтильникомъ истинной вѣры, обличителемъ ихъ пороковъ, впервые сильнымъ, дотогѣ неизвѣстнымъ имъ поученіемъ, пробудившій въ нихъ сознаніе о высококомъ значеніи и истиннмъ христіанской жизни и указавшій имъ пути къ исправленію себя и показанію предъ Богомъ въ духѣ христіанской вѣры (тамъ же, № 2).—Съ раннихъ лѣтъ, чуждаясь суетныхъ дѣлъ міра сего, подвизаясь въ постѣ и молитвѣ и глубоко сочувствуя словамъ свѣпсания о томъ, «что если кто отъ юныхъ лѣтъ сохранить чистоту тѣлесную и душевную, воспринять святой ангельскій образъ иноческаго житія, то и Господь на небеси прачтетъ его къ лику ангеловъ»—возлюбилъ преподобный тихое и мирное житіе отшельническое (Житіе преп. Трифона между рукоп. Вятск. Усп. монаст.).—Опасаясь за свое нѣдомудріе, подвергавшееся искушенію со стороны родныхъ, желавшихъ привязать его къ дому узамъ брачными, въ видѣ убогаго странника, оставилъ онъ домъ родительскій и удалился въ страну до тѣхъ поръ ему неизвѣстную— Великій-Устюгъ.

Здѣсь прожилъ юноша нѣкоторое время у странническаго священника Леоньевской церкви, по имени Іоанна, въ лицѣ котораго приобрѣлъ себѣ наставника и друга, поучавшаго его заповѣдямъ Господнимъ и объяснявшаго ему путь къ спасенію въ путѣхъ Христовыхъ (Тамъ же; Вятск. ист. Вѣст.; Казанск. вѣстн. 1825 г., ч. 14 и Исторія Вятск. края. 1870 г.). Однако-жь преподобный Трифонъ вскорѣ удалился изъ Устья. въ волость, называемую Шемонскою, гдѣ поступилъ въ услуженіе къ поселенцамъ и гдѣ благочестіемъ, кротостію и послушаніемъ приобрѣлъ себѣ всеобщую любовь.—Но и отсюда вскорѣ также заставило его удалиться слѣдующее обстоятельство: поиме козлева Трифона, не желая съ нимъ расстаться, подобно роднымъ его, вознамѣрились удержать при себѣ трудолюбиваго юношу узамъ-жъ брака, для чего устроили обрученіе его насильственнымъ образомъ (такъ сказано въ Житіи преподобнаго Трифона). Однако-жь, юноша убѣгаетъ съ своего мѣста водворенія на берега многоводной Камы, въ находящейся тамъ городокъ Орелъ, принадлежавшій именитымъ людямъ Строгановымъ (Истор. Вятск. края 1870 г. стр. 95). Здѣсь, основавшись на жительствѣ при церкви во имя Похвалы Пресвятыя Богородицы, въ теченіи цѣлаго года, въ разорванномъ рубищѣ проливалъ слезы о грѣхахъ міра сего, терпѣливо сносилъ, вполне проникнутый божественною силою евангельскаго ученія, добровольный отшельникъ изъ подъ роднаго крова, и лѣтній внои и земною стужою, не прекослова обижавшимъ его и благословлявшимъ имя, давшихъ на него. Но не здѣсь суждено было ему, предназначенному Господомъ къ исполненію высшихъ христіанскихъ подвиговъ, владѣть убогіе дни свои.—Вскорѣ одна изъ обидъ, нанесенныхъ ему развращенными и жестокосердыми людьми Строгановыхъ послужила поводомъ къ открытію всегда присущей съ нимъ и по вся дни пекущейся о немъ благодати Божіей. Сброшенный однажды этими нечестивцами, ради потѣхи, въ самый жестокой морозъ, къ рѣкѣ съ вершины крутой горы Сильды (по нестѣпавшему списку съ житія преподобнаго Трифона — эта гора названа Слуткой) окатился во снѣжнныя сугробамъ ея угодникъ Божій, не ощутивъ на себѣ ни малѣйшаго поврежденія. И едва только всталъ онъ, выбравшись съ трудомъ изъ подъ замѣтавшей его снѣговой глыбы, какъ немедленно обратился съ молитвою къ Господу о прощеніи грѣха оскорбителамъ. Изумленные такимъ терпѣніемъ злодѣянаго Трифона, надругавшіяся надъ нимъ люди устыдились своего безчеловѣчія и сами, изнемогая отъ жестокой стужи, мгновенно спустились къ нему съ горы для оказанія помощи; но какого-же было еще большее изъ удивленіе, когда, отряхая снѣгъ съ одежды этого, Богомъ хранимаго, человека, почувствовали они какую-то благодатную теплоту, исходящую отъ блаженнаго, стоявшаго передъ ними съ лицомъ свѣтлымъ, и какъ-бы вовсе не чувствующимъ холода. (Житіе пр. Трифона между рук. Вятск. Усп. мон.) Прозшествіе это въ тотъ же день сдѣлалось нѣвѣстнымъ Якову Строганову. Уразумѣвъ въ этомъ убогомъ человѣкѣ существо, покровительствуемое Вышнею силою и воплѣтъ уповавъ на великое значеніе молитвы его предъ Богомъ, именитый владѣлецъ солянныхъ варницъ, нѣвѣшій наследниковъ имени и состоянія своего только единственнаго сына Максима (Жит. пр. Трифона между рук. Вятск. Усп. мон.), одержимаго въ то время тяжкимъ неналѣчимымъ недугомъ, на утро другаго же дни поспѣшилъ въ церковь и, увидя тамъ, благоговѣнно молившагося угодника, ради любви Христовой, просилъ молитвы его къ Господу о исцѣленіи сына своего. И по молитвѣ св. Трифона исцѣлился Максимъ и сохранился такимъ образомъ одинъ изъ предковъ рода Строгановыхъ. Послѣ того, избѣгая славы. и мольбы человѣческой, удалился св. Трифанъ изъ Орела въ село Никольское, принадлежавшее епископу перскому, гдѣ, при церкви этого села, нѣвѣжъ невѣдомый, продолжалъ услаждать одиночество своею жизни молитвою къ Богу. Но и здѣсь суждено было не долго жить ему. Возстановивъ молитвою своею сына одной женщиною отъ болѣзни, Трифонъ принужденъ былъ отыскивать новое житейское себѣ пристанище. Отсюда онъ отбылъ къ построенному на Камѣ, въ 1560 году, Анкіемъ Строгановымъ, Пыскорскому монастырю, во имя Всемилостиваго Спаса, гдѣ онъ, будучи 22 лѣтъ, принялъ иноческій санъ. Здѣсь Трифонъ, кромѣ исполненія требъ церковныхъ, молитвен-

наго бдѣнія и поста, служенія болящими, на удивленіе всей братіи ревностно трудился еще въ пекарнѣ и былъ дроворубомъ монастырскимъ; сверхъ того, для большаго смиренія своей плоти, не рѣдко ночью, обмывшись до пояса, выходилъ Трифонъ за стѣны монастырскія — и тамъ на болотѣ, пребывая до утра, неподвижнымъ какъ столбъ, распѣвалъ св. псалмы, допуская терзать тѣло свое насѣкомыми. Изнурительные подвиги эти привели его наконецъ къ такой тяжелой болѣзни, что уже не чаялъ онъ болѣе остаться въ живыхъ на землѣ. Во время такой болѣзни Трифонъ видѣлъ чудное явленіе, послѣ котораго онъ почувствовалъ себя здоровымъ. По выздоровленіи св. Трифонъ еще съ большимъ ревностію обратился къ прежнимъ занятіямъ своего подвижничества и вскорѣ снова прославилъ имя Господне, ознаменовавъ святость свою, изцѣленіемъ многихъ людей. (Тамъ же). Далѣе, изъ Пыскорскаго монастыря отлучился, и пришелъ на рѣчку Мулянку—Нижнюю, которая впадаетъ въ рѣку Калу, ниже устья рѣки Чусовой беретъ 30, нося отъ себя всегда образъ Богородичень, и избравъ мѣсто удобно, отъ устья той рѣки въ верхъ въ пяти верстахъ, гдѣ двѣ рѣчки мѣстѣ стекаются, построилъ въ томъ мѣстѣ келью, жилъ нѣкоторое время уединенно. Около той же рѣчки Мулянки и въ другихъ мѣстахъ жилиство тогда имѣли остоки, которые мольбище свое имѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ была келья преподобнаго, при величайшемъ деревѣ алоомѣ, которое преподобный, срубилъ и мольбище нѣзъ уничтожилъ и многихъ изъ тѣхъ остоковъ увѣщаніемъ крестилъ. А потомъ, перешедъ съ рѣки Мулянки на рѣку Чусовую и, прямо Чусовскаго Строганова городка, на за—рѣчной сторонѣ, на горѣ высокой сдѣлалъ себѣ келью съ часовней. Онъ, по святому своему житію и смиренію, не только былъ любимъ новонаселавшимися въ тѣхъ мѣстахъ Строгановыми людьми, но и самому, Анкіеву еписку, Григорью и брату Якову былъ знаемъ.

Но, какъ онъ преподобный, расчищая лѣсъ около часовни и кельи и малое хворостъ, собравъ въ кучу, наобрѣлся оное семечъ; по важномъ же сдѣлался жестокой вѣтръ, то силою огня не только то подѣлка загорѣлась, но тотъ огонь дошелъ и до стогаго лѣсу, а когда огонь и въ лѣсѣ умножился, то добравшись до заготовленныхъ Строгановыми къ солиному промыслу дровамъ, которыхъ было до трехъ тысячъ сажень, въ пенелъ ихъ обратилъ. Сей ради причины люди на него вознегодовавши, мнѣши, что učinено то ожжение дровъ было нѣмъ умышленно,—того ради, разъярившись на него, съ той крутой горы его бросили, да и самъ Григорій Строгановъ, по той причинѣ, на его претивался и держалъ его нѣсколько въ краи,—тогда преподобный прорекъ ему, Григорью, живущійся на него бытъ гибъ царскій, что вскорѣ и воспослѣдовало, ибо по нѣкоторому навіту съ указомъ отъ цара пріѣхалъ посланной и вскорѣ велѣлъ ему, Григорью, и его брату Якову, въ Москву ѣхать. Та его, Григорьева, отлучка известна есть по присланной, отъ цара грамотѣ 7082 (1574) году, марта 12 дня, въ которой пишется тако: «Якову и Григорью, Анкіевымъ дѣтямъ, Строгановымъ, какъ сія наша грамота прібудетъ и вы-бѣ были къ намъ въ слободу часа того на подводахъ, а подорожную есиа къ вамъ послали съ сою грамотою вѣстѣ»*); однако, по пріѣздѣ ихъ въ Москву, вѣсто чужаго царскаго гнѣву, получили они отъ цара, за молитвы преподобнаго, многу милость.

Потомъ преподобный Трифонъ изъ тѣхъ Строгановыхъ мѣстъ вышелъ, на рѣку Вятку, въ городъ Хлыновъ; а по приходѣ же своемъ въ городъ, началъ сооружать въ томъ городѣ монастырь Успенія Богоматери съ пономѣмъ многихъ христіановъ, а особливо, когда бывши преподобный Трифонъ у Соли-Вичегодской, тогда случился бытъ у Соли Пимита Григорьевъ Строгановъ, онъ много милостивее и богатѣе прикладомъ ему, въ стреніи того Успенскаго монастыря, помогъ. Въ томъ монастырѣ преподобный Трифонъ и преставился. По усонихъ Строгановыхъ и по нѣмъ во ономъ монастырѣ

*) Слободою тогда называлась, что нинѣ Александрова пустынь, въ 97 верстахъ отъ Москвы, В. Шишонко.

память совершается. (Исторія о родослов. и богатствѣ гг. Строгановыхъ и проч. В. Шишонко).

Примечаніе 2. Есть сказаніе о преподобномъ Трифонѣ и слѣдующее: Строгановъ, по невѣстной причинѣ, просилъ преподобнаго оставить его владѣнія и поселиться въ другомъ мѣстѣ. Преподобный безпрекословно исполнилъ желаніе Строганова: пожелавши въ послѣдній разъ въ пустынь своей, онъ простился съ устроенною имъ на рѣкѣ Чусовой Успенскою обителью, поручивъ управленіе ея ученику своему строителю Іоанну, а самъ отправился на новый проповѣданный подвигъ въ страну, исполненную впоследствии славомъ чудеса его—это Вятскую землю. Изъ обители онъ направилъ путь свой на Чердынь, гдѣ привѣтлся въ монастырѣ Іоанна Богослова и открылъ свое нахѣреніе духовнику своему Варлааму. Затѣмъ, съ благословенія этого старца, поднялся водомъ вверхъ по Камѣ до городка Кая, крайняго предѣла на сѣверѣ земли Вятской, основаннаго въ самой годъ рожденія Трифона (1550 г.), во время заведенія Строгановыми Усолецкихъ варницъ, бывшаго въ то время ихъ складочнымъ мѣстомъ для торговли солью съ жителями Вятскаго края (Вятск. губ. вѣд. 1840 г. стр. 57, приб. къ № 80) и находившагося на главной дорогѣ въ Сибирь. Далѣе изъ Кая святитель направился на село Базатернинское (Вят. губ.), откуда въ г. Слободской и наконецъ въ Хлыновъ (Вятск. губ.). (Вятск. ист. Вештомова; Распр. пр. въ Перм. губ. арх. Макарія; Житіе прп. между рук. Успен. мон.; Ист. Вятск. края 1870 г. и др.).—Въ Вяткѣ преподобный восхитилъ нахѣреніе основать монастырь. Для этого изъ Вятки, написавъ о разрѣшеніи постройки монастыря челобитную отъ пяти городовъ: Хлынова, Котельнича, Орлова, Слободскаго и Шестакова—къ царю Іоанну Грозному и митрополиту Автонію,—представители послали самого святителя. Въ Москвѣ онъ былъ принятъ благосклонно: Грозный утвердилъ за вновь создаемою обителью просимую землю, съ находившимися на ней ветхими кладбищенскими церквами со всею же утварью, а митрополитъ—рукоположилъ св. Трифона 24 марта 1580 г. въ санъ іеромонаха, даровавъ ему право священнодѣйствія и въ то же время назначилъ его строителемъ и настоятелемъ будущей Хлыновской обители.—Преподобный 20 іюля возвратился въ Хлыновъ съ данными ему грамотами. По прибытіи, вначалѣ были построены келліи для братіи, а въ слѣдующемъ году (1551 г.) сооружена и церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, которая сдѣлалась главною церковью Хлыновской обители, именуемой съ того времени Вятскимъ Успенскимъ Трифоновымъ монастыремъ. Впоследствии времени, преподобный должеиъ былъ оставить сооруженный имъ монастырь и въ это время онъ посѣтилъ Соловецкихъ чудотворцавъ, гдѣ въ монастырѣ ему предложено было остаться, но онъ отказался—сердце и мысль его стремились въ Вятскую Успенскую обитель. Прощаясь съ братіей Соловецкаго монастыря, онъ сказалъ имъ: «простите меня отцы святые, знаю я, что близко время моего исхода, но молю васъ, Господа ради, молитте за меня грѣшнаго, чтобы, вашихъ ради молитвъ, увидѣть мнѣ еще на Вяткѣ домъ Успенія Богородицы и тамъ обѣщаніе мое исполнить; ибо въ той обители желаю, чтобы положено было мое тѣло; много о томъ я молилъ Господа, надѣюсь и на ваши молитвы.» Возвращаясь изъ Соловецкаго монастыря, святитель посѣтилъ Строгановскій Орель городокъ и помылился тамъ въ храмѣ Архангела Михаила (Жит. пр. между рук. Вятск. Успен. церк.), отсюда на Орловъ (Вятск. губ.) и въ Хлыновъ. Здѣсь въ обители отъ пріюта святителя въ началѣ было отказано, но впоследствии онъ былъ приглашенъ и встрѣченъ архимандритомъ съ братіей, который, терзаясь угривеніями совѣсти, палъ къ ногамъ преподобнаго Трифона, прося отпустить ему также преступленія. Здѣсь не много дней просидѣлъ святитель. Предъ своею кончиною онъ принялъ слухи и, собравъ братію, заѣхалъ имъ пребывать въ страхѣ Божиимъ, а между собою въ братолюбивомъ обществѣ, постѣ, молитвѣ и непреклонномъ повиновеніи архимандриту Іоаннѣ и затѣмъ тихо преставился въ жизнь вѣчную, 8 октября 1614 года.

Примечаніе 3. Означенный годъ кончины значится по Временнику. Въ нѣкоторыхъ же сказаніяхъ о преп. Трифонѣ, равно и въ рукоп. жит. его принад. Вят. Усп. мон. годомъ кончины

его показанъ 1618. Впрочемъ, здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія, если взять во вниманіе, что годы до временъ Петра I считались съ 1 сентября, а по сентябрьскому летоисчисленію 1614 годъ начинался съ 1 сент. 1613 г. (Вятск. еп. вѣд. 1866 г. № 23; Истор. Вятск. края 1870 г., стр. 147).

Примѣчаніе 4. Есть извѣстіе, что св. Трифонъ уговорилъ одного развращаемаго иношу вступить въ монашество и самъ лично совершилъ надъ нимъ св. постриженіе. Но тщетны были на этотъ разъ старанія преподобнаго: постриженный нѣтъ иноша является впоследствии на страницахъ русской исторіи бѣглагомъ нѣтъ Чудова монастыря Григорьемъ Отрешевымъ. (Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос. т. XI и хроногр. приведенъ въ 194 примѣч. къ тому же XI тому). А. П. Чуариковъ свидѣтельствуетъ, что Отрешевъ проживалъ нѣтъ которое время діакономъ въ Хлыновѣ. (См. Казан. вѣст. 1825 г. ч. XIV, стр. 157).

Чердынскій воевода Семенъ Тимофеевъ Кондыревъ собралъ съ Вишерскихъ вогуличъ соболінаго асаку четыре сорока семь соболей. Ясачная же и поминочная рухлядь разбиралась такъ: соболи въ сороки, а лисицы и бобры въ десятки, лучшей звѣрь къ лучшему звѣрю, средній къ среднему, а худой къ худому звѣрю и цѣнилась та рухлядь сибирскою разборною цѣною; а по разборѣ, той мягкой рухляди, цѣна асаку: лучшей 40 соболей—27 руб., средній 40—25 руб., а худшій 40—23 руб., десятокъ бобровъ—16 рублей, рыжій боберъ одинъ рубль, красная лисица сиводушка около рубля, десятокъ лисицъ красныхъ—7 руб.; государевымъ поминкамъ разборная цѣна: 31 соболь—10 руб., 500 бѣлокъ—5 руб.; воеводскимъ поминкамъ разборная цѣна: 31 соболь—10 руб., 500 бѣлокъ—5-ть рублей, 23 алтына, 1 денѣга. (Акты историческ.).

1581 годъ.

Вологодскимъ и Велико-Пермскимъ епископомъ былъ *Варлаамъ 1-й* (Суд. Иван. Василь. ст. 159 и Перм. епарх. вѣд. за 1869 г. № 32), которому была дана не судимая грамота на вотчины отъ царя Ивана Васильевича, которая подтверждена Феодоромъ Иоанновичемъ.

Примѣчаніе. Еписк. Варлаамъ упоминается съ 1546 по 1547 г.

Иногородцы вогуличи, жившіе въ верховьяхъ рѣки Тавды, подъ предводительствомъ своего начальника, жившаго при рѣкѣ Пелымѣ, отъ чего и называвшагося Пелымскимъ княземъ, взволновались и перейдя Югорскій хребетъ, сдѣлали нападеніе на Строгановскія поселенія, расположенныя на рѣкѣ Камѣ, и многія изъ нихъ выжгли, а жителей плѣнили. Смѣлость и безнаказанность иногородцевъ достигли того, что осенью, того же 1581 года, они осадили Чусовской городокъ, по рѣкѣ Чусовой. Это дало поводъ Строгановымъ, Семену Анисѣевичу и Максиму Яковлевичу, обратиться съ просьбой къ государю, дабы онъ повелѣлъ изъ Чердыни, яко главнаго тогда въ Перми города, прислать имъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, вспоможеніе; а Никитѣ Григорьевичу Строганову съ другими Строгановыми стоять за одно.

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту, сего 1581 ноября 6, Пермскому нагѣстнику князю Ивану Елецкому и Никитѣ Строганову, которой повелѣвалось: оказывать помощь Семену и Максиму Строгановымъ, въ случаѣ набѣговъ вогуличей на ихъ слободы и деревни.

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Пермь Великую, намѣстнику нашему князю Ивану Михайловичу Елетцкому. Были намъ челоужъ Семень да Максимъ Строгановы, а сказали: въ прошломъ де въ 89 году, наше жалованье, ихъ слободки на Колинѣ воевали Чусовскіе вогуличи, слободы жгли, а крестьянъ де въ полонъ поимали, а въ нынѣшнемъ де въ 90 году, о Семень дни, тѣ же вогуличи приходили на ихъ же слободки войною съ Пельмскимъ княземъ, и тѣ де ихъ слободки Пельмской князь съ вогуличи, около Чусовскаго острогу, и досталъ вывоевали, слободки и деревни и хлѣбъ всякой и сѣно выжгли, а крестьянъ съ женами и съ дѣтми въ полонъ поимали, а Усольскіе де варницы и мельницы выжгли; а нынѣ ден Пельмской князь съ вогуличи стоятъ ратью подъ Чусовскимъ острогомъ, и имъ ден отъ Пельмского князя и отъ вогуличъ, отъ войны, убытки великіе; и намъ бы Семена да Максима Строгановыхъ пожаловать, для тое войны и крайни, велѣти имъ дати на помощь ратныхъ людей съ оружіемъ.—И будетъ такъ, какъ намъ Семень да Максимъ Строгановы били челоужъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ: и ты бѣ на тѣхъ вогуличъ, которые съ Пельмскимъ княземъ стоятъ подъ Чусовскимъ острогомъ и которые воеють Усольскіе мѣста, или впередъ собрався войною придуть къ нашему жалованью, а къ Семенову да къ Максиму острогу, и учнуть воевати, и ты бѣ, велѣлъ собрати земскимъ старостамъ и дѣловальникомъ съ Пермскихъ волостей и съ Камскіе (оли ратныхъ людей, со всякимъ ратнымъ оружіемъ, со всее Пермскіе земли, а головы бы у нихъ были земскіе жъ люди, а было бѣ всякихъ людей челоужъ до двусотъ, а нводны болши, а нводны менши, и смотри по людямъ, сколько коли придетъ съ вогуличъ и съ Пельмскимъ княземъ, и помогали бѣ Семенову да Максиму острогу и стояли бѣ Семеновъ да съ Максимомъ заодно; а коли придуть вогуличи да Пельмской князь на Пермскіе мѣста и на Усольскіе, и ты бѣ Семеновымъ и Максимовымъ людямъ велѣлъ Пермскихъ и Усольскихъ мѣстамъ помогати и промышлять собча, чтобъ имъ всѣмъ стояти заодно и беречися отъ воинскихъ людей отъ вогуличъ; а Никитѣ, Григорьеву сыну, Строганову велѣли еси съ Семеновъ и съ Максимомъ стояти за одинъ, и боронитися собча отъ Пельмского князя и отъ вогуличъ, чтобъ Пермскихъ и Усольскихъ мѣстъ и остроговъ Онянѣвыхъ не извоевали впередъ, а стояли бы Семеновы и Максимовы и Никитины люди всѣ заодно отъ лонскихъ людей приходу; а людей бѣ собирали Пермскіе люди и Усольскіе сами нежь себя, чтобъ имъ отъбору отъ тебя убытка не было, а имъ къ земскимъ людямъ писали жъ о сборѣ людцкомъ и о береженен отъ приходу вогуличъ; а каковы у тебя вѣсти будутъ о приходѣ вогуличъ и Пельмского князя на Пермскіе мѣста, и отвѣтъ о томъ къ намъ отписывалъ. А прочеть ся нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ, слово въ слово, отдавалъ бы еси ее Семену и Максиму Строгановымъ, или имъ людямъ кто къ тебѣ ся нашу грамоту привезетъ, и они держатъ у себя впередъ для нашихъ иныхъ намѣстниковъ». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7090, ноября въ 6 день.

Подлинникъ писанъ столбцомъ на трехъ листкахъ, съ скрипою по склейкамъ: Діалъ Андрей Щелкаловъ. Былъ сложенъ пакетомъ и запечатанъ черновосковою печатью, имѣетъ на оборотѣ надпись Въ Пермь въ Великую, намѣстнику нашему князю Ивану Михайловичу Елетцкому.

Примѣчаніе. Есть указанія, что въ этомъ же году еще дѣлали нападенія и вѣтъ, — о чемъ свидѣлательствуетъ слѣдующая грамота:

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи Никитѣ Григорьеву Строганову. Были намъ челоужъ Семень да Максимъ Строгановы, а сказали: приходилъ де войною Пельмской князь съ вогуличъ и *ноша* на ихъ слободы, и деревни многе выжгли, и крестьянъ въ полонъ емлютъ, и нынѣ ден Пельмской князь съ вогуличъ стоятъ около Чусовскаго острогу, и намъ бы ихъ пожаловать, велѣти имъ дати ратныхъ людей съ Перми съ Великіе; а ты ден съ ними противъ вогуличъ не стоничь, и людей на помощь не даешь.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ съ Семеновыми да съ Максимовыми людьми на вогуличи посылалъ людей своихъ, ско-

ко, пришло, и поехали: съ твои люди съ Семеновыми и съ Максимовыми люди за-
одина и себя, оборотились: себѣ; и съ Перви жемскихъ старостаи людей въ помощь
забрахъ посланихъ великихъ боя, смотри по людямъ, сколько коли богучицъ военныхъ
людей придеши; и великии люди стояти съ Семеновыми и съ Максимовыми людьми про-
тивъ Пальиного князя оружию воевати; въ ты съ таково-же великии своими людьми съ
Перовскими людьми и съ Семеновыми и съ Максимовыми вѣдѣти стояти противъ Пе-
льиного князя, и повелѣти имъ не давати, чтобъ вѣиъ вѣиъ отъ войны уберечься».
Писанъ на Москвѣ, лѣтъ 7090, ноября въ 16-день. (Балхъ отъ историч. акт. В. Шишкова).

Примечаніе

2. Отнасились нападены: *могачи* въ Стрѣгановскихъ насадахъ, въ томъ году, а сомнѣ-
ваюсь, хотя въ жившихся у меня писаныхъ грамотахъ въ тотъ-же годъ о нихъ
и упоминается, — между тѣмъ жакъ въ другихъ, обнародованныхъ въ то же время, о по-
мятыхъ не говорится: Не сибирскими ли въ то даждее время обѣгавъ съ другими инородцами?
А можетъ быть олео „кажи“ давали повелѣніе вообще обо инородцахъ? (В. Шишкова).

Примечаніе

3. Относительно вѣнговъ смѣшанъ нѣсколько словъ. Такъ, въ г. Уфѣ называется мость
черезъ р. Вѣлю, а при немъ перееть — «Ногайский»; близъ города протекаетъ рѣч-
ка — «Ногайка; въ 12 верстахъ отъ города есть село «Ногаево»; есть «Ногайская сто-
ропа», тамъ называется берегъ р. Вѣлой въ виду города. Впоследствии при русскомъ
завладѣствѣ въ Уфимской губерніи или Башкиріи, какъ она называлась въ древности
по имени своимъ обитателямъ, башкиры были раздѣлены, какъ пишетъ Рычковъ,
на 4 дороги, «Сибирскую», «Каванскую», «Осийскую»; по пригородку Ось, и «Ногай-
скую»; Ногайская дорога шла къ степнымъ народамъ. (Топогр. Оренб., част. 1, стр. 87).
Ногаи были пришледи, воевоителѣи башкиръ; тамъ ханъ Тира — Вабуго Клысовъ
завладѣлъ 12 башкирскими волостями, а какои то ханъ Алкаваръ поборилъ не только
башкиръ и самихъ ногаевъ, но даже и многие народы великой татары; самъ же Ал-
каваръ былъ древняго царскаго рода. Этотъ ханъ, почему — то названный султаномъ,
всегдаши старался обезопаситъ и покурить башкиръ; отбиралъ земля, скотъ, дѣтей,
обладалъ тяжелою податью или исаломъ; а впрочемъ (а это и скотоводство были един-
ственныи промыслы башкиръ) за право перейти р. Вѣлюю должны были платитъ по
лишнѣ, себру и куницъ съ каждаго человека. (Топ. Оренб., част. 1, стр. 84). Тяжело
было башкирамъ ногайское время. Вотъ почему впоследствии они тотчасъ отделили
съ русское владѣніе, гдѣ съ перваго раза поступали съ ними великодушнѣе и брали
прѣбранныи данки. (Тамъ-же, стр. 85).

Въ XVI вѣкѣ нѣкоторые князья ногайскіи назывались Уфимскими. Такъ, въ
1505 году, Каванскій ханъ Магметъ — Аминъ послалъ въ Москву для переговоровъ
какого-то князя Уфимскаго къ В. К. Ивану Васильевичу III, о кѣихъ Уфимскихъ
дѣле упоминается въ царствованіи Грознаго, послѣ окончательнаго покоренія и при-
соединенія къ Россіи царствъ Каванскаго. (Крѣпк. т. VI, 366, ч. II прил. 40).

Суда по преданію, бѣство ногаевъ на р. Кубань случилось въ XV вѣкѣ.
Изначально, кто морган принимали участіе въ сраженіи: Казань; Крымъ; таме; въ 1478
г. догаи, поради на востокъ Каванскій Аллея, сына умершаго царя, Ибралима, тогда
какъ въ Крыму и Москвѣ хлопотали о Магметъ — Аминѣ, сынѣ вдовствующей дочери,
Темуръ — Хана, вступающей во 2 бракъ съ Крымскимъ ханомъ Менгли — Гиреємъ. Участъ
Аллея скоро рѣшилась; 18 мая 1489 г. явилось подъ Казань войско Ивана III подъ
начальствомъ князя Холмогана и претендента на Каванскій престолъ Магметъ — Аминъ;
Казань была взята 9 числа; Аллея съ семействомъ переселился въ Володу, гдѣ и умеръ;
въ ораѣ, какъ тогда ихъ хлопотали о его освобожденіи; Магметъ — Аминъ сталъ царемъ
Каванскимъ, но въ сущности въ Каванскомъ царствѣ сталъ дѣлать дѣла двѣдичи
в. к. Иванъ Васильевичъ всея Руси. (Ист. Соловьева, Т. V).

Несомнѣваюсь, и нѣтъ повода, что въ предѣлахъ Уфимскихъ по рр. Камѣ, Вѣ-
лой или Вѣлой — Воложкѣ и Уфѣ, обитали малкіе, но владѣтельные, князья ногайскіе,
покорители, можетъ быть, коренныхъ обитателей — башкиръ, но князья, отдѣлившіеся
отъ ногайской орды, искатели приключеній въ предѣлахъ жившей Уфимской губер-

дн. съ дозволенія Карана, и некто; были: такъ дѣшевизинъ по ян указанію, жившіе подъ милостію и покровомъ царства Казанскаго, какъ-то даники. Для поганскихъ князьковъ, владѣтелей въ предѣлахъ Уфимскихъ, интересы Казани были—особенными интересами, паденіе царства Казанскаго—паденіе собственности ихъ независимости. Памятны были поганямъ вторженіа: русской ратной силы и погромъ въ 1468 году предѣловъ Уфимскихъ. Услыхавъ, что Казани омово не добровольно, что нужно ожидать погрома хуже того, который видѣли обитатели береговъ Вѣлой—Воложки, очень дѣротно, что опасался всего этого и не желая пережить паденіе Казани, по чувству народной гордости и въ силу религіознаго фанатизма: погані ушли отъ русскаго владычества на Кавказъ.

Примѣчаніе 4. Это же событіе записано и такъ: «Въ этомъ году, въ Чердынь шедъ на восходѣтъ Иванъ Михайловичъ Елецкій и Василій Налевошницкій по 1585 году. При нихъ была война въ Чердынь, — приходилъ Пелымскій князь Кыхель, съ 700 челоуѣкъ, съ мурой Сибирскія земли, съ Сылвинскими и Ирэнскими татарами, вогульци, вотани и башкиры и новыя Строгановскія поселенія разорилъ по р. Камѣ и сжегъ много деревень». (Солыкамъ рукопись подъ 1581 г.).

Примѣчаніе 5. Есть еще запись въ отрывкѣ этого же нападенія, которую также приведемъ. Въ этомъ же году «Сибирцы и городъ Чердынь едва не взяли къ у Башкирскія полесадъ пожегоша и взыаха, села разорили и людей многохъ побиша, а побитыя погребены на леску и крестъ поставленъ и едва не вся Чердынь; откуда пойдеша подъ Бай—городокъ и ту велию пакость удивилша; а отрядъ придеша подъ Камгоръ (Камгортъ) и подъ Бергеданъ городки, и оттолъ пойдеша подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвинской и надъ Яйвенской острожки». (Записки изъ древнѣихъ историческихъ записей. В. Шимонко).

Примѣчаніе 6. Въ Сибирскомъ же дѣятели о приходѣ вогульцъ подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвинской острожекъ войною,—сказано: «въ лѣто 1581 июля въ 22 день, злокозненный же дьяволъ, иже исполни нечаядай добрая челоуѣческому роду, неопри злаго и безбожнаго вогульскаго мурзу Веgebела Агтакова съ своимъ съ вогульскимъ и остякинъ собраніемъ, а собранія его 680 челоуѣкъ, и придеша подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвинской острожекъ безбожно, уврадомъ, и ту окрестъ живущихъ села и деревни похлѣпаша, и пожегоша, и въ колоде многохъ людей, мужей и женъ и дѣтей поймаша; но преблагій Богъ не попусти окаяннхъ; Вскрѣсъ надъ ними безбожники, Русскіе вои побѣду учинили изъ городковъ своихъ, и многохъ ту городковъ поймаша и по тѣмъ вѣстиямъ на переходѣхъ многохъ побиша, а многохъ переняша, и мурзу ихъ Веgebела Агтакова взыаха жива. И они безбожники, видя свое изнеоженіе, что Богъ подалъ надъ ними побѣду, государю объ томъ добрымъ челоуѣкомъ и внуку своему привесли, что бмечь ихъ подъ данью государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича вося Русіи и на Русскую землю не приходати войною».

Въ семь 1581 году повореніе Сибири не только проложило путь къ дикимъ племенамъ, но и заставило ихъ платить ясакъ и подчинило Русской державѣ. (Ист. Каранъ. т. IX, стр. 396; Ак. арх. экзеп. т. II, № 75, т. III, № 42 и 78; Акт. ист., т. II, стр. 10, 26, 77, 102; т. V, стр. 87, 166 и 220). По полученіи извѣстія о завоеваніи Сибири, были посланы 10 священниковъ съ семействами для отправления божественной литургіи и распространенія христіанства между инородцами—измѣнниками. (Истор. Каранъ. т. IX; Миллера, истор. Сибири т. I и Лѣтопись Саввы Василья, въ Рукави. Музеѣ).

1582 и 1583 годы.

6 Ноября, отъ царя Иоанна Васильевича, намѣстнику Пермь Великой князю И. М. Елецкому повелѣвалось, собрать съ волостей и съ Камскія—Соли ратныхъ людей до 200 человекъ помогать Строгановымъ и стоять за одинъ, противъ Пелымскаго князя и вогуличъ.

Отъ 20 ноября 1582 года царь Иоаннъ Васильевичъ, въ Пермь Великую, въ Камское—Усолъе, повелѣлъ старостамъ и цѣловальникамъ имѣть береженіе отъ наваденія инородцевъ, — о чемъ дано знать и въ Великую Пермь — Чердынь, 30 декабря, воеводѣ Василію Пелопелицину. (Солнканск. рук. подъ 1582 г.).

Проѣзжалъ изъ Сибири въ царю съ донесеніемъ отъ Ермака Тимофеевича атаманъ Кольцо—битъ челомъ Сибирью. (Сибир. ист. Миллера, гл. 3)

Примечаніе 1. Ср. съ предыдущими годами эти событія. Подъ 1582 г. въ Сибирской лѣт. сказано: «Въ лѣто 1582 г. сентября въ 1 день, на память преподобнаго отца нашего Семіона Столпника, послаша изъ городковъ своихъ Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы, въ Сибирь на Сибирскаго салтана волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимофеева съ товарищи, и съ ними, собравъ изъ городковъ своихъ, ратныхъ людей, литвы, и нѣмецъ, и татаръ и русскихъ людей буйственныхъ и храбрыхъ—предобрыхъ воиновъ триста человекъ, и ихъ съ волскими атаманы и казаки отпустиша вѣстѣ за одинъ, и того ихъ собранія учредиша осемь сотъ чотыредесятъ человекъ буйственныхъ и храбрыхъ; и отпѣвшие соборѣ молебная гнѣна всеидостивоуму въ Троицы славному Богу, и Пречистой Его Богоматери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и святымъ угодникамъ Его, и удоволиша ихъ мздою, и одѣянїи украсиша ихъ и оружіемъ огненнымъ: пушечки и акорострѣльными пищальми семнадцатыми, и запасы многими, и всѣми силами довольно сподобиша ихъ, и вожевъ вѣдущихъ той Сибирскій путь, и толмачевъ бусурманскаго языка имъ даща, и отпустиша ихъ въ Сибирскую землю съ миромъ. Они же атаманы и казаки съ приборными людьми, поидоша съ радостію въ Сибирскую землю на сибирскаго салтана, со учрежденіемъ полковъ на очищеніе Сибирскія земли, очистити мѣсто и отогнати безбожнаго варвара. Атаманы же и казаки идоша по Чусовой рѣкѣ въ верхъ до усть Серебряныя рѣки чотыре дни, и по Серебряной идоша два дни и дойде Сибирскія дороги, и ту городокъ земляной поставиша и назва его Ермаковъ Кокуй—городокъ, и съ того мѣста перевезаеся 25 поприщъ за волокъ, на рѣку рекому Жаравли, и по той рѣкѣ поидоша внизъ и вышедъ на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна.»

«Въ та же времена, девять десятыхъ годовымъ (1582 г.) и въ число днѣви, на память преподобнаго отца нашего Семіона Столпника, злочестивый и безбожный князь Пелымскій ярости многи наполнися, но и какъ зафрострашїемъ обчаты бысть, и умисли злохитрое коварство въ сердци своемъ и начать дѣсть съ лукавствомъ спивати, и бысть ему безбожному ко своей погибели; тогда онъ злочестивый собра вой своя, число же ихъ седмь сотъ человекъ, и подова съ собою буйственныхъ, и храбрыхъ и сильныхъ муръзъ и улановъ сибирскія-жь земли со множествомъ вои; онъ же злы по неволи взя съ собою Сылванскихъ, и Косвинскихъ, Иренскихъ, и Ивинскихъ и Обвинскихъ татаръ, и ояковъ, и вогуличъ, и вотяковъ, и башкирцовъ множество, и приде съ вой своимъ, ярая, на Пермскія городы на Чердынь, и тѣ мѣста по плѣниша и пожгоша, дондеже и къ стѣнамъ града сурово и лѣто зѣдо приближиниася ко граду, едва не взату быдшу. Но всемогий Богъ не допусти окаянныхъ; и вскорѣ отъ того мѣста поидоша подъ Кай городокъ и ту велю пакость учиниша, и оттолѣ

окаяннн прїишоа подъ Камское Усолъе, и ту села и посады пожгоша, и людей поплѣннша; и прїишоа подъ Канкоръ и подъ Кергеданъ городки, а оттолѣ пойдшоа подъ Чусовскіе городки и доу Славинской и Явдвской острожки, и внезапно окаяннн нападоша на Чусовскіе городки, и около ту живущихъ крестьянъ множество постькоша и села ихъ и жилища пожгоша, и немощннми православннхъ прїишаху, и по лому много взыту бышшу. Волжскхъ же атамановъ и казаковъ на бѣ ту въ урочищѣ, гдѣ прїишоа его, окаяннаго и безбожнаго Пелымскаго князя, тѣ же годннн, послала ихъ Семень и Максимъ и Никита въ Сибирскую землю, на Сибирскаго салтана, а оставшнн люди въ городкахъ своихъ отъ окаяннхъ и безбожнхъ татаръ, отъ ихъ злаго притужанн, едва смерти избыша, не силою своею, но Божіею помощію, и оттолѣ многн скорбн и притужанн прїишаху отъ окаяннхъ. Они же Семень и Максимъ и Никита съ мужествомннми зовннми и крѣпкнми людьми, прїишоа себѣ въ помощь, Всеннмогнщаго, въ Троицн славымаго Бога, и Прендствію Его, Богоматерь, и всѣхъ угодннхъ Его, но и паче устремншася и мужественно и еднннмншленно стоуху въ великомъ отъ окаяннхъ притужанн, и бѣхуса крѣпко и мужественно со окаяннми, и много множество отъ обоу странъ падоша; окаяннн же увѣдаху, что русскн вон поидшоа въ ихъ сибирскую землю войнн и того устрнмншася, и тако, Божіею помощію, окаяннн варварн побѣжденн быша, и колотъ русскн у нихъ отягъ бысть; они же безбожнн отойдоша посрамленн, акн псы во своя мѣста. И обн-томъ Пелымскаго князя прїишоу писалъ государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русскн изъ Чердынн воевода Васнлій Пеленецннннн, что Пермскую землю повоевали, села и погоста и посады пожгли, а Семень и Максимъ и Никита Строгановы, его государевнхъ, горѣдомъ не помогли, и людей отъ себя на помощь не послали, и волжскнхъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимофеева съ товарищи не отпустили къ нему на помощь. И о томъ прислана съ Москвы государевъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русскн грамота въ Чусовскн городокъ, за прнннсью дьяка Андрея Щелканова 1582 году ноябра въ 6 день, къ ннмъ, къ Семену и Максиму и Никитѣ Строгановымъ. А въ государевѣ грамотѣ пишеть:

«Отъ цара и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русскн, въ Чусовую, Максиму, Яковлеву сыну, да Микнншѣ, Григорьеву сыну, Строгановымъ. Писалъ къ Намъ изъ Пермн Васнлій Пеленецнннн, что послали вы изъ остроговъ своихъ волжскнхъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи, воевать вотяки, и вогулнчей, и пелымскн и сибирскн мѣста (1582 г.) сентябра въ 1 день; а въ тотъ же день, собрався Пелымскн князь въ сибирскнми людьми и съ вогулнчи, прїишоднн войннн на нашн Пермскн мѣста, и къ городу къ Чердынн къ острогу приступали, наннхъ людей побнли, и многн убытки нашнмъ людямъ чнннли; и то сдѣлалосъ нашемъ ннмѣннн: мы вогулнчѣ, и вотяковъ, и пелымцовъ, отъ нашего жалованья отвали, и ихъ задирали, и войннн на нихъ прїишоднн; да тѣмъ задоромъ съ Сибирскнмъ салтаномъ ссорнн насъ; а волжскнхъ атамановъ, къ себѣ прнзвалъ, воровъ наняли въ свои остроги, безъ нашего указу; а тѣ атаманн и казаки, прѣжъ того ссорнли насъ съ нагайскоу ордоу, пословъ нагайскнхъ на Волгѣ на перевозѣхъ побнвали, и Ардобазарцовъ грабнли и побнвали, и нашнмъ людямъ многн грабежн и убытки чнннлнсь, и ннмъ было нннн свои покрнты тѣмъ, что было нашу пермскую землю оберегати, и они сдѣлали съ нами вѣстѣ потомужѣ, какъ на Волгѣ чнннли и воровали; въ которой день къ Пермн къ Чердынн прїишоднн вогулнчи, сентябра въ 1 день, а въ тотъ же день отъ насъ изъ остроговъ, Ермакъ съ товарищи, пошли воевать вогулнчѣ, и остяковъ, и татаръ, а Пермн нн чѣмъ не пособнли, и то все сталосъ нашнмъ воровствомъ и ннмѣннн, а только бы мы намъ служнли, и вы-бѣ тѣхъ казаковъ въ тѣ поры въ войну не послали, а послали ихъ и своихъ людей изъ своихъ остроговъ нашнн земли Пермскн оберегати. И мы послали въ Пермь Война Аннчкова, а велѣли тѣхъ казаковъ Ермака съ товарищи взывъ, отвести въ Пермь и въ Усолъе Камское, и тутъ ннмъ стоять велѣли рздѣлнся; и изъ тѣхъ мѣстъ на Пелымскаго князя зннннн на нарткахъ ходнть

воевать, да и́ди еси́ тѣмъ всѣмъ казакамъ и пермичамъ и вотячанамъ съ своими посланниками съ Воиномъ съ Аничковымъ да съ Иваномъ съ Глуховымъ, чтобъ впередъ воинскіе люди—палымцы и остяки и вогуличи съ сибирскими людьми—на наши земли войною не пришли, и наши земли не завоевали; а велѣли еси́ тѣмъ казакамъ быти въ Пермь до весны и на остяки и на вогуличи ходити съ Воиномъ воевать, и ихъ въ нашу волю приводить по нашему угаду. А вы-бѣ обмысли въ Чердынь съ Васильемъ съ Пеледидинымъ и съ Воиномъ съ Аничковымъ посылали отъ себя воевать вогуличи и остяковъ, а одиночно-бѣ есте, по сей нашей грамотѣ, казаконъ всѣхъ только къ вамъ изъ войнъ пришли, послали ихъ въ Чердынь тотчасъ, и у себя ихъ не держали; а буде для приходу вамъ въ остроги быти нельзя, и вы-бѣ у себя оставили не многихъ людей человекъ до ста съ которыми атаманомъ, а достальныхъ всѣхъ выслали въ Чердынь одиночно тотчасъ. А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаконъ, атамана Ермака Тимофеева съ товарищи, а учите ихъ держати у себя, и пермскихъ мѣсть не учите оберегати, и такимъ вашимъ извѣномъ, что надъ пермскими мѣстами учинился отъ вогуличъ и отъ палымцовъ и отъ сибирскаго салтана людей впередъ, и намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая. А атамановъ и казаконъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали велики перемѣшали. И вы-бѣ тѣхъ казаконъ одиночно отпустили отъ себя въ Пермь, и нашихъ дѣломъ надъ палымцы, и на вогуличи и на вотяки промышляли по нашему угаду, ссылаясь о томъ съ Васильемъ Пеледидинымъ и съ Воиномъ Аничковымъ, чтобъ даль Богъ ихъ завоевать, и въ нашу волю привести, а пермской земли и вашихъ остроговъ оберечь». Писалъ на Москвѣ лѣта 7091, ноября 16 дня.

У подлинной грамоты приложена восковая черная печать.

Да на оборотѣ подписано такъ:

«Царь и великій князь всея Русси.»

«Дьякъ Андрей Щелкаловъ.»

Примѣчаніе 2. Не считаемъ излишнимъ привести слѣдующее повѣствованіе изъ Сибирской летописи о приходѣ волжскихъ атамановъ и казаконъ, Ермака съ товарищи, на Тавду рѣку въ Сибирской землѣ. Вотъ это повѣствованіе:

«Въ семъ же 1582 г., сентября въ 9 день, на памяти Богоотецъ Іоакимъ и Анны, приидоша войни въ ту сибирскую землю безстрашны, и многие татарскіе городки и улусы поволовали, выигъ по Турѣ и доидоша до Тавды рѣки въ мужество, и на усть той рѣки воинша татаръ. Единъ бѣ отъ нихъ, именемъ Таузакъ, царя двора, и повѣда ихъ все поряду, про сибирскихъ царей, и князей, и мурзь и улановъ, и про дѣря Кучуму, они же увѣдаше отъ него о всемъ достоверно, и отпустиша его, да скажетъ Кучуму салтану пришествіе ихъ, и мужество и храбрость. И отъ него же Таузакъ слышавъ бысть царю Кучуму пришествіе русскихъ воиновъ, и ихъ мужество и храбрость, и повѣдана ему сице: такови бо суть русти воины сильни, егда стрѣляють изъ луковъ своихъ, тогда огонь пышетъ и дымъ великій исходить и громко голкнетъ, аки громъ на небеси, а стрѣль исходящихъ отъ нихъ не видѣти, узавляють ранами и смертию побивають, а уцѣлится отъ нея никакия ратными зорубами невозможно: кугали, (желѣзныя пластинки, прикрѣпленныя заклепками къ кожѣ и бархату) и бетерыи (четвероугольная чешуа на панцирѣ), и пансиры и кольчуги наши не держати, все пробивають на вылетъ.—Царь же Кучумъ о семъ оскорбися и опечалися весьма зѣло, и паки въ недоумѣніи многѣ бысть, и посылаетъ во всю свою державу, по градомъ и по улусамъ, дабы къ нему ѣхали въ градъ на спомоганіе противу русскихъ сильныхъ вой ополчятся; въ малѣ-же времени собрался къ нему множество вой его, князи, и мурзы, и уланове, и татары, и остяки, и вогуличи и прочая замыцы подъ его властью вси.»

Примѣчаніе 3. Г. Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи, т. VI, стр. 428 и 429, указывая на приведенную нами грамоту, въ 7 прилѣч. этого года, говоритъ что выраженіе «Фм (стрѣляющіе), вогуличей, вотяковъ и палымцевъ отъ нашего именованья, отвелди, ихъ задаравъ, войною на нихъ

приходили — никакъ не могутъ относиться къ знаменитому походу Ермака на Сибирь 1-го сентября 1581 года; не могутъ относиться уже грамматически, по многократнымъ формамъ; не могутъ относиться и потому, что извѣстіе о призывѣ Ермака помѣщено послѣ, безъ связи съ прежними нападеніями Строгановыхъ на вогуличи, вотяковъ и пелымцевъ; наконецъ Ермакъ своимъ послѣднимъ походомъ не могъ возбудить пелымскаго князя, который не зналъ объ этомъ походѣ, а когда узналъ, то ушелъ назадъ; слѣдовательно, прежде послы Ермака 1-го сентября 1581 года (Строгановы уже пользовались царскою грамотою и предпринимали наступательныя движенія на Сибирскихъ народцевъ. Царь обнаруживаетъ неудовольствіе, зачѣмъ Строгановы призвали къ себѣ волжскихъ козаковъ безъ его указу; но это неудовольствіе выражено не сильно; да и гнѣвъ царскій на козаковъ за ихъ прежнія дѣла на Волгѣ выраженъ также не сильно; непосредственно слѣдуютъ слова, въ которыхъ выражается, что козаки совершенно покрыли бы свою вину, еслибъ защищали Перскую землю отъ Сибирскихъ дикарей, и сейчасъ слѣдуютъ распоряженія объ употребленіи козаковъ для этой защиты, причѣмъ и Строгановымъ позволено удерживать часть ихъ въ своихъ острожкахъ. Царь выражаетъ гнѣвъ свой не за то, слѣдовательно, что Строгановы призвали волжскихъ охочихъ козаковъ, и не за то, что послали ихъ за Уральскія горы, но что имѣли полное право по прежней грамотѣ; онъ сердится за то, что они предпочли, по его мнѣнію, свои выгоды — выгодамъ царскимъ: нападеніями раздражали дикарей, и въ то время, какъ эти дикари напали на Перскую землю и на владѣнія Строгановыхъ, у послѣднихъ не оказалось средствъ для защиты своихъ земель и для помощи царскимъ воеводамъ, потому что войско, необходимое для защиты, они отослали для завоеваній въ Сибирь; царь грозитъ Строгановымъ большою опалю только въ томъ случаѣ, когда они будутъ продолжать подобное поведеніе, продолжать заботиться только о своихъ выгодахъ, грозить перевѣшать козаковъ только въ томъ случаѣ, когда они будутъ предпочитать службу частнымъ людямъ — службѣ царской, слушать Строгановыхъ и служить имъ, а царскую землю выдавать.

Отправленный царемъ Оничковъ не могъ исполнить его приказаній: Ермакъ съ товарищами не возвратился къ Строгановымъ изъ своего похода. Четыре дня шелъ онъ вверхъ по Чусовой до устья рѣки Серебряной; по Серебряной плыли два дня до Сибирской дороги; здѣсь высадились и поставили земляной городокъ, назвавши его Ермаковымъ Кокуемъ — городкомъ; съ этого мѣста шли волокомъ до рѣки Жаровли; Жаровлю выплыли въ Туру, гдѣ и начиналась Сибирская страна. Плыва внизъ по Турѣ, козаки повоювали много татарскихъ городковъ и улусовъ; на рѣкѣ Тавдѣ схватили нѣсколько татаръ, и въ томъ числѣ одного изъ жившихъ при Кучумѣ, именемъ Таузака, который рассказалъ козакамъ подробно о своемъ салтанѣ и его приближенныхъ. Ермакъ отпустилъ этого плѣнника къ Кочуму, чтобъ онъ рассказами своими о казакахъ настрашалъ хана. Таузакъ, по словамъ летописца, такъ приведеннаго нами въ преддущемъ примѣчаніи, передалъ все нужное. Рассказы его нагнали печаль на хана и раздумье; онъ собралъ войско, выслалъ съ нимъ родственника своего Маметкула встрѣтить русскихъ, а самъ укрѣпился подлѣ рѣки Иртыша, подъ горою Чувашью. Маметкулъ встрѣтилъ Ермака на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасынъ, и былъ разбитъ: ружье восторжествовало надъ лукомъ. — Далѣе мы не касаемся исторіи этого дѣла. Мы привели одно лишь свидѣтельство извѣстнаго нашего исторіографа, относительно, бывшихъ въ этомъ году опустошеній Строгановскихъ поселеній въ Перской землѣ отъ инородцевъ.

1583 годъ.

Отправлены водою въ Сибирь съ атаманомъ Иваномъ Кольцо и воеводой княземъ Семеномъ Дмитриевичемъ Болковскимъ и его товарищемъ

Иваномъ Глуховымъ, въ семь 1583 году, 500 человекъ, для усиленія дружины Ермака Тимофеевича.—Дружина шла на судахъ водои по рѣкамъ: Волгѣ, Камѣ и Чусовой. Короча: тѣмъ же путемъ, которымъ шелъ и Ермакъ, но съ тѣмъ лишь различіемъ, что Кольцо въ обратный путь не останавливался съ дружиною на Тагильскомъ волоку и не зимовалъ, и осецаю 2-го ноября 1584 года, прибылъ въ Сибирь.

Примѣчаніе. Представилъ по этому дѣлу грамоту Іоаннъ IV, датую Стрелецкимъ 7-го января 1584 года.

„Отъ дара и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии, Семену, Оникіеву сыну, да Макошу, Яковлеву сыну, да Никитѣ, Григорьеву сыну, Стрелецкимъ, по нашему указу велико было у васъ вѣсти: съ острогомъ нашихъ князь Семену Дмитриевичу Волховскому на нашу службу, въ сибирской динной походѣ 50 человекъ на коняхъ; и нѣдѣ намъ слухъ дошелъ, что въ Сибирь зашились путемъ за коняхъ пройтять не мочно, и мы князь Семену ямтѣ изъ Перми зашились: путемъ въ Сибирь до весны до полна воды ходятъ еси не вѣдали, и ратники людей, по нашему нашему указу, 50 человекъ конныхъ, двати ерия у васъ не вѣдали, а за веснѣ еси князь Семену идучи въ Сибирь вѣсть у васъ подъ нашу рать и подъ завасы 15 струговъ, со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые-бъ струги подыали до 20 человекъ съ запасомъ, а людей ратныхъ и подподъ и проводниковъ князь еси у васъ не вѣдали, нобыды еси, идучи въ Сибирь, нашихъ людей и протьящихъ никакихъ чинитъ не вѣдали. И какъ къ вамъ наша грамота придетъ и вы-бъ тотъ-часъ вѣдали къ веснѣ, по князь Семенову прїѣзду Волховскому, приготовить подъ нашу рать и подъ завасы 15 струговъ добрыхъ со струговымъ запасомъ, которые-бъ подыали до 20 человекъ съ запасомъ, да какъ на веснѣ, съ нашей ратью и съ запасомъ, князь Семень Волховскій, или головы Иванъ Киреевъ, да Иванъ Глуховъ въ Сибирь пойдутъ, и вы-бъ тотъ-часъ тѣ суди, со всѣмъ судовымъ запасомъ, дали подъ нашу рать, и подъ завасы князь Семену Волховскому, или головамъ Ивану Кирееву, да Ивану Глухову, что за тѣми струги въ нашихъ острогахъ и часу не кашкаете; а не дадутъ судены подъ наши ратные люди вскорѣ, со всѣмъ судовымъ запасомъ тотъ-часъ, а нашему дѣлу учинитен шоруха, и какъ отъ насъ быти въ великой опадѣ“. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7092, января въ 7 день.

Царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ отдалъ пермичамъ пермские денежныя доходы, дань и оброгъ, и присудилъ; и тамошния и кабацкія деньги — и шермичи, тѣми доходами отпускали всякіе сибирскіе отпуска.

Въ Краткой Сибирской лѣтописи (Бунгурской) подъ этимъ годомъ говорится: „ст. 91. (1583) году, ноября въ 21 день, послалъ Ермакъ къ Москвѣ царевича Маметкула и собранной ясаць. И привезоша его ко царю Ѳеодору Ивановичю. И по цареву повелѣнію, были ему стрѣча, и на прїѣздъ пожалованъ и служилые всѣ, велию честію прїялъ и жаловачье и похвалу“.

„Ст. 92. Того жъ 91 (1583), мая съ 3 числа, посланы воеводы съ Москвы къ Ермаку, по указу великаго государя царя Ивана Васильевича князь Семень Волховской да Иванъ Глухой съ 500 человекъ, Волгою чрезъ волокъ. Егда жъ доѣхаша до Сибири, ноября въ 1 день, зимъ же пришедши и гладу велию принаду, яко понудитися и тѣла человѣческіе ясти, и отъ гладу мнози изморота и воеводы. Веснѣ жъ приспѣвше, татара и остяки отъ новинъ своихъ рыбы и овощи и запасы принесоша, и казаки отъ гладу наситишася“.

1584 годъ.

Въ семь году 18 марта умеръ царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Примѣчаніе. Скажемъ о Грозномъ нѣсколько словъ. Въ началѣ 1584 года обнаружилась въ Грозномъ страшная болѣзнь: гниеніе внутри, опухоль снаружи. Говорятъ, что больной распорядился судьбою царства, ласково обращался къ боярамъ, убѣждалъ сына Федора царствовать благочестиво, съ любовію и милостію, набѣгать войны съ христіанскими государствами; завѣщалъ уменьшеніе налоговъ, освобожденіе заключенныхъ и плѣнныхъ; къ приближеннымъ звалъ все убійнаго сына Ивана. Говорятъ также, что испорченная природа до конца не переставала выставлять себѣ требованій..... Смертный ударъ засылъ Іоаннъ, какъ сказано уже 18 марта, когда, почувствовавъ облегченіе, онъ собирался играть съ шахи. Надъ полуумершимъ совершили обрядъ постриженія, назвали его Іоаномъ.

Грозный сознавалъ ясно высоту своего положенія, свои права, которыя belongъ тѣмъ раннико; но онъ не созналъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, права быть верховнымъ воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣеть привычка воспитанна, человека вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣеть дѣла словъ и дѣла его. Права народа были суровы, привыкли къ нѣрамъ жестокихъ и кровавыхъ; надобно было отучать отъ этого; но что сдѣлалъ Іоаннъ? Чего имѣлъ влече и крови, онъ не созналъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и мира; или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣлѣнія, онъ усалилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, косякамъ и плахамъ; онъ сдѣлалъ страшныя ссызаны и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убійство младшаго въ Угличѣ, самоубійство, ужасы смутнаго времени! Не произнесеть историкъ слова оправданія такому человеку; онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, взглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ страшными чертами мучителя, подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы.... Выросъ Грозный. Онъ былъ очень высокаго роста, хорошо сложена, съ высокими плечами, широкимъ грудью; по нескрапнымъ свидѣтельствамъ, онъ былъ нехола, а по Русскимъ—сухощавъ; глаза у него были маленькіе и живые, носъ выпуклый, уши длинныя. Привычки, приобретенныя имъ во старую половину жизни, дали лицу его выраженіе; невольное выраженіе, хотя смѣхъ безпрестанно выходилъ изъ устъ его. Онъ имѣлъ обширную память, обнаруживалъ большую дѣятельность; самъ рассматривалъ всѣ просьбы; вслѣдствію можно было обращаться прямо къ нему съ жалобами на областныхъ правителей. Подобно отцу, любилъ монастырскую жизнь; но, по живости природы своей, не довольствовался однимъ посѣщеніемъ монастырей, созерцаніемъ таиннаго быта; въ Александровской слободѣ завелъ монастырскіе обычаи, самъ былъ игуменомъ, свирѣпымъ братію. По русскимъ и иностраннымъ свидѣтельствамъ, въ первую половину жизни Іоаннъ мало занимался охотою, посвящая все свое время дѣламъ правленія, когда Ваторій, по окончаніи войны, прислалъ просить у царя красныхъ кречетовъ, то Іоаннъ велѣлъ ему откликаться, что послалъ за ними на Двину и Поморье нарочно; были у царя кречеты добрыя, да назывались, дажно уже онъ мало охотится, потому что пришли на него кручныя болѣзни. Ваторій, въ благодарности за кречетовъ, спрашивалъ, какія вещи особенно любитъ царь, чтобъ прислать ихъ ему; Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ охотникъ до армаковъ, до жеребцовъ добрыхъ, до шапокъ хорошихъ жадѣющихъ съ медомъ, свиной рѣчичѣхъ, чтобъ были добры, цѣльны и легки. (Сол. Ист. Рос. т. VI).

31 мая сего 1584 года Федоръ Ивановичъ вѣнчался на царство по прежнимъ обычаямъ (С. г. г. и д. II, № 51); митрополитъ Діонисій говорилъ, по-

уданіе: увѣщивалъ царя имѣть вѣру во святыхъ церквахъ и честныхъ монастыряхъ, ему, митрополиту, и всѣмъ своимъ богомольцамъ повиноваться, ибо честь воздающаяся святителю къ самому Христу восходитъ; братью свою по плоти любить и почитать; бояръ и вельможъ жаловать и беречь, по ихъ отечеству, и во всѣхъ князьямъ и княжатамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и во всему воинству, быть приступну, милостиву и привѣтну; всѣхъ православныхъ христіанъ блести, жаловать и попеченіе о нихъ имѣть отъ всего сердца, за обидимыхъ стоять царски и мужески, не давать обижать не по суду и не по правдѣ; языка льстиваго и слуха суетнаго не принимать, оболгателя не слушать и злымъ людямъ вѣри не давать; быть любомудру или мудрымъ послѣдовать, потому что на нихъ, какъ на престолѣ, Богъ почиваетъ; раздавать саны безвозмездно, ибо купившій власть мздоимецъ бываетъ и проч. (Истор. Рос. Соловьевъ. Т. VII).

Примечаніе 1. Представимъ образъ царя Федора Ивановича, какъ онъ начертанъ современниками.

Федоръ былъ небольшого роста, приземистъ, опухлъ; носъ у него ястребинный походка нетвердая; онъ тяжелъ и недѣтеленъ, но всегда улыбается. Онъ прость слабоуменъ, но очень ласковъ, тихъ, милостивъ и чрезвычайно набоженъ. Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, приходитъ къ нему отецъ духовный съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. Затѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святаго, празднуемаго въ тотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа. Входитъ опять священникъ со святою водою, кропать ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить, хорошо ли она почивала? и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь въ заутреню, продолжавшейся около часу. Возвративъ изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являются на поклонъ бояре, находящіеся въ особенной милости. Около девяти часовъ царь идетъ къ обѣднѣ, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы, обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется въ баню или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха идетъ къ вечернѣ и, возвратясь, отсюда большею частію проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и карлы мужескаго и женскаго пола, которые кувыркаются и поютъ пѣсни: это самая любимая его забава; другая забава—бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какую-нибудь изъ ближнихъ монастырей. Если кто на выходѣ бьетъ ему челомъ, то онъ, избывая мірской суеты и докучи, отсылаетъ челоботчика къ большому боярину Годунову.

Объ этомъ большомъ бояринѣ современники говорятъ, что онъ цвѣлъ благолѣпиемъ, видомъ и умомъ всѣхъ людей превзошелъ; мужъ чудный и сладкорѣчивый, много устроилъ онъ въ Русскомъ государствѣ достохвальныхъ вещей, ненавидѣлъ издѣиство, старался искоренять разбой, воровства, корчемства, но не могъ искоренить; былъ онъ свѣтлодушенъ и милостивъ и нищелюбивъ; но въ военномъ дѣлѣ былъ неискусенъ. Цвѣлъ онъ какъ финикъ листьями добродѣтели, и еслибы тернъ завистой злобы не помрачалъ цвѣта его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться. Отъ клеветниковъ извѣтъ на невинныхъ въ ярости суетно принималъ, и поэтому навелъ на себя негодованіе чиновачальниковъ всей Русской земли: отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцѣтующую царства его красоту внезапно низложили. (Флетчеръ, гл. 26; Морозовъ. лѣт.; хронографъ Карамзинскій № 2 въ археолог. ком.; Соловьевъ. Ист. Рос. т. VII).

Примечаніе 2. Скажемъ о тѣхъ временахъ нѣскольکو словъ. По смерти Ивана IV, при дворѣ оставались двѣ партіи: одна, къ которой принадлежали Годуновъ, князя Шуйскіе и нѣкоторые другіе, хотѣла видѣть на престолѣ того, кому завѣщала скипетръ грѣшнй, Федора; другая напротивъ, къ которой принадлежали Нагйе и Вѣльскій, защищали права младенца Дмитрія, послѣднаго удѣльнаго князя. Эта партія попыталась было, въ слѣдъ за смертью царя Ивана, взять перевѣсъ надъ соперниками при помощи насилія, но проиграла свое дѣло, и, вмѣстѣ съ царевичемъ, принуждена была удалиться въ его удѣль, Угличъ. Вѣльскій, оставшись въ Москвѣ, думалъ въ послѣдній разъ возвратить потерянное при помощи стрѣльцовъ, но, обманутый въ своемъ стремленіи, долженъ былъ поплатиться за свое предпріятіе ссылкой. — Сторонники Федора съ своей стороны не могли тѣмъ ограничиться и должны были идти до конца: къ тому побуждало ихъ чувство самоохраненія. Вдали отъ Москвы, въ Угличѣ, росъ подъ вліяніемъ Нагихъ, ихъ будущій непримиримый врагъ, царевичъ Дмитрій: сторонникамъ Федора необходимо было отъ него отдѣлаться навсегда, и невинный младенецъ (въ 1591 г.) погибъ подъ ножемъ убійцы, унесши съ собой въ могилу лучшія надежды Нагихъ (Соловьевъ. Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Федора Ивановича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ. Соврем. 1848 г. № 1).

По удаленіи царевича Дмитрія и Нагихъ въ почетную ссылку, у ступеней трона, на первомъ планѣ, — оставались князя Шуйскіе и Годуновъ. — Шуйскіе, вѣрныя отеческому преданію, хотѣли быть при царѣ первостепенными боярами, т. е. первыми думцами, но Годуновъ..... къ тому ли стремился онъ? Нисколько! Съ давнихъ поръ всѣ дѣйствія этого честолюбца показывали, что у него было на умѣ другое, тѣмъ болѣе, что всѣ обстоятельства исполнѣ ему благопріятствовали.

Борисъ Федоровичъ Годуновъ, потомокъ Мураи Чета, выѣхавшаго въ Русь въ 1329 году (Арх. III. Отд. I. № 2), въ раннемъ возрастѣ съ семилѣтней сестрой своей Ириной, взявъ былъ ко двору царемъ Иваномъ IV и съ тѣхъ поръ былъ при немъ неотлучно (Ак. арх. эксп. II. № 7). Впослѣдствіи времени, женившись на дочери Малюты Скуратова — Вѣльскаго, извѣстнаго опричника въ третью четверть царствованія Грознаго, Годуновъ сдѣлался любимцемъ Ивана. — Еще не имѣя никакого важнаго сана, Борисъ былъ въ 1570 году рындюю вмѣстѣ съ Сажакомъ (Др. р. вѣст. 2 изд. XIII, 418), а въ 1571 году на третьей свадьбѣ Ивана съ Марсеей Собакиной дружкой парницы, а жена его Марья Григорьевна свакою (тамъ же: 87). Вскорѣ достигъ онъ первыхъ степеней на лѣствицѣ служебной и Грозный быстро велъ своего любимца отъ почести къ почести (Симб. сбор. passim.) Въ 1582 году, когда Грозный въ ярости безумной посягнувъ на жизнь сына, «Борисъ Федоровичъ», гласить дѣтописецъ: дернулъ «внити во внутренніе кровы царевы дросити отъ уязвленія благовѣрнаго царевича Іоанна», (Кар. IX, пр. 611, Латух. ст. кн.), и вытерпѣлъ отъ дара добон и раны за свою просьбу (Тамъ же). — Раскаившись глубоко въ убійствѣ сына, Грозный еще болѣе полюбилъ Годунова (Тамъ же). — Когда Ирина сдѣлалась супругою царевича Федора, братъ ея еще ближе сталъ къ царскому семейству. — Чувствуя приближеніе смерти, Грозный, именуя Бориса сыномъ, отдалъ ему на руки самого царевича; мало того: Годуновъ, одинъ изъ всѣхъ царедворцевъ присутствовалъ при исповѣди царской. Во время Федорова вѣнчанія на царство, Борисъ несъ за духовникомъ государевымъ изъ дворца въ Успенскій соборъ скипетръ (Сбор. госуд. гр. и Доп. II, № 51); во время литургіи, какъ ближайшій вельможа, стоялъ онъ по правую сторону государя, выше самого Никиты Романовича, теряншагося въ толгѣ другихъ сановниковъ (Кар. X, стр. 17); одновременно съ тѣмъ Ирина, окруженная боярынями, сидѣла въ коронѣ у раствореннаго окна своей палаты, внимая восклицаніямъ народа, гремѣвшимаго ей въ честь: «да здравствуетъ царца!» (Тамъ же: пр. 19; Горсей въ Гаконте 527). Послѣ царскаго вѣнчанія, шуринъ Федора получилъ титулъ конюшаго, близкаго боярина, намѣстника двухъ царствъ, казанскаго и астраханскаго (Тамъ же: пр. 24). — По смерти Никиты Романовича, случившейся въ самый годъ вступленія на престолъ Федора, Годуновъ долженъ

былъ стать ближе всѣхъ къ царю по свойству съ Ириною, для которой, по всей вѣроятности по распоряженію брата, учрежденъ былъ цѣлый полкъ особенныхъ тѣлохранителей, отъ имени которой прощали, жаловали, утѣшали народъ. При царѣ Федорѣ, царѣ постникѣ и молчальникѣ, современники не иначе называли Бориса, какъ правителемъ (Объ истор. знач. царствованія Бориса Годунова. Павлова. 1863 года, стр. 37—40).

Еслибъ шуринъ царскій, будучи еще правителемъ, успѣлъ скрыть свои притязанія на государственную власть и хотя на время подчиниться думѣ боярской, совѣту первостепенныхъ родителей, то, безъ всякаго сомнѣнія, не могъ-бы встрѣтить одобренія со стороны именитыхъ сановниковъ, которыхъ главною цѣлью было сдѣлаться думцами въ настоящемъ древнемъ значеніи этого слова.—Годуновъ, расчетливый во всемъ, понималъ это и думалъ видимою внѣшностью скрыть цѣль своихъ стремленій. Такъ, онъ садился на четвергомъ мѣстѣ въ думѣ, часто допускалъ не приглашать себя на званые царскіе обѣды въ то время, когда другіе сановники являлись туда по особому приглашенію (Кар. т. X, ст. 72). Не смотря однакожъ на эту хитрую предосторожность, основанную на тонкомъ знаніи суетнаго характера бояръ, Борисъ однакожъ не могъ не обнаружить истиннаго смысла своихъ дѣйствій. Всѣ родичи видѣли очень ясно, что онъ, подъ именемъ Федора, хочетъ быть вторымъ Грознымъ, только при помощи иныхъ средствъ: не путемъ казней, но одного благоразумія; сознавали, что «нравднй правитель» живетъ иными понятіями; а потому борьба запоздалыхъ боярскихъ притязаній съ началомъ государственныхъ была неминуема.—Кому же было начать ее, какъ не князьмъ Шуйскимъ, всегдашнимъ защитникамъ старыми отжившей, стоящимъ, послѣ Годунова, ближе всѣхъ у трона; но Шуйскіе проиграли однакожъ свое дѣло, пали, и вмѣстѣ съ собою погубили своихъ приверженцевъ (Карам. и Соловьевъ. Совр. за 1848 г. № 2). Печальная участь Шуйскихъ утратила бояръ: знатные родичи отказались повидному отъ своихъ притязаній, покорились судьбѣ своей. Но Борисъ, будучи самъ какъ нельзя болѣе омыттымъ, отлично понималъ, что это одна внѣшность, личина, а потому былъ на сторожѣ. Онъ, исключая бояръ, встрѣтилъ недоброежелательство въ духовенствѣ, послѣ созваннаго собора царемъ Федоромъ, іюля 20, 1584 года, по мысли его-же, на которомъ, во всемъ объемѣ, подтверждена была грамота Грознаго отъ 15 января 1580 г. и постановлено сверхъ того, въ видѣ временной мѣры, чтобъ тарханамъ болѣе не было, и чтобъ всѣ, жившіе на земляхъ церквей, бывшіе прежде свободными отъ взноса податей, платили ихъ съ 1 сентября 1585 года; чтобъ монастыри не держали за собою во вкладчикахъ торговыхъ людей, считавшихся податными (Собр. госуд. грам. и доп. I, 592—595). Духовенству, сверхъ того, казалось тягостнымъ ставить на войну людей ратныхъ: Борисъ зналъ это, но нисколько не думалъ объ отиѣнн этой ихъ обязанности, ибо того требовали выгоды государственныя. (Объ историч. значеніи царствованія Бориса Годунова. Павлова).

Изъ семъ году окончилъ жизнь свою Ермакъ Тимофеевъ.

Примечаніе. Минлеръ и Фишеръ, слѣдуя Тобольской лѣтописи, говорятъ (Мин. Истор. Сибир. гл. III, § 64; Фин. кн. I, отд. II, стр. 160), что Ермакъ, убитый отъ казаковъ на вою татаръ, утонулъ; но такое событіе несообразно съ геройскими подвигами Ермака. Вѣроятнѣе всего, по замѣчанію Сибирской лѣтописи и друг. свидѣтельствъ по этому же дѣлу, Ермакъ окончилъ свою жизнь со славомъ на полѣ битвы и затѣмъ быть можетъ, по смерти его, уже брошенъ татарами въ Тоболь. Ермакъ, по единогласному сказанію всѣхъ сибирскихъ лѣтописцевъ, скончался въ ночь съ 5-го на 6-е августа 1584 года. Тобольская лѣтопись, при повѣствованіи о смерти Ермака, выхваляется какъ душевныя его качества, такъ и самый наружный его видъ. По словамъ енисейской лѣтописи „Ермакъ Тимофеевъ былъ средняго роста, крѣпкокъ членами и широкъ въ плечахъ, лице имѣлъ плоское и пригоже, бороду черную, волосы также черные и нѣсколько кудреватые».

Въ Краткой Сибирской лѣтописи (Кунгурской) подъ 1584 годомъ сказано: „ст. 105. 92 году (1584), августа въ 6 день, въ полуночи, нападе на Ермака съ дружиною Кучюмъ со множествомъ вон, яко сля безъ опасенія; часть приде смертнѣи и побѣди ихъ, точию единъ казакъ утече во градъ и возвѣстивъ бывшимъ“.

„Ст. 106. Ермакъ же, видя своихъ убіеніе и помощи ни откуду животу своему, бѣжа въ стругъ свой и не може свочити: бѣ одѣянъ двѣма царскими пансыри; стругъ же отплы отъ берега и не дошеде утопѣ, мѣсяца августа въ 6 день. Егда же приешше прочіе казаки во градъ вѣсть, горько плакашеся объ немъ: бѣ бо велми мужьственъ и разуменъ и человекъ и зраченъ и всякой мудрости доведенъ, плосколицъ, чернъ бородою и власы приудрявъ, возрастъ средней, и плоскъ, плечистъ“.

„Ст. 107. Видѣвши оставшіе казаки, яко наставника своего и съ дружиною убіенныхъ, плакаше въ разлученіи. Осташася всѣхъ 150 человекъ, и противъ бусурманскихъ силъ стоять небымъ, а живяше помрутъ голодомъ, сѣдоша въ струги своя, августа въ 15 днѣ, и погребоша внизъ по Обѣ и съ воеводою и по Иртышу и по Собѣ и чрезъ Камень приидоша въ Русь на свои жилища; градъ же оставша пустъ“.

„Ст. 108. И видѣвъ се Кучюмовъ сынъ Алей, кочюя Абутиновыхъ городки. Оставль же казаки градъ пустъ, пришедъ вселися во градъ Кашлыкъ съ вои своими. Услышавше про се Сейдякъ князь, Бекбулатовъ сынъ, яко Ермакъ убіенъ на переконѣ своей и прочіи бѣжаше въ Русь, а сынъ Кучюмовъ Алей градъ засѣлъ, собрався съ домашними вои, и пришедъ во градъ и побѣдивъ Алея и войство его, и кровь отца своего Бекбулата отмстилъ, и приемъ отчину отцову и пребываше во градѣ“.

„Ст. 109. Ермаку отъ утопленія, августа въ 13 день, всплывшу, и принесе его Иртышною водою подъ Еланчинскіе юрты къ берегу. Татарину жъ Якышу, Бѣгшеву внуку, ловящу рыбу и наживляющу переметъ, и видѣвъ у берега шатающесь человѣческіе ноги и накинувъ петлю переметною веревку за ноги, извлече на берегъ и видя одѣяна пансыри и разумѣвъ не просту быти, а знающе, яко казацы утопоша мнози, и тече на гору въ юрты возвѣстивъ жителемъ, и созва всѣхъ вскорѣ, да видятъ бывшее“.

„Ст. 110. Уразумѣ вси по нахсыремъ, яко Ермакъ, и знающе, что государь прислалъ ему 2 пансыря и каковы видѣша. Когда жъ начаша снимать Кайдаулъ мурза съ него, тогда поиде кровь изъ рта и изъ носа, что изъ жива человекъ. Зря же Кайдаулъ, понеже старъ, теченіе крови живой не замерло, и разумѣвъ, что человекъ живой, и положиша его нага на лабазъ, и послаша пословъ во окресные городки да снудутся видѣти нетлѣннаго Ермака, точащаго кровь живу, и отдаде, ругался, на отмщеніе своей крови. И о семъ диво да разумѣють христіанского Бога и пребывающаго во вѣки прославляющаго Бога“.

„Ст. 111. Егда же начаша сходити, по завѣту всѣхъ, аще кто приидеть да воззритъ стрѣлу въ мертвое Ермаково тѣло. Егда же узрѣша, кровь свѣжа

точаше. Птицы же облеташе, не смѣя прикоснуться ему. И лежаше на ябазѣ 6 недѣль, ноября по 1 день, донележе отъ конецъ приидоша Кучюмъ съ мурзами и Бондинскіе и Обдаринскіе князи, и унмоша стрѣлы свои и вровь его течаше яко мѣзъ живаго, и многимъ являся въ видѣніи бусурманомъ и самому Сейдяку царю, да погребутъ. Ови жъ отъ него рѣшишася ума и именемъ его и доднѣсь божатся и кленутся. И тако чуденъ и страшенъ, егда глаголати имъ и въ поустехъ между собою безъ слезъ не пробудуть“.

„Ст. 112. И нарекоша его богомъ, и погребоща по своему закону на Башловскомъ кладбищѣ подъ будрявую сосну, и навсыри его раздѣлиша на двое, одинъ отдаша въ прикладъ бѣлогорскому шайтану, и той князь Алачъ взялъ, той бо во всѣхъ городахъ славенъ; 2-й отдаша Чайдаулу мурзѣ закайдамѣ (?) его; кафтанъ же взятъ Сейдякъ царь; поясъ же и съ саблею даща Карауль; и собраша обыкомъ на поминки 30 быковъ, 3-хъ барановъ и учиниша жречіе, по своему извѣчаю поминающе, рѣша: аще ли жива, ты учинили бы себѣ царя, и се видимъ ты мертва и безпамятна рускаго князя“.

„Ст. 113. Бѣ бо отъ Ермакова тѣла и отъ платья чудотвореніе: болѣзненнымъ исцѣленіе, родительницею и младенцемъ на отгнаніе недугомъ, на войнѣ и въ промислахъ удача. Се же видя обыаи и мурвы, что законъ ихъ свершенъ и престаеть чудотвореніе, запретива всѣмъ отъ мала и до велика не помянать имя Ермаково, да задитца честь и слава, и могила его не явлена будетъ. Бѣ же видитца бусурманомъ и доднѣсь во вселенскіе субботы огненной столпъ до небеси, а по простымъ свѣща велиа горяща надъ главою. Се же Богъ своихъ проявляетъ“.

1585 годъ.

Въ семь 1585 году, по приговорной грамотѣ Казанскаго воеводы князя Булгакова, вятчане, пермичи и другіе торговые люди, пріѣзжавшіе въ Казань съ товарами—солью и рыбою и пристававшіе подъ Илантьевымъ монастыремъ, обязаны были платить монастырю пошлины. (Акты археогр. энци., т. I, № 328).

1586 годъ.

По смерти епископа Варлаама I назначенъ епископомъ вологодскимъ и велико-перскимъ игумень Троицкаго Болдина монастыря, что въ 15-ти верстахъ отъ города Дорогобужа, близъ рѣчки Болдины, *Антоній*, въ 1586 году октября 11, „многаго ради добродѣтельнаго житія его“. По смерти епископа Антоній причисленъ къ лику святыхъ.

Примѣчаніе. Въ рукописи, подъ названіемъ: „Житія вологодскихъ чудотворцевъ“, находится „Житіе, иже во святыхъ, отца нашего Антонія, епископа Вологодскаго и Велико-Пермскаго“,—которое мы приводимъ буквально. Въ рукописи сказано: «Сей святой чудотворецъ, великій святитель Антоній, епископъ Вологодскій Великоперскій, прежде игу-»

меномъ бысть обители Живоначальныя Троицы, ея же созда преподобный Герасимъ чудотворецъ, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, въ Болдинѣ монастырѣ; его же святыя мощи туто и лежать“.

„Сей же святой Антоній, многога ради добродѣтельнаго его житія, изъ Володина монастыря, избранъ бысть на епископство и поставленъ бысть во епископы на Володуду въ лѣто 7094 (1586), иже и преставися во епископствѣ на Вологдѣ въ лѣто 7096, октомврія въ 26 день, на память святаго великомученика Димитрія Селунскаго. А епископства его бысть два лѣта и двѣ недѣли. А егда нача изнемогати, и тако седмицу на своихъ святительскихъ ногахъ всю ходилъ по вся дни къ божественному пѣнію въ соборѣ, во святѣй Софїи премудрости Слова Божїа и къ Великому Іоанну Предтечи Усѣяновенїа честныя его главы, иже отъ него самого святителя Антонїа свѣщена бысть въ лѣто 7096, октомврія въ 1-й день, на покровъ Пресвятыя Богородицы. А соборная церковь Софїи премудрости Слова Божїа, при святителѣ Антонїи еще не свѣщена бысть. И тако святой святитель Антоній епископъ зѣланъ изнеможе скончавъ седмицу; и въ субботу на Возвешественнѣй литургїи во свою подобную одежду оболкса, и всему освященному собору миръ и благословенїе подавъ, и самъ вая у нѣхъ прошенїе и молитвы и тако на своихъ святительскихъ ногахъ у икоу знаменався и кѣсавъ святыя иконы, и предъ престоломъ Господа Бога и Спаса нашего І. Христа, во храмѣ св. Іоанна Предтечи, своимъ руками причастися святыхъ таинъ божественныхъ Тѣла и Крове Господня, послѣднюю печать и даръ св. духа принѣвъ, во исходу души своея чающе милостива Судїина пришествїа Христова. И послѣ святыя литургїи егда вшедшу ему во свою келїю, и тако всѣхъ благословивъ, и прошенїе и благословенїе подавъ, благословляше же всѣхъ и до послѣдята своего надыханїа. И по преставленїи, рука его простерта бысть благословенїемъ“.

„А преставися великій святитель Антоній октомврія въ 26 день, на память св. великомученика Димитрія Селунскаго чудотворца, въ среду противъ четвертка, въ ноци въ 5 часъ, въ державѣ благочестиваго государя царя и великаго князя Теодора Іоанновича всея Россїи самодержца и при митрополитѣ Іовѣ Московскомъ и всея Россїи, иже и патриархомъ на Москвѣ послѣдняя бысть“.

„А власти честныхъ вологодскихъ обителей тогда были со архїепископомъ на погребенїи его честнѣмъ: Преображенїа Господня Каменного монастыря архимандритъ Филаретъ, Спаса Прилуцкаго монастыря игумень Галактионъ, Павлова монастыря игумень Мисаилъ, Корниліева монастыря игумень Кириллъ, Софїеискїи протопопъ Іоаннъ съ братьемъ, и прочихъ шести соборовъ*) протопопы, и попы, и діаконы, и черноризцы и весь священный соборъ, и народа безчисленное множество мужска полу и женска, и весь градъ отъ мала до велика. И на преставленїи жъ его и на погребенїи не бѣ такова человека, иже бы кто жалостныхъ слезъ не излиялъ по своѣмъ си настыри и учителѣ. И по преставленїи его отъ честнаго си гроба вѣрнїи нацѣпленїе приимють и до нынѣ, всякими недуги и болѣзнями одержимїи, молитвами его святителя“ (**).

На гробѣ его слѣдующая надпись: „Лѣта 7096 (1588) году, преставися великій господиинъ преосвященный Антоній, епископъ вологодскїи и великоперскїи, иѣсяца октября въ 26 день“.

Примѣч. 2. Св. Антоній былъ послѣднїи изъ епископовъ вологодскихъ и велико-перскихъ, — его преемники назывались уже архїепископами (Перм. спарх. вѣд. 1869 г.).

Примѣч. 3. О епископѣ Антонїѣ упоминается подъ 1586 и 1588 годахъ. (Вологодск. губ. вѣд. 1850 года).

Въ семь году чрезъ пермскїя страны проходилъ изъ Москвы воевода Иванъ Мансуровъ, который встрѣтилъ на своемъ пути волскихъ казаковъ

*) Соборами старину назывались и церкви двуکلірїа.

***) Св. Антонїй погребенъ въ Софїеискѣмъ соборѣ на лѣвой сторонѣ, на второмъ мѣстѣ, въ Вологдѣ.

атаманъ Матвѣя Мещерякова съ товарищами, бывшими прежде въ сибирской землѣ, во время ея покоренія.

Примѣчаніе. Приведемъ по этому поводу документъ, свидѣтельствующій о приведенномъ обстоятельстве: „Во второе лѣто по Ермаковѣ убіеніи, въ лѣто 1586 году, послѣ Семенова дни лѣтопровода, посла государь изъ дарфывающаго града Москвы воеводу Ивана Мансурова со многими воинскими людьми, и той пришедь на Туру рѣку, ту встрѣтоша великаго атамана Матвѣя Мещеряка съ дружиною, и радовахуса и веселишася казаки о пришествіи воеводъ въ сибирскую землю, и оттоль возвратишася вси вкупѣ единодушно на безбожныхъ агарякъ; и пойдоста внизъ по Турѣ, и по Иртышу и до Тоболу, идѣ же нмѣ богоспасемый нашъ русскій градъ Тобольскъ. Поганіи же, собравшася во уреченномъ мѣстѣ, у рѣки Иртыша на берегу. Воеводы же видѣвъ таковое нечестныхъ собраніе и устрашишася великии, и не пристава на берегу, и шаки поидоша внизъ по Иртышу, и дойде великіи рѣки Оби; бѣ бо тогда уже осень, и папа годиши зимная и воудухъ небесный пережнися на студаль, и бысть снѣгове и ледъ по рѣкѣ смерзаетса; воевода же оный видѣ прешнненіе воудуха, яко наста зима, и у озмишаше и поставиша городокъ надъ рѣкою Обью, на усть Иртыша, и сѣдше въ немъ со всѣми людьми своими; съ ними же бѣ и волостин казаки Матвѣй Мещерякъ съ дружиною“.—(Сибирск. лѣт. стр. 60—61).

1587 годъ.

Въ Краткой Сибирской лѣтописи (Бунгурской) подъ 1587 годомъ, сказано: „Ст. 69. Вечеру бывшу, 25 день, и преста подчювашская брань, казаки отбидоша за рѣку и обначеваша со стражею. Во утрии же восташе, помолишася Богу и прославиша явльшагося имъ заступати во градъ ихъ великому-ченика Дмитрія Селунскаго, и поидоша безъ боязни во градъ Сибирь, еже Кавлымъ, и видоша во градъ 7095 (1587), октября въ 26 день“.

„Ст. 70. Бгда же видоша во градъ въ Сибирь, и видѣвъ оставшаго имѣнія и богатства множество и хлѣба, глаголюще: съ нами Богъ! Тогда нападе на ня веліе веселіе и тайная радость, яко сохранени Богомъ живимъ и дрнстанца достигоша и жадаемое получиша. И слыша самообразно во услышаніе воимъ велій звозъ, яко время Свѣтлаго Христова Воскресенія, радость всего міра и ликованія. Всеи же единодушніи друви мирная другъ другу вѣщаніе и полезная глаголюще, на многи дни славяще и моля Бога“.

„Ст. 122. Лѣта 7095, при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, указъ воеводѣ Данилу Чулкову, прислано 500 человекъ поставити градъ Тоболескъ. И по промыслу Божию, доплывъ воевода Данило Чулковъ, и противъ устья Тоболу поставилъ градъ, именовъ Тоболескъ, на горѣ, первый столицой во всѣхъ городѣхъ, и церковь первую воздвиже во имя святыя Троицы, и другую Всемиловитаго Спаса на звозѣ“.

1588 годъ.

Примѣчаніе. По извѣщавшимъ запискамъ оказывается, что въ „7096 (1588) году Орель городокъ, грамотой его царскаго величества государя царя Федора Іоанновича, взятъ отъ Строгановыхъ для способности сибирской дороги; а тогда сибирская дорога именовъ Перій, т. е.

города Чердыни, то пави въ 7099 (1591) году Строгановымъ возвращены¹⁾. (Исторія богатствъ фамилии гг. Строгановыхъ и проч. В. Шимонко. Препрѣч. § 4, ч. II).

1589 годъ.

Полагаютъ, что Соликамскій Вознесенскій монастырь возникъ еще въ XVI столѣтїи, а именно 1589—1591 г.

Примечаніе. Составитель Исторіи рос. іерах. относитъ основаніе Соликамскаго монастыря только къ 1608 году (Истор. рос. іерах., ч. VI, ст. 177), а грамота цари и великаго князя Михаила Федоровича, данная Соликамскому монастырю 7126 (1618) г. свидѣтельству-етъ, что будто-бы до 7121 (1618) года „въ Соликамскѣ вѣстари монастыря не было“,—нельзя не сказать утвердительно, что первое основаніе монастыря положено гораздо прежде означенныхъ лѣтъ, и именно, какъ сказано выше, въ 1589—1591 году. Вотъ и доказательство на это. Нѣкто Илья Игватъевъ, внукъ какаго-то Давида Вертячева въ 7099 (1591) году апрѣля 31-го дня продалъ свою пожню вкладчикамъ *новому Вознесенскому монастырю*. Эта купчая свидѣлствуетъ ясно не о томъ только, что монастырь въ Соликамскѣ былъ въ 1591 году, но и о томъ еще, что онъ началъ существовать раньше сего года. Обозначая границы своей пожни (покоса) Илья Игватъевъ, внукъ Давида Вертячева, указываетъ на пожню же Прокопья Мальгина и прибавляетъ, что съ сей послѣдней „сѣме ставятъ на новый монастырь“. Выраженіе „сѣме ставить“ указываетъ прямо, что это дѣлается уже *не съ меромъ разг**). И такъ, нисколько не сомнѣваясь, можно утверждать, что начало основанія монастыря Соликамскаго положено въ 1589—1591 году, если еще не раньше. И кромѣ это, основанное на драгоценномъ актѣ, сохраненномъ временемъ, ни сколько не подрывается столь же драгоценнымъ для историка, хотя и притворѣвающимъ документомъ—грамотою 1618 года. Въ грамотѣ этой, между прочимъ, написано: „Видъ намъ челоуѣкъ, изъ Перми Великой, отъ Соликамскаго новаго Вознесенскаго монастыря келарь, старецъ Никифоръ и во всей братьи мѣсто, а сказалъ: Усолье-де Камское (такъ назывался Соликамскъ и гораздо позже) отъ Московскаго государства двѣ тысячи верстъ (нынѣ считается 1551 в.) и отъ нинѣхъ городовъ удалено, и которые православныя крестьяне похотѣли постричься и нинѣ постригата было негдѣ: монастыря близко нѣтъ, а у Соли-де Камской вѣстари монастыря не было и въ прошломъ-де 121 году (т. е. 1613) онъ, старецъ Никифоръ съ братією, собирая по міру, въдвинули храмъ во имя Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа и около монастыря ограду и на монастырь кельи поставили“. Слова „монастыря не было“ должно принять совершенно буквально, произвольными, а потому и неправильными. Старецъ Никифоръ, продолжая рѣчь свою, не говоритъ однакожъ, что онъ *основалъ* монастырь, а только, — что около монастыря *ограду* и на монастырь *кельи* поставилъ. Далѣе, по словамъ: „и въ прошломъ-де во 121 году онъ, старецъ Никифоръ съ братією, собирая по міру, слова опять должно признать несправедливыми слова „монастыря не было“. Если бы не было монастыря, то откуда же братія? Не желая бросать тѣни подозрѣнія въ какой либо умалищенности на памятную личность старца Никифора, какъ первая ходатая за монастырь Соликамскій предъ лицомъ царскимъ, почтемъ выраженіе „монастыря не было“ или ошибкою писца или выраженіемъ, пущеннымъ въ ходъ для большаго убѣжденія госуда, — подобнымъ тому, что будто бы, „близко къ Соликамску монастыря нѣтъ“. Знающему исторію Соликамскаго края известно, что еще за пятьдесятъ лѣтъ до описываемаго нами времени, вблизи Соликамска (въ 20 верст.) существовалъ монастырь Пискорскій, основанный Аникомъ Строгановымъ—1560—1570 года. Кромѣ того, важ-

*) Сборн. ч. 2, л. 168. „Описки Скобицкой пожни“.

ность свидѣтельства купчей Ильи Игнатьева, внука Давида Вертячева, подтверждается, въ противность словамъ старца Никифора, и другими документами, которые хотя и новѣе купчей, но за то нѣсколькими годами старѣе грамоты 1613 года. Такъ, въ купчей $\frac{7115}{1607}$, данной Гавриломъ, Игнатьевымъ сыномъ, Серебренниковымъ соборному попу Троицкому Игнатю, Стефанову сыну, упоминается *новый монастырь Вознесенскій*; такъ, въ купчей $\frac{7116}{1608}$ сдѣлано условіе между Иваномъ Кирилловымъ Пешковымъ, Солн-Камской жильцомъ, и Львомъ Игнатьевымъ, который названъ вкладчикомъ Вознесенскаго монастыря; такъ, въ данной $\frac{7117}{1609}$ года «Максима, Васильева сына, Александрова, Солн-Камскія посадскаго жальца» дѣло идетъ прямо, «съ Усольскими Камскій-Солн новымъ Вознесенія Господа нашего Иисуса Христа монастыремъ». Но самымъ сильнымъ доказательствомъ того, что монастырь существовалъ раньше 1613 года, вопреки словамъ старца Никифора, служить слѣдующее: въ 1605 году въ монастырь Солн-Камскомъ были уже *постриженники*. Такъ, въ купчей сего года встрѣчается *много старецъ Матей*, который говоритъ о себѣ, что онъ „въ бѣльничѣ былъ инокомъ Семая, Яковлевъ сынъ, Потема“. Изъ столькихъ свидѣтельствъ нельзя не убѣдиться, что грамота 1613 года написана ошибочно, и что слѣдовательно, на ней нельзя основаться въ отысканіи времени основанія монастыря. Что же касается положенія, будто монастырь основанъ въ 1608 году, то объ этомъ довольно сказать слѣдующее: составитель Исторіи російской іерархіи не имѣлъ въ рукахъ своихъ документа, доказывающаго существованіе монастыря до 1608 года. Итакъ, повторимъ еще, монастырь Солн-Камскій, не смотря на кажущіяся противорѣчія, основанъ въ концѣ XVI вѣка, и именно около 1589—1591 года.

Кто же основалъ монастырь въ это время? Благочастный примѣръ Анны Федоровича Строганова, основавшаго въ 1560 году монастырь на Пыскорѣ, вложилъ благоу мысль въ сердца нѣкоторымъ жильцовъ Солн-Камскія, которые рѣшились, подобно Строганову, собственными стараніемъ и средствами положить первое основаніе монастыря. „Да за посадомъ на рѣкѣ на Усолкѣ, говоритъ писецъ Кайсаровъ, монастырь Вознесенія Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, строеніе усольцовъ посадскихъ людей и уездныхъ крестьянъ“. Не имѣя средствъ, усольцы прибѣгли къ слѣдующему: они на предполагаемыя надержки прикладывали къ монастырю то покосы, то пашни и т. п. Списки объ этомъ свидѣлствуютъ. Однакожъ, первыми основателями монастыря могутъ считаться *вкладчики*—Василій Анофріевъ и Проконій Мосіевъ. „Се изъ, Илья Игнатьевъ, внукъ Давида Вертячева, сказано въ записи 1591 года, продалъ еси Василью Анофріеву да Проконью Мосіеву, вкладчикамъ новаго Вознесенскаго монастыря Солн-Камскаго, свою пожню“. Въ болѣе позднѣе время, вкладчиками была пріобрѣтена для монастыря и соляная варница, данная ему же впрочемъ въ закладъ въ 1608 году. Такимъ образомъ оказывается, что трудами вкладчиковъ были присланы и средства къ существованію монастыря.—Въ 1605 г. въ монастырь были уже и *постриженники*, а именно: старецъ Матей Потема. Далѣе, изъ Пермск. епарх. вѣд. за 1868 г., стр. 592, видно, что съ 1591—1610 г. управленіе монастыря отается въ неясности; съ 1610 г. встрѣчается уже имя *строителя*. Въ 1623 г. въ монастырь уже было 35 человекъ старцевъ. Въ числѣ ихъ были: *келарь Каллистъ, строитель*—черной пошъ *Максимъ* и *казначей* старецъ Захарій; затѣмъ были служки, „за монастыремъ конюшенской дворъ, а въ немъ живутъ монастырскіе служебники“. (Книга Солн-Камск. инсц. 1623—1624 г. Кайсарова. В. Шинюшко).

1590 годъ.

Около сего 1590 года построены воеводою Иваномъ Григорьевымъ Нагимъ—городокъ Лозвинскій при р. Лозвѣ, на южномъ берегу, впадающаго въ нее съ правой стороны Ивделя. Первое время, послѣ покоренія Сибири, дорога была направлена туда изъ Москвы—чрезъ Чердынъ, вверхъ по Вышерѣ, и, по перевалѣ чрезъ Уральскія горы, выходила на рѣку Лозву; далѣе въ Сибирь изъ Лозвы отправлялись уже водою по рѣкамъ Лозвѣ, Тавдѣ и Тоболу. Поэтому на Лозвѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ она становилась судоходною, и былъ построенъ означенный городокъ. Здѣсь строились суда, хранились съѣстные припасы и проч., а также зимовали и тѣ служилые люди, кои предназначались въ Сибирь—впредь до вскрытія рѣкъ. Отсюда былъ надзоръ за окрестными вогулами, съ которыхъ собирался ясакъ. (Сибирск. истор. Миллера). Этою же дорогою хаживала денежная и соболиная казна, а равно отправлялись и хлѣбные запасы для Сибири.

Примѣчаніе. По другимъ свидѣніямъ г. Лозва основана въ 1589 г. (Распр. христ. гѣры въ предѣлахъ Пермск. губ., архив. Макарія 1857 г. стр. 85).

1591 годъ.

Никитѣ Строганову пожалована, отъ царя Феодора Иоанновича, грамота на отчину его Орель—городокъ. (Записи изъ древн. историч. докум. В. Шенюко).

Примѣчаніе. Въ грамотѣ, 7099—1591 года, великаго государя царя и великаго князя Феодора Иоанновича всея Руссїи, написано: «Пожаловалъ оны, великій государь, Никиту Григорьева Строганова, велѣлъ ему вотчиною его Орломъ городокъ—слободу, и съ варницами, и съ деревнями, и съ починки и со всѣми къ нимъ угодьи владѣть по прежнему, по писцовымъ книгамъ писца и мѣры Ивана Яхонтова 7087 года, и посадскихъ людей и крестьянъ, во всякихъ межъ ими дѣлахъ, судить ему, Никитѣ, самому или кому оны прикажутъ, а перскихъ намотничкавъ, и воеводамъ, и приказнымъ людямъ, ево, Никиту, и людей ево, и орловскихъ посадскихъ людей, и Орловскаго уѣзда крестьянъ не судить и къ нему въ вотчину не възъзжать и не посылать, oprичъ разбои и татбы, съ полчными ни по что не велѣно». (Пермск. губ. вѣд. 1862 годъ; Именитые люди Строгановы. 1842 г. стр. 42).

1592 годъ.

Чтобы Сибирскихъ инородцевъ содержать въ послушанїи, а другихъ присоединять въ подданство московскаго царя и наконецъ пермскія земли заселять русскими, — необходимо было въ Сибирѣ умножать города и учредить въ нихъ гарнизоны и заботиться о снабженїи тѣхъ городовъ хлѣбными запасами. Подобные виды правительства стали приводиться въ исполненїе съ 1592 года, а именно, при заложенїи трехъ новыхъ городовъ: Пелыма, Березова и Сургута.

Въ виду сего, чердынскому воеводѣ Никифору Васильевичу Троханіотову было повелѣно „съ нѣкоторымъ числомъ воинскихъ людей, идти въ Сибирь“, для отвращенія происходившихъ отъ татаръ набѣговъ, а потомъ узавано ему „быть съ командою для прикрытія строенія города Пелыма и оттуда, для городоваго строенія идти въ Березовъ“. Строгановымъ же велѣно ко взятымъ 50 молодымъ людямъ вооруженнымъ и посланнымъ съ воеводою Троханіотовымъ, присоединить еще 50 человекъ, коихъ имѣтъ на готовѣ, для посылки оныхъ въ другой походъ, противъ пелымскаго князца.

Примечаніе 1. По этому дѣлу имѣется слѣдующая грамота, посланная Строгановымъ на Орелъ городъ и въ Чусовскіе городки, отъ 1592 г. іюля 5 дня.

„Отъ царя и великаго князя Федора Ивановича всея Руссїи, на Орелъ и въ Чусовскую Максиму да Никитѣ съ братьемъ Строгановымъ.—По нашему указу велѣли сѣмя взяти съ вашего съ соленого промыслу съ Орла и Чусовой въ Пермь Великую, для сибирскихъ татаръ приходу сто человекъ ратныхъ людей съ ружницами и съ луки, съ кремни и со всякимъ ратнымъ боемъ, и для тѣхъ ратныхъ людей посланъ къ вамъ Михайло Шокуровъ, а велѣно ему тѣхъ ратныхъ людей, взявъ у васъ, отвести въ Пермь Великую, и отдать воеводѣ Никифору Троханіотову. И какъ къ вамъ съ наша грамота прїдетъ, и вы-бъ, съ своего съ соленого промыслу съ Орла и Чусовой, ратныхъ людей 50 человекъ съ пищальми, и съ рогатинами и со всякимъ ратнымъ боемъ, дали, Михайлу тотъ часъ добрыхъ молодцовъ и просужихъ, которые-бъ стрѣлять были гораздо и ратное дѣло знали, а взяли бы есте имъ дали по мѣсяцамъ, какъ сколько проживутъ и пробудутъ; а запасу имъ велѣли имати на всю осень и на всю зиму и до весны; а суды имъ дадутъ на Лозвѣ, въ чемъ ѣхать въ Сибирь съ воеводою съ Никифоромъ съ Троханіотовымъ; а того бы есте не учинили, чтобъ вамъ не отпустить вскорѣ тотъ-часъ не замѣшавъ. А другую 50 человекъ съ вашихъ городовъ готовили-бъ есте съ пищальми конныхъ къ перевозкѣ въ войну на Пелымскаго, а о томъ къ вамъ указъ свой пришлетъ, кому съ ними идти. А вынѣ бы есте одиночю 50 человекъ пѣшихъ, съ пищальми въ судѣхъ въ легкихъ, отпустили въ Пермь и на Лозву съ Михайломъ, а не отпустите тѣхъ 50 человекъ вскорѣ тотъ-часъ и замѣшкаете, и вамъ отъ насъ быти въ великой опалѣ и въ продажѣ“. Писана на Москвѣ, лѣта 7100, іюля въ 5 день.

У подлинной грамоты приложена восковая черная печать, а на оборотѣ написано:

„Царь и великій князь всея Руссїи“.

(Записи изъ древн. актовъ. В. Шиншонко).

Примеч. 2-е. Въ то же время, для постройки сибирскихъ городовъ Палыма, Березова и Сургута посланы были изъ Москвы воеводы князь Петръ Ивановичъ Горчаковъ—для постройки Пелыма, Чердынскій—Никифоръ Васильевичъ Троханіотовъ—Березова, а князь Матвей Львовъ и князь Михайло Волкомскій—или для постройки Сургута или въ товарищи Тобольскаго воеводы князя Лобанова—Ростовскаго. При нихъ отправлены были боярскія дѣти, казаки, съ пушками и потребнымъ количествомъ пороха, свинцу и съѣстными припасами.—Независимо отъ сего, высланы были и пашенные крестьяне для распахки земель по рѣкѣ Тавдѣ.

Означенные воеводы, приывъ въ Великую Пермь, набрали для Сибири Лалинскихъ вогуличъ, жившихъ по р. Лалѣ, впадающей въ Сосву, и Вацарскихъ и отправили ихъ въ городъ Лозву, къ воеводѣ Ивану Григорьевичу Нагому, для судоваго строенія.

Примеч. 3-е. При выборѣ въ стрѣльцы, для сибирскихъ вновь сооружаемыхъ городовъ, брались поручными записи, въ которыхъ изъявнигіе желанія давали другъ за друга ручательство въ отношеніи принимаемыхъ на себя обязанностей, что видно изъ слѣдующаго

весьма интереснаго документа; отъ 1593 года, который не считаемъ излишнимъ привести, такъ какъ онъ относится къ Чердынскому краю и указываетъ какими выходами онъ сталъ заселяться.

«Се изъ десятиникъ Тимофей Евстигеевъ пермитинъ да его десятка Ѳеодоръ, Евсегнеевъ сынъ, по прозвищу Жяткой Поморець, да Иванъ Михайловъ сынъ, Немощенинъ, да Левка, Степановъ сынъ, Москвитинъ, да Андрей, Дмитревъ сынъ, Галичанинъ, да Ѳеодоръ, Давыдовъ сынъ, Шаламъ Устьжанинъ, да Володимерь, Калининъ сынъ, Рогова пермитинъ, да Михайло, Никитинъ сынъ, прозвище Патко Опалихинъ, пермитинъ съ Покчи, да Михайло, Захарьевъ сынъ, прозвище Зеть-Черевковецъ, да Осипъ, Яковлевъ сынъ, Даниловець,—поручились есмь, прошежь себя, всѣмъ десяткомъ 10-тью человекъ, другъ по другъ, у сотника у Отрѣлцаго, у Клима Шокурова, въ томъ, быти намъ на государевѣ службѣ, въ новомъ городѣ въ Таборѣхъ на житѣ, въ стрѣльцкѣ, и государева служба служити, а не воровати, корчмы и блядни не держати, и зерню не играти, и не красти, и не разбивати и не сбѣжати. А кто 10 челов. сбѣжитъ, и на насъ на поручикахъ—на нѣ, на десатскомъ и на товарищамъ моихъ государево жалованье денежное и хлѣбное и цена государева, а въ нѣхъ что государь укажетъ. И нашихъ поручиковъ головы въ его голову вѣсто. На то послали Иванъ, Клементьевъ сынъ, Есипова, да Иванъ, Ивановъ сынъ, Василья Высокаго братъ». Записъ писалъ въ Пермѣ въ Чердынѣ Михайло, Ивановъ сынъ, лѣта 7101 году, февраля въ 21 день. (Записъ изъ древнихъ актовъ. В. Шишонко).

1594 годъ.

Въ семъ 1594 г. въ Чердынѣ воеводою былъ Сарычъ Шестаковъ; онъ сидѣлъ три года. (Записъ изъ древн. актовъ. В. Шишонко).

1595 годъ.

Въ семъ 1595 году, по указу царя Ѳеодора Иоанновича, велѣно провѣдать прямую дорогу отъ Соликамска въ Сибирь, что исполнено крестьяниномъ Артемьевъ Бабиновымъ, получившимъ за это грамоту безданную и безошлинную. Найденная дорога вышла къ рѣкѣ Турѣ. (Вѣсти. Император. русск. геогр. общ. 1854 г., ч. X, Отд. 2, стр. 4).

Примчаніе. Не считаемъ излишнимъ привести грамоту, данную царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1617 г. Бабинову.

«Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русси, къ Соли-Камской воеводѣ нашему Богдану Поликарповичу Лупандину. Вилъ намъ челоуъ сибирской дороги вожъ Ортемка, Софоновъ сынъ, Бабиновъ, а сказалъ: по указу ближнихъ памяти царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Русси велѣно ему, Ортышкѣ, провѣдывать прямыя дороги отъ Соли-Камской въ Сибирь—на Верхотурье, сухимъ путемъ; и онъ де Ортышко провѣдавъ тою дорогу отъ Соли-Камской въ Сибирь на Верхотурье—перинчи посадскими и увѣданными людьми прочитывать. А прежде того въ Сибирь была дорога окольная отъ Соли-Камской, мимо Чердынъ, водянымъ путемъ Виснерою рѣкою вверхъ, да чрезъ Камень въ Лову рѣку, да Ловою внизъ въ Тавду рѣку, да Тавдою рѣкою внизъ до Тобола рѣки, а Тоболомъ вверхъ до усть Туры рѣки, а Турою вверхъ до Тюменскаго города. И тою де дорогомъ хаживала наша денежная и соболинная казна и хлѣбные запасы по сибѣ съ двѣ тысячи верстъ; а тою де дорогомъ, сухимъ путемъ, что онъ, Ортышка, прочитывалъ отъ Соли-Камской до Верхотурья верстъ, съ полтретья ста, а отъ Верхотурья до Тюмени верстъ въ осемь сотъ, и тою де

дорогою ходитъ наша соболиная и денежная казна и хлѣбные запасы. И за тое де службу блаженныя памяти царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Руссиі пожаловалъ его, Ортюшку, велѣлъ ему дати свою государеву жалованную грамоту, что съ его деревнишка и съ двора, что на посадѣ у Соли-Камской, въ сибирскіе запасы и оброковъ никакихъ съ него нѣсти не велѣлъ, и велѣлъ его во всякихъ податяхъ обольготить, и велѣлъ ему на той-же новочищеной сибирской дороги жити на Ейвѣ рѣкѣ на льготѣ, и слободу устроить для проѣзду воеводъ нашихъ, и служилымъ и всякихъ людей, и нашей соболиныя, и денежныя казны и хлѣбныхъ запасовъ. И нѣтъ де на томъ мѣстѣ жильцовъ всего 6 человекъ, а больши де того, на такую пустошь, нѣкто ни откуда нейдетъ, что мѣсто пустое, пашни нѣтъ, а кормятся привознымъ хлѣбомъ.—И въ прошломъ де во 124 году воздвигнули они наше богомолие—храмъ, во имя Введенія Пречистыя Богородицы, и нѣтъ де въ его вотчинѣ, у того храна служба повседневная. И по той де по прежней, блаженныя памяти царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Руссиі, жалованной грамотѣ даны ему на ту вотчину грамоты при царѣ Борисѣ и при царѣ Васильѣ; а велѣно де ему, по тѣмъ жалованнымъ грамотамъ, владѣти по Ейвѣ рѣкѣ вверхъ, отъ сибирской дороги 20 верстъ, да до Чикмана рѣки, и по Чикману вверхъ до ввоза сибирской же дороги до Креста, а внизъ по Ейвѣ рѣкѣ 15 верстъ до Ила рѣки,—пашнемъ, сѣянными покосами и всякими угодыи за его службу, что онъ въ Сибирь правую дорогу протропилъ и прочистилъ и нѣтъ де Соли-Камскіе посадскіе и уѣздные люди тѣмъ прежнихъ грамотъ не слушать, и его, Ортюшку, во всякія подати воротать съ собою вѣстѣ, и платитъ де онъ, Ортюшка, съ ними, по ихъ насильству, всякія подати 6 лѣтъ рядомъ, и по сѣ пору,—и намъ бы его, Ортюшку, за его службу пошловать велѣти ему тою вотчиною по старымъ некамъ владѣти по прежнему—пашнемъ, и сѣянными покосы и всякими угодыи, и податей съ его двора на посадѣ и съ его деревнишка, для его службы, некоторымъ нѣтъи не велѣти, чтобъ ему, съ тое правыя дороги, для податей не съѣзжать. И будетъ такъ, какъ намъ сибирской дороги вожь Ортюшка Вабиновъ былъ человекъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамота ирдетъ, а при царѣ Ѳеодорѣ буде ему такова грамота на Ейву рѣку на ту вотчину была дана, и за ту службу податей съ него некоторымъ нѣмати не велѣно; и ты бѣ по прежней, царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Руссиі, жалованной грамотѣ съ его, Ортюшкина, двора на посадѣ и съ его деревнишка за его службу, податей некоторымъ съ него нѣматъ не велѣлъ, а велѣлъ ему, Ортюшкѣ, тою вотчиною по Ейвѣ рѣкѣ вверхъ и по Чикману вверхъ до ввозу до Креста, а внизъ по Ейвѣ по рѣку Икъ—пашнемъ и сѣянными покосы и всякими угодыи владѣти по прежнему. И прочеть сю нашу грамоту, и списать съ ней противенъ слово въ слово, отдать ее назадъ Ортюшкѣ Вабинову, и онъ ее держитъ у себя для нѣмъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей.—Писалъ на Москвѣ, лѣта 7125, января въ 6 день. Подлинная грамота за скрѣпю дьяка Ѳеодора Опраксина.

1596 годъ.

Мѣстность г. Осы становится извѣстною еще во времена Іоанна Грознаго, когда, на такъ называемомъ Осинскомъ городищѣ, заведена была Новоникольская слобода, названная этимъ именемъ въ честь Николая Чудотворца, образъ котораго Іоаннъ IV прислалъ новопоселенцамъ. Вскорѣ послѣ того, она получила значеніе пригородка, именно при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, по грамотѣ коего, за приписью дьяка Андрея Шелканова, въ 1596 году дозволено было въ Новоникольской слободѣ поселиться выходцамъ изъ Калуги, Устюга, Усолья, Кайгорода, въ числѣ 84 челов. Переселенцы эти были уво-

лены отъ всѣхъ государственныхъ податей на 5 лѣтъ, а для посылки за казенными дѣлами въ слободу опредѣлено 9 чел. ярыжныхъ или разсылныхъ. Оса служила защитою русскимъ поселеніямъ отъ башкирцовъ и содержала ихъ въ повиновеніи тѣмъ болѣе, что башкирцы жили въ сосѣдствѣ, а именно: по р. Тулвѣ, (Распростр. хр. вѣры въ предѣлахъ Пермск. губ., архив. Маварія 1857 г., стр. 30; Поповъ. Хозяйствен. опис. Пермск. губ., ч. III).

Въ этомъ году была народная перепись Дворцовой Осинской Никольской слободы съ ея деревнями, жителями, дворами и землями, по коей значится: въ селѣ *Рождественскомъ* (Горы-тожъ) 23 разнородныхъ фамилій; изъ нихъ 3 духовныхъ и 20 крестьянскихъ; дворовъ 14 крестьянскихъ, а въ нихъ людей 24 челов., недорослей 19, одинъ дворъ мельниковъ, 2 двора засыпокъ, въ которыхъ жителей 8 челов., и 9 дворовъ пустыхъ; всего 46 дворовъ и въ нихъ жителей 51 челов. Къ приходу села Горь причислено 8 деревень, изъ которыхъ *Пьяикова*, съ 11-ю человекѣми взрослыхъ жителей, 7-ю недорослями, принадлежащими къ 6-ти дворамъ; *Драчева*, съ 5 фамиліями и 5-ю же дворами; *Пещеры*, съ 10 фамиліями и 12 дворами; *Карташева*, съ 2-мя фамиліями; *Пизьма*, съ 9-ю фамиліями; *Усть-Тулвинская*, съ 5 фамиліями; *Поляны* съ 5 фамиліями и *Богомякова* съ 2 фамиліями. Всего въ 9 селеніяхъ, считая и самое село Горы, исчислено 74 двора жилыхъ и 30 дворовъ пустыхъ; въ жилыхъ 262 мужскихъ души, изъ которыхъ 179 совершеннолѣтнихъ и 89 недорослей, принадлежащихъ къ 68 разнымъ фамиліямъ.

Примѣч. 1. Первыми поселенцами въ приходѣ были выходцы изъ Чердынскаго края. Нѣсколько поздѣе поселились сюда изъ Обвинскаго края—два фамиліи—Мутонкины и Кадочниковы, которыя, также, какъ и первые, стали заниматься земледѣіемъ. Первые поселенцы должны были постоянно бороться съ башкирцами, которые окружали ихъ съ трехъ сторонъ. У всякаго поселенца были на всякій случай готовы лукъ, стрѣлы съ желѣзными наконечниками и копыя.

Примѣч. 2. Представимъ весьма интересный документъ, указывающій на перепись поселеній Осинскаго уѣзда. Этотъ документъ доставляетъ инспекторъ народн. училищъ Ин. Ин. Троицкинъ изъ Осм. который дословно помѣщаемъ.

„Лѣта $\frac{7104}{1596}$ г. князя Ивана Михайловича Воротынскаго стоварища, записишь

государева дьяка Алексѣя Щелкалова. Аверка Палицимъ да подъячей Федоръ Аристовъ, въ Казанскомъ уѣздѣ, вверхъ рѣки Камы, на Осинскомъ городищѣ, новой Никольской слободы писали дворы и во дворахъ людей, и пашню нахотную, и переложную, и заросли, и дубровы пашенныя и сѣнные покосы и всякія угодыя. Въ Казанскомъ уѣздѣ, вверхъ рѣки Камы, съ напольна стороны, на Осинскомъ городищѣ, новая Никольская слобода, а вней Божіа милосердіа храмъ Великаго Чудотворца Николаи поставленъ новой клетцой; вверху царскихъ дверей, и образовъ, и книгъ и сосудовъ нѣкотораго церковнаго строенія и пона шб, а подъ церковь мѣста и подъ дворы попу и дьячку и подкельи, вдоль и поперекъ, по четидесять сажень; пашни церковныя добрыя земли попу и дьячку, залугу и зарослей семь десятинъ сполудесятною, вполнѣ, а вду потомужъ; сѣна на Тулвѣ рѣкѣ и около церковныя пашни триста копенъ; лѣсъ и всякія угодыя по пашнѣ; вслособѣ дворъ Лобочника Вечая, Григорьева сына, Калуженина да брата его Филиппа на лготѣ отъ сетаго году ноября съ 18 числа до ста шестаго году ноября по 18 число, по государеве цареве и великаго князя Федора Ивановича всеа Руссіи грамотѣ, за приписью государева дьяка Андрея Щелкалова; на полуытн вслособѣ дворы крестьянъ пашенныхъ полуытнхъ Иванъ, Григорьевъ сынъ, Корташъ

да Василій, Тимофеевъ сынъ, Жулановъ да дѣти его Никифорко да Семенка, Иванъ, Ерофеевъ сынъ, Соловей—Верховскіе да сынъ его Гришка, Семеновъ, Федоровъ сынъ, Ковневъ да сынъ его Пантелейко, Рычко. Семеновъ сынъ, Туновъ да сынъ его Максикко.

По четверти выти отъ Ферко да Матюшка, Данилови дѣти, Кошишкови. Давидко, Оксеновъ сынъ, Кусумовъ да братья его Максикко да Тараско Дмитрій, Семеновъ сынъ, Врехановъ да братья его (Максикко) Худякъ да Павелко, Дмитрій, Прокопьевъ сынъ, Богатырь, Верхокамецъ да сынъ его Тренка.

По полу четверти выти Аврамко, Ерофеевъ сынъ, Шика, Верхокамецъ, вдова Марья, Ерофеева дочь, Илановская жена, Куткина и всего двѣнадцать дворовъ слободчиковъ и людей въ нихъ двадцать пять человекъ; пашни имъ пахать четыре выти счетью еси; на лготѣ въ сотомъ году на пять лѣтъ ноября съ 18 числа до ста шестаго году ноября по 18 число; а всѣмъ имъ въ лготные годы дворы построить и пашни распашать и поля разгородить, а какъ лготные годы отойдутъ—имъ давать оброку въ государеву казну агоду на годъ за пособной хлѣбъ, за рыбная ловли, и за кунци по срокомъ по шести рублевъ по двѣнадцати алтынъ, по полутора денги—по полутора рубля сыти, да пошлякъ по 8 денги срубля“.

Въ этомъ году башкирцу Кильйи Авазекильдину съ товарищи отданы земельныя угодья, по обѣ стороны Камы рѣки, отъ устья рѣки Бѣлой и Волошки, вверхъ до устья рѣки Камы со впадающими рѣками и рѣчками въ ту Каму, съ обѣихъ сторонъ,—съ одной стороны—рѣками Турпуромъ, Боясомъ, Байкетомъ, Большою и Малою Баржою и мелкими—Низегушемъ, Мутавлею и впадающимъ въ нихъ рѣчкамъ и ключамъ; а съ другой стороны Камы — по рр. Медвѣжьевкѣ, Змѣевкѣ, Отчерѣ (Очерѣ) и по др. рѣчкамъ и рѣкамъ, впадающимъ въ р. Каму. (Записъ изъ древн. актовъ и записей. В. Шишонко).

1597 годъ.

Къ построенію города Верхотурья подало поводъ весьма трудная и длинная дорога до 2000 верстъ изъ Москвы чрезъ Чердынь къ городу Лозвѣ, вмѣсто которой, въ семъ 1597 году, показана способѣйшая и ближайшая, отъ Соликамска по верховьямъ рѣки Туры, Артемьемъ Бабиновымъ. Прежняя дорога шла, какъ сказано уже, отъ Соликамска, мимо Чердыни, вверхъ по р. Вишерѣ, далѣе чрезъ Уральскій хребетъ, рѣками Лозвою, Тавдою и въ Тоболь, (Вертъ, Путешествіе въ городъ Чердынь и Соликамскъ, стр. 206). Новую дорогу, узазанную Бабиновымъ, повелѣно вымостить, что подтверждается слѣдующей грамотой: „Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всея Россіи, въ новой городѣ на Верхотурѣ, Василью Петровичу Головину, да головѣ Ивану Васильевичу Воейкову. Въ прошломъ 105 году (1597 г.), по нашему указу, послалъ изъ Перми, съ вожомъ съ Ортюшкою съ Бабиновымъ два цѣловальника, а съ ними посошныхъ людей сорокъ человекъ, новыя сибирскія дороги чистить и мостовъ мостить, и тѣ цѣловальники съ пашенными людьми сибирскую дорогу чистили, и мосты мостили худо, для того, чтобъ впередъ той новой сибирской дорогѣ не быти, и вожа Ортюшка Бабинова тѣ пермскіе цѣловальники и посошныя люди не слушали. И съ тою съ новыя дороги вожъ Ортюшка Бабиновъ къ намъ, на тѣхъ пермскихъ цѣловальниковъ, ви-

саль, что они нанимъ дѣломъ не радуютъ, и посошными людьми не нарекаютъ. А пермскіе цѣловальники къ намъ писали на вожа на Ортюшку, что де имъ вождь Ортюшка велитъ дороги чистить уско, и мосты мостить худые. А сколько цѣловальники посошными людьми новыя дороги, отъ Соли отъ Камскія до новаго города до Верхотурья, чистили и мостовъ мостили, и тому прислали къ намъ роспись; а въ росписи написано: отъ Соли отъ Камскія до новаго города до Верхотурья 263 версты; а мостовъ мостили отъ Соли отъ Камскія черезъ рѣчки, и черезъ боираки, и черезъ грязныя мѣста до Верхотурья, поперечныхъ 7 мостовъ, длинныхъ 30 мостовъ; а на поперечныхъ мостѣхъ 56 сажень, и на длинныхъ мостѣхъ 135 сажень. А которые ѣздятъ съ Москвы въ Сибирь и изъ Сибири къ Москвѣ воеводы, и головы, и дѣти боярскія и всякіе служилые люди, и про ту про новую, про сибирскую дорогу намъ сказываютъ, что та новая дорога чищена и мосты мощены худо, пенья сѣчено не изъ коренья, и заломы по дорогѣ великіе, и чищена дорога уско, мосты, которые были мощены на рѣчкахъ и на ручьяхъ, и въ боиракахъ вѣшнею водою поносило, а на грязѣхъ и на болотахъ мосты испроломались, и . . . по той дорогѣ великіе, и только де тое новыя дороги съ весны лѣтнею порою не чистить, и мостовъ не мостить, и впередъ тою новою дорогою зимнею и лѣтнею порою сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ и сибирскія казны спроводити будетъ не мочно, и сѣздивши тою новою дорогою служилымъ людямъ нужда великая. И мы нынѣ писали въ Пермь Великую къ Григорью къ Левлеву и къ старостамъ и къ цѣловальникомъ, а велѣли имъ, взявъ съ пермскія земли дву цѣловальниковъ, да посошныхъ людей, сколько человекъ прихожь, послать тое новыя дороги изнова чистить и мосты мостить. А какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ тотчасъ послали съ Верхотурья сына боярскаго добра, да съ нимъ вожа Ортюшку Бабинова, а велѣли имъ съ пермскими съ посошными людьми тое новую дорогу отъ Соли отъ Камскія до Верхотурья чистити и мосты мостить. И тому-бѣ есте сыну боярскому, котораго пошлите, и вожу Ортюшкѣ приказали накрѣпно, чтобъ дорогу чистили старова лучше и ширѣ, и гнильда не было, и мосты-бѣ мостили хороши, чтобъ та дорога была не узка, и мосты были хороши, и пенья бы чистили изъ коренья, и заломовъ бы на той дорогѣ не было, чтобъ наши сибирскіе хлѣбные запасы и всякая наша казна было провидитъ тою дорогою мочно; и служивымъ бы всякимъ людямъ, ѣзда тою дорогою, въ грязѣхъ и въ неведомѣхъ нужи не было. А какъ тое дорогу вычистятъ, и мосты наместятъ, и вы-бѣ отписали къ намъ къ Москвѣ, и велѣли отписку отдать въ Казанскомъ и въ Мещерскомъ дворцѣ дьякомъ нашимъ Афонасью Владысѣву, да Нечаю Федорову, чтобъ намъ было вѣдомо. Писанъ въ Москвѣ, лѣта 7107 году, апрѣля въ 22 день. За скрѣпкою дьяка Нечаю Федорова.—

(Сибирск. истор. г. V, стр. 264—265).

Въ семъ же году на имя Строганова послѣдовала царская грамота, въ которой сказано: „онъ же великій государь царь и великій князь Федоръ Ивановичъ всея Русей, его жъ Никиту, Григорьева сына, Строганова пожа-

ловаль, велѣлъ ему ниже Перми Великой и ихъ вотчинъ, дать въ вотчину жъ: по Камѣ рѣкѣ полтретья ста верстъ, а отъ Казани полъ осма ста верстъ, отъ Ласьвы рѣчки внизъ по Камѣ, по правой сторонѣ, до рѣчки до Ашапу, и въ той межѣ въ Каму рѣку, по обѣ стороны, рѣчки впади: Сюзъва, да Нытва, да Югъ, да Очеръ, да Ашапъ, и по Камѣ рѣкѣ отъ Ласьвы рѣчки внизъ до Ашапу, по обѣ стороны, инья малыя рѣчки дикія, которыя впади въ Ласьву и Сюзъву, и въ Нытву, и въ Югъ, и въ Очеръ, и въ Ашапъ, по обѣ жъ стороны, съ устей и до вершинъ, берега пустыя, и лѣса дикіе, и селища чудскія заросли, и истоки, и озерка, и островки, и наволочки. И въ тѣхъ мѣстахъ велѣно ему, на рѣкѣ на Ласьвѣ или буде на которой рѣкѣ, которыя въ той жалованной грамотѣ написаны, гдѣ доведется въ Казанской землѣ, для проходу воинскихъ людей поставить острогъ, пашенныхъ людей называть и дворы ставить, и пашни въ тѣхъ мѣстахъ распахать, и пожни расчищать, и въ рѣкахъ и въ озерахъ рыба ловить; а гдѣ буде, въ тѣхъ мѣстахъ, соляныя розсолы найдутъ и ему, Никитѣ, варницы ставить и соль варить. А льготы на тѣ мѣста дано отъ Благовѣщеньева дня 105 года до Благовѣщеньева жъ дня 120 года на 15 лѣтъ; а какъ тѣ льготныя годы отойдутъ, и ему, Никитѣ, данъ платити—чѣмъ писцы описавъ обложить“. (Собрание историческихъ актовъ Пермск. губ. В. Шишонко; Именитые люди Строгановы 1842 г., стр. 48).

Лишь только Никитѣ Григорьевичу Строганову были пожалованы земли, лежащія по правую сторону Камы, на 250 верстъ въ длину, т. е. отъ рѣки Ласы (Ласьвы) до рѣчки Ошана,—вскорѣ стали и заселяться. (Хозяйств. описаніе Пермск. губ., 1818 г., ч. III, стр. 70).

Въ семъ 1597 году послѣдовалъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, гдѣ, между прочимъ, сказано: „которые крестьяне изъ помѣстій и отчинъ выбѣжали до нынѣшняго года за пять лѣтъ, на тѣхъ судъ давать и сыскивать наврѣпко, и по суду этихъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ отвозить назадъ, гдѣ они жили; и которые крестьяне выбѣжали до этого указа лѣтъ за пять, за семь, за десять и больше, а помѣщики или отчинники на нихъ въ побѣгъ не били чоломъ, на такихъ суда не давать“.

Примѣчаніе. По смыслу этого извѣстія законъ объ укрѣпленіи можно отодвинуть къ началу царствованія Федора; отодвигать дальше мы не можемъ, ибо есть прямое извѣстіе объ указѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, гдѣ Годуновъ выставляется виновникомъ закрѣпленія въ царствованіе Федора. Въ этомъ извѣстіи говорится, что царь Федоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянъ заказалъ. Впрочемъ когда именно послѣдовало прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, мы съ точностію опредѣлять не можемъ, ибо указа о всеобщемъ укрѣпленіи крестьянъ до насъ не дошло. Кромя приведеннаго извѣстія объ указѣ Шуйскаго, о переходѣ крестьянъ въ первый годъ царствованія Федора свидѣтельствуетъ еще извѣстіе о мѣрѣ, которая служила приговореніемъ къ прикрѣпленію и которая прямо указываетъ на главное побужденіе къ нему. Въ приговорной грамотѣ духовнаго собора, держаннаго 20 іюля 1584 года, сказано; «Совѣтовались мы и утвердились, чтобъ впередъ тарханамъ не быть; земли митрополичьи, архіепископскія, владычьи и монашескія въ тарханамъ, никакой царской дани и земскихъ разметовъ не платятъ, в

воинство, служилые люди эти земли оплачивают; отъ того большое запустѣніе за воинскими людьми въ отчинахъ ихъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, вышедши изъ за служилыхъ людей, живутъ за тарханами въ льготѣ, и отъ того великая тощета воинскимъ людямъ пришла. И потому, для великихъ нуждъ и тощеты воинскимъ людямъ, мы уложили» и проч. Здѣсь явно приближеніе къ закрѣпленію: служилымъ людямъ тощета отъ того, что крестьяне уходятъ отъ нихъ, приравниваемые тарханами: положено уничтожить тарханы. Но эта мѣра на соборѣ была объявлена временною, но она была кратковременна: въ октябрѣ того-же года уже тарханы восстанавливаются. По всѣмъ вѣроятностямъ, слѣдовательно, законъ объ укрѣпленіи крестьянъ долженствовалъ быть одновремененъ съ восстановленіемъ тархановъ, ибо надобно было дать служилымъ людямъ обезпеченіе, необходимость котораго была такъ торжественно провозглашена на соборѣ. (Сол. Ист.).

1598 годъ.

Въ семь 1598 г. января, въ 6-й день, плачь и рычаніе оглашали Москву: „послѣдній цвѣтъ русской земли отходилъ отъ очей всѣхъ“ (Ник. л. VIII. 34). На праздникъ Богоявленья, въ 12-ть часовъ по полудни, началъ царь Ѳеодоръ сильно изнемогать (Тамъ же; VII. 347). Видя отшествіе свое къ Богу, отъ суетнаго міра въ вѣчный покой, призвалъ онъ къ себѣ благочестивую царицу и великую княгиню Ирину Ѳеодоровну, и, давъ ей о „Христѣ цѣлованіе“, простившись съ ней, не повелѣлъ ей царствовать, но принять иноческій образъ (Л. о. м. м. 45). Потомъ приказалъ призвать патриарха Іова и своихъ бояръ. Видя неминуемую кончину царя, патриархъ сказалъ ему: „видимъ государевъ мы свѣтъ померкающъ отъ очію нашихъ и тебя праведнаго отшествіе къ Богу: кому сіе царство и насъ сирыхъ приказываешь и свою царицу?“ Ѳеодоръ отвѣчалъ тихимъ голосомъ: „в—семъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій нашъ Богъ, како Ему угодно, тако и будетъ, а съ царицею моею Богъ воленъ како ей жить и о томъ у насъ уложено (Ник. л. VIII. 34)“. По духовному завѣщанію умирающей вручалъ послѣ себя скипетръ свой супругъ Иринѣ (Ник. л. VII. 352), а душу свою приказывалъ „отцу своему и богомольцу“, святѣйшему Іову патриарху, да брату своему царскому Ѳеодору Никитичу Романову Юрьеву, да шурину своему Борису Ѳеодоровичу Годунову (Собр. г. гр. и Доп. № 203, А. арх. эксп. II № 7). Давъ отвѣтъ патриарху въ присутствіи бояръ, царь повелѣлъ себя соборовать и причастился свят. таинъ. Въ часъ утра 7-го января, его уже не было... Бояре, видя, что царь скончался, начали неутѣшно плакать. Царица и великая княгиня Ирина Ѳеодоровна, услышавъ о смерти супруга, вскорѣ „притекла“ къ одру усопшаго, припала къ „его царскому тѣлу“ и восплакалась „горькимъ гласомъ“, испуская изъ очей „огненные слезы“ и бія руками въ перси; никто не могъ утолить плача неутѣшной вдовы (Ник. л. VII. 353 - 355): ее вынесли въ безмятствѣ (Бар. X Пр. 373; Де-Ту: СХХ. 179).

„Изрядный“ правитель Борисъ Ѳеодоровичъ вскорѣ повелѣлъ царскому сынкуиту, состоявшему изъ бояръ, цаловать животворящій крестъ и давать обѣтъ свой благочестивой царицѣ, какъ должетъ пречестному ихъ царскому

величеству. У крестнаго цалованія былъ святѣйшій патріархъ и весь освятииный соборъ (Ник. л. VII, 355).

На разсвѣтѣ, какъ скоро разнесся по всей Москвѣ слухъ о царскомъ преставленіи, повсюду „въ царствующемъ градѣ“ раздались вопль, стенаніе, воядыханіе, сѣтованіе; повсюду „въ царствующемъ градѣ“ слышалось персей біеніе“; не обрѣлся ни одинъ домъ, гдѣ бы не было плачущихъ. Святѣйшій патріархъ повелѣлъ благовѣститъ у соборной церкви Пречистой Богородицы, чтобъ собрать народъ. Люди съ усердіемъ стекались на звонъ колокола: іереи, діаконы, иноки, инокини, мужи и жены, изъ коихъ нѣкоторые несли грудныхъ младенцевъ на рукахъ.—Всѣ стремились во дворецъ къ одру усопшаго государя, чтобъ проститься съ нимъ и дать клятву въ вѣрности Иринѣ.

Когда приготовляли къ погребенію „честное тѣло“ царя, весь синклитъ „изливался въ слезахъ подобно рѣкѣ“. Омытое тѣло было положено въ гробъ въ присутствіи царицы, „бившей съ великою скорбью себя въ грудь, испускавшей изъ окровавленныхъ устъ задушевные вопли“, въ то время какъ печальный патріархъ напрасно утѣшалъ ее, тщетно молилъ прекратить сѣтованіе. Какъ скоро „приспѣло время“, святѣйшій патріархъ и весь освятииный соборъ взяли честныя, животворящія кресты и пошли „по тѣло царское“. Взяли останки Федора и понесли отъ царскихъ палатъ со псалмами и пѣснями, помавая благовонными еадилами, наполнявшими воздухъ ѳиміамомъ. Передъ духовенствомъ, несшимъ тѣло царское, равно какъ и вслѣдъ за нимъ шли бояре и народъ тѣсною толпою, рыдая и причитывая. Останки усопшаго государя были принесены въ церковь архистратига Михаила и тамъ поставлены на приготовленномъ для нихъ мѣстѣ, при звукахъ надгробнаго пѣнія. Въ теченіе всего того дня и всей ночи надъ покойнымъ совершалось „ѳѣснословіе“. На другой день, въ воскресенье, снова явился въ церковь архистратига Михаила патріархъ со всѣмъ освятиинымъ соборомъ; принесли во храмъ и царицу, полумертвую отъ „великаго скорбнаго сѣтованія и непрестаннаго плача“; собрались наконецъ бояре и народъ, неутѣшно рыдая. Въ придѣлѣ архистратига Михаила, гдѣ гробъ Ивана Грознаго и его сына, царевича Ивана, видѣлась могила, ископанная для раки Федоровой.—Патріархъ, облекшись въ священныя одежды, началъ служить панихиду, прерываемую „всхлипываніями и рыданіями присутствовавшихъ“. Сѣтовалъ и Годуновъ: слезы струились по лицу его. Предавъ царское тѣло землѣ, патріархъ, соборъ, бояре и народъ „христоименитаго званія“ единодушно воздѣли руки къ небу и слезно молились....

Вслѣдъ за обрядомъ погребенія, по повелѣнію царицы Ирины, собрали множество нищихъ, посадили за брашно, и, насытивъ, распустили одаренныхъ щедрой милостыней; тогда же отворены были всѣ темницы и „узилица“ и освобождены, вмѣстѣ съ другими, уголовные преступники: все это дѣлала Ирина, „ублажая душу почившаго супруга, украшая вѣнецъ его добродѣтелей. (Ник. л. 355—358 и Объ историч. знач. царств. Бориса Годунова. П. Павлова).

Въ 9-й день кончины, Ирина, оставивъ „превысочайшую царскую свѣтлость“, не вняла мольбамъ народнымъ и постриглась подъ именемъ Александры. (А. арх. эксп. II. № 7; Пал. 6, 7). Вслѣдъ за сестрой удалился въ Новодѣвичій монастырь и Годуновъ.

Узнавъ объ отреченіи Ирины, духовенство, бояре, народъ собрались въ Кремль для совѣщанія. Государственный дьякъ и печатникъ, Василий Щелкаловъ, вышелъ къ народу и, представивъ вредныя слѣдствія безначалія, требовалъ, чтобъ цаловали крестъ на имя думы боярской. Такъ дѣйствовалъ онъ, по всей вѣроятности, по желанію бояръ, въ особенности князей Шуйскихъ. (Объ историч. знач. царств. Бор. Годунова. П. Павлова). На требованіе Щелкалова раздался всеобщій крикъ: „не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу: ей мы дали присягу и другой ни дадимъ никому; она и въ черницахъ мать Россіи!“ Государственный дьякъ и печатникъ снова совѣтовался съ боярами, опять вышелъ къ народу и сказалъ, что царица навсегда отрекается отъ міра, и что народъ, во избѣжаніе неустройствъ, долженъ дать присягу на имя думы боярской. На это всѣ воскликнули: „да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Ѳеодоровичъ! онъ будетъ преемникомъ матери нашей, царицы!“

Всѣмъ соборомъ пошли въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ патріархъ Іовъ, говоря именемъ народа, заклиналъ инокиню Александру благословить брата на царство. Патріархъ сталъ послѣ того увѣщать Бориса, чтобы принялъ скипетръ. (Кар. X. Пр. 379. Шель: 451, 452. Де-ту: Hist. univ. SXX. 180). Но Годуновъ „не поддавался, отрицался“, говоря, что и безъ него есть много бояръ, достойныхъ избранія на царство (Л. о. н. м. 48); присовокуплялъ однакожь, что „съ бояры радѣти и промышляти радъ не токмо по прежнему, но и свѣше перваго“. Іовъ снова сталъ его упрашивать, но тщетно. Во все это время государствомъ управлялъ патріархъ съ боярскою думою, разсылая указы именемъ „царицы Александры“ и на ея же имя получая донесенія земскихъ воеводъ.

По совершеніи четырехдесятницы по царѣ Ѳеодорѣ, въ пятницу 17-го февраля собрался въ Кремль земскій соборъ, состоявшій изъ выборныхъ всѣхъ русскихъ городовъ, куда заблаговременно прибылъ патріархъ Іовъ и сказалъ: „и вы бы преосвященные митрополиты и архіепископы и епископы и архимариты и игумены и весь освященный соборъ и бояре и дворяне и привазные люди и гости (изъ купцовъ) и дѣти боярскіе и всѣхъ чиновъ всякіе люди царствующаго града Москвы и всея російская земля всѣ православные крестьяне о томъ о великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государствѣ государемъ быти“? (А. арх. эксп. II. № 7. Ср. Др. рос. Вис. въ ч. VII ту-же грам.) и, не дожидаясь отвѣта выборныхъ, продолжалъ: „а у меня Іова патріарха и у митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и у архимаритовъ и у игуменовъ и у всего освященнаго вселенскаго собора и у бояръ и у дворянъ и у приказныхъ и у служилыхъ всякихъ людей и у гостей (изъ купцовъ) и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ, мысль и со-

„вѣтъ всѣмъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Феодоровича иного „государя никого не искати и не хотѣти“. Соборъ безъ прекословія согласился съ Іовомъ.

Здѣсь же, говоритъ Павловъ, описывали на земскомъ соборѣ, какъ Годуновъ, будучи правителемъ, своею мудрою, неусыпною дѣятельностію возвысилъ государство, смирилъ хана, шведовъ, Литву, расширилъ государственные предѣлы; умножилъ число царей-данниковъ и слугъ; какъ знаменитѣйшія вѣнчанныя главы Европы и Азіи изъявляютъ уваженіе и пріязнь Москвѣ, какая тишина внутри государства, милость войску и народу, правосудіе въ присутственныхъ мѣстахъ, защита для нищихъ, вдовъ, сиротъ. Бояре и выборные, выслушавъ рѣчи, говоренныя на соборѣ, единодушно, съ клятвами и слезами положили, что мимо Бориса Феодоровича, царя имъ не искать.

Слышавъ „крѣпкій совѣтъ и хотѣніе всея земли“, святѣйшій патриархъ и соборъ святителей воспѣли благодарственный стихъ Богородицѣ: „Достоинно есть“; за симъ Іовъ благословилъ присутствовавшихъ, говори: „что имъ съ нимъ со святѣйшимъ Іовомъ, патриархомъ московскимъ и всея Руси, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ быти единомышленно на томъ на всемъ, какъ они приговорили“.

Февраля 18-го, въ часъ утра, духовенство, бояре и народъ съ колѣнопреклоненіемъ молились въ Успенскомъ соборѣ, чтобы сердце Бориса смягчилось и онъ наконецъ, преклонившись на общее желаніе, принялъ вѣнецъ; еще два дня прошло въ молебствіи, и февраля 20-го, Іовъ, предъидя духовенству, боярамъ, народу, явился окруженный несметною толпою, въ Новодѣвичій монастырь. Положили, 21-го февраля, пѣтъ во всѣхъ церквахъ молебенъ, также въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, потомъ взять честныя и животворящія кресты, чудотворныя образа „пречистой Богородицы Владимірской, которую написалъ богогласный Лука, пречистой Богородицы Донской, показавшей побѣду надъ безбожнымъ царемъ Мамаемъ, пречистой Богородицы, писъма чудотворца Петра, Пречистой Богородицы Одигитрии отъ прародителей государскихъ“, стоявшей въ дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, и еще попытать разъ сходить въ обитель Одигитрии, чтобы умолить непреклоннаго правителя принять державу. (Объ историческ. знач. царств. Бориса Годунова. П. Павлова стр. 13—14).

Лишь только крестный ходъ, сопровождаемый выборными и народомъ приблизился къ обители, скрывавшей въ своихъ стѣнахъ Ирину и Годунова, вынесли изъ обители, при колокольномъ звонѣ, крестному ходу во срѣтеніе, чудотворный образъ Смоленской Богоматери Одигитрии; вслѣдъ за чудотворною иконой шель Борисъ. Дойдя до образа пречистой Богородицы Владимірской, правитель, „слезъ много наполнивъ“, возопилъ голосомъ великимъ: „о „милосердая царице, пречистая Богородице; мати Христа Бога нашего! почто „толикъ подвигъ сотворила еси, и чудотворный свой образъ водвиги съ „честными кресты и со иными множества чудотворныхъ образовъ? Тѣмъ „пречистая Богородица, помолися о мнѣ и помилуй мя“. Говоря это, царь

онъ на землю передъ иконой пречистой Богородицы Владимірской „со многимъ рыданіемъ и плачемъ“, и, лежа на землѣ, орошалъ ее слезами „на много часъ“; послѣ того всталъ, приложился къ иконѣ Владимірской и къ другимъ, не переставая точить изъ очей „рѣки слезъ“. Подойдя къ первосвященствующему Іову патриарху, правитель молвилъ ему, плача: „о святѣйшій отецъ и государь мой, Іовъ патриархъ! почто чудныя чудотворныя иконы пречистыя Богородицы и честныя кресты воздвиглъ еси и толикъ многотрудный подвигъ сотворилъ еси?“ Великій первосвятитель, благословивъ Бориса Ѳеодоровича животворящимъ крестомъ, молвилъ ему сквозь слезы: „Не буди одержимъ печалью, Богомъ возлюбленный сыну, но утѣши сердце свое упованіемъ Божиимъ и пречистые Богородицы милостью и великихъ чудотворцевъ. Еще глаголеши, яко толикъ подвигъ азъ воздвигохъ; повѣмъ же ти сыну, истину глаголя: не азъ сей подвигъ сотворихъ, якоже глаголеши, но пречистая Богородица съ превѣчнымъ Своимъ младенцемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и съ великими чудотворцы, возлюби тебе и воздвигнеше и изволи притти и святую волю Сына Своего Бога нашего исполнити на тебѣ, государѣ нашемъ. Тѣмъ же, сыну, устыдися пришествіе ея, послушай яко же Богъ изволи и пречистая Богородица и великіе чудотворцы, и не буди противенъ воли Божіей, повинися святой воли Его и симъ послушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Его“. За симъ первосвятитель благословилъ правителя. Крестный ходъ вступилъ торжественно въ церковь Богородицы Одигитріи, а Годуновъ пошелъ въ келью сестры; бояре, дворяне, дѣти боярскіе и многіе другіе толпились въ оградѣ монастырской, не будучи въ состояніи помѣститься внутри ограды, около монастырскихъ стѣнъ, съ рыданіемъ и воплемъ, моля Бориса принять скипетръ царствія.

Святѣйшій патриархъ, совершивъ въ церкви пречистой Богородицы Одигитріи божественную литургію „соборѣ“, съ сынами своими, архіепископами, епископами, архимандритами и игуменами, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ животворящими крестами и чудотворными образами, въ священныя одеждахъ, въ чемъ служили литургію,—пошелъ въ келью иконы Александры; за нимъ послѣдовали бояре и весь царскій синклитъ. Дворяне же, дѣти боярскіе, люди служилые, приказные, купцы, крестьяне и иные, собранные въ обитель насильно, частію стоя въ оградѣ монастыря, частію же внѣ ограды, „съ великимъ плачемъ и рыданіемъ велегласно“ вопіяли: „о благочестивая царица и великая княгиня икона Александра Ѳеодоровна всея Руси! милосердуй о насъ, царица, пощади, пощади, благовѣрная и христолюбивая государыня; благослови и даждь благовѣчнаго царя на царство всѣмъ намъ благонадежнаго государя, всему російскому государству самодержца, брата своего государя нашего Бориса Ѳеодоровича!“ Также молили со слезами и Годунова, „чтобъ онъ государь пожаловалъ своихъ богомольцовъ, и бояръ и христолюбивое воинство и все православное христіанство, скипетроу царствія царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ былъ, царствующему-жъ граду Москвѣ

„и всему російскому государству самодержецъ, а намъ государь благонадежный“. Когда инокиня царица явилась у окна своей кельи, чтобъ взглянуть на народъ, ему дали о томъ знать помаваніемъ рукъ; люди пали ницъ: не хотѣвшимъ повергнуться на землю пристава и рачители Борисовы „пхали въ шю и били“, не хотѣвшимъ плакать приказывали мочить глаза слюною и вопить насильно. (Объ истор. знач. царств. В. Годунова. П. Павловъ).

Долго молили Александру. Наконецъ она тронулась и, „испуская слезные источники, со-многимъ духовнымъ умиленіемъ“ молвила: „великій еси, „Ты Господи и чудна дѣла Твоя, кто бо разумъ разумъ Твой, Владыко, или „кто когда совѣтникъ Тебѣ бысть, но якоже хочещи, тако и твориши, и „воля бо Твоей никтоже можетъ противитися: твориши бо елико хочещи“. Потомъ обратясь къ Іову, всему собору святителей и боярамъ сказала: „даю вамъ своего единокровнаго брата свѣта очю моего едиnorodна суща; „да будетъ вамъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержавцемъ, въ содержаніе скифетра нашего царствующаго града Москвы и „всѣхъ нашихъ государствъ великаго російскаго царствія“. Затѣмъ сталъ говорить Борисъ, воздохнувъ изъ глубины сердца: „Сія ли угодно твоему чело- „вѣколюбію, владыко, и тебѣ моей великой государынѣ, еже такое великое „бремя на меня возложила еси, неудобъ мною носиму быти, и на толикій „превысочайшій царскій престоль предаши меня, о немъ же мысли моей „не было и на разумъ мой не възде? всевидящій сердца чело-вѣческаго зри- „тель Богъ свидѣтель на меня, да и ты, моя великая государыня, что въ „мысли моей о томъ нѣтъ и на разумъ мой не възде: язъ всегда при тебѣ „хочу быти и святое пресвѣтлое равноангельское лице твое зрѣти“. Державная инокиня „во мнозімъ душевномъ умиленіи и тихости“, снова стала увѣщевать брата: „еже противу всемогущаго Бога воли кто можетъ стояти или „не повинуюся вопреки глагола? всемогущенъ бо есть и всесиленъ, творить „бо елико хочещи: и ты бы, братецъ мой, безо всякаго прекословія повиную- „ся воли божіи, былъ всему православному крестыниству государемъ“. Борисъ рыдалъ и отрицался, не хотя повидимому быти на государствѣ. Сестра продолжала: „слыши, братецъ, мой единокровный! Божіе бо есть дѣло, а не „чело-вѣческое; Вышняго промыслъ, а не чело-вѣчскій разумъ: аще бо на то „будеть воля Божія, буди такъ и сіе сотвори“. Наконецъ, „по многоувѣщательнымъ и премудрымъ умиленнымъ словесемъ“ сестры своей, Годуновъ изрекъ: „Господи Боже мой милостивый и прещедрый и чело-вѣколюбивый, Царь „царствующимъ и Господь господствующимъ! аще угодно сія Твоему чело- „вѣколюбію, Владыко, буди святая Твоя воля: Твой бо есмь рабъ, спаси мя „по милости Твоей и соблюди по множеству щедротъ Твоихъ: на Тя бо упо- „вахъ, спаси мя“. И обратясь къ патриарху, собору святителей, боярамъ заключилъ: „аще будетъ на то воля Божія, буди такъ“. Въ отвѣтъ на слова эти Іовъ, святители, бояре съ радостными слезами пали на землю и возслали благодарственное моленіе Богу. Потомъ патриархъ, вышедъ въ сопровожденіи собора святителей и бояръ изъ кельи Александры, возвѣстилъ

народу „всесильнаго Господа милость“, что, по „Его святой воли“, Борисъ Федоровичъ „пожаловалъ хотеть быти на великомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ“. Какъ море, всколыхался народъ, который единогласно, яко „единъми усты“, загремѣлъ: „Слава, слава „единому безсмертному всемогущему и вся содержащему въ Троицы славному Богу нашему, что не презрѣлъ моленія нашего и не оставилъ Насъ „сырыхъ по Своей святой милости и по нашему моленію и прошенію даль „намъ великаго государя царя правдѣ и милосты!“.

Послѣ того правитель пошелъ съ патриархомъ, духовенствомъ и боярами чрезъ толпу народную въ церковь Одигитріи, отслушалъ молебень у чудотворныхъ образовъ; послѣ молебна Іовъ, осеняя Бориса крестомъ, *въ первый разъ* благословилъ его на царство (Объ истор. значен. царств. Б. Годунова. П. Павловъ).

Между тѣмъ приближался день вѣнчанія на царство. Годуновъ, отложивъ его до 1-го сентября. Въ праздникъ Симеона Столпника сошелся въ Успенскомъ соборѣ народъ съ трепетнымъ ожиданіемъ. Патриархъ и духовенство были уже готовы для торжества. Явился наконецъ царь, окруженный сонмомъ бояръ. Начался обрядъ вѣнчанія. Во время вѣнчальнаго молебна, когда великій господинъ возложилъ длань на главу Годунова, сей послѣдній, говоритъ лѣтописецъ, „не вѣмы, что ради испусти... гласъ зѣло высокъ“. Борисъ, въ присутствіи многочисленнаго народа, говорилъ, обратившись къ пернопрестольнику: „се отче, великій патриархъ Іовъ, Богъ свидѣтель сему, „никто же убо будетъ въ моемъ царствіи нищъ или бѣденъ!“ и, потрясая воротомъ рубахи, продолжалъ: „и сію послѣднюю раздѣлю со всѣми“. Всѣ „потакали, говоритъ лѣтописъ, словамъ этимъ, ублажая глаголюща истинно“. За обрядомъ вѣнчанія слѣдовало трехдневное пиршество; награды безъ числа посыпались на приближенныхъ. „Давше всѣмъ имъ жалованье, сказано въ „лѣтописи, объявлялся всѣмъ добръ“. (Тамъ-же).

Примѣчаніе. Со времени вступленія Федора на престолъ, Годуновъ сталъ получать ежегодно царскаго жалованья 15.000 руб.; сверхъ того, въ качествѣ кошаго, съ царскихъ ковшенныхъ слободъ имѣлъ ежегодно дохода 12.000 руб.; съ торговыхъ бань, въ валами города Москвы, 1.500; съ пожалованной Федоромъ области Ваги или Шенкурска 32.000 руб.; изъ княжествъ—рязанскаго и сѣверскаго, 30.000 руб.; изъ городовъ Твери и Торжка 8.000 руб.; съ наследственныхъ своихъ владѣній, въ вяземскомъ и дорогобужскомъ уѣздахъ, умноженныхъ другими отчинами, имѣлъ Борисъ 8.000 руб. дохода: слѣдственно всего 106.500 руб., а не 93.700 руб., какъ невѣрно сосчитывалъ его современникъ Флетчеръ. Вудучи такимъ богачемъ, Годуновъ, по свидѣтельству Герсея, съ своими ближними въ 40 дней могъ вывести въ поле 100.000 вооруженныхъ людей. Достигнувъ того, къ чему стремился, взойдя на высоту величія, Годуновъ однакожь не могъ быть совершенно спокойнымъ: у трона стояли опасныя для него соперники, Вѣльскій, Романовы, Шуйскіе и Голицыны; надо было отъ нихъ отдѣлаться,—что имъ и исполнено.—(Объ историч. знач. царств. Бориса Годунова. П. Павлова. 1863 г.).

Подъ этимъ 1598 году упоминается въ лѣтописяхъ первымъ архіепископомъ вологодскимъ и велико—перскимъ *Іона*, рукоположенный патриархомъ

Говомъ.—Откуда былъ родомъ Иона и вѣмъ былъ до своего посвященія въ санъ архіепископа свѣдѣній не имѣется.

Примѣч. 1. Впрочемъ, судя по надписи, сдѣланной на панагинъ въ 1603 г. и пожертвванной въ монастырь, можно придти къ заключенію, что онъ, до своего посвященія въ санъ означеннаго архіепископа, былъ можетъ и былъ настоятелемъ Путивльскаго монастыря. Далѣе, подъ грамотою объ избраніи царемъ Бориса Годунова, встрѣчается подпись и архіепископа Ионы; (Акты археолог. экспед., т. II); а затѣмъ, судя по надписи на евангеліи, хранящемся въ Рождественскомъ монастырѣ, что на Клязьмѣ во Владимірѣ, онъ уже съ Вологды былъ переведенъ на митрополию въ Ростовъ, въ 1604 г. (Яросл. епарх. вѣд. 1862 г.).

Примѣч. 2. Въ надписи на евангеліи сказано слѣдующее: «лѣта 7116 марта, въ 16 день, начато дѣлать святое евангеліе при державѣ царя и великаго князя Василя Іоанновича всея Русси, по приказу преосвященнаго Ионы вологодскаго и великопермскаго, — а потому въ Ростовѣ Митрополита. Сдѣлано-жъ бысть сіе св. евангеліе въ лѣто 7124, мѣсяца апрѣля въ 20 день, при державѣ государя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи, въ третье лѣто царствованія его, тицаніемъ старца Серапіона Маркова». (Перм. епарх. вѣд. за 1869 г., № 37). Тѣло архіепископа предано земли въ Ростовскомъ соборѣ, хотя и можно предполагать, что онъ скончался на кокоѣ во Владимірскомъ Рождественскомъ монастырѣ.

Примѣч. 3. Лѣтописецъ о святителѣ Іовѣ записалъ слѣдующее: «св. Иона былъ пригнѣннымъ архіпастыремъ для Ростовской паствы: жизнь его сіяла добродѣтелями высокими, особенно-же смиреніемъ и молитвою, за что онъ удостоился дара прозорливости. Онъ первый донесъ патріарху и затѣмъ царю, что недостойный инокъ Григорій Отрепьевъ хочетъ быть царемъ. Царь отпавилъ Отрепьева въ Соловецкій монастырь, но онъ бѣжалъ съ дороги».

Примѣчаніе 4. По свѣдѣніямъ другихъ—архіепископъ Иона управлялъ епархією Вятскою и Велико-Пермскою съ 1588 по 1603 г. Другіе же говорятъ, что архіепископъ Иона, будучи хиротонисанъ въ 1589 году во епископа Вологодскаго и Вѣловерскаго, въ томъ же году пожалованъ во архіепископа, и что этихъ самымъ они не допускаютъ его архіепископомъ вятскимъ и велико-пермскимъ. (Истор. іер. безъ нач. листа Перм. дух. сем., по кат. № 1978).

Примѣчаніе 5. На стр. нашего труда мы уже высказали, что опредѣленіе времени управленія епископами и архіепископами вятской и велико-пермской епархій, дѣло весьма сбивчивое; посему, мы приведемъ поэтому дѣлу ихъ хронографъ съ 1570 по 1613 г., т. е. до начала втораго періода нашего труда, или точнѣе: до избранія на Всероссійскій престолъ дома Романовыхъ:

Епископъ Макарій съ 1570 до 1576 г.	6
— Варлаамъ съ 1576 до 1584 г.	8
Промежутокъ до	1
Ровно 300-ти лѣтіе:	
Епископъ Антоній съ 11 октября 1585 до 26 окт. 1587 г.	2
— Иона съ 1588 по 1603 г.	15
— Іоасафъ съ 1603 до мая 1609 г.	6 1/2
Промежутокъ	1 1/2
Епископъ Силверсть съ 1611 до 1613 г.	2
— Нектарій (грекъ) съ 1613 до 1616 г.	3
Промежутокъ	1
Епископъ Макарій съ 9 февр. 1617 до 22 юля 1619 г.	2 1/2
Промежутокъ	1 1/2

Преемникомъ еп. Ионы былъ *Іоасафъ II*, который былъ хиротонисанъ въ 1604 г.

На мѣстѣ, гдѣ въ древнія времена былъ вогульскій городокъ, называемый на пермскомъ или зырянскомъ нарѣчїи „Неромкарра“, заложенъ новой городъ Верхотурье. Отъ Неромкарра получила названіе и небольшая рѣчка Неромка, въ 2-хъ верстахъ отъ Верхотурья, впаившая въ рѣку Туру.

Примѣч. На мѣстѣ нынѣшняго г. Верхотурья расположено было вогульское городище, которое, до заложения новаго города, представляло возвышенность надъ водой иначе камень вышиною въ 12 сажень, а длиною по рѣкѣ Турѣ въ 60 саж; весь камень, иначе возвышенность, отдѣляется отъ окрестныхъ мѣстъ буераками, въ которыхъ протекають небольшія рѣчки,—отъ чего мѣстность представляется крутою и удобною для крѣпости. Вотъ интересный историческій актъ, представляющій подробное описываніе этой мѣстности того времени:

«Отъ царя и великаго князя Федора Ивановича всея Руссїи въ Пермь Великую, въ Чердынь, Василью Петровичю Головину, да Ивану Васильевичю Воейкову. Въ нынѣшнемъ въ 106 г., (1598 г.) октября въ 3 день, писалъ къ намъ изъ Перми Сарычъ Шестаковъ, да прислалъ городовому и острожному дѣлу роспись городища Нерамжуру, а въ росписи написано: отъ рѣки отъ Туры, по берегу крутово камня горы, отъ воды вверхъ высотой сажень съ 12 и больши, а саженьми не мѣряно, а та гора крутаутесь; и тово мѣста по Турѣ, по рѣкѣ, по самому берегу 60 сажень большихъ, и по смѣтѣ—де тому мѣсту городова стѣна не надобѣ, потому что то мѣсто добрѣ крѣпко, ни которыми дѣлм влѣсти не можно; и по нхъ бы смѣтѣ по тому мѣсту городова стѣна не надобѣ, потому что то мѣсто и безъ городовыя стѣны всякова города крѣпче, развѣ-бѣ по тому мѣсту велѣти хоромы поставить въ рядѣ,—что городъ-же, да избы подѣлать, и дворы-бѣ поставить постѣнно; а по угламъ города, отъ рѣки отъ Туры, поставить наугольныя башни.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ того мѣста, отъ рѣки отъ Туры по берегу, разсмотрѣли, сколь то мѣсто крѣпко, и мочно-ль быти по тому мѣсту, отъ рѣки отъ Туры безъ городовыя стѣны, и только будетъ то мѣсто крѣпко, и городова стѣна не надобѣ, и вы-бѣ сдѣлали новаго города 3 стѣны, а съ 4 сторону, отъ рѣки отъ Туры, велѣли поставить хоромы въ стѣну воеводскія, или которыя нынѣ поставить пригодится, которымъ быти въ городѣ пригоже, только бы было постѣнно, да избы подѣлать, а городовыя стѣны не ставити, велѣли-бы есте отъ рѣки поставить наугольныя башни для очищенія съ тѣхъ башень стѣны и за рѣку». Писана на Москвѣ, лѣта 7106 году, октября въ 12 день.—Подлинная за скрѣпю дьячка Вахрамеева.

Смотрѣніе за новостроеннымъ городомъ Верхотурьемъ поручено было воеводѣ Василью Петровичю Головину, да головѣ Ивану Васильевичю Воейкову.

Примѣч. Представимъ поэтому дѣлу грамоту въ такомъ видѣ, въ какомъ она у насъ имѣется въ записяхъ, хотя, впрочемъ, она по содержанію съ имѣющаея таковою же въ Сибирской исторїи Герарда Миллера, почти одна и та же; если-же и не согласуется съ послѣднею, то единственно одними лишь оборотами рѣчи: >Отъ царя и великаго князя Федора Ивановича всея Руссїи, на Туру, на Верхотурье, Василью Петровичю Головину, да Ивану Васильевичю Воейкову.

Въ нынѣшнемъ 106 году (1598 г.), въ 3 декабря, писали къ намъ изъ Перми, что велѣно вамъ быти на нашей службѣ—на новой на сибирской, на верхотурской дорогѣ, на старомъ на чудскомъ городищѣ, на Неромкуррѣ, поставить городокъ, и на городовое и на острожное дѣло, велѣно вамъ взять въ Перми Великой—у Сарыча Шестака 300 руб. денегъ, кои присланы въ Пермь изъ Москвы, для посонныхъ людей пѣшихъ, конныхъ и плотниковъ, со всякою ихъ снастью, по договору, съ крѣпкими за нихъ поруками, съ тѣмъ что они обязаны выстроить городъ и острогъ и, не окончивши этого дѣла, не должны оставить то дѣло; если же взятыхъ 300 руб. у

Шестака Сарыча окажется недостаточно, то велѣно взять еще 100 руб. или сколько нужно будетъ. въ Пермѣ, у того же Шестака, изъ земскихъ или кабацкихъ и о нихъ отписать въ Москву. И вы, приѣхавъ въ Великую Пермь, въ 11 ноября, и въ тотъ часъ, въ тотъ день велѣли брѣючу кликать, въ Пермѣ, въ Чердыни, въ уѣздѣ, по негостаямъ, и въ Соли-Камскую послали для того, чтобы охотники занимались къ нашему городскому дѣлу и росли на городскую и острожную сибѣ у Шестака взяли— съ обозначеніемъ сколько понадобится на городъ и башни лѣсу и сколько башенъ. И вы, примѣняясь къ той росписи опредѣлили, вмѣстѣ съ Сарычомъ, сколько потребуется людей пѣшихъ, конныхъ и плотниковъ, для скорѣйшаго построения города и острога, сколько людей конныхъ, и пѣшихъ, лѣсъ ронить и возить, городъ и острогъ ставить,—для чего по осмотру потребовалось 550 человекъ. И пѣшіе де люди посоха договорились по полутора рублю въ мѣсяцъ человеку, а просить денегъ вдругъ на 3 мѣсяца, а на полтора и на два мѣсяца не берутъ, а говорятъ, что мѣсто дальнее и пустое, безъ запаса идти не возможно, а конные договорились на мѣсяцъ по 2 руб. и по 26 алтынъ по 4 деньги, а плотники просятъ по 2 руб. на мѣсяцъ, а денегъ просить на 3-й мѣсяца.—И только городъ и острогъ дѣлать на скоро, а деньги давать на 3 мѣсяца,—и денегъ, по вашей сибѣ, слѣдуетъ 360 человекъ пѣшимъ 1.620 руб., да коннымъ 150 чел.—1260 руб., да плотникамъ 40 чел.—240 руб.; а всего денегъ за городское и острожное дѣло пососнымъ людямъ пѣшимъ, коннымъ и плотникамъ 550 человекъ на 3 мѣсяца—3.120 руб.; а изъ Москвы прислано только 300 рублей. Да въ Пермѣ велѣно взять у Сарыча Шестакова изъ кабацкихъ денегъ 100 руб. или сколько по сибѣ понадобится. И вы де у Сарыча и у земскихъ людей денегъ просили, но Сарычъ-де и земскіе люди въ кабацкихъ деньгахъ отказали и править ихъ Сарычу на земскихъ людехъ отказали. И вы положили и приговорили къ городскому и острожному дѣлу пососныхъ пѣшихъ людей 100 человекъ, конныхъ 50, да плотниковъ 10 человекъ, съ платою по мѣсячно—пѣшому по полутора руб. на человека, конному по 2 руб. по 6 алт. по 4 деньги на человека, а плотникамъ по 2 руб. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы дать имъ плату впередъ за 3 мѣсяца, такъ какъ они безъ этого условія въ то новое, пустое и дальнее мѣсто безъ запаса не шли, опасаясь голодной смерти,—тогда какъ, по меньшей мѣрѣ, тѣмъ пѣшимъ, коннымъ и плотникамъ 160 человекъ, слѣдуетъ выдать 530 руб., и то доведется лишь къ тѣмъ, присланнымъ изъ Москвы, 300 руб. Сарычу добавимъ 630 руб. И вы де у Сарыча денегъ просили, но онъ денегъ вамъ не далъ, а сказывалъ, что у чердынскаго старосты у Ивана Клеменьева съ товарищи, онъ, Сарычъ, денегъ просилъ и что хотя они и обѣщали выдать деньги, но время на то не указали. А вы де въ Пермѣ живете съ 11 ноября по 18 того же мѣсяца въ ожиданіи денегъ, а безъ нихъ и пососные записей не дадутъ. Но вы дурно сдѣлали, что наняли необходимыхъ людей дорогою цѣною, тѣмъ болѣе что отъ Соли-Камской до Верхотурья всего 200 верстъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и если вы, до полученія грамоты, не вышлите на Верхотурье на строеніе городского и острожного дѣла и денегъ вамъ еще не выдано, то немедленно взять и выдать за три мѣсяца—коннымъ 50 чел. по 40 алт., плотникамъ по 1 р., а пѣшимъ пососнымъ по 30 алт. въ мѣсяцъ; а буде означенные люди у васъ указанныхъ денегъ не возмуть и вы тѣмъ пососнымъ людей доправте на Сарычѣ и на пермскихъ—со всей пермской земли; а буде вы взяли у пермичъ деньги и выдали уже по договору, то велѣли-бъ тѣ деньги, сверхъ указанной цѣны, доправить назадъ и ихъ отдать назадъ пермичамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы къ веснѣ поставить на Верхотурья городъ и острогъ“.

Данъ въ Москвѣ 7106 (1598), декабря въ 15 день, за скрѣпной дьячка Ивана Вахрамеева.

При концѣ открытой Бабиновымъ дороги, тамъ гдѣ она подошла къ р. Турѣ, вмѣсто г. Лозвы, выбрали мѣсто подъ городъ Верхотурье; городъ же

Лозву сломали, а жителей опредѣлили къ строенію и къ поселенію г. Верхотурья.

Примѣчаніе. Приведемъ по этому поводу грамоту: „Господину князю Петру Михайловичю да Дементью Григорьевичю, Иванъ Троханіотовъ да Иванъ Неѣловъ челоуѣ быють. Писаль, господине, къ намъ государь царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ всея Русіи, что Лозвинскому городу впредь не быти, а быти ему розорену; а на его мѣсто, на Верхотурской дорогѣ, быти городу на старомъ Чюдкомѣ городищѣ на Нерокурѣ, и стрѣльцовъ съ Лозвы велѣлъ государь послати на Верхотурье для городового дѣла и для ихъ строеня, потому что Лозвинскимъ людемъ тамо быти. И о томъ, господине, государь къ намъ писалъ же, а велѣлъ намъ къ вамъ, на Пелымъ, отписати про Лозвинскій городъ и про острогъ, только будетъ на Пелымъ тотъ городъ и острогъ пригодится къ старому Пелымскому городу, и къ острогу на подѣлку или на хоромную ставку, и какъ бы государеву дѣлу было прибыльнѣе, и служивымъ людемъ легче, что готовой городской и острожной лѣсъ понизовою водою приприводити; и вамъ бы, господине, къ вамъ о томъ на Лозву отписати, и людей прислати, кому тотъ Лозвинскій городъ и острогъ рушати, и понизовою водою перепроводити съ Лозвы на Пелымъ; и къ вамъ о томъ государь съ Пелымскимъ литвиномъ съ Косткомъ писалъ-же; и вы бы, господине, о томъ къ намъ съ Лозвинскимъ стрѣльцомъ съ Федькомъ съ Холуевымъ отписали. И о томъ государь къ намъ писалъ-же, что намъ велѣлъ государь зимовати на Лозвѣ, а суды намъ велѣлъ готовить, и подъ свою государеву казну, и подъ всѣхъ ратныхъ людей, въ чемъ провадити его государеву казну намъ съ Лозвы со служивыми людьми весною на Верхотурье итти«. — На грамотѣ имѣется помѣта: „Сія отписка получена въ Пелымѣ генваря 17 дня 7106“.

Въ Чердыни воеводою былъ Василій Петровичъ Головинъ, да съ нимъ голова Иванъ Васильевичъ Воейковъ; они же завѣдывали новымъ городомъ Верхотурьемъ.

Въ семь году назначенъ изъ Тобольска на Верхотурье атаманомъ Верхотурскихъ стрѣльцовъ Пинай Степановъ съ жалованьемъ 11 руб. въ годъ, да хлѣбнаго жалованья 7 четей муки, по четьи крупъ, да по стольку-жъ толокна.

Примѣчаніе. Приведемъ царскую грамоту, отъ 4 сентября, на Верхотурье, Василью Головину и Ивану Воейкову, *объ опредѣленіи Пиная Степанова атаманомъ верхотурскихъ стрѣльцовъ.*

«Отъ царя и великаго князя Бориса Феодоровича всея Русіи, въ новой городъ на Верхотурье, Василью Петровичю Головину да Ивану Васильевичю Воейкову. Вилъ Намъ челоуѣ Тобольскаго города атаманъ казачей Пинай Степановъ, а сказалъ: служилъ деи онъ въ Сибири, въ Тобольскомъ городѣ, всякія наши службы, зимнія и лѣтнія, конныя, и струговая, и лыжная, двѣнадцать лѣтъ, а емлетъ онъ нашего денежнаго жалованья по одиннадцати рублевъ, а хлѣбнаго жалованья по девяти четьямъ на годъ; и намъ бы его пожаловати, велѣти ему быти на нашей службѣ въ новомъ городѣ на Верхотурѣ въ атаманѣхъ. И какъ къ намъ съ наша грамота придетъ, и атаманъ Пинай Степановъ изъ Тобольскаго въ новой городъ на Верхотурье пріѣдетъ, и вы съ ему велѣли жити въ новомъ городѣ на Верхотурѣ и приказали ему вѣдати Верхотурскихъ стрѣльцовъ, и на нашу службу во всякія посылки его посылали; а нашего ему впередъ денежнаго жалованья давали, тожь что давано въ Тобольскомъ, по одиннадцати рублевъ, да хлѣба: по семи четей муки ржаной, по четьи крупъ, по четьи толокна. А какъ атаманъ Пинай Степановъ на Верхотурѣ изъ Тобольскаго пріѣдетъ, и вы съ объ немъ отписали къ намъ къ Москвѣ, въ Четъ дѣла нашего Ивана Вахромеева, чтобъ намъ было вѣдомо». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7107, сентября въ 4 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотур. Уѣднана Суда, писанъ на листочкѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣеть на оборотѣ надпись: Въ Сибирь, въ новой городъ на Верхотурье, Василью Петровичю Головину да Ивану Васильевичю Воейкову; Тамъ же помята: 107 года ноября въ 29 день, привесть сю грамоту атаманъ Пинай Степановъ да Дружина Юрьевъ.

Царскою грамотою, 29 декабря, запрещалось брать подводы у Тюменскихъ татаръ, привезшихъ на Верхотурье гонцовъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ.

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту, данную 29 декабря 1598 г., на Верхотурье, Василью Головину и головѣ Ивану Воейкову, о запрещеніи брать у Тюменскихъ татаръ для гонцовъ подводъ.

«Отъ царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русіи, въ новой городъ на Верхотурье, Василью Петровичю Головину да головѣ Ивану Васильевичю Воейкову. Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а изъ которыхъ изъ сибирскихъ городовъ поѣдутъ гонцы. дѣти боярскіе и литва, и казаки и стрѣльцы, къ намъ къ Москвѣ съ отписками, и пріѣдутъ къ вамъ на Верхотурье на татарскихъ подводахъ Тюменского уѣзда, и вы бѣ однолично Тюменскихъ подводъ, мимо новой городъ, подъ гонцы, подъ дѣти боярскими, и подъ казаки и подъ стрѣльцы не пропускали, чтобъ Тюменскихъ татаромъ однолично въ подводахъ убытковъ не было; а которыя подводы Тюменскіе и пропущены, мимо Верхотурья, къ Соли къ Камской, а наваздъ не бывали, или которыя подводы у Соли у Камской пали, и за тѣ подводы велѣно на усолдахъ деньги доправить, по пяти рублевъ за подводу, и отослать велѣно на Тюмень къ воеводѣ ко князю Володимеру къ Вахтеярову-Ростовскому, и отдать ему велѣно тѣмъ Тюменскимъ татаромъ, у которыхъ татаръ тѣ подводы у Соли у Камской пали; и отпускали бѣ есте гонцовъ, съ Верхотурья до Соли до Камской, которые поѣдутъ съ обычными грамотами, а не съ вѣстими, по прежней нашей грамотѣ, гѣшихъ, чтобъ татаромъ въ подводахъ убытковъ не было; а которые гонцы погоняютъ скорымъ дѣломъ, и вы бѣ имъ подводы велѣли давати, имавъ у Верхотурскихъ вогуличъ и у остояковъ, и на усольскихъ подводахъ *)». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7107, декабря въ 29 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго Уѣднана Суда, писанъ столбцомъ, на двухъ листкахъ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣеть на оборотѣ надпись: Въ Сибирь, въ новой городъ на Верхотурье, Василью Петровичю Головину да головѣ Ивану Васильевичю Воейкову; тамъ же помята: 107 года, февраля въ 23 день, привесть сю грамоту Даянло Будковъ.

Запрещалось брать ясакъ съ татаръ и остояковъ—бѣдныхъ, старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ.

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту, данную въ концѣ декабря, на Верхотурье, Василью Головину и головѣ Ивану Воейкову, о невысканіи ясака съ татаръ и остояковъ бѣдныхъ, также со старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ.

«Отъ царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русіи, въ новой городъ на Верхотурье, Василью Петровичю Головину да головѣ Ивану Васильевичю Воейкову. Писано къ вамъ отъ насъ впередъ сего многижды, а велѣно вамъ со всѣхъ ясачныхъ татаръ и съ остояковъ нашъ ясакъ имати по ясачнымъ книгамъ; а которые будутъ ясачные татарове и остояки болны, или стары, или увѣчны и худы, и нашего имъ ясаку давати немочно, и вамъ про тѣхъ ясачныхъ татаръ и про остояковъ смыскивая до прями, нашего ясаку имати не велѣно; а которые будутъ выздоровѣють, и вамъ велѣно съ тѣхъ ясачныхъ татаръ и съ остояковъ впередъ нашъ ясакъ имати по прежнему, будетъ имъ мочно заплаити; а за прошлые годы имати имъ на худныхъ ости-

*) Въ подл. два послѣднія слова добавлены между строкъ.

кѣхъ не велѣли; а которые будутъ татарове и остяки, ясачные худы, и съ тѣхъ и впередъ нашего ясаку не имати и въ книги того нашего ясаку на нихъ въ донку не писати. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ по прежнимъ и по сей нашей грамотѣ, съ нашихъ съ ясачныхъ татаръ и съ остяковъ, старыхъ и съ увѣчныхъ, и слѣпыхъ и съ худыхъ, съ которыхъ нашего ясаку взяти не мочно, сыскивая допряма, нашего ясаку не имали; а которые будутъ ясачные татарове и остяки худые къ вамъ учнуть, въ нашъ ясакъ, приносить, для своихъ нужъ, шубенка гудне соболей и всякіе шубенка худые, потому что ихъ соболей добыти не мочно, и вы бѣ у нихъ, для ихъ нужъ, не имали, а тѣмъ мы ихъ пошлювали, въ ясакъ у нихъ того имати не велѣли; а того бѣ есте сыскивали накрѣпко, съ которыхъ ясачныхъ татаръ и съ остяковъ мочно нашъ ясакъ имати, и вы-бѣ съ тѣхъ татаръ нашъ ясакъ имали соболями и лисицами и бобрами и бѣлками и горностан и шубами*), вчитаячи въ соболей мѣсто, а однолично-бѣ есте съ старыхъ, и съ увѣчныхъ, и слѣпыхъ и съ худыхъ нашего ясаку не имали; а которые будутъ ясачные татарове учнуть къ вамъ съ нашихъ ясакомъ приходити, и учнуть къ вамъ поминки за ясакомъ.... соболи и бобры и лисицы.... (конецъ оторванъ).

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго Уѣднаго Суда, писанъ столбцомъ, на двухъ склеенныхъ листкахъ. На оборотѣ по склейкѣ: дѣлкъ Иванъ Вахромеевъ. Былъ сложенъ пакетомъ, на оборотѣ же имѣетъ надпись: Въ Сибирь, въ новый городъ на Верхотурьѣ, Василью Петровичю Головину да Ивану Васильевичю Воейкову; тамъ же помѣты: 107 года, февраля въ 28 день, привезъ сю грамоту Данило Будковъ.

Велѣно изъ Лозвы перевести церковное строеніе въ казну въ новый городъ на Верхотурьѣ, а верхотурскимъ стрѣльцамъ и казакамъ выдать изъ казны жалованье, подмоги на дворы, по рублю на человѣка.

Примѣчаніе. Последнее видно изъ грамоты, отъ 20 февраля 1599 года, данной Верхотурскому воеводѣ Василью Головину, о дачѣ стрѣльцамъ и казакамъ на дворовое строеніе подможныхъ денегъ.

«Отъ царя и великого князя Бориса Феодоровича всеа Русіи, въ новой городъ на Верхотурьѣ, Василью Петровичю Головину да Иванъ Васильевичю Воейкову. Били намъ челомъ Верхотурскаго города стрѣльцкіе и казачьи десятичники Ромашко Голенищевъ да Федеа Бровка, и въ товарищей своихъ мѣсто сорока шти человѣкъ, а скали: въ прошложъ денъ въ 106-мъ году, по нашему указу, велѣно Ивану Троханіотову да головѣ Ивану Неѣлову, съ Лозвы церковное строенье, и нашу казну, и ихъ служилыхъ людей, перевести въ новой городъ на Верхотурьѣ; и имъ денъ на Верхотурьѣ дворовъ своихъ поставить нечѣмъ, и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ дати подмогу на дворы, какъ и въ иныхъ городѣхъ стрѣльцомъ и казакомъ на дворы давано.— И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Верхотурскимъ будетъ стрѣльцомъ и казакомъ нашего жалованья, подмоги на дворы, не дано, и вы-бѣ Верхотурскимъ стрѣльцомъ и казакомъ, Ромашку Голенищеву съ товарищи, которымъ подмоги на дворы не дано, дали изъ нашихъ казны, что привезъ съ Лозвы Иванъ Троханіотовъ, нашего жалованья, подмоги на дворы, по рублю человѣку, и въ расходныя книги написали». Писано на Москвѣ, лѣта 7107, февраля въ 20' день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго Уѣднаго Суда, писанъ столбцомъ, на листкѣ. На оборотѣ его надпись: Въ новой городъ на Верхотурьѣ, Василью Петровичю Головину да Иванъ Васильевичю Воейкову; тамъ же отъсю помѣта: 107 года апрѣля въ 5 день, привезъ сю грамоту Верхотурской стрѣлецъ Осонка Елтышевъ.

*) Слово это прибавлено между строкъ.

Борисъ Годуновъ поведѣвалъ обращаться съ вогулами кротко и не брать съ нихъ лишняго ясаку.

Основано село Павдинское, Верхотурскаго уѣзда, съ таможеню, для провозимыхъ въ Сибирь товаровъ.

Положено начало основанію въ г. Верхотурьѣ деревянной церкви во имя святаго Живоначальнаго Троицы, съ придѣломъ во имя св. Θεодора Стратилата. (Распр. христ. вѣры въ предѣлахъ Пермск. губ. Арх. Макарія. 1857 г. стр. 39).

1599 годъ.

Чердынскимъ воеводой былъ Григорій Гиневлевъ и сидѣлъ три года, а Верхотурскимъ—кн. Ив. Мих. Вяземскій, головой же Гаврило Салмановъ *).

Въ Верхотурьѣ освященъ храмъ во имя святаго Живоначальнаго Троицы, съ придѣломъ во имя св. Θεодора Стратилата.

Велѣно починить дорогу между Соликамскомъ и Верхотурьемъ.

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту по этому дѣлу, отъ 22 апрѣля 1599 года, Верхотурскому воеводѣ Василію Головину, о починкѣ новой дороги между Солю Камскою и Верхотурьемъ.

« съ новыя дороги тѣхъ Пермскихъ цѣловальниковъ нашимъ дѣломъ не радѣеть и посошными людьми рѣшаютъ; а Пермскіе цѣловальники къ намъ писали на вожа на Ортюшку, что деи имъ вожъ Ортюшка велить дороги чистить узко и мосты мостить худне; а сколько цѣловальники посошными людьми новыя дороги, отъ Соли отъ Камскіе до новаго города до Верхотурья, чистили и мостовъ мостили, и тому прислали къ намъ роспись. А въ росписи написано: отъ Соли отъ Камскіе до новаго города до Верхотурья двѣсти шестьдесятъ три версты, а мостовъ мостили, отъ Соли отъ Камскіе, черезъ рѣчки, и черезъ бояраки и черезъ грязныя мѣста, до Верхотурья, поперечныхъ семь мостовъ, длинныхъ тридцать мостовъ; а на поперечныхъ мостѣхъ пятьдесятъ шесть сажень, а на длинныхъ мостѣхъ сто тридцать пять сажень. А которые ѣздятъ съ Москвы въ Сибирь, и изъ Сибири къ Москвѣ, воеводы и головы и дѣти боярскіе и всякіе служивые люди, и про ту про новую про Сибирскую дорогу намъ сказываютъ, что та новая дорога чищена и мосты мощены худо, пенье сѣчено не изъ кореня, и заломы по дорогѣ великіе, и чищена дорога узко, и мосты, которые были мощены на рѣчкахъ и на ручьяхъ и въ бояракахъ, вешнею водою поносило, а на грязѣхъ и на болотахъ мосты изпроломались, и выбои по той дорогѣ великіе; и толко деи тое новыя дороги, съ весны, лѣтнею порою, не чистить и мостовъ не мостятъ, и впередъ тою новою дорогомъ, зимнею и лѣтнею порою, сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ и сибирскія казны провадити будетъ не мочно, и ѣздити тою новою дорогомъ служивымъ людемъ нужда великая. И мы нынѣ писали въ Пермь Великую, къ Григорью Гиневлеву, и къ старостамъ и къ цѣловальникомъ, а велѣли имъ, взявъ съ пермскихъ земель дву цѣловальниковъ да посошныхъ людей, сколько человекъ пригоже, послати тое новыя дороги инова чистить и мосты мостить. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ тотчасъ послали съ Верхотурья сына боярскаго добра, да съ нимъ вожа Ортюшку Вабинова, а велѣли имъ, съ Пермскими съ посошными людьми, тое новую дорогу, отъ Соли отъ Камскіе до Верхотурья, чистити и мосты мостити, и то-бъ есте сыну боярскому, которого пошлете, и вожу

*) По другимъ свѣдѣніямъ въ новомъ городѣ Верхотурьѣ были воеводами Василій Головинъ и Иванъ Воейковъ (1599—1600 г.).

Орляшикъ приказали на крѣпко, чтобъ дорогу чистили старого лучше и шире, и пеня-бъ не было, и мосты-бъ мостили хороши, чтобъ та дорога была не узка, и мосты были хороши, и пеня бы чистили изъ кореня, и заломовъ бы на той дорогѣ не было, чтобъ наши сибирскіе хлѣбные запасы и всякая наша казна было провадити-тою дорогою мочно, и служивымъ бы всякимъ людямъ ѣзда тою дорогою, въ грязѣхъ и въ недомотѣхъ нужи не было; а какъ тое дорогу вычистятъ и мосты намостятъ, и вы-бъ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ, и велѣли отписку отдать въ Казанскому и въ Мещерскому дворцѣ, діакомъ нашимъ Овоясыю Власьеву да Нечаю Федорову, чтобъ намъ было вѣдомо». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7107, апрѣля въ 22 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго Уѣзднаго Суда, безъ начала, писанъ столбцомъ, на трехъ вмѣстѣ склеенныхъ листкахъ. На оборотѣ по склейкамъ: Діакъ Нечай Федоровъ. Былъ свернутъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ же надпись: . . . Василью Петровичу Головину да головѣ Ивакѣ Васильевичу . . . ; тамъ же помята: . . . привезъ грамоту сынъ боярской Петръ Албычевъ.

Повелѣно царскою грамотою отъ 4 мая Верхотурскому воеводѣ Василю Головину и головѣ Ив. Воейкову отпускать служивымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ, хлѣбное жалованье, по казенной Московской мѣрѣ.

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту, отъ 4 мая 1599 года, Верхотурскому воеводѣ Василю Головину и головѣ Ивану Воейкову, *объ отпускѣ служивымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ, хлѣбнаго жалованья, съ казенную Московскую мѣру.*

«Отъ царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русіи, въ новой городъ на Верхотурье, Василю Петровичу Головину да головѣ Ивакѣ Васильевичу Воейкову. Прже сего давали на Верхотурѣ и во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ наше хлѣбное жалованье служивымъ людямъ, ружникомъ и всякимъ оброчникомъ, въ ту мѣру, въ которую привозили хлѣбные запасы цѣловальники съ Черни Великой и изъ иныхъ городоу; и нынѣ указали есмь давати на Верхотурѣ и во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ служивымъ людямъ, ружникомъ и всякимъ оброчникомъ, наше хлѣбное годовое жалованье въ казенную въ Московскую въ мѣдяную мѣру, въ которую даютъ наше хлѣбное жалованье на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ, и наша казенная мѣдяная осмина отъ насъ съ Москвы къ вамъ на Верхотурье послана. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а верхотурскимъ будетъ ружникомъ и всякимъ оброчникомъ нашего хлѣбного жалованья на нынѣшней на 107 годъ не дано, и вы - бѣ верхотурскимъ служивымъ людямъ, ружникомъ и всякимъ оброчникомъ, давали наше хлѣбное жалованье, въ нашу въ казенную въ мѣдяную осмину, какова къ вамъ послана за нашею печатью». Писанъ на Москвѣ, лѣтъ 7107, мая въ 4 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго Уѣзднаго Суда, писанъ столбцомъ, на листкѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: Въ новой городъ на Верхотурье, Василю Петровичу Головину да головѣ Ивакѣ Васильевичу Воейкову; тамъ же помята: 107 году іюня въ 28 день привезъ грамоту сынъ боярской Петръ Албычевъ.

Царскою грамотою отъ 29 ноября Верхотурскому воеводѣ князю Вяземскому и головѣ Салманову, *объ отводѣ Верхотурскимъ торговымъ людямъ угодеуъ по рѣкѣ Косевѣ, отдѣльно отъ вогулить.*

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту, отъ 29 ноября 1599 года, Верхотурскому воеводѣ князю Вяземскому и головѣ Салманову, *объ отводѣ Верхотурскимъ торговымъ людямъ угодеуъ по рѣкѣ Косевѣ, отдѣльно отъ вогулить.*

«Отъ царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русіи, въ новой городъ на Верхотурье, воеводѣ нашему князю Ивану Михайловичу Вяземскому да головѣ Гаврилу Самойловичу Салманову. Были намъ челомъ Верхотурского города новые жилищкіе торговые люди, Илейка Терентьевъ да Васка Лонкинъ, и во всѣхъ товарищей своихъ мѣсто, а сказали: въ прошломъ денъ въ 107-мъ году были денъ намъ челомъ

Верхотурскіе вогуличы, о рѣкѣ о Косвѣ, о сѣнныхъ покосѣхъ, и о рыбной ловлѣ, и по ихъ деи челобитью дава имъ наша грамота, а велѣно имъ томъ Косвою рѣкою владѣти, и по той Косвѣ рѣкѣ сѣно косити, и рыбу и звѣри ловити, и всякими угодыи владѣти; и тѣ деи вогуличы томъ Косвою рѣкою сами мало и владѣютъ, отдають покосы въ наемъ пермичамъ; и наемъ бы ихъ, новыхъ Верхотурскихъ жилаецкихъ людей, пожаловати велѣти бѣ имъ, для зимняго пути и судового ходу, на рѣкѣ на Косвѣ поставитъ дворы и амбары для ихъ великіе нужи, и велѣти бѣ по той по Косвѣ рѣкѣ, отъ старныя отъ зимняа дороги, куды пражъ того была, внизъ, и по островамъ, и по берегамъ, и по мелкимъ рѣчкамъ, которыя въ Косву впали, сѣнными покосы, и рыбными, и звѣринными ловлями и всякими угодыи владѣти имъ.—И будетъ такъ, какъ наемъ Верхотурскаго города новые жилаецкіе люди были челоуъ, а у вогуличъ будетъ, oprычъ той рѣки Косвы, есть нныя угодыя; и вы-бѣ тѣмъ Верхотурскимъ новымъ жилаецкимъ людямъ, Илейкѣ Терентьеву да Васкѣ Лошкину съ товарищи, на Косвѣ рѣкѣ дворы и амбары поставити велѣли, и по той по Косвѣ рѣкѣ, отъ старныя отъ зимняа дороги, куды пражъ того была, внизъ, и по островамъ, и по берегамъ, и по мелкимъ рѣчкамъ, которыя въ Косву впали, сѣнными покосы, и рыбными и звѣринными ловлями и всякими угодыи велѣли владѣти; а будетъ у вогуличъ, oprычъ той рѣки, нныхъ угодыихъ такихъ мѣсть нѣтъ, и вы-бѣ вогуличамъ съ верхотурскими съ торговыми людьми, съ Илейкою съ товарищи, по той рѣкѣ по Косвѣ сѣнные покосы, и рыбные, и звѣринные ловли и всякіе угодыя подѣлили, какъ будетъ доведетца, чтобъ вогуличамъ въ томъ тѣсноты не было, а верхотурскимъ торговымъ людямъ потому жѣ въ томъ нужи нѣ было». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7108, ноября въ 29 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго Уезднаго Суда, писанъ столбцомъ, на двухъ емствѣ склеенныхъ листкахъ, со скръпю по склейкѣ: Діакъ Нечай Федоровъ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣтъ на оборотѣ надписъ: Въ новой городъ на Верхотурь, воеводѣ нашему князю Ивану Михайловичю Вяземскому да головѣ Гаврилу Самойловичю Салманову; тамъ же помѣта: 108 генваря въ 22 день привезъ сю грамоту верхотурской жилаецъ Илейка

Отъ Бориса Годунова послѣдовала грамота 25 іюня объ увольненіи на 1600 годъ, ради царскаго коронованія, всѣхъ въ Сибири живущихъ князей, мурзь, остяковъ, вогуличей и всѣхъ ясачныхъ людей, отъ взыманія съ нихъ податей мягкою рухлядью.—

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всея Русіи, въ новой городъ на Верхотурь, воеводѣ нашему князю Ивану Михайловичю Вяземскому, да головѣ Гаврилу Самойловичю Салманову: пожаловали есмыя для своего царскаго вѣнца и многолѣтнево здравія и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всея Русіи многолѣтнево здравія, всѣхъ сибирскихъ людей впередъ на 108 годъ яску съ нихъ—соболей, и куницъ, и лисицъ, и бобровъ и бѣлки имать не велѣли. И какъ въ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ велѣли у себя быти Верхотурскимъ вогуличамъ и остякомъ изъ волостей, и лучшимъ людямъ по кольку челоуѣвъ пригожъ, а сами-бѣ есте были въ сѣбѣже набѣ въ цвѣтномъ платѣ, и дѣти-бѣ боярскіе, и литва, и казаки и стрѣльцы въ тѣ поры были при васъ въ цвѣтномъ же платѣ, и сказали-бѣ есте имъ наше царское жаловальное слово, что мы своимъ царскимъ осмотрѣнисъ для своего царскаго вѣнца и многолѣтнево здравія, и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всея Русіи многолѣтнево здравія во всемъ нашемъ государствѣ всякихъ людей пожаловали. А ихъ всея сибирскія земли князей и мурзь, и татаръ, и остяковъ, и вогуличъ и всенхъ ясачныхъ людей своимъ царскимъ жалованьемъ пожаловали есмыя впередъ ясому съ нихъ соболей, и куницъ, и лисицъ, и бѣлки, и горностаявъ и всякаго ясаку имать не велѣли, и велѣли имъ жити во льготѣ, чтобъ сибирскимъ людямъ ни въ чемъ нужи не было, и они-бѣ сибирскіе

князи, и мураны, и татарове, и остяки и вогуличи всякіе люди жили въ нашемъ царскомъ жалованьѣ во всемъ въ облеченьѣ, и въ покоѣ и въ тишинѣ безовсяжнаго сумнѣнія и промысли всякими промышленями, и торговали повольно. И намъ великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всея Русіи Самодержцу, и сыну нашему царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русіи служили и приняли во всемъ по своей шерти, на чомъ намъ великому государю шерть дали, и надъ воры воровства и шатости и всякого лихоу умышленія смотрели и берегли накрѣпко, и дѣтей своихъ, и братью, и дядьи и племянниковъ отовсюду привывали, и сказывали имъ наше царское жалованье, что мы ихъ пожаловали ясаку съ нихъ имать не велѣли, и велѣли имъ жити безоборочно, и въ городахъ бы юрты и въ уѣздахъ волости полнили. А въ которыхъ будетъ людяхъ почать шатости и воровства, и они-бъ воровъ не укрывали и не таили, тѣмъ бы намъ службу свою и правду показали, и тѣмъ воровъ, которыхъ почать шатость и воровство, сказывали, и имая ихъ приводили къ вамъ. А кто на кого скажетъ какое воровство или нагнѣву, и смѣется допрама, и имъ тѣхъ людей пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, и животы ихъ и вотчинныя земли имъ отдать, кто на кого какую измѣну и воровство доведетъ. А сказавъ имъ наше жаловальное слово, велѣли ихъ накормить и напоить гораздо нашими запаси, которые посланы для татарскаго корму, и ясаку-бъ есте со всѣхъ волостей на 108 годъ имать не велѣли. А какъ на нихъ впредь ясакъ положить, и вы-бъ рассмотря къ намъ отписали, какъ на сибирскія волости впредь ясакъ положить, потому-жъ ли какъ винѣ имали, или съ которыхъ убавить, а на иные прибавить, того бы есте всего рассмотрели, какъ кому мочно впередъ платить безъ нужи, чтобъ впередъ стоятельно и прочно и безъ нужи было. И жили бы есте съ великимъ береженьемъ, и нашии дѣлами промышленями смотря по тамошнему дѣлу, и намъ во всемъ прибыли искали; во всемъ есмья положили наше дѣло на васъ. А кого учнете по городкомъ и по волостямъ посылати; и вы-бъ имъ приказывали и берегли накрѣпко, чтобъ они съ остатковъ и съ вогуличъ посуловъ и поминковъ не имали, и продажи и насильства не чинили ни которыми дѣлами; а кто учнетъ съ нихъ посулы и поминки имати, и вы-бъ тѣхъ людей смыскавъ наказанье имъ чинили смотря по винѣ, а взятое отдавали назадъ, а будетъ мочно, и вы-бъ тѣ грамоты розсылали по городкомъ и по волостямъ съ тучочными князьки съ кѣмъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу. < Писанъ на Москвѣ, лѣта 7107, іюня въ 25 день. За скрѣпю Дьячка Нечая Федорова. (Сиб. Истор. Мил. стр. 277).

Городъ Лозва служилъ мѣстомъ управленія сосѣднихъ вогуль, но такъ какъ послѣднихъ оказалось незначительное количество, то содержаніе города признаво совершенно излишнимъ,—посему онъ и упраздненъ: управленіе же вогулами возложено на воеводъ верхотурскаго и пелымскаго; городъ же Лозву приказано сломать, а жителей перевести въ Верхотурье, частію на житье, а частію для работы при постройкахъ города.

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи, въ новой городъ на Верхотурье, Василью Петровичю Головину, да Ивану Васильевичю Воейкову. Вили намъ челомя Верхотурскаго города стрѣлцкіе и казачьи десятники Ромашко Голенищевъ да Федька Вровка, и въ товарищей своихъ мѣсто сорокъ шести челомякъ, а сказали: въ прошломъ де въ 106-мъ году по нашему указу велѣно Ивану Троханістову да головѣ Ивану Неѣлову съ Лозвы церковное строеніе, и нашу казну, и ихъ служилыхъ людей перевести въ новой городокъ на Верхотурье, и имъ де на Верхотурѣ дворовъ своихъ поставить не чемъ; и намъ бы ихъ пожаловати, вслѣтъ имъ дать подмогу на дворы, какъ и въ иныхъ городѣхъ стрѣльцомъ и казакомъ на дворы давано. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Верхотурскимъ будетъ стрѣльцомъ и казакомъ нашего жалованья подмоги на дворы не дано, и вы-бъ Верхотурскимъ стрѣльцомъ и казакомъ Ромашкѣ Голенищеву съ товарищи, которыхъ подъ

моги на дворы не даны, дали вышія казны, что привезъ съ Лозвы Иванъ Трохоністовъ; нашего жалованья подмоги на дворы по рублю человѣку, и въ роскошныхъ книги написали». Писано на Москвѣ, лѣта 7107, февраля въ 20 день. (Тамъ-же, стр. 267).

Въ это время Верхотурскій уѣздъ былъ весьма обширенъ: на сѣверѣ онъ прилегалъ къ Лозвѣ, на востокѣ—къ Турѣ и Тюменскому уѣзду, къ югу простирался до р.р. Чусовой и Сылвы и вогулы здѣсь обитавшіе, будучи отчислены отъ Чердыни, вслѣдствіе притѣсненій ихъ чердынскими ясашными сборщиками, причислены также къ Верхотурью.

Примѣчаніе. Въ годъ причисленія вогуль къ Верхотурью, съ нихъ собрано 30 сороковъ соболей, не считая бобровъ, куницъ, выдръ и лисицъ,—что видно изъ слѣдующей росписки: »Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи, въ новой городокъ на Верхотурье, воеводѣ нашему князю Ивану Михайловичю Вяземскому, да головѣ Гаврилу Самойловичю Салманову: въ нынѣшнемъ во 107 году писаль къ намъ съ Верхотурья Василей Головинъ, и прислалъ съ подъячимъ съ Ондреемъ съ Ермолинымъ нашей ясачныя и поминочныя казны, и десятиалныя пошлины тридцать сороковъ и двадцать четыре соболя, и въ томъ числѣ два сорока и семь соболей съ пупками, двадцать два сорока и шестнадцать куницъ, четыре недокуни, двадцать четыре бобръ, десять гаче ярецъ, одиннадцать выдръ, двѣ подчереvesи, семдесятъ лисицъ красныхъ, шесть сотъ пятьдесятъ десять бѣлокъ, два волка, шубенко бѣлье съ червы безъ пуху, девяносто восемь пупковъ соболевыхъ. И та наша казна у подъячего у Ондрея Ермолина въ нашу казну ввата свола». Писаль на Москвѣ, лѣта 7107, іюля въ 25 день. (Сиб. Истор. Мил., стр. 273).

Въ этомъ же году поставка подводъ, подъ отправляющихся въ Сибирь и обратно, съ государственными дѣлами, причиняла весьма много затрудненій и была слишкомъ тягостна для ямщиковъ, а въ особенности для вогуль, на которыхъ лежала эта обязанность,—что вынудило послѣднихъ просить объ улучшеніи ихъ тяжелаго положенія. Въ виду сего, правительство сдѣлало распоряженіе къ заселенію извѣстныхъ пунктовъ въ Сибири ямщиками, съ обязательствомъ возить бесплатно, за что ямщикамъ отведены были пашенныя земли, безъ всякаго за то платежа въ казну.

Примѣчаніе. Приведемъ по этому дѣлу грамоту. »Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи въ новой городъ на Верхотурье воеводѣ нашему князю Ивану Михайловичю Вяземскому, да головѣ Гаврилу Самойловичю Салманову: были намъ челомъ Верхотурскаго уѣзда ясачные вогуличи, пятидесятникъ Нергей Комыничевъ и во всѣхъ лалинскихъ вогуличъ тридцать человѣкъ и мѣсто, а скавали, вѣдаютъ де отъ насъ съ Москвы въ сибирскіе города воеводм, и головы, и дѣти боярскіе и всякіе служивые люди и изъ Сибири къ намъ къ Москвѣ съ нашею съ ясачною казною и съ грамотами, а они де даютъ подъ нихъ и подъ нашу казну съ Лалии подводми до Усоля до Камсково и до сибирскихъ городовъ до Тюмени и до Челмии противъ Пермїи Великой, а всѣхъ де ихъ лалинскихъ вогуличъ тридцать человѣкъ, а которые де они лошади покупають для своихъ нужъ ѣсти, и они тѣ лошади держать у себя лѣтомъ, а какъ осень придетъ, и они тѣ лошади бьютъ для запасу, а которые де Верхотурсково-го уѣзда наши ясачные вогуличи живутъ на рѣкѣ на Сосвѣ, и на Лозвѣ, и на Удоли, и на Вишерѣ, и на Печерѣ и на Уль-смѣ, тѣ де вогуличи лошадей не держать, и отъ Верхотурья живутъ далеке, и ближніе де кромѣ ихъ отъ Верхотурья Соснинскіе вогуличи, и до нихъ де ходу зимомъ на лыжахъ десять день, а дорогу де къ нимъ ни лѣтомъ, ни зимомъ конными гѣтъ, только зимомъ на лыжахъ и на нартахъ; и тѣ де вогуличи подъ нашихъ гонцовъ и подо всякихъ служивыхъ людей и подъ казну оирачь ихъ Лалинскихъ вогуличъ подводъ не даютъ. И въ нынѣшномъ де во

107 году ходило ихъ лянскихъ вогульскихъ подводъ и везенныхъ лошадей до Соли до Камской, и до Тюмени и до Пеллми и подъ нашими служилыми людьми по великое говѣнье триста дватцать лошадей, и тѣхъ де подводъ не дошло до нихъ семи лошадей, а Тюменскаго де и Пеллмискаго уѣзду вогуличи только даютъ подводы зинюю, а лѣтомъ де у нихъ подводъ не емяютъ, потому что на Тюмень и на Пеллмы водяной путь, а они де даютъ и лѣтомъ и зинюю, по тому что путь сухой, а которые де они сѣдла и узды даютъ на подводахъ нашимъ служивымъ людямъ, и тѣ де сѣдла и узды къ нимъ назадъ не возятъ. И въ томъ де имъ мужа и убытки, и отъ служилыхъ обиды великія: да съ нихъ же де емяютъ въ нашу казну асакъ—соболи, и лисицы, и бобры и бѣлку, и намъ бы ихъ пожаловать велѣти съ нихъ ясаку убавить, и велѣти бы ихъ отъ нашихъ служивыхъ и ото всякихъ людей и отъ обидъ и отъ насильства беречи. И будетъ такъ, какъ намъ Верхотурскаго уѣзду асачные вогуличи Нергея Комыкичевъ и во всѣхъ Лянскихъ вогулячъ мѣсто былъ чаломъ; и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ съ Верхотурскихъ вогуличъ съ Нергея съ товарищи нашего асаку убавили смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ ихъ не разогнати, и ото всякихъ жилицкихъ людей отъ обидъ и отъ продажъ и отъ насильства берегли, чтобъ имъ ни отъ кого насильства и продажъ ни которые не было. Писать на Москвѣ, лѣта 7107, апрѣля въ 28 день. За вакрѣною Дьячка Нечая Федорова. (Тамъ-же, стр. 282).

1600 годъ.

По повелѣнію Бориса Годунова построено въ Верхотурьи большой гостинный дворъ для склада товаровъ, такъ какъ въ городѣ была устроена таможня, для сбора пошлинъ, съ привозимыхъ товаровъ въ Сибирь и обратно.

Примѣчаніе 1. Приведемъ по этому случаю грамоту: «Отъ цара и великаго князя Бориса Федоровича, въ новой городъ на Верхотурье, головѣ Гаврилу Самойловичу Самойлову: въ кнѣвѣншемъ въ 109 году, сентября въ 25 день, писалъ еси къ намъ, что калѣно тебѣ, по нашему указу, на Верхотурьѣ здѣлати гостинной дворъ, и ты на Верхотурьѣ гостинной дворъ здѣлалъ, и поставилъ на гостинѣ дворѣ четыре избу, да дватцать анбаровъ, да ты-жъ здѣлалъ на татарскомъ дворѣ татаромъ и остакомъ на прїѣздъ избу да анбаръ и конюшню, и огородилъ и покрылъ, а по чему тебѣ впередъ нашихъ пошлинъ и постоялово, и съ анбаровъ и со всякихъ товаровъ у торговыхъ людей на нашемъ на гостинѣ дворѣ имати, и о томъ къ тебѣ нашъ указъ не бывалъ, и намъ бы тебѣ впередъ о томъ велѣти указъ свой учинить. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ впередъ или по тебѣ нмѣ наши воеводы и головы на Верхотурьѣ будутъ, велѣли быти на гостинѣ дворѣ по годовомъ дѣтямъ боярскимъ, да къ нимъ выбрали бы есте въ прибавку изъ Верхотурскихъ изъ жилицкихъ людей въ цѣловальники, по кольку человекъ доведется, и приводили ихъ къ нашему къ крестному цѣловальнику на томъ, что имъ будучи на гостинѣ дворѣ наши всякія пошлины собирать въ правду—по нашему крестному цѣлованью, а нашемъ казеню не користоватися, да которые торговые люди верхотурскихъ городовъ учнутъ прїѣзжать на Верхотурье съ запаси и со всякими товары, и ты-бъ у нихъ тѣ запаси и товары, по нашимъ проѣзжнимъ грамотамъ велѣлъ осматривати—по нашимъ проѣзжнимъ грамотамъ сыну боярскому, да цѣловальникомъ, которые у тебя выбрали будутъ на гостинѣ дворѣ, и оцѣна таможенною и приворотною и съ мѣновною товару пошлину съ денегъ и вещи, и съ меду, и съ хмѣлю, и съ сала, и съ масла, и со всяково вѣщеву товару пудовую пошлину, и съ анбару обракъ, и съ избу тепловую пошлину, съ русскихъ людей велѣлъ збирати по тому-жъ, по чему збиралъ всякія пошлины съ русскихъ людей въ Пермѣ, или какъ будетъ доведется, чтобъ нашей казнѣ было прибавляе, а прїѣзжнихъ бы всякихъ людей въ томъ большаи нужи не было, а

взялъ-бы снѣзъ безрешой и цѣловальникъ всякую пошлину въ ящикъ, за твоею печетью, и приносилъ деньги по мѣсяцѣмъ въ сѣвскую казну и заносывалъ въ приходныя книги, а съ судныхъ дѣлъ съ верхотурскихъ людей ямалъ бы еси пошлины противъ Московскаго вноды. А которые торговые люди учнутъ прѣзжать на Верхотурь съ товары, и ты-бъ у тѣхъ людей, и тѣ ихъ товары запрещенныя отдавалъ имъ навады опричь заповѣднѣхъ товаровъ, а заповѣдныя товары отписывалъ бы еси на насъ, и держалъ въ нашей казнѣ по прежнему нашему указу. Да о томъ--о всемъ отписывалъ бы еси къ намъ къ Москвѣ, и велѣлъ отписку отдать въ Казанское и въ Мещерское дворѣ Дьякомъ нашимъ Асонию Власову, да Нечаю Федорову. Писанъ на Москвѣ, глѣта 7109, ноября въ 26 день. (Сиб. ист. Мил., стр. 273).

Въ семь году русскимъ не дозволялось торговать съ вогулами и остяками ни въ юртахъ, ни на рѣкахъ, исключая верхотурскаго гостиннаго двора.

Примѣчаніе. Приведенъ грамоту, въ которой, между прочимъ, изложено объ этомъ запрещеніи довольно обстоятельно, а равно и о построеніи самаго двора. «Отъ царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руссін, въ Сибирь, на Верхотурь, воеводѣ нашему князю Семену Никитичю Гогарину, да подьячю Петру Максимову. Въ вышнемъ во 135-мъ году, писали къ намъ съ Верхотурья воевода князь Дмитрей Пожарской, да подьячей Калына Страховъ, сыскали они на Верхотурь въ сѣвской избѣ въ нашей казнѣ прошлаго 108 году царя Борисову грамоту о верхотурскомъ гостинѣ дворѣ, какими людьми тотъ гостинъ дворъ ставленъ, и они съ той грамоты списавъ списокъ, слово въ слово, прислали къ намъ--къ Москвѣ. А въ списку съ грамоты царя Бориса 108 году написано на Верхотурь воеводѣ ко князю Ивану Васенскому, да головѣ Гаврилу Салиманову: какъ съ сибирскими хлѣбными запасами солнычегодскіе и устьжскіе, и нерские, и вятскіе и вымскіе плотники и посошныя люди на Верхотурь прѣдутъ, и имъ присмотра мѣсто, гдѣ будетъ пригоже, велѣно гостинъ дворъ поставить, а на дворѣ поставить десять избъ, да анбаровъ съ сорокъ или сколько пригоже, смотря по тамошнему мѣсту, а анбары-бъ были по три сажени, а кругомъ двора велѣно поставить заборъ, а глѣсъ на тотъ гостинъ дворъ велѣно вырощить и вывощить тѣхъ же плотниковъ и посошными людьми, которые съ запасами прѣдутъ. И какъ торговые люди учнутъ на Верхотурь прѣзжать, и имъ велѣно ставиться и торговати на гостинномъ дворѣ, и наши пошлины съ нихъ имати по нашему указу. А о томъ велѣно учинити заветъ крѣпкой, чтобъ русскіе люди къ вогуличамъ и къ остякомъ въ юрты и по рѣкамъ торговати не ѣздилъ, а тавдичамъ, и яличамъ, и совсичамъ и верхотурскимъ остякомъ потому-жъ заветъ учинити крѣпкой, чтобъ они съ русскими людьми по юртамъ и по рѣкамъ не торговали, а торговали-бъ они со всякими людьми потому-жъ прѣзжая на гостинъ дворъ. А хто не учаетъ ставиться и торговати на гостинѣ дворѣ, и учнутъ, прѣзжая мимо Верхотурья, торговати въ юртахъ и по рѣкамъ, и тѣхъ торговыхъ людей имати, а имая велѣно имъ пеню и указъ чинити по нашему указу. Да какъ гостинъ дворъ со всѣмъ здѣлаютъ, и что съ торговыхъ людей какихъ пошлины учнутъ имати, и то все велѣно писати въ книги медленно поровнь, да о томъ отписывати къ Москвѣ; а къ торговымъ и ко всякимъ прѣзжающимъ людямъ привѣтъ и ласку и бережаніе держати, чтобъ торговымъ и всякимъ прѣзжающимъ людямъ обидъ и насильства и продажъ никто не чинилъ, ни которыми дѣлами. А на Москвѣ князь Дмитрей, князь, Петровъ сынъ Пожарской, какъ прѣзжалъ съ Верхотурья, про тотъ гостинной дворъ спрашивалъ, и онъ сказалъ, что на Верхотурь на томъ гостинномъ дворѣ избы и анбары погнили, и надобно на томъ гостинѣ дворѣ избы поставити новыя, а анбаровъ только укажетъ подѣлати и перекрыти, и имъ впередъ еще стоять мочно, а опричь нашей казны того гостинна двора избы и анбаровъ дѣлати не чемъ. И имѣ указали есьма на Верхотурь тотъ гостинъ дворъ, которыми избы и анбары погнили, подѣлати нашей казною изъ верхотурскихъ доходовъ, потому что изъ верхотурскихъ городовъ плотники и

посошные люди съ запасы на Верхотурь не прѣзжалотъ: а безъ гостина двора впередъ быти нельзя. И какъ къ намъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ на тотъ гостинъ дворъ вѣдали сами, и на томъ гостинѣ дворѣ избы и анбары и кругомъ заборы всѣ пересмотрѣли и смѣтали на крѣпко. Да будетъ, которыя избы и анбары и заборы, на томъ гостинѣ дворѣ старыя, подѣлати, и перебрали мочно, и съ подѣлкою еще впередъ пригодятся, и вы-бъ тѣ избы и анбары велѣли подѣлати и покрыти новыми кровлями, а заборы велѣли перебрали. А будетъ на томъ гостинѣ дворѣ, которыя избы, и анбары и заборы кругомъ погнили и развалились, и по самой нужѣ подѣлати; которыхъ избы, и анбаровъ и заборовъ старыхъ перебрали не льзя, и вы-бъ тѣ избы, и анбары и заборы велѣли сдѣлати новыя, а дѣлати велѣли нашею казною изъ верхотурскихъ доходовъ. И велѣли на томъ гостинѣ дворѣ плотникотъ смѣтитъ, сколько на тотъ гостинъ дворъ на избы и на анбарную подѣлку надобно бревенъ и досокъ и на кровлю драгницъ и на прасла бревенъ велѣли призвати охочихъ людей, и наймовали кому на тотъ гостинъ дворъ лѣсъ выронить, и доски и драгницы изготовля привезти въ городъ, велѣли уговариваться при себѣ, что отъ того двора и отъ избы, отъ дѣла и отъ анбарныхъ подѣлки дати, и во что всего по смѣтѣ тотъ дворъ станеть. А смѣта велѣли на Верхотурь наняти охочихъ людей на тотъ гостинъ дворъ лѣсъ выронить, и на нури доски и на кровли драгницы изготовити и перевести, и плотниковъ велѣли наймовати при себѣ, и велѣли на томъ гостинѣ дворѣ избы и анбары подѣлати съ крѣпкихъ доворомъ небольшимъ расходомъ, и выбрали къ тому дворовому дѣлу сына боярскаго или посадскаго человѣка добра, и приказали ему надъ лѣсомъ и надъ плотники у дѣла надирати. А будетъ въ Верхотурь учнуть наймоватца на тотъ дворъ охочіе люди съ одного лѣсъ выронять, и доски и драгницы изготовя вывонити, и отъ дѣла; и будетъ учнуть прешати дешевле того, что какъ въ рознь наймовати, и вы-бъ наняли охочихъ людей съ одного, какъ бы лучше и нашей казнѣ было прибыльнѣе. А одволично-бъ есте на томъ гостинѣ дворѣ избы и анбары и заборы велѣли старыя, которые мочно подѣлати, а которыхъ будетъ избы и анбаровъ и заборовъ подѣлати не льзя, и тѣ-бъ велѣли сдѣлати новыя, чтобъ сдѣлати небольшимъ расходомъ. И прѣзжихъ торговыхъ людей велѣли торговати на гостинномъ дворѣ, и наши пошлынн съ нихъ имати по нашему указу, и учинили заказъ крѣпкой, чтобъ рускіе люди къ вогулячамъ и къ остокамъ въ зертъ и по рѣчкамъ торговати не вѣдали, а тавдинцамъ и лалачамъ и сосычанъ и верхотурскимъ остиномъ потому-жъ, и велѣли учинить заказъ крѣпкой, чтобъ они съ русскими людьми по юртомъ и по рѣчкамъ не торговали, а торговали-бъ они со всякими людьми потому-жъ, прѣзжая на гостинѣ дворѣ. А хто не учнетъ ставитца и торговати на гостинѣ дворѣ, и учнуть прѣзжіе мимо Верхотурья торговати въ юртахъ и по рѣчкамъ, и тѣхъ торговыхъ людей велѣли имати, и пою и указъ ихъ чинили по прежнему нашему указу. Да что на Верхотурь на томъ гостинѣ дворѣ старыхъ избы и анбаровъ подѣлаютъ, и заборовъ переберутъ, и сколько избы и анбаровъ и прасель новыя сдѣлаютъ, и во что тотъ гостинъ дворъ станеть, и вы-бъ о томъ о всемъ описали къ намъ къ Москвѣ подлинно; а отписку велѣли отдать въ приказъ Казанскаго дворца боярину нашему князю Дмитрію Мамстрюковичю Черкасскому, да діаконъ нашимъ Ивану Володникову, да Ивану Грязеву». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7135, іюля въ—день. За закрѣпой Дьяка Ивана Грязева. За справою Микитки Лесотьева.

Примеч. 2. Таможня въ Верхотурь существовала съ 1600 г. по 1765 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока всѣ внутреннія пошлынн отиѣнены.—Съ того времени дорога устанавилась чрезъ Кунгуръ и Екатеринбургъ. Хотя она и была извѣстна съ самаго основанія Екатеринбурга, но купцы съ товарами должны были вѣдять чрезъ г. Соликамскъ и Верхотурье для того, чтобы правительство не могло потерять собираемой съ нихъ пошлынн. Время отъ времени Екатеринбургская дорога была исправляема, какъ необходимая для сообщенія между собою вновь построенныхъ заводовъ, находившихся въ зависимости отъ горнаго начальства. Впрочемъ, она замѣтно улучшилась по открытію Пермской губер-

ни въ силу Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ 31 авг. 1797 г. Въслѣдствіе чего, 1-е, измѣрени, въ каждомъ уѣздѣ большая столбовая, пробѣжія отъ губернскаго города къ уѣзднымъ, и между послѣдними лежащія уѣздныя дороги; измѣренное пространство дорогъ раздѣлено на число душъ обывателей казенныхъ и поѣздичьихъ каждаго уѣзда и при томъ такъ, чтобы каждое селеніе имѣло на дорогѣ свою дистанцію, соразмѣрную числу жителей, и чтобы отведенная нѣтъ для исправленія дорога была равномѣрно между крестьянами извѣстнаго селенія раздѣлена и чтобы каждому крестьянину съ точностію была извѣстна его работа; 2) извѣстное селеніе обязывалось содержать свой дорожный участокъ въ исправности, а именно: уравнивать, очищать отъ каменьевъ, деревьевъ и шей; лѣсъ и кустарникъ по сторонамъ дороги вырубать, на узаконенное 30 сажениное разстояніе, гдѣ нужно проводить канавы съ истоками, лощины засыпать; часть горъ снимать или такыма обходить, сооружать мосты и отводныя трубы; на косогорахъ въ нужныхъ мѣстахъ дѣлать перила, для безопасности пробѣгающихъ; на низкахъ и болотистыхъ и водянистыхъ мѣстахъ, вырвыши по обѣимъ сторонамъ рвы, настлать фашиникъ, утврждаемый, гдѣ то было необходимо, кольями, а затѣмъ посыпать хрящемъ и пескомъ и наконецъ, дорогу трюбовать. Весною, гдѣ необходимо было, устранивался перевозъ черезъ рѣки. Строевыя матеріалы для исправленія дорогъ заготовлялись своевременно. Главное смотрѣніе за дорогой возлагалось на земскаго исправника. (Хозяйствен. опис. Пермской губ., ч. 1, 1811 г.).

30 ноября сего года послѣдовала царская грамота Верхотурскому головѣ Салманову о дарованіи трехлѣтней льготы верхотурскимъ ямскимъ охотникамъ въ платежѣ кабалныхъ и безкабалныхъ долговъ,—въ виду того, что означенные ямщики обязались въ эти три года построить себѣ не только дворы, но и пашнею завестись. (Ак. ист. т. 11, № 35).

Примѣчаніе. Приведемъ по этому поводу грамоту:

«Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всея Руссін, въ новой городъ на Верхотурьѣ, головѣ Гаврилу Самойловичю Салманову. Выли намъ челомъ Верхотурскаго города ямскіе охотники, которые писались ровныхъ городовъ въ ямщики, чтобъ намъ ихъ, для ямскіе службы, пожаловати, велѣти имъ дати отъ ихъ должниковъ льготы на три годы, а они, въ тѣ во льготныя лѣта, устроить себѣ дворы и пашню завести. И мы верхотурскихъ ямскихъ охотниковъ, для ямскія службы, пожаловали, велѣли имъ дати отъ ихъ должниковъ льготы на три годы, отъ Рождества Христова нынѣшняго 109-го году по Рождество жь Христово по 112 годъ. — И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а на которыхъ будетъ ямскихъ охотниковъ учнугъ, къ тебѣ приходя, намъ бити челомъ въ долгахъ своихъ, по кабалямъ и безкабално, всякіе люди, и ты-бъ нѣтъ на нихъ, по кабалямъ и безкабално, денегъ не правилъ и суда и управы на нихъ до льготныхъ лѣтъ не давалъ.» Писанъ на Москвѣ, лѣта 7109, ноября въ 30 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уѣзднаго суда, писанъ столбцями и листкѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣеть на оборотѣ надпись: Въ новой городъ на Верхотурьѣ, головѣ Гаврилу Самойловичю Салманову. Тамъ же помята: 109 года, марта въ 9 день, привезъ охотникъ Ивашко Перевозчиконъ.

Для обезпеченія безопасности въ торговыхъ сношеніяхъ съ Сибирью, въ Верхотурьѣ, учреждено особое воеводство.—Воевода соединялъ въ лицѣ своемъ высшую гражданскую и военную власть.

Въ виду облегченія ямской гоньбы въ Сибирь и обратно заложенъ городъ Турянскъ, на половинѣ дороги между Тюменью и Верхотурьемъ и чтобы вогулы, равно и татары впрядь ставкою подводъ не были отягчены. Ту-

ринскъ заложень на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ нѣкогда одинъ изъ извѣстнѣйшихъ того времени ивородческихъ князей Епанча или по татарски Япанзя, у котораго находились въ подчиненіи не только сосѣдніе татары, но и вогулы. Этотъ Епанча, во время слѣдованія Ермака съ дружиною по рѣкѣ Турѣ, дѣлалъ ему препятствія. Такъ, первое препятствіе Ермакъ встрѣтилъ съ его стороны тамъ, гдѣ село Усениново, откуда р. Тура направилъ свое теченіе къ сѣверу,—однакожь намѣреніе Епанчи не имѣло успѣха и кончилось тѣмъ, что жилища его находившіяся на берегу рѣки Туры, не только были разрушены, но и превращены въ пепель. По мѣстопробыванію князя Епанчи городъ Туринскъ въ простонародіи названъ „Епанчинъ.“ — Здѣсь-то и учрежденъ былъ ямъ, который былъ огражденъ острогомъ—верхотурскими плотниками и заселенъ тобольцами, пельмичами и верхотурцами, а для прокормленія ихъ хлѣбные запасы были высылаемы съ Верхотурья. (Сиб. ист. Фишера).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя, и великаго князя Бориса Федоровича, всея Русіи въ Сибирь, въ Тюменской городъ, головѣ Федору Осиповичю Янову. Велѣли есмы межъ Верхотурья и Тюмени въ Епанчинѣ юртѣ строить ямъ, а ямскихъ охотниковъ велѣли есмы устроить пятьдесятъ человекъ, да сто человекъ пашенныхъ людей; а для береженія въ Епанчинѣ юртѣ велѣли есмы поставить острогъ. А пашеннымъ де—велѣли есмы послати съ Верхотурья князю Ивану Вяземскому да Гаврилу Салману лаишевскихъ, тетишскихъ холопанниковъ, и новокрещенныхъ пятьдесятъ пять семей, да ямскихъ охотниковъ шти человекъ, да очочихъ пашенныхъ людей и ямщиковъ сколько человекъ приберется; а для пашни и всякаго строенія велѣли есмы быть тебѣ, а кому съ тобою людямъ быти изъ Тюмени, изъ Тобольска, и съ Верхотурья и Пельми, и что откуда взяти наряду, и что послати съ Верхотурья хлѣбныхъ запасовъ,—и мы тому послали къ тебѣ роспись подъ сею нашею грамотою. А для посилѣшенія, покаместа изъ Тобольска и съ Верхотурья и съ Пельми въ Епанчинѣ юртѣ, по нашему указу, людей къ тебѣ пришлютъ, велѣли есмы тебѣ съ собою взяти изъ Тюмени конныхъ казаковъ пятнатцать человекъ, да стрѣльцовъ пятнатцать человекъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ, взявъ съ собою нарядъ, и зелье, и свинецъ и казаковъ, и стрѣльцовъ и пушкаря ѣхалъ въ Епанчинѣ юртѣ тотчасъ. А пріѣхавъ въ Епанчинѣ юртѣ, велѣли бы еси у себя быти татарину Епанчѣ и инымъ лутчимъ людямъ сколько человекъ пригожъ, а самъ бы еси былъ въ цвѣтномъ платьѣ. А какъ они къ тебѣ придуть, и ты-бъ имъ сказалъ наше жалованное слово: въ прошлыхъ годѣхъ, которые наши посланники и гонцы гоняли отъ насъ съ Москвы въ Сибирь и изъ Сибири къ намъ къ Москвѣ, и нашу казною и со всякими нашими дѣлами, и тѣ наши посланники и гонцы имали у нихъ подводы и провожатыхъ, и мы про то велѣли воеводамъ нашимъ про всѣ ихъ нужи рассмотреть, нѣтъ-ли имъ въ томъ какія нужи и тѣсноты, да о томъ о всемъ велѣли есмы отписать къ намъ къ Москвѣ, чгобъ имъ нужи и тѣсноты ни въ чемъ не было, и жити бы имъ въ нашемъ царскомъ жаловань въ шиниѣ и въ покоѣ. И писали къ намъ изъ Сибири воеводы наши, что имъ сибирскимъ, людямъ ему, Епанчѣ, и которые живутъ около его юрта въ подводахъ тѣснота и убытки ставятца великіе. И мы, по своему царскому милосердому обычаю, жалюя его, Епанчу, и всѣхъ сибирскихъ людей, которые около его юрта живутъ, велѣли устроить ямъ и пашенныхъ людей приискать мѣсто, а ихъ пашень и всякихъ угодей имати у нихъ и вступатисъ ни во что, и впередъ у нихъ подводъ имати не велѣно, да—и для того, чгобъ имъ отъ ногайскихъ людей и отъ зырянцовъ жити безстрашно. И они-бъ тѣмъ намъ службу свою и правду показали—намъ послужили, съ нашими людьми лѣсу на острогъ вывели, и острогъ ставили. А выскотри мѣсто, гдѣ пригожъ острогу быти, чгобъ мѣсто было крѣпко и угодно, взявъ Бога на помощь, туто бы еси сталъ, и подъ острогъ мѣсто занялъ. И велѣлъ бы еси почавъ

своими людьми, и плотники, и камаки, и стрельцы, и пашенными людьми и ямскими
 лѣть ронить, и острогъ и башни оставить, и всякія острожные крѣпости и около остро-
 гу надолобы велѣлъ здѣлать, и укрѣпить его велѣлъ со всякъ, какъ ему впередъ
 быти. А велѣлъ бы еси здѣлать острогъ смотря по мѣсту и по людямъ, сколько въ
 немъ вперёдъ можно мочно быти. Да въ острогѣ-жъ велѣлъ бы еси поставить для
 нашего лѣтца двѣ житницы. А въ томъ мѣру плотники, и камаки, и стрельцы, и пашен-
 ные люди, и ямщики, и татарове, и остяки и вогуличи учнутъ острогъ и около остро-
 гу надолобы оставить, и ты-бъ въ тѣ поры пашенныя людей и къ татаромъ, и къ остя-
 комъ и къ вогуличамъ держалъ ласку и березовые валики, и цюль ихъ и кормилъ,
 сколько мочно. А говорилъ бы еси татаромъ, и остякамъ и вогуличамъ, чтобъ они
 жили безстрашно, и гулянья себѣ имъ котораго не держали, и къ воровъ не приста-
 вали. А кто изъ нихъ вперёдъ почаетъ воровати и они-бъ ихъ ильчавъ приводили
 въ острогъ къ мому, Федору, и имъ изъ за то наказуешь. Да и того бы еси берегъ
 накрѣпко, чтобъ татаромъ, и остякомъ и вогуличамъ, казаки и стрельцы и пашенные
 люди, и ямщики и влетники насильства на котораго не чинили, наказовъ бы у нихъ
 своихъ и конскихъ даромъ не имали, и насильства и задоровъ имъ которыхъ не чини-
 ли, чтобъ ихъ тѣмъ не сместочить. А какъ пашни поспѣють, и ты-бъ пашеннымъ лю-
 дямъ и ямскимъ охотникамъ пашню роздалъ, а смотря мѣста у крѣпостей, а татарскія
 пашни, которую пашню пашутъ татаромъ, пашеннымъ людямъ и ямскимъ охотникомъ
 не давалъ, и велѣлъ ихъ на часъ и на себя пашню пахати, смотря по тамошнему дѣлу,
 чтобъ нашей казны было прибавленіе, и пашеннымъ бы людямъ до зимы мѣста паш-
 ню распахать, ситицы быти, и лѣтъ бы еси пашеннымъ людямъ и ямскимъ охотни-
 комъ на сѣмена далъ изъ нашего лѣтца, которой привезутъ съ Верхотурья. А какъ
 придетъ въ Епанчинъ юртъ, и учнешь ставити острогъ, и какъ пашенные люди уч-
 нутъ пашню пахати, и ты-бъ жилъ съ великимъ береженьемъ, и сторожи бы у тебя
 были крѣпкія, и про ногайскихъ людей и про зырянцовъ предъидвала, чтобъ ногай-
 скіе люди и зырянцы, придетъ безбѣдно, какова дурна не учинили. А какъ изъ То-
 больска, изъ Верхотурья, изъ Целины черкасы, и казаки и стрельцы, которыхъ съ
 тобою быти, въ Епанчинъ юртъ придутъ, и ты-бъ тюменскихъ казаковъ оставилъ у
 себя въ Епанчинъ юртѣ, десять человекъ, а двадцать человекъ казаковъ и стрѣль-
 цовъ отпустилъ въ Тюменской городъ. А каковыя великія острогъ здѣланъ будетъ, и
 каковыя около острогу крѣпости и надолобы подѣлаешь, и въ которыхъ мѣстѣ въ ост-
 рогѣ люди двори и за острогомъ подъ пашню землю роздати, и что какихъ крѣпостей
 кругомъ того острогу и всякихъ угодей будетъ, и сколько впередъ мочно въ томъ
 Епанчинъ юртѣ для пашни устроиши пашенныхъ людей, и ты-бъ о всемъ о томъ под-
 ливно отписалъ, и острогъ и крѣпости начертывъ на чертежъ, и всякія угоды роспи-
 савъ прислалъ къ намъ къ Москвѣ, и велѣлъ отписку и чертежъ отдать въ Казан-
 скомъ и Мещерскомъ дворцѣ дьяку нашему Нечая Федорову. А будетъ татаринъ Епан-
 чинъ, или которые иные татарове учнутъ говорить, чтобъ въ ихъ юртѣ острогу для
 обиды и всякого насильства не ставить, и пашенныхъ людей и ямскихъ охотниковъ
 не устранивать: и ты-бъ имъ говорилъ, что прѣжъ сего годили изъ Сибири къ намъ
 къ Москвѣ, и съ Москвы въ Сибирь, мимо ихъ юртъ, наши посланники и гошцы съ
 нашею казною и у нихъ имали подводы, и провожатыхъ къ Москвѣ до Верхотурья, а
 въ Сибирь до Тюмени, и имъ въ подводахъ и въ провожатыхъ были убытки великіе.
 И мы, по своему царскому милосердому обычаю, жалуй ихъ, велѣли ямъ и пашенныхъ
 людей устроить на пустыхъ мѣстѣхъ, а у нихъ пашень и всякихъ угодей имати не
 велѣли, и они-бъ сумнѣнья себѣ никотораго не держали; жили въ пашень царскомъ
 жаловань въ тишинѣ и въ покоѣ. А одиночно-бъ еси въ Епанчинъ юртѣ острогъ и
 надолобы со всякъ, и въ острогѣ житницы и около острогу и пашеннымъ людямъ и
 ямщикомъ себѣ двори велѣлъ поставить вскорѣ, чтобъ острогъ и надолобы и двори
 поставлены были до холоу воды, и пашню-бъ пашенные люди и ямщики почали паха-
 ти сее посевы. А только въ Епанчинъ юртѣ пашенныхъ людей и ямщиковъ пашню не

нашему указу устроили, и твои радиъеки въ саннѣ будутъ шашъ прибыль, и мы тебѣ за то пожалуемъ». Писана на Москвѣ, лѣта 7108, генваря въ 30 день.

На подлинной грамотѣ пишется тако: дьякъ Восилъ Федоровъ.

«Респилъ кому быти съ Федоровъ съ Яновымъ въ Елагинѣ мѣстѣ служивымъ людямъ, и казакомъ и стрѣльцамъ, и что будетъ съ нами наряду, овся и свинцу, и сколькомъ человекомъ быти пашеннымъ людямъ, и что для тѣхъ пашенныхъ людей и ямщиковъ съ Верхотурья послано хлѣбныхъ запасовъ:

Изъ Тюмени везти ему съ собою казаномъ колоницы 10 человекъ, да пушкваря.

Да наряду везти 3 пичаши затинныхъ, а къ нимъ 100 адеръ, да 10 пудъ овся, да 10 пудъ свинцу.

Изъ Тобольска быти 20 человекомъ стрѣльцамъ, съ Палкии быти черкасомъ и стрѣльцомъ 10 человекомъ, съ Верхотурья Фими 10 человекомъ стрѣльцомъ.

Да съ Верхотурья-жъ велѣно послать наряду 2 пичаши затинныхъ, а къ нимъ 400 адеръ, да 10 пудъ овся, да 10 пудъ свинцу, да для острожного дѣла велѣно послать 20 человекъ ямщиковъ, а какъ тѣ ямщики отъ острожного дѣла отдѣляются, и изъ тѣхъ отпуститъ назадъ по домомъ.

Пашенныхъ людей велѣно послать, которые присланы изъ Кавани, 55 семей да ямскихъ охотниковъ 6 человекъ, и всего велѣно послать 61 человекъ.

А сѣмянного хлѣба съ Верхотурья въ Елагинѣ мѣстѣ для пашенныхъ людей и ямщиковъ велѣно послать 150 четъ ржи, 150 четъ ячменя, 200 четъ овся, а велѣно тѣмъ сѣмянной хлѣбъ въ нынѣшнемъ въ 108 году весь вѣзати.

Да съ Верхотурья-жъ велѣно послать хлѣбныхъ запасовъ 400 четъ муки, 100 четъ крупъ, 170 четъ тѣлока, а давать изъ того хлѣба пашеннымъ людямъ на кормъ, свовра по людямъ и по семьямъ, какъ кому мочно до новы прокормитца, а будетъ и у ямщиковъ своихъ запасовъ не станеть, и ему и ямщикамъ потому-жъ хлѣба давать по мѣстоу, какъ имъ мочно прокормитца до тѣхъ мѣстъ, покажется они отъ острожного дѣла отдѣляцца». (Сиб. ист. Мушлера).

Въ семь году послѣдовала царская грамота на Верхотурье, головѣ Салманову, о дозволеніи стрѣльцамъ, казакамъ и торговымъ людямъ поступать въ ямскіе охотники, съ правомъ водворенія ихъ въ ямской слободѣ. (Т. 2. Акт ист. № 36).

Примечаніе. Приведемъ грамоту отъ царя и великаго князя, на Верхотурье, головѣ Салманову, о дозволеніи стрѣльцамъ, казакамъ и торговымъ людямъ поступать въ ямскіе охотники, съ правомъ водворенія въ ямской слободѣ.

«Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русія, въ новой городъ на Верхотурье, головѣ Гаврилу Самофловичу Салманову. Види намъ челоуъ Верхотурского города ямскіе охотники, Богдашко Вѣдлага и въ товарищей своихъ мѣсто: которые деи охочіе люди, изъ стрѣльцовъ и изъ казаковъ, впередъ учнутъ намъ бити челоуъ въ ямскіе охотники, и намъ бы ихъ пожаловать, да дѣти двори ихъ выносить въ ямскую слободу.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а которые наши служивые люди, или торговые люди, учнутъ бити челоуъ въ ямскіе охотники, а двори у нихъ будутъ свои, и ты-бъ имъ тѣ свои двори велѣлъ выносить въ ямскую слободу». Писана на Москвѣ, лѣта 7109, генваря въ 17 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ, на листѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, иметъ на оборотѣ надписи: въ новой городъ на Верхотурье, головѣ Гаврилу Самофловичу Салманову. Тамъ же внизу помѣта: 109 февраля въ 28 день, привезъ Угренитъ Янъ Федковской.

Въ семь году въ Верхотурья уже существовала церковь во имя Живоначальныя Троицы и святаго великомученика Феодора Стратилата, гдѣ состоялъ священникомъ овецъ Леонтій, который хоти и былъ присланъ изъ Перми

(Чердынн) въ 1598 г. на служеніе, но не получалъ никакого содержанія; а посему онъ вынужденъ нашелся ходатайствовать о предоставленіи ему жалованья какъ денежнаго, такъ и хлѣбнаго, — на что и послѣдовало со стороны правительства удовлетвореніе его ходатайства. (Т. II. Авт. истор. № 37).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту Верхотурскому воеводѣ князю Львову и головѣ Новосильцову, о поверстаніи ружныхъ окладамъ бѣлаго попу Леонтія.

«Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русія, на Верхотурье, князю Матвѣю Даниловичю Львову да головѣ Угрюму Васильевичю Новосильцову. Вилъ намъ челомъ Верхотурского города Живоначальнаго Троицы и святаго великочелника Феодора Стратилата бѣлой пошъ Левонтей, а сказалъ: прислажь онъ изъ Перни Великой на Верхотурье въ попы въ 106 году, а давали ему перскіе земскіе люди, съ перскою земли, ружныхъ денегъ по пятнадцати рублей на годъ, а въ 108 и въ нынѣшнемъ въ 109 году перскіе земскіе люди не дали ему съ перскія земли ничего; а нашего ден жалованья — ружн, ему не дають ничего-жъ, и онъ ден, будучи у нашего богомоля, обнищаль, и намъ-бы его помиловать, велѣти его нашимъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ поверстать противъ иныхъ ружныхъ поповъ. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ верхотурскому бѣлому попу Леонтію дали нашего денежного жалованья, на нынѣшней на 109 годъ, шесть рублей, да хлѣба семь четъ и ржи, четъ крупъ, четъ толокна, да и впередъ ему нашего денежного и хлѣбнаго жалованья давали ежегодно потому-жъ». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7109, мая въ 5 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ, на листкѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: на Верхотурье, князю Матвѣю Даниловичю Львову да головѣ Угрюму Васильевичю Новосильцову. Тамъ же внизу пометка: 109 июня въ 23 день, привезъ десятникъ сѣрѣлецкой Матвѣи Соловей.

Для обезпеченія безопасности въ торговыхъ сношеніяхъ съ Сибирью, въ Верхотурьи учреждено особое воеводство. Воевода соединялъ въ своемъ лицѣ высшую гражданскую и военную власть.

Примѣчаніе. Къ этому же году относится построеніе и освященіе Богоявленской церкви въ г. Соликамскѣ съ двумя придѣлами — Владимирскія Возней Матери и Преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія, Феодосія и прочихъ пещерскихъ угодниковъ. (Распр. христ. вѣры въ вѣд. Пермск. губерніи, архим. Макарія 1857 г. и Хозяйствен. опис. Пермск. губерніи; ч. III, стр. 169).

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ, у рѣчки Починки, въ 10-ти верстахъ отъ Целма, отысканъ соляной ключъ и Тобольской воевода Семень Сабуровъ послалъ солевара на ключъ. Въ это же время одинъ изъ вогуловъ указалъ на другой таковой же ключъ, въ верховьяхъ рѣчки Сосвы, у рѣчки Неглы (Нагры), впадающей въ Сосву. Найденный разсолъ былъ испытанъ и оказался годнымъ для выварки соли, посему сдѣланы были надлежащія приготовленія для постройки варницъ и всего къ нимъ необходимаго съ тѣмъ, чтобы съ слѣдующей весны открыть дѣйствіе. Однакожъ, дѣло это велось слишкомъ небрежно. — Такъ, со стороны мѣстнаго начальства были представляемы объясненія: то въ видѣ неимѣнія людей для начатія дѣла, то неимѣнія потребнаго количества дровъ для выварки соли или же — неимѣнія желѣза для починки преновъ и наконецъ, писали въ Москву, что самая выварка соли превосходитъ всѣ затраты на ея производство. Въ виду сего, правительство

нашло нужнымъ закрыть варницы, а ишѣвшуюся соль препроводить въ Верхотурье. (Сиб. ист. Фишера).

Примѣчаніе. Въ началѣ XVIII ст. возобновлены были соляныя варницы у рѣки Неглы, но вскорѣ бѣди закрыты—частію по слабости раствора, а частію по сѣрму цвѣту соли и ея нечистоты. Однакожь, нашлись нѣкоторые изъ солдакцевъ, кои, желая продолжать это дѣло, углубили соледобывныя трубы на 25 саж., но, за невыгодностію работъ, продолжать выварку соли оставили. (Истор. Фишера стр. 229 и 230).

1601 годъ.

Верхотурскимъ воеводой былъ князь Матвѣй Даниловичъ Львовъ, а головой Угрюмъ Васильевичъ Новосильцевъ.

Привезенъ въ село Ныробъ несчастный бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, по злобѣ Годунова, и посаженъ въ земляную яму, подь крѣпкимъ карауломъ, въ тяжелыхъ желѣзахъ. Бояринъ отъ Бога имѣлъ велию силу.

Примѣчаніе. Приведемъ этотъ интересный разсказъ въ такомъ видѣ, какъ онъ представленъ диакономъ—учителемъ Поповымъ, въ Пермск. епарх. вѣдом. за 1880 г., отецъ котораго довольно долгое время жилъ въ Ныробѣ.

Вотъ что извѣстно, говорить г. Поповъ, изъ преданій и рукописей о присланіи Михаила Никитича въ Ныробку.

Въ 1601 году зимою привезли Михаила Никитича въ Ныробку, Чердынскаго уѣзда, въ глухой кибиткѣ съ шестью человѣками стражи, надъ которыми начальникомъ былъ приставъ Романъ Андреевъ Тушинъ. Остановившись въ Ныробкѣ, стражи начали копать въ землѣ большую яму, которая должна была служить несчастному Михаилу Никитичу жилищемъ. Во время этого копанія Михаилъ Никитичъ, весь окруженный желѣзами, вышелъ изъ кибитки. Онъ былъ высокаго роста, мужественъ. Долго смотрѣлъ онъ на будущее свое незаслуженное, неприглядное жилище, которое готовилось отлучить его отъ міра и отъ людей. Погода была канальная. Снѣгъ валялся на бѣднаго страдальца. При полномъ сознаніи своей виновности, вида необходимости гонимой души, въ какой участи и угнетаемій душевной скорби, Михаилъ Никитичъ припалъ въ нѣкоторое ожесточеніе, въ порывъ котораго схватилъ стоявшую около него кибитку и отбросилъ ее отъ себя шаговъ на десять, ***) тогда какъ шесть сторожей едва могли ее сдвинуть съ мѣста. Эта сила Михаила Никитича удивила смотрѣвшихъ въ это время на него ныробцевъ.

Когда яма была вырыта, то посадили въ нее Михаила Никитича. Сверху ямы наложили досокъ, сдѣлавъ въ нихъ небольшое отверстіе, черезъ которое подавали заключенному пить и ѣсть, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ должно было освѣщать страшное жилище виновнаго страдальца. Съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ въ землянкѣ сдѣлали не большую печь, которую отоплять долженъ былъ самъ Михаилъ Никитичъ, подававшими ему въ отверстіе дровами. Пить ему давали воду, а ѣсть одинъ хлѣбъ, да и то весьма ограниченное количество. Голодь, тяжесть оковъ, сирость, спрадь, темнота—все это надрывало могучія силы несчастнаго Михаила Никитича и сокращало его жизнь. А что сказать о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя грызли сер-

*) Одинъ почтенный ныробскій старожилъ разсказывалъ г. Попову, что еще въ 1837 году въ с. Ныробѣ не было ни одной телеги. Вышедшаго въ то время чердынскаго чиновника г. Столарева возили на саняхъ. Ему не нравилась тихая ѣзда. Хотя отъ ближайшей къ Ныробу станціи—с. Исвера возили до Чердыни и на телегахъ,—но по причинѣ худой дороги ѣхать было нельзя иначе какъ шагомъ. Волѣдствіе этого, Столаревъ сдѣлалъ распоряженіе поправить эту дорогу.

**) Истор. Карамз., т. XI, примѣч. 155.

де бѣднаго мученика при воспоминаніи привольнаго прошлаго и сравненіи его съ настоящими ужасными положеніями! . . .

Такъ Михаилъ Никитичъ сидѣлъ въ своей темницѣ до весны. Весною добрые ниробцы, проникнутые чувствомъ глубокаго состраданія къ заключенному, захотѣли хотя нѣсколько облегчить его участь, доставляя ему тайкомъ отъ пристава и стражи сытную пищу. Для этого они наливали въ дудочки квасъ, мелеио, масло, — давали эти дудочки вмѣстѣ съ другими съѣстными припасами своимъ дѣтямъ и посылали ихъ опускать все это въ отверстіе темницы Михаилу Никитичу. Дѣти, какъ будто-бы играя около темницы, подбѣгали къ отверстію и незаметно опускали въ него съѣстные припасы. Тоже дѣлали иногда и сами ниробцы, приходя къ отверстію темницы будто бы изъ любопытства. Но недолго пришлось несчастному узнику пользоваться этою услугою ниробцевъ; не прошло это даромъ и бѣднымъ ниробцамъ. Одинъ изъ нихъ, — какъ предполагаютъ, тотъ, у котораго въ домѣ жилъ приставъ Тушинъ, — въ надеждѣ-ли получить награду, или просто изъ желанія подслужиться царскому приставнику, донесъ Тушину о поступкѣ ниробцевъ и ихъ дѣтей. Тушинъ, желая удостовѣриться въ правильности доноса, одѣжками вышель какъ будто-бы прогуляться не вдалекѣ отъ темницы. Крестьянскіе дѣти прибѣжали ко прежнему къ темницѣ со съѣстными припасами и начали опускать ихъ къ узнику. Тушинъ велѣлъ схватить ихъ. Дѣти въ испугѣ рассказали, что они кормили узника по приказанію своихъ родителей. Тушинъ не замедлилъ донести объ этомъ Борису, который велѣлъ пять человекъ ниробцевъ увезти въ Казань и предать ихъ жестокии пыткамъ. Одинъ изъ нихъ во время пытокъ умеръ; а остальные возвратились домой, какъ говорить, уже въ царствованіе Шуйскаго.

Въ темницѣ Михаилу Никитичу Романову просидѣлъ годъ и окончилъ своимъ страдальческіе дни. — Тѣло его скоронили къ сѣверу за деревней Ниробкой, на пустомъ мѣстѣ.

Примѣчаніе. Карамзинъ, въ своей исторіи (т. XI, стр. 101), говоритъ, что Михаила Никитича скоронили въ семи верстахъ отъ Чердыни близъ села Нироба, въ мѣстѣ пустыномъ гдѣ надъ могилою, выросли два кедра; а въ Ниробскомъ церковномъ спискѣ говорится: «погребенъ былъ у церкви о. Николая Чудотворца подлѣ алтаря, на сѣверной сторонѣ; и гдѣ тѣло лежало построена была церковь и въ ней гробница покрыта сукномъ и крестъ». У Карамзина здѣсь ошибка только въ верстахъ: вмѣсто 47, какъ считали прежде — поставлено 7 верстъ; селомъ-же Ниробъ названъ какъ уже — современный. А изъ словъ списка нужно обратить вниманіе главнымъ образомъ на слѣдующія: «гдѣ тѣло его лежало, построена была церковь». Церковь, вѣроятно, была построена внослѣдствіи около могилы Михаила Никитича, такъ что алтарь ея сѣверной своей стороною прилегалъ къ могилѣ. До того времени мѣсто это было пустое, такъ какъ шесть деревенскихъ домиковъ встали по вѣжную сторону землянки, близъ родника. Кедръ, выросшіе на могилѣ, надо полагать, сторѣли внослѣдствіи вмѣстѣ съ церковію.

Въ Ниробской могилѣ Михаилъ Никитичъ лежалъ четыре года. Когда вступилъ на царскій престолъ самозванецъ Григорій Отрѣпьевъ, тогда онъ, какъ шимый родственникъ Романовыхъ, повелѣлъ всѣ тѣла ихъ перевезти въ Москву и похоронить подлѣ ихъ предковъ и ближнихъ. Исторія *) объ этомъ говоритъ такъ: «не забыли и мертвыхъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, усоншихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву и скоронили съ честью, тамъ гдѣ лежали ихъ предки и ближніе». Въ это самое время было увезено изъ Ниробки и тѣло Михаила Никитича.

*) Карамзинъ, т. XI, стр. 206.

В. Н. Бергъ *) пишетъ, что тѣло Михаила Никитича увезли въ Москву въ 1607 году, въ началѣ царствованія Василия Шуйскаго. Зная исторически, что повелѣніе Джемидитрія о перевезеніи тѣлъ Романовыхъ и Нарикъ было дано въ началѣ его царствованія въ 1605 году, между 20 іюня и 21 іюля, нельзя полагать, чтобы это царское повелѣніе не было исполнено по возможности скоро. При всевъ неудобствѣ тогдашнихъ путей сообщенія исполненіе повелѣнія можно ограничить временемъ не какъ не болѣе полугода. Слѣдовательно, время вынутія тѣла Михаила Никитича изъ земли нужно отнести къ 1606 году. Въ церковномъ спискѣ говорится: «повелѣніемъ государя царя и великаго князя Михаила Федоровича, всея Россіи самодержца, тѣло сго по преставленіи въ 25-е лѣто изъ земли взято». Пятишь лѣтомъ, послѣ смерти Михаила Никитича, выходитъ 1607 годъ, а Михаилъ Федоровичъ вступилъ на престолъ въ 1613 году.

По вынутіи изъ земли, тѣло Михаила Никитича оказалось, по словамъ церковнаго списка, «ни чѣмъ похрединю; только отъ руки, отъ перста нѣкоторый членъ земли выала». По перевезеніи въ Москву, оно положено было въ монастырѣ у Спаса на Новомъ. (Перм. спарх. вѣд. за 1880 годъ).

На рѣкѣ Неглѣ, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, заложены 4 соляныя разсоло-подъемныя трубы, кои начали дѣйствовать со слѣдующаго года.

Разрѣшено стрѣльцамъ, казакамъ и торговымъ людямъ вступать въ ямскіе охотники и о водвореніи ихъ въ Верхотурьи—въ ямской слободѣ.

Царской грамотой велѣно ясачный сборъ взимать съ инородцевъ. При чемъ, для отвращенія лихоимства и утайки ясака, установлены правила.

Примечаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всея Русіи, въ Целинской городъ, воеводѣ нашему Тихону Ивановичу Троханітову, да головѣ Петру Григорьевичу Вердеревскому: Въ прошломъ во 108 году пожаловали есмы для своего царскаго вѣнца и многолѣтняго здравія, и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всея Русіи многолѣтняго здравія, со всея сибирскія земли на 108 годъ ясаку имати не велѣли; а на нынѣшней на 109 годъ и впередъ указали есмы со всея сибирскія земли имати ясакъ на насъ по прежнему. А которые будутъ ясачные люди стары, или чѣмъ увѣчны и слѣпы, или больны, и лѣсовати имъ не мочно и съ тѣмъ съ ясачныхъ людей, съ старыхъ и съ увѣчныхъ и больныхъ нашего ясаку имати есмы не велѣли, на комъ будетъ вѣять не мочно. И какъ къ вамъ са наша грамота придетъ, и вы-бѣ тотъ часъ, для нашего ясаку, выбрали изъ служилыхъ людей, изъ дѣтей боярскихъ, и изъ литвы, и изъ казаковъ и изъ стрѣльцовъ, сколько пригоже лучшихъ людей, и привели ихъ къ нашему крестному цѣлованію на томъ, что имъ Целинсково уѣзда съ ясачныхъ князьковъ и съ остояковъ и съ вогуличъ на нынѣшней на 109 годъ нашъ ясакъ—соболы, и лисицы, и куницы, и бобры, и бѣлку и горностаи вбирати по ясачнымъ книгамъ сполна, а мѣлочн худыя—лоскутшиковъ соболяхъ, и кунныхъ, и бобровыхъ и бѣлыхъ не имали, и користи собѣ ни въ чемъ не чинили, и съ собомъ по городкомъ и по волостямъ никакихъ товаровъ не возити, и съ ясачными людьми не торговать ни чѣмъ, и нашего ясаку не отбивати, лучшихъ соболей, и кунницъ, и лисицъ, и бобровъ, и бѣлки и горностаевъ себе не имати, а своихъ худыхъ соболей, и бобровъ и всякія мѣлкія мягкія рухляды не класти, каковъ ясакъ учнутъ у ясачныхъ людей имати, таковъ бы къ вамъ на Целинь въ нашу казну и привозили. А пришедши къ нашему къ крестному цѣлованію, разослали бы есте ясачниковъ въ Целинсково уѣздъ для нашего ясаку не надержавъ, а собирая нашъ ясакъ велѣли привозити на Целинь, а за ясакомъ за щетомъ велѣли бы есте ясачникомъ привозити съ собомъ изъ волостей по человекъ и по два лучшихъ людей,

*) Путеш. въ города Чардынъ и Солкамскъ,

и ихъ расправляли такъ-ль таковы ясаки съ нихъ имали, и нѣтъ ни ихъ отъ ясачниковъ нашія продажи и убытковъ и бѣдчестья; да на него учнутъ сказывать и бить челома, и вы-бъ на шакъ въ тотъ часъ нѣтъ управу давали, и наказанье имъ чинили по нашему указу. А которые будутъ ясачные люди нѣтъ городовъ и нѣтъ волостей лучшие люди— князьки, и мурзы, и тотаровъ, и бѣсѣки и вогуличи учнутъ къ вамъ приходять бить челома, и зовоу вы къ нимъ ясаки ясаки для нашего ясаку не посылали, а привозитъ-бъ имъ нашъ ясакъ въ Пелымъ семилѣтъ, и вы-бъ имъ то давали на выкупъ, и по нашъ ясакъ въ тѣ города и волости ясачниковъ не посылали, а вѣдали имъ нашъ ясакъ привозити на срокъ, на которой нѣтъ срокъ на указѣте безпереводно не замѣшкивать, кому можно вѣрять, и о томъ имъ приказывали, чтобъ они нашъ ясакъ собирали не оплодно и сами не корчтовались и не тапди. А будетъ которые ясачные люди учнутъ къ вамъ приходять бить челома, то имъ всего нашего ясаку нѣтъ нѣшево году заплатити вскорѣ не можно, и вы-бъ тѣмъ ясачнымъ людямъ дѣдали срокъ сметра по тамошнему дѣлу, какъ имъ можно тотъ ясакъ заплатити, да нѣтъ книги-бъ есте зое домыку пошла подлинно. А нѣтъ князьки, и остани и вогуличи съ нашими ясакомъ учнутъ къ вамъ на Пелымъ приходять, и вы-бъ у дѣки велѣли нашъ ясакъ имѣти цѣловальникомъ при себѣ, и клади въ нашу казну, и держали за своими печатями. А которые князьки, и мурзы и лучшие люди учнутъ за ясакомъ приходять, и учнутъ къ вамъ для нашего царскаго величества, и для сына нашего царевича князя Федора Борисовича всея Русіи поминки носить, и вы-бъ у нихъ тѣ жъ поминки имали, и клади въ нашу казну, и велѣли носить въ алачнина книги подлинно поровно по статьямъ, а съ ясакомъ казною тѣмъ поминкомъ не дѣшали, а сами-бъ есте ясачныхъ людей въ своихъ поминкахъ за послѣхъ не продавали; которые принесутъ, у тѣхъ имали и клади въ нашу казну, а которые не принесутъ, и вы-бъ на нихъ сами не просили, чтобъ имъ въ томъ продажи не было.

Правительствомъ назначено жалованье священнику церкви Живоначальной Троицы и св. великомученика Стратилата, что въ Верхотурья.

Въ Верхотурья ямщики отправляли ямщины зимою и лѣтомъ на 6 дорогахъ, а именно: къ Соликамску, на Чусовую, на Еланчиль, Пелымъ, Лелю и Тагиль, а Чердынцы—только до Верхотурья. Лошадь въ то время стоила по 4 и 5 руб. Жалованья же на годъ ямщикамъ полагалось по 7 руб., а впоследствии увеличено до 10 руб.

Соликамская дорога расчипалась чердынцами, кайгородцами и соликамцами.

Въ Пискаревскомъ монастырѣ архимандритомъ былъ Михайлъ. (Записи съ древнихъ актовъ и дѣловъ бумажъ. В. Шинковъ).

Примечаніе. Приведемъ интересную грамоту, данную патриархомъ Іеромъ на цѣльшение Мисаила въ санъ архимандрита Пискаревскаго монастыря.

«Божію милостию се ясть смиреннии Іеръ, патриархъ Московскій, всея Русіи по благодати Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, данной намъ отъ пресватаго и животворящаго Духа, благословилъ еси игуменъ Мисаила, что служилъ у Пречыстна Богородицы чѣстнаго и славнаго Ея Покрова въ Тельбѣвскомъ монастырѣ, на Двинѣ, на Черновую священную духовную духовобожественную власть на архипаричество къ церкви обоглашанаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа на Пышкоре, что на рѣкѣ на Камѣ, ниже Великой Перви, въ общій монастырь. И вы, священники, и иноцы, и священники, и дьяконы и слуги того монастыря и вси, приходяши правовѣрнии люди ктои святыи Божіи церкви, чтите его и слушайте и повинуйтеся ему добре о Господѣ со всѣмъ духовнымъ спасеніемъ и порадованіемъ, яко присному своему господину, и отцу пастырѣ, и учителю и настоятелю вашему, понеже обрѣтохомъ его свидѣтельствуема благоговѣно въ чистотѣ. И долженъ убо естъ саце-

внй архимаритъ свидѣніиочесная дѣйствовать и вся церковная управленія и по правиламъ святыхъ апостолъ, святыхъ отецъ и по нашему святительскому благословенію и наказанію. Тако и къ вамъ имѣти во всекъ о Христѣ свою духовную любовь и молочаніе и о вашихъ едиnorodныхъ и бесмертныхъ душахъ еже направляти ко спасенію. И сего убо ради дана бысть ему сія наша настоящая грамота на утвержденіе его въ олавноиъ и пренменитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 1601 февраля въ 3 день.

«Смиренный Іезв, Божією милостию, патріархъ Московскій и всен Россіи».

Въ Верхотурьи построены городъ съ острогомъ, а въ городѣ гостинный дворъ съ 4 избами и 20 амбарами. Кромѣ сего, особый дворъ съ амбаромъ и конюшнею, на прѣздъ татаръ и остяковъ. По построеніи этихъ зданій отъ царя Бориса Θεодоровича повелѣно воеводамъ верхотурскимъ, чтобы они выбрали, по крестному цѣлованію, и приставили къ гостинному двору дѣтей боярскихъ и цѣловальниковъ, для собиранія казенныхъ пошлинъ: Выборные люди осматривали всѣхъ проѣзжавшихъ въ Верхотурьи съ запасами и товарами и брали пудовую пошлину за товаръ, смотря по цѣнѣ; а также пошлину за товаръ и за избу, а въ судныхъ дѣлахъ—половину пошлинъ противъ московскихъ. Собранныя деньги складывались въ ящикъ, который печатался воеводскою печатью, и ежемѣсячно записывались въ приходныя книги въ свѣдѣній избѣ.

1602 годъ.

Верхотурскимъ воеводою былъ князь Матвѣй Даниловичъ Львовъ.

Въ Ныробѣ бояринъ Михаилъ Никитичъ умеръ, въ земляной ямѣ, подъ карауломъ, гдѣ онъ сидѣлъ годъ. (См. 1601 г. сей лѣтописи).

Черезъ Великую Пермь, въ зимнее время, былъ провозимъ братъ Михаила Никитича Романова—Василій, по царскому повелѣнію, въ ссылку на Пелымъ, вѣскимъ Иваномъ Некрасовымъ. Путь ихъ въ Пелымъ, въ Пермской губерніи, пролегалъ рѣкой Лялею, вблизи Верхотурья.—Во время проѣзда Василій Романовъ отъ Соликамска до Верхотурья шелъ, пѣшкомъ полторы недѣли, а имущество его везли; днемъ Василій шелъ безъ цѣпей, а ночью закованнымъ. За Верхотурьемъ Василій заболѣлъ, а потому цѣпи съ него были сняты; въ Пелымѣ онъ былъ отданъ Мамотову, который посадилъ его въ одной избѣ, вмѣстѣ съ его братомъ, въ цѣпяхъ.

Примечаніе. Приведемъ грамоту: «110 января въ 10 день, околичней Семень Никитичъ Годуновъ да дѣакъ Елизаръ Вылуганъ ропрашивали Ивана Некрасова: по государеву наказу велѣно ему вести Василья Романова, а ковати его не велѣно, и онъ, Иванъ, по чему такъ говарывалъ, мимо государева наказа, вель его скована и на чѣши, и отдалъ его толко чѣмъ жива Смирнову Мамотову?—И Иванъ Некрасовъ въ роспросѣ сказалъ: по государеву наказу велѣно ему ѣхати съ Москвы, съ Васильемъ съ Романовымъ, въ Яранской городъ, и береженье къ нему держати великое; и поѣхалъ онъ съ Москвы вмѣстѣ съ Смирнымъ съ Мамотовымъ, а Смирной Иванова Романова повезъ съ Москвы скована-жъ, и онъ, Иванъ, посади въ телѣгу, повезъ съ Москвы сковавъ, для того,

чтобъ онъ съ дороги не утекъ; а ѣхалъ онъ на Володимерь, и прѣѣхавъ въ Володимерь съѣлъ въ судно, и ѣхалъ Клязюмъ рѣкою въ судѣѣ, а изъ Клязюмъ Волгомъ; а Смирной ѣхалъ на Ярославля, а изъ Ярославля ѣхалъ Волгомъ-жь, и съѣхался онъ Иванъ, съ Смирнымъ съ Маматовымъ подъ Нижнимъ Новгородомъ, и Смирной ѣхалъ съ Иваномъ съ Романовымъ напередъ его за станъ; и какъ онъ, Иванъ, съ Васильемъ проѣхалъ Чебоксарь, а Василья Романова расковалъ, и Василей у него укралъ ключъ замочной, которой взялъ у чѣши, и тотъ ключъ кинулъ въ воду; а замокъ замкнулъ, для того, чтобъ его не ковалъ; и онъ, Иванъ, ключъ иной купилъ и на Василья клалъ чѣшъ по прежнему. И прѣѣхавъ въ Иранской учалъ дворъ ставити новой, гдѣ Василью сидѣть Романову, и Василей увидѣлъ, что дворъ ставитъ новой, и учелъ ему, Ивану, говорити: «большой ден то дворъ итѣ ставитъ»; и онъ, Иванъ, ему молвилъ, что тотъ дворъ ставитъ ему, Василью, а ему, Ивану, съ нѣтъ же итѣстѣ бытъ. И Василей ден ночью говоритъ: «погибли ден ии вънапрасѣѣ, ко государю въ нашоѣ отъ своей братьи боаръ, а они ден на нѣтъ нахоени къ государю — не узнатъ, сими ден они помрутъ прежде насъ». И жилъ онъ, Иванъ, въ Иранскомъ, съ Васильемъ Романовымъ, шесть недѣль; и какъ, по государевѣ грамотѣ, вѣстѣю ему, Ивану, ѣхати съ Васильемъ съ Романовымъ въ Сибирь, въ Пелмиской городѣ, и прѣѣхалъ онъ, съ Васильемъ въ рѣку на Лдлю, а рѣка ужъ замерла, а оцѣ лошади не подиметь, и они почели на рѣвѣ ледъ окалывать, и онъ, Иванъ, учелъ говорити Василью: «кому ден Вошымъ милосердѣемъ, и постоетъ, и молитвомъ, и милостынемъ, Вотъ далъ царство, а вы ден злодѣи — ииѣнничи хотѣли царство достати вѣдоветвомъ и кореньемъ»; и Василей ден Романовъ учелъ говорити подосѣхамъ: «святѣ ден та милостина, что нечутъ не ушцагъ; добро та ден милостина, дати десномъ рукою, а шуйца бы не слыхала». А или они водокомъ вѣши, отъ Соли отъ Камской до Верхотурья, полтретѣи недѣли, только на подводѣхъ вели запашкико свой и борошентъ; а какъ шли пѣши, и онъ съ Василья чѣшъ смилалъ, шолъ онъ простѣ, а къ ночи чѣшъ на него клалъ для того, чтобъ у него не утекъ. А какъ прошли Верхотурья, къ Пелмичи, и Василей разболѣлся, и онъ, Иванъ, весь его въ санѣхъ простого; а какъ ему полегчѣло, и онъ на него опять чѣшъ клалъ. П приваеци Василья въ Пелмичи отдадъ его, по государевѣ грамотѣ, Смирному Маматову, а чѣши съ него не снялъ же и Смирной у него Василья взять, и кормовни деньги, поведѣлъ Василья Романова съ братомъ, съ Иваномъ, въ одной избѣ, на чѣпахъ же, по уголомъ; а его, Ивана, по государевѣ грамотѣ, отпустилъ къ Москвѣ. А въ томъ онъ передъ государемъ виноватъ, что онъ Василья ковалъ ииже государева наказу, потому что бѣлвасъ отъ него побѣгу, а и слыши ииотѣ разговорни рѣчи; а дѣла онъ Феодасѣи Владѣвѣи, поѣдучи съ Москвы, докладывалъ, что ѣдучи дорогою Василья ему ковать ли, или итѣ? и Феодасѣи ему отказалъ: того онъ ему не приказиваетъ, что ему Василья ковать только-бъ въ нему береженѣ держалъ великое; а изъ Иранского писалъ онъ ко государю, что онъ Василья весь скованъ, и ему о томъ отъ государя указъ не бывалъ; и онъ чалъ, что онъ то дѣлаетъ гораздо, что къ нему о томъ не писано, и онъ Василья и изъ Иранска весь сковать».

Подлинный договоръ писанъ на шести листахъ. Пожизненная съ начала отписки стрѣльскаго голови Маматова, былъ сложена пакостомъ, имѣеть на оборотѣ надписи: государю царю великому князю Борису Федоровичу всеа Руся. Тамъ же помѣта: 110 января въ 1-й день съ сотникомъ съ Иваномъ съ Некрасовымъ.

Въ семь году къ Верхотурью были приписаны татары, жившіе въ окрестностяхъ Тюмени и Туринска, и положена граница между Туринскимъ и Верхотурскимъ уѣздами — устье р. Тагила. Подобное причисленіе сдѣлано, въ виду того, что татары, причисленные волостями къ Туринску и Тюмени отъ послѣднихъ находились далеко, а отъ Верхотурья — напротивъ, отъ чего при сборѣ ясака встрѣчались затрудненія. — (Сиб. Ист. Миллера стр. 298).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Господамъ князю Матвѣю Даниловичю, да Угрюму Васильевичю, Федоръ Фофановъ челомъ бьетъ: въ нынѣшнемъ, господине, 110 году, декабря въ 20 день, писали вы, господине, ко мнѣ съ верхотурскими съ стрѣльцомъ съ Паткомъ съ Казаковымъ, что писано къ вамъ въ государевѣ царевѣ и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи грамотѣ, которые туринскіе вогуличи и юрты отъ нового острогу далече, а къ Верхотурью ближе, и тѣ юрты велѣно вѣдати, и асакъ съ нихъ избрати вамъ на Верхотурь, чтобъ въ томъ единолично асашнымъ людямъ тѣсноты не было, и нужи ни котормя, гдѣ имъ ближе платити, тутъ бы они государевъ асакъ и платили. И въ нынѣшнемъ во сто десятомъ году, декабря въ 20-й день, были челомъ государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русіи туринскіе вогуличи, и челобитную къ вамъ принесли Кайманчи Катывъ съ товарищи тридцать ихъ восемь человекъ, а въ челобитной они писали: что въ прошлые годы платили они государевъ асакъ на Тюмень, а въ прошломъ во 109-мъ году платили они государевъ асакъ въ новомъ острогѣ Федору Янову, а живутъ де они къ Верхотурью ближе, а имъ нового Туринскаго острогу далече, и въ томъ де дальнемъ ходу нужда имъ великая, и имъ бы государевъ яревъ и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи асакъ платити на Верхотурь. И вы, по государевѣ царевѣ и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи грамотѣ, по ихъ челобитью Кайманчи съ товарищи, государевъ асакъ велѣли платити и приносить на Верхотурь, и судомъ и управомъ велѣли имъ приходить на Верхотурь, и имъ бы государева асаку къ Кайманчи съ товарищи не имать и не вѣдатъ ихъ ни въ чемъ, и отъ усть-Тагила, и по Тагилу, и по Турѣ рѣкѣ къ городу къ Верхотурью; да прислатъ бы имъ къ вамъ на Верхотурь вогуличамъ яныная роспись съ асашнымъ книгъ тотчасъ, сколько которой вогуличамъ государева асаку давалъ женовой и холостой. И въ нынѣшномъ же, господине, во 110-мъ писаль явъ къ вамъ напередъ сего, что асашные вогуличи, въ прошломъ во 109 году, августа въ 30 день, были челомъ государю царю великому князю Борису Федоровичю всеа Русіи и челобитную принесли Кайманча и Чечюкъ во всѣхъ товарищевъ своихъ мѣсто туринскихъ вогуличъ, отъ усть-Тагила по Турѣ рѣкѣ вверхъ; а въ челобитной ихъ написано, что они, напередъ сего, государевъ яревъ и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи, асакъ мяжкою рухлядью платили по вся годы, съ Еманчю вѣстѣ, на Тюмень, какъ и Тюмень стала, и для государевыхъ и волостныхъ дѣлъ приходили въ Тюменской же городъ, родня де ихъ вся и явля съ япанчинскими татари вѣстѣ; а нынѣ де, въ прошломъ во сто осьмомъ году, сталъ государевъ новой Туринской острогъ въ Еманчинѣ юртѣ. И во 109 году Федоръ де Яновъ на нихъ, государевъ царевъ и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи, асакъ явля, и государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ съ тѣхъ волостей ихъ, свой государевъ асакъ, мяжкою рухлядью нынѣ и впредь ежегоду платити, и для государевыхъ дѣлъ и волостныхъ приходить въ новой въ Туринской острогъ по прежнему съ роднемъ вѣстѣ. И въ вамъ, господине, явъ о томъ писаль, чтобы вамъ съ тѣхъ вогуличъ отъ усть-Тагила по Турѣ рѣкѣ вверхъ асакомъ и судомъ, по ихъ челобитью Кайманчи да Чечюка во всѣхъ товарищевъ своихъ мѣсто, вамъ на Верхотурь не вѣдати, и велѣли имъ, по ихъ челобитью, государевъ асакъ приносить въ новой острогъ на Туру по прежнему съ япанчинскими съ татари вѣстѣ, и о государевыхъ дѣлахъ и о волостныхъ велѣлъ приходить въ новой же въ Туринской острогъ. И вы, господине, о томъ ко мнѣ не отписывали, а въ тѣхъ, господине, вогуличахъ есть и недомошные собори збору Федора Янова; 109 году, были намъ челомъ государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русіи и челобитную принесли, прежь Верхотурскою въ новой острогъ тѣ вогуличи съ государевымъ асакомъ и съ недомошными соборьми велѣти послати въ новой Туринской острогъ. И въ нынѣшнемъ, господине, во 110 году ихъ явля, по ихъ челобитью, писаль ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русіи къ Москвѣ съ асакомъ вѣстѣ, збору Федора Янова».

Господамъ князю Матвею Давидовичю, да Угряну Васильевичю, Федоръ Фофановъ челомъ бьетъ. Писали вы, господамъ, ко мнѣ съ верхотурскихъ стрѣльцомъ съ Пяткомъ Казаковымъ, что писано къ вамъ въ государевъ царевъ и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русии грамотѣ: которые туринскіе вогуличи юрты изъ нового острогу далече, а къ Верхотурью ближе, и тѣ юрты вѣдѣно вѣдѣти и асакъ съ нихъ збирати вамъ на Верхотурь, чтобъ въ томъ однолично ясашнымъ людямъ тѣсноты и убытковъ, въ дальнихъ прокодѣхъ, некоторыхъ не было, гдѣ имъ ближе государевъ асакъ платитъ, тутъ бы они и платили; а ко мнѣ, господамъ, о томъ въ государевъ царевъ и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русии грамотѣ писано-жъ. И въ вышнѣишъ въ 110 году, ноября въ 29 день, были челомъ государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии туринскіе вогуличи и челобитную къ вамъ принесли Кайманча Катмевъ съ товарищи тридцать восемь человекъ, а въ челобитной они писали, что въ прошлые годы платили они государевъ асакъ на Тюмень; а въ прошломъ во 109 году платили они государевъ асакъ здѣсь, въ новомъ острогѣ на Турѣ, Федору Якову, а живутъ де они къ Верхотурью ближе, а отъ новаго острогу далече, и имъ де государевъ асакъ платитъ въ новой острогъ ходитъ далече, и въ томъ де въ дальнемъ ходу нужна имъ великая; а государю бы ихъ пожаловати велѣти своей государевъ асакъ платити на Верхотурь. И вы, господамъ, по государевъ царевъ и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русии грамотѣ, и по ихъ челобитью Кайманчи съ товарищи государевъ асакъ велѣли платитъ и приносить на Верхотурь, и судомъ и управомъ велѣли имъ приходить на Верхотурь, и имъ бы государева асаку съ Кайманчи съ товарищи съ тридцати съ осьми человекъ не имати, и не вѣдати ихъ яв чѣмъ отъ усть Тагила, по Тагилу и по Турѣ рѣкѣ къ городу къ Верхотурью, и прислать бы мнѣ къ вамъ на Верхотурь тѣмъ вогуличамъ имена списавъ съ ясашныхъ книгъ, сколько которой вогуличей государева асаку давалъ женовой и холостой. И азъ, господамъ, тѣмъ туринскимъ вогуличамъ отъ усть-Тагила по Турѣ рѣкѣ вверлъ Кайманчи съ товарищи къ вамъ на Верхотурь имена росписъ имъ съ ясашныхъ книгъ, сколько на которомъ татарникъ по тюменской росписи на женовомъ и на холостомъ, въ прошломъ 109 году, взяли государева асаку Федоръ Яковъ, и сколько на которомъ вогуличей осталось взяти государева асаку въ домки того збору, списавъ послалъ съ тюменскихъ стрѣльцомъ съ Трешковымъ изъ Прокофьевымъ подкля въ сию грамоту. И вамъ бы, господамъ, на тѣхъ вогуличахъ, на которыхъ взяти въ домки государева асаку во 109 году збору Федора Якова, чего государева асаку не добралъ, какъ тѣмъ государемъ ясашные домашние соболи, да прислати въ государеву въ казну въ новой острогъ на Туру.

Далѣ въ грамотѣ исчисляются слѣдующія юрты: Нелуковъ, Туразиковъ, Талачинъ, Курмачинъ, Хабарчинъ, Ямашевъ и Неромкары, — находившіеся въ окрестностяхъ г. Верхотурья.

Въ этомъ же году между Верхотурьемъ и Туринскимъ острогомъ дорога, проложеная почти вдоль р. Туры, въ лѣтнее время, а въ особенности весной, представляла большія затрудненія для проѣзда, — такъ какъ она проходила по мѣстамъ низкимъ, болотистымъ и топкямъ. Эти затрудненія еще болѣе представлялись при переѣздѣ чрезъ р. Туру, такъ какъ не было устроено ни мостовъ, ни гатей, ни спусковъ. Подобныя обстоятельства заставили ямщиковъ обратиться къ правительству съ челобитьемъ объ измѣненіи направленія дороги, на такъ называемый Тагильскій волокъ. Въ челобитной туринскіе ямщики высказали, что найденная ими дорога удобнѣе и не представляетъ неудобствъ — старой. (См. истор. Миллера, стр. 208).

Примечаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русии, въ Сибирь, въ новой Туринской острогъ, головѣ Федору Константиновичю Фофанову. Види

намъ челомъ Турнинского острогу яские охотники Семейка Якимовъ Кривошея, да Сефилако Григорьевъ, и во всёхъ товарищей своихъ мѣсто пятьдесятъ человекъ, а сказали: гоняты - де они на Тагильское устье, и та де дорога крива, и лѣтомъ водяна и грязна, и рѣкъ по ней много, перевозятца де лѣтомъ Туру рѣку трожды, а въ осень лошади плавать, и гоняты де тою дорогомъ не можно, лошади съ воды и съ грязи озябають. А слухомъ де они слышали, говорили де Епанчиновского юрта татаринъ Дузамъ Чайда Кова, да Оргуничей, да Семля, да Ивасъ, да староста татарской Курдумъ, да Вайгара, да Вамтерень, да Куннанчей и съ усть-Тагила, что они знаютъ прямую дорогу къ Верхотурью отъ Турнинского острогу до Тагильского устья, и рѣкъ сказываютъ ибѣтъ. И намъ бы ихъ пожаловать велѣти тѣмъ татаромъ тое прямую дорогу, куды они знаютъ, имъ яскимъ охотникомъ указать, чтобъ имъ гоняты къ Верхотурью ближе и легче; и будетъ такъ какъ намъ Турнинского острогу яские охотники Семейка Кривошея и въ товарищей своихъ мѣсто человекъ: и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ тѣмъ татаромъ, которые въ сей нашей грамотѣ нияны писаны, велѣлъ бытъ въ острогъ, и сказалъ имъ наше жаловальное слово, чтобъ они намъ послужили отъ Турнинского острогу до Тагильскаго устья дорогу ровнскими и указали, куды ближе и прямѣе, и суме ѣздити къ Верхотурью, а мы ихъ за то пожалуемъ своимъ жалованьемъ. А какъ они про тое прямую дорогу скажутъ, и ты-бъ съ ними послалъ ящичковъ, до стрѣльцовъ человекъ дву или трехъ, да съ ними дьячка, и велѣлъ имъ прямыя дороги досмотрити и урочища написать на росписъ, сколько по той дорогѣ рѣкъ и грязей и сухихъ ровныхъ мѣстъ, и сколько отъ которого мѣста до котораго урочища верста. Да будетъ та дорога къ Верхотурью пряма, и суха, и гладка, и впередъ прибывша, и ты - бѣ послалъ имъ служилыхъ людей изъ стрѣльцовъ, и изъ казаковъ, и ящичковъ и велостныхъ татаръ, сколько человекъ пригоже, а велѣлъ имъ, въ которыхъ будетъ мѣстѣхъ на грязѣхъ, и на болотахъ и на малыхъ рѣчкахъ надобѣ мосты намостити, и велѣлъ тою новою дорогомъ ящичковъ къ Верхотурью гоняты. А какъ тебѣ дорогу татарова укажутъ и ты-бъ о томъ отписалъ, и росписъ той новой дорогѣ прислалъ къ намъ къ Москвѣ, и велѣлъ отписку и росписъ отдать въ приказъ Казанского и Мещерского дворца дьякамъ нашимъ Аеоновсю Власеву, да Нечая Федорову». Писакъ на Москвѣ, лѣта 7110, января въ 29 день. У подлинной грамоты пишетъ тако: дьякъ Нечай Федоровъ.

1603 годъ.

Верхотурскимъ воеводой былъ Неудача Плещеевъ, а письменнымъ головою Матвѣй Хлоповъ, съ 1603 по 1604 г.

Примечаніе. Въ этомъ году упоминается Верхотурскимъ воеводой князь Львовъ, а головою Новосильцовъ. (Акты истор. т. II, стр. 54).

Царской грамотой, отъ 9 января, повелѣно въ вогульскихъ юртахъ, расположенныхъ по р. Турѣ, поселять русскихъ плотниковъ, вышедшихъ изъ Перми, Вятки, Выми, Сольвычегодска и Устюга—Великаго, съ отводомъ имъ земли. (Актъ истор. т. II, № 40).

Примечаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русии, на Верхотурье, князю Матвѣю Даниловичю Львову да головѣ Угрюму Васильевичу Новосильцову. По нашему указу, въ прошлыхъ годѣхъ, послыано на Верхотурье для судебного дѣла, въ чомъ наши хлѣбные запасы провадять въ сибирскіе городы -- съ Перми, съ Вятки, съ Выми, отъ Соли отъ Вычегодскія, съ Устюга-Великаго, плотниковъ человекъ во осмидесятъ и болши; да въ нынѣшнемъ во 111 году велѣно послать на Верхотурье, съ тѣхъ же городовъ, плотниковъ восьмидесятъ человекъ, и въ томъ тѣмъ городомъ напередъ сего была, да и нынѣ, нужда и убытки великіе; и нынѣ указали

ески устроити въ Сибири, ниже Ямашева юрта, въ Ваендинъ юртѣ, на рѣкѣ на Турѣ, плотниковъ пятьдесятъ человекъ, съ тѣхъ же городовъ, съ Перми, съ Вятки, съ Выни, съ Соли Вычегодскія, съ Устюга-Великого, разведчи по сошному разводу.—И какъ къ вамъ съ наша грамота придетъ, а плотниковъ изъ городовъ съ Перми, съ Вятки, съ Выни, съ Соли отъ Вычегодскія, съ Устюга-Великого, на Верхотурье пришлютъ, и вы-бъ вы-велѣли дать дворы, гдѣ стоять, а какъ ихъ устроити, и о томъ намъ указъ будетъ впередъ; а сколько съ котораго города человекъ плотниковъ, и кто имъенъ, съ ними придетъ, и вы-бъ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ, и велѣли отписку отдать въ Казанскомъ и въ Мещерскомъ дворцѣ, діаконъ нашнѣмъ Осенасью Власеву да Печая Федорову». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7111, генваря въ 9-й день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ, на двухъ листкахъ, по складкѣ концы скрѣпа слѣдующая: дѣиъ Печай Федоровъ. Бытъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надписи: князю Матвѣю Давыдовичю Лвову, да головѣ Угруну Васильевичю Новосилцову; тамъ же снизу помята: 11 февраля въ 17 день привезъ государеву грамоту тобольской казакъ Миталко Шалѣй.

10 февраля царской же грамотою, вслѣдствіе челобитья верхотурскихъ боярскихъ дѣтей, стрѣлцкаго десятника и др. велѣно отсрочить взысканіе съ служилыхъ людей ружниковъ и оброчниковъ заемнаго хлѣба. (Акт. истор. т. II, № 41).

Примчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи, на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичю Плещеву да головѣ Матвѣю Степановичю Хлопову. Види намъ человекъ Верхотурскаго города дѣти боярскіе Василей Тырковъ да стрѣлцкой десятникъ Ромашко Голенищевъ, и во всѣхъ товарищевъ своихъ, верхотурскихъ служивыхъ людей, и ружниковъ, и оброчниковъ мѣсто, а сказали: въ прошломъ де въ 110 году давано имъ наше годовое хлѣбное жалованье, оклады ихъ, рожь и овесъ заблой, и того де имъ нашего жалованья, ихъ окладовъ, до срока не стало; и они де задьяли изъ житицъ, до нашего жалованья нынѣшняго 111 году, по четъ ржи на человекѣка, а нмѣ и по двѣ четы; и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ въ томъ заемномъ хлѣбѣ дать сроку до 112 году, до новаго хлѣба.—И будетъ такъ, какъ намъ Верхотурскаго города служивые люди бжали человекъ, и какъ къ вамъ съ наша грамота придетъ, а верхотурскихъ будетъ служивыхъ людей того нашего заемнаго хлѣба имѣтъ залплатитъ въ нашу казну не мочно, и вы-бъ имъ въ томъ нашнѣмъ заемномъ хлѣбѣ дали сроку, смотря по тамошнему дѣлу, какъ пригоже». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7111, февраля въ 10-й день».

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ, на листкѣ. Бытъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надписи: на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичю Плещеву да головѣ Матвѣю Степановичю Хлопову; тамъ же снизу помята: 11 марта въ 28 день привезъ государеву грамоту верхотурской стрѣлецъ Федка Вологжанинъ.

Грамотой, отъ 16 февраля, повелѣвалось въ вогульскихъ юртахъ найдти удобныя мѣста для поселенія русскихъ плотниковъ—для постройки судовъ, отправляемыхъ съ сибирскими хлѣбными запасами,—для чего присканы удобныя мѣста по р. Турѣ. (Акт. истор. т. II, № 42).

Примчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Вериса Федоровича всеа Русіи, на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичю Плещеву да Матвѣю Степановичю Хлопову. По нашему указу, въ прошлыхъ годѣхъ, посылали есма на Верхотурье, для судового дѣла, въ чомъ наши хлѣбные запасы провадять въ сибирскіе города, съ Перми, съ Вятки, съ Выни, отъ Соли отъ Вычегодскія, съ Устюга-Великого, плотниковъ человекъ по

осмидесять и болше; да и въ нынѣшнемъ во 111 году велѣно послать на Верхотурье, съ тѣхъ городовъ, плотниковъ восемьдесятъ человекъ, и въ томъ тѣмъ городомъ напередъ сего было, да и нынѣ, убытки великіе; и по нашему-же указу, велѣно Гаврилу Салманову, какъ онъ былъ на Верхотурьѣ, ѣдучи въ Тоболскъ съ нашими хлѣбными запасомъ, досмотрѣть Ямашова юрта и написать всякія угодыя, чтобъ въ томъ юртѣ устроить для судового дѣла жилищныхъ плотниковъ; и Гаврилу Салмановъ писалъ къ намъ, что на Ямашовѣ юртѣ угодей никакихъ нѣтъ, а есть де ниже Ямашова юрта, горою три версты, а рѣкою версть отъ десяти, юртъ вогульской Ваенды да Юрта Килтымавыхъ на рѣкѣ на Турѣ, на берегу, а пришелъ де къ тому юрту поля великія, и стѣнные покосы, по обѣ стороны рѣки Туры, и озеръ много, и крѣпости великія, а отъ Верхотурья де до тѣхъ юртовъ рѣкою версть со сто съ восьмидесятъ, а горою версть съ восьмидесятъ; и нынѣ велѣли есмь, съ Черни, съ Ватки, съ Вими, отъ Соли отъ Вычегодскія, съ Устюга-Великого, взять пятьдесятъ человекъ плотниковъ и велѣти ихъ отослать на Верхотурье, а устроить ихъ въ юртѣхъ на нашиѣ.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а плотниковъ съ городовъ, съ Черни, съ Ватки, съ Вими, отъ Соли отъ Вычегодскія, съ Устюга-Великого, на Верхотурье пришлютъ, и вы-бѣ, отпусти воеводу князя Ондreja Голицина съ товарищи и наши хлѣбные запасы во всѣ сибирскіе города, и взявъ у князя Матвѣя и у Угрина городъ со всѣмъ, и расписавъ съ ними во всякихъ нашихъ дѣлахъ, и взявъ съ собою тѣхъ плотниковъ, ѣхалъ бы еси ты, Матвѣй, въ вогульскіе юрты Ваенды да Юрта Килтымавыхъ, что на рѣкѣ на Турѣ, или гдѣ въ иныхъ мѣстахъ, выше и ниже тѣхъ юртовъ, за пороги, на берегу осмотрити мѣста погожихъ, чтобъ гдѣ у воды было близко, а вешнему-бѣ болшою водою не поимало, а съѣздъ-бмъ къ рѣкѣ быль же,—роздати тѣмъ плотникамъ подъ дворы мѣста, и устроить ихъ пашней, противъ верхотурскихъ жилищныхъ людей и смотря по тамошнему дѣлу, и велѣти тѣмъ плотникамъ дворы городить и хоромы ставить неоплошно, чтобъ имъ одолично устроитись вскорѣ; а того розсмотрити накрѣпке, чтобъ гдѣ мѣсто было угодно, и впередъ бы тутъ городу или острогу быти прочно и стѣпательно, и наши-бѣ хлѣбные запасы впередъ ставить, и суды подъ наши хлѣбные запасы дѣлать тѣмъ плотникомъ туто-же, не отъѣзжая, и судового-бѣ лѣсу: было много; а сколько человекъ, съ которого города, плотниковъ приимать, и съ кѣмъ илннѣе, и какъ ихъ устроить, и по колку сажетъ подъ дворы дадите мѣста, и сколь угодыи мѣста, и сколь далеко отъ Верхотурья водою и сухимъ путемъ, и сколько нашихъ угодей и судового лѣсу, о томъ о всемъ отписали-бѣ есте къ вамъ имянно, и велѣли отписку отдать въ Казанскомъ и въ Мешерскомъ дворцѣ, дякоу нашихъ Осонасъ Власеву да Нечая Федорову». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7111, февраля въ 16 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ, на двухъ листкахъ, со скрѣпою по склѣбкѣ: дякоу Нечая Федоровъ. Былъ сложены налетомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: на Верхотурье, Неудачъ Остафьевичю Цвещеву да головъ Матвѣю Степановичю Клопову; тамъ же снизу помята: III-го марта въ 28 день привезъ государеву грамоту тюменской казакъ Сежейка Петровъ.

15 Мая послѣдовала грамота на имя воеводы о датѣ жалованья вогуламъ, принявшимъ христіанство и о поверстаніи ихъ въ стрѣleckую службу. Изъ грамоты, приводимой ниже сего видно, что чюсовскіе вогулы въ семь году приняли христіанство. (Акт. истор. т. II, № 43).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русія, на Верхотурье, Неудачъ Остафьевичю Цвещеву да головъ Матвѣю Степановичю Клопову. Писали къ намъ, съ Верхотурья, князь Матвѣй Львовъ да Угрии Новосильцовъ: въ нынѣшнемъ де во III-мъ году крестилися, на Верхотурьѣ, Верхотурскаго уѣзда, чюсовскіе вогуличи, Вай мурза, да Кулакъ, да Казакъ Артибашевы, да тагильской вогулятинъ Обайто Кожель, а дали нмъ именовъ Ваиму—Павлакъ, а брату его Кулаку —

Иванку, а Обайтку—Оеонку, а Казану—Петрушка, и тѣмъ новокрещеномъ кортѣ на Верхотурьѣ до нашего указу; а нашего жалованья тѣмъ новокрещеномъ дано на Верхотурьѣ, для крещенья, по два сукна середнихъ, да по рубашкѣ, да по сапогамъ, и отпустили къ Москвѣ новокрещеновъ, Павлика да Оеонку, съ нашею съ ясачною казною; а на Москвѣ новокрещену Павлику дано нашего жалованья, для крещенья, пять рублевъ денегъ, да сукно доброе, да тафта добрая, а Оеоникъ три рубля да сукно доброе, а Иванку да Петрушкѣ велѣно дать нашего жалованья, на Верхотурьѣ, по три рубля да по сукну по доброму.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ тѣмъ новокрещеномъ, Иванку да Петрушкѣ Артибалешкину, дали изъ нашихъ казенъ нашего жалованья, для крещенья, по три рубля да по сукну по доброму, и велѣли тѣмъ новокрещеномъ, Павлику съ братьемъ и Оеоникѣ Комаеву, нашу службу служить на Верхотурьѣ, въ стрѣльцѣхъ, на выбылыхъ стрѣльцовъ мѣстѣ, и наше имъ денежное и хлѣбное жалованье давали, съ стрѣльцы виботѣ, по нашему указу». Писанъ въ Москвѣ, лѣта 7111, мая въ 5 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ, на листкѣ. Бумага сложена пакостомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: На Верхотурьѣ, Неудачѣ Остафьевичу Плещееву да головѣ Матвѣю Степановичу; тамъ же снизу помѣта: III марта въ 22 день привезъ государеву грамоту новокрещенъ Оеоня Камаевъ.

1604 годъ.

Въ семь году въ церковь Похвалы Богородицы, что въ Орлѣ городѣ, приложено евангеліе именитымъ челоуѣкомъ Никитомъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Оно писано рукою схимонахини Татіаны, дочера Никиты Григорьевича. (Распр. Хр. вѣры въ пред. Перм. губ. 1857 года; архіеп. Макарія). Изъ Орла—города въ Новое Усолъе оно перенесено за долгъ Орловской церкви въ 1828 г. Надпись на евангелии, по листамъ слѣдующая: „Лѣта 1603, августа въ 31 день, сія книга евангеліе на престольное, домовое, церковное всемірнаго Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, въ городѣ, на устьѣхъ на Орлѣ, надъ Камюю рѣкою, на устьѣхъ Яйвы рѣки, положеніе Никиты Григорьевича Строганова въ своей вотчинѣ, для своего поминанія за здравнаго и для своихъ родителей за упокой“.

Основанъ въ Верхотурьѣ Николаевской монастырь монахомъ Іоною. (Смб. истор. Фишера § 24).

Въ семь году епископомъ Вятскимъ и Велико-Пермскимъ былъ *Иоасафа II.*

Примѣчаніе I: До своего посвященія въ санъ епископа, совершившагося въ 1604 году, Иоасафъ былъ игуменомъ Кирилло-Вѣлосерскаго монастыря. Въ смутное для государства время суждено было управлять епархіею Иоасафу II; но равнодушный ко благу отечества, дѣятельный и имѣвшій сильное вліяніе на своею властью, онъ сумѣлъ принести посильную лепту на пользу отечества;—въ благодарность за оказанныя услуги престолу онъ получилъ въ 1607 году несудимую грамоту на вотчины отъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Независимо отъ этого, паства Иоасафа II получила въ 1609 году на имя своего архіепастыря, отъ того же царя, похвальную грамоту за вѣрную службу,—которая, безъ всякаго сомнѣнія, была слѣдствіемъ живаго слова и поученій архіепископа. Незавѣстенъ годъ смерти Иоасафа II, хотя онъ умеръ въ Вологдѣ, управляя еще архіепископіею, и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ, на лѣвой сторонѣ, въ третью мѣстѣ.

Примѣчаніе 2. Приведемъ дохвальную грамоту, за вѣрную службу Вологжанамъ, съ общаеиъ льготъ и разныхъ милостей и съ повелѣніемъ содѣйствовать всеводамъ къ укрощенію мятежей.

«Отъ царя и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи, на Вологду, архимандритомъ и игуменомъ, и протопопу и всему собору, и дворяномъ, и дѣтямъ боярскимъ, и иноземцѣмъ, и го-темъ, и старостамъ, и сотскимъ, и всѣмъ посадскимъ людемъ, и яскимъ охотникомъ, и нашимъ дворцовымъ сель и черниихъ волостей крестьяномъ, и всякимъ служивымъ и жителямъ людемъ. Писали къ намъ съ Вологды, богомольецъ нашъ архіепископъ Іоасафъ да всевода нашъ Никита Михайловичъ Пункинъ да дьякъ Рахманнъ Вороновъ, что вы сперва неволею ворѣтъ крестъ дѣловали, а какъ пришло время, и вы ворѣтъ, которые были къ вамъ присланы, побили и къ намъ обратились, и, собрався со многими людьми, свои вѣста очистили, и спешили нѣмъ городовъ съ ратными людьми многіе города и волости отъ ворѣтъ очистили, а нѣмъ города вятьемъ взяли; и намъ то вѣдомо. И мы, слыша о томъ, со всѣми нашими людьми обрадовалися и всецѣльному въ Троицѣ славному Богу хвалу воздали; а о васъ всегда милосердуемъ и за вашу службу васъ пожалуемъ нашими великими жалованьемъ. -- И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ вологодскимъ, всякимъ людемъ велѣли собратся въ соборную церковь, къ богомольцу ешнему архіепископу Іоасафу и къ всеводѣ Никитѣ Михайловичу Пункину да къ дьяку, и велѣли сю нашу грамоту вычестъ всѣмъ людемъ въ слухъ и наш-бѣ жалованье всѣмъ людемъ сказали, что мы васъ, всякихъ людей, пожаловали: для вашего разоренья, во всякихъ нашихъ податѣхъ, велѣли вамъ дати льготы на многіа лѣта, и во всемъ васъ великіе отарханити, и всякіа ваши разоренья великіе пополнити, и учинитъ васъ жаловати свише прежлаго; а что еста неволею ворѣтъ крестъ дѣловали, и вы вамъ того въ вину не поставили, потому что сдѣлали то неволею, бояся отъ ворокъ убивства и разоренья, а положили то на судьбы Божьи; и вы-бѣ вологжана, всякіе люди, вынѣ и впередъ намъ служили и приняли по прежнему безовсякіа шатости, а ворѣтъ и воронской смуть ни въ чемъ не вѣрили и противъ ихъ стояли, и съ всеодами нашими въ походъ на ворѣтъ ходили, и намъ служили, и надъ воры прощали, сколько намъ Богъ помочи подастъ; а мы васъ ради жаловати и любви свише прежнего, и всякіа ваши нужи и разоренья великіе пополнити. А одволично-бѣ есте намъ служили и приняли по своему обѣщанью, безъ претыканья, а на наше-бѣ жалованье во всемъ были надежны; да и во весь-бы Вологодской уѣздъ, противъ сѣ нашей грамоты, отписали, чтобъ имъ всѣмъ наше жалованье было вѣдомо». Писали изъ Москвъ, лѣта 7117, мая въ 15 день. — Принисъ у грамоты дьяка Топила Лутовского.

Списокъ сей грамоты, столбцемъ на 2 мисткаа, находится въ бумагахъ Соломажскаго архива.

Примѣчаніе 3. Въ жизнеописаніи архіереевъ вологодскихъ и великопермскихъ, составленномъ преосвященнымъ Евгениемъ, говорится, что, судя по вступленію преемника Іоасафа II, архіепископа Сильвестра, можно положить, что Іоасафъ въ томъ же 1607 году преставился; но это показаніе подлежитъ исправленію: во 1-тъ, архіепископъ Іоасафъ былъ въ 1607 году живъ и находился на кзедрѣ Вологодской еше и въ 1609 году, въ которомъ послана на ния его царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ похвальная грамота вологжанамъ за вѣрную службу, которую выше привели; слѣдователь но во 2-тъ, не этотъ былъ и годъ вступленія на вологодскую паству архіепископа Сильвестра. Последняя ошибка, касательно архіепископа Сильвестра, произошла вѣроятно отъ того, что преосвящен. Евгенийъ этого Сильвестра производилъ изъ игуменовъ Кириллобѣзверскаго монастыря, въ которомъ дѣйствительно былъ этого имени игуменъ до 1607 года, какъ значитъ въ истор. іерсрх., часть IV, стр. 499. Но мы имѣемъ неопровержимое доказательство того, что вологодскій преосвящен. Сильвестръ переведенъ въ Вологду не изъ игуменовъ Кириллобѣзверскихъ, а изъ епископовъ Корельскихъ. См. опис. волог. соб. сост. Сувор. стр. 62.

Примеч. 4. Надъ могилою Иосафа слѣдующая надпись: «Преставился пресвященникъ Иосафъ, архіепископъ вологодскій и велико-пермскій, июля въ 3 день, и положенъ во гробъ семь» (Смотр. описаніе Вологодскаго собора сост. Суворовымъ, стр. 62).

Примеч. 5. Въ исторіи Іерархіи, находящейся въ Пермск. семинарск. библіот., безъ заглавнаго листа, по кат. подъ № 1978, Иосафъ показанъ въ числѣ архіепископовъ вологодскихъ и Бѣлозерскихъ подъ 1604 г., а по др. источ. онъ значится архіепископомъ Вятскимъ и Велико-пермскимъ, какъ мы уже о семъ сказали, ранѣе сего въ нашей лѣтописи.

Царскою грамотою Верхотурскому воеводѣ Плещееву повелѣвалось, отъ 26 іюня, черному попу Іонѣ отпустить лѣсъ на строеніе въ Верхотурьи монастыря, во имя св. чудотворца Николая и св. Стратотернца Бориса и Глѣба. Первымъ строителемъ онаго былъ монахъ Іона, бывший до сего времени священникомъ. (Сиб. истор. Фишера, § 24; Ант. ист., т. III).

Примеч. 1. Приведемъ объ отпускѣ лѣса грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи, на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичю Плещееву да голови Матвѣю Степановичю Хлопову. Былъ намъ челоужъ черной попу Іона, а сказалъ: обѣтень де онъ устроить на Верхотурьѣ монастырь во имя святого чудотворца Николаи и святыхъ Стратотернцевъ Бориса и Глѣба; и они, по своему обѣщанью, занявъ у васъ нашего лѣсу, храмы водвинули, а на совершенье де ему лѣсу и тесу взять негдѣ, и вы де ему, безъ нашего указа, на совершенье, лѣсу—бревень и тесу не дадите, и того на немъ заемнаго лѣсу, которой у васъ ималъ онъ на храмы, правите; и намъ бы его пожаловати, того заемнаго лѣсу имати на немъ не велѣти, и велѣти ему, на совершенье храмовъ, и на кельи, и на ограду, бревень и тесу дати.—И будетъ такъ, какъ намъ черной попу Іона былъ челоужъ, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ на черномъ попу Іонѣ того заемнаго правити не велѣли, и лѣсу ему и тесу на церковное не велѣли дати въ 26 день».

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, тисанъ столбцею на листкѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, имевшъ на оборотѣ надпись: На Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичю Плещееву да Матвѣю Степановичю Хлопову; тамъ же пометка: 112 году, іюля въ 19 день, привесть государеву грамоту . . . стрѣлецъ Степанка Карповъ.

Примеч. 2. Не считаю излишнимъ передать обстоятельныя свѣдѣнія о Николаевскомъ верхотурскомъ монастырѣ. Верхотурскій Николаевскій монастырь находится на сѣверномъ краю города, при впаденіи въ Туру рѣчекъ Свяги и Калачика, изъ коихъ первая протекаетъ съ южной, а вторая съ западной стороны. Основаніе монастыря относится къ 1604 году, когда инокъ Іона получилъ отъ царя Бориса Годунова разрѣшеніе построить храмъ во имя св. Николая чудотворца, съ особеннымъ придѣломъ во имя св. Бориса и Глѣба. Сначала, впрочемъ, была выстроена только одна церковь, но, такъ какъ въ ней не хватало разной церковной утвари, то Іона обращался къ верхотурскому воеводѣ о выдачѣ ему воску и гвоздей, а потомъ, чрезъ годъ, отправился въ Москву просить лично царя о вспоможеніи, для окончанія начатой имъ постройки. Вслѣдствіе этого, царь Борисъ далъ, въ 1605 году, грамоту, на имя верхотурскаго воеводы Плещеева и головы Хлопова, въ которой предписывалось не брать съ инока выданныхъ ему воска и гвоздей, выдавать ему жалованья по 6 р. въ годъ, присылать для него дячка, съ жалованьемъ по 3 руб. на годъ, а на прокормленіе дать обонимъ вмѣсто *хлебной руги*, пашню, сѣнные покосы и другія угодья. Кроме того, вмѣстѣ съ строителемъ храма, отправлены были изъ Москвы церковныя книги, образа, разная утварь и колокола. Верхотурскому же воеводѣ повелѣно отпустить на строящуюся церковь 15 гривенокъ воску, 1½ гривенки ладану и ¼ ведра церковнаго вина, а определенное причту жалованье выдавать *безмереводно*. Дальнѣйшая судьба этого храма и въ послѣдствіи образовавшагося при немъ монастыря, осталась неизвѣстною, по причинѣ пожаровъ 1716 и 1762 годовъ, которые истребили все документы. Изъ

«Пермск. лѣтопись».

вѣстно только то, что монастырь окончательно устроенъ при Михаилѣ Федоровичѣ, въ 1616 году, и что тогда же повелѣно царемъ сдать его игумну Герасиму; вѣстѣ съ тѣмъ подтверждены прежнія грамоты о выдачѣ монастырю денежной и хлѣбной руги. Въ 1621 году архіепископъ Кириакъ прибылъ въ Верхотурье и, посѣтивъ Николаевскій монастырь, назвалъ его старымъ, потому что это былъ первый монастырь въ азиатской части Россіи; для управленія монастыремъ онъ избралъ игумена Герасима и иеромонаха Феодосія.

Хотя правительство покровительствовало Николаевскому монастырю, но онъ терпѣлъ иногда притѣсненія, часто нуждался въ содержаніи и оставался вообще малозначительнымъ до 1702 года, когда въ монастырь были перенесены мощи св. Сimeона праведнаго.

Въ Меркушинскомъ селѣ, въ 50 верстахъ къ востоку отъ города, жилъ, въ XVII столѣтіи, переселенецъ изъ внутреннихъ губерній, дворянинъ, по имени Сimeонъ, который прославился въ окрестностяхъ своими высокими добродѣтелями. Онъ умеръ въ 1645 году и погребенъ при церкви архистратига Михаила. Вислѣдствіи разнеслась молва о чудотворности мощей его, что и побудило тобольскаго митрополита Игнатія, въ 1605 году, освидѣтельствовать гробъ праведнаго Сimeона, при чемъ мощи его оказались нетлѣнными. Спустя 7 лѣтъ, именно въ 1702 году, они были перенесены митрополитомъ Филошеемъ Лещинскимъ въ Верхотурскій Николаевскій монастырь, гдѣ находятся и по настоящее время. Это обстоятельство послужило причиною довольно большаго стеченія богомольцевъ въ Верхотурье къ 12 сентября и положило прочное основаніе его матеріальному благосостоянію.

Изъ монастырскихъ зданій особенно замѣчательны церкви: николевская и преображенская и братскія кельи. Николевская церковь построена въ готическомъ вкусѣ, съ придѣломъ, съ сѣверной стороны во имя Сimeона Богопріимца и Анны пророчицы. Церковь эта заложена въ 1712 году и окончательно достроена въ 1713 году, за счетъ государственныхъ доходовъ. Преображенская церковь находится въ недалекомъ разстояніи отъ первой, съ придѣлами, по правую сторону, во имя Благовѣщенія пресвятыи Богородицы, а по лѣвую сторону во имя архистратига Михаила. Она заложена въ 1821 году и освящена архіепископомъ Аркадіемъ, въ 1834 году. Настоятельскія и братскія кельи помѣщаются въ каменномъ двухъ-этажномъ корпусѣ, который построенъ къ западу отъ николевской церкви. Тамъ же помѣщаются кухни и трапезная. Въ югу-востоку находится еще каменное зданіе, въ которомъ помѣщается духовное правленіе и кладовыя, съ разными монастырскими вещами. Прочія зданія, извѣстныя подъ названіемъ службъ, построены изъ дерева. Кругомъ монастыря проходитъ каменная стѣна, съ тремя воротами, изъ коней вѣжны построены въ готическомъ вкусѣ, а остальные — съ сѣверной и восточной сторонъ, обыкновенной архитектуры. Еще слѣдуетъ упомянуть о деревянномъ двухъ-этажномъ домѣ, внѣ монастыря, гдѣ помѣщаются служители и богомольцы. Въ матеріальномъ отношеніи Верхотурскій николаевскій монастырь можетъ считаться, въ настоящее время, совершенно обезпеченнымъ. По существующимъ нынѣ штатамъ, при монастырѣ состоитъ 8 членовъ служителей; а во владѣніи его находится: мукомольная мельница, озеро для рыбной ловли, 30 десятинъ пахатной земли, отвѣденной въ 1799 году, и 86 десятинъ пахатной и сѣнокошной земли, отвѣденной въ 1852 году, въ небольшомъ разстояніи отъ монастыря. На содержаніе братіи и монастыря отпускается ежегодно, 417 руб. 60 коп., изъ уѣзднаго казначейства. Кроме того, получается братскаго дохода, въ годъ, до 140 руб., отъ продажи свѣчъ вырывается около 130 руб., и кошальковныя и кружечнаго сбора въ годъ — до 2,900 руб. Сверхъ всего этого, поступаютъ иногда въ пользу монастыря пожертвованія. Такъ, въ 1847 году, на уплату за устроенную серебряную раку, пожертвовано отъ екатеринбургскихъ купцовъ 1,500 руб.; а въ 1850 году, графиня Орлова-Чесменская, пожертвовала въ пользу монастыря 5.000 руб. сер., проценты съ которыхъ составляютъ также постоянный доходъ.

Касательно управления Верхотурскаго монастыря, слѣдуетъ замѣтить, что съ начала до 1764 года настоятели были архимандриты, а съ того времени до 1798 года, монастырь состоялъ въ 3-мъ классѣ и настоятели были игумены. Въ 1797 году, на основаніи Высочайшаго указа 1797 года, здѣсь была учреждена архимандрія 3-го класса, а въ 1853 году, монастырь возведенъ во 2-й классъ, съ тѣмъ, чтобы дополнительное число братій, по штату, получало содержаніе изъ собственныхъ монастырскихъ средствъ и доходовъ.

Въ семь году царскою грамотою 13 февраля повелѣно верхотурскому воеводѣ Неудачѣ Плещееву и головѣ Хлопову надзирать за торговлею и сборомъ таможенныхъ пошлинъ. Изъ этого документа видно, что на Верхотурьи были торговцы, которые держали въ своихъ лавкахъ разные товары и вели торговлю преимущественно мѣшную и что подобная торговля, производимая Лучаниновымъ была чрезвычайно тягостна для мѣстныхъ обывателей, такъ какъ она сосредоточивалась въ рукахъ Лучанинова. Это исполненіе вызвало и жалобу, которая окончилась въ пользу просителей.

Примечаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русія, на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичу Плещееву да головѣ Матвѣю Степановичу Хлопову. Былъ намъ челоуъ Верхотурскаго города янскаго охотникъ Матвѣшка Глазуновъ, а сказывалъ: торгуешь дѣмъ на Верхотурьи верхотурской жилаецъ, торговой челоуѣкъ Васка Лучанинъ всякими товарами, соболми, и лисицами, и бобрами и всякими мягкими товарами, и сувки и всякими мѣшными товарами, и мѣшаетъ соболми и лисицы на всякой мягкой товаръ, на сувки, и на одиорядки и на всякіе товары, съ вогулчи; а у кого дѣмъ онъ свѣдасть какой товаръ, и онъ перекупаетъ, а молодчимъ людямъ товару никакого купити не даетъ; самъ дѣмъ на которомъ товарѣ дастъ рубли два или три, а возметъ рублевъ восемь и десять или пятнадцать; а наши десятиными пошлинами съ тѣхъ товаровъ въ нашу казну не платятъ, а сказываетъ у себя нашу жаловальную грамоту.—И будетъ такъ, какъ намъ ящикъ Матвѣшка былъ челоуѣкъ, и какъ къ намъ съ наша грамота придетъ, и вы-бѣ у верхотурскаго жилаца у Васи у Лучанина, съ его со всякихъ товаровъ, имали нашу пошлину, по нашему указу, по тому-жъ какъ и съ прѣзжихъ съ торговнѣ людей емалеть; а будетъ учеть торговати тайно, и вы-бѣ, смыскавъ доприма, тѣ товары отписывали на насъ, и имали въ нашу казну, и перекупатьъ ему никакими товарами, ни у кого, ни съ кѣмъ, не велѣли, чтобъ верхотурскихъ всякихъ людейъ въ томъ нужи и тѣсноти не было; и впередъ бы есте того смотрели и берегли накрѣпко, чтобъ торговне люди тайно нигдѣ не торговали, а торговали-бѣ на гостинѣ дворѣ и нашу пошлину платили по нашему указу; а которые торговне люди учнутъ торговати тайно, и вы-бѣ у нихъ по тому-жъ товары ихъ имали на насъ, и ввали въ нашу казну, да о томъ отписывали къ намъ къ Москвѣ, и велѣли отписку отдать въ приказѣ Казанскаго и Мецкерскаго дворца, діакону нашему Нечая Федорову». Писанъ на Москвѣ, гѣта 7112, февраля въ 13 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ, на двухъ, вмѣстѣ склеенныхъ листкахъ, со скрѣпою по склейкѣ: діакъ Нечай Федоровъ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надписи: На Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичу Плещееву да головѣ Матвѣю Степановичу Хлопову; малъ же внизу помята: 112 июня въ 13 день привезъ государеву грамоту, изъ Перми, ящикъ Митроша Вилежанинъ.

13 марта послѣдовала грамота на имя верхотурскаго воеводы и головы— о выборѣ охотихъ людей въ сургутскіе стрѣльцы и казаки, для замѣщенія умершихъ и убитыхъ. При чемъ желающимъ переселиться правительствомъ гаран-

тировано въ Сургутѣ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ—по росписи, а
путевыя издержки—на мѣстѣ.

Примечаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи, на
Верхотурьѣ, Неудачѣ Остафьевичю Пещееву да головѣ Матвѣю Степановичю Хлопу-
ву. Писали къ вамъ изъ Сургута Федоръ Головинъ, да голова Гаврило Писемской: по
нашему указу велѣно имъ, приѣхавъ въ Сургутъ, пересмотрѣти и переписать служи-
выхъ людей и роддати наше денежное и хлѣбное жалованье на 111 годъ всѣмъ на
лице; и убито де въ посмѣлахъ и въ острогахъ, и померло нашихъ служивыхъ лю-
дей, казаковъ и стрѣльцовъ сто пятнадцать человѣкъ, и въ то де число прибрали
они въ казаки и въ стрѣльцовъ мѣсто сорокъ человѣкъ, а болши де того прибрали
имъ не-кого.—И какъ къ вамъ ся наша придетъ, и вы-бѣ на Верхотурья прибрали, въ
Сургутъ, на выболны мѣста, въ казаки и въ стрѣльцы, волынѣмъ оконыхъ людей
добрыѣ, чтобъ были собою добры, и стрѣлять были горавди, и служивое дѣло за
обычей, и поруки по нимъ взяли крѣпкія, что имъ ѣхать въ Сургутъ на житье; а
наше денежное и хлѣбное жалованье послано, на нихъ, въ Сургутъ, сполна, то-жъ
что и старымъ сургутскимъ казакомъ; а будетъ учнуть бити челомъ о нашемъ о
денежномъ и о хлѣбномъ жалованьи, чѣмъ имъ доѣхати до Сургута, и вы-бѣ имъ
дали, изъ нашихъ изъ сургутскихъ денегъ и изъ хлѣбныхъ запасовъ, по рублю, да
по осминѣ муки, по полуосминѣ крупъ, по полуосминѣ толочна человѣку, въ ихъ
окладъ, съ крѣпкими поруками, а сколько человѣкъ приберете, и что имъ денегъ и
хлѣба дадите, и вы-бѣ о томъ отписали въ Тоболской князю, чтобъ имъ тѣ денги и
хлѣбъ закли въ наше жалованье, въ ихъ оклады, да о чѣмъ бы есте отписали къ
намъ къ Москвѣ, и велѣли отписку отдати въ Казанской и въ Мещерской дворецъ,
дѣлакову нашему Нечая Федорову». Писанъ на Москвѣ; лѣта 7112, марта въ 3 день.

*Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столб-
цемъ, на бумагѣ амблатъ склеенныхъ листкахъ. По склейбѣ скрѣпа: дѣка Нечай
Федоровъ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: на Верхотурьѣ,
Неудачѣ Остафьевичю Пещееву да головѣ Матвѣю Степановичю Хлопову; тамъ же
помята: 112 апрѣля въ 6 день привезъ государеву грамоту тоболской стрѣлецъ
Иванко Дурныя.*

Таковою же грамотою, отъ 24 апрѣля, освобождались стрѣльцы и ка-
заки отъ сбора садоваго хмѣля.

Примечаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи, на
Верхотурьѣ, Неудачѣ Остафьевичю Пещееву да головѣ Матвѣю Степановичю Хлопову.
Были намъ челоуъ Верхотурскаго города служивые люди, казаки и стрѣльцы, Ромашко
Коленищевъ, и во-всѣхъ товарищовъ своихъ мѣсто, а сказали: по нашему де указу
желѣно имъ, на нашъ обиходъ, на вино, хмѣль готовить, и на Верхотурьѣ де садоваго
хмѣля не родится, и по рѣчкамъ де добыть не можно, и купить изъ негдѣ и не на
что, и имѣѣ де они, въ томъ хдѣлю, стоять на правезѣ; и намъ бы ихъ пожаловати,
того на нихъ хмѣлю правити не велѣти.—И будетъ такъ, какъ намъ верхотурскіе
служивые люди били челомъ, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ на
нихъ хмѣлю правити на насъ не велѣли; а какъ хмѣль посѣветъ и добыть будетъ
имъ можно, и вы-бѣ имъ велѣли на насъ хмѣль щипать». Писанъ на Москвѣ, лѣта
7112, апрѣля въ 24 день.

*Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столб-
цемъ, на листкѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: На
Верхотурьѣ, Неудачѣ Остафьевичю Пещееву да головѣ Матвѣю Степановичю Хлопу-
ву; тамъ же помята: 112 июля въ 28 день привезъ государеву грамоту верхотур-
ской сдѣлецъ Ларка Путвинъ.*

Грамотою, отъ 17 февраля, повелѣвалось не употреблять прѣстьянъ
арыжныхъ, находящихся въ наймахъ у служилыхъ людей, нашенныхъ и ам-

скихъ охотниковъ, на казенныя подѣлки, — тѣмъ болѣе, что первые т. е. люди ярыжные, какъ неизбѣжныя своей осѣдлости и какъ праздные, держались вторыми, служилыми людьми, для исполненія ихъ нуждъ. (Акт. истор. т., 2 № 51).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русія, на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичю Плетсееву да головѣ Матвѣю Степановичю Хлопову. Вили намъ чомошъ Верхотурскаго города стрѣльцы, и казаки, и пашенные крестьяне и яские охотники, а сказали: держать де они, наймушчи, для своей нужи и для пашни и для гонбы у себя ярыжныхъ казаковъ, а найму имъ дадутъ по три рубля съ полтиною и по четыре рубля, на лѣто, опрочъ того, что они вѣдутъ и вѣдутъ ихъ, и тѣхъ де ярыжныхъ у нихъ вы смлете на наши на всякія надѣлья, на лѣтніе и на зимніе; да вы-жъ деи наймете къ нашимъ банямъ ярыжныхъ казаковъ, по годошъ, а даете имъ найму на годъ по четыре и по пяти рублевъ, и тѣ денги, что тѣмъ ярыжнымъ дати найму, и на подѣлку, что баня подѣлаети и каменница переделасти, велите собирать на ихъ воемныхъ ярыжныхъ, и отъ того де имъ чинатѣи убитыи вѣдѣти; и намъ бы ихъ пожаловати, ихъ воемныхъ ярыжныхъ на издѣльи, и побору съ нихъ, имати не велѣти. — И будетъ такъ какъ намъ верхотурскіе стрѣльцы, и казаки, и пашенные люди и яские охотники били челомъ, и какъ имъ вѣтъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ у верхотурскыя стрѣльцовъ, и у казаковъ, и у пашенныхъ крестьянъ, и у яскихъ охотниковъ, ихъ воемныхъ ярыжныхъ на чини на всякія надѣлья, и денешъ съ нихъ, на воемъ банныхъ ярыжныхъ, обрати не велѣли, чтобъ верхотурскихъ служивымъ людямъ и пашеннымъ крестьяномъ и яскимъ охотникомъ въ томъ нужи не было». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7118, февраля въ 17 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ на двугъ листкахъ; съ стрѣною по склейкѣ: дѣльи Нѣчалъ Федоровъ. Выше сложена пакетомъ и запечатана, иметъ на оборотѣ надпись: На Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичю Плетсееву да головѣ Матвѣю Степановичю Хлопову; тамъ же описку пометки: 118-го апрѣля въ 18 день привезъ государеву грамоту верхотурской десятистикъ стрѣлцовой Федка Вропка.

Царскою грамотою, отъ 24 февраля, приказано было воеводѣ и головѣ выбрать охочихъ людей въ службу и на пашню въ Томскъ, молодыхъ, здоровыхъ и владѣющихъ ружьемъ съ тѣмъ, что изъывившимъ желаніе отбыти къ означенному мѣсту, правительство обезпечитъ ихъ существованіе. (Тамъ-же № 52).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русія, на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичю Плетсееву да головѣ Матвѣю Степановичю Хлопову. Писали къ намъ изъ новаго Томскаго города Гаврило Цисемской да Василей Тирковъ, что, по нашему указу, велѣно имъ прибрати въ новой Томской городѣ, изъ зрянъ, въ служивые люди и на пашню пятьдесятъ человекъ, и они де прибрани въ Сургутъ только пять человекъ, а болши де того прибрати не изъ кого. — И какъ къ намъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ прибрани на Верхотурь, гулацяхъ охочихъ людей въ новой Томской городѣ, въ служивые люди и на пашню пятьдесятъ человекъ, а сказали-бъ есте имъ, что имъ нашего жалованья, денегъ и хлѣба, дадутъ по тому-жъ, что и сургутцкимъ и томскимъ служивымъ людямъ и пашеннымъ, а на Верхотурь дано-бъ есте имъ изъ нашихъ казны, изъ тутошнякъ доходовъ, по два рубля съ полтиною человекъ, да хлѣба по чети мукы, по полосинѣ крупы, по колосинѣ толокна, изъ того хлѣба что послати въ новой въ Томской городѣ, а достальныя денги и хлѣбъ, во ихъ окладомъ, дадутъ имъ въ Сургутъ. А прибрани-бъ есте въ служивые люди молодыхъ молодикъ, добрихъ и стрѣлцыхъ, которые улемъ, а лошаки и туркменныя прибрани; а сколько человекъ въ службу и на пашню приберете, и ам-бъ-бъ нихъ имали поруки съ записи, въ томъ, что имъ итти въ новой въ Томской городѣ, и отпустили-бъ есте ихъ и записи поручныя послали въ Сургутъ, съ сургутцкимъ съ

сотником стрѣльцкимъ съ Богданомъ съ Михайловымъ. А какъ отпустите, и вы-бѣ о томъ отписали къ намъ, къ Москвѣ, и велѣли отписку отдать въ приказѣ Казанскогъ и Мещерскаго дворца, дяку нашему Нечая Федорову». Писана на Москвѣ, лѣта 7113, февраля въ 24 день.

*Подлинникъ писанъ столбцомъ, на двухъ листкахъ, съ скрпкою по склей-
кѣ: диакъ Нечай Федоровъ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись:
на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичю Плещееву да головѣ Матрѣю Степановичю Хло-
пову. Тамъ-же помѣта: 113-го апрѣля въ 10 день привезъ государеву грамоту
тарской казакъ Степанко Куразовъ.*

Въ семь году положено начало Епанчинскому селу, что нынѣ въ Шад-ринскомъ уѣздѣ. (Обозрѣн. Сибири. Словоцъ 1838 г.).

Въ семь году Пыскорскимъ монастыремъ управлялъ священно-инокъ Арсе-пій, возведенный въ санъ архимандрита того же монастыря патриархомъ Іовомъ.

Примечаніе Приведемъ грамоту по этому поводу. «Вожіею милостию се азъ смиренный Іевъ пат-риархъ московскій и всеа Русіи. По благодати Господа и Спаса нашего Иуса Христа данной намъ отъ пресвятаго и животворящаго Духа. Благословилъ еси священно-инкоа Арсекина, что служилъ на Вологде у происхожденія честнаго и животворящаго креста Господня въ Прилукомъ монастырѣ на церковную священную духовную власть на архимаричество къ церкви боголѣннаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иуса Христа на Пыскору ниже Великои Перми, на рѣку на Каму, въ общен мона-стырѣ. И вы того монастыря священно-иноцы и діакони и слуги того монастыря и вси приходящіи православніи людіе въ томъ святѣи Вожіен церкви честнѣи обители чтите его и слушайте и повинутесь ему добре о Господѣ со всицемъ духовнымъ опасеніемъ и порадваніемъ яко присному своему Господину и отцу настырѣ и учи-телю и настоятелю великому понесе обрѣтохомъ его свидѣтельствуена во всемъ благо-говѣннѣи и въ чистотѣ боголюбива и челоуколюбива и боишася Бога и zelo сокру-щенъ сердцемъ и православнымъ смиренъ и разумъ Возмественнымъ писаніемъ довольно исполнена и приводица себе во всякое благоспешительно дѣло. И должень убо естъ сицевымъ архимаритъ священно-иноческакая дѣйствовать и вси церковная управленія и по правиламъ святыхъ апостолъ святыхъ отецъ и по нашему святительскому благо-словенію и наказанію. Тако и къ вамъ имѣти во всемъ о Христѣ свою духовную любовь и пошеченіе о нашихъ единокровныхъ и безсмертныхъ душахъ еже направлятѣ ко спасенію. И сего убо ради дама быти ему сия наша настоятельная грамота на утверженіе его въ славномъ и прензенитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 1604, марта въ 31 день.

Смиренный Іовъ Вожіею милостию патриархъ московскій и всеа Русіи.

На оборотѣ грамоты надпись: Ермогенъ Вожіею милостию патриархъ всеа Русіи.

Печать восковая. На правой сторонѣ печати икона Вожіей Матери съ пред-вѣчными младенцемъ, а на лѣвой—благословляющія святительская рука и кругомъ написано: «Вожіею милостию патриархъ Руси Іевъ».

1605 годъ.

Въ семь году въ Осинскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ строи-телемъ былъ Арсепій. (Сп. іерарх. и наст. мон. рос. ц. П. Строевъ).

Верхотурскимъ воеводой былъ Неудача Астафьевъ Плещеевъ, а Чер-дынскимъ—Андрей Васильевичъ Безобразовъ; онъ сидѣлъ одинъ годъ.

Получена окружная грамота 11 іюня отъ Лжедимитрія Отрепьева о из-бавленіи отъ убіенія его и о вступленіи на прародительскій престолъ, а

также о приводѣ въ присягѣ всякаго чина и званія, живущихъ въ Сибири людей, съ тѣмъ, чтобы присягнувшимъ и приведеннымъ по магометанскому закону, къ шерти, татарами были присланы именные списки; а 30 іюня получена тоже окружная грамота патриарха Игнатія о воспріятіи Лжедмитріемъ царской короны.

Въ семь году, въ виду нахождения въ Верхотурьи таможни и большого склада товаровъ, велѣно, построенный въ 1600 г. большой гостинный дворъ расширить и лучше укрѣпить. (Хов. опис. Перм. губ., ч. III, стр. 306).

Примѣчаніе. г. Верхотурье сталъ укрѣпленнѣе и красивѣе съ 1698 г. по 1712 г., когда построенъ въ немъ были по царскимъ грамотамъ каменные зданія и укрѣпленія, а именно: соборная церковь, крѣпостная стѣна съ башнями, воеводская канцелярія и домъ для него съ другими пристройками. Однакожъ, послѣ пожара, бывшаго въ 1738 году, тѣ зданія обветшали и, къ сожалѣнію, въ то несчастное время, сгорѣло множество историческихъ актовъ, разливающихихъ свѣтъ на прошлое.

Изъ Осинскаго Преображенскаго монастыря переселены монастырскіе служители въ село Дубровское, Осинскаго уѣзда. (Расар. христ. вѣры въ предѣлахъ Перм. губ., арх. Макарія).

Примѣчаніе. Вмѣстѣ съ устройствомъ Осинской слободы, устроенъ былъ и Осинскій Преображенскій монастырь. Съ 1615 г., выше Осинской слободы, вверхъ по Камѣ, земля на 35 верстѣ, пожалована были Строгановымъ и отъ нихъ были заселены. Въ прошломъ столѣтіи, распространеніе вѣры Христовой, въ окрестностяхъ Осны, содѣйствовало устройству заводовъ: Ютовскаго (1782 г.), Выновскаго (1786 г.), Вязарскаго (1740 г.), Ашанскаго (1745 г.), Уинскаго (1749 г.), Шермянтскаго (1759 г.), Аннинскаго (1760 г.) и Камбарскаго (1767 г.).

1605 и 1606 годы *)

Послѣ Бориса остался сынъ Ѳеодоръ, который, по отзыву современниковъ, хотя былъ и молодъ, но смысломъ и разумомъ превосходилъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому философскому естественнословію. Дѣйствительно, Борисъ первый изъ царей московскихъ расширилъ для своего сына кругъ знаній, которымъ ограничивались при воспитаніи русскихъ людей: такъ известна карта московскаго государства, начерченная рукою Ѳеодора. Говорятъ, Борисъ сильно любилъ сына; онъ даже приобщилъ его къ правленію, ими его постоянно соединялось въ грамотахъ съ отцовскимъ.

Примѣчаніе 1. Борисъ 18 апрѣля 1605 г., въ часъ утра, судилъ и ридилъ съ вельможами въ думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ, обѣдалъ съ ними въ золотой палатѣ, и едва всталъ изъ—за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣвомъ: врачи столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на государство Россійское, воспріять ангельскій образъ съ именованъ Боголюбивъ, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же хранилѣ, гдѣ пировалъ съ боярами и съ иноземцами . . .

По смерти Бориса, жители Москвы спокойно присягнули Ѳеодору; цѣловали крестъ, но состояніе умовъ въ жителяхъ было подозрительно, а потому въ грамотахъ,

*) Означенные годы соединены вмѣстѣ для того, чтобы не разорвать событій предыдущаго года съ послѣдующимъ.

разосланнымъ воеводамъ съ приказаніемъ приводить жителей къ кресту, было приказано: «Берегли бы на крѣпко, чтобъ у васъ всакіе люди нашъ крестъ цѣловали, и не было бы ни одного человѣка, который бы намъ креста не цѣловалъ». Между тѣмъ въ войскѣ явилась холодность къ Годунову, не смотря на то, что оно ему присгнуло и лишь только было ему объявлено, 7 мая 1606 г., что истинный царь есть Дмитрій и стоитъ съ войскомъ въ Путивлѣ, — и правительственные полки, безъ сопротивленія признали послѣдняго государемъ, — о чемъ тотчасъ извѣстная и признававшая на себя имя Дмитрія — Лжедмитрія 1-го. Однакожъ, нѣкоторые изъ посланныхъ узнали въ новомъ царѣ монаха Отрепьева, но уже было поздно объявлять о подобномъ открытіяхъ. Вслѣдъ за симъ, Лжедмитрій сталъ отправлять грамоты въ Москву отъ своего имени, которыя читались всенародно съ Лобнаго мѣста. Народъ, лишь только услышалъ послѣдніа — взволновался; бояре объявили патриарху о матажѣ, но патриархъ просилъ бояръ образумить народъ, которые на этотъ разъ оказались бессильными, а между тѣмъ волненіе въ народѣ окончательно разгорѣлось: народъ хлынулъ въ Кремль, схватилъ царя Феодора съ матерью и сестрой во дворцѣ и вывели ихъ въ прежній боярскій Годунова домъ. Но этиа дѣла не окончилось: патриарха Юва, какъ державшаго сторону Годунова, съ безчестіемъ вывели изъ собора, во время самой службы и, какъ престога монаха, сослали въ Старичскій монастырь, родныхъ Годуновыхъ разослали въ заточеніе, а одного изъ нихъ Симеона задушили; царя Марью удавили, долодой же Феодору, хотя долго и боролся, но одному изъ убійцъ, 10 июня, удалось умертвить его самымъ отвратительнѣйшимъ образомъ Далѣе, тѣло Бориса было выкопано изъ могилы въ Архангельскомъ соборѣ, положено въ простой гробъ, вмѣстѣ съ женою и сыномъ и погребено въ бѣднѣмъ Варсанюфевскомъ монастырѣ, что въ Москвѣ на Стрѣтенскѣ. (Истор. Соловьева, т. 8; С. г. г. и д. II, № 85, 87; Вусовъ; Царств.)

Наконецъ, Лжедмитрій не замедлил съ торжественно въѣхать 20 июня въ Москву, при званіи колоколовъ во всѣхъ церквахъ и при многочисленномъ стеченіи народа на улицахъ; народъ, при встрѣчѣ его, падалъ на колѣни, и кричалъ: «Дай, Господи, тебѣ, государь, здравья. Ты наша солишько праведное!» Лжедмитрій на это отвѣчалъ: «дай Богъ и вамъ здоровья! встаньте и молитесь за меня Богу!» день былъ исный и тихій, но когда Лжедмитрій переѣхалъ живой мостъ, черезъ москороцкія ворота, и вступилъ на площадь, поднялась сильная буря; народъ смутился, началъ креститься, приговаривая: «Помилуй насъ Богъ! помилуй насъ Богъ!» духовенство встрѣтило Лжедмитрія на Лобномъ мѣстѣ съ крестами; по старому обычаю, царь пошелъ по соборамъ слушать молебны Но и тутъ являлись лица ему несочувствовавшія, втихомолку начали говорить, что новый царь не Дмитрій, а воръ Гришка Отрепьевъ! Въ распространеніи этихъ слуховъ принялъ участіе Василій Шуйскій, за что 23 июня, будучи схваченъ, отданъ на соборный судъ, который приговорилъ его къ смертной казни Шуйскаго уже повели на плаху, прочитали ему смертный приговоръ; онъ уже простился съ народомъ, но прискакавшій гонецъ остановилъ совершеніе смертнаго приговора и Шуйскій помилованъ 21 июля (по Карамзину) Лжедмитрій вѣнчался на царство, поспынались милости отъ новаго царя: даже отдаленные остоаи, приписанные къ Верхотурью и тѣ въ асачной подати получили льготу. (Ак. ист. т. II, № 62).

Примѣчаніе 2. Приведемъ грамоту Лжедмитрія, отъ 5 января 1606 г., о дарованныхъ льготахъ по асаку остоакамъ, жившимъ по Сылвѣ и Ирени, съ тѣмъ чтобъ они сами привозили асакъ въ Верхотурье и могли бы въ ономъ торговать безъ стѣсненія.

«Отъ царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всеа Русіи, на Верхотурье, воеводѣ нашему Степану Степановичю Годунову да голодѣ Олексію Феодоровичю Загарязскому. Вили намъ челомъ Верхотурскаго уѣзда Сылвинскіе и Иренскіе остоаки Акильдейко Одреевъ и во всѣхъ Сылвинскихъ и Иренскихъ остоаковъ мѣсто, а сказали: прежде сего блаженна памяти царю и великому князю Ивану Васильевичю¹

всёя Руси, и блаженныя памяти царю и великому князю Феодору Ивановичю всёя Руси, дѣды и отцы ихъ и они давали ясаку по пяти сороковъ кунницъ, а имали съ нихъ тотъ ясакъ, приходя изъ Перми, ясатчики и отвозили тотъ ясакъ къ Москвѣ, а насильства и убытковъ и обидъ отъ нихъ некоторыхъ не было ни въ чемъ; и Борисъ Годуновъ велѣлъ у нихъ имати ясакъ на Верхотурьѣ, тому лѣтъ съ семь, и верхотурскіе дѣи воеводы посылають къ нимъ, съ Верхотурья, для ясаку, верхотурскіхъ стрѣльцовъ человѣка по три и по четыре, да цѣловальника да дьячка; и тѣ дѣи верхотурскіе жильцы емлютъ съ нихъ ясаку по двѣнадцати сороковъ кунницъ, да воеводѣихъ помощниковъ по двѣ кунницы съ человѣка, да себѣ емлютъ съ человѣка по кунницѣ; да съ нихъ же де и съ русскіхъ людей, которые съ ними торгуютъ, емлютъ тѣ жъ верхотурскіе стрѣльцы десятинную пошлину, и ту десятинную и ясачную казну намѣстывають на нихъ проводить до Верхотурья; и живутъ дѣи у нихъ тѣ ясатчики, не сѣвжая, отъ перемѣны до перемѣны, и живучи у нихъ чинятъ имъ продажъ и убытки великіе, приваѣтъ на нихъ кормъ, а емлютъ за хлѣбъ по гривнѣ а въ колачъ по два алтына, и емлютъ огъ юрта до юрта подводы, и ѣзда по юртоу велѣтъ на себя мѣды отавитъ; а что они у русскіхъ людей купать хлѣбца или иное что, или что сами продадутъ, или за долгъ кому что дадутъ, и въ томъ дѣи на нихъ праваѣтъ протаможья по два рубля по четыре алтына по полторѣ денгѣ; а на всякой де годъ ставится имъ отъ тѣхъ ясачниковъ, въ кормѣхъ и въ подводахъ и во всякомъ насильствѣ, рублевъ по тридцати, и по сороку, и по пятидесяти и болши, и всего дѣи имъ отъ верхотурскихъ ясачниковъ въ семь лѣтъ учинилось убытка, во всякихъ харчѣхъ, oprичъ нашего ясаку и oprичъ того, что съ нихъ емлютъ въ помянкахъ медомъ и воскомъ, триста сорокъ семь рублевъ и двадцать пять алтынь; да въ нынѣшнемъ дѣи во 114 году, прѣвѣзали къ нимъ съ Верхотурья верхотурскіе стрѣльцы, приводятъ ихъ къ шерти на наше царское имя и для десятинной пошлины, и доправили на нихъ за подводы, и верхотурскимъ воеводамъ и себѣ поминковъ двадцать рублевъ: и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ нашъ ясакъ давати въ Пермь Великую, и велѣти къ нимъ пермичамъ торговымъ людямъ со всякими товарами ѣздити по прежнему. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ, Верхотурскаго уѣзда, Сыльвинскимъ и Иренискимъ осянкомъ Акнильдейку Ондреву съ товарищи велѣли впередъ нашъ ясакъ привозити на Верхотурье самими, а стрѣльцовъ къ нимъ съ Верхотурья, для нашего ясаку, послати впередъ не велѣли; и велѣли имъ съ пермичи и со всякими русскими людьми торговати на Верхотурьѣ, на нашемъ на гостинномъ дворѣ, и нашу десятинную пошлину велѣли съ нихъ имати по прежнему на шему указу, и того-бъ есте смотрѣли и берегли на крѣпко, чтобъ верхотурскіе стрѣльцы и всякіе люди нашимъ ясачнымъ людямъ, тотаромъ и осянкомъ, обидъ и насильства и продажъ ни въ чемъ не чинили и кормовъ своихъ не правили, чтобъ имъ какую обиду или насильство и продажу учинить, и учнутъ они на кого намъ бити челомъ; и вы-бъ имъ давали въ томъ судъ, и смысливая *) росправу и оборонъ имъ чинили, по нашему указу, безволонитно». Писалъ на Москвѣ, лѣта 7114, генвара въ 5 день.

Подлинникъ, изъ архива Верхотурскаго уѣзднаго суда, писанъ столбцомъ, на четырехъ листкахъ, со скрѣпою по склѣпкамъ: Діакъ Нечай Феодоровъ. Бывъ сложенъ пакетомъ, на оборотъ имѣетъ надпись: На Верхотурье, воеводѣ нашему Степану Степановичю Годунову да головѣ Алексѣю Феодоровичю Загряскому. Выслу подъ сего надписью, помѣта: 114 году, Іюня въ 5 день, привезъ государеву грамоту ирениской сотникъ Елгитъ Вургановъ.

Царствованіе перваго Лжедмитрія продолжалось не болѣе 11 мѣсяцевъ. 17-го мая 1606 года, рано по утру, въ Москвѣ завознили набатъ, и Шуйскій съ боярами

*) Въ подлинн. опечатокъ; (ошибки).

предводительству большаго толпою народа, вступилъ въ Кремль. Первою жертвою заговорщиковъ палъ любимецъ царя Петръ Васнаковъ; вслѣдъ за тѣмъ и Лжедмитрій, спасаясь отъ своихъ преслѣдователей, прыгнулъ изъ окна и сломалъ себѣ ногу. Карательные стрѣльцы окружили его и хотѣли защищать; но когда бояре погрозили имъ разорить стрѣлецкую слободу, они обробѣли и раступились; Лжедмитрій былъ немедленно застрѣленъ и трупъ его подвергся норутанію.

Трупъ Васнакова, говоритъ Карамзинъ, отдали родственникамъ для погребенія у церкви Николая Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юности. Тѣло самозванца, бывъ три дни предметомъ любопытства и ругательства на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близь большой дороги. Но судьба не дала ему мирнаго убѣжища и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 мая были тогда жестокие морозы, вредные для садовъ и полей: суетворіе приписывало такую чрезвычайность волшебству расстриги и видѣли какія-то ужасныя явленія надъ его могилою: чтобы пресѣчь сію молву, тѣло ийнаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на Котлахъ, и смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда самозванецъ пришелъ въ Москву съ великолѣбіемъ. Вторъ разлѣялъ бранные остатки злодѣя; но пригѣръ остался: увидимъ олдѣствіа! Царемъ же былъ объявленъ Шуйскій, а мѣсто патріарха занялъ Каванскій митрополитъ Гермогенъ, ревностный защитникъ православія и мужъ непреклоннаго, твердаго характера.

1606 годъ.

На имя князя Вяземскаго поступила грамота въ Пермь Великую отъ царя Василя Ивановича Шуйскаго о вступленіи его на Всероссійскій престолъ.

Примчаніе 1. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Василя Ивановича всея Русіи, въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому, да подьячему Имяну Федорову. Праведнымъ судомъ Вождимъ и за нашъ грѣхъ, и всего православнаго христіанства, богоотступникъ, еретикъ, расстрига, воръ Гринка, Богдановъ сынъ, Остреньевъ, своимъ воровствомъ и чернокнижствомъ навзавъ себя царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, омраченъ бѣсовскимъ предѣстлѣмъ многихъ людей, а имъ устремилъ смертнымъ убійствомъ, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ, и церкви Вожди осквернилъ, и хотѣлъ истинную Христіанскую вѣру поирати и учинить люторскую и латинскую вѣру, и по своему злоковенному умыслу всѣхъ Христіан хотѣлъ отъ Бога отвести. И Богъ милосердный нехота злоковеннаго помысла исполнити, всѣмъ людемъ его воровство и еретичество объявилъ, и за то Гринка противъ своего злодѣйственнаго дѣла принялъ отъ Бога возмездіе, але животою своею сконча; а насъ всѣхъ православныхъ Христіанъ милосердный Богъ, по своей неизреченной милости отъ его злодѣйственнаго умыслу и отъ оскверненія избавилъ. А умыслъ его бѣсовской былъ таковъ: взыты въ хорошихъ его грамоты многія сомлочноя его воровскія, съ Целешев и съ Литвою, о загорѣннѣ Московскаго государства; да тутю-жъ грамота къ нему къ вору отъ римскаго папы, а въ грамотѣ писано: чтобъ онъ держалъ крѣпко свою латинскую вѣру и съ дѣти-бъ его, которыя будутъ впредь по немъ, такъ-же въ той вѣрѣ были; а для укрѣпленія римскія вѣры прислалъ къ нему законника своего пона; а писалъ объ немъ, что онъ его вѣру утвердилъ, и тотъ папникъ пошъ по своимъ дѣломъ также злоу смерть принималъ.

Да послѣ смерти-жъ того вора Гринки объявилъ полкъ, которой жилъ у него близь, что было тому вору расстригѣ vesti нарядъ пущенной большой съ города и съ казны весь для стрѣльбы, и вѣзть было ему за посадъ, и боаромъ, и дворяномъ и всякимъ людемъ быть было съ нимъ же на стрѣльбѣ; а литовскимъ людемъ всѣмъ

коннымъ и пѣшимъ быти было съ нимъ же всѣмъ вооруженнымъ съ коня и съ пикальми, будто для потѣхи; и приѣхавъ было къ наряду, всѣхъ бояръ и думныхъ людей и большихъ дворянъ побить. И росписано было у него имена всѣмъ, кому кого побить указано; а побивъ, и приѣхавъ въ городъ, раздавати было ему дѣсто своему воеводѣ Сендомирскому и его родству, многіе города, и наша царская казна, что осталась за его воровскими разточеньемъ, и всѣхъ было Православныхъ Христіанъ приводити въ люторскую и въ латинскую вѣру. Да по своему злодѣйскому умыслу нарядъ весь пушечной вывезъ, и то знати, что было такъ ему чинити. Да намъ же и бояромъ нашимъ сказывалъ Золотой Квашинъ, которой измѣнилъ, отъѣхавъ отъ в. г. ц. и великаго князя Ивана Васильевича всея Русси въ Литву, умыслъ того вора Грешки, что онъ будучи въ Литвѣ, поступился королю Смоленска и Сѣверскіе земли всея. А тостю своему воеводѣ Сендомирскому, и родству его, многіе города въ вотчину, и на томъ на всемъ ему присягалъ и хотѣлъ раззорить Московское государство.

И мы слыша, и вси за те Всесильному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такова злодѣйства избѣгли, и послѣ того прося у Бога милости митрополиты, и архіепископы, и епископы и всей освященный соборъ, такъ-же и бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе, и всякіе люди Московскаго государства избирали всѣмъ Московскимъ государствомъ, кому Богъ изволитъ быти на Московскомъ государствѣ государемъ.

И были намъ челомъ митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольніччіе, и дворяне, и приказные люди, и стольники, и странчїе, и дѣти боярскіе, и гости и торговые и всякіе люди Московскаго государства, чтобъ намъ быти на Московскомъ государствѣ государемъ царемъ и великимъ княземъ по степеніи прародителей нашихъ; его-же дарова Богъ великому государю Рюрику, иже бѣ отъ римскаго кесаря и потомъ многими дѣти и до прародителя нашего в. г. Александра Ярославича Невскаго, отъ него же прародители наши на Суздальской удѣлѣ по родству раздѣлишася.

И мы в. г. ц. и в. князь В. Ив. всея Русси за волею Божией и за прошенемъ богомольцевъ нашихъ митрополитовъ, и архіепископовъ и всего освященнаго собора, и за челобитьемъ бояръ, и окольніччихъ и дворянъ, и всякихъ людей Московскаго государства, и поколѣнству нашему утѣмливъ есмь на Московскомъ государствѣ государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Русси, и съ Божию помощію хотимъ держати Московское государство потому-жъ, какъ прародители наши великіе государи Россійстїи цари. А всѣхъ хотимъ жаловати и любити симше прежняго, и смотря по нашей службѣ. На томъ на всемъ Язъ Царь и В. Кн. В. Ив. всея Русси, въ соборной церкви Пречистны Богородицы, предо всѣми людьми, цѣловалъ животворящїй крестъ, всѣмъ людямъ Московскаго государства. А бояре наши, и дворяне, и дѣти боярскіе, и гости, цѣловали намъ крестъ по записи. А по которой записи цѣловалъ я. ц. и в. кн., и по которой записи цѣловали бояре и вся земля и мы тѣ записи послали къ намъ.

И какъ къ намъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ тотчасъ велѣли быти въ соборную церковь явленскимъ, и всему освященному собору, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людямъ, и сѣ нашу грамоту велѣли-бѣ ести вычестъ всѣмъ людямъ въ службу. И о таковомъ великомъ непреченномъ милосердїи Божїи, воздали-бѣ еста хвалу Всесильному въ Троицѣ славному Богу, что насъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, не предалъ въ рудѣ врагу и богоотступнику, и что непорочная истинная наша христіанская вѣра не румилась. И пѣли-бѣ еста молебны въ соборной церкви и во всему граду по три дни се звономъ, и молили-бѣ еста всеильнаго и человѣколюбиваго, въ Троицѣ славнаго Бога нашего и Пречистую Богородицу, нашу христіанскую надежду и вступницу, и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ о устроенїи всего міра и о благосостоянїи святыхъ Божїихъ церквей, и о нашемъ о многолѣтномъ здравїи и о всемъ православ-

номъ христіанствѣ, чтобъ Господь Богъ отовратилъ свой праведный гнѣвъ, и подарвалъ миръ и тишину и устроилъ бы православному христіанству полезная, чтобъ церкви Божіи впредь стояли неподвижно, истинная православная христіанская вѣра была нерушима. И вычетчи наши грамоты всѣмъ въ слухъ, цѣловали-бы еста намъ крестъ по той записи, по которой цѣловали бояре и вся земля, и впредь бы еста намъ В. Г. служили и прамили, и добра хотѣли; такъ же какъ еста обыкли служить прежнимъ великимъ государемъ російскимъ, прародителемъ нашимъ. А мы великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи Самодержецъ, хотимъ васъ жаловать и любити свыше прежнево. Писана на Москвѣ, лѣта 1606, мая въ 20 день.

*На оборотъ по складкамъ подписалъ
«Дьякъ Нечай Федоровъ.»*

(Древн. госуд. грам. 1891 г. собран. въ Пермск. губ.).

Примечаніе 2. Для связи съ предыдущими годами мы позволили себѣ сдѣлать краткое описаніе смутнаго времени, позанимываясь оное изъ извѣстныхъ сочиненій по Русской исторіи. Василій Ивановичъ Шуйскій, возведенный на престолъ толпою своихъ приверженцевъ, а не великою земскою душою, сдѣлалъ многія уступки боярамъ, и далъ клятву не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта; это обязательство ограничило его самодержавную власть и произвело въ народѣ неблагоприятное впечатлѣніе. Скупой, нерычелительный и неискусный въ управленіи государствомъ, онъ скоро заслужилъ общее нерасположеніе. Уже въ слѣдующемъ году распространился слухъ, будто-бы Лжедмитрій спускаетъ отъ смерти и сызъ намѣлъ убижище въ Литвѣ.

Первое возстаніе въ пользу мнимо спасеннаго царевича произошло опять въ сѣверной украинѣ, которую на этотъ разъ возмутилъ путивльскій воевода князь Шаховскій. Однимъ изъ начальниковъ возстанія явился Иванъ Болотниковъ, человекъ отважный и даровитый, бывшій прежде холопомъ, а въ то время только что воротившійся изъ татарскаго плѣна. Онъ набралъ войско изъ казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, разбилъ царскихъ воеводъ и подступилъ къ Москвѣ, но побѣжденный царскимъ племянникомъ Михаиломъ Скопиннымъ, заперся въ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и однимъ казацкимъ самозванцемъ, который называлъ себя сыномъ Теодора Иоанновича—Петромъ. Шуйскій собралъ многочисленное войско, лично осадилъ Тулу и когда замруднулъ р. Упу, то вода затопила окрестности Тулы и прорекла въ самый городъ. Угрожаемыя голодною смертію, мятежники сдались. Болотниковъ явился въ царскій станъ съ мнимымъ Лжедмитремъ, но ихъ казнили; Шаховскій-же былъ сосланъ. Царь послѣ того воротился въ Москву торжествовать свою побѣду, но это торжество было слишкомъ поспѣшное.

Въ Стародубѣ опять явился человекъ, принявшій на себя имя убитаго Лжедмитрія, который собралъ большое войско изъ поляковъ и русскихъ изгнанныхъ, пошелъ на Москву, и расположился въ 12 верстахъ отъ нея въ селѣ Тушинѣ; почему москвитане и называли его «Тушинскимъ воромъ». Марина Мнищекъ не постыдилась признать его своимъ мужемъ, чтобъ нерастаясь съ титуломъ московской царицы. Многіе города приняли самозванца царемъ; къ нему присоединились и казаки. Онъ почти полтора года держалъ Москву въ осадѣ, и литовскіе наны, Сапѣга и Лисовскій осаждали Троицкую лавру, желая завладѣть ея богатствами, но шлохи съ крестьянами и стрѣльцами, отбивали непріятельскіе приступы. Наконецъ, Михаилъ Скопинъ, посланный царемъ въ Новгородъ, собралъ тамъ войско, наидъ отрядъ у Шведскаго короля, и пошелъ на освобожденіе столицы. При его приближеніи Сапѣга и Лисовскій сняли осаду Троицкой лавры. Лжедмитрій II тайкомъ убѣжалъ изъ Тушина въ Калугу, гдѣ потомъ былъ убитъ. Михаилъ Скопинъ съ торжествомъ вступилъ въ освобожденную Москву; онъ сдѣлался любимцемъ народа, но заболѣлъ на

одномъ пиру и умеръ. Прочелъ слухъ, что его отравила жена его дяди Дмитрія Шуйскаго, который завидовалъ славѣ племянника; узнавъ о смерти своего любимца, толпа бросилась къ дому Дмитрія Шуйскаго, но стрѣльцы защитили его отъ народной мести. вмѣсто Михаила начальство надъ войскою принялъ неспособный Дмитрій Шуйскій. Онъ потерпѣлъ поражение. Тогда жители Москвы возмущались и низвели Василія Шуйскаго съ престола (1610 г.). Наступили бѣдственныя времена междоусобствъ или безначалія.

По всему государству разсѣялись шайки поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, которыя безнаказанно грабили и убивали жителей. Многие города были совершенно разорены; цѣлыя области заняты внѣшними неприятелями (поляками и шведами). Между областями происходилъ раздоръ, и каждая помышляла только о себѣ. Самая столица очутилась въ рукахъ поляковъ. Послѣ побѣды при Клушино, поляки подошли къ Москвѣ. Тогда бояре выбрали царемъ польскаго королевича Владислава, но дѣла измѣнились: явилось 100,000 ратниковъ, собравшихся изъ городовъ подъ стѣнами Москвы и осадили здѣсь поляковъ, которые залегли въ Кремль и мужественно выдерживали осаду; но у нихъ настала такой страшный голодъ, что они принуждены были ѣсть человѣческое мясо. Наконецъ, совершенно изнуренные, они сдались. Москва была освобождена. Воеводы созвали земскую думу, т. е. выбранныхъ отъ помѣщиковъ и торговыхъ людей, и земская дума прежде всего занялась избраніемъ государя, безъ котораго невозможно было восстановить порядокъ въ государствѣ. На этотъ разъ выборъ палъ на Михаила Феодоровича Романова (1613 г.). (Кратк. очерки Русск. истор. Д. Иловайскій).

Чердынскимъ воеводою былъ князь Семень Юрьевичъ Вяземскій, который былъ на воеводствѣ два года, а подъячимъ—Иванъ Феодоровъ; Верхотурскимъ же воеводою—Стефанъ Годуновъ и Алексѣй Феодоровичъ Загряжскій. (Рук. Верхотурская, переданная мнѣ штати. смотрителемъ Верхотурск. уѣзд. училища В. Д. Курбатовымъ).

Около сего 1606 г. устроены Строгановыми, вмѣсто Орловскихъ, въ 10 верстахъ отъ послѣднихъ, по теченію р. Камы, новые соляные промыслы и въ отличіи отъ старыхъ—названы Ново-Усольскими.

Примѣчаніе. Причиной, побудившія къ перенесенію и оставленію Орловскихъ соляныхъ варницъ и заложенію другихъ, тоже по р. Камѣ, были слѣдующія, что видно изъ моего труда Истор. о богатствѣ фам. гг. Строгановыхъ:

«Орелъ—городокъ съ соляными промыслами по раздѣлѣ достался Никитѣ Строганову, который имъ былъ значительно разсмотрѣнъ; но какъ послѣ отъ рѣки Камы сдѣлался, подъ самой городокъ и соляной его промыселъ, большой прорывъ, отъ чего былъ нетокмо городку немалая опасность, но и промыслу немалая остановка; во осторожность же сего, чтобы непрестѣ солянаго варенія, по опасности дѣлавшагося болѣе годъ отъ году въ берегахъ подрыву, положено было искать другаго способнаго и для солянаго промыслу годнаго мѣста, которое было и усмотрѣно, выше того городка—Орла, въ верхъ по Камѣ, въ 10 верстахъ, гдѣ сысканъ былъ и рассолъ, которой оказался добротѣе Орловскаго,—того ради, приказалъ Никита на томъ новомъ мѣстѣ идти къ рассолу обыкновенными трубами, при которыхъ начаты и варницы строить, но хотя въ Орлѣ—городкѣ вареніе соли и еще продолжалось; однако, по лучшей добротѣ, на вновьсысканомъ рассолѣ варницъ болѣе умножать начато, гдѣ и вареніе соли, съ лучшей пользою, происходило, и потому насади, при томъ новомъ промыслу, дворами крестьянъ и довольномъ числомъ варничныхъ и другихъ работниковъ, назвавъ то мѣсто, для различія отъ Орловскаго стараго промыслу—*Новымъ Усольемъ*,

Въ семь году сооружена деревянная церковь въ Нижне-Яйвинскомъ селѣ, Соликамскаго уѣзда.

Примѣчаніе 1. Какъ поселеніе, такъ и соляной промыселъ на р. Яйвъ было заложено около 1565—1570 г. Мѣсто, гдѣ находился соляной промыселъ нынѣ называется селомъ Нижне-Яйвинскимъ.

Примѣчаніе 2. На одномъ старинномъ евангеліи, принадлежавшемъ управляющему графа Строганова Е. А. Валерову, нынѣ умершему, находится слѣдующая надпись:

«Лѣта 7114 (1606 г.), ноября въ 26 день, сію книгу евангеліе на престольное печатное, въ десть, положили въ домъ Троицы Живоначальной да Николе Чудотворцу Максимъ, Яковлевъ сынъ, Строгановъ со своею женою Марьею да здѣшья сываномъ да смаксномъ въ свою вотчину на Яйву».—Эта надпись уже сама за себя говоритъ о существованіи церкви въ селѣ Яйвъ въ 1606 году (Пермск. епарх. вѣд. 1875 г. № 40).

26 іюня послѣдовала царская грамота въ Пермь Великую съ повѣленіемъ, чтобы Сольвычегодскіе судовые гребцы возили служивыхъ людей по подорожнымъ въ Соликамскѣ. (Авт. Истор. т. II, № 56.)

11 іюля повелѣно въ Соликамскѣ устроить ямъ. (Тамъ же № 55.)

Въ Перми разрѣшено торговнымъ людямъ куреть вино для домашняго обихода. (Тамъ же, № 55.)

Въ Верхотурской Николаевской монастырь прислана отъ Бориса Годунова церковная утварь и назначена ему опредѣленная руга.

Въ Пермскомъ Вознесенскомъ монастырѣ у Іоанна Богослова старцы жили безчинно: „ходили за монастырь къ своимъ посестриямъ и снали за монастыремъ ночей по 10 и больше и у нихъ въ монастырѣ, въ кельяхъ посестрий, и дочери, и племянницы ихъ и чужія жонки пили и ночевали,“—въ отстраненіе сего, строителямъ того монастыря назначенъ чернѣйшій попъ Іосифъ.

Послѣдовала грамота, по смерти Бориса Годунова, отъ вдовствующей царицы Маріи Грагорьевны и молодаго царя Θεодора Борисовича, по поводу распространенія строеній г. Верхотурья.

1607 годъ.

Верхотурскимъ воеводой былъ Стефанъ Стефановичъ Годуновъ; по другимъ же свѣдѣніямъ князь Семень Юрьевичъ Вяземскій, а головою Гаврило Салмановъ.

Въ семъ году Верхотурской уѣздъ въ своихъ размѣрахъ значительно уменьшился, такъ какъ жившіе у вершины рѣки Вишеры, при Югорскихъ горахъ, вогуличи, прежде принадлежавшіе къ Лозвѣ, по упраздненіи послѣдняго, хотя и были причислены къ Верхотурью, но, вслѣдствіе притѣсненія ихъ ясашными сборщиками, отчислены къ Чердынѣ.

Примѣчаніе. Въ 1626 году вогуличи, хотя и ходатайствовали о перечисленіи ихъ вновь къ Верхотурью, но въ просьбѣ ихъ отказано. (Сибирск. Истор. Фишера, стр. 231.)

Вишерскимъ вогуличамъ разрѣшено вносить ясакъ въ Пермь Великой (Чердынѣ) (Авт. Истор. т. II, № 76.)

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: „Отъ Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, князю Семелу Юрьевичу Вяземскому да подъячому Ивану Федорову. Види намъ челомъ Вишерскіе ясашные вогуличи, десятникъ Бурудукъ Авиъ, да Щотка Симеинъ, да Савдичъ Учукумовъ, и во всѣхъ товарищевъ своихъ Вишерскихъ до-

сталныхъ вогулчѣ мѣсто, а сказали: платять де они съ себя нашъ ясакъ на Верхотурьѣ, съ человѣка по пяти соболей, а для де того ясаку послыжатъ къ нимъ съ Верхотурья нашихъ служивыхъ людей, стрѣльцовъ и казаковъ, человѣкъ по пяти, и по шти и болше; и тѣ верхотурцы, служивые люди, емлютъ съ нихъ ясаку съ человѣка по пяти соболей, да сверхъ того съ нихъ же емлютъ по два соболя съ человѣка; да съ нихъ же де ясащики емлютъ корны и посулы великіе, и жонъ ихъ и дѣтей емлютъ на постели; да у нихъ же де емлютъ съ Вишеры, отъ нихъ вртовъ до Верхотурья, съ лыжами и съ нартами провозятыхъ, а иногда за подводы емлютъ у нихъ денги и соболя; и нѣкъ де отъ тѣхъ верхотурскихъ ясащиковъ чипятся въ томъ убытки великіе, и отъ того де Вишерскіе ясащине вогулчи многіе разбрелсъ розно, по городамъ, на Березовѣ, и на Верхотурьѣ, и въ Пермь Великую, а иные померли; и за тѣхъ де за бѣглыхъ и за мертвыхъ, и съ старихъ, и съ увѣчныхъ, и съ недорослей, которые нашего ясаку добывать не могутъ и не умѣютъ, емлютъ ясакъ на нихъ же, и отъ того де они обнищали и разбрелсъ розно; а привезли они, на нынѣшней на 115 годъ, нашего ясаку, къ намъ, къ Москвѣ, три сорока и одинъ соболя, а не довели противъ прошлаго 114 году сорока и девяти соболей; и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ ясакъ платять въ Пермь Великую; а сколько человѣкъ, и по чему съ человѣка нашего ясаку въ прошломъ во 114 году взято, и тому послана къ вамъ съ верхотурскихъ ясащинихъ книгъ роспись. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ вѣдѣли, по той росписи, съ нихъ ясакъ имати въ Пермь Великую, съ человѣка по пяти соболей; а того-бѣ есте велѣли смотрити накрѣпко: которые будутъ стары бѣглые вогулчи, или которые вновь прибывати, или нѣкъ недорослей выростутъ, и вы-бѣ съ нихъ потому жѣ велѣли ясакъ имати, а однолично бѣ въ нѣбыхъ името даромъ не жили. А кого для того ясаку учтете носылати, и вы-бѣ имъ заказъ учинили крѣпкой, чтобъ они вогулчатамъ насилства и продажи не чинили, и посуловъ и поминковъ у нихъ не имали, и въ вртахъ бы у нихъ тѣ ясатчики не торговали; да и сами бѣ есте у нихъ посуловъ и поминковъ не имали. А которые будутъ Вишерскіе вогулчи придуть съ ясакомъ, для нашего царского имени, и принесутъ что вамъ поминковъ, и вы-бѣ тѣ поминки присылали къ намъ, къ Москвѣ, съ ясащномъ казномъ; а собирая тотъ нашъ ясакъ, и тому ясаку книги присылали бѣ къ намъ, къ Москвѣ, въ Приказъ Казанского и Мещерского двора, къ боярину нашему ко князю Дмитрею Ивановичу Шуйскому, съ нашею Тоболскою казною вѣстѣ, какъ повезутъ изъ Тоболска; а недоплатные соболя, что они нынѣ, противъ прошлаго 114 году, на нынѣшней на 15 годъ не доплатили, сорокъ девять соболей, на нихъ велѣли взять, а вывѣзъ потому жѣ прислали къ намъ, къ Москвѣ, съ Тоболскою жѣ казною вѣстѣ, или съ кѣмъ будетъ пригоже. А которые будутъ Вишерскіе ясащине вогулчи учнутъ прѣзжая въ Пермь торговати, и вы бѣ торговати имъ поволили всякими товарами, опрочѣ заповѣдному товару, и нашу пошлину съ тѣхъ товаровъ имали на нихъ потому жѣ, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей нашу пошлину емлютъ; а что съ кого какія пошлины и съ какихъ товаровъ возмете, и вы-бѣ то велѣли писати въ книги именно, да тое пошлину и книги присылали бѣ есте къ намъ, къ Москвѣ, въ Казанской же дворецъ, съ ясащномъ казномъ вѣстѣ. А того бы есте велѣли смотрити и беречи накрѣпко и заказъ учинили крѣпкой, чтобъ пермичи торговые люди Вишерскихъ вогулчачамъ заповѣдныхъ товаровъ, напирей, и шеломовъ, и сабель, и копей, и пичалей, и топоровъ, и всякого желѣза, не продавали и въ врти къ нимъ торговати не ходили, а торговали-бѣ въ Пермь, чтобъ нашей пошлинѣ въ томъ истери не было; а которые люди учнутъ тѣ заповѣдныя товары вогулчачамъ продавати, или будутъ торговати въ вртѣхъ, и вы-бѣ на тѣхъ людехъ нвали пеню, смотря по винѣ, да пенные денги присылали къ намъ, къ Москвѣ, въ Казанской же дворецъ. Да и того-бѣ есте велѣли смотрити и беречи накрѣпко, чтобъ Вишерскіе вогулчи лисицъ и соболей черныхъ, которые къ нашей казнѣ пригодятся, въ Пермь не продавали; а имали бѣ есте у нихъ тѣ лисицы и соболя черныя въ нашъ ясакъ, или будетъ имъ за тѣ соболя и за лисицы черныя давали

денги, по тамошней по прямой цѣнѣ, изъ поплинныхъ или изъ пенныхъ денегъ, да тѣ лисицы и соболы присылали въ Приказъ Казанскаго жъ двorca; а у кого что соболей и лисицъ возьметъ, и то за которую лисицу и за соболи дадите денегъ, и вы-бѣ о томъ отписывали къ намъ, къ Москвѣ, имянно. А прочеть сю нашу грамоту, и списавъ съ нее противень слово въ слово, отдалъ ее назадъ Вишерскимъ вогуличамъ, десятнику Бурундуку Авину съ товарищи, и они ея держать у себя для иныхъ нашихъ приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7115, Февраля въ 27 день.—115 Марта въ 21 день привезъ Бурундукъ Авинъ.

При царской грамотѣ 23 июня воеводѣ князю Вяземскому, на Верхотурье, препровождены изъ Москвы образа, церковныя книги, колокола, а пашеннымъ крестьянамъ—сошники, желѣзо на косы, серпы и топоры. (Распр. Хр. вѣрм; арх. Макарія и Акт. Истор. т. II, № 81.)

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: „Отъ Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому. По нашему указу послано съ Москвы и съ Вологды, на Верхотурье, съ дѣтми боярскими съ Матвѣемъ Есиновымъ да съ Семымъ Бурцовымъ, церковное строенье, образы и книги и колокола, и судовые запасы, да пашенномъ крестьянамъ сошники, и на косы, и на серпы и на топоры желѣзо и укладъ; и въ нынѣшнемъ во 115 году, Юня въ 12 день, писали къ намъ съ Верхотурья воеводы Степанъ Годуновъ да Олексѣй Загряской, что Матвѣй Есиновъ да Семей Бурцовъ не довели къ намъ, на Верхотурье, противъ наше указныя росписи, церковного строенья, образъ мѣстной Живоначальныя Троица, образъ Николы Чудотворца, образъ Бориса и Глѣба, четверы двери царскія съ столпцы и сѣвныи на правелени, четыре образа пречистые запрестольныя, три дѣясуа стоячихъ на правелени, колоколь тринадцатъ пудъ, колоколь восьмъ пудъ безъ пяти гривенокъ, колоколь семь пудъ, да судовыхъ запасовъ, двѣ шеймы по семидесять сажень да остатку тридцати осми сажень, дву шемя по пятидесять сажень, дву веревокъ кубалныхъ по пятидесять сажень да остатку сорока семи сажень, четырехъ веревокъ завозень по триста по пятидесять сажень, да остатка ста осмидесять одной сажени, четырехъ веревокъ дроговыхъ по двѣнадцати сажень да остатка пяти сажень, девяти сотъ сорока шти аршинъ холстовъ на парусы, ста сохъ сошниковъ середина руки, ста тридцати сохъ меньшія руки, да къ сошникомъ на полицы, и на косы, и на серпы и на топоры росковнаго Вѣлозерскаго желѣза, ста двѣнадцати сохъ большія руки, семисотъ огнивень укладу; а сказали имъ Матвѣй и Семей, что они то церковное строенье, и судовые запасы, и желѣзо, оставили у Соли Камской, у тебя князя Семена, потому что везти было имъ того церковнаго строенья, и судовыхъ запасовъ, и желѣза, на Верхотурье не на чомъ, подводъ не дали, а ящики устроены на яму ново и они разбѣжались, а усолцы съ земли лошадей имъ не дали. И ты, князь Семень, то дѣлаешь не гораздо, что надъ ящики не смотришь и бѣглыхъ ящиковъ не сыскиваешь, а наше дѣло своею глупостью ставишь въ оплошку.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бѣ въ Перми, у Соли Камской, въ росковномъ желѣзѣ, что оставили дѣти боярскіе, велѣлъ сдѣлать косы, и серпы, и топоры, и сошники передѣлать, какъ въ сибирскихъ городѣхъ сошники дѣлають; а сдѣлавъ косы, и серпы, и сошники, и топоры, да то все и церковное строенье, образы и колокола, и судовые запасы, что остались у Соли Камской, велѣлъ пермичамъ отвезти на Верхотурье тотчасъ и отдать воеводамъ Степану Годунову да Олексѣю Загряскому; а что косы, и серповъ, и топоровъ и того росковнаго желѣза сдѣлають, и что на то дѣло уголья пойдетъ, и кузнецомъ отъ дѣла дати, и котораго числа и съ кѣмъ имянемъ церковное строенье, и судовые запасы, и косы, и серпы, и сошники, и топоры, отъ Соли на Верхотурье пошлетъ, и ты-бѣ о томъ отписаль къ намъ, къ Москвѣ, а отписку велѣлъ отдать въ Ноугородской Чети діаконѣ нашимъ Григорью Елзарову да Ондрею Иванову. А ящиковъ бы еси усолскихъ бѣглыхъ, по поручнымъ записямъ, сыскивалъ и устроилъ ямъ тотчасъ, чтобъ нашему дѣлу,

твоею оплошкою, за ящички мотанья и поддержанья некоторого не было; а не учнешь вперед надъ ящички смотреть и о нашемъ дѣлѣ радѣть, а которое дѣло твоею глупостью и оплошкою замочается, и тебѣ за то отъ насъ быти въ великой опасѣ.“ Писанъ на Москвѣ, лѣта 7115, Юня въ 23 день.

Подлинникъ, изъ архива Соликамскаго уезднаго Суда, писанъ столбцомъ, на трехъ листкахъ, съ скръпкою по склейкамъ: Діакъ Ондрей Ивановъ. На оборотѣ внизу: Справилъ подъячей Ивашко Демидовъ. Былъ сложенъ пактомъ и запечатанъ, имѣетъ на оборотѣ же надпись: Въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому; тамъ же помята: 115 году, Юля въ 31 день, привезъ государеву грамоту Томскаго горада атаманъ Иванъ Павловъ.

25 Юня царскою грамотою повелѣвалось съ Вишерскихъ вогуличей собирать ясакъ по окладу, при чемъ приложена роспись, (Ак. Истор., т. II, № 82.)

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: I. «Отъ цара и великого князя Василья Ивановича всеа Русіа, въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому. Писалъ еси къ намъ, что въ нынѣшнемъ въ 115 году прислалъ къ тебѣ наша грамота; но челобитною Вишерскихъ ясачныхъ вогуличъ десятника Вурундука Авина съ товарищи, а велѣво тебѣ нашъ ясакъ собрати съ нихъ въ Пермь Великую и прислати къ намъ, къ Москвѣ; а по колку соболей съ ясачныхъ людей, и съ колкихъ человекъ ясакъ имати, и тому съ верхотурскихъ съ ясачныхъ книгъ послана къ тебѣ роспись, и тое же росписи Вишерскіе ясачные вогуличи тебѣ не отдали. И то они сдѣлали: воровски; и нынѣ послана къ тебѣ съ верхотурскихъ съ ясачныхъ книгъ другая роспись, почему тебѣ съ нихъ нашего ясаку имати.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ, по прежней и по сей нашей грамотѣ и по росписи, какова къ тебѣ роспись послана, велѣвъ нашъ ясакъ Вишерскихъ вогуличамъ, десятнику Вурундуку Авину съ товарищи собирая съ Вишерскихъ вогуличъ, привозити въ Пермь Великую, а велѣвъ бы еси имъ съ ясачныхъ людей нашъ ясакъ собрати доброй; а какъ они нашъ ясакъ въ Пермь Великую собравъ привезутъ, и ты-бъ тотъ нашъ ясакъ прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, въ Казанской дворецъ, къ боярину нашему ко князю Дмитрею Ивановичу Шуйскому, съ кѣмъ пригоже, имѣетъ съ нашею сибирскою казною, какъ изъ Сибири наша ясачная казна пойдетъ.“ Писанъ на Москвѣ, лѣта 7115, Юня въ 25 день.

II. «Роспись Верхотурскаго города съ ясачныхъ книгъ прошлаго 114 году, какъ иманъ государевъ ясакъ съ Вишерскихъ съ ясачныхъ вогуличъ, по окладу, съ чело-вѣва по пяти соболей.

Сотникъ Вурундукъ Авинъ, Сырчикъ, да Котымъ, да Ушкарь Авини, Анекко Котымовъ, Копача Пучумовъ, Айдаръ Сангилковъ, Рубецъ Котымовъ.

Его жъ Вурундуковы сотники юртъ Велсунской, на рѣкѣ на Велсуѣ, а въ немъ живутъ вогуличи:

Цыба, да Пашъ, да Лечанъ, да Негеданъ Копанни дѣти, Соловарь.....

Его жъ Вурундуковы сотни Печерскіе остана юртъ, за Каменемъ, на рѣкѣ на Пенрѣ, а въ немъ живутъ вогуличи:

Сотъ да Соверцотъ прозвище Пача Провкины, Юда Яковъ.....

И всего Вишерскихъ ясачныхъ вогуличъ 35 человекъ, а государева ясаку съ нихъ, по окладу, 4 сорока и 15 соболей.“

10 декабря, послѣдовала царская грамота въ Пермь Великую о сборѣ съ посаду и уѣздовъ, для царской службы, 70 ратниковъ на 3 мѣсяца, съ разрѣшеніемъ платы за нихъ по 2 руб. въ мѣсяць на человекъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто ратниковъ были наняты „охочіе вольные люди на Москвѣ, по городамъ,—такъ какъ посланные обходились пермичамъ весьма дорого. (Ак. истор., II, № 84).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Руссін, въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому. Указали есиа взяти съ Перми, съ Чердыни, и съ Кайгорода и съ Усоляя Камского, съ посадовъ и съ уѣздовъ, для нашея нынѣшнія службы, за ратныхъ людей, противъ прежнего, за 70 человекъ, денгами, къ зимнему походу, на три мѣсяца, на нашу службу, по меньшому по два рубля на мѣсяцъ за человека; а ратныхъ людей съ Перми пожаловали есиа имати нынѣ не велѣли, для того, что имъ пермичамъ ратные люди наймомъ ставятся дорого, противъ того второе и болши; и для тѣхъ денегъ посланъ въ Пермь недѣльщикъ Дружина Непейцинь.—И какъ къ тебѣ съ наша грамота придетъ, а недѣльщикъ Дружина въ Пермь Великую придетъ, и ты-бъ тотчасъ съ посадовъ и съ уѣздовъ, съ посадскихъ людей и съ волостныхъ крестьянъ, за ратныхъ людей; за 70 человекъ, для нашея службы, къ нынѣшнему зимнему походу, на три мѣсяца, по два рубля на мѣсяцъ за человека, собралъ тотчасъ; а въ тѣхъ въ пермскихъ даточныхъ людей мѣсто велѣли есиа наняти охочихъ людей на Москвѣ, по городомъ. А пермичамъ, посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьяномъ, сказалъ бы есиа наше жаловальное слово: пожаловали мы ихъ, ратныхъ людей, съ нихъ имати не велѣли, для того, что имъ въ наймѣхъ, въ тѣхъ ратныхъ людехъ, продажи и убытки большіе чинятся; и они-бъ пермичи, посадскіе люди и волостные крестьяне, тѣ денги собирали тотчасъ, да тѣ денги за ратныхъ людей нынѣ, на три мѣсяца, по два рубля за человека, собравъ, и въ Пермь жъ съедко есть въ сборѣ дашныхъ, и оброчныхъ, и таможенныхъ, и кабацкихъ и всякихъ доходовъ, нынѣшнего 116 году генваря по 1 число, прислали къ намъ, къ Москвѣ, тотчасъ, съ недѣльщикомъ съ Дружиною да денежного сбору съ дѣловалики, въ Ноугородскую Четь, къ дьякомъ нашимъ къ Григорью Елизарову да къ Ондрею Иванову; а вскорѣ тѣхъ денегъ за ратныхъ людей, и пермскихъ же доходовъ нынѣшнего 116 году, къ намъ, къ Москвѣ, не пришлешь, и тебѣ за то отъ насъ быти въ опалѣ». Пи санъ на Москвѣ, лѣта 7116 декабря въ 10 день.

Подлинникъ, изъ архива Соловкамскаго уезднаго суда, писанъ столбцею на двухъ листкахъ, съ скрпкою по склейкѣ: Дьякъ Ондрей Ивановъ., Былъ сложены напечатанъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: Въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому. Тамъ же помята: 116 генваря въ 9 день привезъ государеву цареву и великаго князя Василья Ивановича всеа Руссін грамоту недѣльщикъ Дружина Непейцинь.

Запрещалось править 10 пошлину на посадскихъ людяхъ съ меду, воску, хмѣлю, привозимыхъ для распродажи на Сылву и Ирень. (Тамъ же).

Крестьяне Зюздинской волости, что въ верховьяхъ рѣки Камы, жаловались на посадскихъ кайгородскихъ волостныхъ людей, что они себѣ въ подмогу грабятъ ихъ животы насильствомъ, самихъ ихъ бьютъ, а женъ и дѣтей бесчестятъ и напрасно отвлекаютъ отъ работъ въ пашенную пору; а потому просили обложить ихъ 60 руб., вмѣсто всѣхъ повинностей, въ годъ и избрать изъ среды своей волостнаго судью. (А. эксп. т. II, № 69).

Примѣчаніе. Приведемъ по этому дѣлу грамоту: «Отъ царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Руссін въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому. Вилъ намъ человекъ, Пермскаго уѣзда, съ верхъ Камы рѣки, Зюздинской волости крестьянинъ Васка Игумновъ и въ товарищевъ своихъ мѣсто, а сказалъ: живутъ де они отъ пермскихъ городовъ, отъ Кайгорода, версть за двѣстѣ и больши, и въ писцовыхъ де книгахъ написаны себѣ опричь кайгородцовъ, а дворнишка де они ставили на дѣломъ на черномъ лѣсу, а люди всѣ прищане; и прѣвѣжаютъ де къ нимъ въ волость кайгородцы посадскіе и волостные люди и правятъ на нихъ тягло себѣ въ подмогу, и животы де ихъ грабятъ насильствомъ, и самихъ ихъ бьютъ, и женъ ихъ и дѣтей бесчестятъ, и напрасными поклесимъ продаютъ, и волочатъ въ напрасныхъ поклесенныхъ дѣлѣхъ лѣтомъ»

въ пашенную пору, и нѣтъ де звѣдницамъ въ тѣхъ нѣтъ насильствахъ чинятся продажа и убытки великіе, и впредь отъ нѣтъ насильства прожити не можно; и намъ бы нѣтъ пожаловати, велѣти нѣтъ съ Звѣдинскаго погосту за всякіе наши денежные доходы, и за посадскія службы, и за сибирскіе отпуски, и за рыбныя ловли, и за бобровыя гоны, платити въ нашу казну оброкъ опрѣчь кайгородцовъ, и судей vybrати у себя въ волости, а кайгородцовъ възымати въ нѣтъ въ волость ни лѣтъ не велѣти. — И мы, Пермскаго уѣзда, Звѣдинскія волости крестьянъ пожаловали: велѣли нѣтъ съ Звѣдинскаго погосту за всякіе наши денежные доходы, и за посадскія службы, и за сибирскіе отпуски, въ нашу казну на Москвѣ платити въ году на одинъ срокъ, на Евдокеинъ день, по штидесять рублевъ на годъ, опрѣчь кайгородцовъ, и възымати кайгородцовъ къ нѣтъ въ Звѣдинской погостъ ни по что не велѣли; а судью велѣли нѣтъ vybrати у себя въ погостъ. — И какъ къ добѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ Звѣдинскаго погосту крестьяномъ, за всякіе наши денежные доходы, и за посадскія службы, и за сибирскіе отпуски, велѣлъ платити на Москвѣ въ нашу казну въ Поугородскую четъ, на срокъ на Евдокеинъ день, по штидесять рублевъ на годъ, опрѣчь кайгородцовъ; и на нынѣшней на 115 годъ тѣ денежные доходы на звѣдницахъ взялъ и прислалъ къ намъ къ Москвѣ, съ кѣмъ прѣгоже, чада того; а въ судьи, да въ волостнаго дѣла, Звѣдинскаго погоста крестьяномъ велѣлъ бы еси vybrати у себя въ погостъ человѣка добра, кого они межъ себя нелюбятъ и выборъ за выборныхъ людей руками дадутъ, и къ нашему крепному цѣлованью его привалъ, какъ иныхъ судеекъ, а отъ кайгородцовъ бы еси Звѣдинскаго погоста крестьянъ беречь, чтобъ кайгородцы въ Звѣдинской погостъ ни по что не възымали, и насильства нѣтъ и обиды и продажи напрасныя въ пашенную пору не чинили; а коли лучится звѣдницамъ въ Кайгородокъ прѣѣзжать для торговъ, и кайгородцы-бъ съ нѣтъ наши таможенныя пошлины инаккъ съ нѣтъ кайгородцовъ, по нашей по уставной грамотѣ; а прочеть съ нашу грамоту и сиемъ собѣ съ нее противишь, отдавъ бы еси съ звѣдинскимъ крестьяномъ для нѣтъ нашихъ державныхъ приказныхъ людей. Писалъ на Москвѣ, гдѣта 7115 году, марта въ 10 день.

Изъ архива Соликамскаго уѣзднаго суда.

Соликамскіе ямщики, переселенные изъ Вятки, принесли челобитную, въ которой заявили, что они возятъ въ Сибирь воеводъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ, которые, прѣѣхавъ въ Соликамскъ, покупаютъ себѣ мясо, сукно, масло, сало и холстъ, что и нагружаютъ на ихъ подводы; а иные захватываютъ съ собою большіе вьюки, на которые садятся и сами, — отчего они не доѣзжаютъ до Верхотурья. (Тамъ же, т. II.)

Примѣчаніе. Приведемъ грамоты: «Отъ царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русія въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вятскому. Писалъ еси къ намъ, что присланы съ Вятки къ Соли Камской ямскіе охотники, и тѣмъ ямскимъ охотникомъ у Соли у Камскія велѣно по нашему указу *) дворы вятскіи сохати, и ты, взявъ у посадскихъ людей мѣсто, да въ ямщикомъ подъ дворы, а вятчане ямщикомъ послѣдста дворовъ не ставятъ. Да тѣ же усолоккіе ямщики, староста Трофимко Одревъ и во всѣхъ ямскихъ охотниковъ мѣсто, били намъ челомъ и сказали: ѣздитъ де въ Сибирь воеводи, и дѣти боярскіе, и стрѣльцы и казаки, и прѣѣхавъ де къ Соли Камской покупаютъ себѣ мяса, и сукна, и масло, и сало и холсты, и кладутъ на ихъ подводахъ, а иные съ собою емлютъ великіе вьюки, да на тѣхъ же де вьючнхъ кладутъ сами сидеть, и ихъ де подводы отъ тяжелыхъ владей и отъ вьюковъ до Верхотурья не до-

*) Пропущено: «ставити». Указъ, здѣсь упоминаемый, былъ посланъ изъ Москвы 1606 г. июля 11, («А. А. 9., II, 123).

ходить; да у нихъ же де стрѣльцы и казаки есмлютъ насилствомъ подводы мимо подорожныхъ, да себѣ правятъ на нихъ денегъ и морзовъ, и насилство всякое чинятъ; да изъ сибирскихъ де городовъ посылать за сибирскими жителями — за бѣглецами въ погоню на ихъ же подводахъ, а прогоновъ ихъ не дають, а есмлютъ де тѣ подводы у нихъ погонщики насилствомъ; и намъ бы велѣти о томъ указъ учинить. — И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ у Соли Камской вятчанамъ яскихъ дворовъ ставити де нашего указу не велѣлъ для того, что съ нихъ, по нашему указу, велѣно имѣть взятъ на нашу службу ратныхъ людей; а ямщикомъ бы еси вятскимъ у Камской Соли велѣлъ жить въ тѣхъ же дворѣхъ, гдѣ они имѣтъ живутъ; и отъ дворянъ, и отъ дѣтей боярскихъ, и отъ стрѣльцовъ и отъ казаковъ ихъ беречь, и усолцомъ посадскимъ людямъ велѣлъ беречь, чтобъ дворяне, и дѣти боярскіе, и стрѣльцы и казаки денегъ и морзовъ и лишникъ подводъ мимо подорожныхъ насилствомъ не чинили, и на подводахъ лишникъ тяжельхъ занавозовъ и товаровъ зимомъ и лѣтомъ на въездахъ съ собою не возили; а велѣлъ бы еси на подводахъ зимнія клади класти на подводу по штинадцати пудъ, а лѣтніе вьюки класти легкіе, пуды по четыре, будеть сами на тѣхъ подводахъ садиться не учнуть; а будеть кто на подводѣ пойдеть лѣтомъ, и тѣмъ людямъ велѣлъ бы еси класти на подводу тѣмъ ему сѣту бытъ да по епанчѣ; а которые люди учнуть на яскихъ подводахъ клади класти и вьюки возитъ великіе, не по нашему указу насилствомъ, и которая подвода отъ того насилства падеть, и ты-бъ, про то слышавъ до прѣмъ, писалъ къ намъ къ Москвѣ, и мы на тѣхъ людехъ, кто чью подводу уморить, великии нѣвѣи дѣлу, чего подвода стояла; а за которыми сибирскими жителями за бѣглецами учнуть изъ Сибири посылать въ погоню, и ты-бъ на тѣхъ бѣглецахъ велѣлъ ямщикомъ за тѣ подводами имати прогоны поверстие по нашему указу, чтобъ ямщикомъ ни отъ кого продажъ и убытковъ никакихъ напрасныхъ не было». Писавъ на Москвѣ, лѣта 7115 году, мая въ . . день.

Современный список хранится в архиве Соликамского уездного суда.

Вотъ грамота, изъ которой видно распоряженіе правительства по этому дѣлу: «Отъ цара и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому. Вѣлъ намъ человекъ съ Вятки Хлыновской земской староста Игнатко Морозовъ и во всѣхъ вятчанъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ лѣсто, а сказали: по нашему де указу отсутствовали они съ Вятки въ Пермь, къ Соли Камской, въ яскіе охотники сорокъ шесть человекъ, и ты де, ставався съ периччи, тѣхъ вятскихъ охотниковъ бѣшь и мучишь безъ вины напрасно для того, чтобъ тѣ ихъ охотники съ яму разбрелся, а гонбу-бъ гоняти периччанъ посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьяномъ по прежнему, а на ямщикомъ, а съ Вятки-бъ имати ихъ прогонныя денги, приключивая прогоновъ, и жористоваться тѣми денгами самимъ. Да въ нынѣшнемъ ден во 115 году, по послѣднему зимнему пути, поѣхали вятскіе охотники на Верхотурье съ нашимъ казномъ, съ явори да съ паруси, а навадь ден они съ Верхотурья къ Соли Камской, по зимнему пути, не поспѣли, а имхъ де охотниковъ отсутствъ ты къ Москвѣ и на Вятку гостять, а послѣ де ихъ ты-жъ написалъ въ бѣгле, парова периччанъ же, и изъ тѣхъ ден охотниковъ изъ вятскихъ торговыхъ людей, которые въ Пермь съ торгомъ пріѣзжали, мучалъ, на правѣжѣ, на смерть безъ нашего указу, и доправилъ ден на нихъ, мимо охотниковъ, подъ гонцовъ подводами и суди и гребцовъ, и убытокъ ден имъ учинилъ великіе; да посмалъ ден ты на Верхотурье съ денгами Литвина жорновъ кушить, и у Литвина де тѣ денги потокули, и ты де тѣ денги доправилъ на вятчанехъ же на торговыхъ людехъ насилствомъ. Да по нашему указу велѣно ихъ вятскимъ охотникомъ у Соли Камской дворы и пашни и сѣнные покосы подавати, и ты де нашего указу не слушаешь, дворовъ и пашней и сѣнныхъ покосовъ охотникомъ ихъ не даешь, а посмалника де ихъ, съ которыми они о томъ нашу грамоту къ тебѣ послали, убилъ и изувѣчалъ; а дворы ямщикомъ ихъ правишь на ихъ же охотникѣхъ и мучишь на смерть для того, чтобъ тебѣ ихъ съ яму розогвати, а ихъ вятчанъ содного съ периччи

испродати; а вятскимъ де ихъ охотникомъ безъ дворовъ, и безъ пашень и безъ сѣнныхъ покосовъ прожити не мочно. И намъ бы ихъ пожаловать, вятскихъ ихъ охотниковъ съ яму розогнати и торговыхъ людей напрасно убытчить тебѣ не велѣти, и у Соли Камской дворы, и пашни и сѣнные покосы велѣти охотникомъ ихъ дати по прежнему нашему указу. И ты то дѣлаешь негораздо, дуростью и воровствомъ, норвачи пермичамъ по посуломъ, что ихъ вятскихъ торговыхъ людей, которые прѣзжаютъ въ Пермь съ торгоу, и ямщиковъ бьешь и мучишь безъ вины напрасно, и продажу и насилство чинишь, и нашего указа не слушаешь, вятскимъ ямщикомъ дворовъ, и пашекъ и сѣнныхъ покосовъ, по прежнему нашему указу, не даешь, хотя тѣмъ ихъ ямщиковъ съ яму розогнати; а по нашему указу велѣно тебѣ у Соли Камской ямъ строить, а не розогнати; да ты-жъ замоччалъ нашамъ сибирскому казною и хлѣбными запасамъ: и будетъ впередъ намъ вятчане учнутъ на тебя бити челомъ въ какихъ убыткахъ, и мы тѣ ихъ убытки велики доправити на тебѣ вдвое, безъ суда. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ впередъ такъ не дуровалъ: вятскихъ торговыхъ людей, которые прѣзжаютъ въ Пермь съ торгоу, и ямщиковъ безъ вины напрасно не бить, и продажи и насилства имъ не чинилъ, и ямщиковъ съ яму не розогнывалъ; а подъ дворы мѣста, и пашни и сѣнные покосы вятскимъ охотникомъ даешь по прежнему нашему указу и по сей нашей грамотѣ безволокитно, которые у Соли Камской есть дворовныя мѣста не тяглыя и пашни лишнія и сѣнные покосы безобочныя. Да по нашему указу велѣно въ Пермь и въ пермскихъ пригородѣхъ, для нашихъ всякихъ дѣлъ, бити подъячему Левонтью Сафонову; и какъ подъячей Левонтей Пермь въ прѣдетъ, и вы-бъ въ Пермь наши всякія дѣла дѣлали, и посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ во всякихъ дѣлѣхъ судили, и управу межъ ними чинили вмѣстѣ за одиавъ, и прибыли намъ искали вправду, по нашему крестному пѣловалю и по прежнимъ нашимъ наказомъ и по грамотамъ, каковыя наказы и грамоты въ Пермь въ нашей казѣ; а розни-бъ межъ вами не было, чтобъ вашею рознью нашему дѣлу порухи и нашей казѣ убытка не было; а будетъ вашею рознью которому нашему дѣлу поруха, или нашей казѣ учинится передъ прежними годы недоборъ, и вамъ отъ насъ за то бити въ великой опалѣ». Писать на Москвѣ, лѣта 7115, июля въ 28 день.

«Лѣта 7116 году мѣсяца сентября въ 4 день, привесть государеву цареву и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи грамоту Гаврилко, Иванковъ сынъ, Голубятовъ, вятчанинъ Хмынова города».

Повелѣно было строить мосты по сибирской дорогѣ кайгородскими посадскими и другими волостными людьми. (Тамъ-же № 80).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ цара и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи въ Пермь Великую, князю Семану Юрьевичу Вяземскому. Писать еси къ вамъ, что въ 115 году, объ Ильинѣ дни и послѣ Ильина, былъ у васъ дожди многіе и воды съ дождевъ были великія, и по сибирской дорогѣ отъ Соли Камской до Верхотурья, которыя рѣки и рѣчки были мощены, и по инымъ дорогамъ, и тѣ ден мосты съ тѣхъ рѣкъ и съ рѣчекъ поносило водаю; а прежде де того тѣ мосты нащивали чердынцы и усольцы и кайгородцы, и всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне, и всею пермской землею; и нынѣ тѣхъ мостовъ по тѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ пермичи, чердынцы и усольцы и кайгородцы, не мостятъ, а отказывають, что ден, по нашему указу, устроены у нихъ ямщики, они ден тѣми дорогами гоняють и они ден и мосты мостятъ; а какъ наша казна изъ Сибири пойдетъ къ Москвѣ, и противъ наши казны посыланы были прежде сего дороги бродити и мосты мостили тѣ-жъ чердынцы и усольцы и кайгородцы, а нынѣ ден они въ томъ во всемъ указываютъ: на ямщиковъ; и какъ бы тебѣ о томъ велѣти указъ свой учинити. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ велѣлъ мосты мостятъ по Сибирской дорогѣ въ нужныхъ мѣстѣхъ, гдѣ безъ мостовъ проѣхать нельзя, чердынцамъ и усольцамъ и кайгород-

цомъ, посадскимъ и волостнымъ всякимъ людемъ, какъ мосты мостили прежде сего; а ящички нигдѣ мостовъ немостить». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7116 октября въ 18 день.

Помѣта: «116 генваря, въ 5-й день привезъ государеву грамоту вятчанинъ Осипко Богдановъ».

Новелѣно производить по Сибирской дорогѣ ямскую гоньбу одними лишь пермичами, а вятскихъ охотниковъ отпустить изъ Соликамска. (Тамъ же).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичю Вяземскому. Указали есмя въ Пермь ямская гоньба гонать, подводы отпускать во всякіе отпуски, пермичамъ по прежнему; а съ Вятки охотниковъ не быти. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а съ Вятки которые нынѣ охотники у Соли Камской, и ты-бъ ихъ съ яму отпустилъ на Вятку, и впередъ на Вятку ямскую гоньбу подо всякими нашими отпуски пермичамъ отпускать по прежнему; а для тѣхъ же всякихъ отпусковъ пермичамъ о денгахъ къ тебѣ нашъ указъ посланъ». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7116, декабря, въ 2 день.

Изъ архива Соликамскаго уѣзднаго суда.

Учинена для Верхотурья канцелярская печать, а до того времени каждый воевода имѣлъ свою собственную. Печать представляла соболя подѣлу деревомъ, а около вырѣзано: „Печать земли сибирскія города Верхотурья“.

Примѣч. 1. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ положеніи, какое занимали Строгановы въ то отдаленное время. Семенъ Анкиевичъ Строгановъ умеръ около 1608 года, оставилъ двухъ сыновей, Андрея и Петра, которые наследовали пожелованная ему земли и вскоре вѣстѣ съ двоюродными братьями Максимомъ Яковлевичемъ и Никитомъ Григорьевичемъ Строгановыми, по призыву предковъ, оказали услуги отечеству, терпящему самозванцами. Соединенные узамъ родства и дружбы, братья Строгановы спокойно жили въ Сольвычегодскѣ, не принявъ никакого участія въ государственныхъ переворотахъ, колебавшихъ Россію со времени воцѣлѣнія Бориса Годунова на престолъ до 1609 года, когда китежное волненіе въ пользу втораго самозванца распространилось по сѣверовосточной Россіи. Тутъ выступили на попріище чести доблестные Строгановы и стояли грудью за царя законнаго, за Василья Іоанновича Шуйскаго, помогали ему богатствами, военными дружинами, дѣйствовали въ защиту его словесъ и дѣломъ. Въ то самое время, когда Владкиръ, Кострома, Ростовъ, Ярославль, Казань, Вологда, города Вятскіе и Пермскіе, волею и неволею принимали сторону самозванца, Сольвычегодскъ былъ непоколебимъ въ вѣрности Василію Іоанновичу и возмущеніями отклонялъ окрестные города отъ злодѣя. »Извѣщаютъ насъ изъ Вологды и Галича государевы воеводы, пишутъ Строгановы въ Пермь Великую, колебавшущая въ вѣрности, что богоотступники—литовскіе люди съ русскими ворами извѣнчиками, забывая Бога и православную вѣру, преступивъ крестное цѣлованіе, въ ярославскихъ, костромскихъ и галичскихъ уѣздахъ, села, волости и деревни воютъ, церкви Божіи разоряютъ, образа колунають, оклады и кузнь сжигаютъ, крестьянъ же сѣкутъ, женъ и дѣтей въ полонъ въ Литву вѣдутъ, а животы ихъ грабятъ, угрожая разореньемъ и нашему краю. Мы же слухомъ слышали, что Переяславль, Ростовъ, Ярославль, города рязанскіе и сѣверскіе между собою не совѣтовали, другъ за друга не стояли и отъ того погубил. И изъ Галича приказные люди требуютъ немедленной помощи ратными людьми отъ устюжанъ, тотичей, вологжанъ, пермичей и отъ насъ, усольцевъ, чтобы литовскіе люди и русскіе воры Галичемъ не овладѣли и въ наши края не ворвались.—Мы въ Усольскомъ уѣздѣ государевымъ ратнымъ дѣламъ радѣемъ, съ устюжанъ вѣстѣ промышляемъ, за святія церкви, за православную вѣру, за царя Василья Іоанновича крестъ цѣлуемъ, чтобы всѣмъ намъ единогласно государю царю служить и прамить безо всякой хитрости, не извѣнчать ни въ чемъ, стоять крѣпко до своего живота, жить и умереть вѣстѣ, и вновь ратныхъ людей, сверхъ посланныхъ изъ Вологды, собираемъ на помощь Галичу. Вы же до силъ—поръ для

общей защиты не дали ни одного человека, а государевымъ дѣломъ не радѣте. Промышлите Бога ради, съ нами во всемъ единомыслично дѣломъ, а не словомъ: соберите людей ратныхъ на защиту святыхъ церквей, вѣры православной и великаго государя». (Акты, собран. археогр. экспед. II, 200).—Великодушныя усилія Строгановыхъ не спасли влосчастнаго царя; но ревность ихъ не охладѣла: съ тѣмъ же усердіемъ они помогали какою и ратными людьми Прокопійу Ляпунову, князю Пожарскому и вноу Михаилу.

Въ отношеніи содѣяствія Строгановыхъ Пожарскому засандѣтельствовано въ жалованной грамотѣ, 7200 (1692) года 25-го іюля, слѣдующими словами: «да у Андрея Строганова, во время иконошедшее, какъ стояли подъ Москвою боаре наши и воеводы—князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубцкой да стольникъ князь Дмитрій Пожарскій и Прокопій Ляпуновъ ваяты у него, Андрея, многія деньги ратныхъ людей на жалованье» Доселѣ сохранились подлинныя акты, изъ которыхъ видно, съ какою готовностію жертвовали они своимъ достояніемъ на защиту отечества и престола. При самомъ воцареніи, по соборному приговору земской думы, Михаилъ требовалъ съ нихъ на вспоможеніе 8000 рублей: они немедленно внесли эту сумму, объявивъ государю, что дадутъ и болѣе, если доведется взять съ нихъ, и вслѣдствіе новыхъ требованій въ три года переплатили 70 т. рублей тогдашнихъ. (Акты археогр. экспед. II, стр. 7, 105, 113 и 115). Вообще же, въ жалованной грамотѣ Петра I вмянитому человеку Григорію Дмитріевичу, исчислено, что у пращѣдовъ и дѣдовъ его, во время междупарствія и при Михаилѣ Федоровичѣ взято въ казну деньгами, жемчугомъ, сосудами серебрянными, хлѣбомъ и солью, но болѣе въ видѣ добровольнаго приношенія и чрезвычайнаго налога, подъ именемъ пятниныхъ денегъ и заросныхъ денегъ солдатскихъ и вѣмецкихъ кормовъ, 423,706 рублей, да у отца его Дмитрія Андреевича, при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, 418,056 рублей, всего 841,762 рубли тогдашнихъ, что составитъ намъ болѣе 2½ миллионѣвъ рублей серебромъ. (Жалованная грамота Григорію Дмитріевичу Строганову 1692 года іюля 25-го). Во той же грамотѣ прибавлено: «А что при царѣ и великомъ князѣ Василѣ Ивановичѣ Шуйскомъ у гостей деньги иваны, и нѣ въ томъ давали нѣзъ какимъ закладамъ жемчугомъ, золотомъ, сосудами серебрянными, и нижегородцы тѣ свои деньги изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ взяли назады; а пращѣды и дѣды Григорія Дмитріевича Строганова изъ нашей казны закладовъ и тѣхъ денегъ не имали и въ томъ прибыли не искали: служили и работали, намъ, великимъ государямъ, и всему Московскому государству вѣрою и правдою». Возвездіемъ за столь важныя заслуги были немалыя со стороны государей. Такъ, въ числѣ другихъ, уже ранѣе сего упомянутыхъ, Дмитрію Андреевичу подтверждено важное преимущество, дарованное Строгановымъ еще царемъ Василемъ Іоанновичемъ, а именно: если ему самому, дѣтямъ его, внукамъ, братьямъ, племянникамъ, крестьянамъ, работанкамъ случится быть въ другихъ городахъ съ товарами или безъ товаровъ, нигдѣ ихъ боирамъ, воеводамъ и приказнымъ людемъ ни въ чемъ не судить; если же будетъ до нихъ дѣло—судить ихъ въ Москвѣ, кому царское величество укажетъ, даже крестьянъ и работниковъ.—Къ концу XVII ст. домъ Строгановъ сосредоточился въ одноиъ лицѣ Григорія Дмитріевича, изъ поколѣнія Семена Анкиевича; родъ старшаго брата Якова Анкиевича угасъ правнукамъ его; родъ средняго брата Григорія Анкиевича пресѣкся на смѣть. Все нѣвнѣе ихъ перешло въ однѣ руки Григорія Дмитріевича, которому пожаловали Іоаннъ и Петръ въ 1692 году подтвердительную грамоту на всѣ земли, права и отягчія, дарованныя дому Строгановыхъ российскими государями со времени Юанна Грознаго.—*Григорій Дмитріевичъ былъ послѣднимъ именитымъ челоомкомъ: дѣти его Александръ, Николай и Сергій въ 1722 году получили отъ Петра Великаго званіе бароновъ.* (Именитые люди Строгановы. 1842 г.).

Примеч. 2. Не считаемъ излишнимъ сказать нѣсколько словъ о наружномъ видѣ жалованной грамоты 25 іюля 1692 года, тѣмъ болѣе, что въ ней изложено все ранѣе сего года

данна жалованная грамота великихъ князей и российскихъ царей. Означенная грамота писана превосходнымъ стариннымъ почеркомъ, не мелкимъ, но очень вѣстительнымъ, на шести отличной выдѣлки пергаментныхъ листахъ; склеенныхъ въ видѣ столбца, длиною въ пять аршинъ, шириною въ одинъ аршинъ съ 2 вершками. Поля украшены прелестнымъ бордюромъ изъ рисованныхъ по золоту цвѣтовъ, птицъ и арабесковъ, между которыми очень искусно изображены государственные гербы—вверху Московскій, съ лѣвой стороны Кіевскій, Новгородскій, Астраханскій, Псковскій, Шведскій, Перскій, Болгарскій, Черниговскій, Ростовскій, Вѣловерскій, Кондійскій, Карталинскій, Кабардинскій, съ правой стороны: Владимірскій, Казанскій, Сибирскій, Смоленскій, Югорскій, Вятскій, Низовскій, Рязанскій, Ярославскій, Удорскій и Обдорскій, Иверскій, Грузинскій, Черкесскій и Горскій. Число строкъ простирается за 630.—Во всю длину грамоты подложена богатая парча, прикрѣпленная золотымъ шнуромъ съ кистями, на которой виситъ государственная печать изъ краснаго воска въ вызолоченномъ лициѣ. (Тамъ-же).

1608 годъ.

Верхотурскимъ воеводой былъ Стефанъ Стефановичъ Годуновъ и Иванъ Михайловичъ Плещеевъ, да съ приписью подъячій Василій Спицинь; Чердынскимъ же воеводою—Федоръ Петровичъ Аминеовъ съ подъячимъ Наумомъ Романовымъ.

Въ семь году ногайцы, подъ предводительствомъ мурзы своего Уруса, сдѣлали нападеніе на Тюменскій уѣздъ и, дойдя до р. Пышмы, всѣ русскія и татарскія жилища разграбили и самому городу, отъ котораго они были не далѣе 20 верстъ, грозили осадю. Въ началѣ тюменцы не рѣшались выдти имъ на встрѣчу, потому что ногайцевъ, какъ передали лазутчики, было болѣе 2000 человекъ; въ послѣдствіи, какъ оказалось, ногайцевъ было гораздо менѣе,—посему вооруженные тюменцы, настигнувъ ихъ по ту сторону Исети, разбили и награбленное у нихъ имущество отняли.

(Слб. истор. Фишера стр. 245 и 246).

Примѣчаніе. Въ 1609 году ногайцы вновь сдѣлали нападеніе на Тюменскій уѣздъ и разорили селенія башкиръ, расположенныя по р.р. Міяссу и Исети; но и на этотъ разъ они принуждены были удалиться.

Въ семь 1608 году, Максимъ и Никита Строгановы изъяты отъ обыкновеннаго вѣстнаго суда, который могъ производиться надъ ними лишь по царскому указанію. Независимо отъ этого, проѣзжавшимъ чрезъ ихъ владѣнія, по государственнымъ дѣламъ, не обязаны были отводить у себя постой, не брать съ нихъ подводъ и не призывать ихъ къ суду, а вмѣсто нихъ—людей.

Примѣчаніе. Приведенъ по этому поводу грамоту: »Въ жалованныхъ же грамотахъ 116 (1608) году, каковы даны Максиму, Яковлеву сыну, да Никитѣ, Григорьеву сыну, Строганова написано: великій государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи пожаловалъ Максима, Яковлева сына, да Никиту, Григорьева сына, Строгановыхъ и ихъ братьевъ, и дѣтей, и племянниковъ, по всѣмъ городамъ российскаго государства боярамъ и дворцовому, и воеводамъ, и намѣстникамъ, и дьякамъ, и великимъ приказнымъ людямъ ихъ Максима, и Никиту, и братьевъ, и дѣтей, и племянниковъ, и дѣтей ихъ и крестьянъ судить ни въ чемъ не велѣлъ; а кому до нихъ дѣло, и велѣно судить кому

онъ, великій государь, укажетъ; а стояльщиковъ у нихъ на дворѣхъ никого не ставить и питье про себя всякое держати велѣно имъ безъявочно, а у вѣры имъ самниъ не ставитса, а виѣсто ихъ ставитса людямъ ихъ, такъ-же во всѣхъ городѣхъ и по яманъ подводъ у нихъ имать не велѣно-жъ. (Именные люди Строгановы; 1842 года, стр. 44).

Въ октябрѣ сего года воевода Вологодскій Пушкинъ, дабы избавить Вологду отъ разоренія, по примѣру прочихъ городовъ, привелъ вологжанъ къ присягѣ самозванцу—Тушинскому вору (Акт. арх. экспед., т. II, № XX) и послалъ спискомъ съ наказа и цѣловальной записи въ Устюгъ, Соль—Вычегодскъ, Тотьму, гдѣ присягнулъ на вѣрность вору и Козьма Даниловичъ Строгановъ, и въ прочіе сѣверные города. (Тамъ - же).

Многіе города присягали неохотно. Самозванецъ разсылалъ къ покорившимся городамъ похвальныя грамоты, обѣщая дворѣнамъ и всѣмъ служилымъ людямъ царское жалованье, деньги, сукна, помѣстья; духовенству же и остальнымъ жителямъ тарханниа грамоты, по которымъ никакія царскія подати не будутъ съ нихъ собираться; но вдругъ по распоряженію Млодскаго съ товарищами, пришли грамоты, требующія сильныхъ поборовъ. (Сажовъ, т. VII, гл. V). Тамъ, въ Вологду, вскорѣ послѣ ея сдачи, были съ грамотою посланы два боярскіе сына, Козьма Кадниковъ съ товарищемъ, кои, собравъ на площади народъ, торжественно читали эту грамоту, въ которой было сказано: „велѣно собрати съ Вологды, съ посаду и со всего Вологодскаго уѣзда и съ архіепископскихъ и со всякихъ монастырскихъ земель, съ сохи—по осьми лошадей съ саньми, и съ веретей, и съ рогожами, да по восьми человекъ съ сохи, а тѣ люди и лошади велѣно порожніе гонити въ поля“. Кромѣ того, „велѣно собрати съ Вологды-жъ, съ посаду и со всего Вологодскаго уѣзду, съ выти со всякія, сколько въ Вологодскомъ уѣздѣ вытей есть, столоваго всякаго запаса, съ выти—по чети муки пшеничныя, по чети крупъ грешневыхъ, по чети крупъ овсяныхъ, по чети толокна, по чети сухарей, по осминѣ гороху, по два хлѣба бѣлыхъ, по два ржаныхъ, да по тушѣ по ябловицѣ по большой, да по тушѣ по бараньѣ“—и проч. съѣстные припасы. Или слѣдующее: „переписати у торговыхъ людей (вологодскихъ), которые торгуютъ рыбою, рыбу всякую, и рыбныхъ ловцовъ и ловли рыбныя всякія, а ловити велѣти свѣжую рыбу ловцамъ на него (который называется княземъ Дмитріемъ) пять дней и пять ночей, шестой день велѣно ловити на дворецкаго его князи Семена Звенигородскаго; а ловля рыбная всякая—велѣно имати въ посадѣ и волостяхъ и ловцовъ“. (Акт. экспед. арх. т. II, № 88).

Когда въ Вологдѣ прочли эти грамоты предъ всѣмъ народомъ, то вологжане противъ нихъ, хотя ничего и не сказали, но многіе заплакали и тихонько говорили другъ другу: „хотя мы ему и крестъ цѣловали, но только бы Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ, да въ побѣду государю Василю Ивановичу, то мы всею душою рады головами служить, пусть только другіе города—Устюгъ, Усолье и Пожорскіе намъ помогутъ“.

Когда было узвано, что Самозванецъ отдастъ города русскіе, покорившіеся ему, въ отчины и въ жалованье польскимъ панамъ и магнатамъ, какъ

напр. Чердынъ и Тотьму отдалъ пану Заруцкому,—то недовѣріе и негодова-
ніе къ нему стало возрастать все болѣе и болѣе. (Акт. арх. т. II, № 88).

Между тѣмъ, устюжане, по своему отдаленному положенію, имѣли вре-
мя собрать свѣдѣнія, подумать и посовѣтоваться. Пріѣзжіе изъ Ярославля и
Вологды рассказали имъ о неохотной присягѣ народа Тушинскому царю, о
хищности Тушинцевъ, объ угнетеніяхъ которымъ подвергаются присягнувшіе.
Говорили, что „города ждутъ только помощи, чтобы возстать противъ притѣ-
снителей, что цѣлость Московскаго государства, котораго народъ держится въ
землѣ, нарушена, что возстановляется прежнее страшное время удѣловъ. Всѣ
города, которые возмутъ за щитомъ, или хотя и волею крестъ поцѣлуютъ,
отдаютъ панамъ на жалованье и въ отчины—какъ прежде удѣлы бывали“.
Наслушавшись такихъ разказовъ, устюжане рѣшились не цѣловать креста
тому, кто называется царемъ Дмитріемъ, а стоять на крѣпко и людей соби-
рать со всего Устюжскаго уѣзда. Съ извѣстіемъ о рѣшеніи своемъ, они тот-
часъ (1608 г. 27 ноября) послали къ вычегодцамъ. При этомъ, сообщая имъ
о разорѣніи Ростова литовскими людьми и плѣненіи митрополита Филарета,
о присягѣ Тушинскому вору Ярославля, Вологды, Тотьмы и проч. городовъ,
убѣждали тамошнихъ людей снестись со Строгановыми, Максимомъ Яковле-
вичемъ и Никитою Григорьевичемъ, о томъ, какая ихъ мысль „хотать ли они
съ ними, устюжанами, стоять крѣпко въ томъ дѣлѣ и совѣтъ съ ними крѣп-
кій о томъ держать“. И въ случаѣ согласія, требовали присылки человекъ
пяти, шести или десяти для совѣта. Эту отписку устюжане окончивая, об-
ращали вниманіе на большіе боборы Тушинскаго вора, говоря: „А въ Яросла-
влѣ правятъ по осьмнадцати рублей съ сохи; а у торговыхъ людей у всѣхъ
товары всякіе переписали и въ полки отсылаютъ“. (Акт. арх. эксп. т. II, № 88).

Вслѣдъ за симъ, (30 ноября), не получая отвѣта отъ вычегодцевъ, устю-
жане послали вторую отписку въ Соль Вычегодскъ, въ которой навѣщаютъ о
присылкѣ въ Устюгъ изъ Вологды крестоцѣловальной записи на вѣрность
Лжедмитрію, о разореніи Тушина княземъ Скопинымъ—Шуйскимъ, о похо-
дѣ Шереметьева изъ Астрахани къ Москвѣ, со многими воинскими людьми,
объ усердіи галичанъ и костромичей къ государю и просили ихъ, вычегод-
цевъ, о скорѣйшей отпискѣ—чью сторону держать усольскіе города, съ убѣж-
дѣніемъ не сдѣлать присягою Самозванцу: „да и то бы вы помыслили, на
чемъ мы государю царю Василию Ивановичу душу дали: если послышимъ, что
Богъ послалъ гнѣвъ свой праведный на всю русскую землю, то еще до насъ
далеко, успѣемъ съ повинною послать“. И заключилъ такъ: „пожалуйста
помыслите съ міромъ крѣпко, а не сдѣлите крестъ цѣловать—не угадать,
на чемъ совершится“. (Акт. арх. эксп. т. II, № 89).

4 декабря, вновь въ Соль-Вычегодскѣ была получена изъ Устюга от-
писка о немедленной отправкѣ ратныхъ людей и разсылкѣ гонцовъ, для приоб-
рѣтенія тѣхъ же извѣстій, кои были получены изъ Устюга при отпискахъ
отъ 27 и 30 ноября.

Вслѣдствіе сего, изъ Соль-Вычегодска, декабря 6 дня, была отправлена въ Пермь на имя воеводы Акинѣева отписка о немедленномъ сборѣ ратныхъ людей на государеву службу по 10 человекъ съ сохи. (Акт. истор. ком., т. II, № 109).

Примѣчаніе. Приведемъ здѣсь отписку. «Господамъ Федору Петровичю да Науму Романовичю, и всеѣ великопермскіе земли, старостаѣ и цѣловальникомъ и всеѣмъ людямъ, Послѣлъ Изволской человекъ бѣгъ. Въ нынѣшнемъ, господине, во 117 году декабря въ 5-й день, писали къ намъ, къ Солѣ къ Вычегодской, съ Устюга—Великого, Иванъ Филиповичъ Стрѣшневъ да подьячей Шестой Копининъ, и всеѣ Устюжана, посацкіе люди и волостные крестьяны, и [прислали, съ Устюжскимъ приставомъ съ Михалкомъ Крайчиковымъ, списки съ грамотъ, что писали, изъ Галича и изъ галицкихъ пригородовъ, и съ Вологды Вологжана, къ Солѣ къ Тотемской и на Устюгъ Великой, для государевыхъ царевыхъ и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи ратныхъ вѣстей и для ратного и земского дѣла, и списокъ съ росписныхъ рѣчей воровскихъ людей; и мы, господине, у Соли у Вычегодскіе съ того со всего писма списавъ списки слово въ слово, и послали тотчасъ, наскорѣ, къ вамъ, въ Пермь Великую, Соли Вычегодскіе съ приставомъ съ Шумилкомъ Михайловымъ, да и къ Вычегдѣ и на Вымь, для того великого государева дѣла, таково писмо послали-же декабря въ 6 день. И вы-бъ, господине, такъ-же государевымъ великимъ дѣломъ радѣли, ратныхъ людей тотчасъ собирали и къ государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи на помощь послали, какъ и иные города, съ малые сошки по десяти человекъ; а мы, у Соли у Вычегодскіе и въ Усолскомъ уѣздѣ, ратныхъ людей также собираемъ; и которые люди у насъ въ сборѣ, и мы тѣхъ людей, вверхъ по Сухонѣ, послали на государеву службу, а нѣмъ потому-же собираемъ ратныхъ людей и на государеву службу тотчасъ вышлеть, чтобъ государеву ратному дѣлу потчання и поруки не было; да о томъ вамъ пожаловати, къ намъ, къ Солѣ, тотчасъ отписать, съ тѣмъ же приставомъ съ Шумилкомъ: что ваша мысль».

Подлинникъ, изъ архива Соликамскаго уѣзднаго суда, писанъ столбцомъ, на одномъ листѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, на оборотѣ имѣетъ надписи: Господамъ Федору Петровичю да Науму Романовичю; тамъ же помѣта: 117 декабря въ 15 день привезъ Усоля Вычегодскаго посадскій человекъ Шумило Михайловъ.

Получивши отписку изъ Вычегодска воевода Пермскій Акинѣевъ и староста Наумъ Романовъ читали ее „во всеѣмъ народѣ“, что видно изъ ниже-приведенной отписки ихъ въ Соль - Вычегодскъ, въ которой написано, что „всеѣ православные крестьяне Пермскія земли рады за государя царя и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи стоять и умереть“ и „съ Устюжаны, Вычегжаны и Вологжаны согласно единомышленно стоять“. Наконецъ, этой же отпиской вычегжане увѣдомлялись, что пермскіе ратные люди собираются, а когда соберутся, то будутъ отправлены въ Москву на помощь къ царю Василію Ивановичу Шуйскому. (Акт. ист. т. II, № 105).

Въ семъ году строителемъ Вознесенскаго Соликамскаго монастыря былъ Авраамій съ 1608—1613 г. (См. іерарх. и вост. мон. рос. Ц. П. Строевъ 1877 г.)

1609 годъ.

10 января 1609 года Акинѣевъ послалъ въ Усолъе старостѣ Елисееву наказную память, въ которой проситъ его о скорѣйшемъ сборѣ ратныхъ людей и отправкѣ ихъ изъ Усоля на помощь къ государю; но такъ какъ въ

усольцевъ не оказалось въ наличности денегъ для содержанія ратниковъ, то имъ было позволено отъ государя взять въ займы, изъ его государственной казны изъ кабацкихъ денегъ 100 рублей, коихъ тоже не достало; а потому усольцы вновь хлопотали о дозволеніи взять еще 60 рублей, кои были собраны съ нихъ на ратниковъ въ 1608 году, но не препровождены въ государственную казну, а задержаны въ Перми воеводой Акинеовымъ,—что и было дозволено.

Староста Елисеевъ отвѣчалъ, что ратники отправлены 11 января, но 12 ч. двое изъ нихъ, назадъ возвратясь заявили, что крестьяне села Вильвы не только не дали подводъ, но даже намѣрены были избить ихъ ослопьемъ. По разслѣдованіи оказалось, что подводы были употреблены на другую надобность. Однакожъ, когда онѣ освободились, то ратники были отправлены изъ Вильвы на Уролку, нинѣ село Чердынскаго уѣзда. (Акт. истор., т. II, № № 133 и 135).

Примѣчаніе. Приведемъ наказную память Акинеова и отвѣтъ Елисеева. «Лѣта 7117 году, генваря въ 10 день, по государеву царю и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи указу, память Усоля Камского старостѣ Василью Елисееву съ товарищи. Въ нынѣшнемъ, во 117 году, генваря въ 1 день, вѣдомо вамъ усольцомъ учинилось, что литовскіе люди, ставаясь съ воры, хотятъ государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи вотчину заупошнить, и церкви Божіи и православную христіанскую вѣру разорити, и государевыхъ служивыхъ людей всѣхъ побити, и всѣхъ православныхъ хрестіанъ въ свою богомерскую въ латинскую вѣру привести; и вы, усольцы, всѣ православные хрестіане, помня Бога и Пречистую Богородицу и государеве крестное цѣлованіе, собрали съ своей усольскія земли ратныхъ людей, со всѣмъ ратнымъ оружіемъ; а что вамъ тѣмъ ратнымъ людямъ дати найму, и у васъ въ сборѣ столько денегъ не было, и вы о томъ были челомъ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи, чтобъ васъ государь пожаловалъ, велѣлъ вамъ, до тѣхъ мѣстъ, какъ вы съ міру сберете, дати взаймы, для тѣхъ ратныхъ людей, изъ своей государственной казны: и вамъ по государеву указу, изъ государевы казны дано взаймы, Усоля Камского изъ кабацкихъ денегъ, сто рублей, и вамъ еще тѣхъ денегъ, ратнымъ людямъ на отпускъ, мало; и вы нынѣ, генваря въ 10 день, прислали ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи, въ Чердынѣ, челобитчина Усоля Камского посадцкого человѣка Степана Холку, чтобъ васъ государь пожаловалъ, велѣлъ еще изъ своей государственной казны дати взаймы тѣ деньги, что на васъ на усольцахъ, по государевѣ грамотѣ, взяты были за ратные-жъ люди, въ прошломъ во 116 году, шестьдесятъ рублей, а ко государю тѣ деньги, къ Москвѣ, не посланы. И государь царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи васъ усольцовъ, для вашего радѣнія, что вы Усоля Камского всѣ православные хрестіане Бога и Пречистую Богородицу и государево крестное цѣлованіе помните, и государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи служите и правите, и его государевымъ ратнымъ дѣломъ промышляете, пожаловалъ, велѣлъ вамъ тѣ деньги шестьдесятъ рублей, изъ своей государственной казны взаймы, для поспѣшенія ратныхъ людей, дати; и тѣ деньги шестьдесятъ рублей къ вамъ усольцомъ посланы съ вашими усольцомъ Степаномъ съ Холкою, и отписъ ваша у него, въ тѣхъ государевыхъ деньгахъ, за вашими руками, въ государеву казну взята. И какъ къ вамъ, вашъ усольць съ тѣми съ государевыми деньгами прїѣдетъ, и вы-бъ тотчасъ ратныхъ людей ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи, на помощь, отпустили тотчасъ; а отпустя ратныхъ людей, тѣ государевы деньги сто шестьдесятъ рублей на міру собрали тотчасъ и прислали въ государеву казну, къ Осодору да къ Науку, съ

кѣмъ будетъ пригоше; а жили-бъ есте отъ воровскихъ людей съ великимъ береженьемъ, какъ вамъ Богъ вразумитъ». — Къ сей памяти Федоръ Петровичъ Акинѣевъ печать приложилъ.

Современный списокъ, изъ архива Самкамакскаго уезднаго суда, писанъ столбцами, на трехъ склеенныхъ листкахъ. Безъ скрѣпы.

«Государа царя и великаго князя Василія Ивановича всеа Русія Федору Петровичю да Науму Романовичю Камской Соли староста Васья Елисеевъ съ товарищи и всѣ земскіе люди челомъ бють. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 117 году, генваря въ 10 числѣ, писали вы, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, къ намъ, въ воеводѣ, Солѣ, съ нашими усольскимъ жильцомъ съ Степаномъ Холкою, и по челобитью по нашему послали къ намъ, для ратныхъ людей, въ додачю имъ въ насѣмъ, шестдесятъ рублевъ денегъ; и взати намъ тѣ денги у Степана Холки, и отдати ратнымъ людямъ, и отпустити ихъ отъ Соли, ко государю на помощь тотчасъ. И мы, государь Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, у Степана Холки денги взяли шестдесятъ рублевъ; а ратныхъ людей выслали мы отъ Соли прѣжь того, генваря въ 11 день; и того-же дни, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, тѣхъ-же ратныхъ людей два человекъ пришли, съ Вилвы, къ Солѣ, цѣловальникъ Симапъ Дакшинъ да Иванко Вулмчевъ, а сказали передъ нами: какъ ден они Симапъ да Иванко съ ратными людьми отъ Соли прѣѣхали на Вилву и учили у вилвинскихъ крестьянъ подводъ прошати, по подорожной, да и наказъ имъ казали, и вилвенскіе ден крестьяне, всѣ погощавъ, подводъ ратнымъ людямъ не дали и ихъ хотѣли ослопсѣмъ побити, и говорятъ: намъ ден по Федоровымъ и по Наумовымъ подорожнымъ подводъ не давати да и наказовъ никакихъ не слушати; а Володка и Фролко Южаниновъ, два брата, тѣ ден и съ оружьею на дворъ на ратныхъ приходили; да они-жъ Володка и Фролка говорили: не велѣлъ ден намъ подъ ратныхъ людей подводъ давати Иванъ Овдокимовъ сынъ Воложканиновъ. И мы, государь, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, для такого государева великаго дѣла, мы, я староста и цѣловальникъ Борисъ да Иванъ Безугладниковъ и съ дьячкомъ, отъ Соли на Вилву ѣздили, и тѣхъ вилвенскихъ крестьянъ собрали и спрашивали: для чего вы по подорожной ратнымъ людямъ подводъ не дали и наказовъ не слушаете, и кто вамъ не велѣлъ ратнымъ людямъ подводъ давати, и по чему велѣнію подводъ ратнымъ не дали, и кто вамъ велѣлъ ратныхъ людей побити? и вилвенскіе крестьяне намъ сказывали: въ томъ ден ся мы не запраемъ, подводъ ратнымъ людямъ для того не дали, что подводъ розошлись подъ Сарычемъ Шестаковымъ и подъ вторымъ Ильинимъ; а въ томъ ся они крестьяне запрають, что ден ратныхъ людей побити не хотѣли; а Иванъ де Овдокимовъ намъ того слова не говаривалъ, что ратнымъ людямъ подводъ не дати. И мы, государь, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, подъ ратныхъ людей, по подорожной, подводъ взяли и ратныхъ людей отпустили генваря въ 12 числѣ; и какъ ратныхъ людей съ Вилвы на Уролку отпустили, и крестьяне вилвенскіе Волода и Фролко Южаниновы въ томъ ся повинили: было де у насъ у всѣхъ вилвенскихъ крестьянъ, что ден было отнюдъ ратнымъ людямъ подводъ не дати; и о томъ, государь, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, тѣмъ крестьяномъ, по государеву указу, какъ имъ впередъ указъ учините? Да что, государь, былъ нѣтъ Чердынни у Соли, у государевыхъ сибирскихъ отпусковъ, въ цѣловальниковъ Василей Чинштановъ отъ Соли, не сказався, съѣхалъ и свезлъ онъ усольскія книги смѣтными, что было положено усольскихъ и чердынскихъ восемнацдѣтъ рублевъ денегъ, и онъ прошалъ списать съ нихъ списка; и онъ, Василей, списка не списалъ и книги свезлъ. Пожалуйте, государь, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, велите списать съ книгъ списокъ и книги къ намъ отслати, и впередъ у государева отпуску цѣловальнику быти.»

Подлинникъ писанъ столбцами, на двухъ склеенныхъ листкахъ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣеть на немъ надпись: Государа царя и великаго князя Василія

Юанновичъ всеа Русіи Федору Петровичю да Науму Романовичю: *тамъ-же помета*: 117 году, генваря въ 18 день, привезъ отписку уселенецъ Иванъ Безукладниковъ. — *Изъ архива Соликамскаго уезднаго суда.*

Акинѳовъ отпиской, въ Великій-Устюгъ воеводѣ Стрѣшневу, просилъ его увѣдомить: не безопасна-ли Устюжская дорога, по которой возятъ царскую казну; нѣтъ-ли какихъ либо вѣстей про ратное дѣло; что-же касается до ратниковъ, то послѣдніе отправлены по назначенію въ 8 января, — на эту отписку Стрѣшневъ отвѣчалъ; что съ отправкой царской казны слѣдуетъ остановиться, такъ какъ дороги отъ воровъ — разбойниковъ не безопасны и что наконецъ, извѣстіе про ратное дѣло уже послано. (Акт. ист., т. II, №№ 138 и 141).

Примѣчаніе. Приведемъ по этому поводу отписки. «Господину Ивану Филиповичю — Федоръ Акинѳовъ да Науму Романовъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, господине, во 117 году, генваря въ 1 день, писалъ къ намъ въ Пермь Великую, отъ Соли-Вычегодскіе, Поспѣлъ Извольской, и старосты, и цѣловальники и всѣ земскіе люди, и прислали съ государевы царевы и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи грамоты списокъ, какова государева грамота прислана отъ государя въ Галичъ; и мы, господине, съ пермскими старосты и съ цѣловальники и со всѣми земскими людьми, проса у Бога милости и у Пречистыя Богородицы, съ пермскихъ городковъ, съ которыхъ мочно, ратныхъ людей собрали, противъ прежнего государева указу, вдвое, и отпустили ко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи, на помощь, генваря въ 8 день, а съ иныхъ пермскихъ городовъ ратныхъ людей собираемъ; а какъ соберемъ, и мы нѣтъ-тогдашъ ко государю отпустимъ. А нынѣ мы, господине, для государевыхъ ратныхъ вѣстей послали къ тебѣ, на Устюгъ, пермитина посадцкого одного человѣка Иванка, Игнатьева сына, Арсеина, и тебѣ-бы, господине, съ тѣмъ пермитиною къ намъ, въ Пермь, велѣти отписать: что нынѣ государевыхъ ратныхъ вѣстей у васъ, на Устюгѣ, поновилоса, и мочно-ли намъ, изъ Перми, ко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи, его государева денежная казна и свѣтной списокъ, прошлаго 116 году, къ Москвѣ, устюжскою дорогомъ, послати? А послати съ сою отпискою пермитинъ Иванъ, генваря въ 17 день.»

Подлинный отпускъ писанъ столбцею, на листкѣ, безъ подписи и скръти. — *Изъ архива Соликамскаго уезднаго суда.*

«Господамъ Федору Петровичю да Науму Романовичю, и Перми Великіе старостамъ и цѣловальникамъ, и всѣмъ земскимъ людямъ Велико-пермскаго уѣзда, Иванъ Стрѣшневъ и устюжскіе посадккіе и волостные всего Устюжскаго уѣзда земскіе судьи, и старосты, и цѣловальники, и всѣ земскіе люди челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, во 117 году, генваря въ 25 день, привезъ отъ васъ, изъ Перми Великіе, отписку вашъ пермитинъ Иванъ Игнатьевъ, а въ отпискѣ вашей писано: нынѣшняго ден 117 году, генваря въ 1 день, писали къ вамъ, въ Пермь Великую, отъ Соли-Вычегодскіе Поспѣлъ Извольской, и старосты, и цѣловальники, и всѣ земскіе люди, и прислали къ вамъ съ государевы царевы и великого князя Василь Ивановича всеа Русіи грамоты списокъ, какова государева грамота прислана отъ государя въ Галичъ; и вы ден, съ пермскими старосты, и цѣловальники и со всѣми земскими людьми, проса у Бога милости и у Пречистыя Богородицы съ пермскихъ городковъ, съ которыхъ мочно, ратныхъ людей собрали, противъ прежнего государева указу, вдвое, и отпустили ко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи, на помощь, генваря въ 8 день; а съ иныхъ пермскихъ городовъ ратныхъ людей собираете, а какъ соберете, и мы тогдашъ ко государю отпустите. Да писали вы о томъ къ намъ, что у насъ, на Устюгѣ, какихъ нынѣ государевыхъ ратныхъ вѣстей поновитца, и намъ-бы къ вамъ о томъ о всемъ отписать. Да и о томъ вы писали, мочно-ли намъ, изъ Перми, ко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи его государева денеж-

ная казна и смѣтной списокъ прошлаго 116 году, къ Москвѣ, Устюжскою дорогою послати? И вамъ-бы, господине, тѣмъ нѣмѣ вскорѣ не послѣдшати, государевы денежныя казны, до государева царева и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи указу, нѣмѣ не послати, потому что наша Устюжская дорога всего до Вологды чиста, а далѣ нѣмѣ ѣхати вельѣ. А что, господине, у насъ какаихъ государевыхъ ратныхъ вѣстей отгуды объявилосъ, съ Тотмы, и съ Вологды, и изъ Галеча и изъ иныхъ городовъ; и имъ съ тѣхъ ихъ со вѣхъ отписокъ списавъ списки послали къ вамъ, въ Пермь Великую, съ вашими-же посыльникомъ съ Иваномъ Игнатьевымъ. Да къ намъ же, на Устюгъ, писали отъ Соли-Вычегодскіе Поспѣль Ивольской, да Максимъ и Микита и Ондрей и Петръ Строгановы, и всѣ усольскіе посацкскіе и волостные земскіе люди; и имъ съ тое ихъ отписки списавъ списокъ послали къ вамъ-же, въ Пермь Великую, чтобы вамъ про все про то было вѣдомо наскорѣ.»

Подлинникъ, изъ архива Солжамскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ, на двухъ склепныхъ листкахъ. Бытъ сложены пакетомъ, на оборотѣ имѣтъ надписи: Господиакъ, Федору Петровичу да Науму Романовичу, и Перми Великіе старостаи, и цѣловальникомъ и всему міру; тамъ-же помета: 117 февраля, въ 4 день, привезъ Иванъ Игошевъ.

Лишь только ратники отправлены изъ Перми, Кайгорода, какъ пришло извѣстіе Акинеову, 28 января, „что-де въ черемисѣ стоятъ воры, а хотяти тѣ воры, съ черемисою соединитисъ, воевать государеву цареву и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи отчину и идти на Вятку“; а потому кайгородцы просили избавить ихъ отъ поставки подводъ—по общему дѣлу—на усольскихъ и чердынскихъ ратниковъ. Независимо отъ сего, тѣ-же кайгородцы просили, чтобы имъ, для безопасности, прислана былл ратная помощь и разрѣшено взять изъ казны, для содержанія ратниковъ, 60 рублей.—Въ виду сего, ходатайство кайгородцевъ въ отношеніи денегъ, было удовлетворено; въ отношеніи поставки подводъ, сказано: „и вы то дѣлаете не гораздо, что такимъ государевымъ великимъ ратнымъ дѣломъ не радѣете—Усолье Камское ратнымъ людямъ подводъ не даете“, и наконецъ, въ просимой помощи отказано, такъ какъ собранные люди уже отправлены. (Акты ист., т. II, № 142).

Примечаніе. Приведемъ отписки: «Государя царя и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи приказаннымъ, Федору Петровичу да Науму Романовичу, и старостаи, и цѣловальникомъ и всей Пермской землѣ, Кайгородскаго города земскіе, судья, и староста, и цѣловальники, и всѣ земскіе людшка челомъ бьемъ. Въ нынѣшномъ, во 117 году, генваря въ 25 день, пріѣхалъ къ намъ, въ Кайгородокъ, вятчанинъ Ялушка Порошинъ сынъ Чурмыгина, а сказалъ, что де въ черемисѣ стоятъ воры, а хотяти тѣ воры, съ черемисою соединися воевать государеву цареву и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи отчину, итти на Вятку; и мы, по тѣмъ его рѣченъ, послали на Вятку скорого гонца для отвѣстія, потому что въ прежнихъ годѣхъ та черемиса въ Кайгородокъ воемъ бывала. Да въ Кайгородѣ хотяти у насъ взять усольскіе ратніе люди подводы, а изъ Чердыни только будетъ ратнымъ людямъ отпускъ на подводкахъ-же. и намъ, обѣданнымъ людшкаи, ихъ отпустить не измотчи, и вамъ-бы, Федоръ Петровичъ да Наумъ Романовичъ, насъ пожаловати, тѣхъ ратныхъ людей къ отпуску, чердынскихъ и соликамской цѣловальниковъ, къ ихъ долеи, къ намъ въ Кайгородокъ прислати, чтобы намъ до конца не погинути; да и о томъ вамъ пожаловати указъ учинити: сколько ратныхъ людей на государеву службу послати? Да въ прошломъ во 116 году, по государевѣ царевѣ и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи грамотѣ и по вашей памяти, Федоръ Петровичъ да Наумъ Романовичъ, послали мы изъ Кайгорода, за даточные ратніе люди, съ кайгородския доли, шестьдесятъ рублей денегъ съ цѣ-

ловальничкомъ съ Минулкою Клишевскимъ; и вы, Федоръ Петровичъ да Наутъ Романовичъ, у того цѣловальника у Минулки тѣ деньги шестидесятъ рублей взяли, а ко государю къ Москвѣ ихъ не послали; и вамъ-бы, Федоръ Петровичъ да Наутъ Романовичъ, насъ пожаловати, тѣ деньги шестидесятъ рублей намъ бѣднымъ людшкамъ отдать, для скорого отпуску ратникъ людей, и для бѣдности и нужи, что вскорѣ собрати не имютчи; а какъ ратникъ людей на государеву службу отпуститъ, и мы, въ то мѣсто, деньги соберемъ да къ вамъ пришлемъ тотчасъ. А будетъ пермичи, чердынцы и усольцы повезуть на Верхотурье государевыхъ сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ, и вамъ-бы, Федоръ Петровичъ да Наутъ Романовичъ, насъ пожаловати, прислати память: сколько намъ отвезти государевыхъ сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ, и плотниковъ отпустить, по счету съ чердынцы и съ усольцы».

Подлинникъ, писанъ столбцомъ, на двухъ листкахъ. Былъ свернутъ пакетонокъ, имѣетъ на немъ надпись: Государя царя и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи приказнымъ, Федору Петровичу да Науту Романовичу, и всей земли Пермской Чердынской; тамъ-же помята: 117 году, генваря въ 28 день, привезъ кайгородецъ Мешничко Кузничъ. — Изъ архива Солжикскаго уезднаго суда.

Но не смотря на увѣреніе пермичей, что ратники собраны и отправлены Устюжской дорогой, изъ Соль-Вычегодска получена въ Устюгъ отписка, въ которой сольвычегодцы жалуются на нерадѣніе пермичей къ общему дѣлу, говоря: „и по сю пору ихъ (пермичей) ратные люди мимо насъ не прохаживали ни одинъ человекъ“. При этомъ тѣ-же сольвычегодцы высказали, что къ нимъ изъ Великой Перми пріѣхалъ человекъ Строганова Шумилко Швець, который сказалъ: „въ Перми ратныхъ людей не нанято ни одного человека“. (Акт. ист. т., II, № 143).

Примечаніе. Приведемъ отписку: «Господину Ивану Филиповичу и Устюга Великаго посадничъ и уѣзднымъ старостамъ, и цѣловальничомъ и всякимъ жильцкимъ людямъ, Посолъ Извольской, и Максимъ, и Никита, и Андрей и Петръ Строгановы, и посадкѣ и волостные старосты, и цѣловальники, и всякіе жильцкіе люди, человекъ быть. Въ нынѣшнемъ, господине, во 117 году, декабря въ 4 день, писали мы, отъ Соли, въ Пермь Великую, съ нашимъ россылщикомъ съ Шумилкомъ Михайловымъ, о государевѣ царевѣ и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи о ратномъ дѣлѣ и послали къ нимъ списки со всякъ грамотъ, каковы ты, господине, къ намъ къ Солѣ присылали, чтобъ они съ нами вмѣстѣ за одинъ стояли противъ богоотступниковъ и государевыхъ вѣстникововъ, противъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ, и чтобъ имъ въ Перми Великой тотчасъ собрати ратныхъ людей съ боевымъ оружіемъ и послати государю на помощь, вверхъ по Сухоѣ, съ нашими съ усольскими и съ вашими съ устюжскими и съ тотемскими и иныхъ городовъ съ ратными людьми, въ соудъ, въ Вологдѣ. А въ другой рядъ мы къ нимъ-же писали въ Пермь Великую, съ ихъ пермскимъ суднымъ цѣловальничомъ съ Семеновъ Серебренниковымъ, о томъ-же о ратномъ дѣлѣ, декабря въ 26 день; а въ третье мы къ нимъ писали, генваря въ 20 день, Соли-Вычегодскіе съ посадкичомъ человекомъ съ Олешкою Лукинымъ, что они, по то число, ратныхъ людей ко государю на помощь не посылавали; да и по сю пору ихъ ратные люди мимо насъ не прохаживали, ни одинъ человекъ, и государевымъ ратнымъ дѣломъ не радѣютъ и не промышляютъ, и съ нами, съ усольцы, о томъ государевѣ о ратномъ дѣлѣ не совѣтуютъ, и то государево великое дѣло ставятъ въ оплошку. И нынѣ, господине, изъ Перми писали Федоръ Овсянковъ да Наутъ Романовъ къ тебѣ, на Устюгъ Великій, мимо насъ, съ пермичномъ съ Ивановомъ, что они съ пермскими старосты, и цѣловальники и со всеми замскими людьми, съ пермскихъ городковъ, съ которыхъ мочно, собрали ратныхъ людей и послали ко государю на домоудъ генваря въ 8 день; а изъ Перми, господине, изъ Великіе пріѣхалъ къ намъ къ Солѣ, нынѣ, генваря, въ 26 день,

Никитиныхъ человекъ Строганова Шумило Швець и отъ намъ сказать, что въ Пермь ратныхъ людей не нанято ни одного человека, а пишутъ они, пермячи, къ намъ и къ вамъ на Устюгъ ложно, словомъ, а не дѣломъ, все ставятъ въ откладку, чтобъ имъ ратныхъ людей не послати, и людей посылають съ грамотками для вѣстей, чтобы имъ за другомъ пробыти. Да и съ Вятки, господине, ратныхъ людей ко государю не посылавали-же.—И тебѣ-бы, господине, съ Устюга Великого, въ Пермь Великую, о государевѣ о ратномъ дѣлѣ и о людѣхъ отписать, съ посмищникомъ съ Иваномъ Пермитиномъ; да и на Вятку-бъ, господине, отписать-же чтобъ они такого государева великого дѣла въ оплошку себѣ не ставили, послали-бъ ратныхъ людей ко государю на помощь тотчасъ. Да писали мы, господине, грамотку на Вологду, къ ратному головѣ къ усольскому къ Василью Дебришеву, о ратныхъ людѣхъ, и тою грамотку къ тебѣ послали Соли-вычегодскіе съ посадскимъ человекомъ съ Логанкомъ Горбуновымъ; и тебѣ-бы, господине, тою грамотку, досмотри и запечатавъ, пожалевати послати на Вологду, къ Василью Дебришеву, съѣздомъ, кто наборѣ поѣдетъ, не задержати. Да сказываютъ, господине, намъ у Соли, что-де къ тебѣ на Устюгъ пришла государева грамота съ Москвы, а изъ Нижнего Новгорода черезъ Югъ грамотки; и тебѣ-бы, господине, велѣти съ нихъ списати списки и прислати къ намъ, къ Солѣ, тотчасъ, чтобъ и намъ было вѣдомо.»

Современный список писанъ столбцомъ, на трехъ елмствъ склеенныхъ листкахъ. На оборотъ по склейкѣ: Къ сему списку Пронка Муромцовъ руку приложилъ.—Изъ архива Соликамскаго уезднаго суда.

26 января 1609 г. получено въ Пермь изъ Вятки отписка нижегородцевъ, въ которой сообщалось о поражении воеводою Алябьевымъ мятежниковъ балаховскихъ, арзамасскихъ, и алатырскихъ; о раскаяніи шуяпъ, востромичей, галичанъ и вологжанъ; о побѣдѣ царскихъ войскъ надъ измѣнниками подъ Москвою; объ усердіи къ государю арзамасцевъ, муромцевъ, владимирцевъ и судальцевъ; объ истребленіи въ Ярославлѣ девяти ротъ пана Лисовскаго и о немедленномъ походѣ пермскихъ ратныхъ людей къ Москвѣ.— (Акт. арх. эксп., т. II, № 104).

Примечаніе. Приведемъ отписку: «Господамъ нашимъ, въ Пермь Великую, архимандритомъ и игуменомъ, и протопопомъ, и привазнымъ людямъ, и попомъ и дьякономъ, и гостемъ, и торговнымъ посадскимъ и уѣзднымъ всякимъ людямъ: Нижнего Новгорода власти и воеводы, князь Александръ Решинъ, Ондрей Алябевъ, дѣакъ Василей Семеновъ, и князи, и дворяна, и дѣти боярскіе, и мюшеницы, литва и нѣщи, и всякіе служилые люди, и гости, и земскіе старосты и цѣловальники, и посадскіе всякіе люди, человекъ быть. Въ нынѣшнемъ, во 117 году, декабря въ 1 день, пришелъ изъ Казани въ Нижней, отъ боярина и отъ воеводъ отъ Федора Ивановича Шереметева съ товарищи, головы Ондрей Миклуши, Богданъ Износковъ, съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ литвою и съ нѣщи; и декабря въ 2 день приходили къ Нижнему съ Волахин воры, собрався со многими людьми, и мы, прося у Бога милости, приговорили итти нѣ Ондрею Алябеву, съ дворяны, и съ головы, и съ дѣтми боярскими, и съ литвою, и съ нѣщи, и съ стрѣльцы, и съ вольными съ охочими новоприфорными казаки, и съ посадскими людьми, на воровъ: ходили къ Балахиѣ, и Вожею милостію, Пречистия Богонатере и Московскихъ чудотворцовъ помощію, и государевымъ счастьемъ, на заставѣ, Троицкія вотчины Сергіева монастыря въ деревнѣ Копасовѣ да въ Козинѣ, воровъ побили и нарядъ и языкъ многіе поймали, и подъ Волахною воровъ побили же, и Волахонского воеводу Степана Голеннищева и дутчихъ болахонцовъ посадскихъ людей привели въ Нижней; а которые воры ко кресту приводили, атамана Тимоху Таскаева, да дѣтей боярскихъ судальцовъ, Елварья Редрикова, Семена Долгово, Луку Синева, Ивана Гряденцова съ товарищи, пойманы привели въ Нижней; а болахонцы посадскіе

люди и Вологодскаго уѣзда всё крестьяне государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи свои дары принесли и ему государю добили челоуъ и крестъ цѣловали. Да декабря-же, господине, въ 5 день, приходили къ Нижнему воровскіе люди, нижегородцы, и арзамасцы, и алатырцы, дѣти боярскіе, и татарова, и черемиса, и мордва, бортиники и всякіе подданные люди: и Божією милостію, и Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцовъ помощію, и государевымъ царевымъ и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи счастьею, на вылазкѣ ны, съ дворяны, и съ головами, и съ дѣти боярскими, и съ литвою, и съ нѣмцы, и стрѣльцы, и съ нижегородцы, и со всякими служилыми людьми, воровъ на голову побили и воеводѣ воровскихъ и языкъ примали, болши трехъ сотъ челоуѣвъ; а побили и потоптали воровскихъ людей воевода Ондрей Олябевъ съ ратными людьми на пятнадцать верстахъ и болши, а знамя и набаты примали; а ушло тѣхъ воровскихъ людей немного вронь, потому что стада ночная пора, и воевода Ондрей съ дѣла и государевы всякіе люди пришли въ Нижней далъ Богъ здорово. Да декабря въ 9 день приговорили ны итти мѣ-жъ, Ондрею Олябеву, съ головами писанными, и съ стрѣльцами, и съ казаками, и съ дворяны и съ дѣти боярскими, и съ литвою, и съ нѣмцы, и съ стрѣльцы, и съ волными съ охочими новоприборными казаки, и съ посадскими и со всякими людьми, въ Нижегородской уѣздѣ, на государевыхъ извѣнниковъ и воровъ: сошли въ собранье въ селѣ на Ворсиѣ, отъ Нижняго за сорокъ верстъ, и воры встрѣтили на двѣ дороги, за пять верстъ отъ Ворсы; и милосердый Богъ мѣ Ондрею и государевымъ людямъ надѣ воры помочи подалъ, и воровъ побили, и языки многие примали, и топтали и любывали до села Ворсы, и побивъ въ селѣ стали и выграбивъ зажгли, а зажгли пошли съ село Павлово; и къ Павлову пришли воры, на двѣ дороги, многими полки, и Божією милостію и Пречистыя Богородицы и государевымъ счастьею, а же Ондрей съ ратными людьми воровъ побили на голову и языкъ многихъ и знамя примали, а достальные воры разбѣжались вронь. И села Павлова и Вѣлавина и Матюшевскія волости бортиники, и иныхъ государевыхъ дворцовыхъ селъ и деревень, и помѣстныхъ, и вотчинныхъ, и монастырскихъ, и Муромскаго уѣзда стародубцы и гороховляны, и села Везниковъ и Сармева, и Шуя городъ и уѣздъ, и старосты и цѣловальники и всё крестьяны, государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи добили челоуъ, вины свои принесли и крестъ ему государю цѣловали. Да декабря въ 10 день писали изъ Луху, съ луховитиномъ омыномъ боярскимъ съ Ивановъ Босовымъ, дворяны и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди, что они государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи добили челоуъ, и вины свои принесли, и крестъ цѣловали; а воровъ, въ Луху, пана Васю Арамскаго съ товарищи перенимали и прислали въ Нижней. Да декабря въ 12 день писали съ Костромѣ, съ костромитиномъ съ Одрейномъ Ярцовымъ да съ посадскимъ челоуѣкомъ съ Богданомъ Салтамышевымъ, власти, и князи, и дворяны, и дѣти боярскіе, и приказные люди, и гости, и торговые и всё посадскіе люди, что они государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи добили челоуъ, вины свои принесли и крестъ ему государю цѣловали; а которые были присланы къ Костромѣ, отъ вора, князь Дмитрей Мосалской и литовскіе люди, и они дей тѣхъ воровъ перенимавъ ихъ покидали въ тюрьму; да съ нами-жъ въ одномъ совѣтѣ, ко государю обратились и крестъ ему государю цѣловали, Галичъ съ пригороды, Пошехонье, Романовъ, Угличъ, Вологда и всё покорскіе города; и стоятъ тѣ всё люди въ собрань, костромичи, и галиченя, и вологженя, на Костромѣ, оберегаютъ своихъ мѣстъ, а ждутъ помочи изъ Нижнего ратныхъ людей; а какъ изъ Нижнего къ нимъ ратные прибывые люди придуть, и они, прося у Бога милости, тотчасъ хотять итти на воровскихъ людей, раздѣлать на три полки; а изъ великаго деи Новгорода пришелъ въ Кашинъ бояринъ князь Михайло Васильевичъ Шуйской, съ Неугородскою и со Исковскою силою и съ всякими нѣмцы со многими людьми, и литовскихъ людей, которые были въ Кашинѣ, любили. Да Одрей же Ярцовъ да торговой челоуѣкъ Богданъ Салтамышевъ въ роспросѣ намъ

сказали, что въ Ярославѣ литовскіе люди которые были, ротмистръ, а съ нимъ сто человекъ литвы, и посадскіе люди ихъ перенимали и въ тѣрку поклали; а съ Костромѣ посланы къ нимъ въ Ярославль, съ дворяни и съ дѣтми боярскими, головы Василей Овцынъ да Олеерей Зюзинъ; а какъ же они ѣхали въ Нижней и изъ Юрска ден пошелъ въ Шую Федоръ Красной, со многими людьми, да съ нимъ имъ послали приказъ Нижегородскихъ стрѣльцовъ. А выходы и язки въ роспрое и съ пытокъ говорить: подъ Тронцею воровъ побили на голову, а взяли нарядъ весь, одиннадцать пушекъ, да триста человекъ языкъ литвы, а достальные люди немногіе ушли въ воровскіе полки; а подъ Москово ден воровъ побили на голову и нарядъ взяли, а ушли немногіе люди и стоять на Вяземѣ, а хотять ѡбъять, что имъ сканывають про боярина и воеводъ про Федора Ивановича Шереметева съ товарищи приходъ къ Москвѣ со многими ратными людьми вскорѣ; а въ Арзамасѣ ден, и въ Муромѣ, и въ Володимирѣ, и въ Суздаля, и въ иныхъ городѣхъ, всякіе люди хотять государю добыть челоу и крестъ цѣловать, а ждуть боярина и воеводъ Федора Ивановича Шереметева съ товарищи приходу. Да декабря въ 13 день пріѣхалъ галичанинъ посадской челоуѣкъ Федка Кусмынинъ и сказалъ, что галичанинъ, князи, и дворяни, и дѣти боярскіе, посадскіе и торговые люди и уѣздные крестьяни, государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи добыли челоу, вины свои принесли и крестъ цѣловали. Да декабря въ 21 день писали къ намъ изъ Шуй, чарочникъ Федоръ Красной, и выходы въ роспрое сказывали: пришелъ ден въ Ярославль изъ воровскихъ полковъ намъ Лисовской, а съ нимъ литвы девять ротъ, оберегать города Ярославля посаду и уѣзда, и ярославци ден посадскіе люди томъ литву поставили въ Ярославль на посадѣ въ розныхъ дворѣхъ и дали имъ кормъ ѣсти и пити много, да подали вѣсть государевымъ людямъ костромичомъ и галичанимъ и инымъ городомъ, и государевымъ ден ратные люди пришедъ въ Ярославль съ ярославци посадскими людьми литву вѣсть на голову врозь по дворомъ пѣльныхъ спичихъ побили; а хотять ден государевымъ ратные люди съ своимъ собраньемъ изъ воровъ, къ Суздалю, и къ Володимирю, и къ Москвѣ, итти вскорѣ. Да въ инѣйшемъ, господине, во 117 году, декабря въ 25 день, писано отъ государя царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи, къ еге государевѣ грамотѣ, за приписью дьяка Григорья Елизарова, къ намъ въ Нижней Новгородѣ, съ Корнилкоу да съ Одринскоу Семеновичи, а по своей государевѣ грамотѣ велѣлъ намъ государь тотчасъ отписать къ намъ въ Пермь, и на Вятку, и въ Казань, о ратныхъ людяхъ и о Московскомъ государствѣ, что Московское государство стоитъ за государемъ царемъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи о всемъ здорово безо всякия шатости.—И намъ бы, господине, по государевѣ грамотѣ, велѣти въ Пермь собрати ратныхъ людей многихъ и велѣти-бы, господине, изъ Пермь ратнымъ людямъ итти на государеву службу къ Москвѣ тотчасъ, не замочтавъ; а въ Казань по государевымъ бояромъ и къ воеводамъ и на Вятку къ приказнымъ людямъ, по государевѣ грамотѣ, о томъ имъ писали жъ.»

Подлинникъ, хранящійся въ архивѣ Сомкамскаго уезднаго суда, писанъ столбцомъ на 9 листкахъ, безъ скрутки по склейкамъ. Былъ сложенъ пакетомъ и запечатанъ, имѣтъ на оборотѣ первая надпись: Господиѣмъ вашимъ, въ Пермь, архимандритомъ и игуменомъ, и протопопомъ, и приказнымъ людямъ, и пономъ, и діакономъ, и гостемъ, и торговымъ посадскимъ и уѣзнымъ всякимъ людямъ.—117 гевара въ 31 день привезъ вятской пушкарь Степанко Толмачевъ.

На приведенную отписку, пермичи по прежнему отвѣчали—, о готовности всей пермской земли, служить государю и что они тое грамоту въ Пермь Великой во всемъ мирѣ чли, и прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы о государевѣ царевѣ и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи многолѣтнемъ здравіи, ратныхъ людей съ Пермь Великія, на богоотступни-

ковъ, на государевыхъ измѣнниковъ, на воровъ и на литовскихъ людей, собираемъ многихъ, противъ прежняго государева царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи указу вдвое" (Тамъ же, № 105) и, что „съ которыхъ съ пермскихъ городковъ ратныхъ людей собрали напередъ сего, и мы тѣхъ отпустили къ государю царю и великому князю Василью Ивановичу, на помощь, Устюжскою дорогою, генваря въ 8 день, а съ иныхъ пермскихъ городковъ ратныхъ людей собираемъ, а какъ соберемъ и мы тотчасъ ко государю отпустимъ..... А что, господа, у васъ впередъ о государевѣ о ратномъ дѣлѣ вѣстей будетъ, и вамъ-бы и къ намъ отписали. Да и о государевыхъ о сибирскихъ запасѣхъ вамъ порадыти, отпустити съ нами съ пермичами; а у насъ въ Перми государевъ сибирской запасъ изготовленъ". (Тамъ же, т. II, № 149).

Въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ прислана царская грамота въ Великую Пермь о сборѣ ратныхъ людей по прежнимъ наказамъ и объ отпускѣ ихъ въ Вологду. (Тамъ же, № 106).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, Федору Петровичу Окинеову да подьячеху Науму Романову. Вѣдомо намъ учинилось, что вы за православную вѣру стоите, и какъ во всемъ радѣете, и прямите, и надъ воровскими людьми промышляете; а мы васъ за то покажемъ своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ. И какъ къ вамъ съ наша грамота придетъ, и вы-бъ тотчасъ, собравъ ратныхъ людей, по прежнимъ нашимъ наказамъ, и подожныа-бъ имъ деньги, отпустили-бъ есте на Вологду, къ Микитѣ Михайловичу Пункину да къ дьяку къ Романину Воронову; и изъ тѣхъ ратныхъ людей выбрали-бъ есте лучшихъ людей въ головы, кому съ тѣми ратными людьми итти на нашу службу, для береженья, чтобъ тѣ ратные люди дорогою не воровали и не грабили и насильства никоторого не чинили; а велѣли-бъ есте идти жтти на Устюгъ да за Вологду, куды бы имъ мочно пройтись, а на Вологдѣ о томъ нашъ указъ послать; да и впередъ бы есте намъ также радѣли, и прямили, и надъ воровскими людьми промышляли. А мы, Возшею милостію и Пречистия Богородицы молитвами и великихъ Московскихъ Чудотворцовъ, на Московскомъ государствѣ, и наши бояре, и околичіе, и воеводы, и стольники, и стряпчие, и всякіе ратные люди, и гости, и лучшіе торговые и всякіе люди, по сѣ нашу грамоту, даждь Богъ о всемъ здорово и противъ нашихъ измѣнниковъ, воровскихъ людей, всѣ единомысленно за чудотворный образъ Пресвѣтлыя Богородицы, и за святныя церкви, и за православную вѣру крестьянскую, стоять безстрашно.» Писалъ на Москвѣ, лѣта 7117, февраля въ день.

Подлинникъ, находящійся въ бумагахъ Соликамскаго уезднаго архива, писанъ на листкѣ, столбцомъ, и былъ запечатанъ пакетою, печать на оборотѣ надписъ: Въ Пермь Великую Федору Петровичу Окинеову да подьячеху Науму Романову.— 117 апрѣля въ 11 день, привезъ государеву грамоту Усолья Камского цѣловальникъ Симео Докшинъ.

По сборѣ и выборѣ ратниковъ, послѣдніе присягнули и дали крестоцѣловальную запись.

Примѣчаніе. Приведемъ крестоцѣловальную запись: «Цѣлую крестъ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи и государыни царниці и великой княгини Марья Петровнѣ всеа Русіи на томъ, что въ нынѣшнемъ во 117 г. выбрали меня въ ратные люди государевыя царицы и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи пермскіе приказные люди, Федоръ Петровичъ Акинеовъ да Наумъ Романовъ, и старосты и цѣловальники и всея земли: итти имѣ (има рекъ) ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи на помощь, противъ его государевыхъ недруговъ, и за государя

царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи, и за государыню царицу и великую княгиню Марію Петровну всеа Русіи, и за православную христианскую вѣру, съ его государевы недруги битися до смерти, и изъ государевыхъ царевыхъ и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи полковъ въ веровскіе, въ литовскіе и въ русскіе полки не отъѣхати, и будучи въ государевыхъ полкѣхъ, никакому измѣню не имѣнати и во всемъ имѣ—государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи и государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Петровнѣ всеа Русіи—добра хотѣти и къ тѣмъ людямъ, которые, забывъ государево крестное цѣлованіе, государю и государынѣ учинуть имѣнати, не приставати и съ ними о такомъ зломъ дѣлѣ не думати; а въ комъ увижу такое злое дѣло, кто учинетъ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи и государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Петровнѣ всеа Русіи, будучи въ полкѣхъ, имѣнати, и имѣ, имярекъ, съ такимъ человекомъ битися до смерти. А идти имѣ ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи на помощь на Устюгъ, а съ Устюга Великаго гдѣ сѣддаютъ государевыхъ царевыхъ и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи людей въ сборѣ. На томъ я государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи и государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Петровнѣ всеа Русіи крестъ цѣлую.»

Независимо отъ сего, вслѣдствіе царскаго указа, послѣдовала челобитная пермскихъ приказныхъ людей о единодушномъ усердіи всей Пермской земли государю и о посылкѣ ему войска на помощь.

Примчаніе. Приведемъ этотъ весьма интересный документъ: Лѣта 7117, марта въ 1 день, по государеву цареву и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи указу, память чердынскому посадскому человеку Третьяку Михайлову. Въ нынѣшнемъ во 117 году, генваря въ 1 день, писали въ Пермь Великую, ко государевымъ царевымъ и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи приказнымъ людямъ къ Федору Петровичу Окняеву да къ Науму Романову, Устюга Великаго и Соли-Вычегодскія государевы приказные люди, и земскіе старосты и цѣловальники, посадскіе и волостные крестьяне, прислали списокъ съ памяти, что въ нимъ писали Соли-Галицкія государевы приказные люди и вся Галицкая земля, что литовскіе люди хотятъ государя царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи вотчину запустошити, и истинную христианскую вѣру разорити, и государевыхъ царевыхъ и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи служивыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и торговыхъ лутчихъ и всякихъ людей, прельсти своимъ вражьимъ злымъ умысломъ побити, и церкви Божіи разорити, и всего Московскаго государства всѣхъ православныхъ крестьянъ себѣ не работити и въ своемъ богомерзку въ Латинскую вѣру привести: и государевы царевы и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи пермскіе приказные люди, Федоръ Петровичъ да Наумъ Романовъ, съ земскими людьми, съ старостами и съ цѣловальниками и со всѣми крестьянскими народомъ, прося у Бога милости, и у Пречистна Богородицы, и у великихъ Московскихъ Чудотворцовъ у Петра и Алексея и Ионы, и у всѣхъ святыхъ, собрали съ Пермскія земли ратныхъ людей, противъ чужаго государя царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи указу вдвое, съ Усоля Камскаго и съ Байгородска сорокъ человекъ, съ Чердыни шестдесятъ человекъ, со всѣми ратнымъ оружіемъ, и тѣхъ чердынскихъ ратныхъ людей со всѣми ратнымъ оружіемъ, приведши къ крестному цѣлованію, ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи на помощь отпустили съ нимъ съ Третьякомъ. И чердынскому посадскому человеку Третьяку идти съ тѣми ратными людьми ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи на помощь на вѣшка, днемъ и ночью, на Соли-Вычегодскую, а отъ Соли-Вычегодскія на Устюгъ Великій, а съ Устюга Великаго—гдѣ сѣддаютъ государевыхъ царевыхъ и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи полки; а прїѣхавъ ему въ полки и сѣвѣся съ Усольскимъ и съ

Кайгородскихъ ратныхъ людей головами, отдать тѣхъ ратныхъ людей чердынскихъ государевымъ воеводамъ и о томъ у воеводъ явити въ Пермь Великую къ Федору Петровичу и къ Науму и ко всей земли отписка, да та отписка сослать ему въ Пермь съ кѣмъ будетъ пригоже, а самому ему безъ отписку не съѣхать. А идучи ему дорогою надъ ратными людьми смотрити и баречи накрѣпиво, чтобъ чердынскіе ратные люди, идучи дорогою, не воровали, государевыхъ людей по селомъ и по деревнямъ не грабили, и кормовъ безденежно не инали, и между собою зернью не играли и не бражничали; а будетъ чердынскіе ратные люди, и идучи, дороготоу, заворуютъ, учнутъ по селомъ и по деревнямъ и по дорогамъ людей грабить, и тѣ люди учнутъ на нихъ въ своихъ обидѣхъ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи бити челомъ, и тотъ весь грабежъ велитъ государь доправити на немъ Третьякъ и на тѣхъ ратныхъ людѣхъ адвое, да ему-же Третьяку за то быти отъ государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи въ опалѣ; а которой ратной человекъ, дороготоу идучи, заворуетъ, и Третьяку Михайлову съ десятскими того человека смирати, смотря по его вивѣ. А кто именемъ ратныхъ людей съ кимъ послано и тому данъ ему Третьяку роспись, Чердынскихъ старостъ Стенана Клементьева да Лукояна Гаврилова за руки; а что со всего Перискаго уѣзду Федору и Науму ратныхъ людей сберуть и тѣхъ людей ко государю тотчасъ за ними отпустить.»

19-го марта получена отписка устюжанъ о посылкѣ къ нимъ отписки князя Василья Ивановича Шуйскаго и государевыхъ грамотъ, которыя были читаны въ народѣ о сборѣ ратныхъ людей на государеву службу и о посылкѣ оныхъ или на Вологду или куда укажутъ.

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Господиу Федору Петровичу, Иванъ Стрѣшневъ и Устюга Великого посадкѣ и волостные всего Устюжского уѣзда приговорные люди, и земскіе судьи, и старосты и цѣловальники, и всея землецкіе люди, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, господине, во 117 году, марта въ 14 день, прислали къ намъ на Устюгъ, съ Вологды, Микита Пушкитъ съ товарищи, съ нашими росмысликомъ грамоту, писана изъ Великого Новгорода отъ государева боярина и воеводи отъ князя Михайла Васильевича Шуйскаго, къ вамъ, въ Пермь Великую, о государевыхъ сибирскихъ хлѣбныхъ запасѣхъ: и мы тою грамоту, запечатавъ въ сеѣ отписку, послали къ тебѣ. Да марта-же въ 16 день пришли къ намъ на Устюгъ, съ Москвы, наши устюжскіе ходоки Тихоню Микифоровъ съ товарищи, а принесли къ намъ на Устюгъ, ко мнѣ Ивану, государеву грамоту, а другую къ устюжаномъ къ посадскимъ и къ волостнымъ людемъ; да съ ними-же присланы государевы грамоты ко мнѣ, а писаны отъ государя по городамъ, къ вамъ въ Пермь Великую—одна къ тебѣ Федору, а другая къ посадскимъ людемъ, а иные государевы грамоты къ Вяткѣ, и къ Солѣ-Вычегодской, и на Тотму, и на Вагу, и на Двину, къ приказнымъ людемъ и къ міру, а велѣло тѣ государевы грамоты мнѣ Ивану рослати по городамъ, куды которыя писаны, да и отъ себя мнѣ Ивану и устюжаномъ велѣно писати къ вамъ и во всея города е государевѣ ратномъ и земскомъ дѣлѣ. И мы тѣ государевы грамоты послали къ вамъ въ Пермь, съ вашинъ пермятникомъ съ Шестакомъ, и въ иные города съ посмыслики росслали и отъ себя къ нимъ писали, чтобъ они приказные люди и всекіе землецкіе люди, помня Бога и души свои, на чемъ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи души свои дали, государевымъ и земскимъ дѣломъ промышляли съ великимъ радѣньемъ, по тѣмъ государевымъ грамотамъ, какъ къ нимъ отъ государя писано, такъ-бы и дѣлали, и ратныхъ людей собирая ко государю на службу посылали, на Вологду, или въ иной городъ, смотря по дѣлу и по вѣстемъ. И тебѣ-бы, господине, и всѣмъ пермячемъ, помня Бога и свои души, на чемъ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи души свои дали, ему государю служба своя показати, какъ къ вамъ отъ государя писано, такъ-бы и дѣлати: свои хлѣба отъ воровъ оберегати и государю помощь учинити, ратныхъ людей тотчасъ собирая ко государю на

помощь отпустити къ Вологдѣ, или въ иной городъ, гдѣ пригоже, по вѣстемъ; да и ко государю, къ Москвѣ, изъ о томъ писалъ, что тѣ государевы грамоты по городомъ всѣ ровослалъ и отъ себя въ тѣ во всѣ города писалъ. А тому Федоръ дивился: писали вы къ намъ, по нашимъ ссылочнымъ грамотамъ, еще въ великой насобѣ, о своихъ перискихъ ратныхъ людей, что вы въ Пермь ратныхъ людей многихъ собираете, а собравъ тотчасъ отпущаете ко государю на помощь, а походу ден быти ратныхъ къ намъ на Устюгъ, а по вѣстемъ къ Вологдѣ или гдѣ пригоже; и у насъ лише объявилось ратныхъ людей изъ Кайгородка и отъ Соли-камска; а Устюгъ прошли на населеной недѣлѣ, а изъ Чердыни отъ насъ ни одинъ человекъ не объявлялся и по сего нашу отписку, марта по 17 число, и я и то ко государю писалъ нижно.»

Подлинникъ въ бумагахъ Соликамскаго уезднаго архива; писанъ столбцомъ на 3 листкахъ. Былъ свернутъ пакетомъ, имѣеть на оборотѣ надпись: Господину Федору Петровичу.—117 году, марта въ 25 день, привесть устюжанинъ Иванко Сидельниковъ.

Въ томъ-же мартѣ мѣсяцѣ устюжане вновь повторили требованія въ Пермь о немедленномъ сборѣ ратныхъ людей.

Примчаніе. Приведемъ грамоту: «Господамъ Федору Петровичу и Перми Великия тутюшнимъ торговымъ и посадскимъ земскимъ судьямъ, и старостамъ, и цѣловальникамъ и всего Перми Великия уѣзда всякимъ жителямъ людямъ: Иванъ Стрѣшевъ и посадскіе и всего Устюжскаго уѣзда приговориме люди, и посадскіе земскіе судьи, и старосты, и цѣловальники и всякіе жителямъ люди, челомъ быють. Въ мѣщанемъ во 117 году, марта въ 25 день, писали къ намъ на Устюгъ съ Колмагоръ Иванъ Милуковъ, а къ нимъ писалъ изъ Каргополя Семенъ Шапкинъ, а къ Семену писалъ изъ Великаго Невгорода государевъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской; и мы съ тѣхъ отписокъ списавъ списокъ и послали къ вамъ въ Пермь Великую, чтобы вамъ протомъ вскорѣ было вѣдомо.—И вамъ-бы, господа, по той князя Михайла Васильевича отпискѣ, собирая ратныхъ людей вновь тотчасъ, и послати съ головами на Вологду и по вѣстемъ въ сходъ, гдѣ буде пригоже; а мы на Устюгѣ, по той отпискѣ государева боярина и воеводу князя Михайла Васильевича Шуйскаго, ратныхъ людей многихъ собираемъ, передъ прежнимъ вдвое, и отпустимъ тотчасъ съ головами къ Вологдѣ и въ сходъ, гдѣ велитъ быти государевъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской. А какъ, господине, ратныхъ людей соберете и котораго числа отпустите, и вамъ-бы о томъ отписать тотчасъ къ намъ, на Устюгъ, съ нарощнымъ концомъ; а къ Солѣ-Вычегоцкой, и на Вятку, и на Вологду, и къ Тотмѣ, мы отписали-же. А съ нашимъ-бы еста гончикомъ отписали, сколько у васъ ратныхъ людей будетъ, чтобы вѣдомо государю о томъ писати.»

Подлинная отписка и списокъ, писанные столбцомъ, находятся въ бумагахъ Соликамскаго уезднаго архива. Былъ свернутъ пакетомъ и запечатанъ, имѣють на оборотѣ надпись: Господину Федору Петровичу и старостамъ, и цѣловальникамъ и всѣмъ вейскимъ людямъ.—117 году, Апрѣля въ 4 день, привесть грамоту устюжанинъ Тренка, Григорьевъ сынъ, Шетянинъ.

На оборотѣ слѣдующія рукоприкладства:

Устюга Великаго староста Судецкой Емельяно Выломовъ руку приложилъ.

Къ сей отпискѣ Устюжской площадной подъячипко Федка Григорьевъ и въ товарища своего мѣсто руку приложилъ.

Къ сей отпискѣ Сухоного стану Иванко Кузнецовъ руку приложилъ.

Къ сей отпискѣ Судецкой дьячекъ Невзорецъ Еремеевъ руку приложилъ.

Посадкой человекъ Оброско Емельяновъ руку приложилъ.

Устюга Великаго посадной человекъ Калининъ Колячинъ руку приложилъ.

Устюга Великаго посадной человекъ Иванко Федоровъ Лукинъ руку приложилъ.

Наконецъ, 27 марта, получена отписка въ Пермь изъ Вологды съ извѣщеніемъ, что ратные люди, присланные изъ Пермь вмѣстѣ съ вологодскими, посланы на государеву службу подъ Кострому. (Тамъ же, № 180).

Примѣчаніе. Приведемъ отписку: «Господину Федору Петровичю, и Пермь Великіе и Камскіе-Соли посадцкимъ и волостнымъ старостамъ, и земскимъ цѣловальникамъ, и всякимъ жителямъ людямъ, Микитѣ Пушкинѣ, Григорей Ворондѣ, Рахманнѣ Вороновѣ, и вологжане, дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе служивые люди, и вологодскіе посадцкіе и волостные старосты и цѣловальники, и всякіе жителие люди, челомъ быть. Нынешняго 117 марта въ 21 день прислали вы къ намъ, съ выштенкомъ съ пятидесятикомъ съ Иванкомъ Григорьевымъ, внискихъ ратныхъ людей 66 человекъ, да Камскія-Соли съ цѣловальникомъ съ Самономъ Докшиннымъ Камскія-Соли ратныхъ людей 20 человекъ, да съ Кайгородскимъ десятникомъ съ Путилкою съ Кайгородка ратныхъ людей 12 человекъ, и всего прислали вы ратныхъ людей девяносто шесть человекъ; и тѣ, господине, ратные люди посланы съ Вологды, на государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи службу, въ Костромскій пригородокъ въ Лубяжъ, а велѣно имъ быть съ головою Микитомъ Волоцкимъ, съ вологжанъ и иныхъ городовъ съ ратными людьми вмѣстѣ. Да марта въ 25 день привезъ на Вологду, къ намъ, изъ Галича протопопъ Сергѣй государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи грамоту; да марта-жъ въ 26 день привезли къ намъ, съ Москвы, государевы царевы и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи двѣ грамоты, да къ вамъ въ Пермь подписаны государевы двѣ грамоты; да того-жъ дня прислали на Вологду, къ намъ, съ Вѣлазера, Федоръ Палицынъ государева боярина и воеводу князя Михайла Васильевича Шуйскаго грамоту да Свѣйскаго Короля листъ за королевскою печатью: и мы, господине, съ тѣхъ государевыхъ грамотъ, которыя присланы къ намъ, списавъ списки, и тѣ грамоты, которыя подписаны, и со княжъ Михайловы Васильевича грамоты и съ королевскаго листа списавъ списки, послали къ вамъ, Соли-Камскія съ цѣловальникомъ съ Симаномъ Докшиннымъ, подклея подъ се-жъ отписку. И вамъ бы, господине, съ тѣхъ списковъ велѣти списати списки и розслати на Вынь, и къ Соли-Камской, и въ Кайгородокъ, и во весь Пермскій уѣздъ. Да съ тѣмъ же, господине, съ цѣловальникомъ съ Симаномъ Докшиннымъ послали государевы двѣ грамоты, которыя подписаны на Вятку: и вамъ бы тѣ грамоты и нашу отписку отослати на Вятку».

Подлинникъ, изъ архива Соликамскаго уезднаго суда, писанъ на листѣ, столбцомъ. Былъ сложенъ пакетомъ, и запечатанъ, имѣтъ на оборотъ надпись: Господину Федору Петровичю, и Пермь Великіе и Соли-Камскія посадцкимъ и волостнымъ старостамъ, и цѣловальникамъ, и всякимъ жителямъ людямъ; тамъ же помята: 117 году, апрѣля въ 11 день, привезъ Усолья Камскаго цѣловальникъ Симоно Докшинъ.

6-го апрѣля изъ Пермь Великой были увѣдомлены устюжане, что „въ Пермь промышленяютъ о новомъ сборѣ ратныхъ людей“. (Тамъ-же, т. II, № 190).

Примѣчаніе. Приведемъ по этому поводу отписку: «Господамъ, Ивану Филиповичю, и старостамъ, и цѣловальникамъ, и всемъ устюжскимъ посадцкимъ и уѣзднымъ крестьяномъ, Федоръ Акинѣевъ да Наумъ Романовъ, и старосты, и цѣловальники, и всѣ земскіе посадцкіе люди и волостные крестьяне челомъ быть. Въ нынешнемъ, господа, во 117 году, апрѣля въ 4-й день, писали вы къ намъ, въ Пермь, и прислали, съ устюжаниномъ съ Тренкою Щетиннымъ, съ грамотъ списки, что писалъ съ Коломоръ на Устюгъ Иванъ Мильковъ, а на Коломоры писалъ изъ Каргополя Семенъ Шапкинъ, а къ Семену писалъ изъ Великаго Новгорода бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской, о ратныхъ людѣхъ: и мы вашу отписку и списки съ грамотъ въ Пермь Великой, во всемъ міру, по многіе дни чли, и впередъ государевымъ царевымъ и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи ратнымъ дѣломъ промышленяемъ,

сколько намъ милосердый Богъ помощи подаетъ, и ратныхъ людей собираетъ; а какъ соберемъ, и въ которые города, слыша по вѣстямъ, тѣхъ ратныхъ людей ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи на помощь пошлать, и мы о томъ къ вамъ, на Устюгъ, отпишемъ съ нарочнымъ гонцомъ. А вашего устюжанина Трейку Щетинина, съ сею отпискою, изъ Перми отпустили на подводахъ апрѣля въ 6 день.

Черновыи отпускъ писанъ столбцемъ, на листкѣ безъ скръти.—Изъ архива Соликамскаго уѣзднаго суда.

29-го апрѣля соль-вычегодцы увѣдомили пермичей, что ихъ денежныя доходы отправлены государю. (Тамъ-же, т. II, № 115).

Примчаніе. Приведемъ отписку: «Господамъ Ѳедору Петровичу да Науму Романовичу и всея Великія Перми посадскимъ и волостнымъ старостамъ и цѣловальникомъ и всякимъ жителямъ людямъ, Поспѣлъ Изволской, и Максимъ, и Никита, и Андрей, и Петръ Строгановы, и Соли Вычегодскія посадскіе и уѣздные старосты, и цѣловальники и всякіе жителяе люди, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, господа, во 117 году, марта въ 28 день, писалъ къ намъ къ Соли, изъ Великаго Новгорода, государевъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской и прислалъ грамоту, съ нашими съ усольскимъ послыщникомъ съ Юшкомъ Свиньяннимъ, о томъ: что у насъ у Соли государевыхъ денежныхъ доходовъ въ сборѣ есть, и намъ бы къ нему, въ Великій Новгородъ, послати тотчасъ. Да апрѣля въ 3 день прислали къ намъ, къ Соли, съ Вологды Никита Пушкинъ съ товарищи списокъ съ королевскаго листа Свѣйскаго короля Карла, что прислалъ къ нимъ къ Вологдѣ королевской листъ государевъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской изъ Великаго Новгорода. Да апрѣля въ 23 день писалъ къ намъ, къ Соли, съ Вологды Никита Пушкинъ съ товарищи и прислали списокъ съ Новгородскія грамоты государева боярина и воевды князя Михайла Васильевича Шуйскаго, что онъ писалъ о своемъ походѣ къ Москвѣ и о нѣмецкихъ людехъ, что пришли въ Великій Новгородъ, государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи на помощь, нѣмецкихъ ратныхъ людей кованна рати пятьнадцать тысячъ, а нине нѣмецкіе же ратные люди идутъ изъ Лесова, не ходя въ Великій Новгородъ, прямо на Старую Русу; а съ тѣми нѣмецкими людьми еще идутъ ко государю на помощь, на Великій Новгородъ, съ нѣмцы болшой ратной воевода Іоакимъ Графъ, а съ ними многіе люди разныхъ земель. Да другой списокъ прислали къ намъ, къ Соли, съ Вологды съ Ярославскія грамоты государева воевды Никиты Вышеславцова о томъ, что онъ Ярославль взялъ. И мы о такомъ великомъ Вожиіи милосердіи у Соли, велики пѣти молебны съ звономъ; а съ тѣхъ со всѣхъ грамотъ списки, что къ намъ, къ Соли, писалъ государевъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской, о денежныхъ доходѣхъ, и что къ намъ нынѣ съ Вологды писали, и съ королевскаго листа списокъ же, послала мы отъ Соли отъ Вычегодскія къ вамъ, въ Пермь Великую, съ нарочнымъ гончикомъ, съ усольцомъ съ посадскимъ чело-вѣкомъ, съ Кирилкомъ съ Пустоверкинымъ, апрѣля въ 29 день.—И вамъ бы, господа, на милость Вожиіи и Пречистна Богородицы, и великихъ чудотворцевъ московскихъ, и на государя царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи, быти надежнымъ и отъ воровъ безотрашнымъ, и въ станы и въ волости отъ себя о томъ отписать; а государевы денежныя доходы мы у себя, съ посаду и съ уѣду, собираемъ и ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи посылаемъ. А вы къ намъ прежде сего писали, что у насъ государевы пермскіе денежныя доходы въ сборѣ есть, а съ тѣми доходами лѣтъ ли вамъ послати, ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи, и намъ бы о томъ къ вамъ отписать; и тогда, господа, дороги далѣ Вологды не было, а нынѣ далѣ Богъ къ Великому Новгороду съ Вологды изъ Ярославля дорога чиста, ѣзати можно, а начався Вожиіи милости вскорѣ и къ Москвѣ дорога очистится: и вамъ бы, господа, государевы денежныя до-ходы ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи отъ себя

изъ Перми отпустить; а нашего-бъ намъ посыльщика у себя не задержати, отпустить его къ намъ къ Соли».

Въ концѣ апрѣля со стороны соликамцевъ и кайгородцевъ послѣдовала челобитная царю объ окончаніи срока службы ратныхъ людей по ряднымъ записямъ, а равно и отписка воеводъ Вышеславцева и Рязанцева въ Соликамскъ и Кайгородъ о присылкѣ новаго отряда ратниковъ; если же послѣдніе останутся еще на нѣкоторое время, чтобы имъ выслали жалованье. (Тамъ же, т. II, № 204).

Примечаніе. Приведемъ отписку: «Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи бьютъ челомъ, сирота твоя государева, твоей государевы дальние отчины Великоперскаго пригородка Камского Усолья ратные людшка, десятникъ Тихонко, Ондреєвъ сынъ, и вмѣсто своихъ товарищевъ, усолцевъ, и кайгородскихъ тридцати двою человѣкъ. Нынѣшняго, государь, 117 году, съ генвара съ 6-го числа, посланы имъ съ Усолья Камского къ тебѣ къ великому государю на помощь, на твою государеву службу; а на подмогу намъ земскіе люди дали, и на оружье, всѣмъ намъ на четыре мѣсяца. И мы, сирота твоя государева, гнали на твою государеву службу съ великимъ посѣщенемъ, днемъ и ночью, на подводахъ, а подводи, государь, наймали на тѣ же денги. И живучи, государь, на твоей государевѣ службѣ испрошались; а срочные мѣсяцы, государь, намъ будучи на твоей государевѣ службѣ отошли: и намъ, сиротамъ твоимъ государевымъ, твоей государевы службѣ служить не чѣмъ, вала намъ нужда велика. Милосердый государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи! смилуйся, пожалуй насъ сиротъ своихъ; вели, государь, своему государеву воеводѣ Никитѣ Васильевичю Вышеславцеву отписать въ Пермь Великую, своему государеву приказному человѣку Ѳедору Петровичю Акинеова да подъячому Науму Романову, и Усолья Камского старостѣ Василью Елисеєву и цѣловальнику Борису Родіонову и земскимъ людямъ Ивану Сергѣєву, Ивану Овдокимову, Ивану Безукладникову, Русину и Ѳедору Елисеєвымъ, Василью Онофрієву, Ондрею Кокдакову, и всѣмъ земскимъ людямъ и кайгородскимъ старостамъ и цѣловальникомъ, и за отписками вели, государь, послати нашего ратнаго человѣка Ивана Никифорова, и на новые мѣсяцы денги взяти, на сколько мѣсяцовъ ты, государь, уважешь, или въ наше мѣсто людей на службу послати, чтобы твоей государевѣ службѣ мѣшканья не было, и намъ бы на твоей государевѣ службѣ голодною смертію не умерети, и твоей бы государевы службѣ не отстати. Царь государь! смилуйся, пожалуй».

Подлинникъ писанъ столбцемъ на листкѣ. Подписей тѣхъ.

«Господамъ Ѳедору Петровичю да Науму Романовичю, и Усолья Камского старостѣ Василью Елисеєву да цѣловальнику Борису Родіонову, и земскимъ людямъ Ивану Сергѣєву, Ивану Овдокимову, Ивану Безукладникову, Русину да Ѳедору Елисеєвымъ, Василью Онофрієву, Ондрею Кокдакову, и всѣмъ земскимъ людямъ и кайгородскимъ старостамъ и цѣловальникомъ и всѣмъ земскимъ людямъ, Никита Вышеславцовъ, Овсей Романовъ, Иванъ Озерецкой челомъ бьютъ. Апрѣля, господина, въ 21 день били челомъ государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи Великоперскаго пригородка Камского Усолья ратные люди, десятникъ Тихонко Ондреєвъ, и въ товарищевъ своихъ мѣсто: посланы де они на государеву службу генвара съ 6 числа, а подмоги взяли только на четыре мѣсяца; и они де тѣ четыре мѣсяца заслужили, а впередъ де имъ подможныхъ денегъ не дано и служить де имъ государевы службѣ не чѣмъ,—и подали намъ о томъ челобитную. И мы тое ихъ челобитную послали, подклея подъ свѣ отписку.—И вы-бъ, господа, однократно разнымъ людямъ, Тихонку Ондреєву съ товарищи, по ихъ ряднымъ записямъ, мѣсячныя денги прислали тотчасъ, или въ ихъ мѣсто, переимъ новымъ ратныхъ людей, съ самозлымъ и съ луки и со всякимъ ратнымъ оружіемъ, какъ будетъ міру годно, чтобы ратные люди безъ мѣсячныхъ денегъ съ государевы службѣ не разбродились, и государеву-бъ

и земскому дѣлу въ томъ поруки не было, и по доброму вашему началу чтобъ и конецъ далъ Богъ совершенъ. Госнода ради, не потоскинте поднять ратныхъ людей: за то велитъ васъ государь на многи лѣта старханеть, торговать бездано и безопасно. И вы-бѣ, госнода, какъ начали, такъ и совершили. А отпустили мы, изъ Ярославля, къ вамъ съ севъ отпискою Усоляя Камского ратнаго человѣка Ивана Никифорова; и вы-бѣ его, не задержавъ, отпустили къ намъ, въ Ярославль».

Подлинникъ писанъ столбцомъ, на листкѣ. Бысть сложенъ пакетомъ, имѣтъ на оборотѣ надпись: Госнодамъ Ѳеодору Петровичю да Науму Романовичю и Усоляя Камского старостѣ и цѣловальникомъ и всѣмъ земскимъ людямъ: тамъ же помѣта: 117 году, маія въ 29 день, привезъ сю отписку Иванко Никифоровъ сынъ, Усоляя Камского ратной человѣкъ.

Оба акта изъ архива Солькамскаго уезднаго суда.

11 мая послѣдовали отписки устюжанъ къ пермичамъ о посылкѣ въ Ярославль ратныхъ людей пятаго сбора, при которыхъ приложена отписка изъ Вологды въ Устюгъ—объ осадѣ Ярославля привреженцами самозванца.

Примѣчаніе. Приведемъ отписку: «Госнодамъ Ѳеодору Петровичю да Науму Романовичю, и Перми Великіе земскимъ судьямъ и старостамъ и цѣловальникомъ и всѣмъ земскимъ жителямъ людямъ, Иванъ Стрѣшневъ, и Устюга Великого приговорные люди, и земскіе судьи и старосты и цѣловальники, и всякіе земскіе жителяе люди челоуъ быуть. Въ нынѣшнемъ, господине, во 117 году, маія въ 11 день, писали къ намъ на Устюгъ, съ Вологды, государевы воеводы, Никита Пушкинъ, Григорей Вородитъ съ товарищи, и вологодскіе дворяне и дѣти боярскіе, и вологодскіе земскіе судьи, и старосты, и цѣловальники и всякіе жителяе люди, о ратныхъ вѣстяхъ, о Ярославлѣ, и о государевыхъ воеводахъ и о ратныхъ людяхъ, съ ереськимъ цѣловальникомъ съ Гришкою Серединнымъ съ товарищи, чтобъ мы, помня Бога и свои души, на чемъ мы государю крестъ цѣловати и души свои дали, собравъ ратныхъ людей, къ государю на помощь послати, въ сходъ, ко государевымъ воеводамъ, въ Ярославль, ко князю Силѣ Гогарину да къ Никитѣ Вышеславцову съ товарищи. А мы, до ихъ отписки, собравъ ратныхъ людей, пятую рать, пятьсотъ челоуѣкъ, и прибравъ къ нимъ головъ, отпустили апрѣля въ 14 день; да и нынѣ мы, по тѣмъ вѣстямъ, собравъ многу рать и собравъ, отпустили ко государевымъ воеводамъ, въ сходъ, ко князю Силѣ Гогарину да къ Никитѣ Вышеславцову съ товарищи.—И вамъ также, помнявъ Бога и свои души, собравъ ратныхъ людей послати ко государевымъ воеводамъ, въ сходъ, ко князю Силѣ Гогарину да къ Никитѣ Вышеславцову съ товарищи. А напередъ сего мы къ вамъ писали многожды о ратныхъ людяхъ, чтобъ вы посылали ко государю на помощь; и отъ васъ всего объявилось ратныхъ людей восемьдесятъ два челоуѣка, а болши того ратныхъ людей не объявлявалось, и мы то дѣлаете негоравдо: помнела, дѣлайте, смотри по нынѣшнему времени, помня души, на чемъ крестъ цѣловали. А какову къ намъ съ Вологды прислали отписку, и мы съ тое отписки списавъ списокъ, подклея подъ сю отписку, послали къ вамъ, чтобъ вамъ про то было вѣдомо».

Подлинникъ, писанъ столбцомъ, на двухъ листкахъ. Бысть сложенъ пакетомъ, имѣтъ на оборотѣ надпись: Госнодамъ Ѳеодору Петровичю да Науму Романовичю, и Перми Великіе земскимъ судьямъ, и старостамъ, и цѣловальникомъ и всѣмъ земскимъ и жителямъ людямъ; тамъ же помѣта: 117 маія въ 29 день привезъ сю отписку Усоляя Камского ратной челоуѣкъ Иванко Никифоровъ. (Тамъ же № 214).

II. «Госнодну Ивану Флиновичю, и устюжаномъ, посадичемъ и волостнымъ старостамъ и цѣловальникомъ, и всякимъ людямъ, Микита Пушкинъ, Григорей Вородитъ, Рагманитъ Вороновъ, и вологженя, дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе служилые люди, и посадичіе и волостные старосты и цѣловальники, и всякіе жителяе люди, челоуъ быуть. Въ нынѣшнемъ, господине, во 117 году, апрѣля въ 21 день, послали мы, съ Вологды, съ варадотъ и съ зельемъ, въ Ярославль, Василья Пашова

да цѣловаликовъ Максима Ворошилова да Силу Манойлова съ товарищи; и майя въ 3-й день прѣехали къ намъ изъ Ярославля цѣловалики, Максимъ Ворошиловъ съ товарищи, а сказали, что де государевъ нарядъ и зелья въ Ярославль отсели здорово; и апрѣля въ 30 день, въ воскресенье, пришли къ Ярославлю, по Углицкой дорогѣ, воры и литовскіе люди, и казаки, и по грѣхоу де, въ поведѣльничь, на зорѣ, острогъ болшей ввали; а государевы де люди, воеводы князь Сила Гогаринъ да Никита Вышеславцовъ съ товарищи, сѣдять въ городѣ, въ меншемъ острогѣ. И майя въ 6-й день писали къ намъ, изъ Ярославля, воеводи князь Сила Гогаринъ да Никита Вышеславцовъ, съ Васильемъ Пановымъ, что они сѣдять въ городѣ, и въ Спаскомъ монастырѣ, а воры де и литовскіе люди приступаютъ на день по дважды и по трижды: и намъ бы къ нимъ послати ратныхъ людей и зелья, да и къ вамъ бы въ города, о людяхъ писати, чтобъ вы ратныхъ людей прислали. — И вамъ бы, господа, по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи указу, насъ воровъ и литовскихъ людей не подати, прислати къ намъ, или въ Ярославль, ратныхъ людей и наряду и зелья наскоро, да и къ Солѣ-Вычегодской о томъ отписати, и нашу отписку къ нимъ отослати, не задержавъ».

Современный список писанъ столбцомъ, на листкѣ. Въ заглавіи отмѣчено: Списокъ съ вологодскія отписки, слово въ слово.

Оба акта изъ архива Соликамскаго уезднаго суда.

13 мая, вслѣдствіе осады Ярославля, получена въ Пермь отписка о новомъ сборѣ ратныхъ людей на помощь Ярославлю. (Тамъ же № 216).

Примѣчаніе. Приведемъ отписку: «Господамъ Федору Акинѣевичу да Науму Романовичу, и всея Великіе Пермь посадскимъ и волостнымъ старостамъ и цѣловаликомъ и всякимъ жильцкимъ людямъ, Поспѣлъ Извожской, и Максимъ, и Никита, и Андрей, и Петръ Строгановы, и Соли-Вычегодскіе посацкіе, и уѣздные старосты, и цѣловалики и всякіе жильцкіе люди, челомъ бють. Въ нынѣшнемъ, господа, въ 117 году, майя въ 13-й день, писали къ намъ, къ Солѣ, съ Вологды, государевы воеводи Никита Пушклинъ, Григорей Ворозинъ съ товарищи, и вологодскіе дворяня и дѣти боярскіе, и земские старосты и цѣловалики, и всякіе жильцкіе люди, о ярославскихъ о ратныхъ вѣстяхъ, съ вычегодскихъ посыльничкомъ со Жданкомъ съ Леонтьевымъ: и какову, господа, къ намъ, съ Вологды, къ Солѣ къ Вычегодской, государевы воеводи грамоту прислали, и мы съ тое грамоты списавъ списокъ слово въ слово, и послали къ вамъ въ Пермь Великую съ пермитникомъ съ Иванкомъ; да и съ Устюга Великаго, Ивана Стрѣшневъ грамоту-жъ запечатану, съ нимъ же съ Иванкомъ, къ вамъ въ Пермь послали. А мы у Соли у Вычегодскіе, по тѣмъ вѣстямъ, съ осады и съ уѣзду собираемъ четвертые ратныхъ людей, и ко государю на помощь, въ Ярославль, тотчасъ ступаемъ, да и первымъ своимъ ратнымъ людямъ, за орокомъ, по поручнымъ записамъ, и вново денги, помѣочину, посылаемъ. А вы-бъ, господа, также государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи порадѣли, и ратныхъ людей собравъ, на государеву службу, въ Ярославль или къ Вологдѣ, тотчасъ послали, да и къ прежнимъ бы къ своимъ ратнымъ людямъ вново денги также послали».

Подлинникъ писанъ столбцомъ, на листкѣ. Бывъ свернутъ пакетомъ, на оборотѣ имѣетъ надпись: Господамъ Федору Акинѣевичу да Науму Романовичу и всея Великіе Пермь посадскимъ и волостнымъ старостамъ, и цѣловаликомъ и всякимъ жильцкимъ людямъ; тамъ же помѣта: 117 году, мая въ 29-й день, привесть съ отписку Усоляя Камского раѣной челоуѣкъ Иванко Микифоровъ. — Изъ архива Соликамскаго уезднаго суда.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ денежныя средства соликамцевъ истощились, вслѣдствіе поставки ратниковъ, а потому они подали челобитную царю о займѣ

денегъ на содержаніе ратныхъ людей, съ приложеніемъ воеводскихъ памятей о томъ же. (Тамъ же № 230).

Примѣчаніе. Приведемъ документы о семъ: 1. «Царю государю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи бѣуть челомъ и плачютца твоя государева сирота, Соли Камской староста Васка, Елисеевъ сынъ, Александровъ и во всѣхъ земскихъ посадскихъ и деревенскихъ крестьянъ мѣсто. Въ нынѣшномъ, государь, въ 117 году, іюня во 2-мъ числѣ, изъ твоея государевы отчины, изъ Ярославля, твои государевы воеводы, Никита Васильевичъ Вышеславцовъ да Овсей Дмитріевичъ Рязановъ, да Иванъ Озерецкой, писали о денгахъ ратнымъ людямъ, въ Пермь Великую, въ Чердынь, къ твоимъ государевымъ приказнымъ, къ Федору Петровичю Акинѣеву да къ Науму Романову, и къ намъ старостамъ твоимъ, къ Солѣ къ Камской старостѣ и цѣловальникомъ, съ усольскимъ съ ратнымъ челомъ съ Иванкомъ Никифоровымъ, что, государь, посланы къ тебѣ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи, на помощь, съ Усольскія земли съ полу-шты сошки, двадцать человекъ со всякимъ ратнымъ боевымъ оружіемъ; и тѣ, государь, Соли Камскіе ратные люди двадцать человекъ на твоей государевѣ службѣ четыре мѣсяца зажили: и тѣмъ бы ратнымъ людямъ, въ прежніе мѣсяцы, по тому-жъ, денги и впередъ послати въ Ярославль наскорѣ, или на переѣзѣ, иныхъ ратныхъ людей ко государю на помощь послати. А у насъ, сиротъ твоихъ, въ сборѣ денегъ наскорѣ нѣтъ. Милосердый государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи! смилуйся, пожалуй насъ сиротъ своихъ: вели, государь, намъ сиротамъ твоимъ, для постѣшенія твоего государева ратного дѣла, своимъ государевымъ приказнымъ Федору Петровичю Акинѣеву да Науму Романову, изъ твоей государевы казны у Соли Камской, изъ таможеннаго и изъ кабацкого скопу, до своего государева указа, денегъ дати, чтобъ, государь, твоему государеву ратному дѣлу мотчанія и поруки не было, а намъ бы, сиротамъ твоимъ государевымъ, впередъ твоя царскія службы не отстать. Царь государь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи, смилуйся, пожалуй!»

Подлинникъ писанъ столбцомъ, на листѣхъ. На оборотѣ слѣдующія рукоприкладства:

Троецкой протопопъ Гаврило, Ивановъ сынъ, вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ руку приложилъ.

Троецкой попъ Игнатей, вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ руку приложилъ.

Староста Васка Елисеевъ руку приложилъ.

Рождства Христова попъ Аеонасей, вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ руку приложилъ.

Климантовской попъ Иванъ, вмѣсто дѣтей духовныхъ руку приложилъ.

Земской человекъ Васка Анофреевъ руку приложилъ.

Земской человекъ Максимко Кондратьевъ руку приложилъ.

Земской человекъ Иванко Овдокимовъ руку приложилъ.

Земской человекъ Первуша Федоровъ руку приложилъ.

Земской человекъ Митяша Емельяновъ руку приложилъ.

Земской человекъ Елѣяшко Стефановъ руку приложилъ.

II. «Государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи, Федору Петровичю да Науму Романовичю, Камской Соли староста Васка Елисеевъ съ товарищи, и всѣ земскіе люди, посадскіе и деревенскіе крестьяне, челомъ бѣуть. Въ нынѣшномъ, господине, въ 117 году, іюня во 2-мъ числѣ, изъ государевы царевы и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи отчины, изъ Ярославля, государевы воеводы Никита Васильевичъ Вышеславцовъ да Овсей Дмитріевичъ Рязановъ, да Иванъ Озерецкой, писали о денгахъ ратнымъ людямъ, въ Пермь Великую, въ Чердынь, къ вамъ, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, и къ намъ сиротамъ, къ Солѣ къ Камской, старостѣ и цѣловальникомъ, съ усольскимъ ратнымъ челомъ съ

Иванкомъ Никифоровымъ, что Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, посланы къ государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи, на помощь, съ Усолскія земли съ полу-шты сошки, двадцать человекъ со всякимъ ратнымъ боевымъ оружіемъ; и тѣ, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, Соли Камской ратные люди двадцать человекъ на государствѣ службѣ четыре мѣсеца жили: и тѣмъ бы ратнымъ людямъ, въ прежніе мѣсецы, по тому-жъ, денги и впередъ послати въ Ярославль наскорѣ, или на переѣзду, иныхъ ратныхъ людей къ государю на помощь послати. А у насъ, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, въ сборѣ денегъ наскорѣ итъ: и мы, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, били челомъ государю, и челобитную написавъ всѣ православные крестьяне Соли Камскіе послали къ вамъ, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, о денгахъ, и послали за челобитникомъ Соли Камской посадского человека Федора Елесеева. Пожалуйте, государь Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, ведите у Соли Камской, изъ государевы казны, изъ таможенного и изъ кабацкого скопу, для поспѣшенья государева ратного дѣла, сто рублей денегъ дати. Да въ нынѣшнемъ же, господине, въ 117 году, іюня въ 5 числѣ, пріѣхали къ Солѣ къ Камской, съ Низу, усолскіе жители Пѣшекъ Рыболовъ да Трофимко Диренитъ, а сказали: обѣщали де они Казанца Богдана Гребенкина, и они де Пѣшекъ съ товарищи у Казанца у Богдана спрашивали про вѣсти Московскія; и онъ де Богданъ имъ вѣстей никакихъ не сказалъ, а говорить де, что въ Казани про Московское государство вѣстей никакихъ нѣтъ. И вамъ бы, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, пожаловати, со всѣхъ государевыхъ царевыхъ и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи грамотъ и съ воеводчкихъ отписокъ списавъ списки, послати въ Казань къ государевымъ воеводамъ».

Подлинникъ писанъ столбцомъ, на листкѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, на оборотѣ имѣетъ надпись: государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи, Федору Петровичю да Науму Романовичю; *тамъ же помѣта:* 117 году іюня въ 8 день привесть отписку Федору Елесееву, Усоля Камского посадской человекъ.

III. «Лѣта 7117 году, іюня въ 8 день, по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи указу, память Соли Камской таможенныхъ и кабацкихъ цѣловальниковъ Ивану Филипову съ товарищи. Въ нынѣшнемъ во 117 году били челомъ государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи Соли Камской староста Василей Елесеевъ съ товарищи и всѣ земскіе люди, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ свое изъ государевы казны, изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ, для своего государева ратного дѣла, ратнымъ людямъ взаимнъ денегъ дати. — И какъ къ вамъ ся память придетъ, и вы-бъ, по государеву указу, для поспѣшенья ратныхъ людей, изъ государевы казны, изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ взаимнъ старостѣ Василью Елесееву съ товарищи и всѣмъ земскимъ людямъ денегъ дали, сколько имъ надобѣ, покажѣста они изверстаютца, а въ тѣхъ бы есте денгахъ на нихъ кабалу взяли; и дали бы есте тѣ государевы денги не замочавъ ни часу, чтобъ Усоля Камского ратные люди съ государевы службы не разѣхались».

Черновой отпускъ писанъ столбцомъ, на листкѣ, съ поправками.

IV. «Лѣта 7117 году іюня въ 8 день, по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи указу, память Соли Камской старостѣ Василью Елесееву съ товарищи и всѣмъ земскимъ людямъ. Въ нынѣшнемъ во 117 году, писали вы въ Чердынъ, къ Федору Петровичю да Науму Романову, съ усолскимъ съ ратнымъ человекомъ съ Иванкомъ Никифоровымъ, и послали челобитную государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи, за земскихъ людей руками, что писали къ вамъ къ Солѣ Камской, изъ Ярославля, Никита Вышеславцовъ да Осей Резановъ, Иванъ Озерецкой, что били челомъ государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи, Пермьского пригородка Камского Усоля ратные люди, десятникъ Тихонко Ондреевъ и въ товарищевъ своихъ мѣсто: посланы де они на государеву службу, генваря съ 5 числа, а подмоги взяли только на четыре мѣсяца, и

они де тѣ четыре мѣсяца заслужили; а впередъ де имъ подможныхъ денегъ не дано и служить де имъ государевы службы не чѣмъ.—И какъ къ вамъ ся память придетъ, и вамъ бы одиночно ратнымъ людямъ, Тихонку Оudreву съ товарищи, по ихъ ратнымъ запискамъ, мѣсячные денги послати съ ратнымъ челоѣкомъ съ Иванкомъ Микифоровымъ, или съ кѣмъ вы поволите, тотчасъ, чтобъ за тѣмъ ратные люди съ государевы службы не разболѣли и государеву бы и земскому дѣлу въ томъ поруки не было. А буде у васъ въ сборѣ нѣтъ денегъ нѣтъ, и вы-бъ взяли изъ государевы казны, изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ, взаимн, до тѣхъ мѣстъ, какъ вы тѣ денги съ міру сберете; а таможенному-бъ есте и кабацкому цѣловальнику Ивану Филинову съ товарищи, въ тѣхъ государевыхъ денгахъ, дали кабалу; а отъ Федора Петровича и отъ Наума къ Ивану Филинову о томъ писано-жъ.

Черновой отпискѣ писать столбцомъ, на листкѣ, съ поправками.

Всѣ четыре акта изъ архива Соловьянскаго уезднаго суда.

Ярославскія дѣла принимали оборотъ весьма неудовлетворительный, тѣмъ болѣе, что къ осаждавшимъ присоединились литовскіе люди и мятежники, по этому помощь Ярославлю была необходима. (Лет. арх. эксп. № 123).

Примѣчаніе. Приведемъ документы о семъ: «Господамъ Федору Окнифѣичу да Науму Романовичу и вса Великія Перія посадскимъ и волостнымъ старостамъ, и цѣловальникомъ и всякимъ жилищнымъ людямъ,—Послѣмъ Изволской, и Максикъ, и Никита, и Андрей и Петръ Строгановы, и Соли-Вычегоцкія посадкѣ и волостные старости, и цѣловальники и всякіе жилищные люди, челоѣмъ бысть. Въ нынѣшнемъ, господа, во 117 году, маія въ 29 день, писали на Устюгъ и къ намъ, къ Солѣ, изъ Ярославля государевы воеводы князь Симѣ Говаринъ да Никита Вымиславцовъ съ товарищи и прислали Вологодского сына боярского Василья Кузмина съ Ярославскомъ грамотомъ, о государевѣ о ратномъ дѣлѣ, чтобъ въ адѣмныхъ во всѣхъ городѣхъ государь царь и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии порадѣли, какъ начали, такъ-бы и совершили, ратныхъ людей вново собрали и городового всякого наряду, и зелья и салитры, и свинцу, государь на помощь и государевымъ воеводамъ въ Ярославль тотчасъ послали. И во тѣмъ мѣсяцѣ, съ Устюга Великого, устужане и мы отъ Соли отъ Вычегоцкія всякой городской спарядъ, и зелья, и салитру, и свинець, съ цѣловальники и съ ратными людьми собравъ вново четвертую рать и послали въ Ярославль ко государевымъ воеводамъ въ сходъ.—И вамъ-бы, господа, также, прося у Бога милости, государь царь и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии порадѣти и ратныхъ людей тотчасъ собрать и всякого городского наряду, и зелья, и салитры, и свинцу, государь на помощь въ Ярославль ко государевымъ воеводамъ съ ратными людьми тотчасъ одиночно послати. А пражь сего мы къ вамъ о томъ государевѣ о ратномъ дѣлѣ писали иногды, чтобъ вы государь порадѣли и ратныхъ людей и всякого городского наряду, и зелья, и салитры, и свинцу, ко государь на помощь послали: и вы Бога не бонтесе, а государя не слушаете; и вы то дѣлаете не гораздо, государевымъ ратнымъ дѣломъ не радѣете, и вамъ то отъ Бога и отъ государя не пробудеть. А съ Ярославскія и съ Устюжскія съ грамотъ, каковы къ намъ прислали, списавъ мы списки слово въ слово, послали къ вамъ въ Перію Великую, Соли-вычегоцкія съ посадскимъ челоѣкомъ съ Пятункомъ съ Тучкинымъ, подъ севъ отпискою: и вамъ-бы, господа, того Пятунку не задержавъ отъ себя отпустить, и подводка ему дать, и къ намъ о томъ подлинно отписать.»

Подмитая отпискѣ и списки доузы нижеслѣдующаго отписокѣ, столбцомъ на 8 листкахъ, находится въ архивѣ Соловьянскаго уезднаго суда. Былъ запечатанъ пакетомъ, имѣютъ на оборотѣ перваго листа надписъ: Господамъ Федору Окнифѣичу да Науму Романовичу и вса Великія Перія посадскимъ и волостнымъ старостамъ, и цѣловальникомъ и всякимъ жилищнымъ людямъ.—117 году, іюня въ 18 день, привезъ соли-вычегоцкой посадской челоѣкъ Пятунка Тучкинъ.

«Господам Подрѣлу Елисеевичу, Максиму Яковлевичу, Никитѣ Григорьевичу, Андрею и Петру Семеновичемъ, и соли-вычегодскія посадскіи старостаи, и цѣловальникомъ, и дутчимъ и середнимъ и всякимъ посадскимъ жилацкимъ людемъ, и волостнымъ уѣзднымъ старостаи, и цѣловальникомъ, и сотскимъ, и пятидесятскимъ и всѣмъ крестьяномъ, Сила Гогаринъ, Никита Вынеславцовъ, Осей Резановъ, Иванъ Озерской, и дворяне и дѣти боярскіе, вологжаня, и пошехонцы, и ярославцы, и костромичи и гадячана, и ростовцы, и рохановцы, и Ярославля болшего посадскіе и уѣздные и всякіе жилацкіе люди, и всѣхъ понизовскихъ и поморскихъ городовъ ратные люди, челоуѣкъ бѣгутъ. Въ нынѣшнемъ, господя, въ 117 году, апрѣля въ 30 день, пришли подъ Ярославль воры, литовскіе люди, и казаки, и черкасы, и татарова, и государевы измѣнники русскихъ городовъ многіе люди, и государевыхъ людей голоуѣ съ сотнями заставы столкнули: и мы, съ дворяны, и съ дѣти боярскими и со всякими ратными людьми, вышла за острогъ и съ воры бились во весь день до самыя ночи, и приступи у воровъ, къ болшему острогу, были многіе и крѣпкіе, и того дни острогъ болшей отъ воровъ Богъ помиловалъ. И мая противъ 1 числа, въ пятомъ часу ночи, воры пришли къ болшему острогу, всѣми людьми приступъ повели ко многимъ мѣстамъ, и въ послѣднемъ часу ночи, прожекъ Власьевскихъ воротъ, воры острогъ зажгли и государевыхъ людей съ острогу обили; а въ тѣ поры своровалъ, измѣнилъ Спаското монастыря служка Гринка Каловской, Семеновскія ворота отворилъ и воровъ въ острогъ пустилъ, и воры, вшедши въ острогъ, посадъ зажгли и посадъ, господя, въ болшемъ острогѣ выгорѣлъ, и государевыхъ людей многихъ побили, а ныне съ розгрому разбрекель ровно; а мы, господя, съ досталькими людьми сѣли въ меньшемъ острогѣ, въ рубленомъ городѣ, и въ Спаскомъ монастырѣ и изъ острогу съ воры, бились весь день. И мая въ 3 день пришли воры къ меньшему острогу всѣми людьми и приступили великими приступи, всякими мѣрами, во весь день и до вечера. И мая-же противъ четвертаго числа, въ шестомъ часу ночи, воры пришли къ острогу со всѣми людьми великими приступи, съ щиты и съ огнемъ, съ смоленскими бочвами, съ приметомъ и съ огневыми стрѣлами: и мы съ воры у приступовъ бились до полудни, и на вылазку выходили, и Вакією милостію, и Пречистыя Богородицы помощію, и великихъ чудотворцовъ молитвами, воровъ съ острогу и на вылазкахъ многихъ побили и живыхъ похитили, и щиты и приметы всѣ и знамя и прапоры многіе у нихъ взяли, и отъ острогу всѣхъ отбили; и воры, господя, мая въ 5 день, отъ Ярославля пошли прочь, по Углецкой дорогѣ. И мая въ 8 день, воры, литовскіе люди, и казаки, и черкасы, и рускіе измѣнники, воротились подъ Ярославль и стоимъ всѣми людьми подъ Ярославлемъ; а выходны въ роспросѣ сказываютъ, что встрѣтили воровъ паша Лисовскій съ приближными людьми и воровъ подъ Ярославль воротилъ, и воровъ всѣхъ Ярославль сталъ боленъ добръ, и воры де еще къ себѣ подъ Ярославль ждутъ приближныхъ людей съ болшимъ нарядомъ. А того дни, какъ было воры отъ Ярославля пошли, вышла изъ воровскихъ полковъ изъ розряду Ростовской площадной дьячекъ Тимошка Семеновъ, а съ собою привезъ многія розрядныя письма, и въ тѣхъ писемъ огузки, что писали воры Иванъ Наумовъ съ товарищи къ вору въ табары, чтобы къ нимъ прислалъ приближныхъ людей съ болшимъ нарядомъ; а безъ приближныхъ де намъ людей и безъ наряду Ярославля взяти не можно. А въ Ростовъ воры писали и Черкасы послали по суды для плавания. И мы, господя, одолично чаемъ подъ Ярославль къ воровъ приближныхъ людей и болшого наряду, потому что изъ Ярославль болше всѣхъ городовъ. А Романовъ и Углець и Володимиръ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руссіи добиши челоуѣ, и вина свои принесли, и крестъ ему государю цѣловали; и нынѣ, въ тѣхъ трехъ городѣхъ, сѣдять государевы люди. А государевъ бояринъ князь Михайло Васильевичъ Шуйской, со многою ратью и съ нѣмецкими людьми, пошелъ изъ Великого Новгородъ подъ Старую Русу, апрѣля въ 25 день; а какъ очиститъ Старую Русу, и овъ пойдетъ со всею ратью на Тверь тотчасъ. А что у насъ, господя, обьянется вѣстей вновь, и мы, господя, къ

вамъ о всякихъ вѣстяхъ тотчасъ отпишемъ. Да въ нынѣшней-же, господа, въ 117 году били челомъ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи Соли-Вычегоцкія достальные ратные люди, сотникъ Григорей Посаревъ да ратные люди его сотни семьдесятъ восемь человекъ, да сотникъ Русинъ Афонасевъ Скрыпичинъ да ратные люди его сотни пятьдесятъ семь человекъ, да сотникъ Арханко Сидоровъ да ратные люди его сотни восемьдесятъ человекъ, и подали вамъ челобитную; и мы ихъ челобитная, поделяя подъ сю отписку, послали къ вамъ къ Соли-Вычегоцкой. И вамъ-бы, господа, попоминити Бога, и Пречистую Богородицу, и государево къ себѣ жалованье: и какъ вы, господа, по своему радѣнью начали государю служить, такъ бы и докончали, Ярославля города и насъ воровъ не подали. Однолично-бы вамъ прислати наряду, и зелья, и ратныхъ людей, тотчасъ не иѣшкая. А и сами, господа, вѣдаете, что безъ людей и безъ наряду и каменной городъ — яма; а по грѣхомъ нашимъ государевы люди побиты, а нынѣ многие безвѣстно разбрелись, а у насъ съ воры драка живеть ежечасъ и ратные люди добръ надобны; да и землѣ — расходъ великъ, съ нищадки людей много, а въ Ярославль зелья ни у кого добыть ни полуфунта куинти не мочно, всякимъ людямъ идеть государево зелье, а не дать кому на драку зелья, нно отъ воровъ погнугъ, а зелья у насъ нестаетъ. А только будетъ грѣхомъ нашимъ вскорѣ не поможете, наряду и зелья и ратныхъ людей тотчасъ не пришлете, а надъ Ярославлемъ городомъ и надъ государевыми людьми отъ воровъ, которая поруха учинится и кровь крестьянская напрасно прольется, и отъ воровъ поволскимъ и заволскимъ городомъ никакъ будетъ отъ тѣхъ воровъ не устояти, были всѣмъ въ разореньѣ, также какъ Кострома или Романовъ разорили. И вы-бы, господа, однолично ни о чемъ не поскорбѣли, насъ воровъ не подали, наряду и зелья, и ратныхъ людей къ намъ въ Ярославль прислали тотчасъ; да и прежнихъ людей, которые нынѣ въ Ярославль съ вашего города съѣзды въ осады, наемныя деньги и оружье прислали-бы вы, господа, тотчасъ, или въ ихъ мѣсто перешѣну новыхъ ратныхъ людей, чтобы громленые ратные люди и досталъ съ государевы службы не разбрелись и насъ-бы воровъ не подали. А для наряду и зелья и ратныхъ людей, и прежнихъ ратныхъ людей по деньги или по перешѣну, послали мы, господа, къ вамъ сына боярского Василья Козмина: и вамъ-бы, господа, его не задержатъ, отпустить къ намъ въ Ярославль съ нарядомъ и съ зельемъ и съ ратными людьми тотчасъ. Да и во всѣ-бы, господа, поизовскіе и поморскіе города вамъ отъ себя нисати о всемъ надлинно, чтобы они также Ярославля города и насъ, воровъ не подали, нарядъ и зелья и ратныхъ людей въ Ярославль прислали наскоро, тотчасъ; а тѣхъ всѣхъ городовъ людей съ нами добръ не много, и они-бы, по своему радѣнью, ни о чемъ не поскорбѣли, какъ къ государю службу свою начали, такъ-бы и совершали: однолично-бы Ярославля города и насъ воровъ не подали, и крестьянская-бы кровь напрасно не пролилась, и поволскіе-бы и заволскіе всѣ города не разорились. Бога ради, господа, попомините Бога и прежде свое радѣнье, воровъ насъ не подали.»

Изъ отписки пермячей къ соль-вычегодцамъ видно, что въ Пермь сборъ ратныхъ людей на помощь Ярославлю производился. (Тамъ же, № 124).

Примѣчаніе. Приведемъ отписку: «Господамъ Послѣду Елисеевичу да Максиму Яковлевичу, да Микитѣ Григорьевичу, да Андрею и Петру Семеновичемъ, и Соли-Вычегоцкія посадскимъ и волостнымъ старостамъ, и цѣловальникомъ и всякимъ жалецкимъ людямъ, Федоръ Окинцовъ да Наумъ Романовъ, и пермскіе посадскіе и волостные старосты, и цѣловальники и всякіе жалецкіе люди, челомъ бьютъ. Въ нынѣшней, господа, во 117 году, іюня въ 13 день, писали вы къ намъ въ Пермь Великую и прислали, Соли Вычегоцкія съ посадскимъ человекомъ съ Петункомъ съ Тючкинымъ, о государевѣ царевѣ и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи о ратномъ дѣлѣ, съ ярославскія и устюжскія грамотъ списки: и ты тѣ списки во всемъ мѣрѣ чли и ратныхъ людей со всякимъ ратнымъ оружіемъ собираемъ; а какъ соберемъ, и мы тотчасъ ко

государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси на помощь въ Ярославль пошлемъ; а городского, господя, у насъ наряду въ мѣшкѣ вѣтъ, что есть и то надобно себя отъ воровъ оберегать, потому что у насъ мѣсто порубежное, а иной у насъ городской нарядъ по государеву указу взять въ сибирскіе города; и вашего гончика Патунку Тючкина къ вамъ изъ Перми отпустили іюня въ 14 число».

Черновой списокъ находится въ бумагахъ Соликамскаго уезднаго суда.

Наконецъ мы видимъ, что мятежники, осаждавшіе Ярославль, подъ начальствомъ Лисовскаго, отступили и что за усердную службу ярославскимъ ратнымъ людямъ послѣдовала похвальная царская грамота, отъ 28 іюня, и что литовцы и мятежники не только изгнаны изъ разныхъ городовъ, но и разбиты подъ Москвой, на Ходынѣ. Однакожъ, не смотря на это, Ярославль просилъ у пермичей, отъ 23 іюля, о немедленной присылкѣ денежныхъ доходовъ на жалованье ратнымъ людямъ. (Тамъ же, № 131.)

Примчаніе. Приведемъ отписку: «Господину Федору Петровичу, и приказнымъ людямъ, и Перми Великія, и Чаронды, и Соликамскія и Кайгородка старостамъ и цѣловальникомъ, и лутчимъ и середнимъ и всякимъ жилацкимъ людямъ, Сима Гагаринъ, Микита Вышеславцевъ, Освей Резановъ, Иванъ Озерецкой, челомъ бысть. Іюля, господине, въ 23 день, послали мы къ вамъ, въ Пермь Великую, и въ Чаронду, и къ Соликамской, и въ Кайгородокъ, сима боярскаго Василья Шестакова да съ нимъ ратного челоуѣка Перми Великія Тишку Одреева: и вы-бъ, господине, помня Бога и Пречистыя Богородицы Владиверскія чудотворной образъ и Московскихъ чудотворцовъ всеа Руси, и государеву дарово и великого князя Василья Ивановича всеа Руси къ себѣ жалованье и милосердіе, что у васъ въ тѣхъ городѣхъ въ сборѣ государевыхъ таможенныхъ и кабацкихъ и всякихъ денежныхъ доходовъ, и вамъ бы, господине, тѣ денежные доходы съ сими боярскими съ Васильемъ Шестаковымъ и тѣхъ городовъ съ старосты и цѣловальники прислать къ намъ въ Ярославль тотчасъ, ратнымъ людямъ на подмогу, которые прибраны на государеву службу въ Ярославль, на государеву денежное и хлѣбное жалованье; а государева денежного жалованья въ Ярославль дати имъ нечего, денежныхъ доходовъ въ сборѣ мало. И вы-бъ, господине, однолично государевы денежные и всякіе доходы, что въ сборѣ ни есть, и тѣхъ земель ратнымъ людямъ, кон на государевѣ службѣ въ Ярославль, собравъ съ міру, на прошлые мѣсяцы и впередъ насимныя денги по ихъ ряднымъ записямъ, прислали въ Ярославль имъ вскорѣ, чтобы ратнымъ людямъ къ походу быти готовымъ.—Да іюля, господине, въ 17 день, писалъ государь царь и великій князь Васильей Ивановичъ всеа Руси о своихъ государевыхъ и о земскихъ дѣлѣхъ, и мы съ тое грамоты послали къ вамъ списокъ слово въ слово, чтобы вамъ про государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси и про Московское государство было вѣдомо. Да іюля въ 22 день писалъ къ намъ изъ Твери Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Руси бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской, что онъ іюля въ 13 подо Тверью за острогомъ и у острогу и въ острогѣ литовскихъ людей многихъ побилъ, и тонтали ихъ и побивали по Московской да по Осиповской дорогѣ на сорокъ верстахъ. И мы, господине, о такомъ Воинѣ милосердіѣ въ Троицѣ славному Богу хвалу воздали и о государевѣ многолѣтнемъ здравьѣ и о побѣдѣ на враговъ молебны пѣли съ звономъ, и съ тое боярскія грамоты послали къ вамъ списокъ, подклея подъ списокъ со государевы грамоты».

Подлинная отписка столбцомъ на 2-хъ листкахъ находится въ Соликамскомъ уездномъ архивѣ. На оборотѣ имѣетъ надпись: Господину Федору Петровичу и приказнымъ людямъ, и Перми Великія и Чаронды и Соликамскія и Кайгорода старостамъ и цѣловальникомъ, и лутчимъ и середнимъ и всякимъ жилацкимъ людямъ.— 117 году, Августа въ 21 день, привезъ грамоту сынъ боярской Васильей Шестаковъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ изъ Ярославля послѣдовала отписка о немедленной присылкѣ денежныхъ доходовъ на жалованье нѣмцямъ ратнымъ людямъ, съ увѣдомленіемъ о походѣ ярославцевъ на помощь князю Михайлу Васильевичу Шуйскому и отписка послѣдняя о присылкѣ денегъ, суконъ, важки и тафты на жалованье ратнымъ людямъ. (Тамъ же, №№ 184 и 186.).

Примечаніе. Приведемъ отписки: «Господину Федору Петровичу, Науму Романовичу, Сила Гагаринъ, Евсеей Резановъ, Иванъ Озерецкой, челомъ бѣють. Августа, господине, во 2 день, отпустили мы изъ Ярославля къ вамъ, въ Пермь Великую, Богдана Безукладникова, а съ нимъ послали, подклея подъ сю отписку, съ государевыи царевыи и великого князя Василья Ивановича всеа Руси грамоты списокъ слово въ слово; а бояринъ, господине, князь Михайло Васильевичъ Шуйской съ государевыми рускими и съ нѣмецкими людьми пришло въ Калаяинъ монастырь, а бояринъ и воевода Федоръ Петровичъ Шереметевъ пришелъ въ Володимиръ со всѣми государевыми людьми. И вамъ-бы, господине, тѣ вѣсти были вѣдомы. Да писалъ, господине, къ вамъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской, что у васъ въ Перми Великой, у Соликамской и въ Чердынѣ и въ Кайгородѣ, въ сборѣ государевыхъ таможенныхъ и кабацкихъ и десятиныхъ пошлины и всякихъ государевыхъ денежныхъ сборовъ, и вы-бы, господине, государевы всякіе денежные доходы, что въ сборѣ ни есть, прислали къ намъ въ Ярославль, нѣмецкимъ людямъ за жалованье; а мы тѣ деньги къ боярину и воеводѣ ко князю Михайлу Васильевичу Шуйскому пошлемъ тотчасъ, съ тѣми-жъ вашими послыщии, чтобъ ратнымъ людямъ безъ корму не быть, и государеву-бы и земскому дѣлу поруки ни которыя не учинилось; а по государеву указу и по грамотѣ боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйского, Микита Вышеславцовъ, изъ Ярославля, съ дворяныи и съ дѣтми боярскими и съ ратными людьми, которые остались за осадною росписью, пошелъ въ сходъ къ боярину и воеводѣ ко князю Михайлу Васильевичу Шуйскому, а бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской нынѣ въ Колязинѣ монастырѣ, идетъ къ государю наспѣть».

Подлинникъ, писанный на листкѣ столбцомъ, находится въ архивѣ Соликамскаго Уезднаго Суда. Былъ свернутъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись Господамъ Федору Петровичу, Науму Романовичу.—118 Сентября въ 10 день привезъ Богданъ Безукладниковъ Усоляя Камского жалець.

«Господамъ города Перми приказнымъ людямъ, Михайло Шуйской челомъ бѣють. За грѣхъ всего православнаго крестьянства собрались воры и литовскіе люди, хотя разорити Московское государство и святую нашу крестьянскую вѣру пограть, и святныя Воля церкви оквернили, и кровь крестьянскую неповинную пролили, и многую нестоду и разоренье въ государствѣ учинили, и похваляются Московское государство конечному разоренью предати, насъ и васъ всѣхъ побити: и милосердый Богъ, ожидая нашего обращенія, еще конечному разоренью насъ по ся мѣста не предалъ и многихъ государствъ государя, видя отъ литовскихъ людей Московскому государству несправедное разоренье, за святую нашу крестьянскую вѣру и за святныя церкви и за государя и за все православное крестьянство вступились и, прося у Бога милости, хотять Московское государство отъ воровъ очистить. И прислалъ къ государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси на помощь Свѣйской король воеводѣ своихъ Якова Нонтузова Деллагарда съ товарищи, а съ нимъ ратныхъ людей французъ; и, прося у Бога милости, и, идучи къ государю къ Москвѣ, съ государевыми съ русскими и съ тѣми нѣмецкими людьми, многіе города очистилъ и во многихъ мѣстѣхъ воровъ и литовскихъ людей побилъ, и нынѣ, сождався съ костромскими и съ ярославскими и нынѣ городовъ съ людьми, иду къ государю на помощь къ Москвѣ. Да къ государю жъ прислалъ Крымской Саламетъ-Гирей царь-царевича Калгу, а съ нимъ князей и муръ и воинскихъ людей сорокъ тысячъ человекъ, и идутъ они съ Колок-

ны къ государю на помочь, наспѣтъ; а хотять все дѣлать государя нашего по воли, какъ государь нашъ изволить. А иноземцомъ, наемнымъ людямъ, найму дать не чего, въ государевѣ казнѣ денегъ мало; вѣдомо вамъ самимъ, что государь на Москвѣ отъ воровъ сидитъ въ осадѣ божию году, и которая была казна и та роздана ратнымъ людямъ, которые сидѣли съ государемъ на Москвѣ. И вамъ бы, господине, самимъ, и гостемъ, и торговымъ лутчимъ и середнимъ и всякимъ людямъ говорить, что-бъ онѣ для покою и крестьянскія избавы и для того, чтобъ Московское государство за наемными денгами и достоль не разорилось, дать на наемъ ратнымъ людямъ денегъ, и суконъ, да и камокъ и тафтъ, сколько кому мочно; а какъ, дастъ Богъ, отъ воровъ и отъ литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ, и государь царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русии велеть тѣ денги заплачивать; а сколько кто денегъ, и суконъ, и камокъ, и тафтъ дастъ, и вы-бъ то писали въ книги имянно и прислали тѣ денги, и сукна, и камки, и тафты, ко мнѣ въ полки тотчасъ наскоро; а будетъ, господине, суконъ вскорѣ не учнутъ давать, и вамъ бы, господине, сукна, лундыши, и настрафали и всякія сукна, опричъ дорогихъ и самыхъ худыхъ суконъ, отписати на государя: и переписали-бъ тѣ сукна, и перефѣрили, и цѣну тѣмъ сукнамъ написавъ—прислали ихъ ко мнѣ тотчасъ, а торговымъ людямъ за сукна дали денги изъ государевы казны тотчасъ безволочитно. А однолично-бъ вамъ, и гостемъ, и посадскимъ, и уѣзднымъ лутчимъ, и середнимъ и всякимъ людямъ, государю тѣмъ послужити и Московское государство отъ воровъ свободно учинити: денги, и сукна, и камки и тафты собрати и прислати ко мнѣ въ полки, ратнымъ людямъ на наемъ, тотчасъ вскорѣ, и велѣти ѣхати съ тою казною днемъ и ночью, нигдѣ не мѣшкая. Да собрати-бъ вамъ съ посаду и съ уѣзду, опричъ того, кто изъ воли своей дастъ, для избавы крестьянскія, нѣмецкимъ и крымскимъ людямъ на наемъ, съ сохи по пятидесять рублевъ денегъ; а то-бъ посадскимъ, и уѣзднымъ людямъ вы говорили, чтобъ они тѣ денги платили тотчасъ вскорѣ, а о томъ не оскорблялись, впередъ ихъ государь пожалуетъ дготою во всякихъ податѣхъ на многіе годы. И вы-бъ однолично денги съ сохъ тотчасъ собирали, и собирали съ великимъ радѣньемъ и поспѣшьемъ, и прислали тѣ денги и всякіе денежныя доходы, что у васъ въ сборѣ будетъ, ко мнѣ тотчасъ, и велѣли посыльникомъ ѣхать съ денгами днемъ и ночью, не мѣшкая нигдѣ ни часу; да съ кѣмъ имянемъ и котораго числа денги, и сукна, и камки, и тафты, что дадутъ всякіе люди нѣмецкимъ людямъ на наемъ, и сборныя денги съ сохъ ко мнѣ пошлете, и вы-бъ о томъ ко мнѣ отписали, чтобъ мнѣ было вѣдомо тотчасъ вскорѣ. А у меня, господине, въ полкѣхъ дворяни и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ нѣмецкимъ людямъ денги и лошади и платье давали не одинажды; и въ Новѣгородѣ митрополитъ, и архимариты, и игумены, и гости, и посадскіе и уѣздные всякіе люди, нѣмецкимъ ратнымъ людямъ на наемъ, денги, и сукна, и камки, давали сколько кому мочно. А однолично-бъ вамъ денежнымъ сборомъ и сукнами, и камками поспѣшнѣе, прислатъ ихъ ко мнѣ тотчасъ».

Подлинникъ, писанный столбцомъ, на двухъ листкахъ, находится въ бумагахъ Соликамскаго уѣзднаго суда. Былъ запечатанъ пакетомъ, имѣеть на оборотѣ надпись: Господамъ города Пермь приказнымъ людямъ.—118 году, сентября въ 20 день, привезъ смышъ боярской Василей Федоровичъ Вайдинъ—Зеленой.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Пермскій воевода доносилъ князю Михаилу Васильевичу Шуйскому—о невозможности отправить денежную казну до перваго зимняго пути и что имъ посылаются соболи и лисицы на жалованье ратнымъ людямъ; наказной же памятью воевода кайгородскихъ и зюздинскихъ старость просить собрать деньги, сукна, камку и тафту на жалованье наемнымъ шведскимъ и крымскимъ ратнымъ людямъ (Тамъ же, №№ 140 и 265).

Примѣчаніе. Приведемъ документы по этому поводу: «Государя царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русии боярину и воеводѣ князю Михаилу Васильевичу, Федко

Окиневъ да Наушко Романовъ челошь бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 118 году, сентября въ 20 день, писалъ ты, государь, къ намъ и прислалъ въ Пермь Василія Байдина-Зеленова для того, что, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, собрались воры и литовскіе люди, хотя разорити Московское государство и святую крестьянскую вѣру попрали, и святыхъ Божии церкви осквернили, и кровь крестьянскую неповинную пролили, и многую невзгоду и разоренье въ государствѣ учинили, и похваляются Московское государство конечному разоренію предати, и всѣхъ православныхъ крестьянъ побити: и милосердый Богъ, ожидая нашего обращенія, еще конечному разоренію Московского государства не предаль, и многихъ государствъ государи, вида отъ литовскихъ людей Московскому государству неправедное разореніе, за святую крестьянскую вѣру и за святыхъ церкви и за государя и за все православное крестьянство вступились, и прося у Бога милости, хотятъ Московское государство отъ воровъ очистити. И прислалъ ко государю нашему царю и великому князю Василію Ивановичу всеа Русіи на помощь Свѣйской король воеводъ своихъ Якова Пантусова Деллагарду съ товарищи, а съ ними ратныхъ людей, французъ, шкоть, агличанъ, цысаревы области, свѣянъ, и нинхъ земель многихъ воинскихъ людей: и ты, государь, князь Михайло Васильевичъ, прося у Бога милости, идучи ко государю къ Москвѣ, съ государевыми съ русскими и съ тѣми нѣмецкими людьми, многіе города очистилъ и во многихъ мѣстѣхъ воровъ и литовскихъ людей побилъ, и нынѣ, сождався съ костромскими и съ ярославскими и нинхъ городовъ съ людьми, идешъ ко государю на помощь къ Москвѣ. Да ко государю-жь прислалъ Крымской Саламетъ-Гирей царь-царевича Калгу, а съ нимъ князей и мурзъ и воинскихъ людей сорокъ тысячъ человекъ, и идуть они съ Коложнн къ государю на помощь наслѣтъ; а хотятъ все дѣлати государя нашего по волѣ, какъ государь нашъ изволитъ. А иноземцомъ, наемнымъ людямъ, найму дать нечего: въ государевѣ казнѣ денегъ мало, что государь на Москвѣ отъ воровъ сидитъ въ осадѣ болши году, и которая казна была, и та роздана ратнымъ людямъ, которые сядѣли съ государемъ на Москвѣ. И намъ бы, государь, самимъ, и гостемъ и торговымъ лучшимъ, и середнимъ и всякимъ людямъ говорити, чтобъ они, для покою и крестьянскія избавы и для того, чтобъ Московское государство за наемными денгами и досталь не разорилось, дали, на наемъ ратнымъ людямъ, денегъ и суконъ, да и камокъ и тафтъ, сколько кому мочно; а какъ, дастъ Богъ, отъ воровъ и отъ литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ, и государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи велитъ тѣ денги заплачивать. А кто сколько денегъ, и суконъ, и камокъ, и тафтъ, дастъ, и намъ бы то писати въ книги имянно и прислати тѣ денги, и сукна, и камки, и тафты, къ тебѣ въ полки тотчасъ наскоро. А будетъ, государь, суконъ вскорѣ не учнутъ давать и намъ бы, государь, сукна лундыши и настрафили и всякія сукна, опричь дорогихъ и самыхъ худыхъ суконъ отписати на государя и, переписавъ тѣ сукна, и перешривъ и цѣну тѣмъ сукнамъ, прислати ихъ къ тебѣ тотчасъ, а торговымъ людямъ за сукна дати денги изъ государевы казны тотчасъ безволокитно. А однолично-бъ вамъ, и гостемъ, и посадскимъ, и уѣзднымъ лутчимъ, и середнимъ и всякимъ людямъ, тѣмъ послужити и Московское государство отъ воровъ свободно учинити: денги, и сукна, и камки, и тафты, собрати и прислати къ тебѣ въ полки, ратнымъ людямъ на наемъ, тотчасъ вскорѣ, и велѣти ѣхати съ тою казною днемъ и ночью, нигдѣ не мѣшкаа. Да собрати-бъ, государь, намъ съ посаду и съ уѣзду, опричь того, кто что изъ воли своей дастъ, для избавы крестьянскія, нѣмецкимъ и крымскимъ людямъ на наемъ съ сохи по пятидесять рублевъ денегъ; а то-бъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ мы говорили, чтобъ они тѣ денги платили тотчасъ вскорѣ, а о томъ не оскорблялись, впередъ ихъ государь пожалуетъ лготово во всякихъ податѣхъ на многіе годы. И вамъ-бъ, государь, однолично денги съ сохъ тотчасъ собрати, и собрати съ великимъ радѣньемъ и поспѣшеніемъ, и прислати тѣ денги и всякіе денжные доходы, что у насъ въ сборѣ будетъ, къ тебѣ тотчасъ и велѣти посыльникомъ ѣхати съ денгами днемъ и ночью, не

иъшвая нигдѣ ни часу; да съ кѣмъ именовъ и которого числа денги, и сукна, и камки, и тафтѣ, что дадутъ всякіе люди нѣмецкимъ людемъ на нвѣтъ, и сборныя денги съ сохъ къ тебѣ пошлемъ, и намъ бы, государь, о томъ къ тебѣ отписати, чтобъ тебѣ было вѣдомо тотчасъ вскорѣ.—И мы, государь, слышавъ такое милосердіе Возіе, что милосердый Богъ подалъ государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи, его государевымъ счастьемъ, на его государевыхъ ииѣвинниковъ и на раворителей вѣры крестьянскія, на литовскихъ людей, помощь и одолѣніе тобою государемъ, въ Перми со всіми православными крестьянами обрадовались и Господу Богу, и Пречистѣй Богородицѣ, и великимъ Московскимъ чудотворцомъ Петру и Алексѣю и Іонѣ, и всімъ святымъ, хвалу со слезами вовдали; а перничать, государь, лутчимъ, и середнимъ, и молодчимъ людемъ и всімъ православнымъ крестьяномъ о томъ говорили, чтобъ они, всѣ православные крестьяне, для покою и для избавы крестьянскія, дали волею своею, кому сколько мочно, денегъ, и суконъ, и камокъ, и тафтѣ. И перничіи, государь, чердынцы лутчіе, и середніе и молодчіе люди сказали намъ, что у нихъ въ Перми сукнами, и камками и тафтами никто не торгуетъ, а кѣтъ иныхъ де, государь, городовъ къ нимъ торговыя люди съ такими товары не ѣдять; да и мы, государь, въ радѣхъ суконъ, и камокъ, и тафтѣ имъ у кого не смыскали. И чердынцы государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи дали, волею своею, для покою и избавы крестьянскія, по своему каможенью, отъ своей чердынской земли, семь сороковъ соболей; а усолцы, государь, сказали, что они служатъ государю сибирскими отпуски и иныя государевы службы служить, и и тому де они дали писмо, за своими руками, Василью Вайдину-Зеленово, а суконъ де, государь, у нихъ, и камокъ, и тафтѣ нѣтъ же, да и мы у нихъ, въ раду не смыскали. Да мы государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи дали, по своему каможенью, для избавы крестьянскія: а, Федка, сорокъ соболей да лисицу черну, а я, Наушко, сорокъ соболей. И мы, государь, тѣ соболи, что дали чердынцы, и свои соболи и лисицу, послали ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи съ перскими съ земскими цѣловальникъ, съ Иваномъ Игошевымъ да съ Яковомъ Денисовымъ, и велѣли имъ вѣсть съ Васильемъ Вайдинымъ-Зеленого; а велѣли имъ съ тѣми соболями явнть тебѣ государеву боярину и воеводѣ князю Михаилу Васильевичу. А что, государь, сверхъ того велѣлъ ты намъ собрати съ Перми, для избавы крестьянскія, съ сохъ по пятидесяти рублевъ: и мы, государь, для тѣхъ денегъ розослали во весь Пермской уѣздъ земскихъ приставовъ, а велѣли имъ съ крестьянъ тѣ денги собрати. А что, государь, у насъ въ сборѣ есть государевыхъ данныхъ и оброчныхъ денегъ, и мы, государь, тѣхъ государевыхъ денежныхъ доходовъ ко государю съ Васильемъ Вайдинымъ-Зеленого не послали по тому, что еще путь зимней не уставился; а какъ, государь, путь установится и мы, государь, тотчасъ тѣ всѣ денежные доходы ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи отпустимъ. А печать, государь, у соболей и у лисицы монхъ, Федкиныхъ, и у мирскихъ моя,—орелъ, а около—мое, Федкино, ииъ; а у монхъ Наушковыхъ соболей и у мирскихъ—звѣрь».

Черновой отпускъ сей отписки, столбцемъ на 5-ти листкахъ, наводиться въ бумагалъ Соликамскаго уѣзднаго архива.

«Лѣта 7118, сентября въ 27-й день, по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи указу, память кайгородскимъ и звезднискія волости старостамъ и цѣловальникомъ, и всімъ земскимъ людемъ, посадскимъ и волостнымъ крестьяномъ, лутчимъ и середнимъ и молодчимъ. Въ нынѣшнемъ во 118 году, сентября въ 20 день, писалъ государевъ царевъ и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской, въ Пермь Великую, ко государевымъ приказнымъ людемъ Федору Петровичу да Науку Романову, и къ архимаритомъ, и къ игуменомъ, и къ протопопомъ, и къ попомъ, и къ старостамъ и къ цѣловальникомъ, и ко всімъ православнымъ крестьяномъ, что за грѣхи всего

православнаго крестьянства, собрались воры, литовскіе люди, хотя разорити Московское государство и святую нашу хрестыанскую вѣру погрѣхатъ, и святыя Божіи церкви осквернили, и кровь хрестыанскую неповинную пролили, и многую неогду и разореніе въ государствѣ учинили, и похваляются Московское государство конечному разоренію предати, насъ и васъ всѣхъ побити: и милосердый Богъ, ожидая нашего обращенія, еще конечному разоренію Московскаго государства посягнѣста не предавъ. И многихъ государствѣ государи, вида отъ литовскихъ людей Московскому государству неправедное разореніе, за святую нашу хрестыанскую вѣру и за святыя церкви и за все православное хрестыанство вступились, и прося у Бога милости, хотятъ Московское государство отъ воровъ очистить. И прислалъ ко государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи на помочь Свѣйскаго король воеводъ своихъ Якова Пантусова Делаягарду съ товарищи, а съ ними ратныхъ людей, французъ, шкоть, агличанъ, пйсаревы области, свѣянъ, и иныхъ земель многихъ воинскихъ людей; и прося у Бога милости, государевъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуиской идетъ ко государю, къ Москвѣ, съ государевыми съ русскими и съ тѣми вѣмецкими людьми: многие города очистилъ, и во многихъ мѣстѣхъ воровъ и литовскихъ людей побилъ; и нынѣ, сеждався съ костромскими, и съ ярославскими и иныхъ городовъ съ людьми, идетъ ко государю, на помочь, къ Москвѣ. Да ко государю-жѣ прислалъ Крымской Саламетъ-Гирей царь-царевича Калгу, а съ нимъ князей, и мурзъ и воинскихъ людей сорокъ тысячъ человекъ и идутъ они съ Коломны, ко государю на помочь, насилѣхъ, а хотятъ все дѣлать государя нашего по волѣ, какъ государь нашъ изволитъ. А иноземцомъ, наемнымъ людямъ, найму дать нечего, въ государевѣ казнѣ денегъ мало. Вѣдомо вамъ самимъ, что государь на Москвѣ отъ воровъ сидитъ въ осадѣ, болши году: и котарая казна была, и та роздала ратнымъ людямъ, которые сидѣли съ государемъ на Москвѣ.—И по государеву цареву и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи указу, кайгородскимъ и звонденскіи волости старостамъ и цѣловальникомъ, и всѣмъ православнымъ крестьяномъ, дутчимъ и середнимъ и молодчимъ и всякимъ людямъ, для покою и хрестыанскія избавы, и для того, чтобъ Московское государство и досталь за ижеимыми денгами не разорилоса, дати наемнымъ ратнымъ людямъ денегъ, и суконъ, и камокъ, и тафтъ, сколько кому мочно. Какъ дастъ Богъ, отъ воровъ и отъ литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ, и государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи велитъ вамъ тѣ денги, и сукна, и камки, и тафты заплатити вдвое, и сверхъ того велитъ васъ государь въ своихъ государевыхъ податѣхъ полготити на многіе годы. И вы бы всѣ православные крестьяня, о томъ не оскорблялися, и государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи службу свою и радѣнье какъ начали, такъ бы и совершили, денги, и сукна, и камки, и тафты, собрали тотчасъ, съ великимъ радѣньемъ, не иѣшпавъ, кому что мочно дати; а кто сколько денегъ, и суконъ, и камокъ, и тафтъ дастъ, и вы писали въ книги имянно. И какъ, Василій Федоровичъ Байдинъ-Зеленой, собравъ тѣ запросныя денги, и сукна, и камки, и тафты съ Чердыни и съ Усоляя Камскаго, поѣдетъ ко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи, къ Москвѣ, мно Кайгородокъ, и у васъ бы все то было готово. Да вамъ же, кайгородскимъ старостамъ и звонденскимъ цѣловальникомъ, собрати съ посадовъ и съ уѣздовъ, oprичъ того, кто что изъ воли дастъ, для избавы хрестыанскія, вѣмецкимъ и крымскимъ людямъ на наемъ, съ сохи по пятидесяти рублевъ денегъ; а то бы вы, старосты и цѣловальники, всѣмъ православнымъ крестьяномъ говорили, чтобъ тѣ денги платили вскорѣ, а о томъ бы не оскорблялися, и впередъ ихъ государь пожалуетъ лготою на многіе годы во всякихъ податѣхъ. И вы бы однолично тѣ денги собрали съ сохъ тотчасъ, да и данныя-бъ есте государевы денги, на прошлой на 117 и на нынѣшней на 118 годъ, и съ судныхъ дѣлъ пошлыми денги, и тѣмъ денгамъ книги, иршлали тотчасъ, въ Чердынь, къ Федору Петро-

вичю да къ Науму Романову.—Къ сей памяти Федоръ Петровичъ да Василей Вайдиль-Зеленой печати свои приложилъ.

Черновой отпускъ писать столбикомъ, на 4-хъ листкахъ, съ помарками.— Изъ архива Соликамскаго уезднаго суда.

Тамъ же находится подтверждающая воеводская память Соликамскому судейскому старосту Евсиму Степанову, писанная 1609 г., октября 5, столбикомъ, на 2-хъ листкахъ, безъ скръти.

Не считаемъ излишнимъ присовокупить, что смутное время не прошло безъ слѣда и въ Вятскомъ краѣ. Смута прежде всего проявилась въ городѣ Котельничѣ, жители котораго, измѣнивъ царю Василю Ивановичу Шуйскому, отказали посланцу его въ ратныхъ людяхъ еще въ 1606 г. Попытка же возмутить Хлыновцевъ не удалась: прибывшій къ нимъ „воръ“ Чувашка Яковлевъ выданъ былъ воеводѣ Михаилу Ухтомскому и казненъ.

Князь Ухтомскій, собравъ рать со всей вятской земли, ревностно охранялъ предѣлы ея отъ набѣговъ возмущившихся татаръ и черемисъ, сносаясь по этому поводу, частыми послылками, съ пермскимъ воеводою, котораго увѣдомляя, что „вятчане, съ помощію Божию, никакой воровской смутѣ не вѣрятъ и на воровъ стоятъ безъ всякаго шатости“. Но въ ноябрѣ 1609 года пришлось таки Вятѣ испытать нашествіе „воровскихъ людей“, бродившихъ тогда по всѣмъ концамъ Московскаго царства. Дѣятельный и распорядительный воевода Ухтомскій, описывая бѣдствія г. Котельнича, въ посланиіи своемъ къ пермичамъ, просилъ помощи: „писали мы къ вамъ, напредь сего, что государевы измѣнники—воры, волжскіе казаки, которые были подъ Свіяжскомъ, собрався съ чебоксарскими, и козмодемьянскими, и шанчуринскими, и съ царегородскими, и яранскими стрѣльцы и со всякими съ русскими воры, и съ луговою черемисою со многими людьми, и, пришедъ изъ Яранска къ Вятѣ, Котельничѣ—городокъ взяли, и церкви Божіи осквернили, и образы одравъ покололи, и сотника стрѣleckаго Захара Попова на колъ посадили, и многихъ людей побили, а женъ и дѣтей позорять: сѣли въ Котельничѣ, а изъ Котельнича во всѣ городки пишутъ воровствомъ всяческимъ, чтобъ имъ всю вятскую землю прельстить и къ вору привести“. Собирая силы, чтобы „надъ воры промышляти“, князь Ухтомскій вновь просилъ пермскаго воеводу, „помня Бога и своя души и государево царево и великаго князя Василя Ивановича всея Россіи крестное цѣлованіе, вятской земли воровъ не подати, прислати-бъ на Вятку ратныхъ многихъ людей, чтобъ вятская земля отъ воровъ до основанія не разорилась; а буде-жъ, за грѣхи наши, Вятка не устоитъ, и вашей Перми тожъ не будетъ“. Грамоты о присылкѣ ратныхъ людей разослалъ Ухтомскій всѣмъ сосѣдямъ вятской земли: казацкамъ, устюжанамъ, вычегодцамъ и въ пермскіе города—Кай и Соликамскъ, назначая мѣстомъ сбора ихъ г. Орловъ, гдѣ укрѣпился самъ съ 12-ю тысячами войска.

Потребность извѣстной солидарности между разными областями Московскаго царства сказалась въ это время въ лучшихъ людяхъ; но пермичи съ своимъ воеводою оказались на этотъ разъ далекими отъ этого сознанія—общ-

ности интересов,—отдѣлываясь пустыми отписками, за что и укоряли ихъ вятчане довольно рѣзко: „писали мы къ вамъ многожды, чтобъ вамъ прислать къ намъ на Вятку ратныхъ людей, а вы къ намъ писали самою глупостью, а не токмо что глупостью—пьянствомъ—видите надъ нами отъ воровъ разоренье великое, а у васъ ратные люди въ сборѣ есть, а къ Вяткѣ ихъ не пришлете“. Укоряя пермичей за то, что они „крестное цѣлованье и его государево жалованье забыли“, вятчане ставили имъ въ примѣръ „какъ служить и прямиать государю устюжане и Соль-Вычегодская“. Но Ухтомскому не пришлось сразиться съ измѣнниками—воровскими людьми: они, очистивши Котельничъ въ декабрѣ, удалились въ Яранскъ, жители котораго скоро присягнули самозванцу. „Шатость“, общая тогда многимъ русскимъ землямъ, не чужда была и вятчанамъ, которые присягнули было второму самозванцу, слѣдуя въ этомъ случаѣ казанцамъ, приславшимъ къ нимъ крестоцѣловальную запись.

Въ 10-е декабря, по царскому указу, послана память соликамскому посадскому человѣку Саввѣ Никитину, чтобы онъ, съ собранными, по 5 человѣкъ съ сохи, ратными людьми шель на защиту вятскаго края чрезъ Кайгородъ, гдѣ ему сождать приказнаго человѣка Наума Романова. Вслѣдствіе сего, „Наумъ Усоля-Камскаго со старосты, и съ цѣловальники и со всѣми православными крестьяны, услыша про то, прося у Бога милости, собрали ратныхъ людей съ Усоля-Камскаго съ сохи по 5-ти человѣкъ, а иныхъ собирають, и тѣхъ ратныхъ людей послати въ Кайгородъ съ нимъ Савою.— И Саввѣ Никитину съ тѣми Усоля-Камскаго съ ратными людьми итти въ Кайгородокъ, а въ Кайгородкѣ ему сождаться съ государевымъ съ пермскимъ съ приказнымъ человѣкомъ съ Наумомъ Романовымъ; и того Саввѣ беречи, на крѣпко, чтобъ тѣ ратные люди дорогою шли и въ Кайгородкѣ стояли смирно, и зерню не играли, и государевыхъ людей не грабили, и кормовъ насильствомъ не имали, и никакого дурна не дѣлали. А будетъ ратные люди учнутъ дорогою идучи воровать, грабить и кормы имать безденежно, и въ томъ на нихъ будутъ государю челобитчики, и то все, у кого что возмутъ насильствомъ, велить государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи доправить на немъ, на Саввѣ, вдвое, да ему-жь, Саввѣ, за то быть отъ государя въ опалѣ и въ казни“. (Изъ черноваго отписки съ пометками, изъ Соликамскаго архива, напечатана въ акт. истор. II, 323).

Въ томъ же декабрѣ устюжскій воевода просилъ Пермскаго Акиноова, а равно судей, старостъ и цѣловальниковъ, оказать пособіе вятской землѣ, и что онъ (воевода) „поговоря у Соли-Вычегодскія съ Максимомъ, и съ Никитой и съ Петромъ Строгановыми и со всею усольскою землею, (потому что въ мой прїѣздъ были изъ всѣхъ усольскихъ волостей люди) велѣли быть головно всякимъ людямъ наготовѣ, со всякимъ ратнымъ боемъ; а въ станы, и въ волости, и въ украинные городки, отъ вятскія и казанскія земли, о томъ же писали, чтобъ были всѣ наготовѣ и жили великимъ береженьемъ. И вамъ бы, господине, помня то, на чемъ естя души дали и крестъ цѣловали государю

царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи, и для избавы крестьянскія вѣры, ратныхъ людей съ головами послали тотчасъ, помогати вятской землѣ и городомъ, чтобъ крестьянской вѣрѣ и вятской всей землѣ отъ воровъ разоренья не было. А язъ, поговоря съ усольцы, велѣли наймывати поголовно на государевы денги, а не съ сохъ, многихъ людей; а что на тѣ люди выйдетъ денегъ изъ государевы казны, и тѣ деньги приговорили собрать съ сохъ опослѣ и отдати въ государеву казну. И вамъ бы, господине, для избавы крестьянскія и для разоренья православныя вѣры, тотчасъ собравъ ратныхъ людей поголовно, для поспѣшенья, послати съ головами вятскимъ городомъ и всей землѣ помогати и на воровъ задиньъ стояти, помня крестное цѣлованье, на чомъ государю и всей землѣ души дали; а впередъ всею пермскою землею, всѣмъ наготовѣ быти со всякимъ ратнымъ боемъ, а по отпискамъ съ Ватки князь Михайла Ухтомскаго и всѣхъ вятскихъ людей, до государеву указу, ратныхъ людей собирать и всей вятской землѣ помогати. А какову, господине, отписку вамъ пишу, и язъ такову же отписку и ко государю послалъ, и въ полки ко князю Михайлу Васильевичу послалъ же тотчасъ". (Изъ Соликамскаго архива).

Независимо отъ сего, мы нашли и отписку Строгановыхъ, посланную изъ Соль-Вычегодска въ Пермь, въ началѣ декабря того же 1609 г., въ которой соль-вычегодцы высказали: „И мы у Соли-Вычегодскія приговорили всею землею, чтобъ намъ и вамъ вятскія земли не подати, и воровъ бы въ ваши мѣста и къ намъ не пропустить: и мы, для крестьянскія избавы, отъ Соли посылаемъ на помощь къ Вяткѣ ратныхъ людей наспѣхъ, съ сохъ, рѣзвыхъ служилыхъ людей, съ головами, а затѣмъ, по вѣстямъ смотря, хотимъ итти къ Вяткѣ на помощь всѣ своими головами. И вамъ бы, господа, (пермичи) также помня государево цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи крестное цѣлованье, на чемъ вы и мы души свои государю дали, государевымъ ратнымъ и земскимъ дѣломъ порадѣли вскорѣ—ратныхъ людей къ Вяткѣ послать тотчасъ; да и самимъ быти вамъ всѣмъ, со всякимъ ратнымъ боемъ, наготовѣ". Въ заключеніе своей отписки, между прочимъ, Строгановы передаютъ о ходѣ дѣла подъ Москвой такимъ образомъ: „во 118 году, ноября въ 30-й день, пригналъ съ Москвы на подводахъ старецъ Варсоноей Маминъ Чудова монастыря, а ѣдетъ онъ съ государевыми грамотами къ Вяткѣ, и въ распросѣ намъ сказалъ, что де государевъ бояринъ и воеводы князь Михайло Васильевичъ Шуйскій съ товарищи отпустили изъ Александровы слободы передовыхъ людей къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, и изъ подъ Троицы де воровскіе всякіе люди побѣжали, а государевы люди поставили острогъ и Божією милостію, и Пречистыя Богородицы и великихъ московскихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ молитвами, и государевымъ счастьемъ, государевъ ближней пріятель князь Дмитрий Ивановичъ Шуйской тѣхъ воровъ побилъ, и живыхъ лутчихъ пановъ поймали больше трехъ сотъ человекъ; а государевъ де бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской дожидается къ себѣ въ Александрову слободу достальныхъ нѣмецъ

осьми тысячъ, а какъ де тѣ нѣмцы къ нему придуть, и онъ де тотчасъ и самъ пойдетъ со всѣми ратными людьми къ Москвѣ.—И вамъ бы, господа, одноконечно вятскія земли не подать и противъ воровъ съ нами вмѣстѣ заодно стоять; а что, господа, о томъ ваша мысль, и вы къ намъ тотчасъ отпишите, съ нашимъ же гончикомъ, не зарержавъ“. (Изъ Соликамскаго архива).

Въ декабрѣ мѣсяцѣ поступила въ Пермь Великую отписка князя Михайла Шуйскаго о немедленномъ сборѣ съ Пермскаго уѣзда по 50 руб. съ сохи на наемъ нѣмецкихъ ратниковъ. (Акт. истор., т. II, № 152).

Примчаніе. Приведемъ отписку: «Господину Федору Петровичу, Науму Романовичу—Михайло Шуйской съ товарищи челомъ бѣсть. Писали есте и прислали къ намъ, съ пермскими цѣловальниками съ Иванкомъ Игошевымъ да съ Якушомъ Денисовымъ, ты Федоръ сорокъ собелей да лисицу, а ты Наумъ сорокъ собелей, да чердынцы посадскіе люди семь сороковъ собелей: и тѣ соболы и лисица у цѣловальниковъ у Ивашка Игошева да у Якуша Денисова въ государеву казну взяты. Да велѣно намъ собрать съ Перми, на наемъ нѣмецкимъ ратнымъ людямъ, съ сохи по пятидесять рублей: и вы для тѣхъ денегъ росослали во весь Пермской уѣздъ приставовъ, а велѣли тѣ деньги собирать; а что у васъ государевыхъ данныхъ и оброчныхъ денежныхъ доходовъ въ сборѣ, и вы тѣхъ денегъ къ намъ не послали, потому что было нельзѣ—виной путь не сталъ.—И вы-бъ, господине, съ Перми съ посадовъ и со всего Пермскаго уѣзда, по прежнему указу, съ сохи, на наемъ нѣмецкимъ ратнымъ людямъ, и всякія данныя и оброчныя деньги, собравъ тотчасъ сполна, безъ недобору, и прислали къ намъ не мѣшкая.» А назади написано: справилъ подъячей Василей Тимофеевъ, 118 году, генваря въ 13 день, привезъ Яковъ Денисовъ.

Совершенноый списокъ въ бумагахъ Соликамскаго уезднаго архива.

Распоряженіе Михайла Шуйскаго о сборѣ съ сохи по 50 руб. съ обывателей Пермскаго уѣзда, на наемъ нѣмецкихъ ратныхъ людей, царской грамотой отмѣнено. (Акт. ист., т. II, № 153).

Примчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, подъячю Науму Романову. Вѣдомо намъ учинилось, что пермичи, чердынцы, и усольцы и кайгородцы, намъ служатъ противъ нашихъ невѣнниковъ, стоять, помня наше крестное цѣлованье; и мы ихъ, за ихъ службу и за радѣнье, пожаловали: денегъ, что велѣно взять на нихъ для нашей службы, по нашей грамотѣ, что прислана въ Пермь отъ боярина нашего отъ князя Михайла Васильевича Шуйскаго, съ сохи по пятидесять рублей, имати на нихъ не велѣли.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ на пермичахъ, на чердынцахъ, и на усольцахъ и на кайгородцахъ, тѣхъ денегъ, что велѣно на нихъ взять для выѣшней нашей службы, съ сохи по пятидесять рублей, вынѣ, для ихъ службы, до нашего указа не ималъ.» Писавъ на Москвѣ, лѣтъ 7118, декабря въ 30 день.

Подлинникъ, находящійся въ бумагахъ Соликамскаго уезднаго архива, писанъ на листѣ столбцомъ. Бѣгъ запечатанъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ: Въ Пермь Великую подъячю Науму Романову.—118 году, генваря въ 30 день, привезъ государеву цареву и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи грамоту Усоляя Камского жидецъ Поспѣлко Корякинъ.

Разрѣшено пермскимъ торговымъ людямъ отправлять въ сибирскіе города хлѣбъ и продавать оный безпрепятственно. (Тамъ-же, № 141).

Примчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, Федору Петровичу Окнинову да подъячю Науму Романову. Вѣдомо намъ учинилось и въ роспросѣ сибирскіе казаки и стрѣльцы сказываютъ, что въ сибирскихъ городѣхъ хлѣбъ всякой, рожь, и овесъ и ячмень, покупать нежъ себя всякіе

люди дорого, а изъ верховскихъ городовъ, и съ Перми Великия, и съ Вятки, и съ Устюга Великаго, и отъ Соли отъ Вычегодской, и съ Выми, торговые люди хлѣба въ Сибирь на продажу не везуть; а говорятъ де, что они хлѣба не везуть за тѣмъ, что въ сибирскихъ городѣхъ воеводы и головы у нихъ, у торговыхъ людей, хлѣбъ всякой едятъ на насъ.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ въ Перми и въ пермскихъ пригородѣхъ на посадѣхъ по торгожъ и въ уѣздѣхъ по селомъ и по волостямъ, по малымъ торжкомъ, велѣли кликати бирючемъ не по одинъ день, чтобъ изъ Перми и изъ пермскихъ пригородовъ и изъ уѣздовъ всякіе торговые люди ѣхали въ сибирскіе города со всякими товарами и съ хлѣбомъ на продажу; а нашъ указъ въ сибирскіе города къ воеводамъ и къ головамъ посланъ, тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ у тѣхъ торговыхъ людей на насъ имати не велѣно, а велѣно имъ торговати въ сибирскихъ городѣхъ новолно и продавати хлѣбъ какъ цѣна подыметь.» Писанъ на Москвѣ, лѣта 7118, октября въ 9 день.

Подлинникъ, находящійся въ бумагахъ Соликамскаго уѣзднаго архива, писанъ на листѣ столбцомъ.

Царской грамотой повелѣвалось Пермскому воеводѣ Акинѣеву призывать охочихъ пашенныхъ людей на переселеніе въ Пелымскій уѣздъ, съ тѣмъ чтобъ желающіе переселиться дали-бы подпски о своемъ желаніи, такъ какъ на переселеніе имъ выданы будутъ деньги. (Тамъ-же, № 251).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Отъ царя и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, Федору Петровичю Окинѣеву да подъячому Науму Романову. Въ нынѣшнемъ, въ 117 году, октября въ 8 день, писали къ намъ, изъ Сибири, изъ Пелымскаго города, Иванъ Годуновъ да Петръ Ислѣньевъ, что по нашему указу велѣно имъ прибрати въ Пелымской уѣздѣ въ Тоборинскую волость пашенныхъ охочихъ людей, человекъ съ пятьдесятъ и до ста, отъ отца—сына, отъ дяди—племянниковъ, и отъ братьи—братью, и отъ сусѣдъ—сусѣдовъ, а не съ тягла, а на подмогу, на лошади для нашихъ пашинъ, и на дворовое строеніе, велѣно давати изъ нашихъ казинъ; и въ Тоборы де охочихъ вольныхъ людей на пашню, на Пелыми, прибрать не кого; а въ Перми де и у Соли у Камской охочихъ людей на Тоборинскую пашню добыти можно, а безъ нашего указа ихъ не отпустить: и намъ-бы имъ о томъ велѣти указъ учинити. И нынѣ, по нашему указу, велѣно послати въ Пермь Великую и къ Соли къ Камской, съ Пелыми, сына боярскаго добра, а велѣно ему, пріѣхавъ въ Пермь и къ Соли къ Камской, свѣстася въ Перми съ вами, прибрати въ Тоборы, на пашню, охочихъ людей, а не съ тягла, по прежнему нашему указу, человекъ съ пятьдесятъ и до ста; а на подѣжъ тѣмъ крестьяномъ, чѣмъ имъ поднятися до Пелыми, велѣно послати сто пятьдесятъ рублевъ.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а съ Пелыми въ Пермь Великую и къ Соли къ Камской, для пашенныхъ охочихъ людей, сына боярскаго пришлоути, а вы-бъ съ тѣмъ сыномъ боярскимъ прибрали, въ Перми и у Соли у Камской, въ Пелымской уѣздѣ въ Тоборы, на пашню, пашенныхъ людей человекъ съ пятьдесятъ и до ста, охочихъ, отъ отца—сына, и отъ братьи—братью, и отъ дяди—племянниковъ, и отъ сусѣдъ—сусѣдовъ, а не съ тягла, а велѣли о томъ въ Перми и у Соли и въ уѣздѣхъ, по торгожъ и по малымъ торжкомъ, кликати бирючемъ, не по одинъ день, и сказывали имъ: кто похочетъ въ Тоборы во крестьянина, и ихъ, по нашему указу, велѣно сажати въ Тоборахъ на пашню, по уговору, на которой долѣ кто похочетъ сѣсти; а пашню имъ и угодья всякія, и на подмогу, на лошади и на дворовое строеніе, деньги велѣно давати изъ нашихъ казинъ, и наша пашня пашеть, потому-жъ, по доляжъ, противъ тюменскихъ и верхотурскихъ крестьянъ, по уговору, на чемъ кто сядеть; а льготы имъ велѣно давати на годъ, и на два, и болши, смотря по пустотѣ. Да только охочіе люди въ Тоборы на пашню прибратися учнутъ, и вы-бъ тѣхъ людей нимаи, и сколь кто семьяниотъ, велѣли писати на росписъ, и уговорася съ ними льготомъ и подмогомъ, а давъ имъ чюдведемъ, отпустити ихъ въ Пелыми»

ской городъ, съ тѣхъ симою боярскимъ выѣстѣ; а въ кобылѣ, и въ нашей пашнѣ, и въ подможныхъ деньгахъ, имали-бъ есте по нимъ вѣрныя поруки съ записями, да тѣ поручныя записи всѣ и росписи крестьяномъ, сколь кто сѣбявистѣ, послали на Пелымъ съ тѣхъ-же симою боярскимъ; а на подъемъ, тѣмъ имъ поднятца до Пелыми, дали-бъ есте имъ, въ подможныя деньги, въ Перми и у Соли, по рублю и по два, смотря по людямъ и по семьямъ, изъ тѣхъ денегъ, которыя присланы будутъ съ пелымскими симою боярскимъ; а достальныя деньги, на чемъ уговоритесь, велѣно имъ додати на Верхотурьѣ, а что кому, по уговору, подможныхъ денегъ додати, и вы-бъ на Верхотурьѣ, къ воеводамъ, къ Степану Годунову да къ Ивану Илещеву, отписали и послали роспись. А сколько пашенныхъ охочихъ людей, въ Перми и у Соли, прибравъ, на Пелымъ отпустите, и на чемъ съ ними подмоговъ и льготовъ уговоритесь, и что кому имянемъ на подъемъ изъ нашихъ казны денегъ дадите, и что на Верхотурьѣ додати, и на которой долѣ кто уговоратца състи, и вы-бъ о томъ тотчасъ отписали къ намъ, къ Москвѣ, и велѣли отписку отдати въ приказѣ Казанского дворца.» Писанъ на Москвѣ, лѣта 7117 августа въ 6 день*).

Подлинникъ писанъ столбцею, на двухъ листкахъ, со скръпю по склейкѣ: двѣкъ Семейка Еуемьевъ. Былъ свернутъ пакетомъ и запечатанъ, имыеть на оборотъ надпись: Въ Пермь Великую, Федору Петровичу Окинеову да подьячему Науму Романову; тамъ-же помѣта: 118 сентября въ 24 день привезъ грамоту тобарскаго города казакъ Иванъ Зубченко. — Изъ архива Солжматскаго уезднаго суда.

Въ этомъ году взбунтовались верхотурскіе, тобольскіе, пелымскіе, березовскіе и др. вогулы и остяки съ цѣлію овладѣть Тюменемъ и убить всѣхъ русскихъ. При этомъ татары полагались особенно на помощь калмыковъ. Къ тому-же смутное время въ Россіи, подобному возстанію благопріятствовало. Однакожь, объ этомъ возстаніи узнали и бунтовщиковъ, схвативъ предали смертной казни, и такимъ образомъ страна успокоилася. (Смб. ист. Фишера, стр. 250).

Въ Дыскорскомъ монастырѣ архимандритомъ былъ Арсеній, управлявшій монастыремъ съ 1609 по 1623 годъ.

Строгановы деньгами и позитками своими, во время Московскаго разоренія, государю служили и „помоществовали своими людьми, куда онъ, великій государь, послать помощь прикажетъ, что засвидѣтельствовано царскими грамотами“ изъ которыхъ, одной повелѣвалось: „Соль-Вычегодска съ посаду и Усольскаго уѣзду, собравъ ратныхъ людей съ копыями, пицальми и со всякимъ ратнымъ боемъ, сколько будетъ пригоже, предъ прежнимъ-же вдвое и, буде можно, и втрое, велѣтъ съ ними идти на Вологду,—а гдѣ ратнымъ людямъ быти, о томъ на Вологду посланъ царскій указъ.“ Строгановъ, царское приказаніе исполнилъ. Независимо отъ сего, по случаю недостатка денегъ въ царской казнѣ, отъ бывшихъ въ государствѣ смуть, онъ снабжалъ казну и деньгами.

Примчаніе. Въ то самое смутное время, получено письмо къ Соли-Вычегодской къ Максиму Строганову съ братьями, отъ боярина князя Михаила Васильевича Шуйскаго-Сюпина, въ которомъ пишетъ: ратнымъ людямъ иноземцамъ—наемнымъ дать нечего и въ государственной казнѣ денегъ мало, а государь отъ воровъ на Москвѣ сидитъ въ осадѣ и чтобъ они, господа Строгановы, на наемъ ратныхъ людей денегъ къ нему въ полки послали

*) Сравни въ акт. археогр. экспед., т. II, стр. 246, царскую грамоту подъ № 133.

скоро. Въ короткомъ времени получавъ и отъ Его Царскаго Величества въ Чусовскіе городки къ нимъ-же, Максиму съ братьями, грамота, въ которой пишеть о требованіи въ займы денегъ, на дачу ратнымъ людямъ. Въ той грамотѣ царь изволилъ упоминать съ похвалою предковъ ихъ, Строгановыхъ, многія услуги, да что предки-же ихъ великаго князя Василя Васильевича Московскаго отъ татаръ—изъ полоу откупили своими деньгами и обнадеживая ихъ, за требуемую ссуду, великую свою царскую милость, обѣщали и тѣ деньги возвратить, по сборѣ государевыхъ доходовъ,—и какъ скоро они, Строгановы, получили къ себѣ царскую грамоту, требуемое число денегъ со усердіемъ ему, великому государю, послали. (О родосл. и богат. фам. гт. Строгановыхъ. В. Шинионо).

1610 годъ.

2 января сего года Вятскій воевода князь Ухтомскій писалъ въ Пермь и просилъ, отъ лица всѣхъ земскихъ людей, чтобы воевода Акинѣевъ прислалъ ратныхъ людей съ тѣмъ, чтобы „побыти имъ на Вяткѣ до тѣхъ мѣствъ, доколѣ изъ Яранскаго воровскіе люди выйдуть“,—тѣмъ болѣе, что изъ Перми по 2-е января этого года ратныхъ людей не прислали. Въ томъ же январѣ князь Ухтомскій въ своей отпискѣ заявилъ: „писали мы къ вамъ многижды, чтобы вамъ прислати къ намъ на Вятку ратныхъ людей, для того, что государевы измѣнники, волскіе казаки и разныхъ городовъ стрѣльцы, и всякіе русскіе воры, и черемиса, въ Котельничѣ многихъ людей до основанья разорили, а въ Еранскомъ тѣхъ воровъ собранье великое; а вы къ намъ нынѣ писали самою глупостью, а не токмо что глупостью, пьянствомъ, видите надъ нами отъ воровъ разоренье великое, а у васъ ратные люди въ сборѣ есть, а къ Вяткѣ ихъ не пришлете; а которыхъ было ратныхъ людей къ Вяткѣ и послали, и вы ихъ съ дороги воротили, а къ намъ пишете, велите ссылатись съ государевыми измѣнники. И мы на вашу глупость не смотримъ, помнимъ Бога и свои души, и государево цареву и великаго князя Василя Ивановича всеа Русіи крестное цѣлованье: съ измѣнники ея не ссылаемъ, а надъ воры промышляемъ, и противъ воровъ стоимъ, какъ насъ милосердый Богъ вразумить и сколько помочи подасть“..... Далѣе сказано въ отпискѣ: „И вы-бъ, господине, глупость свою поинули: однолично-бъ къ намъ для обереганья прислать ратныхъ многихъ людей тотчасъ, чтобы Вятской землѣ помочь и воровъ не подати, да и самимъ бы вамъ отъ враговъ въ разоренѣ не быть. А что вамъ, Федору да Науму, сказывалъ Василей Тырковъ, и вы тому плутанью вѣрите, а нашему письму ни чему не вѣрите: и вамъ бы самимъ таковымъ пьянымъ всегда быть, каковъ пьянъ былъ на Вяткѣ Василей Тырковъ.“ (Ак. Археогр. вѣст. II.).

Эта просьба вновь была повторена, но другимъ воеводой Мансуровымъ, на что изъ Перми послѣдовала отписка, изъ которой видно, что мятежники изъ Яранска бѣжали, а потому вятская земля, въ посылкѣ ратныхъ людей не нуждалась болѣе.

Примѣчаніе. Приведемъ отписку: «Господяну Петру Ивановичу—Федоръ Окифѣвъ да Наукъ Романовъ челоуъ быть. Въ нынѣшнемъ во 118 году, генваря въ 29 день, писалъ ты къ

намъ, съ вятчаниномъ съ Демкою Матвѣевымъ, что, по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи указу, велѣно тебѣ быть на Вяткѣ для того, что воры изъ Еранска приходятъ въ Вятскую землю, казаки волскіе и стрѣльцы, и черемиса многіе люди, и вятскіе города и волости воюютъ; и тебѣ-бъ, по государеву указу, собрався съ вятскими и поморскими людьми, вятской земли отъ воровъ оберегать, и въ которомъ мѣстѣ воровъ свѣдаете, и тебѣ-бъ съ вятчаны и поморскихъ городовъ съ людьми, проси у Бога милости, на воровъ ходить и поискъ надъ воры чинить, сколько Богъ помочи подастъ; и намъ бы, по государеву указу, съ Перми прислать къ вамъ на помочъ людей и наряду сколько пригоже; а у васъ на Вяткѣ наряду мало, а которой былъ нарядъ въ Котельничѣ, и тотъ нарядъ понимали воры, всѣ пищали; а вы хотите, проси у Бога милости, итти на воровъ подъ Еранскъ часа того. И у насъ, господине, преже твоей отписки, съ Перми, съ Чердыни и съ Усолья Камского и съ Кайгородка, ратные многіе люди были въ сборѣ; и декабря въ 17 день писали къ намъ съ Вятки князь Михайло Ухтомской да Василей Ивановъ, что изъ подъ Котельнича воры государевы измѣнники побѣжали въ Еранскъ, и намъ бы ратныхъ людей на Вятку не послати; и та, господине, смута учинилась отъ князя Михайла Ухтомскаго да отъ Василья Иванова, и у насъ тѣ ратные люди, по той князь Михайловъ и Васильевъ отпискѣ, были распущены. А нынѣ, господине, мы съ Перми ратныхъ людей собираемъ; а какъ собрать, и мы тотчасъ ихъ къ тебѣ на Вятку пошлемъ. А наряду, господине, у насъ въ Перми лишнего нѣтъ; а что у насъ государева наряду есть, и тотъ нарядъ надобно въ Перми.“

Изъ Соловьянскую архива; Акт. Археогр. Эксп. II, 268.

Вслѣдъ за симъ, а именно 14 января, Устюжскій воевода Стрѣшневъ сообщилъ Пермскому Акинѣеву, и Верхотурскимъ—Годунову и Плещееву о смерти самозванца и о военныхъ вѣстяхъ.

Примечаніе. Приведемъ отписку: «Господишъ Федору Петровичу да Науму Романовичу, и Пермскія земли старостамъ, и цѣловальникамъ и всѣмъ земскимъ людямъ Иванъ Стрѣшневъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, господине, во рнѣ (118) году, генваря въ 11 (13) день, въ первомъ часу ночи, писали ко мнѣ изъ полковъ, государевы бояре и воеводы князь Михайло Васильевичъ Шуйской съ товарищи, съ нашими посольщиками съ Ортемкомъ Верещагинымъ да съ Никифоркомъ съ Уховертковымъ о томъ, что Возіею милостію и Пречистыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ моленіемъ и государя нашего Ц. и В. Кн. В. Ив. всеа Русіи счастье, въ большихъ Таборѣхъ вору, которой и назывался воровствомъ въ государское имя, виѣсто вора жъ розстриги Гришки Отрепьева, изгнѣ и съ своими совѣтниками, которые съ нимъ хотѣли быти поругателями православной христіанской вѣрѣ. А какова, господине, отписка къ намъ прислана изъ полковъ отъ бояръ и воеводъ отъ Князя Михайло Васильевича Шуйскаго съ товарищи, и мы съ тою отписки списавъ списокъ, подклея подъ сее отписку, послали къ вамъ въ Пермь а къ Вяткѣ, и въ Казань, и на Двину, на Колмогоры, и къ Соли Вычегодской, и въ Сибирь тѣ вѣсти мы отъ себя писали жъ, и со князь Михайловы Васильевича Шуйсково съ товарищи отписки списокъ подъ отпискою жъ послали жъ. А мы, господине здѣсь на Устюгѣ отъ велика и до мала слыша такое величіе Возіе, воздали хвалу въ Троицѣ славному Богу, собрався въ соборную церковь со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ православными христіанами пѣли молебны съ звономъ и молили Бога за Государя нашего Ц. и В. Кн. В. Ив. всеа Русіи и за его благовѣрную и христіанскую Царицу и Великую Княгиню Марью Петровну всеа Русіи, и за ихъ благовѣрную царевну и великую княжну Анастасею Васильевну всеа Русіи, и за христіанское воинство, и за все православное христіанство; и вамъ бы, господине, слыша такое величіе Возіе, такъ же воздати хвалу въ Троицѣ славному Богу.»

20 іюля получена въ Перми окружная грамота бояръ, окольничихъ и всѣхъ чиновъ Московскаго государства, о сведеніи царя Василья Ивановича

съ престола, съ увѣщаніемъ не признавать самозванца и оберегать государство отъ поляковъ. (Акт. Истор., т. III, № 162).

Примѣчаніе. Приведемъ эту грамоту: «Въ Пермь Великую, воеводѣ господину Ивану Ивановичу Чеданову да подьячеху Пятому Филатову и всѣхъ Пермскихъ пригородовъ посадскимъ лучшимъ и середнимъ и всякимъ людямъ: бояре и околичіе, и приказные люди, и столпники, и стряпчіе, и дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и гости, и торговые люди, и Московскаго государства всякіе служивые и жилице люди, челошь бѣють. За грѣхъ всего православнаго крестьянства въ Московскомъ государствѣ много время кровь крестьянская лется межусобною бранью и, видя межъ православныхъ крестьянъ межусобье, полскіе и литовскіе люди пришли въ землю государства Московскаго и многую крестьянскую кровь пролили, и церкви Божіи и монастыри разорили, и образомъ Божіимъ поругаются, и хотятъ православную крестьянскую вѣру въ Латынство превратити; и нынѣ полской и литовской король стоитъ подъ Смоленскомъ, а гетманъ Желтовскій съ полскими и съ литовскими людьми стоитъ въ Можайску, а иные литовскіе люди и рускіе воры пришли съ ворожъ подъ Москву и стали въ Коломенскомъ, а хотятъ литовскіе люди, по смышлѣ съ гетманомъ съ Желтовскимъ, государствомъ Московскимъ завладѣти и православную крестьянскую вѣру разорити, а свою Латынскую вѣру учинити. И дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и гости, и торговые люди, и стрѣлцы, и казаки, и посадскіе и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго государства, поговоря межъ себя и слыша украинскихъ городовъ ото всякихъ людей, что Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи на Московскомъ государствѣ не любятъ, и къ нему къ государю не обращаются, и служити ему не хотятъ, и кровь крестьянская межусобная лется многое время, и всталъ отецъ на сына и сынъ на отца, другъ на друга, и видя всякіе люди Московскому государству такое конечное разоренье, били челошь ему государю всею землею, всякіе люди, чтобъ государь государство оставилъ для межусобныя брани. И июля въ 17 день, государь царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, по челобитью всѣхъ людей, государство оставилъ и съѣхалъ на свой на старой дворъ и нынѣ въ чернѣхъ. И мы, бояре и околичіе, и приказные люди, и столпники, и стряпчіе и дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и гости, и торговые люди, и стрѣлцы, и казаки, и пушкари, и всякіе служивые и жилицкіе люди, цѣловали животворящей крестъ на томъ, что намъ всѣмъ противъ воровъ стоять всѣмъ государствомъ заодно и вора на государство не хотѣти; и вамъ бы всѣмъ, всякимъ людямъ, стоять съ нами вмѣстѣ заодно и быти въ соединенѣхъ, чтобъ наша православная крестьянская вѣра не разорилась, и матери бы наши, и жены и дѣти въ Латынской вѣрѣ не были; а на Московское бѣ государство vybrati намъ государя всею землею, сослався со всѣми городами, кого намъ государя Богъ дастъ, а до тѣхъ мѣстъ правити бояромъ князя Феодору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи; и промежъ бы всѣхъ православныхъ крестьянъ убивства и бою и грабежу и всякого воровства не было, ни кому, ни каковы недружбы не мстити, и противъ вора и литовскихъ людей стоять всѣмъ заодно, чтобъ государства Московскаго полскіе и литовскіе люди до конца не разорили. — И вамъ бы, господа, Ивану и Пятому и всякимъ посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьяномъ стоять съ нами вмѣстѣ противъ полскихъ и литовскихъ людей и противъ того вора, которой называется царевичемъ Дмитреемъ, чтобъ они государствомъ Московскимъ не завладѣли, и вѣры крестьянскія не разорили, и всѣхъ православныхъ до конца не погубили; и во весь бы Пермской уѣздъ вамъ ко всякимъ людямъ отъ себя описати, чтобъ они, памятуя Бога, нашу православную крестьянскую вѣру, къ Московскому государству помогали и были съ нами всѣ вмѣстѣ, и противъ бы полскихъ и литовскихъ людей и отъ воровъ съ нами заодно стояли, чтобъ Московскимъ государствомъ вору и литовскіе люди не завладѣли, и наши бѣ православныя крестьянскія вѣры не разорили, и матери бѣ наши, и жены и дѣти въ

Латышской вѣрѣ не были, и на Московское бѣ государство избирати бѣ намъ государя всѣмъ за однимиъ всею землею, сослався со всѣми городами, кого намъ Государя Богъ дастъ». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7118, іюля въ 20 день.

Подлинникъ, находитсѣ въ бумагахъ Соликамскаго уезднаго архива: писанъ столбцомъ на 5-ти листкахъ, со скрѣпою по склѣйкамъ: Ондрей Ивановичъ. Бывъ свернутъ пакетомъ и запечатанъ, имѣетъ на оборотѣ надпись. Въ Пермь Великую воеводѣ господину Ивану Ивановичу Чюмоданову да подъячену Пятому Филатову и всѣмъ Пермскихъ пригородовъ посадскимъ и всякимъ людемъ. — 119 сентября въ 12 день привезъ кайгородецъ Вахрушко, Оверкиевъ сынъ, Кисельниковъ.

24 іюля получена крестоцѣловальная запись, на присягу Московскимъ боярамъ, принявшимъ управление Государствомъ во время междоусобицы. (Тамъ же).

Примѣчаніе. Приведенъ записъ: «Цѣлюю крестъ (имѣ реку) на томъ: мы, дворяне, и чашники, и столпники, и стрѣльчїе, и головы, и дѣти боярскїе, и сотники, и стрѣльцы, и казаки, и всякіе служивые и приказные люди, и гости, и торговые и черные и всякіе люди всего Московскаго Государства, били мы челомъ бояромъ, князю Федору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи, чтобъ пожаловали приняли Московское государство, докуды намъ дастъ Богъ государя на Московское государство, и крестъ намъ на томъ цѣловати, что намъ во всемъ ихъ слушати и судъ ихъ всякой любити, что они кому за службу и за вину приговорятъ, и за Московское государство и за нихъ стояти и съ виновника битисѣ до смерти; а вора, кто называется Царевичемъ Дмитреемъ на Московское государство не хотѣти; и межъ себя, другъ надъ другомъ и надъ недругомъ, никакого дурна не хотѣти и недружбѣмъ своею никому не истити, и не убивати, и не грабити, и зла никому ни надъ кѣмъ не мыслити, и въ виновну во всякую никому никуда не хотѣти. А избрати государя на Московское государство нѣтъ бояромъ, а всякимъ людемъ всею землею. А бояромъ, князю Федору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи, пожаловати, чтобъ нѣтъ за Московское государство стояти, и насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судити, и Государя на Московское государство избрати съ нами, со всякими людьми, всею землею, сослався съ городами, кого Богъ дастъ на Московское государство. А бывшему государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русїи отказать, и на государствѣ не сидѣти; и намъ надъ государемъ, и надъ государынею, и надъ его братьями, убивства не учинити и никакова дурна; а князю Дмитрею да князю Ивану Шуйскимъ съ бояры въ приговорѣ не сидѣти».

Современный списокъ писанъ столбцомъ, на листкѣ. Выпису отмычено: Приписъ у грамоты и у записки діавна Семейли Буеншьева. — Такїя грамоты везъ въ Сибирь пелымскїй стрѣлецъ Петрушка Дмитроевъ, 119 сентября въ 7 день. — Изъ Соликамскаго уезднаго архива.

Въ 18 сентября изъ Вятки получена отписка въ Пермь, въ которой выказывается, что „пошло изъ Чебоксаръ въ Еранской воровскихъ казаковъ и стрѣльцовъ съ 500 челов.“ и что „къ нимъ присоединятся изъ Чебоксара 700, равно какъ и изъ другихъ сосѣднихъ“ и что „такимъ образомъ, Вятской землѣ угрожаютъ великія бѣдствїя“; а потому просятъ немедленно собрать ратныхъ людей „съ Пермской земли сколько пригоже, со военнымъ ратнымъ оружіемъ“ и прислать на Вятку. — На эту просьбу пермичи высказали въ октябрѣ, что они исполняютъ ходатайство вятчанъ и послали на Лозву и на Вишеру по вогуличъ, а на Сылву и Ирень — по остатковъ и лишь только они соберутся — будутъ присланы на Вятку. (Тамъ же).

Примѣчаніе. Приведенъ отписку: «Господину Ивану Ивановичу да Пятому Фалеевичу, Дмитрею Пупечникову, Ивану Пондѣеву, челомъ бьютъ. Въ виновнемъ, господине, 119 году сентября».

сентября въ 17 день, писали къ намъ, изъ Казани, бояре, и воеводы и дьяки, что сентября въ 5 день сказывали имъ въ роспросѣ чебоксарскіе выходцы, что пошло изъ Чебоксаръ въ Бранской воровскихъ казаковъ и стрѣльцовъ съ пять сотъ человѣкъ; а изъ Уржума къ намъ писали Василей Вельяминовъ да Юрьи Змѣевъ, что пришло въ Бранской изъ Чебоксаръ русскихъ воровъ, казаковъ и стрѣльцовъ, семь сотъ человѣкъ, а за ними де будутъ Чебоксарского и Кузмодемьянскаго и Кокшайскаго уѣздовъ черемиса головами, а куды тѣмъ воровъ походы будетъ, про то де имъ не вѣдомо; а Вятская земля съ воровскими мѣстами сошлась смежно, и чають ихъ воровского приходу къ Вятской земли съ часу на часъ. И вамъ бы, господине, Вятской земли на воровъ помочь учинити: велѣти, по тѣмъ вѣстямъ, съ Пермской земли собрати ратныхъ людей, сколько пригоже, со всякими ратнымъ оружіемъ, а собравъ прислати на Вятку вскорѣ, чтобъ Вятская земля отъ воровъ не разорилась; а сколько съ Пермской земли ратныхъ людей, собравъ, къ Вяткѣ пошлете, и вамъ бы, господине, о томъ отписать къ намъ; а Вятского бѣ послыщика Богданша Рудометова отпустить на Вятку, не надержавъ, и подвода ему дати велѣти.

Подлинникъ писанъ столбцомъ, на листикѣ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣется на оборотѣ надпись: Господину Ивану Ивановичу да Пятому Фаддеевичу; *тамъ же помета:* 119 октября въ 6 день привезъ вятчанинъ Богданшко Рудометъ.

II. «Господину Дмитрию Юрьевичу да Ивану Федотьевичу. Въ нынѣшнемъ во 119 году, октября въ 6 день, писали есте къ намъ и ко всей Пермской земли: въ нынѣшнемъ во 119 году, сентября въ 17 день, писали къ вамъ, изъ Казани, бояре и воеводы и дьяки, что сентября въ 5 день, сказывали имъ въ роспросѣ чебоксарскіе выходцы, что пошло изъ Чебоксаръ въ Бранской воровскихъ казаковъ и стрѣльцовъ съ пять сотъ человѣкъ; а изъ Уржума къ вамъ писали Василей Вельяминовъ да Юрьи Змѣевъ, что пришло въ Бранской изъ Чебоксаръ русскихъ воровъ, казаковъ и стрѣльцовъ, семь сотъ человѣкъ, а за ними де будутъ изъ Чебоксарского и Кузмодемьянскаго и Кокшайскаго уѣздовъ черемиса головами, а куды тѣмъ воровъ походы будетъ, про то де имъ невѣдомо; а Вятская земля съ воровскими мѣстами сошлась смежно и чають ихъ воровского приходу къ Вятской земли съ часу на часъ; и намъ бы Пермскою землею Вятской земли на воровъ помочь учинити, велѣти бѣ, по тѣмъ вѣстямъ, съ Пермской земли собрати ратныхъ людей, сколько пригоже, со всякими ратнымъ оружіемъ, а собравъ прислати бѣ на Вятку вскорѣ. И мы тою вашу отписку во всемъ мірѣ чли, и ратныхъ людей въ Пермь Великой собираемъ, а собравъ на Вятку къ вамъ тотчасъ пошлемъ; а на Лозву и на Вишеру по вогуличъ, и на Сылву и на Ирень по остатковъ послали; а какъ Лозвенскіе и Вишерскіе вогуличи и Сылвенскіе и Иреньскіе остатки въ Пермь придуть, и мы къ вамъ, за тѣми жъ ратными людьми, пошлемъ тотчасъ; а какія ратныя вѣсти впередъ у васъ будутъ, и вамъ бы о томъ безъ вѣсти не держати, чтобъ намъ про то было вѣдомо; а гончика вашего Богданша Рудометова, съ сего отпискою, отпустили къ вамъ на Вятку октября въ 7 день».

Черновой отпускъ писанъ столбцомъ, на двухъ листкахъ, безъ скрѣпки. Оба акта изъ Солькамскаго уезднаго архива.

- Примѣч.* 2. Въ то самое смутное время, получено письмо изъ Соли-Вычегодской къ Максиму Строганову съ братьями, отъ боярина князя Михаила Васильевича Шуйскаго-Сюпина, въ которомъ пишутъ: ратнымъ людямъ иноземцамъ наемнымъ дать нечего и въ государственной казнѣ денегъ мало, а государь отъ воровъ на Москвѣ сидитъ въ осадѣ и чтобъ они, господа Строгановы, на всемъ ратныхъ людей денегъ къ нему въ поляхъ послали скоро. Въ короткомъ времени получена и отъ его царскаго величества въ Чусовскіе городки къ нимъ же, Максиму съ братьями, грамота, въ которой пишутъ о требованіи въ займы денегъ, на дачу ратнымъ людямъ. Въ той грамотѣ упоминаютъ съ почетомъ о предкахъ ихъ, Строгановыхъ, многія услуги, да что предки же ихъ великаго князя Василя Васильевича Московскаго отъ татаръ изъ плону откупили своими день-

гамн и обнадеживають ихъ, за требуемую ссуду, великую свою царскую милость и обещаютъ тѣ деньги возвратити, по сборѣ государственныхъ доходовъ, и какъ скоро они, Строгановы, получили у себя царскую грамоту, требуемое число денегъ со усердіемъ ему, великому государю, послали».

«Но пакы, отъ продолжительной сей войны, въ казніи его царскаго величества въ деньгахъ великой оказался недостатокъ, и вскорѣ вторичная послана была отъ его царскаго величества 7118 (1610 году), со утѣшаніемъ ихъ, Строгановыхъ, грамота, въ которой пишетъ тако: «всемирнаго ради грѣха, а по заводу литовскихъ людей воры— «рускіе люди, совокупясь съ литовскими людьми, въ нашѣмъ російскомъ Государствѣ, «многіе города и волости смутили, и какія злыя и пестерпымыя бѣды подѣлали и «многихъ людей разорвѣи и грабежи, и убійства, и плѣны, и расхищеніе учинили, «и землю государства нашего пугу учинили жъ, а которые бояре, и дворяне, всякіе «служивые люди, помня Бога, въ осады сидѣли и всякую и голодь претерпѣвали и «наши служили на болахъ и на сторожахъ безпрестави и наше жалованье имъ давано «деньгами золотыми, и жемчугомъ, и плагьемъ и ружьядью и въ томъ наша казна «истощила, а какъ си наша грамота придетъ и вы-бѣ помятовали къ себѣ наше «жалованье и свою прежнюю службу и радѣніе, насъ ссудили, дали намъ въ заемъ «денегъ, чѣмъ бы намъ служивыхъ людей пожаловать, чтобъ Вожиныи милосердіемъ и «пречистыи Богородицы заступленіемъ и всѣхъ святыхъ молитвами, а бояръ нашихъ. «и дворянъ и служивыхъ людей къ намъ прямою службою и вашими споможеніемъ «литовскихъ людей и русскихъ воровъ одолѣемъ, какія милости отъ Бога сподобле- «ны, будете и отъ насъ великое жалованье и честь примете и отъ всѣхъ людей по- «хвалу получите». Тогда они, Строгановы, Семень и Максимъ, по сей полученной къ нимъ царской грамотѣ, видя государственную бѣду и разорвѣи съ поспѣшеніемъ многотысячную суму денегъ, съ возможною скоростію, послали, въ которыхъ не только домогались брать заклады, но и обратно тѣхъ денегъ изъ казны не требовали». (В. III)

Въ семь году именитые люди Строгановы стали писаться съ *вичемъ*, а въ случаѣ ихъ безчестія опредѣлена и плата.

Примчаніе. Приведемъ грамоту: «Въ грамотѣ великаго государя царя и великаго князя Василія Іоанновича всея Россіи Самодержца 7118—1610 года написано: «пожаловалъ онъ, великій государь, именитаго человека Андрея Семеновича Строганова, за его къ нему, великому государю, службу и радѣніе, что онъ, въ междуусобную брань и во вражью смуту, будучи у Солнычегородской, ему, великому государю, служилъ и принялъ во всеи, и отъ Московскаго государства не отступилъ, и литовскимъ людямъ, и къ русскимъ ворами не приставалъ, и за православную христіанскую вѣру и за него, великаго государя, противъ поляковъ, и литовскихъ людей и русскихъ воровъ стоялъ крѣпко безо всякаго поколебанія, и ратныхъ многихъ людей, на его, великаго государя, службу противъ воровъ посылалъ, и поморскіе, и казанскіе города отъ шатости, укрѣплялъ. Да у него жъ иманы въ казну многія деньги и даваны служилымъ людямъ на жалованье, и за тѣ его службы и радѣніе, пожаловалъ великій государь его Андрея Семеновича Строганова, велѣлъ въ грамотахъ, и въ наказахъ, также боярамъ и воеводамъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и наѣвѣстникамъ, и дѣкамъ, и по городамъ приказнымъ людямъ всего Московскаго государства, во всякихъ дѣлахъ, писать къ нему Андрею Семеновичу и къ дѣтямъ его съ *вичемъ*. А кто его, Андрея, обесчеститъ, и ему указано за бесчестье противъ Московскаго лучшаго гостя въ двое сто рублевъ». (0 богат. фам. гг. Строган. и проч. В. III.)

Ленвенскіе соляные промыслы, что вблизи Камы, заведены балахоновскимъ выходцемъ Иваномъ Соколовымъ. (Перм. губ. вѣд., 1866 года, № 5).

Въ Соликамскомъ Истобенскомъ монастырѣ былъ строителемъ Авраамій. (1610—1613 г.,) Перм. апарх. вѣд., 1869 года, № 52).

Примѣніе. Съ этого года Истобенскій монастырь началъ обстраиваться и расширяться, чему способствовалъ келарь—старецъ Никифоръ (Тамъ же).

1611 годъ.

За Иоасафомъ II, въ списокъ архіепископовъ Вологодскихъ и Велико-Пермскихъ, слѣдуетъ Сильвестръ, переведенный на Вологду изъ епископовъ Корельскихъ. Время его перевода и число лѣтъ управленія съ точностію имъ епархіею опредѣлить нельзя, тѣмъ болѣе что оставшіеся памятники передаютъ свѣдѣнія о Сильвестрѣ сбивчивыя и неопредѣленныя. Позаимствуемъ дальнѣйшія обстоятельства жизни сего святителя изъ Очерка Пермск. епархіи, Е. А. Бударина (См. примѣч. 1. Пермск. епар. вѣд. 1869 года, № 39).

Примѣніе 1. Грамота эта слѣд.: «Благословеніе великаго господина пресвященнаго Нектарія, архіепископа Вологодскаго и Великопермскаго на Вологду архимандритомъ и игуменомъ и протопоцу, и попомъ, и дьякономъ и всему освященному собору. Возжею милостію и Пречистыя Богородицы, Господу изволшу, што меня, богомольца своего, государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи и самодержецъ, пожаловалъ велѣлъ на Вологдѣ быти въ дому Соѣѣ Премудрости Возжіи, и за себя государя Бога молити и за все христоролюбивое воинство и за все православное христіанство. А была мнѣ сказка государево жалованное слово въ соборѣ у Пречистыя Богородицы при всѣхъ властѣхъ іюня въ 25 день. А приходилъ отъ государя царя и великаго князя Михайла Федоровича всеа Русіи его государевъ думной посольской дьякъ Петръ Алексіевичъ Третьяковъ, а сказалъ царское жалованное слово при всемъ соборѣ; при митрополитѣ Ефремѣ Казанскомъ и Свяжскомъ и при архіереевъ великаго собору, по закону святаго и великаго собору пресвященныхъ митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего освященному собору. И пріяхъ еси Вологодскую власть по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, престолъ святыя Соѣѣ премудрости Возжіи. И іюня въ 26 день государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, призвавъ богомольцевъ своихъ, митрополитовъ и архіепископовъ, и епископовъ, и архимандритовъ, и игуменовъ и весь освященный соборъ, и меня, богомольца своего, пожаловалъ изъ своихъ царскихъ устъ: велѣлъ мнѣ быти на Вологдѣ и богомольцемъ своимъ, митрополиту Ефрему со всѣмъ освященнымъ соборомъ велѣлъ меня благословити. И вы-бъ, сынове нашего смиренія, архимандриты и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы и весь освященный соборъ, молили Всесильнаго, въ Троицѣ славимаго, Бога и Пречистую Его Богоматерь о государѣ нашемъ, о благовѣрномъ и христоролюбивомъ и Богомъ хранимомъ царѣ и великомъ князѣ Михайлѣ Федоровичѣ всеа Русіи самодержцѣ, о его многолѣтнемъ здравіи и его христоролюбивомъ воинствѣ и о всемъ православномъ крестьянствѣ, о мирѣ, и о тишинѣ и о устроеніи земскомъ, да и насъ-бы еста, по его царскому жалованью, въ охтеняхъ и въ многолѣтье поминали, какъ и прежнихъ архіепископовъ. А Корельскому епископу Селиверсту велѣлъ быти епископомъ во Псковѣ, потому что ему архіепископство отъ государя и отъ вселенскаго собору не дано: а на Вологдѣ писался архіепископомъ, повабывъ преданіе святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, и преступилъ Господне слово: не входяй дверми во дворъ овчій, но прелазя ииудѣ, той тать есть и разбойникъ; а входяй дверми пастыръ есть овцамъ. И пакы Господь рече: такови-бо не суть пастыри, но воязники. И будетъ къ вамъ епископъ Селиверстъ учеть ложныя какія грамоты писать, или съ кѣмъ чловѣкомъ словомъ учеть што приказывать, и вы-бъ его ложныи грамотамъ и приказнымъ рѣчешъ не слушали. Да писалъ я, сынове, и къ вос-

Въ архивѣ Вологодской консисторіи, говорить г. Будринъ, найдена грамота Вологодскаго архіепископа Нектарія (преемника Сильвестра) изъ Москвы въ Вологду. Въ этой грамотѣ Нектарій, извѣщая духовенство вологодское о своемъ назначеніи, выставляетъ предшественника своего Сильвестра въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, называя его похитителемъ архіепископскаго титула, „не дверми вошедшимъ во дворъ овчій,“ способнымъ составлять даже ложныя грамоты, подовѣриваетъ казначея Сильвестрова Никона въ расхищеніи имущества архіерейскаго дома и проч... Что было поводомъ для Нектарія къ такимъ отзывамъ о Сильвестрѣ, по какимъ побужденіямъ онъ такъ чернилъ его предъ вологодскою паствою—до сихъ поръ остается тайной для исторіи (См. примѣчаніе 2). Между тѣмъ, у насъ есть данныя, по которымъ можно судить, что Сильвестръ дѣйствительно былъ архіепископомъ Вологодскимъ и Велико-Пермскимъ, и что въ 1612 году онъ былъ на мѣстѣ своего служенія. Такъ, отъ Сильвестра осталась увѣдомительная грамота московскимъ боярамъ и воеводамъ о разорѣніи Вологды польскими и литовскими людьми отъ оплошности и пьянства Вологодскаго воеводы князя Ивана Одоевского (См. примѣч. 3).

водамъ, что есть Соебіи премудрости Божіи домовыя казны денежныя и въ житницахъ и въ суняльцѣхъ всякихъ запасовъ и на конюшнѣ лошадей, а владѣть тою всякою домовою казною его корельскіе люди, казначей его поць Никонъ, и вахъ-бы, сынове, для нашего себѣ благословенія, воеводамъ о той домовой о всякой казнѣ говорить, чтобъ за послѣхъ домовыя казны не роставили по себѣ, и тѣхъ-бы его людей, казначея поца Никона съ товарищи, и которые тѣмъ на дворѣ и по приказомъ владѣть, велѣли-бы ихъ дати на поруки въ домовой казнѣ до нашего прѣвду. А что у нихъ темере есть казны и всякихъ запасовъ, и то велѣно у нихъ, взявъ, запечатать воеводскими печатми. А мы чаемъ царскія милости, вскорѣ государь пожалуетъ, къ Вологдѣ отпуститъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Юны и Вологодскихъ чудотворцовъ Стефана и Питарина епископовъ Пермскихъ, и всѣхъ святыхъ молитвы и нашего смиренія благословеніе да естъ и будетъ съ вами всегда и во вѣки аминь.» (См. описаніе Волог. собора, сост. Суворовымъ стр. 175).

Примѣчаніе 2. Быть можетъ объясняется нѣсколько біографіей Нектарія—личности довольно загадочной..... Не забудемъ при этомъ, что Нектарій родомъ былъ грекъ.

Примѣчаніе 3. Грамота эта послана отъ 29 сентября 1612 года. Текстъ ея слѣдующій: «Великія Россійскія державы государства Московскаго боярамъ и воеводамъ, и боярину и воеводѣ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому съ товарищи—богомолецъ вашъ Сильвестръ, архіепископъ Вологодскій, и архимандриты, и игумены, и протопопы, и помы и вологодскіе земскіе посадскіе остальные людишки челоуѣкъ бѣуть.

Въ нынѣшнемъ, господа, въ 121 году, сентября въ 22 день, съ понедѣльника на вторникъ, на останкомъ часу ночи, грѣхъ ради нашихъ и всего православнаго христіанства, разорители истинныя нашея православныя вѣры и креста Христова ругатели, польскіе и литовскіе люди и черкасы, и казаки и русскіе воры пришли на Вологду безвѣстно изгоноу и городъ Вологду взяли, и людей всякихъ поѣхали, и церкви Божіи поругали, и городъ и посады выжгли до основанія; а стольникъ и воевода князь Иванъ Одоевскій ушелъ и нынѣ на Вологодскомъ уѣздѣ; а околыничаго и воеводу Григорья Долгорукаго и дьяка Истома Карташева убили; а ея грѣшнаго взяли въ полоть и держали у себя четыре ночи и многожды приводили къ казнѣ; и Господь надо мной грѣшнымъ смилосердовался, едва жива отпустили. А какъ польскіе

Въ этой грамотѣ Сильвестръ называетъ себя архіепископомъ Вологодскимъ, — чего, конечно, онъ не могъ бы сдѣлать, не будучи архіепископомъ, такъ какъ грамота писана въ Москву и адресована къ князю Пожарскому съ разными его „товарищи.“ Въ слѣдующемъ 1613 году мы встрѣчаемъ Сильвестра въ Москвѣ и перваго мая онъ былъ посланъ соборомъ духовенства для встрѣчи въ селѣ Тайнинскомъ царя Михаила Ѳеодоровича, шествовавшего изъ Костромы въ Москву. Объ этой встрѣчѣ Сильвестръ извѣщаетъ свою паству особенною грамотою, въ которой также именуется себя архіепископомъ Вологодскимъ и Велико-Нерскимъ (см. примѣч. 4). Стало быть, въ то время, когда Нектарій, преемникъ Сильвестра, писалъ воложанамъ грамоту, Сильвестръ самъ находился въ Москвѣ и, не подозрѣвая въ Нектаріи своего противника, со своей стороны сносится съ паствою посредствомъ грамоты. Кромѣ того, отъ 1613 года

и литовскіе люди и черкасы, и казаки и русскіе воры пришли къ Вологдѣ: и грѣхъ ради нашихъ, воеводскимъ нерадѣніемъ и оплошествомъ отъ города отъѣзжалъ карауловъ и сторожей на башняхъ и на острогѣ и на городской стѣнѣ головы и сотниковъ съ стрѣльцами и у снаряду пушкарей и защитниковъ не было; а были у воротъ на караулѣ не многіе люди и тѣ не слышали, какъ литовскіе люди въ городъ вошли, а большія ворота были незамкнуты. А какъ, господа, польскіе, и литовскіе люди и черкасы и русскіе воры городъ погнали и людей поѣхали, пошли съ Вологды сентября 25 числа. И нынѣ, господа, городъ Вологда сжжено мѣсто, окрѣпости для насады и снаряды прибрати некому; а которые вологжане жилище люди — утеклцы, въ городъ сходятся не смѣютъ; а воевода Григорій Образцовъ съ Вѣлозера съ своимъ полкомъ пришелъ и сѣлъ на Вологдѣ, но никто не слушаетъ, другъ друга грабить. И будетъ, господа, вамъ впредь для земской помочи и для приморскихъ городовъ хотѣти укрѣпости городъ Вологду, и намъ-бы, господа, воеводу ирѣбскаго прислать и дѣака. А все, господа, сдѣлалось хлѣбемъ: прошили городъ Вологду воеводѣмъ.

Примѣчаніе 4. Благословеніе великаго господина преосвященнаго Сильвестра, архіепископа Вологодскаго и Великоперскаго, на Вологду, приказнымъ нашимъ, князю Ѳеодору да князю Василью Одреевичамъ Дябринскимъ, да казначею нашему священнику Никону, да дьякомъ нашимъ Матвѣю Патрѣкѣеву да Исаку Пареевеву. Божіею милостию и Пречистые Богородицы и Московскихъ чудотворцовъ Петра, Алексія и Юны молитвами, благовѣрнаго и христорождиваго и Богомъ хранимаго и Богомъ дарованнаго, Богомъ украшеннаго и Богомъ почтеннаго, великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, его государевни царскіе богомольцы митрополитъ, и архіепископы, и епископы и весь освященный великій соборъ и бояри и дворяни большіе и стольники, и стражцы, и жильцы и дворяни изъ городовъ и гости торговые и всего Московскаго государства всѣхъ чиновъ люди, меня, его царскаго богомольца, посмѣли встрѣчати на его государевъ станъ, въ село Тонинское. И мы государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи встрѣтили и его царскіе свѣтлыя очи въ радости видѣли, и челомъ ему государю ударили, и хлѣба ѣли; и мая во 2 день съ животворящими кресты за городомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ его царскимъ синклитомъ его, государя, встрѣтили и проводили въ его царскій домъ; и насъ государь жаловалъ съ великою своею царскою щедрою милостию, и хлѣба у него, государя, ѣли. И мая по 4 день мы на Москвѣ, государевымъ царскимъ жалованьемъ, совѣмъ, далъ Богъ, здорово. А отпустили мы къ вамъ сына боярскаго своего Ивана Аулова; а пожаловали его на Усть-вмизъ своимъ жалованьемъ намѣстничествомъ, на Казариново мѣсто Нѣмцова и грамоту ему жалованную дали; а Казарину велѣли быть къ Вологдѣ со всѣмъ.»

осталась челобитная Сильвестру архієпископу Вологодскому и Велико-Пермскому крестьянъ Никольской слободы въ Вологдѣ—объ исходатайствованіи имъ новой, вмѣсто сторгѣвшей во время литовскаго разорѣнія царской жалованной грамоты, освобождающей ихъ отъ разныхъ городскихъ и посадскихъ повинностей. Эта челобитная прямо доказываетъ, что на Сильвестра въ 1613 году вологодская паства смотрѣла, какъ на дѣйствительнаго своего архіпастрія. Въ томъ же 1613 году изъ Вологды Сильвестръ переведень былъ во Псковъ, гдѣ и скончался. (См. прилѣч. 5).

30 августа получена въ Перми отписка изъ Казани, съ приложеніемъ грамоты патріарха Гермогена, о непризнаваніи сына Марины Мнишекъ государемъ. (Ак. ист., т. II, № 194).

Примечаніе. Приведемъ отписку: «Господамъ Ивану Ивановичу да Платону Филатову и Пермскія земли старостамъ, и цѣловальникамъ и всякимъ служилымъ и жилацкимъ людямъ: Никоноръ Шулгинъ, Степанъ Дичковъ и головы, и дворяне, и дѣти боярскіе, и сотники, и стрѣльцы, и всякіе казанскіе служилые и жилацкіе люди, челомъ быть. Въ прошломъ во 119-мъ году, августа въ 30 день, писали къ намъ изъ Нижнего Новогорода воевода Ондрей Алябьевъ, дякъ Василей Семеновъ, и головы, и дворяне, и дѣти боярскіе, и сотники, и литва, и ямцы, и стрѣльцы, и земскіе старосты, и цѣловальники, и всея посадскіе люди: августа де въ 25 день принесли къ намъ въ Нижней свяженианъ Рода Мосеевъ отца нашего, учителя и нового проповѣдника, святѣйшаго патріарха Ергогена Московскаго и всеа Русіи, грамоту: и они, изъ Нижнего, съ патріаршескія грамоты списовъ прислали къ намъ въ Казань. И мы, господа, выслушавъ съ патріаршескія грамоты списокъ, приговорили съ Ефремомъ Митрополитомъ Казанскимъ и

Примечаніе 5. Здѣсь опять мы встрѣчаемъ разногласіе между оставшимися памятниками относительно перевода Сильвестра во Псковъ. Такъ въ исторіи Росс. іер. (часть I, стр. 85) въ спискѣ епископовъ Корельскихъ и Ладожскихъ мы читаемъ: «Сильвестръ хиротонисованъ 1593 при митрополитѣ Варлаамѣ; въ 1610 переведень во Псковъ.» Далѣе, въ той-же книгѣ на стр. 125, въ спискѣ епископовъ Псковскихъ и Изборскихъ читаемъ: «Сильвестръ, въ 1610 переведень изъ Корельскихъ епископовъ; скончался 1613 г.» Изъ этихъ показаній автора Ист. Росс. іерарх., если принять ихъ за безусловно истинными, выходитъ, что Сильвестра вовсе не было въ Вологдѣ, а изъ епископовъ Корельскихъ переведень былъ въ 1610 году прямо въ Псковъ. Съ другой стороны — свидѣтельство Нектарія (въ вышеприведенной грамотѣ его) о томъ, что Сильвестръ былъ переведень въ Вологду изъ епископовъ Корельскихъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, судя потому, что Нектарій, будучи въ Москвѣ, гдѣ въ то же время былъ и Сильвестръ, могъ съ совершенною точностію знать біографію своего предшественника. Для объясненія разности въ показаніяхъ автора Ист. Рос. іерарх. и архієпископа Нектарія полагаемъ, что можетъ быть епископъ Корельскій Сильвестръ дѣйствительно былъ въ 1610 году назначаемъ на Псковскую кафедру, но это назначеніе, можетъ быть, по какимъ либо обстоятельствамъ было измѣнено и онъ на время былъ назначень для управленія Вологодской епархіей, изъ которой въ 1613 г. и переведень во Псковъ. Составители исторіи іерархіи, вѣроятно имѣли подъ рукою документъ только о первомъ назначеніи преемственнаго Сильвестра въ Псковъ въ 1610 году и, вѣроятно, не знали о послѣдующихъ обстоятельствахъ его жизни, т. е. о пребываніи его въ Вологдѣ и вторичномъ назначеніи во Псковъ. Такими предположеніями легко объясняется и устраняется противорѣчіе между исторіей Рос. іерархіи и вышеприведеннымъ показаніемъ архієпископа Нектарія». (См. описаніе Вологодскаго собора сост. Суворовымъ, стр. 180).

Свіязскимъ и со всею землею Казанскаго государства, что намъ отнюдь на царство проклятого паньина Маринкина сына не хотѣти; а будетъ казаки того Маринкина сына, или иного кого, учнутъ на Московское государство выбирати, своимъ произволомъ, не сослався со всею землею, и намъ того государя на Московское государство не хотѣти и противъ его стояти всѣмъ Казанскимъ государствомъ единодушно; а выбрати бѣ намъ на Московское государство государя, сослався со всею землею, кого намъ государя Богъ дастъ; а каковъ къ намъ изъ Нижнего съ патриаршескія грамоты списокъ прислали, и мы съ того списка послали къ вамъ списокъ подъ семъ отпискомъ.—И вамъ бы, господа, быти съ нами въ совѣтъ и въ соединеніи и въ любви, и стояти бѣ намъ за такое великое дѣло по благословенію отца нашего и учителя, святѣйшаго патриарха Московскаго и всея Русіи всѣмъ заодно, и за казачью выбору того проклятого паньина Маринкина сына на государство не хотѣти, а что у васъ въ Перми откуды какихъ вѣстей, и вамъ бы о томъ къ намъ отписати. А съ грамоту послали мы къ вамъ съ казанскимъ жицомъ съ Яковомъ Засукинымъ.»

Подлинникъ и списокъ съ грамоты наводятся съ архивъ Соликамскаго уѣзднаго суда; писаны стобчезъ на двухъ листкахъ, и былъ запечатанъ пакетою, имѣетъ на оборотъ надпись: Господамъ Ивану Ивановичу да Пятому Филатову и Пермскія земля старостамъ, и цѣловальникамъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людемъ.—120-го октября въ 10 день привезъ грамоту вятчанинъ Слободского города Онтонка, Кузинъ сынъ, Сухихъ Кулаковъ.

II. «Благословеніе архимаритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и всему святому собору, и воеводамъ и диакономъ, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всему міру, отъ патриарха Ермогена Московскаго и всея Русіи, миръ вамъ и прощеніе, и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижнего въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобъ митрополитъ писалъ въ полки къ бояромъ учительную грамоту, да и казачьему войску, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и бояромъ бы говорили и атаманъ бестрашно, чтобъ они отнюдь на царство проклятого Маринкина паньина сына, не благословляю. И на Вологду ко властемъ пишете жъ, также бы писали въ полки да и къ Рязанскому пишете тожъ, чтобъ въ полки также писали къ бояромъ учи, телную грамоту, чтобъ уняли грабежъ, корчму, блядню, и имѣли бы чистоту душевную и братство, и промышляли бѣ, какъ реклись души свои положить за пречистыя домъ и за чудотворцовъ и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ города пишете, чтобъ изъ городовъ писали въ полки къ бояромъ и атаманъ, что отнюдь Маринкинъ на царство ненадобенъ: проклять отъ святого собору и отъ насъ. Да тѣ бы вамъ грамоты съ городовъ собрати къ себѣ въ Нижней Новгородъ да прислати въ полки къ бояромъ и атаманъ; а прислати прежнихъ же, коихъ ести прислала ко мѣ съ совѣтными челобитными, бестрашныхъ людей, свіазеинна Родиона Мосеева да ратмана Пахомова, а имъ бы въ полкѣхъ говорити бестрашно, что проклятый отнюдь ненадобе; а хоти буде и постражите, и васъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ семь вѣцъ и въ будущемъ; а города для грамотъ послати ихъ же, а ведѣти имъ говорити моимъ словомъ. А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семь вѣцъ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; а язъ долженъ за васъ Бога молити.»

Грамота изъ Соликамскихъ бумагъ.

Въ Троицкой пустынѣ, что на Плесѣ, между Чердынью и Кайгородомъ, разбойники предали смерти строителя Варлаама, а имущество его разграбили.

13 марта послана отписка Московскому патриарху Гермогену о сборѣ ратныхъ людей для освобожденія Москвы отъ поляковъ. Въ отпискѣ сказано, что въ Чердыни собрано ратныхъ людей 50 челов. съ луками и пищалями, съ выдачею жалованье за 5 мѣсяцевъ и что ратники отправлены „изъ Чер-

дныи подѣ Московское государство на розители вѣры христіанскія, на богоотступниковъ—на польскихъ и литовскихъ людей“.— (Истр. акты, т. II, № 323).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Великому господину святѣйшему Ермогену, патріарху Московскому и всеа Русіи, Перми Великія игумены, и протопопы, и попы и весь освященный соборъ, и съ Перми-жъ Великія Ивашко Чемодановъ, Пятунка Филатовъ, и пермскіе посадскіе и уѣздные старосты, и цѣловальники, и всѣ земскіе люди, челоуъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 119 году, февраля въ 18 день, послали мы изъ Перми Великія, изъ Чердыни, для вѣстей про Московское государство, къ Солѣ-Вычегоцкой да на Устюгъ Великій, чердынцовъ, посадскихъ людей Иванна Игошева, да Костю Степанова; и нынѣшняго-жъ, государь, 119 году, марта въ 9-й день, пріѣхалъ къ намъ, въ Чердынь, съ Устюга Великого, посыльщикъ нашъ Иванко Игошевъ, а привезъ съ собою съ Устюга Великого, отъ воеводы Алексѣя Зюзина и Устюга Великого и Устюжскаго уѣзда отъ земскихъ судей и старостъ, и цѣловальниковъ, и всякихъ жилецкихъ людей, отписку, а подѣ отпискою подклеены списокъ съ твоей святѣйшаго Ермогена, патріарха Московскаго и всеа Русіи, съ грамоты да съ отписокъ списки, изъ-подѣ Смоленскя, изъ Нижнего Новагорода, изъ Рязани, и съ вологодскихъ, и съ ярославскихъ и съ суздальскихъ: а писано, государь, въ тѣхъ спискахъ, чтобъ намъ, всѣмъ православнымъ хрестьяномъ, стояти за православную хрестьянскую вѣру, и за святыя Вожиі церкви, и за Пречистые Богородицы домъ, и за Московское государство, на разорителей вѣры хрестьянскія, на богоотступниковъ, и на полскихъ, и на литовскихъ людей, всѣмъ единодушно. И мы, государь, съ твоей святѣйшаго Ермогена, патріарха Московскаго и всеа Русіи, грамоты списка и съ тоя устюжскія отписки и со списоковъ съ отписокъ списавъ списки, послали въ сибирскіе города; а съ Перми Великія, съ Чердыни, собравъ ратнымъ людей пятьдесятъ челоуѣкъ, съ луки, и съ пищали и со всею службой, и давъ имъ наемныя денги на пять мѣсяцъ, и написавъ имяна подѣ сею отпискою, отпустили ихъ изъ Чердыни подѣ Московское государство, въ сходъ къ бояромъ и къ воеводамъ и къ ратнымъ людямъ, которые нынѣ стоятъ подѣ Москвою за православную хрестьянскую вѣру, на богоотступниковъ и на полскихъ и на литовскихъ людей, съ цѣловальники, марта въ 13-й день; а съ пермскихъ, государь, пригородовъ, Усоляя Камскаго и найгородскихъ ратныхъ людей, собравъ, за тѣми-жъ пошлемъ тотчасъ. Да мы-жъ, государь, послали сборщиковъ пермскія-жъ земли по ясашныхъ татаръ, во вишерскихъ, по печерскихъ, по котимскихъ, по ловнинскихъ, по косвинскихъ, по чувоскихъ, по сымвинскихъ, по иренскихъ, по таньбскихъ; а собравъ, государь, тѣхъ татаръ отпустить, за тѣми-жъ ратными людьми, подѣ Московское государство, на полскихъ и на литовскихъ людей, тотчасъ».

А на отпискѣ, которая послана къ святѣйшему патріарху Ермогену съ чердынскими цѣловальники, руки: Къ сей отпискѣ подъячей Пятый Филатовъ руку приложилъ. Черной поль Евграфъ руку приложилъ. Соборной поль Потапъ руку приложилъ. Соборной поль Ондрей руку приложилъ. Алексеа Онисеевъ руку приложилъ. Староста сudeцкой Митка Верецагинъ руку приложилъ. Староста погоцкой Степанко руку приложилъ. Юртешко Яковлевъ руку приложилъ. Сенка Васильевъ руку приложилъ. Васка Максимовъ руку приложилъ.

Черный отпискъ писанъ столбцемъ на трехъ листкахъ, безъ помарокъ.— Изъ Соликамскаго уѣзднаго архива.

13 апрѣля послѣдовала отписка соликамцевъ Пермскому воеводѣ Ивану Чемоданову—о военныхъ событіяхъ въ Москвѣ. (Тамъ же, № 326).

Примѣчаніе. Приведемъ отписку: «Государя царя и великаго князя воеводѣ Ивану Ивановичу, Пятону Фалеевичу, Камской Соли староста Бориско Васильевъ сынъ и всѣ земскіе люди челоуъ бьютъ. Нынѣ, государь, апрѣля въ 9-й день пріѣхалъ, съ Устюга Великого, устюжанинъ посадской жилецъ Калина Пыховъ, а ѣдетъ онъ на Верхотурье, мимо Усоляя; и сказывалъ у себя залезную рожнищъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, отлученъ

отъ воеводи Алексѣя Ивановича Зюмова, по подорожной, съ Устюга. Да оны же Калина сказывалъ здѣсе, у Соли, намъ: была де съ Москвы, въ верное воскресенье, вылазка, а дѣло было на Ходынѣ, и тутъ де воевода Иванъ Ивановичъ Волынской побилъ литвы двѣ роты, а четырнадцать человекъ языковъ живыхъ взяли, а рассылали де ихъ по разнымъ городамъ, по человекъ, для вѣстей; и у насъ де, на Устюгѣ, пытали нарочитого пана, и оны де имъ въ роспросѣ сказали съ пытки: къ намъ де Король пишетъ, къ Москвѣ, чтобъ намъ утекать въ Литву безъ драки. Да пріѣхалъ де съ Москвы, на Устюгъ, Соли-Вычегоцкіе посадской жилецъ Мартынъ, Кукошкова племянникъ, въ страстную субботу, а сказывалъ имъ на Устюгѣ: выбѣгли де съ Москвы паны Александръ Гасевскій, многие люди литва, да съ ними его со-вѣтники Михайло Салтыковъ и Федоръ Андроновъ, а стали въ Двѣичѣ монастыри въ пустѣ, за городомъ три версты, ожидаютъ сухого пути въ Литву бѣжать, а ныне де литовскіе люди, также на Москвѣ остальные, ожидаютъ, какъ бы утечи; а въ Пермь де сымошныя грамоты тотчасъ будутъ. Да нынѣ же, государь, 119 года, апрѣля въ 10-й день, писалъ къ намъ съ Верхотурья уоолоской запасной цѣловаликъ Гаврило Лябовъ: править де на немъ за прошлой 118 годъ, лишней запасъ, за чердницомъ да за кайгородцовъ, по Сарычеву писму, а по отпискѣ Наума Романова; а на нынѣшней 119 годъ править на насъ 158 четьи муки съ осминою и двухъ пудовъ и десяти гривенокъ, да крупъ 32 чети съ осминою два пуда, а толочка тожь; а говорятъ де ему воеводи: къ намъ о васъ писалъ воевода Иванъ Ивановичъ Чижодановъ, изъ Перми, потому де мы емлемъ на васъ запасъ».

Подлинникъ, изъ Соликамскаго уѣзднаго архива, писанъ на листкѣ, столбцомъ. Былъ свернутъ пакетомъ имѣетъ на оборотѣ надпись: «Государя царя и великаго князя воеводѣ Ивану Ивановичу, Пятому Фадеевичу; тамъ же помята: 119 года апрѣля въ 15-й день привезъ отписку пермитицъ Михайло Мотильниковъ».

23 іюня Пермичи отпиской къ казанцамъ свидѣтельствовали объ обѣщаніи всего Пермскаго народа, подъ клятвою, содѣйствовать къ оборонѣ православной вѣры и государства отъ поляковъ, и объ отиравленіи ратныхъ людей подъ Москву. (Тамъ же, № 329).

Примѣчаніе. Приведемъ отписку: «Господамъ, Василью Потровичу, Никонору Михайловичу, Степану Яковлевичу, и головамъ, и дворянамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и сотникомъ стрѣльцкимъ, и стрѣльцомъ, и пушкаремъ, и затеняцкомъ, и всякимъ служилымъ и жильцкимъ людемъ Казанскаго государства, Иванъ Чижодановъ да Пятой Филатовъ, и пермскіе земли старосты, и цѣловалики, и посадскіе, и уѣздные лутчіе, и середніе, и молодчіе и всякіе жилецкіе люди, челоужъ бѣуть. Въ нынѣшнемъ, господа, во 119 году, іюня въ 12 день, писали вы къ намъ, въ Пермь Великую, съ казанцомъ съ посадскимъ человекомъ съ Ортемьемъ Максимовымъ, да съ пермитиномъ съ Михайломъ Деметьевымъ, что въ нынѣшнемъ во 119 году, апрѣля въ 23-й день, пріѣхали къ вамъ, въ Казань, изъ Володимера князь Иванъ Семеновичъ Путянинъ, да изъ Ярославля Костянтинъ, Никитичъ, Львовъ, да посадской человекъ Богданъ Захарьевъ, съ грамотами; а грамоты съ ними изъ Володимера, изъ Ярославля, и съ Костромы; да маи въ 1-й день, пріѣхали къ вамъ, въ Казань, изъ полковъ, изъ-подъ Москвы, отъ бояръ, и отъ воеводъ, и отъ ото всеа земли, съ грамотами, казанцы дѣти боярскіе Воижа Левашевъ, до Семень Пелепелицынъ. А въ грамотахъ во всѣхъ, изъ-подъ Москвы изъ поляковъ и изъ городовъ, пишутъ, чтобъ вамъ быти со всею землею въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединеніи, и собравъ бы вамъ казанскихъ ратныхъ людей итти подъ Москву, въ сходъ, къ боярамъ и ко всей земли, очищать Московское государство отъ враговъ, разорителей вѣры хрестіанскія, отъ польскихъ, и отъ литовскихъ людей; и бояре и ратные люди, которые были въ Колугѣ, всѣ подъ Московомъ стоять, со всею землею въ соединеньѣ. И вы, господа, всею землею Казанскаго госу-

дарства, цѣловали крестъ по записи, которая къ вамъ прислана изъ полковъ и ото всея земли, что вамъ быти со всею землею въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединенѣ, и противъ враговъ, разорителей хрестыянскія вѣры, полскихъ и литовскихъ людей, со всею землею стояти заодно и итти подь Москву, въ походъ, къ бояромъ и ко всей земли, очинити Московское государство отъ полскихъ и отъ литовскихъ людей; да и въ Свияжскомъ, и въ Чебоксарѣхъ, и во всехъ понизовныхъ городѣхъ, по той записи, которая прислана къ вамъ изъ полковъ, крестъ цѣловали-жъ, что имъ съ вами и со всею землею быти въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединенѣ, и итти на земскую службу, подь Москву, ко всей землѣ. А по которой, господа, записи вы и вся земля Казанскаго государства, и въ Свияжскомъ, и въ Чебоксарѣхъ, и во всехъ понизовныхъ городѣхъ, крестъ цѣловали, и вы съ той цѣловальныя записи, да и съ володимирскія, и съ костромскія, и съ ярославскія грамоты, которыя грамоты къ вамъ привезли князь Иванъ Путятинъ да Константинъ Львовъ, и съ грамоты, что писали къ вамъ изъ полковъ бояре и воеводы и вся земля съ Воиномъ Левашевымъ да съ Семеномъ Пеленлицынымъ, списавъ списки прислали къ вамъ, занечатавъ въ листъ печатью государства Казанскаго. И намъ бы, господа, по той записи, по которой вы въ Казанѣ, и въ Свияжскомъ, и въ Чебоксарѣхъ, и въ иныхъ въ понизовныхъ городѣхъ, крестъ цѣловати же, и быти бы вамъ съ вами въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединенѣ; и денегъ бы къ вамъ, что вамъ давати ратнымъ людямъ, изъ Перми прислати тотчасъ; да и ратныхъ бы намъ перскихъ людей, съ лучшими и съ вогненными боемъ, прислати къ вамъ скорѣ, чтобъ перскихъ ратнымъ людямъ казанскую рать въ Казанѣ встати и итти въ походъ, подь Москву, съ ними-жъ вмѣстѣ; да и торговыхъ бы людей со всякими товарами изъ Перми къ вамъ отпущати безстрашно, а вамъ бы къ намъ въ Пермь торговыхъ людей со всякими товаромъ отпущати же.—И имъ, господа, грамоту, вашу, и цѣловальную запись, и списки съ грамотъ, въ Чerdynи во всемъ мѣрѣ чли и крестъ по той записи цѣловали, а иныхъ къ крестному цѣлованью приводили; а къ Солѣ, господа, къ Камской и въ Кайгородокъ писали, и списавъ со всехъ грамотъ и съ цѣловальныя записи списки, къ судьямъ, и къ старостамъ и къ земскимъ людямъ послали, а велѣли имъ по той записи крестъ цѣловати тотчасъ; да и въ сибирскіе, господа, города съ тѣхъ грамотъ и съ цѣловальныя записи списки послываеъ. А денегъ, господа, въ Перми Великой въ государевѣ казнѣ нѣтъ, послати къ вамъ нечего, потому: что было денежныхъ доходовъ прошлыхъ годовъ, и тѣ, господа, все денги посланы къ Москвѣ; а что, господа, было въ сборѣ даяныхъ и оброчныхъ и таможенныхъ и кабацкихъ денегъ нынѣшняго 118 году, и тѣхъ, господа, денегъ, по грамотамъ, триста восемь рублей послано изъ Перми въ Сургутъ, служилымъ людямъ на жалованье; а иныя, господа, денги даны пермичемъ, за хлѣбные запасы нынѣшняго 119 году, которые отвезли на Верхотурье, сибирскимъ служилымъ людямъ на жалованье, да за Вымскіе запасы прошлого 118 году; а иныя, господа, денги выданы въ Перми на жалованье, и на кабацкіе, и на избыные расходы. А ратныхъ, господа, людей съ Перми Великія, съ лучшими и съ вогненными боемъ, отпустили мы подь Москву, къ бояромъ, и къ воеводамъ въ походъ, на разорителей вѣры хрестыянскія, на польскихъ и на литовскихъ людей, и на богоотступниковъ, марта въ 17 день, въ вербное воскресенье. И впередъ бы, господа, намъ съ вами быти въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединенѣ, и стояти бы намъ, за истинную хрестыянскую вѣру, на разорителей вѣры хрестыянскія и на богоотступниковъ, съ вами единомышленно; и какія у васъ вѣсти будутъ про Московское государство, или изъ иныхъ городовъ, и вамъ бы, господа, о томъ къ намъ писати; да и торговыхъ бы людей съ товаромъ, изъ Казани, въ Пермь Великую отпущати, по прежнему».

Отпущена съ кавказомъ съ Ортеншемъ Максимовымъ іюня въ 23 день.

Черновой отпущекъ, изъ Соликамскаго уѣзднаго архива писанъ столбцомъ, на 4-хъ листкахъ. — Слѣд. акт. археогр. жисп., т. II, № 188.

15 июля послана отписка изъ Перми въ Сольвычегодскъ о присягѣ всей Пермской земли по крестоцѣловальной записи, присланной изъ Казани. (Тамъ же, № 189)

Примѣчаніе. Приведемъ отписку: «Господамъ Степану Степановичу, Ивану Михайловичу, Иванъ Чемодяновъ да Пятаю Филатовъ и перскія земли посадскіе, и уѣздные крестьяне и всякіе жилецкіе люди челоуѣкъ бѣють. Въ нынѣшнемъ, господа, въ 119 году, июня въ день, писали къ намъ изъ Казани бояринъ и воевода Василей Петровичъ Морозовъ да дьяки Никоноръ Шулгинъ да Степанъ Дичковъ, и головы, и дворяне, и дѣти боярскіе, и сотники стрѣлецкіе, и стрѣльцы, и пушкари, и князья, и мурзы, и служилые новокрещенцы, и всякіе служилые и жилецкіе люди Казанского государьства, что въ нынѣшнемъ де въ 119 году, апрѣля въ 28 день, привезли къ нимъ въ Казань, изъ Володимира князь Иванъ Путятинъ да изъ Ерослава Костянтинъ Львовъ да посадской челоуѣкъ Богданъ Захарьевъ, грамоты изъ Володимира, изъ Ярослава, съ Костромы; да мая де въ 1-й день привезли къ нимъ въ Казань грамоту изъ полковъ, изъ подъ Москвы, отъ бояръ, и отъ воеводъ, и думного дворянина Прокофья Петровича и ото всей земли, казанцы воинъ Левашовъ да Семень Пелепелицынъ; а въ грамотахъ во всѣхъ писано, чтобъ имъ быти со всею землею въ любви и въ совѣтѣ и въ соединенѣ, а собравъ бы казанскихъ ратныхъ людей, итти подъ Москву въ сходъ къ бояромъ, и къ воеводамъ, и ко всей земли, очищать Московское государьство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей: и они де бояринъ, и воевода, и дѣки, и дворяне и вся земля Казанского государьства, и въ Свіяжскомъ, и въ Чебоксарѣхъ, и во всѣхъ понизовыхъ городѣхъ, приказные и служилые, и жилецкіе всякіе люди, по записи, которая къ нимъ прислана изъ полковъ и ото вся земли, крестъ цѣловали на томъ, что имъ быти со всею землею въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединенѣ, и противъ враговъ, разорителей вѣры христьянскія, польскихъ и литовскихъ людей, со всею землею стояти заодно и итти въ сходъ подъ Москву къ бояромъ, и къ воеводамъ, и ко всей земли Московскаго государьства—Московское государьство очищать; а по которой они записи въ Казани, и въ Свіяжскомъ, и въ Чебоксарѣхъ, и во всѣхъ понизовыхъ городѣхъ, крестъ цѣловали, и они съ той записи и съ грамотъ, съ володимирскія, и съ ерославскія, и съ костромскія, и что прислана изъ полковъ изъ подъ Москвы отъ бояръ, и воеводъ и ото всей земли, списавъ списки прислали къ намъ, въ Пермь Великую, съ казанцомъ съ посадскимъ челоуѣкомъ съ Ортемьемъ Максимовымъ да съ пермитномъ съ Михайломъ Деметьевымъ; и намъ бы и всякимъ людямъ перскія земли по той записи крестъ цѣловати-жъ и быти-бъ съ ними въ совѣтѣ и въ соединенѣ.—И мы, господа, въ Перми Великой, въ Чердыни, тѣ всѣ грамоты во всемъ мирѣ чли и по той записи, которая къ намъ прислана изъ Казани, крестъ цѣловали, а уѣздныхъ людей приводимъ; а къ Соли къ Камской и къ Кайгородокъ отъ себя писали и списки съ грамотъ и съ цѣловальныя записи послали и крестъ имъ цѣловати велѣли; а къ вамъ, господа, для вѣстей, списавъ съ тѣхъ грамотъ и съ цѣловальныя записи списки, послали подъяея подъ сев отпискою, слово въ слово, июля въ 15 день».

Отписка изъ Соликамскихъ бумагъ.

Въ июлѣ же мѣсяцѣ послѣдовало возваніе въ Пермь архимандрита Троице-Сергіева монастыря Діонисія и келаря-Авраамія о немедленной присылкѣ ратныхъ людей и денежной казны на помощь воеводамъ, соединившимся для освобожденія Москвы отъ поляковъ.—

18 сентября пермичи отпиской къ казанцамъ сообщили о готовности жить съ ними въ мирѣ и союзѣ, содѣйствовать къ избавленію отечества отъ враговъ и избрать государя по совѣту всей земли. (Тамъ же, № 333).

Примѣчаніе. Приведемъ отписку: «Господамъ, Никонору Михайловичу, Степану Яковлевичу, и главамъ, и дворяномъ, дѣтемъ боярскимъ, и сотникомъ стрѣлецкимъ, и всякимъ

служилымъ и жилищнымъ людемъ Казанскаго государства, и княземъ, и мурзамъ, и служилымъ новокрещеномъ, и татаромъ, и чывашамъ, и черемисамъ, и вотякомъ, Иванъ Чесодановъ да Пятай Филатовъ, и Перми Великія посадкіе и уѣдныя всякіе жилищніе люди, челомъ быють. Въ нынѣшнемъ, господа, во 120 году, сентября въ 16-й день, писали вы къ намъ, съ анатамскимъ крестьяниномъ съ Степанкомъ Одревымъ, что митрополитъ, и вы, и всякіе служилые и жилищніе люди Казанскаго государства, сослалися съ Нижнимъ-Новымъ городомъ, и со всеми городами поволскими, и съ горными, и съ луговыми татарами, и съ луговою черемисою, на томъ, что вамъ быти всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеніи, и за Московское и за Казанское государство стояти, и другъ друга не побивати, и не грабити, и дурна никакого ни надъ кѣмъ не учинити, а на Московское государство избрати государя всею землею Россійскія державы; а будетъ казаки учнутъ избирати на Московское государство государя, по своему изволенію, одни, не сослалися со всею землею, и намъ бы того государя на государство не хотѣти; а что наша мысль, и что у насъ какихъ вѣстей будетъ изъ Новгорода Великаго и изъ иныхъ изъ которыхъ городовъ, и намъ бы васъ безъ вѣсти не держати, писати-бы намъ къ вамъ про тѣ вѣсти почаству; а что у васъ про Московское государство какихъ вѣстей будетъ, и вы о томъ учнете къ намъ писати потому-жъ, и въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединеніи съ нами быти ради, и за истинную христіанскую вѣру, на разорителей нашихъ христіанскія вѣры, на польскихъ и на литовскихъ людей и на русскихъ воровъ, съ нами стояти готовы.—И мы, господа, отписку вашу въ Перми Великой чли во весь міръ многожда, и въ пермскіе пригороды, списавъ, послати списки тотчасъ, и въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединеніи съ вами быти и за православную христіанскую вѣру стояти ради, и о добромъ совѣтѣ о православной христіанской вѣры мы съ вами одномысленны. А вѣстей, господа, у насъ изъ Новгорода Великаго, и съ Вологды, и съ Устюга Великаго, ни изъ иныхъ ни изъ которыхъ городовъ нѣтъ никакихъ; а впередъ, господа, какія у насъ вѣсти будутъ, и мы къ вамъ о томъ учнемъ писати; а вамъ бы насъ безъ вѣсти не держати-жъ про Московское государство, или изъ которыхъ изъ иныхъ городовъ про вѣсти писати къ намъ почаству. А съ сего отпискою посыльщика вашего Степанка Одрева, давъ ему судно и гробовъ, въ Перми отпустили къ вамъ, въ Казань, сентября въ 18 день».

Черновой отпускъ писанъ столбцомъ, на трехъ листкахъ, съ помарками, безъ скрѣпы.—Изъ Соликамскаго уѣднаго архива.

1612 годъ.

Верхотурскимъ воеводой былъ Стефанъ Годуновъ и Дмитрій Петровичъ Пожарскій.

Въ церковь Похвалы Богородицы, что въ Орлѣ городѣ, именитымъ челомъкомъ Никитомъ Григорьевичемъ Строгановымъ, сдѣланъ прикладъ—уставъ, печатанный въ Москвѣ въ 1607 году, съ надписью: „Лѣта 7120, мѣсяца марта въ 23 день, сія книга уставъ—домовой церковной, Всемирнаго Воздвиженія Честнаго и животворящаго креста Господня и Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея похвалы придѣловъ Ея въ городѣ на устьѣ на Орлѣ, ниже Великія Перми, что надъ Камою рѣкою, на устьѣ Яйвы рѣки, положеніе Никиты Григорьевича Строганова въ своей отчинѣ.“

26 мая приказано верхотурскимъ воеводамъ Годунову и Плещееву взыскивать съ торговыхъ людей деньги и хлѣбныя запасы на жалованье сибирскимъ служилымъ людямъ. (Ак. ист. т. II, № 337).

Примѣчаніе. Приведемъ грамоту: «Въ Сибирь, на Верхотурье, воеводамъ, господамъ Степану Степановичю Годунову да Ивану Михайловичю Плещееву, бояре и воеводы и Дмитрей Пожарской съ товарищи, челомъ бысть. Въ прошлыхъ, господа, годахъ, по Московскому указу, велѣно послати въ Сибирскіе города, служивымъ людемъ на жалованье, деньги и хлѣбъ, съ городовъ, съ Перми Великой, съ Вятки, съ Устюга Великого, съ Соли съ Вычегодской, съ Выми; и изъ Сибирскихъ городовъ писали воеводы и головы, что въ сибирскіе города, на прошлые на 118 и на 119 годъ, съ Вятки и съ Выми и съ Устюга Великого и съ Соли съ Вычегодской приказные и посадккіе всякіе люди денегъ и хлѣбныхъ запасовъ ничего не присылывали. А нынѣ, по указу всей земли, на нынѣшней на 120 годъ, Сибирскихъ городовъ служивымъ людемъ на жалованье деньги и хлѣбъ велѣно послати съ Перми, съ Вятки, съ Соли Вычегодской, по указной росписи.—И какъ, господа, къ вамъ ся грамота придетъ, а изъ тѣхъ городовъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ, въ Сибирь, на Верхотурье, на нынѣшней на 120 годъ, приказные и посадккіе и всякіе жилацкіе люди только на Верхотурье не пришлютъ, а учнутъ тѣхъ городовъ всякіе торговые люди прѣзжати къ вамъ, на Верхотурье, со всякими товарами: и вамъ-бы, господа, тѣхъ городовъ торговыхъ всякихъ людей велѣти имать, и тѣ деньги и хлѣбные запасы велѣти на нихъ доправити, по указной росписи, какова къ вамъ послана за приписью дѣла Семена Головина; а доправа тѣ деньги и хлѣбные запасы, посылали-бы есте въ Тобольской городъ. А въ Пермь Великую, къ Ивану Чемоданову да къ подъячему къ Платому Филатову писано-жь, а велѣно имъ: изъ которыхъ городовъ хлѣбныхъ запасовъ въ Сибирь, на Верхотурье, по указной росписи не пошлютъ, и тѣхъ городовъ торговыхъ людей, которые учнутъ къ нимъ, въ Пермь, прѣзжати со всякими товарами, имая давати на ярѣжкія поруки, и тѣ хлѣбные запасы и деньги, доправа на нихъ, отсылати къ вамъ, на Верхотурье. Да что съ которого города и на комъ иманемъ, на торговыхъ людяхъ сколько денегъ и хлѣбныхъ запасовъ, порознь, доправите на Верхотурье, и что пришлютъ къ вамъ, доправа, денегъ и хлѣба изъ Перми Великой, и какъ тѣ деньги и хлѣбъ пошлете въ Тобольской: и вамъ-бы, господа, о томъ о всемъ подлинно отписать къ вамъ, въ полки, чтобъ вамъ про то было вѣдомо.» Писанъ въ Ярославлѣ, лѣта 7120, мая въ 26 день.

Подлинникъ писанъ столбцомъ, на двухъ склеенныхъ листкахъ, съ скрпкою по склейкѣ: Дѣякъ Семенъ Головинъ. Былъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ же надпись: Въ Сибирь, на Верхотурье, воеводамъ, господамъ Степану Степановичю Годунову да Ивану Михайловичю Плещееву; тамъ-же пометка: 121 декабря въ 14 день привезъ грамоту тобольской стрѣлецъ Илья Теляковъ.—Вѣтъ.—Изъ архива Верхотурскаго уѣзднаго суда.

„Въ Верхотурскомъ уѣздѣ, была измѣна и шатость отъ вогуличъ, которые хотѣли городъ сжечь и служивыхъ людей убити, и умыслили чтобы имъ быти себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ царѣ.“ Для раскрытія дѣла охотою пошелъ въ вогульскія юрты верхотурскій казакъ Данилко, который измѣнниковъ сотниковъ вогульскихъ привелъ въ покорность.

Въ этомъ году была измѣна вогульская въ Пелымѣ, почему Пелымскій воевода Федоръ Годуновъ просилъ у чердынскаго—Нащевина послать ему помощь не только людьми, но и хлѣбнымъ запасомъ.—Измѣна и шатость между вишерскими, верхотурскими и пелымскими вогуличами произошла отъ того, „яко-бы ихъ къ военной службѣ хотять принуждать и въ Москву посылать, для усмиренія мятежей“.

Конецъ перваго періода.

~~500~~

$$\frac{160}{2}$$

3 2044 020 109 955

**THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.**

~~WIDENER
SEP 10 1993
BOOK DUE~~